ISSN 1561-7793

ВЕСТНИК
Томского государственного университета

2022. № 479. Июнь

- ФИЛОЛОГИЯ
- ФИЛОСОФИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- PHILOSOPHY
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2022. № 479. June

Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

16+

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель); **И.В. Ивонин**, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя); **В.В. Демин**, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя); **Н.А. Глущенко**, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь); **В.Н. Берцун**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.; **С.Н. Воробьев**, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**, д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук, проф.; **Д.А. Катунин**, канд. филол. наук, доц.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**, канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ; **А.И. Потекаев**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.; **Ю.Г. Слижов**, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор Издательства ТГУ; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук, проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьянин**, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

EDITORIAL COUNCIL OF TOMSK STATE UNIVERSITY

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman); **I. Ivonin**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor (Vice Chairman); **N. Glushchenko,** PhD in History, Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering, Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**, Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology; **V. Zinoviev**, Dr. of History, Professor; **D. Katunin,** PhD in Philology, Associate Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy, Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor; **O. Petrin**, Head of Tomsk State University Publishing House; **T. Portnova**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Director of Scientific and Technical Literature Publishing House; **A. Potekaev**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry, Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr. of Physics and Mathematics, Professor, **E. Chernyak**, Dr. of History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor
Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Мультидисциплинарный научный журнал

№ 479 Июнь 2022

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

Multidisciplinary research journal

№ 479 June 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Ажель Ю.П. «Имперский код» романа Бенджамина Дизраэли «Tancred: or, the New Crusade» в русском переводе XIX в. 5
Аристова (Тинникова) А.С. Петербургский текст и петербургский миф русской литературы в историософских произведениях М.А. Волошина 21
Белоусова Е.Г. «Авиатор» Е. Водолазкина в свете набоковской традиции 33
Березкина С.В. Театральные замыслы молодого Дмитрия Блудова (по неопубликованным письмам к В.А. Жуковскому 1802–1804 гг.) 41
Большев А.О. Альтернативность или неизбежность? (К вопросу об историософии А. Солженицына) 50

ФИЛОСОФИЯ

Гиренок Ф.И. Теория двух сенсориумов и проблема аутизма 58
Сыров В.Н., Сединин Я.А. Две парадигмы биополитики: перспективы возможного синтеза концепций М. Фуко и Дж. Агамбена 63

ИСТОРИЯ

Агеев И.А., Агеева В.В. Транспортный коллапс 1904–1905 гг. в Сибири: отражение в периодической печати 74
Атдаев С.Дж. Туркменский чабан – персона многогранная 84
Бурнаков В.А. Конь в традиционной похоронной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX в.) 89
Васина Т.А. Население Залазнинских заводов в конце XIX в. по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. 100
Конев К.А. «…Принять меры для воспрепятствования этой разлагающей работы»: Христианский союз молодых людей в восприятии Правительства А.В. Колчака 110
Коньков Д.С. Анализ дискурса позднеантичных и раннесредневековых источников: методы и перспективы 119
Костылева Е.Н. Оценка состояния помещичьих хозяйств Рязанской губернии гласными Сельскохозяйственной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России в 1872–1873 гг. 129
Ли Л. Влияние Китайско-Восточной железной дороги на развитие сельского хозяйства на Северо-Востоке Китая 139
Медведев В.Г. Государственное регулирование торговли и снабжения на восточных территориях «белой» России в годы гражданской войны 145
Слепцов С.С., Слепцова С.С., Андреев М.Н. Проказа в Колымском округе Якутии (исторический обзор) 158
Федотова И.В. Образ М.Н. Тухачевского в советской англоязычной прессе (по материалам изданий The Moscow News и The Moscow Daily News) 169
Хисамутдинов А.А., Хисамутдинова Н.В. Лев Арнольдов: журналист, мемуарист, китаевед 181

CONTENTS

PHILOLOGY

Azhel Yu.P. The “imperial code” of the novel *Tancred; or, The New Crusade* by Benjamin Disraeli in the Russian translation of the 19th century 5
Aristova (Tinnikova) A.S. The Petersburg text and the Petersburg myth of Russian literature in historiosophical works of Maximilian Voloshin 21
Belousova E.G. *The Aviator* by Eugene Vodolazkin in relation to the Nabokovian tradition 33
Berezkina S.V. Theatrical plans of young Dmitry Bludov (based on unpublished letters of 1802–1804 to Vasily Zhukovsky) 41
Bolshev A.O. Alternative or inevitable? (On Aleksandr Solzhenitsyn’s historiosophy) 50

PHILOSOPHY

Girenok F.I. The theory of two sensoriums and the problem of autism 58
Syrov V.N., Sedinin Ya.A. Two paradigms of biopolitics: Prospects for a possible synthesis of the concepts of Michel Foucault and Grigorio Agamben 63

HISTORY

Ageev I.A., Ageeva V.V. Transport collapse in Siberia in 1904–1905: Reflection in periodicals 74
Atdaev S.J. Turkmen shepherd is a multifaceted person 84
Burnakov V.A. A horse in the traditional funeral rites of the Khakas (late 19th – mid-20th centuries) 89
Vasina T.A. The population of the Zalazna factories at the end of the 19th century in the documents of the First General Census of the Russian Empire in 1897 100
Konev K.A. “… To take measures to prevent this corrupting work”: The Young Men’s Christian Association in the perception of Kolchak’s government 110
Konkov D.S. Discourse analysis methods: Applicability to the research of late antique and early medieval texts 119
Kostyleva E.N. Assessment of the condition of landowner economies in Ryazan Province by the members of the Commission for the Exploration of the Current Situation of Agriculture and Agricultural Productivity in Russia in 1872–1873 129
Li L. Chinese Eastern Railway: Influence on the development of agriculture in Northeast China 139
Medvedev V.G. State regulation of trade and supply in the eastern territories of the “White” Russia during the Civil War 145
Sleptsov S.S., Sleptsova S.S., Andreev M.N. Leprosy in Kolyma Okrug of Yakutia (A historical review) 158
Fedotova I.V. The image of Mikhail Tukhachevsky in the Soviet English-language periodicals (On the material of newspapers *The Moscow News* and *The Moscow Daily News*) 169
Khisamutdinov A.A., Khisamutdinova N.V. Lev Arnoldov: A journalist, memoirist, and Sinologist 181

ПЕДАГОГИКА

Агафонова Л.И., Хахалина М.С., Лагутина А.А., Павлова О.Н. Разработка адаптированных электронных учебных курсов по иностранному языку для слепых и слабовидящих студентов педагогического вуза 189
Белякова Е.Г., Быков С.А., Землянова М.П., Муравьева Н.Г. Восприятие студентами возможностей цифровых технологий в вузовском обучении 199
Вострякова Н.А. Речь современной эпохи в учебнике РКИ как условие успешного диалога культур 213
Погребная И.А., Михайлова С.В. Обоснование и апробация технологии проектирования компетентностного профиля современного специалиста технических направлений 226
Романова С.П. Реализация модели развития массового спорта: опыт работы по созданию дворовых лиг по керлингу 233

PEDAGOGICS

Agafonova L.I., Khakhalina M.S., Lagutina A.A., Pavlova O.N. Development of adapted electronic foreign language learning courses for blind and visually impaired students of a pedagogical university 189
Belyakova E.G., Bykov S.A., Zemlyanova M.P., Muraveva N.G. Students' perception of digital opportunities in university education 199
Vostryakova N.A. Speech of the modern era in an RFL textbook as a condition for a successful dialogue of cultures 213
Pogrebnaya I.A., Mikhailova S.V. Substantiation and approbation of the technology for designing the competence profile of a modern specialist in technical areas 226
Romanova S.P. Implementation of the mass sports development model: Experience in creating courtyard curling leagues 233

ПРАВО

Бабурин В.В., Нечепуренко А.А. Проблемы уголовно-правового регулирования необходимой обороны как разновидности уголовно-правового деяния 239
Долгиева М.М. Вопросы уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств в криптовалюте 247
Писаревская Е.А. К вопросу о количественных 27 и качественных показателях преступности несовершеннолетних в современной России 252
Соколова О.В., Абросимова Е.А. Частные медицинские организации: вопросы регистрации, лицензирования и гражданско-правового положения при оказании медицинской помощи и медицинских услуг 258
Хаминов Д.В. Администрирование и нормативное регулирование советской системой общего, среднего и высшего образования в контексте государственной политики и идеологии в СССР (историко-правовой аспект) 273

LAW

Baburin V.V., Nechepurenko A.A. Problems of criminal law regulation of necessary defense as a type of criminal act 239
Dolgieva M.M. Issues of criminal liability for organizing activities to attract funds in cryptocurrency 247
Pisarevskaia E.A. On quantitative and qualitative indicators of juvenile delinquency in modern Russia 252
Sokolova O.V., Abrosimova E.A. Special aspects of private medical entity status as to registration, licensing and medical services 258
Khaminov D.V. Administration and regulation of the Soviet system of general, secondary and higher education in the context of state policy and ideology in the USSR (A historical and legal aspect) 273

Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 5–20
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2022. 479. pp. 5–20

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.111
doi: 10.17223/15617793/479/1

«Имперский код» романа Бенджамина Дизраэли «Tancred; or, The New Crusade» в русском переводе XIX в.

Юлия Петровна Ажель [1]

[1] *Томский политехнический университет, Томск, Россия, azhel81@yandex.ru*

Аннотация. Описаны жанровые особенности политического романа викторианского писателя Бенджамина Дизраэли, одного из основоположников данной жанровой модели в мировой литературе, и обозначены причины интереса к его роману «Tancred; or, The New Crusade» в России во второй половине XIX в. Проанализированы художественные особенности русского перевода романа «Танкред, или Новый крестовый поход» и выявлена специфика переводческой рецепции в России в контексте историко-культурной ситуации второй половины XIX в., что до сих пор не становилось предметом изучения как отечественных, так и зарубежных литературоведов.

Ключевые слова: Бенджамин Дизраэли, политический роман, викторианская литература, империя, поэтика, переводческая рецепция, жанровые особенности

Для цитирования: Ажель Ю.П. «Имперский код» романа Бенджамина Дизраэли «Tancred; or, The New Crusade» в русском переводе XIX в. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 5–20. doi: 10.17223/15617793/479/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/1

The “imperial code” of the novel *Tancred; or, The New Crusade* by Benjamin Disraeli in the Russian translation of the 19th century

Yuliya P. Azhel[1]

[1] *National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation, azhel81@yandex.ru*

Abstract. The article focuses on the translation reception of the political novel *Tancred; or, The New Crusade* by Benjamin Disraeli in Russia in the second half of the 19th century. In spite of the fact that Disraeli’s popularity was not as great as that of Charles Dickens and William Makepeace Thackeray, he was one of the founders of the political fiction genre, thus enriching the Victorian literature of the 19th century. The novel under study laid the foundation for that genre model not only in Great Britain, but also abroad. The Russian translation of Disraeli’s novel called “Tankred” [Tancred] is analyzed in the article in regards to the development of the British Empire in the 1870s. The research is based on the translation version published in the magazine *Zhurnal romanov i povestey* [Magazine of Novels and Short Stories], a literary supplement to the *Nedelya* [Week] newspaper, in 1878, 30 years after the publication of the original in England. The article analyzes the specifics of the novel’s reception in Russia in the context of Disraeli’s politics during the 1860s–1870s. As a consequence of the Berlin Congress in 1878, the political novel *Tancred; or, The New Crusade* was perceived as a prophetic work due to the implementation of Disraeli’s political plans described in the novel. The plot was associated with the idea of Disraeli-politician to establish the British Empire both in the West and in the East. So the attention of Russian critics and readers to the novel in the second half of the 19th century can be explained by the requirements of Russian literary processes of that time as well as by the political and social conditions. The given research is of importance in terms of translation reception as the translation reveals not only the translator’s attitude to the original work and its author, but also the peculiarities in the reception of foreign literature by the Russian reader at a definite historical period of time. The comparison of the translation and the original has shown that the translation reception of the novel was mainly determined by the context of popular literature and adapted to the Russian environment. The chosen translation strategy based on the readers’ “horizon of expectation” and Disraeli’s literary reputation was aimed at conveying the political context of the novel focusing on the issues of the British Empire, thus neglecting the philosophical and religious aspects, which results in a considerable semantic compression of the original. The translation is also characterized by loose handling of the original text and introduction of Russicisms used to achieve the mentioned aims. Nevertheless, the analysis has demonstrated that the translation, for all its differences from the original, sets the stage for the genre model of the political novel in Russia and renders the key elements of Disraeli’s poetics into the Russian language.

Keywords: Benjamin Disraeli, political novel, Victorian literature, empire, poetic style, translation reception, genre peculiarities

© Ажель Ю.П., 2022

***For citation*:** Azhel**,** Yu.P. (2022) The “imperial code” of the novel *Tancred; or, The New Crusade* by Benjamin Disraeli in the Russian translation of the 19th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 5–20. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/1

На сегодняшний день проблема переводческой рецепции романов английских писателей XIX в. становится весьма актуальной в ситуации обостренного внимания к вопросам межкультурного диалога. Если произведения классиков викторианской эпохи достаточно хорошо изучены и освещены в научных трудах, то творчество английского романиста Бенджамина Дизраэли (1804–1881) мало известно современным читателям, несмотря на то что его литературное наследие неизменно привлекает внимание критиков, литературоведов, историков и ориенталистов из разных стран.

Стоит отметить, что место Дизраэли-писателя в литературном процессе Англии XIX в. весьма неоднозначно. Несмотря на то, что викторианский автор являлся популярным представителем жанра «фешенебельного» романа и «отцом» европейского политического романа [1. С. 35], он воспринимался современными критиками и читательской аудиторией как писатель «второго» ряда [2. С. 99]. Это объясняется, прежде всего, тем, что, для романиста литературное творчество было лишь ступенью, приближающей его к политической власти, и он намеренно «беллетризовал» свои произведения, прокладывая с их помощью путь к широкой читательской аудитории [3. С. 2].

В своих ранних сочинениях Б. Дизраэли, остро нуждающийся в деньгах, отдал дань востребованной в 20–30-е гг. XIX в. тематике «салонных» романов и мастерски развил сложившиеся в рамках данного жанра шаблоны и «формулы». В 40-х гг. XIX в. викторианский писатель стал первооткрывателем новых решений, обратившись к общественно-политической обстановке Англии как к современному и актуальному материалу. Роман как самый популярный жанр английской литературы, «достигший вершины своего развития и как эстетическая форма, и как интеллектуальный голос общества» был использован лидером партии «Молодая Англия» Б. Дизраэли для изложения его политических взглядов [1. С. 81]. Новаторство писателя заключалось в том, что он впервые сделал предметом художественного изображения идеи, определявшие викторианскую интеллектуальную атмосферу 40-х гг. XIX в., и заложил, таким образом, основы для последующего становления жанра политического романа не только в Англии, но и за рубежом.

Особенность романистики английского автора сводится к тому, что «путь Дизраэли-писателя неотделим от пути к власти и славе Дизраэли-политика», а привлекательность его произведений для исследователей и читателей заключается в возможности «с помощью романиста и оратора Бенджамина Дизраэли изучить государственного человека, лорда Биконсфильда» и пролить свет на проводимую им политику» [4. С. 1]. Воплощением наиболее тесного взаимопроникновения литературы и политики является социально-политическая трилогия Б. Дизраэли 40-х гг., часто именуемая «манифестом партии “Молодая Англия”» [5. С. 51]. По мнению теоретиков и историков жанра, «всякое событие и всякий герой» в политических романах Б. Дизраэли «лишены многомерности, многоплановости», поскольку писатель акцентирует свое внимание на «авторском задании» и политической сути описываемого [1. С. 115]. Беллетристический корпус «зрелой» литературы Б. Дизраэли характеризуется злободневностью и замкнутостью на «сиюминутном настоящем» и представляет собой, по большому счету, «художественную реализацию программных установок Б. Дизраэли-политика» [1. С. 108].

Необходимо подчеркнуть, что в рамках литературоведения любой текст представляет собой совокупность кодов, под которыми понимают «ассоциативное поле, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре», «конкретную форму уже виденного, уже читанного, уже деланного, конституирующего всякое письмо» [5]. Понятие «литературный код» получило широкое распространение в литературоведении в 1950–1960-е гг. в связи с развитием структурно-семиотического подхода к произведению с перенесением на художественную литературу дихотомий языка и речи, синхронии и диахронии [6. С. 17]. По Р. Барту, чтение текста – это «путешествие сквозь коды», позволяющее обнаружить «проайретический», «семантический», «символический», «герменевтический», а также «культурный» коды произведения, функции которых сводятся к «конденсации культурной памяти» и «генерации новых смыслов» [6. С. 17]. Тексты, созданные Дизраэли, также подобны неким сообщениям, конкретной реализации знаковой системы, которую можно назвать кодом. Среди многих кодов, выявляемых в романах викторианского писателя, особое значение имеет «имперский код», подразумевающий мышление в глобальных категориях свободного перемещения людей, финансов, товаров и услуг, просвещенческий мессианизм, снисходительное отношение к другим народам и ощущение англосаксонской исключительности. Роман «Танкред, или Новый Крестовый Поход» (1847) в полной мере отражает имперский менталитет и амбиции писателя, воплотившиеся впоследствии в войне в Афганистане, «приобретении» акций Суэцкого канала, захвате Кипра и многом другом, что дало основание историкам закрепить за Дизраэли статус «отца империализма». «Имперский код» романа «Танкред…» реализуется писателем на всех уровнях поэтики произведения: в теме взаимоотношений Великобритании и Востока, топосе «имперского» романа, представляющего собой путешествие по дальним странам, мотиве поиска истины.

Опираясь на классификацию В.Е. Хализева, политические сочинения Б. Дизраэли можно отнести к серьезно-проблемной ветви художественной беллетри-

стики, включающей в себя «круг произведений, обсуждающих проблемы своей страны и эпохи, отвечающие духовным и интеллектуальным запросам современников, а иногда и потомков» [6. С. 153]. Чтобы упростить читателям восприятие сложного социального, религиозного и философского содержания своих романов, Дизраэли остается верен традиции литературы «серебряной ложки» и в своих политических произведениях по-прежнему прибегает к использованию прототипов реальных персонажей, описаний светских раутов, любовных приключений, обязательного хэппи-энда и пр. Тем не менее, несмотря на наличие определенных шаблонов, «зрелые» романы викторианского писателя, несомненно, обладают собственной художественной ценностью, так как затрагивают те пласты проблематики и поэтики, которые впоследствии будут востребованы высокой литературой по всему миру. Не зря французский ученый Р. Мэтр, один из первых биографов Дизраэли, так отзывается о литературном наследии английского писателя: «Место Дизраэли-романиста, конечно, не в первом ряду. Но он, может быть, единственный представитель политического романа, и его творчество обладает рядом качеств, которые позволяют назвать его “блестящим вторым” сразу после великих художников его века» [7. С. 8].

Наибольший интерес как для историков, так и для литературоведов по сей день представляют произведения «младоанглийской» трилогии, отражающие сложные философские размышления Б. Дизраэли о политике, обществе и религии. Исследованию романов «Конингсби, или Новое поколение» (1844), «Сибилла, или Две нации» (1845), «Танкред, или Новый крестовый поход» (1847) посвящено большое количество работ в западном литературоведении. Специфике «младоанглийских» романов уделили внимание такие авторитетные ученые, как Г. Брандес (1878), У. Монипенни (1910, 1912), Дж. Бакл (1926), А. Моруа (1927), Р. Мэтр (1963), Р. Блэйк (1966), Р. Шварц (1979), Т. Браун (1981), С. Брэдфорд (1982), Ф. Левис (1993), А. Кирш (2016) и др. В отечественном литературоведении романы трилогии не столь широко изучены; пристальное внимание исследователей обращено, как правило, на политическую деятельность и биографию Б. Дизраэли, в то время как анализ его литературного наследия носит чаще всего общий характер. Исключение составляют работы В.В. Ивашевой (1974), Ф.И. Мороза (1976), В.Г. Трухановского (1993), Б.М. Проскурнина (2000), Е.В. Ермаковой (2016), И.А. Матвеенко (2019).

Активный интерес русской литературы 1840-х гг. к эстетике и поэтике романного жанра способствовал тому, что «младоанглийские» сочинения Б. Дизраэли читались в подлиннике и активно обсуждались на страницах периодических изданий сразу после их публикации в Англии [8. С. 86–93]. Тем не менее на русский язык при жизни писателя было переведено лишь заключительное произведение трилогии «Tancred; or, The New Crusade» («Танкред, или Новый крестовый поход») в 1878 г., спустя почти тридцать лет после появления романа. Целью данного исследования является выявление причины обращения к вышеупомянутому произведению Б. Дизраэли в России и осмысление передачи «имперского» кода его романа в русском переводе XIX в., что обусловлено интересом современного литературоведения к проблемам компаративистики, рецептивной эстетики и межкультурного диалога. Методология данной работы сочетает принципы историко-литературного, культурно-исторического, сравнительно-сопоставительного и сравнительно-исторического методов анализа. Для изучения передачи «имперского кода» романа Дизраэли используются метод контент-анализа и метод литературной герменевтики, призванные проследить реализацию и интерпретацию «имперского кода» в переводной версии романа. Актуальность исследования определяется впервые предпринятым как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении изучением рецепции романа «младоанглийской» трилогии «Танкред, или Новый крестовый поход» в России 1870-х гг.

Более века прошло со дня смерти выдающегося британского политического деятеля Б. Дизраэли, однако проводимая им политика империализма не только не прекратила свое существование, но и, значительно трансформировавшись, приобрела на сегодняшний день «новую актуальность и способность прояснять многие социокультурные процессы современности» [9. С. 173]. В настоящее время, когда империй и колоний в классическом историко-политологическом понимании уже не существует, одни страны продолжают оказывать сильное воздействие на другие, действуя посредством культурного доминирования, названного Э. Саидом, а затем и Г. Мюнклером «культурным империализмом» [10. С. 172]. Сложившаяся в мире ситуация во многом объясняет востребованность в качестве объекта исследования заключительного романа «младоанглийской» трилогии «Tancred; or, The New Crusade» (1847), олицетворяющего неординарное отношение Б. Дизраэли к вопросам империи.

«Имперский код» Б. Дизраэли, заложенный в романе «Tancred; or, The New Crusade», усматривается в умозрениях главного героя по поводу взаимоотношений Англии и Востока. При этом он не сводится только к аллюзиям на имперские идеалы Дизраэли, а образует важный фон повествования. Продолжая традицию первых произведений трилогии, главным героем-идеологом романа становится молодой британский аристократ, вступающий в общественную жизнь. Однако если первые романы отражают оптимизм раннего политического мировоззрения Б. Дизраэли, суть которого сводится к тому, что честные, бескорыстные молодые люди на позициях власти способны решить проблему коррумпированного, некомпетентного английского парламента, то на момент написания заключительного произведения политическая программа Б. Дизраэли претерпевает значительные изменения. Дизраэли-политик осознает, что социальные проблемы викторианского общества 40-х гг. XIX в. слишком сложны, чтобы поддаваться каким-либо классическим либеральным решениям, поэтому его герой, разочарованный в духовных ценностях и религиозных

институтах викторианской Англии, совершает паломничество на Восток, к Гробу Господню, чтобы постичь «Великую Азиатскую тайну», испытать божественное откровение и получить ответы на свои вопросы. По наблюдениям зарубежных исследователей, викторианские писатели «представляли неевропейскую часть мира в следующем свете: как места возмужания или возрождения, где юноши могли открыть <…> свою состоявшуюся мужскую сущность» [11. С. 15–16].

В основу «имперского кода» романа «Tancred; or, The New Crusade» положены взгляды Дизраэли-политика, будущего основателя Британской империи, «безусловного мирового доминанта» [9. С. 29]. Многочисленные религиозные диспуты и международные политические проекты, в значительной степени отражающие политику Дизраэли по «восточному вопросу», составляют большую часть сочинения, а второе название романа, «the New Crusade» («Новый крестовый поход»), символизирует его основную направленность.

В заключительном романе трилогии Б. Дизраэли развивает идею «нового торизма», направленную на превращение страны в одну коммуну, в которой «каждый будет делать свое дело во благо общего процветания этой общины, где будет существовать социальная сплоченность в условиях устойчивого морального порядка» [13. P. 104]. Важную роль в реализации политических идеалов писателя играет церковь, так как ее духовное лидерство является залогом того, что народ может осознать себя «единой нацией» и перестанет быть «толпой» [13. P. 51]. Но если в первых произведениях трилогии Б. Дизраэли всячески отстаивает могущество христианства, то в «Tancred; or, The New Crusade» писатель несколько отходит от своей позиции, принимая во внимание изменившуюся в стране обстановку. Англия становится империей, под флагом которой собираются народы, не объединенные общей религией. В связи с этим взгляды писателя на христианство претерпевают значительные изменения, для него становятся возможными специфические, переходные формы религии, обретение «некой» веры, синтезирующей христианские, иудейские и мусульманские нравственные идеи [5. С. 53].

Фабульный ряд романа ослаблен из-за многочисленных отступлений на религиозные и философские темы, призванные, прежде всего, «задать политико-идеологические параметры, в которых действуют герои» [1. С. 74]. В основе жанровой структуры произведения «Tancred; or, The New Crusade» лежит модель романа воспитания, «обрастающая» вариациями политического, нравоописательного, исторического романа и романа-путешествия. В рамках имперского подхода, согласно которому «апелляция к прошлому – одна из самых распространенных стратегий в интерпретации настоящего» [9. С. 31], Б. Дизраэли пытается доказать, что «прошлое объясняет настоящее и дает возможность предвидеть будущее», «смело увязывая историю духовных поисков отдельной личности с историей всего человечества» и призывая, таким образом, европейцев обратиться к своим истокам [7. С. 139].

По общему признанию рецензентов романа «Tancred; or, The New Crusade», произведение распадается на две отдельные части: «английскую» и «восточную», которые «плохо согласуются друг с другом» [12. С. 98]. Тем не менее Б. Дизраэли не случайно переносит действие из Англии на Восток: это дает ему возможность противопоставить две цивилизации, чтобы в новом свете охарактеризовать европейскую действительность. Именно поэтому в первых двух книгах романа писатель дает развернутую картину лондонских аристократических кругов, которая служит своеобразным нравственным фоном эпохи. Несмотря на отчетливую литературную традицию жанра «фешенебельного» романа в «английской» части произведения, проявляющуюся в зарисовках из жизни света, персонажи и события представлены так, что становится очевидной проблема, волнующая писателя, бездуховность викторианского общества, потеря им ценностных ориентиров.

Образ Англии присутствует имплицитно и в последующих четырех книгах, возникая то в авторских отступлениях, то в высказываниях персонажей. Однако в «восточной» части произведения, где действие, согласно сюжету, переносится в Иерусалим, кардинально меняется авторский стиль изложения. Если «английская» часть романа во многом близка первым сочинениям трилогии, то ее «восточная» часть демонстрирует отступление писателя от реалистического метода в сторону романтической традиции. На первое место выходит авантюрный, рыцарский сюжет, разворачивающийся на чужом континенте на фоне подробных описаний восточных городов и пейзажей, традиций и жизненных укладов и сопровождающийся, в лучших традициях исторического романа, многочисленными встречами, приключениями и любовной историей главного героя.

Симптоматично, что роман «Tancred; or, The New Crusade», впервые опубликованный в 1847 г. лондонской типографией Генри Колберна, в целом, не встретил понимания у современников писателя. Историко-культурные и религиозно-философские обобщения Б. Дизраэли показались читательской аудитории слишком сложными и надуманными, вследствие чего роман долгое время считали «фантастическим, запутанным и хаотичным» произведением», «странной, смелой и неосторожной книгой» [14. P. 125], которая «редко читается и плохо понимается» [4. С. 153]. Некоторые рецензенты восприняли роман «Танкред» как «еврейские откровения» Б. Дизраэли, которому для воплощения честолюбивых политических замыслов нужно было разрушить сложившийся «отталкивающий английский стереотип еврея» и донести до читателя идею о величии еврейской нации [15. P. 110].

Проведенный анализ критической рецепции показал, что отношение отечественных рецензентов к романистике Б. Дизраэли на протяжении XIX в. менялось в зависимости от общих процессов, протекающих в русской литературе, господствующих идеологических взглядов, а также в силу его политической деятельности на международной арене. Всплески и падения ин-

тереса к творчеству английского писателя можно объяснить, применив концепцию Г.Р. Яусса, который утверждал, что «новый текст пробуждает в читателе горизонт ожиданий и правил, знакомых по более ранним текстам». Именно таким горизонтом ожиданий можно объяснить обращение русских критиков и переводчиков к текстам Дизраэли, их переиздание и повторный перевод на разных этапах культурного развития. Русские читатели по-разному интерпретировали как произведения английского автора, так и его личность, поскольку «истолкование текста в процессе рецепции всегда предполагает некий контекст опыта эстетического восприятия» [16. С. 195]. Знакомство с Дизраэли-писателем в русскоязычной культуре состоялось во второй половине 1840-х гг., когда в отечественной публицистике прослеживалась тенденция знакомить читателя с зарубежной литературой, а обращение русской критики к произведениям английских писателей было продиктовано потребностью восполнения лакун в становлении реализма и русского романа. Первая рецензия на «младоанглийскую трилогию» в целом и роман «Tancred; or, The New Crusade» в частности принадлежала перу русского критика В.В. Стасова и была опубликована в 1847 г. на страницах ведущего литературно-демократического журнала «Отечественные записки». Пытаясь объяснить причины популярности представителя английской беллетристики Дизраэли на родине, рецензент определяет жанр романа «Танкред» как «роман из большого света, да еще и политический» [17. С. 850–852], проводя при этом параллель произведений викторианского писателя с сочинениями массовой литературы. Основополагающими аспектами «младоанглийских» произведений Дизраэли критик называет утилитарность, злободневность и национальную специфичность, находя их чуждыми русской аудитории. Возможно, ввиду несформированности жанра социально-политического романа в России в 1840-е гг. Стасов не принимает «художественной политизации… «младоанглийской трилогии», считая романный жанр несовместимым с политической основой сюжета [18. С. 95]. Однако, рассматривая тему национального своеобразия английской беллетристики, Стасов приходит к выводу, что «по крайней мере у Дизраэли есть цель», в отличие от других викторианских писателей [17. С. 861].

С конца 1860-х гг. формирование литературной репутации писателя в России происходит в контексте его растущей популярности как политика, и акцент восприятия особенностей «младоанглийских» романов смещается с эстетических принципов в область идеологии. В 1868 г. Дизраэли становится главой консервативного правительства Англии, представляющей собой на тот момент «имперский класс более могущественный и более внушительный, чем все прочие» [9. С. 248]. Резонансная политическая деятельность лорда Биконсфильда, идущая вразрез с интересами нашей страны, приводит к падению его литературной репутации в России. При этом сохраняется неизменно высокий интерес к его персоне со стороны отечественной критики и читателей, о чем свидетельствуют многочисленные критические отзывы на страницах ведущих периодических изданий («Отечественные записки», «Русский вестник», «Вестник Европы» и др.) и газет. Несмотря на то что оценки творчеству Дизраэли даются рецензентами разных идейных направлений, их точки зрения на романистику писателя во многом совпадают. Романное наследие Дизраэли отечественные критики часто приравнивают к массовой литературе: «При всей своей политической деятельности Дизраэли не забывал и романов, которые должны были служить тому, чтобы поддерживать известность его имени и приобретать ему новую славу» [19. С. 335–357]. По мнению рецензентов, «по свойству своего таланта английский писатель не принадлежит к художникам», а «результат высокопарных возгласов Дизраэли о великом социальном вопросе сороковых годов в его политических романах ничтожен» [8. С. 93]. Отечественные обозреватели обвиняют Б. Дизраэли в чрезмерной назидательности и дидактичности, а успех его «слабых» в художественном отношении произведений видят в их политическом характере и умении отвечать на запросы времени [8. С. 93].

1878 г. стал знаменательным в политической судьбе Дизраэли, в очередной раз повлияв на восприятие образа и творчества писателя в России. Если до 1870 г. программа Дизраэли-политика была ориентирована не на расширение империи, а на то, чтобы «поощрять и поддерживать ее, защищать от распада», то после 1870 г. он сосредоточил все свое внимание на энергичной внешней политике. Защита Индии и борьба против конкурирующих держав, в частности России, привели Британскую империю к экспансии на Африку и на Ближний и Дальний Восток [9. С. 250]. Во время Русско-турецкой войны Дизраэли настаивал на участии Великобритании в военных действиях, а после ее окончания лорд Биконсфильд «выдвинул на сцену призрак захвата Россией всего Балканского полуострова» [15. С. 279]. Когда турки обратились к Англии за посредничеством, в январе 1878 г. Дизраэли послал английский флот в Дарданеллы и начал готовиться к войне с Россией в случае ее отказа от предлагаемых условий: созыв европейского конгресса в Берлине для обсуждения условий Сан-Стефанского мирного договора. По свидетельству исследователей, «в конце концов, балансирование на грани войны принесло Дизраэли успех: русские не стали пересекать Дарданеллы, и войну удалось предотвратить». Выступление Дизраэли на Берлинском конгрессе заставило князя Горчакова пойти на уступки Англии и, по мнению историков, в корне изменило план передела территорий: «”Большая Болгария”, замысленная Россией, была поделена на две части, и ее границы изменены в пользу Турции» [15. С. 279].

Выдающаяся речь Дизраэли на Берлинском конгрессе принесла ему небывалую популярность и заставила отечественных критиков в очередной раз обратить внимание на потенциально опасный идеологический объект и его «давно забытые политические романы», чтобы понять и донести до читателя содержащиеся там идеи: «…политика Дизраэли отличалась такими эффектными сюжетами, сценами, что в его романах, писанных 30–40 лет назад, естественно было

отыскивать разгадку этих эффектов, и в последних тогда стали видеть выполнение давно задуманного плана» [20. С. 436]. В частности, «имперский» код романа «Tancred; or, The New Crusade», репрезентированный союзом с аравитянами, маронитами, анзарами и другими в 1845 г., был воплощен в жизнь лордом Биконсфильдом спустя тридцать три года посредством союза с турками, захвата Кипра и ввода английских войск в Афганистан. Принимая во внимание тот факт, что восточное направление являлось приоритетным в политике Дизраэли, а его правительство активно поддерживало Османскую империю в противовес России, к роману «Tancred; or, The New Crusade» стали обращаться как к сложному и причудливому литературному выражению «имперской мечты» Б. Дизраэли установить Британское правление как на Востоке, так и на Западе. В сложившейся ситуации идея теократического равенства, провозглашенная главным героем романа, стала толковаться не как способствующая политической сплоченности Востока, а как ведущая к лишению его всякой самостоятельности – политической и религиозной, и превращению его в придаток Англии.

Резонансное выступление Б. Дизраэли на Берлинском конгрессе и воинственная политика Англии на Востоке послужили поводом для перевода на русский язык романа «Tancred; or, The New Crusade». К произведению, «возбудившему к себе наибольшее внимание благодаря неожиданному осуществлению некоторых содержащихся там политических прогнозов», стали относится как к своего рода провиденческому коду: «многое, что представлялось Дизраэли как греза, свершилось воочию» [19. С. 356]. Этому способствовала и традиция, сложившаяся в русской литературе второй половины XIX в., согласно которой «пророк 60-х был не поэтом (как в эпоху романтизма), а журналистом (“публицистом”) – роль, сочетавшая в себе литературного критика, популяризатора науки и общественного деятеля… поскольку в литературе видели максимально точное и прямое отображение действительности, мир литературы легко и охотно приравнивали к миру реальному. Не только реальные критики, но и их идеологические противники судили о вымышленных персонажах как о живых людях, а о литературных ситуациях – как о подлинных жизненных событиях» [21. С. 14].

Первый и единственный перевод романа «Tancred; or, The New Crusade» в России был опубликован типографией А.М. Котомина в «Журнале романов и повестей» (№ 8–10), бесплатном приложении к газете «Неделя», спустя всего два месяца после Берлинского конгресса. Подобная спешка была обусловлена высокой конкуренцией, связанной с активным развитием газетного дела в пореформенной России. Единственный владелец и руководитель «Недели» П.А. Гайдебуров был деятельным редактором, стремившимся максимально расширить круг авторов и читателей. В «Журнале романов и повестей» печатались в основном переводные романы; подбор художественных произведений был обусловлен тем, что читательская аудитория того времени ждала, по сути, не «художественности, а публицистичности и дидактичности, критики существующих порядков и изображения образцов для подражания» [22. С. 388]. Весь материал в газете был адаптирован для широкой аудитории, подавался завлекательно и доступно, чтобы «читатель начал читать, прочел, не отрываясь» и понял текст так, как запрограммировал его автор или переводчик [22. С. 19]. «Неделя» того времени являлась главным органом либерально-народнической прессы, имеющим политическую направленность. Ее целевой аудиторией была сформировавшаяся в течение пореформенного периода многочисленная читательская группа провинциальной интеллигенции (главным образом это были земские служащие – учителя, врачи и т.д.), для которых газета была чрезвычайно значимым средством преодоления культурного одиночества [23. С. 49].

Важной частью литературного процесса адаптации иностранных произведений выступали, безусловно, отечественные переводчики. Декодирование оригинальных иноязычных текстов являлось их важнейшей задачей, позволяющей читателю понять уникальные культурные особенности другой страны. Так, анонимный автор перевода романа «Tancred; or, The New Crusade» стал, своего рода, «соавтором» писателя, посредником между литературным произведением и его актуализацией в реальности русской действительности [21. С. 14]. При анализе перевода произведения Б. Дизраэли становится очевидной его попытка передать «имперский» код романа, сделав акцент на «восточной» части сочинения; подчеркнуть жанровую основу политического романа, чрезвычайно актуального для русской литературы конца 1870-х гг., сглаживая при этом религиозные и философские аспекты; адаптировать произведение для восприятия неподготовленным читателем на всех уровнях – стилевом, сюжетном и национально-культурном, тем более что сама переводческая норма тех лет допускала существенную переработку текста [24. С. 86]. Наиболее яркими образцами социально-политического романа на тот момент в России являлись произведения «Что делать?» Н.Г. Чернышевского (1863), «Отцы и дети» (1862), «Дым» (1867), «Новь» (1876) И.С. Тургенева, которые имели существенные отличия от романов Дизраэли, романтизирующих политические течения и создающих характеры прежде всего «по политическому срезу». Тем не менее налицо определенная типологическая общность отечественных социально-политических романов с переводной романистикой Дизраэли, принимая во внимание типологические особенности данного жанра, выделенные К.В. Алексеевым: «Главными признаками социально-полити-ческого произведения являются, во-первых, общественно-политическая цель, которую преследовал автор, создавая его, во-вторых, главная идея, которая должна иметь четкую социально-политическую направленность; в-третьих, какую роль сыграло или могло бы сыграть произведение в политической жизни общества. Причем лишь совокупность этих признаков может указывать на социально-политическую направленность» [25. С. 78]. В связи с этим не будет преувеличением сказать, что произведения викторианского писателя могли косвенно оказать влияние на становление русского политического романа, что, несомненно, требует проведения специального исследования.

В целом стратегия перевода романа «Tancred; or, The New Crusade», обусловленная литературной репутацией Дизраэли, сложившимся «горизонтом ожидания» [16. С. 195] и ориентацией на широкие читательские массы, нашла отражение в значительном сокращении объема оригинального текста и некотором упрощении его идейного содержания. В рамках осуществления заданной переводческой стратегии из всего пространства возможностей прочтения, заложенных в тексте, переводчик отбирал и реализовывал только те, которые способствовали передаче поэтики политического романа; там же, где текст оригинала не предполагал такого прочтения, он был подвержен значительной компрессии. Русская версия романа уместилась всего на 216 страницах и содержала 30 глав, что практически в три раза меньше оригинального текста. Переводчик сохранил деление на главы, но ввиду значительной компрессии авторские названия были утрачены. Перевод романа «Tancred; or, The New Crusade» выходил ежемесячно отдельными частями с августа по октябрь 1878 г., и именно в такой трактовке русский читатель имел возможность с ним ознакомиться.

Изменения коснулись и названия произведения. По замыслу писателя, раскрытие художественной аксиологии романа начинается, прежде всего, с его заглавия: «Tancred; or, The New Crusade», дословно переводимого как «Танкред, или Новый крестовый поход». Его символичная формулировка обращает на себя внимание многозначностью смысловых значений: контраст Запада и Востока; идея времени, выраженная через параллель с крестовыми походами XI–XIII вв. Основой художественной концепции романа являются последовательно изображаемые автором нравственные и философские метаморфозы, сопровождающие эволюцию политика нового образца, необходимого викторианской Англии XIX в. Понятие «крестоносец» актуализирует в произведении путь главного героя с момента его отказа от устоявшихся традиционных ценностей английского аристократического общества до создания и пропаганды новой политической программы по выходу из социально-политического кризиса.

Необходимо отметить, что в буржуазной и либерально-дворянской литературе первой половины XIX в. крестовые походы рассматривались с точки зрения коренного исторического сдвига, способствовавшего прогрессу цивилизации в Европе [7. С. 252], и именно такая роль отводилась писателем главному герою романа. Неслучаен выбор его имени. Танкред – историческое лицо, герой первого крестового похода, а также известный персонаж поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим» (1580) и романа В. Скотта «Граф Роберт Парижский» (1832), традиционно считающийся «рыцарем без страха и упрека», образцом благородства, бескорыстия и других добродетелей паладина [7. С. 258]. Наряду с этим в России поэтика названия «Танкред» ассоциировалась с героической оперой Дж. Россини «Танкред», поставленной по одноименной трагедии Вольтера и поэме Тассо «Освобожденный Иерусалим» в Петербурге в 1839 г., и картиной Пуссена на сюжет «Танкред и Эрминия», приобретенной для Эрмитажа в 1766 г.

В русской версии оригинальное название романа было редуцировано переводчиком до собственного имени главного героя «Танкред», нивелируя при этом целый культурно-исторический пласт и несколько нарушая когерентность всего произведения. С одной стороны, подобное решение переводчика вполне обоснованно: оно отвечало отечественным литературным тенденциям того времени и встраивало роман в русскую литературную традицию «вершинной ориентации» названия произведений («Евгений Онегин», «Обломов», «Рудин» и др.). С другой стороны, это привело к сужению смыслового потенциала заглавия, смещению смыслового акцента с масштабного характера проблемы до жизненных коллизий главного героя романа, прототипом которого, по признанию Дизраэли, был он сам.

Сосредоточенность автора русской версии на передаче «имперского» кода романа Дизраэли подтверждает предисловие, которым переводчик снабдил произведение. Его примечания, сопровождающие каждую часть русской версии романа, во многом проясняют выбранную переводческую стратегию и способствуют осмыслению данного произведения, прежде всего, через призму имперских амбиций автора: «*В романе мы встречаемся с отчетливыми указаниями: 1) на приобретение Англией Кипра, 2) на возведение английской королевы в сан индийской императрицы, 3) на вассальное подчинение английскому владычеству Сирии, Палестины и Малой Азии* [26. С. 3], и «провидческого» сочинения: *Такие указания в романе, написанном в 1846 году, тогда не обратили на себя внимание, а в 1876 году они обратились в осуществившиеся факты* [26. С. 3]. Кроме того, в комментариях переводчик доступно разъясняет читателю политическую программу лорда Биконсфильда относительно восточной политики, изложенной в «Танкреде», подчеркивая, что «восточный вопрос» составляет в ней один из параграфов «Великой азиатской тайны» [26. С. 149]. По мнению автора перевода, наибольший интерес в рамках трансляции «имперского кода» представляет третья книга романа, в которой «удачно очерчены» политическое и религиозное положение разнородных племен, подвластных Порте в Азии, и их взаимные отношения [26. С. 149]. Ценность переводимого текста состоит в том, что исторические факты и этнографические подробности, содержащиеся в романе, достоверны и соответствуют описаниям в сочинении Б. Дизраэли. Так как положение племен, обитающих в Азиатской Турции, не изменилось со времени написания романа, то именно на этих сведениях, «пригодных для разъяснения текущих событий в Сирии, Анатолии и Азии вообще», переводчик фокусирует свое внимание [26. С. 149].

В этом контексте становится очевидной интенция переводчика к значительной компрессии нравоописательного аспекта «английской» части романа, в которой он оставляет лишь важные, с его точки зрения, отрывки, в целом ограничиваясь пересказом сюжета своими словами. Описанию событий, которые в оригинальном тексте занимают главы, в переводе отводятся лишь незначительные фрагменты, что, безусловно, ведет к искажению

авторского стиля. Сокращение и компиляция фрагментов текста приводят к потере выразительных зарисовок отдельных персонажей, сцен из жизни высшего общества, светской болтовни. Как следствие, переводная версия романа не передает колорит «большого света» викторианской Англии, лишая, таким образом, произведение исторического фона.

Чтобы проследить полноту воспроизведения сюжетной линии романа, обратимся к результатам сопоставительного анализа оригинала и перевода ключевых фрагментов, демонстрирующих становление лидера нового типа и вызревание его политической программы.

Конфликт, положенный автором в основу сюжета романа, выражается в неприятии главным героем английского строя государственной и общественной жизни и находит отражение в «длинных речах» Танкреда, которыми он «идеологически себя характеризует» [27. С. 65]. Тем не менее, пафос романа оказывается донесен до русского читателя лишь частично, так как автор перевода значительно сокращает или избавляется от ряда важных сцен. Так, одним из кульминационных фрагментов является спор Танкреда с отцом, в котором молодой человек отказывается от карьеры политика и высказывает желание отправиться на Восток. Для сюжетной канвы романа важно, что именно в этой сцене герой впервые обосновывает свое политическое кредо, положенное в основу «имперского» кода всего произведения. В оригинале диалог отца и сына занимает целую главу и касается целого ряда важных вопросов, которые герою надлежит для себя решить. В русской версии для передачи этого диалога переводчик прибегает к пересказу или опущению философских и религиозных рассуждений главного героя, которые не представляют, на его взгляд, интереса для русского читателя или не соответствуют магистральной линии перевода – политической.

Значительную часть диалога отца и сына переводчик передает посредством реферативного пересказа их разговора с использованием простых, однотипных конструкций, создающих эффект анафоры: *Герцог решился поговорить с сыном; но Танкред, к великому изумлению отца, объяснил, что он баллотироваться не желает и не считает себя пригодным для парламентской работы. Отец предположил, что молодой человек не считает себя готовым, что он желает отложить вступление в парламент на три года, до следующих выборов. Отец заметил, что это нерасчетливо… Отец попросил сына открыться ему как другу, и сын поразил его; он выразил желание надолго расстаться с родителями, путешествовать, посетить Азию, Восток, Иерусалим. Цивилизация новой Европы его не удовлетворяла… Танкред хотел ехать за познаниями, за вдохновением, за энергией на Восток. Английский строй государственной и общественной жизни он, безусловно, отрицал. Отец указал ему на материальное благосостояние Англии* [26. С. 4]. Если в оригинале этот разговор протекает при ведущей роли Танкреда как прирожденного лидера, то переводчик закрепляет доминирующую роль в диалоге за отцом, проводя при этом параллель с моделью русской патриархальной семьи. Политическое противостояние отца и сына, переданное в русской версии как отражение конфликта отцов и детей, свидетельствует об интенции переводчика сделать роман созвучным художественным задачам русских писателей 1860–1880 гг. и акцентировать внимание читателей на одной из важнейших проблем русской литературы середины и конца XIX в. – судьбе молодого поколения.

В связи с этим особую значимость в рамках данного разговора представляют размышления главного героя, молодого аристократа, бунтующего против традиционной преемственности поколений в Англии.

«Tancred; or, The New Crusade»

– I do not shrink from its duties. On the contrary, from the position in which I am born, still more from the impulse of my nature, I am desirous to fulfil them. I have meditated on them, I may say, even for years. But I cannot find that it is part of my duty to maintain the order of things, for I will not call it system, which at present prevails in our country. It seems to me that it cannot last, as nothing can endure, or ought to endure, that is not founded upon principle; and its principle I have not discovered. In nothing, whether it be religion, or government, or manners, sacred or political or social life, do I find faith; and if there be no faith, how can there be duty? <…> Every session of that Parliament in which you wish to introduce me, the method by which

Версия переводчика

– Я долго думал, говорил Танкред, о моих обязанностях. Я не могу себя убедить, чтобы мой долг заключался в поддержании того порядка вещей – его даже системой не могу назвать, – который господствует на нашей родине. Мне кажется, что он не может долго существовать, как не может существовать ничто, чуждое основного принципа. А принципа я открыть не мог. Ни в чем, ни в религии, ни в правительстве, ни в обычаях, ни в духовной, ни в политической, ни в общественной жизни нет твердой уверенности, нет веры. А кто же может выполнять свой долг без уверенности и веры? <…> Парламент, в который вы меня хотите ввести и который считается властью, из году в год занимается переделками, штопаньем, заплатами. <…> Наша нравственность меняется по местностям, по городам, по улицам,

Дословный перевод

– Я не уклоняюсь от своих обязанностей. Напротив, исходя из положения, данного мне при рождении, а еще больше из побуждения моей натуры, я стремлюсь их исполнить. Я размышлял по этому поводу на протяжении нескольких лет. Но я не считаю, что в мои обязанности входит поддерживать порядок вещей, который я не могу назвать системой, господствующий в настоящее время в нашей стране. Мне кажется, что он не может продолжаться, как не может и не должно продолжаться что-то, не основанное на принципе; и этот принцип я так и не обнаружил. Ни в чем, будь то религия, правительство или нравы, духовная, политическая или общественная жизнь, я не нахожу веры; а если нет веры,

power is distributed is called in question, altered, patched up, and again impugned. <…> Our morals differ in different countries, in different towns, in different streets, even in different Acts of Parliament. What is moral in London is immoral in Montacute; what is crime among the multitude is only vice among the few [13. P. 35].	даже по разным законам, изданным в разное время. Что нравственно в Лондоне, то безнравственно в Монтеките; что преступление для простолюдина, то для аристократа только ошибка [26. С. 9–10].	то какой может быть долг? <…> На каждом заседании того парламента, в который вы хотите меня ввести, метод распределения власти ставится под сомнение, изменяется, латается и снова ставится под сомнение. <…> Наша мораль различна в разных странах, в разных городах, на разных улицах, даже в разных Актах Парламента. То, что нравственно в Лондоне, безнравственно в Монтакьюте; то, что является преступлением среди множества, лишь порок среди немногих.

Перевод фрагмента представляет собой достаточно подробную трансляцию оригинала, несмотря на то что переводчик демонстрирует определенную вольность в обращении с подлинником. Так, он опускает предложение: *On the contrary, from the position in which I am born, still more from the impulse of my nature, I am desirous to fulfil them (Напротив, исходя из положения, данного мне при рождении, а еще больше из побуждения моей натуры, я стремлюсь их* (обязанности – *Ю.А.) исполнить)*, что приводит к некоторому искажению оригинального контекста. Для читателя остается неочевидным желание героя стать политиком, но только после обретения им собственной программы. Переводчик не уделяет должного внимания всем смысловым и синтаксическим повторам (*Our morals differ in different countries, in different towns, in different streets, even in different Acts of Parliament)*, которые присутствуют в тексте оригинала, и не сохраняет интонационный рисунок исходного варианта, сгладив, таким образом, экспрессивность речи Танкреда. Вместо этого он предпринимает попытку повысить эмоциональность текста за счет множественного отрицания *(Ни в чем, ни в религии, ни в правительстве, ни в обычаях, ни в духовной, ни в политической, ни в общественной жизни нет твердой уверенности, нет веры)*. Лексема *faith* передана соответствующим русским словом *вера*, но переводчик добавляет от себя слово «уверенность», переводя смысл сказанного из религиозного контекста в социально-проблемный. Фраза, касающаяся британского парламента, *the method by which power is distributed is called in question, altered, patched up, and again impugned*, дословно переводимая как *метод распределения власти ставится под сомнение, изменяется, латается и снова ставится под сомнение*, передана метафорически: *парламент <…> который считается властью, из году в год занимается переделками, штопаньем, заплатами*, придавая сказанному разговорный стиль. А известный афоризм Дизраэли *what is crime among the multitude is only vice among the few*, дословно: *то, что является преступлением среди множества, лишь порок среди немногих* переводчик расшифровывает, привлекая понятный для читателя материал: *то, что преступление для простолюдина, то для аристократа только ошибка.* Тем не менее, не придерживаясь оригинальной структуры фрагмента и меняя стилистическую окраску эпизода в целях адаптировать текст к восприятию русской читательской аудитории, переводчик в целом реализует основной смысл оригинала.

Типично романтический конфликт главного героя с обществом, заложенный Б. Дизраэли в основу романа, актуализируется во взаимодействии персонажа с представителями «большого света», наглядно демонстрируя его чуждость окружающему миру. Для Танкреда, несмотря на его молодость и неопытность, очевидны недостатки представительниц высшего света, ограниченность авторитетнейшего епископа Англии, неопределенность взглядов представителей политического бомонда. Обоснованность взглядов Танкреда на парламент как бесполезный орган власти становится очевидной благодаря образам героев первых романов трилогии, которые вследствие развращающего влияния высшего света постепенно превращают идеи партии «”Молодая Англия” в модное поветрие, спекуляцию на вкусах публики» [1. С. 213].

Основная сюжетная линия романа – воспитание политика нового образца, имперского идеолога, представляющего имперскую миссию как предназначение британской нации, – неразрывно связана с образом ментора, необходимого автору, чтобы подчеркнуть, насколько назрела необходимость появления нового поколения политиков. Им для Танкреда становится носитель иной культуры и мировоззрения Сидония, который действует в романе не прямым наставительным образом, а мотивирует героя самостоятельно анализировать, размышлять, вселяет в него веру в собственные силы.

Показательна сцена знакомства Танкреда и Сидонии, в которой герой делится с ментором своими планами. Русскому читателю предлагается реферативный перевод отрывка, где содержание и структура оригинального текста подвергаются значительному искажению. Так, например, очевидный религиозный контекст фрагмента и историческая отсылка к предку Танкреда оказываются в значительной степени проигнорированы переводчиком в пользу привлечения внимания к «политическому» прочтению романа, что приводит к некоторой смысловой асимметрии. Кроме того, переводчик приписывает главному герою чувства, не отраженные в оригинальном произведении, а стилистические особенности авторского текста оказываются полностью утраченными.

«Tancred; or, The New Crusade»	Версия переводчика	Дословный перевод
'It is no longer difficult to reach Jerusalem; the real difficulty is the one experienced by the crusaders, to know what to do when you have arrived there.'	'Но, – прибавил Сидониа, – в Иерусалим не трудно попасть гораздо труднее решить, что следует делать, когда попадешь туда.'	'Теперь нетрудно добраться до Иерусалима; истинная трудность, которую испытывают крестоносцы, решить, что делать, когда вы туда прибудете.'
'I am born in an age and in a country divided between infidelity on one side and an anarchy of creeds on the other; with none competent to guide me, yet feeling that I must believe, for I hold that duty cannot exist without faith; is it so wild as some would think it, I would say is it unreasonable, that I should wish to do that which, six centuries ago, was done by my ancestor whose name I bear, and that I should cross the seas, and – 'He hesitated. 'And visit the Holy Sepulchre', said Sidonia.	Танкред сознался, что едет за вдохновением, за тем, чтобы разъяснить себе, что должно руководить им в жизни, как общественным деятелем. Он не был доволен ни принципами, ни порядками, господствующими на его родине, и вместе с тем не мог на родине найти средств просветить свой ум. Он надеялся просветиться в стране древних пророков.	'Я родился в эпоху и в стране, разделенной между неверием, с одной стороны, и анархией вероучений с другой; не имея никого, кто мог бы руководить мною, но чувствуя, что я должен верить, ибо считаю, что долг не может существовать без веры; так ли это дико, как думают некоторые по этому поводу, я бы сказал безосновательно, что я должен сделать то, что шесть веков назад было совершено моим предком, чье имя я ношу, и что я должен пересечь моря и... – Он заколебался. – И посетить Гроб Господень', – добавила Сидония.
'And visit the Holy Sepulchre,' said Tancred, solemnly; 'for that, I confess, is my sovereign thought' [13. С. 83].	Танкред чувствовал, что Сидония способен его понимать; он с энтузиазмом высказал свои религиозные мечты и даже сознался, что его главнейшее желание – посетить гроб Господень [26. С. 27].	'И посетить Гроб Господень, – торжественно сказал Танкред, – ибо это, признаюсь, властитель моих дум.'

Несмотря на старания родителей и «светских львиц» удержать Танкреда в Лондоне, он покидает город и страну, разрывая, таким образом, пространственные и временные границы. Герой романа рвется в Иерусалим, чтобы обрести истинную веру и ясность во всем [13. С. 347]. Когда Дизраэли приводит своего героя на Восток, тон романа значительно меняется. Легкость повествования «английской» части, проникнутая авторской тонкой иронией, уступает место приподнятому, местами высокопарному стилю, патетическим восклицаниям, пространным описаниям и монологам героев.

На фоне восточных сцен продолжается эволюция главного героя и происходит вызревание его политической идеи. Авантюрный, рыцарский сюжет играет в романе вспомогательную роль и реализуется в основном на уровне фабулы. Поскольку Танкред ассоциируется у автора со средневековым рыцарем, отправляющимся на поиски приключений в надежде обрести духовное прозрение, то и все происходящее с ним в значительной степени повторяет типичные сюжетные ходы рыцарских романов.

Свое истинное предназначение герою удается понять, только когда он поднимается на гору Синай и молится там «Богу Израиля, Творцу Вселенной». Ему является ангел Аравии и повелевает объединить Азию и Европу в новое теократическое государство.

«Tancred; or, The New Crusade»	Версия переводчика	Дословный перевод
'Yet again, and Europe is in the throes of a great birth. <…> The equality of man can only be accomplished by the sovereignty of God. <…> Announce the sublime and solacing doctrine of theocratic equality. Fear not, faint not, falter not. Obey the impulse of thine own spirit, and find a ready instrument in every human being' [13. С. 157].	'Опять ныне Европа переживает канун великого переворота. <…> Равенство человеков возможно только при господстве Всевышнего. <…> Возвести же миру божественное, умиротворяющее учение теократического равенства. Не пугайся, не падай духом, иди твердо, не колеблясь. Повинуйся требованиям собственного разума, действуй и во всяком живом существе умей находить полезное орудие…' [26. С. 152].	'И снова Европа в родовых муках чего-то великого. <…> Равенство человека может быть достигнуто только посредством верховной власти Бога.<…> Провозгласи же возвышенную и утешительную доктрину теократического равенства. Не бойся, не падай в обморок, не дрогни. Повинуйся импульсу своего собственного духа и найди готовый инструмент в каждом человеческом существе.'

Данный фрагмент демонстрирует достаточно вольное обращение переводчика с оригинальным текстом. Притом что ему во многом удалось сохранить стиль оригинала, воспроизвести синтаксический рисунок фрагмента, он не справляется с задачей полного сохранения аксиологического содержания данного отрывка. Предложение '*Yet again, and Europe is in the throes of a great birth*', дословно: '*И снова Европа в родовых муках чего-то великого*', переводчик передает как *'Опять ныне Европа переживает канун великого переворота'*, лишая читателей возможности осознать уникальность происходящего, по-

явление чего-то принципиально нового, в чем исследователи позднее будут усматривать предтечу будущей британской «имперской идеи». Он правильно понимает назидание, выраженное в предложении: *Fear not, faint not, falter not,* дословно: *Не бойся, не падай в обморок, не дрогни*, и адекватно передает его, используя повелительное наклонение, но при этом частично меняет содержание на вариант, более подходящий, с его точки зрения, для крестоносца: *Не пугайся, не падай духом, иди твердо, не колеблясь.* Неточная передача выражения *every human being*, дословно: *каждый человек*, в последнем предложении получает трактовку *всякое живое существо*, что влечет за собой смысловую потерю. Используя многоточие в конце фрагмента, переводчик предполагает наличие скрытых смыслов, углубляющих и усложняющих структуру текста, тогда как оригинальный текст представляет собой завершенную мысль.

Наиболее репрезентативным фрагментом, представляющим собой «соавторство» переводчика и писателя, а именно переработкой автором перевода материала оригинального текста, является своеобразная презентация политической программы главного героя. По мнению многих исследователей, восхождение Танкреда на вершину горы Синай и его беседа с ангелом Аравии является кульминацией романа. Дальнейшие приключения героя кажутся уже не столь значительными, а их изобилие создает впечатление излишней растянутости [1, 7, 28].

Возможно, чтобы не потерять интерес читателей, переводчик прибегает к приему компрессии, исключая из текста сцены, выпадающие из политического контекста романа. План внедрения идеи теократического равенства, провозглашенного ангелом Аравии, как таковой отсутствует в романе. Переводчик синтезирует небольшой пассаж, буквально по крупицам вычленяя информацию из пространных диалогов Танкреда с Евой, Факредином и Барони, занимающих в оригинальном тексте несколько глав. Данный фрагмент играет важную роль в русском повествовании, делает акцент на политическом «взрослении» героя, освобождая читателя от необходимости «читать между строк».

Танкред, оправясь от болезни, постигшей его после поездки на Синай, сильно изменился: он освободился от своей философской мечтательности и нерешительности и был преисполнен жаждой дела. <…>Цель его заключалась в том, чтобы содействовать возрождению древне-азиатской идеи, установлению ее господства в мире на началах теократического равенства, братства между людьми. Этим, и только этим средством, по его мысли, можно возвратить счастье пребывающему в летаргии Востоку и затем истерзанной страданьями мятежной Европе. Ближайшая, непосредственная мера, которую он имел в виду, заключалась в том, чтобы сблизить между собой и склонить к теократическому равенству племена и народы Сирии и Антохии, часто однокровные, но постоянно враждующие между собой по причинам религиозным. <…> Сближение этих народов было ближайшим делом, к которому стал стремиться Танкред. Всемирное царство с одной господствующей идеей на престоле стало его идеалом.

Использование схожих с авторскими синтаксических конструкций, стилистически окрашенных эпитетов, например: *истерзанной, бездушной*, подбор лексических единиц: *преисполнен, возрождение, летаргия*, позволяет переводчику создать текст, стилистический и смысловой окрас, пафос которого органично вписывается в общую канву повествования.

Замысловатые сплетения сюжета «восточной» части романа не приводят к положительному результату. План Танкреда о сближении Сирии и Антохии, напоминающий больше революцию, чем реформу, не срабатывает. Посредством замысловатых хитросплетений в сюжете герой осознает несостоятельность своей программы и вынужден признать, что Азия погрязла в моральном разложении, поэтому его мечта о спасении Европы при помощи Азии оказывается несостоятельной.

Повествование заканчивается, не предлагая ответа ни на один из поставленных в нем вопросов. Танкред утрачивает свои романтические иллюзии, незавершенность сюжета свидетельствует о достаточно мрачных перспективах на будущее. Тем не менее отсутствие завершенности в романе и трилогии в целом выглядит логично и уместно, а отказ от вынесения каких-либо упрощенных решений в произведении не является признаком некомпетентности Б. Дизраэли-политика, а скорее свидетельствует о его более зрелом понимании состояния современной ему Англии, чем показано в первых романах «младоанглийской» трилогии.

В финальной сцене романа Дизраэли приводит Танкреда и его возлюбленную Еву туда, где они впервые встретились, – в сад Вифании, закольцовывая, таким образом, сюжет.

«Tancred; or, The New Crusade»	**Версия переводчика**	**Дословный перевод**
‘I have a vague impression’, said Eva, sorrowfully, 'that there have been heroic aspirations wasted, and noble energies thrown away, <…> ‘Your feelings cannot be what they were before all this happened; when you thought only of a divine cause, of stars, of angels, and of our peculiar and gifted land. No, no; now it is all mixed up with intrigue, and politics, and management, and baffled schemes, and cunning arts of men. You may be, you are, free from all this, but	‘Мне как-то чувствуется, что много героизма, вдохновения, благородных усилий было потрачено даром, напрасно, без пользы. <…> Вы теперь уже не испытываете тех чувств, которые испытывали полгода тому назад. Тогда вас занимал вопрос о божественном вдохновении, вы говорили о звездах, об ангелах, о нашей несравненно даровитой стране. Нет, нет, теперь не то. Теперь все это смешалось с интригами, с по-	‘У меня смутное впечатление, – печально сказала Ева, – что героические устремления и благородная энергия были растрачены впустую. <…> Ваши чувства не могут быть такими, какими они были до того, как все это случилось, когда Вы думали только о божественной причине, о звездах, об ангелах и о нашей необычной и одаренной земле. Нет, нет, теперь все это перемешано с интригами,

your faith is not the same. You no longer believe in Arabia.'

'Why, thou to me art Arabia,' said Tancred, advancing and kneeling at her side. 'The angel of Arabia, and of my life and spirit! Talk not to me of faltering faith: mine is intense. Talk not to me of leaving a divine cause: why, thou art my cause, and thou art most divine!' 'Say, rather, inspiration,' said Tancred, 'for I will not quit this fountain by which we first met until I am told, as you now will tell me,' he added, in a tone of gushing tenderness, 'that our united destinies shall advance the sovereign purpose of our lives' [13. C. 157].

литикой, с замыслами, с неосуществившимися планами и людскими ухищрениями. Вы в этом не виноваты, вы чужды ухищрений и всего этого. Но ваша вера в Аравию погибла.'

'Ты моя Аравия! воскликнул Танкред, приблизясь к девушке и опускаясь на колени, – ты ангел Аравии и мой ангел хранитель. Не говори, что вера пошатнулась, не говори, что я не обрел божественного вдохновения. Ты мое вдохновение и ты божественна! Я не уйду от этого фонтана, у которого мы впервые сошлись, не уйду, покуда ты мне не скажешь – а ты скажешь это – что наш союз поможет нам осуществить заветные цели и твоей, и моей жизни' [26. С. 214].

политикой, управлением, запутанными планами и хитроумными планами людей. Вы можете быть, нет, Вы не имеете к этому отношения, но Ваша вера уже не та. Вы больше не верите в Аравию.'

'Да ведь Вы для меня – Аравия, – сказал Танкред, подходя и становясь на колени рядом с ней. – Ангел Аравии, моей жизни и души! Не говорите мне о пошатнувшейся вере: моя вера сильна. Не просите меня отказаться от моего божественного дела: ведь Вы – мое дело и божественное начало! Скорее даже, вдохновение, – сказал Танкред, – ибо я не покину этого источника, у которого мы впервые встретились, пока мне не скажут, пока Вы мне не скажете, – добавил он тоном пронзительной нежности, – что наш союз будет способствовать достижению нашей высшей цели.'

Перевод анализируемого диалога содержит много неточностей на уровне содержания и стиля. Переводчик усиливает романтический пафос и эмоциональную окраску диалога, прибегая к использованию синонимов и схожих синтаксических конструкций: *heroic aspirations wasted and noble energies thrown away,* дословно: *героические устремления и благородная энергия были растрачены впустую,* ср.: *много героизма, вдохновения, благородных усилий было потрачено даром, напрасно, без пользы; по, по,* дословно: *нет, нет,* ср.: *Нет, нет, теперь не то*; усиление коннотации: *your feelings cannot be what they were*, дословно: *ваши чувства не могут быть такими, какими они были, ср.: вы теперь уже не испытываете тех чувств, которые испытывали*. Переводчик вносит изменения в семантику авторской идеи: *You may be, you are, free from all this, but your faith is not the same. You no longer believe in Arabia,* объединив два предложения в одно, добавив фразу: *вы в этом не виноваты*, при этом опустив авторский отрывок: *but your faith is not the same.* К удачным находкам переводчика можно отнести передачу таких выражений, как *a divine cause*, дословно: *божественная причина,* как – *божественное вдохновение, angel of my life and spirit*, дословно: *ангел жизни и души моей*, традиционным русским выражением *ангел хранитель*; *our united destinies*, дословно: *наши соединенные судьбы*, как *наш союз*.

Обращает на себя внимание использование Танкредом в данном фрагменте выражения *thou art*, обозначающего *you are*, что, безусловно, вызывает библейские ассоциации. Переводчику не удается передать данную аллюзию, но в качестве компенсации за неизбежные смысловые потери он использует специфику русского языка. Так, в диалоге Ева обращается к Танкреду на «Вы», тогда как он в момент сильнейшего эмоционального волнения переходит на «ты». Поскольку в английском языке подобного разделения не существует, следовательно, такой прием является осознанным переводческим решением. Таким образом, переводчик достаточно удачно транслирует изменения во внутреннем мире героя, в его отношении к Еве, предлагая стать его союзницей по сердцу и по призванию. Тем не менее, во многом сохраняя интонационный рисунок второй части диалога, переводчик допускает смысловые трансформации, что ведет к нарушению передачи авторской идеи. В последнем предложении: *I will not quit this fountain by which we first met until I am told, as you now will tell me,' he added, in a tone of gushing tenderness, 'that our united destinies shall advance the sovereign purpose of our lives*, дословно: *Я не покину этого источника, у которого мы впервые встретились, пока мне не скажут, пока ты мне не скажешь, – добавил он тоном пронзительной нежности, – что наш союз будет способствовать достижению высшей цели нашей жизни, ср.: Я не уйду от этого фонтана, у которого мы впервые сошлись, не уйду, покуда ты мне не скажешь – а ты скажешь это – что наш союз поможет нам осуществить заветные цели и твоей и моей жизни* – переводчик прибегает к усилению конструкции, опускает связующее: *добавил тоном пронзительной нежности,* что в целом меняет тональность разговора, но при этом позволяет читателю рассчитывать на оптимистичный финал. Выражение *sovereign purpose*, дословно: *суверенная цель, миссия,* относящееся в

большей степени к гражданской позиции человека, переводчик транслирует как *заветные цели*, во множественном числе, переводя его значение в общечеловеческую плоскость. Таким образом, финальная сцена, предложенная переводчиком русскому читателю, «предлагает развязку личному роману» [26. С. 149], что, в целом, не соответствует содержанию оригинального произведения.

Система образов в русской версии романа, как и в оригинале, представлена тремя персонажами: Танкреда, Евы и Факредина, однако в ней переводчик также расставил свои акценты и внес определенные коррективы. Главным героем остается Танкред – молодой человек дворянского происхождения, противостоящий высшему свету.

Так, образ Танкреда, представленный русскому читателю в начале романа, мало напоминает светского денди или лидера нового поколения, имеющего четкие ценностные установки и готовность противостоять обществу: *Танкред охотно и много учился и читал, много думал, **вероятно**, много мечтал и много знал; но не знал он ни света, ни жизни, ни людей, когда ему минул 21 год* [26. С. 3].

В приведенном отрывке переводчик резюмирует информацию о Танкреде, представленную в оригинале, но использование оценочной характеристики, обладающей модальностью неопределенности, *вероятно* выдает его ироничное отношение к герою и мешает восприятию авторской идеи.

Возможно, полагая, что по-байроновски разочарованный герой понятнее русскому читателю, чем сформировавшийся политик, переводчик усиливает конфликтологический акцент, сделанный писателем на внутренних сомнениях и колебаниях Танкреда. Кроме того, автор перевода в значительной степени искажает речевой портрет героя, стремясь адаптировать роман к русской действительности. Как видно из анализа приведенных выше фрагментов, речь Танкреда в переводе зачастую воспроизводится в разговорном регистре с использованием русификации, что трудносопоставимо с английскими реалиями высшего общества.

Тем не менее, несмотря на некоторое смещение смысловых акцентов, переводчику удается передать центральную проблему романа: становление политика нового типа – с «высокими принципами, великими талантами и добрым сердцем» [26. С. 259]. Идеологическая характерология протагониста становится во многом очевидной благодаря передаче переводчиком «имперского кода» романа посредством трансляции политических рассуждений, дискуссий, политических монологов главного героя.

Образ Танкреда в романе противопоставлен образу действующего восточного политика Факредина. Данный персонаж передан при переводе достаточно адекватно и предстает перед читателем человеком, который «вырос при дворе среди интриг, был честолюбив, хитер, пылок, его пламенная фантазия помогала ему задумывать один план за другим. На людей он смотрел как на орудие для достижения своих целей, и не стеснялся их обманывать, когда это было ему выгодно» [26. С. 68]. Кроме того, переводчику удается передать ироничное отношение к этому персонажу автора романа: «У Факредина не было никаких принципов» [26. С. 68].

Если в романе Танкред олицетворяет более прогрессивно мыслящего политика, так как руководствуется высокими принципами, верой, то Факредин подвержен сиюминутным политическим соображениям и интригам. Вписывая Факредина в сеть ближневосточных политических хитросплетений, Дизраэли выражает свое отношение к восточным политикам в целом, подчеркивая их «второстепенный статус… существенно важный для первичности европейцев» [13. С. 47]. Когда Танкред говорит о перспективности Факредина как политика, его компаньон Барони возражает*: The Syrians were ever slaves*, дословно: *Сирийцы всегда были рабами*. Частично, на подтверждение данной мысли работает и постоянное стремление Факредина обрести богатого покровителя: в лице Бессо, королевы Астарты и т.д

Яркий экзотический фон Востока как нельзя лучше воплощен в женском образе Евы, еврейской девушки из знатной семьи, которая пленяет Танкреда с первого взгляда своей красотой. Находясь всю свою жизнь в центре религиозных и политических конфликтов, она имеет достаточно практичный взгляд на жизнь и как никто другой способна оказать поддержку Танкреду-политику, утратившему свои романтические иллюзии. Ева представляет собой цельную натуру, наделена светлым умом и необычайной красотой, великодушием и благородством, «одарена необыкновенною духовной мощью», чего нельзя сказать об английских аристократках, представленных в первой части романа, – прелестных, обворожительных, богатых, принадлежащих к высшим слоям могущественного народа, но ничтожных и пустых в нравственном и духовном отношении.

Значительно «пострадали» при переводе пространственно-временные «координаты» повествования, что особенно характерно для «английской» части романа. В оригинальном произведении Дизраэли создает значимый образ Лондона, «обладающего своим характером, жизненной философией и внешними особенностями» [13. С. 34], который играет важную роль в повествовании. Используя топос Лондона, Б. Дизраэли проводит параллель между пространственным обликом города и такими чертами английской действительности, как ориентация на утилитарные интересы, мещанская самовлюбленность, желание переделать весь мир по своему облику и подобию, отсутствие романтики и воображения. Писатель подчеркивает бьющий в глаза контраст между пространственной протяженностью и духовной ограниченностью города, ставшего отражением характера и психологии ненавистного писателю типа людей – недалеких, живущих только сегодняшним днем, алчных мещан.

География путешествия героя играет в романе Дизраэли принципиальную роль, транслируя «имперский код» автора: «Герой или героиня романа проявляют неутомимость и энергию, свойственные предприимчивой буржуазии, им дозволено втягиваться в приключения, где раскрываются границы того, что

они могут желать, куда они могут стремиться и кем могут стать» [9. С. 163]. Подобно тому как «английская» часть романа открывается городским пейзажем Лондона, его «восточная» часть предлагает описание Иерусалима, демонстрируя тем самым разительный контраст двух городов. Лондон, обладая статусом самой богатой столицы мира, отличается убожеством фантазии, единообразием, пошлостью и бездуховностью, тогда как Иерусалим, «третьеразрядный городишко посреди каменной пустыни» [13. С. 105], внешне переживая упадок, поражает мощью, богатством духовных структур. Топос Иерусалима буквально насыщен временем, каждый камень этого города имеет свою историю, более древнюю, чем история Римской империи и всех европейских государств: «Образ Иерусалима – это история мира, более того, это история земли и неба» [13. С. 326].

Для создания реальной атмосферы в «английской» части Б. Дизраэли изображает конкретное историческое время, которое «читается» благодаря политическим «фрескам», упоминаемым в романе: Р. Пиль, О'Коннел и другие, а также реальным представителям «большого света», прототипы которых были легко узнаваемы англичанами в 50-х гг. XIX в. Для «восточной» части характерна «высокая концентрация, плотность временных слоев», когда главный герой оказывается как бы «на острие многотысячелетней истории человечества, его существование становится итогом всех бесчисленных жизней, прошедших до него» [7. С. 341].

Все повествование в романе построено на контрастах: исторических традиций и современности, Англии и Востока, сельской местности и промышленного города, но из-за значительных сокращений, сделанных переводчиком, данная авторская интенция остается скрытой от русского читателя. Кроме того, Б. Дизраэли уделяет особое внимание описанию особняков, комнат, деталям интерьеров, в которых проживают герои романа, позволяя получить более полную информацию о характере и жизни их владельцев, но эти детали также не находят отражения в переводе.

В результате сопоставительного анализа романа Б. Дизраэли «Tancred; or, The New Crusade» и его русской трансляции «Танкред» можно сделать вывод, что, несмотря на множественные отступления от подлинника, переводчику удалось «прочитать» «имперский» код произведения, заложенный автором, и передать жанровую модель политического романа. В целом оригинальный сюжет произведения оказался в переводе значительно упрощен, так как из повествования были исключены многие авторские отступления и описания, не влияющие на ход событий, но дающие дополнительную характеристику героям или происходящему, создающие реалистичный фон действиям. Смысловые акценты были смещены на сюжетную линию, несущую идеологическую нагрузку произведения, предполагая прочтение романа только в подобном жанровом ракурсе. Стремление сделать роман доступным для читателя в рамках сформировавшегося «горизонта ожиданий» стало главной особенностью переводческой стратегии. Реализации данного подхода способствовало значительное сокращение объема произведения; выделение одной магистральной сюжетной линии – политической – за счет значительного редуцирования нравоописательного, религиозного и философского аспектов романа. Отмечаемые рецензентами такие сильные стороны оригинального романа, как красочные картины изображения восточной жизни того времени, авторская ирония, оживляющая пафос произведения, пространственные и топографические метафоры, не нашли отражения в русской версии.

Тем не менее, несмотря на сильную компрессию, все центральные сюжетные линии доведены до конца, а все ключевые события из жизни основных персонажей, входящие в фабулу романа, вошли в текст перевода. «Имперский код», заложенный Дизраэли в роман «Танкред», и, несомненно, представлявший интерес для русских читателей в силу сложившейся современной политической обстановки, оказался донесен до аудитории с незначительными трансформациями, обеспечивающими более легкий поиск ответов на вопросы, связанные с мировыми событиями. Кроме того, одна из традиций жанра, заложенная Б. Дизраэли, – «ороманивание» политической программности «любовно-психологической сюжетикой», также оказалась адекватно передана переводчиком.

Список источников

1. Проскурнин Б.М. Английский политический роман XIX в. : очерки генезиса и эволюция. Пермь : Изд-во Перм. ун-та., 2000. 286 с.
2. Чернец Л.В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. 192 с.
3. Скибина О.М. Беллетристика 80-х годов XIX века как феномен массовой культуры // Вестник ВУиТ. 2016. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/belletristika-80-h-godov-xix-veka-kak-fenomen-massovoy-kultury (дата обращения: 11.01.2021).
4. Брандес Г. Литературные характеристики (Английские писатели): Лорд Биконсфильд. СПб. : Просвещение, 1908. 402 с.
5. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / Р. Барт; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М. : Прогресс ; Универс, 1994. 615 с. URL: https://bookscafe.net/read/rolan_bart-semiotika_poetika_izbrannye_raboty-54181.html#p3 (дата обращения: 20.05.2022).
6. Чернец Л.В. О понятии «код» в литературоведении и о пейзаже в произведениях И.С. Тургенева // Тургеневские чтения : сб. ст. / [сост. Т.Е. Коробкина, Е.Г. Петраш; научн. ред. Е.Г. Петраш]. М. : Экон-Информ, 2018. (Вып. 7). С. 17–29.
7. Мороз Ф.И. Творчество Дизраэли 40-х гг. XIX в. // Вестник Московского университета. Серия X: Филология. 1971. № 1. С. 51–64.
8. Хализев В.Е. Теория литературы. М. : Высш. шк., 2005. 405 с
9. Ермакова Е.В. Художественный мир романов Бенджамина Дизраэли. Пермь : Изд. центр Перм. гос. национал. исслед. ун-та., 2016. 248 с.
10. Ажель Ю.П. Основные этапы восприятия творчества Бенджамина Дизраэли в России 1840–1915 гг.: к постановке вопроса // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2019. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-vospriyatiya-tvorchestva-bendzhamina-dizraeli-v-rossii-1840-1915-gg-k-postanovke-voprosa (дата обращения: 19.01.2021).
11. Саид Э.В. Культура и империализм / пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб. : Владимиръ Даль, 2012. 736 с.
12. Гудова Ю.В. Культура империи, имперская культура, культурный материализм: осмысление методологических подходов // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2017. Т. 12, № 2 (164). С. 171–180.
13. Cannon Schmitt. "The sun and moon were made to give them light": Empire in the Victorian Novel // A Concise Companion to the Victorian Novel. Ed. By Francis O'Gorman. Blackwell Publishing, 2007. 304 p.

14. Vincent J. Disraeli. Oxford, 1990. 130 p.
15. Disraeli B. Tancred, or the New Crusade. London, 1875. 487 p.
16. Моруа А. Жизнь Дизраэли. М., 1991. 254 с.
17. Кирш А. Бенджамин Дизраэли / пер. с англ. В. Генкина. М. : Книжники, 2016. 314 с.
18. Яусс Г.Р. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория. Антология / сост И.В. Кабанова. М. : Флинта ; Наука, 2004. С. 194–200.
19. Стасов В.В. Танкред, или новый крестовый поход. Сочинения Б. Дизраэли // Собрание сочинений : в 3 т. СПб., 1894. Т. 3. С. 847–867.
20. Матвеенко И.А., Хрулева О.С. Восприятие творчества Б. Дизраэли Журналом «Отечественные записки» в 1840–70-е гг. В контексте еврейского вопроса в России // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2019. № 33. С. 92–97.
21. Павлов И. Лорд Биконсфильд как литератор // Русский вестник. 1878. Т. 137 (сент). С. 335–357.
22. Поповский Н. (Кутейников Н.С.) Политические идеалы Дизраэли-Биконсфильда // Отечественные записки. 1878. № 9. С. 201–244; № 10. С. 431–471.
23. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма / пер. с англ Т.Я. Казавчинской. М. : Новое литературное обозрение, 1996. 202 с.
24. Бадалян Д.А., Громова Л.П., Жирков Г.В., Ковалева М.М. и др. История русской журналистики XVIII–XIX веков : учебник / под ред. Л.П. Громовой. 3-е изд. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2013. 528 с.
25. Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту: очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М. : Изд-во МПИ, 1991. URL: https://www.litmir.me/br/?b=253339&p=1 (дата обращения: 23.12.2019).
26. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие. 5-е изд. СПб. : Филол. факультет СПбГУ ; М.: Издательский Дом «Филология ТРИ», 2002. 416 с.
27. Алексеев К.В. Зарождение жанра русского социально-политического романа и его развитие в середине XIX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2009. № 22. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-zhanra-russkogo-sotsialno-politicheskogo-romana-i-ego-razvitie-v-seredine-xix-veka (дата обращения: 10.02.2021).
28. Танкред. Журнал романов и повестей, издаваемый редакцией «Недели». СПб. : Типография (бывш) А.М. Котомина, 1878. № 8–10.

References

1. Proskurnin, B.M. (2000) *Angliyskiy politicheskiy roman XIX v.: ocherki genezisa i evolyutsiya* [British political novel of the 19th century.: essays on genesis and evolution]. Perm: Perm State University.
2. Chernets, L.V. (1982) *Literaturnye zhanry (problemy tipologii i poetiki)* [Literary genres (problems of typology and poetics)]. Moscow: Moscow State University.
3. Skibina, O.M. (2016) Belletristika 80-kh godov XIX veka kak fenomen massovoy kul'tury [Fiction of the 1880s as a phenomenon of popular culture]. *Vestnik VUiT*. 1. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/belletristika-80-h-godov-xix-veka-kak-fenomen-massovoy-kultury (Accessed: 11.01.2021).
4. Brandes, G. (1908) *Literaturnye kharakteristiki (Angliyskie pisateli): Lord Bikonsfil'd* [Lord Beaconsfield: A study]. Translated from English. Saint Petersburg: Prosveshchenie.
5. Barthes, R. (1994) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress; Univers, [Online] Available from: https://bookscafe.net/read/rolan_bart-semiotika_poetika_izbrannye_raboty-54181.html#p3 (Accessed: 20.05.2022).
6. Chernets, L.V. (2018) O ponyatii "kod" v literaturovedenii i o peyzazhe v proizvedeniyakh I.S. Turgeneva [On the concept "code" in literary criticism and on the landscape in the works of I.S. Turgenev]. In: Korobkina, T.E. & Petrash, E.G. *Turgenevskie chteniya: sb. st.* [Turgenev Readings: Articles]. Vol. 7. Moscow: Ekon-Inform. pp. 17–29.
7. Moroz, F.I. (1971) Tvorchestvo Dizraeli 40-kh gg. XIX v. [Disraeli"s works of the 1840s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya X: Filologiya*. 1. pp. 51–64.
8. Khalizev, V.E. (2005) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Moscow: Vyssh. shk.
9. Ermakova, E.V. (2016) *Khudozhestvennyy mir romanov Bendzhamina Dizraeli* [The Literary World of the Novels of Benjamin Disraeli]. Perm: Perm State University.
10. Azhel', Yu.P. (2019) Osnovnye etapy vospriyatiya tvorchestva Bendzhamina Dizraeli v Rossii 1840–1915 gg.: k postanovke voprosa [The main stages of the perception of Benjamin Disraeli"s works in Russia in 1840–1915: On the formulation of the question]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*. 3. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-etapy-vospriyatiya-tvorchestva-bendzhamina-dizraeli-v-rossii-1840-1915-gg-k-postanovke-voprosa (Accessed: 19.01.2021).
11. Said, E.W. (2012) *Kul'tura i imperializm* [Said E.V. Culture and imperialism]. Translated from English by A.V. Govorunov. Saint Petersburg: Vladimir" Dal'.
12. Gudova, Yu.V. (2017) Kul'tura imperii, imperskaya kul'tura, kul'turnyy materializm: osmyslenie metodologicheskikh podkhodov [Culture of Empire, Imperial Culture, Cultural Materialism: Understanding Methodological Approaches]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki.* 12:2 (164). pp. 171–180.
13. Schmitt, C. (2007) "The sun and moon were made to give them light": Empire in the Victorian Novel. In: O'Gorman, F. (ed.) *A Concise Companion to the Victorian Novel.* Blackwell Publishing.
14. Vincent, J. (1990) *Disraeli*. Oxford: OUP.
15. Disraeli, B. (1875) *Tancred, or the New Crusade*. London.
16. Maurois, A. (1991) *Zhizn' Dizraeli* [Disraeli: A Picture of the Victorian Age]. Translated from French. Moscow.
17. Kirsch, A. (2016) *Bendzhamin Dizraeli* [Benjamin Disraeli]. Translated from English by V. Genkin. Moscow: Knizhniki.
18. Yauss, G.R. (2004) Istoriya literatury kak vyzov teorii literatury [The history of literature as a challenge to the theory of literature]. In: Kabanova, I.V. *Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya* [Modern literary theory. Anthology]. Moscow: Flinta; Nauka. pp. 194–200.
19. Stasov, V.V. (1894) Tankred, ili novyy krestovyy pokhod. Sochineniya B. Dizraeli [Tancred, or the New Crusade. Works of B. Disraeli]. In: Disraeli, B. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 volumes]. Vol. 3. Saint Petersburg. pp. 847–867.
20. Matveenko, I.A. & Khruleva, O.S. (2019) Reception of Disraeli Novels on the Pages of "Otechestvennye Zapiski" in 1840–1870 in the Context of Jewish Issue. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History.* 33. pp. 92–97. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/33/7
21. Pavlov, I. (1878) Lord Bikonsfil'd kak literator [Lord Beaconsfield as a writer]. *Russkiy vestnik*. 137. pp. 335–357.
22. Popovskiy, N. (Kuteynikov, N.S.) (1878) Politicheskie idealy Dizraeli-Bikonsfil'da [Political ideals of Disraeli-Beaconsfield]. *Otechestvennye zapiski*. 9. pp. 201–244; 10. pp. 431–471.
23. Paperno, I. (1996) *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy – chelovek epokhi realizma* [Semiotics of behavior: Nikolai Chernyshevsky – a man of the era of realism]. Translated from English by T.Ya. Kazavchinskaya. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
24. Badalyan, D.A. et al. (2013) *Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII–XIX vekov: uchebnik* [History of Russian journalism of the 18th–19th centuries: textbook]. 3rd ed. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.

25. Reytblat, A.I. (1991) *Ot Bovy k Bal'montu: ocherki po istorii chteniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX veka* [From Bova to Balmont: essays on the history of reading in Russia in the second half of the 19th century]. Moscow: MPI. [Online] Available from: https://www.litmir.me/br/?b=253339&p=1 (Accessed: 23.12.2019).
26. Fedorov, A.V. (2002) *Osnovy obshchey teorii perevoda (lingvisticheskie problemy): ucheb. posobie* [Fundamentals of the general theory of translation (linguistic problems): textbook]. 5th ed. Saint Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University; Moscow: Izdatel'skiy Dom "Filologiya TRI".
27. Alekseev, K.V. (2009) Zarozhdenie zhanra russkogo sotsial'no-politicheskogo romana i ego razvitie v seredine XIX veka [The origin of the genre of the Russian sociopolitical novel and its development in the middle of the 19th century]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Esenina.* 22. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-zhanra-russkogo-sotsialno-politicheskogo-romana-i-ego-razvitie-v-seredine-xix-veka (Accessed: 10.02.2021).
28. Disraeli, B. (1878) *Tankred. Zhurnal romanov i povestey, izdavaemyy redaktsiey "Nedeli"* [Tancred. A magazine of novels and short stories published by the editors of Nedelya]. Vols 8–10. Saint Petersburg: Tipografiya (byvsh) A.M. Kotomina.

Информация об авторе:
Ажель Ю.П. – аспирант, старший преподаватель Отделения иностранных языков Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: azhel81@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Yu.P. Azhel, postgraduate student, senior lecturer, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: azhel81@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.03.2020;
одобрена после рецензирования 11.06.2022; принята к публикации 28.06.2022.

The article was submitted 12.03.2020;
approved after reviewing 11.06.2022; accepted for publication 28.06.2022.

Научная статья
УДК 82-1
doi: 10.17223/15617793/479/2

Петербургский текст и петербургский миф русской литературы в историософских произведениях М.А. Волошина

Анастасия Станиславовна Аристова (Тинникова) [1]

[1] *Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, atinnikova@bk.ru*

Аннотация. В историософских произведениях М. Волошина значимое место занимает петербургский период русской истории, здесь несомненна опора на петербургский текст русской литературы и любопытные переклички с размышлениями о Петербурге и России французского писателя Ж. де Местра. В статье освящаются основные черты петербургского текста и его роль в произведениях Волошина о войне и революции. Автор приходит к выводу, что в изображении Петербурга как мрачного, демонического города, а его создателя – как антихриста и безумного Демиурга, Волошин близок староверческому изводу петербургского текста.

Ключевые слова: петербургский текст, петербургский миф, Медный всадник, литературная традиция, Китеж, Петроград, Ж. де Местр

Для цитирования: Аристова (Тинникова) А.С. Петербургский текст и петербургский миф русской литературы в историософских произведениях М.А. Волошина // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 21–32. doi: 10.17223/15617793/479/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/2

The Petersburg text and the Petersburg myth of Russian literature in historiosophical works of Maximilian Voloshin

A*nastasia S. Aristova (Tinnikova)*[1]

[1] *Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, atinnikova@bk.ru*

Abstract. In Mikhail Voloshin's historiosophical works created during the First World War, the Revolution and the Civil War, the spatial triad "Kitezh – Petersburg – Petrograd" clearly stands out. This triad vividly expresses historiosophical views of the poet, marks Russia's historical way. The themes and images connected with St. Petersburg are dominant in the triad. Comprehending the imperial period of Russian history, Voloshin refers to themes that are traditional for Russian literature and characteristic of the Petersburg text. The article discusses the main features of the Petersburg text and the Petersburg myth, and also reveals what continuation and historiosophical significance the established literary tradition of portraying St. Petersburg received in Voloshin's works about war and revolution. The author comes to the conclusion that Voloshin, portraying St. Petersburg as a dark, demonic, ghostly city and his Creator as an antichrist and insane Demiurge, is close to the Old Believers' version of the Petersburg text. In line with the same Old Believers' tradition, reference to the image of Kitezh is also natural. Voloshin understands Kitezh as a spiritual category (not a real historical space), as the ideal image that exists in God's plan and which Russia should follow at the end of time in order to accomplish the ultimate goal of the historical process. As a spiritual category Kitezh is opposed to the ghostly and demonic Petersburg, which is the creation of the insane Demiurge, and then the evil, raging Petrograd. According to the author of the article, the antithesis "Kitezh – Petersburg/Petrograd" clearly represents the motif of dark captivity of matter and the light languishing in a dungeon; this is a recurrent motif for Voloshin's works of those years. The opposition of the Face and the mask afflicting it is characteristic of the myth about Sophia (wisdom). Thus, a sophiological plot about the Soul of the World, languishing in captivity, appears. The legend about Kitezh is read in the Sophia key. The opposition of the captivity of matter and the Soul of the World is superimposed on the antithesis "Kitezh – Petersburg/Petrograd", which is classical for Russian literature. Obviously, Voloshin, portraying the dark side of St. Petersburg, relies not only on Pushkin's "The Bronze Horseman", but also on other texts of the 19th century. The fogs, haze, artificial and deliberate spirit of St. Petersburg, ghostly "manic" ideas that infect people become a "common place" in Gogol's *Petersburg Stories*, in Dostoevsky's and Bely's novels, and in other works of Russian literature. It is impossible to establish genetic succession with specific texts because classical works of the Russian literature, in which traditional images of St. Petersburg and its creator were shaped, are introduced as a general background perceived as "one text".

Keywords: Petersburg text, Petersburg myth, "The Bronze Horseman", literary tradition, Kitezh, Petrograd, Joseph de Maistre

© Аристова (Тинникова) А.С., 2022

***For citation*:** Aristova (Tinnikova), A.S. (2022) The Petersburg text and the Petersburg myth of Russian literature in historiosophical works of Maximilian Voloshin. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 21–32. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/2

Петербургский текст и петербургский миф занимают важное место в литературе Серебряного века. Осмысляя события русской истории, писатели-символисты нередко используют устоявшиеся в классических произведениях русской литературы темы и образы, в которых сформировался устойчивый образ Петербурга и его создателя. Как отмечала З.Г. Минц, именно символисты из классических произведений русской литературы о Петербурге создают «единый текст», превращая «пестрое наследие XIX века» в петербургский текс». Импульс, заложенный символистами, ярко проявляется в произведениях 1910-х гг., уже больше тяготеющих к постсимволизму, но сохранивших глубокое преемство от символизма: романах Б. Пильняка, А.М. Ремизова, К. Вагинова, поэзии С. Есенина, Н. Клюева и др. Тема Петербурга и его создателя является одной из ведущих и в историософских произведениях М.А. Волошина, написанных во время Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, где отчетливо прослеживается пространственная триада «Китеж – Петербург / Петроград», являющаяся выражением историософских воззрений поэта, знаменующая исторические пути России. Доминирующей в этой триаде являются темы и образы, связанные с Петербургом. Осмысливая имперский период русской истории, Волошин обращается к устойчивым в русской литературе темам, характерным для петербургского текста.

«Судьба империи в двойной борьбе…»: антиномичность реалий Петербурга и петербургской империи

Как отмечает Л. Долгополов, с момента основания города в сознании народа укрепилось два мифа о происхождении и судьбе Петербурга: официально-художественный и староверческий. Согласно первому «силы, вызвавшие Петербург к жизни, имеют божественный характер; это провидение в своих благих намерениях одарило россиян городом, с которым отныне связывается представление о славе Отечества» [1. С. 151]. Согласно второму «силы, вызвавшие Петербург к жизни, интерпретируются как проявление зла, как силы губительные по отношению к национальному началу и, следовательно, антинародные и антибожеские» [1. С. 151], а сам Петр в народных преданиях, как было отмечено Е.Ф. Шмурло, воспринимается как антихрист, подмененный царь, город же, основанный им, – ненастоящий, призрачный, нерусский [2. С. 37]. Староверческий извод петербургского мифа сопровождают пророчества о неминуемой гибели города, над которым тяготеет проклятие царицы Евдокии Лопухиной, предрекшей: месту сему «быть пусту». А.С. Пушкин в поэме «Медный всадник» воссоздает образ Петербурга, объединяющий обе традиции. С одной стороны, Петербург предстает как величественный, строгий и стройный город, олицетворяющий славу и величие России. С другой – как город, построенный в результате порабощения стихии, которая, не забыв «вражду и плен старинный свой», мстит своему поработителю – человеку [3. С. 259–367]. В старообрядческой литературе «антихристову» Петербургу, петровскому парадизу, противопоставлялся иной град – светлый и праведный Китеж, скрытый на дне озера Светлояр, долженствующий явиться в конце времен и стать обителью праведников.

В русской литературе после «Медного всадника» Пушкина укоренился миф о гибели города в результате буйства разыгравшейся водной стихии, Петербург становится олицетворением борьбы противоборствующих начал: порядка и хаоса, стихии и усмиряющих ее сил.

Осмысляя имперский период русской истории, Волошин обращается к образу Петербурга как города, который отражает характер и основные черты всей России. Произведением, вобравшим в себя основные темы петербургского текста, становится стихотворение «Петербург» (1915), вошедшее в состав книги «Anno mundi ardentis» (1915) и являющееся реакцией на переименование города в начале Первой мировой войны. Приведем текст этого стихотворения полностью:

Над призрачным и вещим Петербургом
Склоняет ночь край мертвенных хламид.
В челне их два. И старший говорит:
«Люблю сей град, открытый зимним пургам,

На тонях вод, закованных в гранит.
Он создан был безумным Демиургом.
Вон конь его и змей между копыт:
Конь змею – «сгинь!», а змей в ответ: «resurgam».

Судьба Империи в двойной борьбе:
Здесь бунт – там строй; здесь бред – там клич
судьбе.
Но вот сто лет в стране цветут Рифейской
Ликеев мирт и строгий лавр палестр».
И, глядя вверх на шпиль Адмиралтейский,
Сказал другой: «Вы правы, граф де Местр»
[4. Т. 2. С. 417].

Составители собрания сочинений сопровождают стихотворение развернутым комментарием, где представляют его как текст, ставший своего рода квинтэссенцией мифа о Петербурге, складывавшегося в течение двух столетий [4. Т. 2. С. 702]. Анализу этого стихотворения Волошина посвящены статьи Г.В. Петровой «К анализу стихотворения М. Волошина “Петербург” (1915)» [5. С. 177–184] и «Художественные аллюзии в книге стихов М.А. Волошина “Anno mundi ardentis 1915”» [6. С. 175–193]. Автор статей так же, как и составители собрания сочинений, отмечает, что «в

поэтической образности стихотворение действительно следует уже устойчивой традиции литературного (и шире, художественного) изображения Петербурга, впоследствии прекрасно описанной и интерпретированной В.Н. Топоровым» [6. С. 177], Петербург предстает здесь как город антиномий, как место борьбы противоположных начал [6. С. 177–178].

Стихотворение строится как беседа двоих, плывущих в челне петербургской ночью и размышляющих о судьбе города. Финальные строки указывают, что одним из героев стихотворения является Жозеф де Местр, посланник Сардинии в Санкт-Петербурге в 1802–1817 гг., автор книги философских диалогов «Санкт-Петербургские вечера» (1821). Известно, что этой книгой Волошин пользовался при написании стихотворения. В письме к матери от 3 мая 1915 г. поэт сообщал: «Ты вероятно, совсем не помнишь “Les soirées de St. Petersbourg” Жозефа де Местра. Если ты их не читала, то прочти <…> Де Местр – гениальный писатель, и из русских его можно приравнять к Вл. Соловьеву и Леонтьеву, хотя он совсем иной» [4. Т. 10. С. 332]. Содержание «Петербурга» частично вобрало содержание первой беседы «Санкт-Петербургских вечеров», которая также завязывается ночью между плывущими в лодке по Неве спутниками, и финального заключительного наброска книги. Тема исторической судьбы России не является основным предметом рассуждений «Санкт-Петербургских вечеров», в книге обсуждаются общие философско-религиозные темы: вопросы противоречия религии науке, почему страдают праведники, грядет ли объединение церквей и проч. Русские темы выступают лишь обрамляющим фоном. В начале первой беседы автор диалогов, плывущий по ночной Неве, замечает высящуюся на берегу статую Петра, который описывается как могучий Демиург, вызвавший своей властью из небытия в месте гиблом прекрасный город; знаменательно, что фигура Петра оценивается неоднозначно: «На берегу Невы, на краю громадной Исаакиевской площади высится конная статуя Петра I. <…> Все, что слышит ухо, все, что на великолепной этой сцене созерцает глаз, существует лишь благодаря решению того могучего ума, который повелел подняться из болот стольким пышным зданиям. На этих унылых берегах, откуда, казалось бы, сама природа изгнала всякую жизнь, заложил Петр свою столицу и создал себе подданных. *Страшная* его десница и поныне простерта над головами их потомков, теснящихся вокруг царственного монумента – *и не постичь, глядя на эту бронзовую длань, грозит она или защищает (здесь и далее в цитатах курсив мой. – А.А.)*» [7. С. 7–8]. Заложенная в статуе тема двойной борьбы, выражением которой служит противостояние всадника и попираемого им змея, остается вне внимания автора «Вечеров». Петербург представляется его взорам не как город антиномий, а как прекрасная, пышная столица. О противоречивости же российских реалий говорится лишь в заключительном наброске «Вечеров» вне привязки к особенностям города: «До последнего вздоха я буду помнить Россию и возносить за нее молитвы. <…> Но что же будет с вами посреди этого всеобщего потрясения умов? *сольются ли воедино многочисленные и разнородные стихии*, пришедшие у вас в соприкосновение за столь короткое время? Слепая вера, грубая обрядность, философские теории, иллюминизм, дух свободы, нерассуждающая покорность; изба и дворец, утонченная роскошь и дикая суровость – во что превратятся эти несогласные элементы…?» [7. С. 606]. Волошин же, опираясь на сложившийся в русской литературе «петербургский текст», делает Петербург городом, отражающим антиномичность российских реалий, вкладывая в уста графа де Местра основные положения уже устоявшегося в русской культуре мифа о Петербурге: изображенное в знаменитой конной скульптуре противостояние Медного всадника и попираемого им Змея, по мнению собеседников, олицетворяет двойную борьбу, характерную как для города, так и для империи в целом: бунта и строя. В городе за сто лет существования утвердился порядок, восторжествовавший над «бунтом», но эта победа не окончательна, борьба продолжается, отчего смутно возникает вопрос: что одержит вверх в будущем?

Отсылка к книге философских диалогов Ж. де Местра указывает, что действие происходит в начале XIX в. Отсюда возникает вопрос, почему, посвятив стихотворение на злобу дня переименованию Петербурга в Петроград в начале Первой мировой войны, Волошин переносит действие на сто лет назад, в начало XIX в.? Из слов героя стихотворения, графа де Местра, следует, что от времени существования Петербурга победа неизменно была на стороне Медного всадника, а не Змея, имперский строй подавлял бунт: «Но вот сто лет в стране цветут Рифейской / Ликеев мирт и строгий лавр палестр». Используемые в стихотворении эмблематические образы передают антиномичность петербургских реалий. Россия названа «страной Рифейской», Рифейскими горами в Древней Греции принято было именовать северные границы Скифии [8. С. 298][1], в историко-географической традиции эти горы иногда отождествляют с Уралом [9. С. 1156]. Таким образом, эпитет «Рифейский» определяет Россию как северную, дикую страну. Однако в северной стране обрели жизнь реалии южной Греции: сочетание «ликеев мирт» отсылает к учрежденному Аристотелем Лицею, «строгий лавр палестр» – к палестрам, школам Древней Греции, где обучали гимнастике. Сочетания, отсылающие к реалиям Древней Греции, указывают, что в некогда дикой, по представлениям древних греков, стране крайнего севера насаждено просвещение и наука в духе греческих школ, а также военная строгость и дисциплина, как в гимнастических палестрах. Доказательством победы строя над бунтом в стихотворении служит победно возвышающийся над городом Адмиралтейский шпиль: «И, глядя вверх на шпиль Адмиралтейский, / Сказал другой: “Вы правы, граф де Местр”». Думается, Волошин не случайно временем размышлений о судьбе города избирает начало XIX в. и таким образом словно ставит читателя перед надвигающимися историческими событиями, показавшими, что победа имперского строя и Медного всадника не столь безусловна, силы бунта

еще не раз восстанут поколебать и сокрушить существующий порядок. Это и наводнение 7 (19) ноября 1824 г., «Божия стихия», с которой, как показывает пушкинская поэма, «царям не совладать», и восстание декабристов на Сенатской площади, и убийство Александра II, олицетворяющего имперскую власть Медного всадника. События XIX в., последовавшие после разговора темной петербургской ночью, показывают, что борьба не окончена и исход ее не определен. Отсюда закономерно возникает вопрос: преддверием к чему служит новое имя города?

Характерная для Петербурга борьба двух начал осмысливается Волошиным как специфика русской истории: «*Судьба Империи в двойной борьбе: /* Здесь бунт – там строй; здесь бред – там клич судьбе». Противостояние порабощенной природной стихии и поработивших ее гранитных оков, характерное для Петербурга, осмысливается как противоборство безудержной народной стихии и оковавшей ее имперской власти, характерное для России в целом. Заданная здесь тема «двойной борьбы» как особенность русской истории находит выражение в стихотворениях Волошина, внешне, казалось бы, не связанных с петербургским текстом: «Северо-восток» и «Дикое Поле», где одной из главных тем является борьба безудержной стихии народной воли со сдерживающей ее властью, что выражается в образах ветра и раздольных степных просторов, которые противопоставляются «московским тугим благолепьям». Своенравные, неспокойные, рвущиеся на свободу волны Невы равнозначны широким вольным степям, по которым гуляет непокорный ветер. Стихийные природные силы, олицетворяющее безудержную народную волю. Таким образом, Петербург, для которого характерно противостояние волн и гранитных ограждений, становится городом, иллюстрирующим явления, характерные для всей России: не только России болот, но и России степных просторов. Поэтому петербургская тема у Волошина нерасторжимо связана с темой исторических путей и судеб России, используется как иллюстрация имперского периода русской истории.

Петр назван в стихотворении «безумным Демиургом». Понимание «Демиурга» как злого и неразумного творца отсылает к философии гностицизма. Согласно учению античного философа II в. Валентина, Демиург был создан падшей Софией-Ахамот и, будучи ограничен пределами душевного бытия, был неспособен понять «духовное», а потому не обладал знанием истинной природы вещей: создавая, он сам не ведал того, что творил, и постоянно ошибался. Демиург считает себя единственным богом и творцом видимого мира, в действительности же его действия направляются его матерью Ахамот [10. С. 37–376; 11. С. 617; 12]. Таким образом, в свете гностической философии именуемый в стихотворении безумным Демиургом Петр, который считает себя властным устроителем государства и поработителем природных стихий, на самом деле является проводником злой воли, ему не ведомой. По своевольно воззвал он к жизни город в месте гиблом и топком, не предназначенном для обитания людей. Появившись, творение становится неуправляемым, не подчиняется воле своего Создателя, который уже не в силах отвратить тяготеющий над городом рок. Именование Петра Демиургом обнаруживает сходство со стихотворением Вяч. Иванова «Ответ Бальмонту», посвященным переименованию города из Петербурга в Петроград, которое, правда, было написано несколько позже стихотворения Волошина:

Ответ Бальмонту

Любезен превращений маскарад
Для бога, посвященного и змия.
Слыл остров Делос древле: Астерия;
И Павлом Савл именоваться рад.

И Римом Троя. Будет наш «Царьград» –
Константинополь; он же – Византия.
И хочет обновленная Россия
Славянским звуком славить «Петроград».

<…>
Чем опоил нас из голландских пинт
Наш медный Демиург? Но в Петербурге
Околдовал туманом лабиринт
Живую душу. Patria, resurge! (*1 июня* 1915) [13. С. 39].

Этим стихотворениям вторит и сонет В.Я. Брюсова «Петербург – Петроград – Петрополь» с припиской: «В ответ К. Бальмонту и Вяч. Иванову. 31 мая 1915»:

Верша пред миром подвиг демиурга,
В Россию Петр преобразил Москву.
<…>
<…> в грезу наяву
Он обратил пустынную Неву,
Над ней прозрев громады Петербурга.
<…>
Нет! чужды чуду, вставшему из блат,
Голландский «Питер» как и русский «град»,
Ему к лицу – всемирное «Петрополь»! [14. С. 189].

Причиной написания всех трех стихотворений послужило переименование города. «Петербург» Волошин сопровождает припиской: «Написано в состязании с Бальмонтом в виде протеста против переименования Петербурга в Петроград, чтобы в безвыходных сонетных рифмах зафиксировать имя Петербурга» [5. С. 179]. Петербург был переименован в Петроград 1 августа 1914 г. по высочайшему повелению Николая II «Об именовании впредь города Санкт-Петербурга – Петроградом», что явилось следствием антинемецких настроений в русском обществе, которые были так велики, что принимали порой стихийно-разрушительные обороты: было разгромлено немецкое посольство на Исаакиевской площади, побиты стекла в магазинах германских и австрийских поданных, закрыты немецкие газеты. Но если Вяч. Иванов переименование города принимает как начало обновления России и избавление от призрачных туманов и марев Петербурга, то Волошин к смене имени города относится глубоко отрицательно. В письме к Ю.Л. Оболенской от 10(23)–12(25) января 1915 г. поэт пишет: «Петрограда я не принимаю. Зачем оби-

жать Петра и голландцев? Что за варварство топтать исторические имена!? <…> Что может быть уместно как шутливая вольность пушкинского[2] стиха, совершенно не приемлемо как исторический факт» [4. Т. 10. С. 292]. Пытаясь сохранить прежнее имя города как историческую ценность, Волошин сознательно строки стихотворения рифмует словами, оканчивающимися на -ург, об этом приеме он пишет в письме А.М. Петровой от 13 (26) октября 1915: «А рифмы – в этом-то задача и заключалась, чтобы написать сонет с безвыходными рифмами на “Петербург”, чтобы его никак уже нельзя было переименовать в Петроград» [4. Т. 10. С. 449–450].

Стихотворения Волошина, Вяч. Иванова и Брюсова имеют сонетную форму и являются, в свою очередь, ответом на сонет Бальмонта, написанный в первый год мировой войны, который также был посвящен переименованию Петербурга, однако, как указывают исследователи [5, 15], не сохранился. Таким образом, произведения являются «ответными сонетами». О поэтическом мастерстве, технических аспектах стиха и жанровых разновидностях стихотворных форм говорилось в четвертом сезоне собраний на Башне Вяч. Иванова зимой и весной 1909 г., курс о стихе был прочитан по просьбе Н.С. Гумилева и О.Э. Мандельштама. Как отмечает А.Б. Шишкин, использование поэтами в этот период многих сонетных форм связано именно с башенными занятиями [15. С. 229]. Известно, что об «ответном сонете» говорилось на заседании Академии стиха 29 апреля, однако что именно было сказано, вынести трудно, поскольку сохранившиеся лекции неполны и отрывочны [15. С. 233], в истории же литературы «ответным сонетом» принято называть ответ одного поэта на сонет другого с использованием тех же рифм.

Волошин был одним из первых, кто написал ответный сонет Бальмонту в феврале 1915 г. К слову Петербург им были найдены рифмы: пургам – Демиургом – resurgam. Использование этих рифм с целью сохранения в строгой сонетной форме старого имени города, как отмечает А. Шишкин, показывает, что «для поэта смысловая интенция опоясывающих рифмованных слов в катренах была неким магическим действом, призванным запечатлеть в сонетном слове два века славной истории Петербурга» [15. С. 237]. Вяч. Иванов и Брюсов написали ответные сонеты в мае 1915 г. Типы рифмовок всех трех сонетов отличаются друг от друга вопреки требованиям «ответного сонета», что становится следствием разнящихся взглядов на судьбу и назначение города: Волошин (ABBA BABA CCD EDE), Иванов (ABBA ABBA CDD CDD), Брюсов (ABBA ABBA CCD CCD). Вяч. Иванов в катренах рифмует: маскарад – рад – Царьград – Петроград и Астерия – Византия – Россия. Переименованию города он находит исторические аналогии: Троя была переименована в Рим, остров Астерия стал называться Делосом. Таким образом, Петербург ставится Ивановым в один ряд с мировыми городами: Троей, Римом и Константинополем. Рифмуя Петроград с Царьградом, Византию с Россией, поэт переносит идею монаха Филофея «Москва – третий Рим» с Москвы на Петербург. В брюсовском сонете Петербург предстает как как город-чудо, появившийся по мановению Петра, как всемирное достояние, всечеловеческое же значение города, по мнению автора, не передают ни славянизированное именование «Петроград», ни голландское «Петербург», но лишь грецизированное «Петрополь».

Тема двойной борьбы и вопрос об исходе этой борьбы подспудно возникают лишь в сонете Волошина, в то время как у Брюсова и Иванова ведущей является тема всемирно-исторического значения города.

После революции 1917 г. Волошин связывает с Петербургом имперский период русской истории, с Петроградом же то, что последовало после его завершения. Однако Петроград вырос из Петербурга, революция же была подготовлена имперским строем государства. Отсюда назревает вопрос: какие черты российской империи, по мнению Волошина, породили большевиков, что общего между противниками? Для ответа на этот вопрос обратимся к тому, как раскрывается в творчестве Волошина петербургский, имперский, период русской истории.

Петербургские темы у Волошина постоянно сопровождает образ Петра – создателя российской империи, при этом реально-исторический образ Петра смыкается с поэтикой литературной и поэтикой реалий – пушкинским образом Медного всадника и фальконетовской конной статуей: царь-преобразователь именуется «Медным Петром», «Бронзовым Гигантом». Ключевой является мысль о радикальных преобразованиях, сопутствовавших появлению Российской империи, в стихотворении «Китеж» почти дословно используется пушкинская цитата: «О мощный властелин судьбы! / Не так ли ты над самой бездной / На высоте, *уздой железной* / *Россию поднял на дыбы?*» [16. С. 297]:

> Антихрист – Петр распаренную глыбу
> Собрал, стянул и раскачал,
> Остриг, обрил и, вздернувши на дыбу,
> Наукам книжным обучал [4. Т. 1. С. 280].

Следуя устоявшейся славянофильской мысли, Волошин считает, что Петр искусственно оборвал естественный ход событий, остановил органическое развитие России, не дал следовать ей своим, особенным путем – осуществить мессианское назначение примирения Востока и Запада. В стихотворении «Европа» (1918) Петр именуется «неистовым Хирургом» [4. Т. 1. С. 267], рождение же Петербурга сравнивается не с естественными родами, а с «кесаревым сечением», преждевременно сделанным нетерпеливым преобразователем:

> И зачала и понесла во чреве
> Русь – третий Рим – слепой и страстный плод:
> Да зачатое в пламени и в гневе
> Собой восток и запад сопряжет!
>
> Но, роковым охвачен нетерпеньем,
> Всё исказил неистовый Хирург,
> Что кесаревым вылущил сеченьем
> Незрелый плод Славянства – Петербург [4. Т. 1. С. 267].

В поэме «Россия» (1924) Петербург уподобляется всей России, Петр сравнивается с неистовым дровосеком, срубающим лес для новых проспектов, не в мраморе, а в мясе высекающий «живую Галатею»:

Кровавый пар столбом стоит над Русью,
Топор Петра российский ломит бор
И вдаль ведёт проспекты страшных просек.
<…>
Не то мясник, а может быть, ваятель —
Не в мраморе, а в мясе высекал
Он топором живую Галатею,
Кромсал ножом и шваркал лоскуты
[4. Т. 1. С. 373].

Радикальность преобразований ставит Петра в один ряд с большевиками. Вспомним, что в приведенном в начале нашей статьи стихотворении Волошин упоминает о знаменитом контрреволюционере Ж. де Местре, противнике всяческих революций, известном своим неприятием западничества, а также неоднозначным отношением к роли Петра в российской истории. Упоминание имени Ж. де Местра, таким образом, определяет историософскую позицию автора стихотворения. Вся история России, начиная с времен Петра, по мнению Волошина, была революционной, только революция осуществлялась не снизу, а сверху. В лекции «Россия распятая» Волошин подчеркивает, что главной чертой русского самодержавия была его революционность: «…в России монархическая власть во все времена была радикальнее управляемого ею общества и всегда имела склонность производить революцию сверху, старалась административным путем перекинуть Россию на несколько столетий вперед, согласно идеалам прогресса своего времени, прибегая для этого к самым сильным насильственным мерам…» [4. Т. 6. Кн. 2. С. 461]:

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет к её грядущим далям.
<…>
В России революция была
Исконнейшим из прав самодержавья,
Как ныне в свой черед утверждено
Самодержавье правом революций [4. Т. 1. С. 378].

Таким образом, Петербург становится оплотом революционного самодержавия. Уже само создание этого «стройного», «горячечного и триумфального города», «построенного на трупах, на костях», предвосхитило будущую народную революцию. В стихотворении «Предвестия» (1905) создание Петербурга выступает как предзнаменование будущих исторических катастроф, его появление уподобляется гудению «в храмах медных щитов» перед убийством Цезаря, разодранному «священному занавесу», когда Христос испустил дух на Голгофе:

Сознанье строгое есть в жестах Немезиды:
Умей читать условные черты:
Пред тем как сбылись Мартовские Иды
Гудели в храмах медные щиты...
Священный занавес был в скинии распорот:
В часы Голгоф трепещет смутный мир...
О, бронзовый Гигант! ты создал призрак-город,
Как призрак-дерево из семени – факир
[4. Т. 1. С. 251].

Обращение к образу Медного всадника, отсылающее к поэме Пушкина, не случайно. Образ Медного Всадника не раз возникнет в русской литературе XX в. при изображении исторических катаклизмов эпохи и часто будет сопряжен с образами революционеров. Так, например, в романе А. Белого «Петербург» Медный всадник называет Дудкина «сынок» [17. С. 230], герой-революционер, террорист, является как бы продолжателем дела Петра. Революция осмысливалась Волошиным как вырвавшаяся на волю стихия: «Верю в правоту верховных сил, / Расковавших древние стихии» [4. Т. 1. С. 348]. Стихия, вырвавшаяся на волю, является центром поэмы Пушкина «Медный всадник», представляет собой «ядро поэтического сюжета», описание наводнения «занимает треть стихотворного пространства в самом центре произведения», «”Нева”, “река”, “волны” одушевляются. Действия их представлены как результат злой воли. Впечатления “поддерживают” оживляющие сравнения. Их целая цепь. Нева уподобляется беспокойному больному зверю, свирепой шайке, коню, прибежавшему с битвы…». В.Я. Брюсов в статье 1909 г. «Медный всадник» осмысливает наводнение в поэме Пушкина в революционном ключе, вводя «созданную им систему идеологического “шифра” и образную линию наводнения. Петр “Медного всадника”, считает он, воплощает идею самодержавия, наводнение – стихийный бунт массы, угроза Евгения “Кумиру” – мятеж, зреющий в душе мыслящего человека» [18. С. 88]. Образ Медного всадника возникает и в поэме «Россия», где говорится о «безумном лике медного Петра». Связанный с образом Медного всадника мотив безумия в поэме Пушкина был замечен также В. Ходасевичем, считавшим, что все петербургские повести Пушкина «растут из одного сюжета, все говорят о вмешательстве дьявола в жизнь обычных людей. Евгений видит “демонский” лик Петра: “Ему казалось, что царь над волнами высится как их глава, как страшный и неподвижный предводитель демонов… И не разберешь усмиряет ли демонов его простертая рука – или их возбуждает, ведет на приступ”» [18. С. 96]. В контексте «Медного всадника» стихия разрушительна, как бы она ни проявлялась. В буйстве Невы она бунтует против стеснительных оков «стройного» города. В буйстве Евгения – «против строителя чудотворного». С Медным всадником – против бедного безумца [18. С. 99]. Как было замечено В.С. Непомнящим, в начале поэмы неслучайно отмечается, что город был построен Петром «назло» («Здесь будет город заложен / *Назло* надменному соседу» [16. С. 285; 19. С. 121].

По мнению Волошина, революционное самодержавие, «воля медного Петра» были необходимы для того, чтобы сдерживать стихийность, разрушительный мятежный дух, свойственный русской нации. В лекции «Россия распятая» поэт называет «великую русскую равнину» «исконной страной бесноватости», поэтому:

Бакунину потребен Николай,
Как Петр – стрельцу, как Аввакуму – Никон (379).
…Вне воли медного Петра –
Нам нет дорог: нас водит на болоте
Огней бесовская игра [4. Т. 1. С. 279].

Но «воля медного Петра» утрачивается с расстрелом царской семьи:

Расстреливают царскую семью
…Потом их жгут и зарывают пепел.
Всё кончено. Петровский замкнут круг [4. Т. 1. С. 373].

Свержение монархической власти ознаменовало конец петербургской империи, смену полюсов: революционное самодержавие сменилось народной революцией, имперский Петербург превратился в народный Петроград.

Петроград: «место всенародного бесовского шабаша»

Расстрел последней царской семьи снимет самодержавные оковы, в результате чего «распахивается дверь разрух» и «духи мерзости и блуда / Стремглав кидаются на зов» [4. Т. 1. С. 255]: «Суть в том, что древняя, темная, историческая жизнь России, так долго скрывавшаяся под спудом империи, сразу выступила из берегов, как только большевицкая пропаганда <…> обратилась с призывом к жадным, мрачным и разбойничьим сторонам русской души. Тогда из народной глубины поднялись страшные призраки XVI и XVII века, которых мы считали давно похороненными. Но оказалось, что они живы и переполнены сил, и что все это время они жили рядом с нами, задыхаясь под железными обручами, которыми их сковала Петербургская Империя» [4. Т. 6. Кн. 2. С. 428]. Центром революции снизу становится Петроград. Происходящее Волошин сравнивает со зловещим спиритическим сеансом, когда в «пустоту державной воли ринулись Распутины, Илиодоры и их присные. Импровизированный спиритический сеанс завершился в стенах Зимнего Дворца всенародным бесовским шабашем семнадцатого года…» [4. Т. 6. Кн. 2. С. 463]. Стихотворение, описывающее революционные события как всеобщее беснование, неслучайно названо новым именем города – «Петроград»:

Сквозь пустоту державной воли,
Когда-то собранной Петром,
Вся нежить хлынула в сей дом.
И на зияющем престоле,
Над зыбким мороком болот
Бесовский правит хоровод… [4. Т. 1. С. 255].

Образ пустого проема, через который хлынула «нежить», сходен с образом прорубленного Петром окна из поэмы «Медный всадник», однако это уже не окно в Европу, а пустая дыра, брешь. В. Непомнящий образ прорубленного в Европу окна пушкинской поэмы связывает с проемом, через который потом хлынут волны начавшегося наводнения, чтобы затопить город, обращая внимание на пушкинские слова «злые волны, / Как воры, лезут в окна»: «Обратим внимание на мирный и тихий пейзаж, открывающий поэму (“Пред ним широко Река неслася” и т.д.); первые же слова монолога: “Отсель грозить мы будем… прорубить окно…”, – словно взламывают его; в образовавшуюся брешь (не “окно” ли?) и хлынут затем “злые волны” (в самом деле: “злые волны, Как воры, лезут в *окна*”)» [19. С. 121].

«Зыбкий морок болот», туманы и марева Петербурга можно назвать «общим местом» петербургского текста, закрепившимся в произведениях русской литературы XIX в. Изображение города как фантастического, призрачного и иллюзорного, могущего растаять как дым, исчезнуть как греза, губительно воздействует и на его жителей: повергает в состояние горячки, бреда, маниакального следования безумным идеям, которые в пространстве города, по определению героя «Записок из подполья», *«самого отвлеченного и умышленного города на всем земном шаре»* [20. Т. 4. С. 455], уже не кажутся дикими и фантастичными. Нельзя здесь не вспомнить рассуждения о петербургском утре Аркадия Долгорукого из романа Ф.М. Достоевского «Подросток»: «…замечу, что считаю петербургское утро, казалось бы, самое прозаическое на всем земном шаре, – чуть ли не самым фантастическим в мире. <…> В такое петербургское утро, гнилое, сырое и туманное, дикая мечта какого-нибудь пушкинского Германна из “Пиковой дамы” (колоссальное лицо, необычайный, совершенно петербургский тип – тип из петербургского периода!), мне кажется, должна еще более укрепиться. Мне сто раз, среди этого тумана, задавалась странная, но навязчивая греза: “А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизлый город, подымется с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй, для красы, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?”» [20. Т. 8. С. 270]. Под воздействие губительных диких идей нередко попадают и герои Н.В. Гоголя. Тема призрачности Петербурга и беспочвенности идей, возникающих под влиянием фантастического города, особенно ярко звучит в поэме Волошина «Россия»:

Я нёс в себе – багровый, как гнойник,
Горячечный и триумфальный город
<…>
С водой стоячей, вправленной в гранит,
<…>
И с озарённым лаврами и гневом
Безумным ликом медного Петра.
<…>
В болотной мгле клубились клочья **марев**:
Российских дел неизжитые сны… (выделено мной. – *А.А.*) [4. Т. 1. С. 368].

Идеи классового неравенства, возникшие, по мысли Волошина, искусственно, так как им не было предпосылок на русской почве, являются тем же призрачным болотным маревом, что и идеи, терзавшие петербургских героев русской литературы. Отсюда происходящие в стране события называются им словом гоголевского героя из «Записок-сумасшедшего», заразившегося дикой в своей фантастичности идеей стать испанским королем, – «Мартобря»:

До Мартобря (его предвидел Гоголь)
В России не было ни буржуа,
Ни классового пролетариата:
Была земля, купцы да голытьба,
Чиновники, дворяне да крестьяне...
Да выли ветры, да орал сохой
Поля доисторический Микула... [4. Т. 1. С. 378].

Призрачные идеи, терзающие плоть России, являются, таким образом, следствием воздействия «горячечного и триумфального» города, а с ним вместе и всего петербургского периода русской истории. Петроград, в свою очередь, знаменует период, когда призрачные идеи воплотились, «бесы» обрели плоть и кровь.

Антитеза «Китеж – Петербург / Петроград»

Петрограду, ставшему местом бесовского шабаша, Волошин противопоставляет иное, умопостигаемое пространство – Русь как ценность духовную. В 1918 г. в письме к А. Петровой от 10 мая поэт пишет: «Наша физическая земная родина хирургически отделяется сейчас от родины духовной (Святая Русь); но даже изгнанничество, эмиграция невозможны, потому что России вообще теперь нет. И родина духовная – Русь – Славия – не имеет больше государственного, пространственного выражения. Она для нас остается ценностью духовной, какой в сущности была и раньше» [4. Т. 12. С. 98]. Примечательно, что творящиеся в стране события Волошин сравнивает с процессом *хирургического* отделения физической родины от духовной, таким образом, действия революционных деятелей своей радикальностью и искусственностью уподобляются действиям Петра, который в стихотворении «Европа» именуется «неистовым Хирургом». Идеалом для М. Волошина является Град Божий, но достижение его возможно лишь «за гранью времен». Образ «Града Божия» в лирике Волошина воплощается в образе града Китежа. В стихотворении «Китеж» (1919) дается обзор русской истории, пути которой, как и в поэме «Россия», осмысливаются как пути революционные, как закономерное движение от революционности самодержавной к революционности народной. Китеж не является здесь олицетворением Древней Руси, в контексте поэмы Русь никогда не была Святой, издревле «усобицы кромсали Русь ножами / Скупые дети Калиты / Неправдами, насильем, грабежами / Ее сбирали лоскуты» [4. Т. 1. С. 280]. События революционной действительности не являются чем-то новым, а соотносятся с уже бывшими историческими потрясениями, бунтами, мятежами: «И вырвались со свистом из-под трона / Клубящиеся пламена… / Повоскресали из гробов / Мазепы, Разины и Пугачевы – / Страшилища иных веков» [4. Т. 1. С. 281]. Но этому реальному пространству Руси, где царили бунты, мятежи, было противопоставлено иное, умопостигаемое пространство – пространство Китежа.

Сравнение Святой Руси с Китежем вносит тему эсхатологии – конца мира, свидетельствует о том, что обретение ее возможно лишь «за гранью времен». Так, например, в романе П.А. Мельникова-Печерского «В лесах» говорится, что увидеть этот город можно лишь «смертныма очима» [21. С. 842]. Китеж – это город, который, согласно легенде, ушел на дно озера Светлояр во времена татаро-монгольского нашествия, чтобы быть сокрытым от врагов. Явлен он будет только лишь в конце времен, во время второго пришествия Христа. Эта старообрядческая легенда о святом граде Китеже кладется в основу стихотворения «Китеж»:

Ни Сергиев, ни Оптина, ни Саров
Народный не уймут костер:
Они уйдут, спасаясь от пожаров,
На дно серебряных озер.
Так, отданная на поток татарам,
Святая Киевская Русь
Ушла с земли, прикрывшись Светлояром... [4. Т. 1. С. 279]

Предание о Китеже дошло в основном по старообрядческим памятникам XVII в., в которых внимание акцентируется на мотиве конца света и пришествии Антихриста, спасением от которого является святой невидимый «вечно взыскуемый» град, противопоставляемый старообрядцами Петербургу, городу, построенному Петром, которого они считали Антихристом. Отсылкой на старообрядческую легенду в поэме «Китеж» является наименование Петра Антихристом: «Антихрист-Петр распаренную глыбу / Собрал, стянул и раскачал…» [4. Т. 1. С. 280].

Отсюда возникает антитеза «Китеж – Петербург». У Волошина Китежу противопоставлен Петроград – переименованный Петербург, в письме к А.М. Петровой от 9 декабря 1917 г. поэт подчеркивает эту разницу: «Посылаю Вам новые стихи “ПЕТРОГРАД” (именно это опозоренное имя в отличие от Петербурга)…» [4. Т. 10. С. 753]. Смена названия города осмысливается как ритуальное изменение имени, влекущее за собой изменение сущности. Как было отмечено М.Ю. Лотманом и Б.А. Успенским, «объект может утрачивать связь со своим предшествующим состоянием и становиться другим объектом… этому может предшествовать перемена имени» [22. С. 439]. Подобно тому как в XVIII в. переименование страны в империю сопровождалось глубоким убеждением в совершенном ее перерождении, а сотворение «“новой” и “златой” России мыслилось как генеральное переименование – полная смена имен: смена названия государства, перенесение столицы, дарование ей “иноземного” наименования, изменение титула главы государства, названий, чинов и учреждений» [22. С. 447], так и смена названия Петербурга в Петроград ознаменовала начало нового периода, закрепила место описываемых событий в революционной эпохе. По мнению Волошина, «переменой имени было отмечено начало рокового спиритического сеанса». На смену имени города как на причину последовавших после роковых событий указывали многие современники Волошина.

Например, Н.П. Анциферов замечал, что «лишение города векового имени должно было ознаменовать начало новой эры в его развитии, эры полного слияния с когда-то чуждой ему Россией. Оживший Медный Всадник явится на своем “звонко скачущем коне” не во главе победоносных армий своего злосчастного потомка, а впереди народных масс, сокрушающих прошлое и творящих будущее» [23. С. 210–211]. Таким образом, славянизация имени города, по Анциферову, ознаменовала становление Медного всадника во главе стихийной силы народа. Мысль о Петербурге, как чуждом русскому духу городе, и династии Романовых, как воплощении немецкого порядка и железной дисциплины, звучит и в поэме Волошина «Россия» (1924):

> Раздерганный и полоумный Павел
> Собою открывает целый ряд
> Наряженных в мундиры автоматов,
> Штампованных по прусским образцам
> (Знак: «Made in Germany», клеймо: Романов) [4. Т. 1. С. 371].

Имперский период российской истории был немыслим без «немецкого фактора», славянизация же имени Петербурга будто сокрушила и сам немецкий дух города, строгий и упорядочивающий. Тревожные предчувствия в связи с переименованием города были свойственны многим современникам Волошина. Так, например. А.Н. Бенуа, вспоминал об этом событии как о посягательстве на волю Петра, пренебрежении его завещанием: «Скажу тут же – из всех ошибок “старого” режима в России мне представляется наименее простительной его измена Петербургу. <…> Я даже склонен считать, что все наши беды произошли как бы в наказание за такую измену, за то, что измельчавшие потомки вздумали пренебречь завещанием Петра» [24. С. 8]. Отрицательно к переименованию города отнесся и А.М. Ремизов. Революционный Петроград «Взвихренной Руси» превращается в инфернальное пространство, где, как было замечено А.М. Грачевой, нарушены все былые константы как территории, так и социума. В нем всё и все – бывшие: в магазинах не продают продукты, в парикмахерских не стригут и т.д. Классические топосы Петербурга в Петрограде оборачиваются негативными двойниками былых городских достопримечательностей» [25. С. 225–228].

В неопубликованной при жизни Волошина книге «Неопалимая Купина», куда вошли произведения 1914–1924 гг., складывается пространственная триада, представляющая своего рода хронотоп, который включает три пространства, соотносимые с тремя историческими эпохами: Древняя Русь, Петербург – период «революционного самодержавия» и Петроград – события русской революции, оцениваемой поэтом как «революция снизу». Эти три пространства, сменяющие друг друга в хронологической последовательности, представляют градационный ряд, организованный по принципу отдаления от «Града Божия». Антитеза «Китеж – Петроград» является последующим видоизмененным противопоставлением ряда «Китеж – Петербург», характерным для русской литературы XIX – начала XX в. В середине XIX в., после «Медного всадника» А.С. Пушкина в русской литературе начинает доминировать темная сторона Петербурга, наиболее ярко проявляющаяся в произведениях Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и физиологических очерках. Как замечает К. Бланк, «на этом литературном фоне в середине XIX века в литературных кругах возникает интерес к мифологическому образу Китежа, созданному старообрядцами». Легендарный Китеж становится противоположностью Петербурга. Впервые старообрядческая легенда получает литературную обработку в романах П.И. Мельникова-Печерского. В начале XX в. продолжает доминировать мрачный, мистический, гибельный лик Петербурга, который в творчестве символистов приобретает апокалиптические черты, становится городом призрачным, воздействующим разрушительно. Спастись от его гибельного действия можно лишь убежав в иную реальность. Этой духовной спасительной реальностью становится Китеж, к образу которого обращаются многие поэты и писатели Серебряного века: Д. Мережковский [26. Кн. 2. С. 64–85; Кн. 3. С. 17–34], З. Гиппиус, Н. Клюев, С. Есенин [21. С. 838–844]. Как отмечают исследователи, в литературе Серебряного века легенда о граде Китеже из народного мифа превращается в культурный [27. С. 98; 28. С. 16; 29. С. 247–248], складывается так называемый китежский текст начала XX в., помимо народной легенды вобравший в себя религиозные искания времени и соловьевские идеи о преображении космоса и пространства через индивидуальное преображение личности. Волошин в лекции «Россия распятая» писал: «Сквозь дыбу и застенки, сквозь молодецкую работу заплечных мастеров, сквозь хирургические опыты гениальных операторов выносили мы свою *веру в конечное преображение земного царства* в церковь, во взыскуемый Град Божий, в наш сказочный Китеж – в Град Невидимый, – скрытый от татар, выявленный в озерных отражения Светлояра» [4. Т. 6. Кн. 2. С. 492]. Таким образом, использование антитезы «Китеж – Петроград» М. Волошиным восходит к традициям русской литературы второй половины XIX – начала XX в.

> …Молитесь же, терпите же, примите ж
> На плечи крест, на выю трон.
> *На дне души гудит подводный Китеж –*
> Наш неосуществимый сон! [4. Т. 1. С. 281].

Знаменательна в приведенных строках своеобразная трансформация китежской легенды: город праведников скрыт не на дне озера Светлояр, а на дне души, темная сторона которой, таким образом, уподобляется личине, скрывающей светлый богоподобный лик. Сравнение темной природы человека с «глубинами темных вод» отсылает к поэме Волошина «Святой Серафим», где замечается, что старец видел в человеке сквозь весь слой дорожной пыли «Божий Лик в глубинах темных вод»: «И с души весь слой дорожной пыли / Отряхнет и зеркало протрет, / Чтоб земные души отразили / Божий Лик в глубинах темных вод» [4. Т. 2. С. 115]. Образ гудящего на дне души Китежа

является своего рода парафразом строк, звучащих в начале стихотворения «Китеж»: «Святая Русь покрыта Русью грешной». Таким образом, здесь возникает устойчивый для книги мотив темного плена материи и томящегося в темнице светлого начала, противопоставление Лика и омрачающей его личины, что характерно для мифа о Софии. Итак, перед нами вновь возникает софиологический сюжет о томящейся в плену материи Душе Мира, китежская легенда прочитывается, таким образом, в софийном ключе. Противопоставление плена материи и Души Мира накладывается на классическую для русской литературы антитезу «Китеж – Петербург/Петроград». Петербург предстает здесь как творение злого Демиурга, темница, личина, скрывающая томящийся в глубине светлый Лик.

Образ Китежа как Града Божия, укрытого на дне души человеческой, отсылающий к евангельским словам Христа: «Царство Божие внутри вас есть» (Лк. 17:21), раскрывает также космологическое значение человека, через перерождение которого осуществляется перерождение Вселенной. Понимание личного дела человека как общего дела всего мира близко соловьевскому взгляду на то, каким образом должна быть достигнута конечная цель истории – софийное преображение мира. Наиболее ясно эта мысль философа звучит в работе «Смысл любви»: «Наше перерождение неразрывно связано с перерождением вселенной, с преобразованием ее форм пространства и времени. <…> Наше личное дело, поскольку оно истинно, есть общее дело всего мира – реализация и индивидуализация всеединой идеи и одухотворение материи» [30. С. 540].

Опора на петербургский текст русской литературы в произведениях Волошина несомненна. В изображении Петербурга как мрачного, демонического, призрачного города, а его создателя – как антихриста и безумного Демиурга, Волошин близок староверческому изводу петербургского текста. В русле этой же старообрядческой традиции закономерным является и обращение к образу Китежа, который понимается Волошиным не как реально-историческое пространство, а как категория духовная. Китеж как категория духовная противопоставляется призрачному и демоническому Петербургу – творению безумного Демиурга, а затем и злому, беснующемуся Петрограду. В изображении темной стороны Петербурга несомненна опора не только на пушкинского «Медного всадника», но и на ряд других текстов XIX в. Туманы, марева, искусственный и умышленный дух Петербурга, призрачные «маниакальные» идеи, заражающие человека, становятся «общим местом» и в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя, и в романах Ф.М. Достоевского, А. Белого и др. При этом установить генетическое преемство с конкретными текстами не представляется возможным, поскольку классические произведения русской литературы, в которых сформировался устойчивый образ Петербурга и его создателя, вводятся как общий фон, воспринимаемый как «единый текст». Как отмечала З.Г. Минц, именно в начале XX в. «пестрое наследие XIX века» было превращено в петербургский текст: «Цитируемый текст должен быть опознан читателем как цитата, но цитата не из определенного текста о Петербурге, а как *из текстовой совокупности*, вновь образуемой символизмом» [31. С. 105]. Основные черты петербургского текста и то, как какое продолжение и историософское значение было им получено в произведениях Волошина, были рассмотрены в настоящей работе.

Примечания

[1] См., например: Гиппократ: страна скифов «расположена под самыми Медведицами и Рипейскими горами, откуда дует северный ветер <…> беспрерывно дуют ветры холодные с севера от снега, льда и многих вод, которые никогда не оставляют гор, вследствие чего последние только с трудом могут быть обитаемы. Густой туман обнимает целый день поля, на которых живут скифы, так что у них почти непрерывная зима, а лето лишь в самые немногие дни и в те не очень жаркое» (Гиппократ. О воздухах, водах и местностях // Избранные книги [пер. с гр. проф. В.И. Руднева]. М. : Гос. изд-во биол. и мед. лит., 1936. С. 298).

[2] Именование «Петроград» восходит к поэме Пушкина «Медный всадник».

Список источников

1. Долгополов Л.К. На рубеже веков. М. : Сов. писатель, 1985.
2. Шмурло Е.Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб. : Сенат. типограф., 1912. Вып. 1.
3. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М. : Издательская группа «Прогресс-Культура», 1995.
4. Волошин М.А. Собрание сочинений : в 13 т. М. : Эллис Лак, 2003–2015.
5. Петрова Г.В. К анализу стихотворения Волошина «Петербург» (1915) // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2012) : в 2 ч. СПб., 2013. Ч. 2: Литературоведение. С. 177–184.
6. Петрова Г.В. Художественные аллюзии в книге стихов М.А. Волошина «Anno mundi ardentis 1915» // Эпоха символизма. Встреча литературы и искусства. М. : Азбуковник, 2016. С. 175–193.
7. Ж. де Местр. Санкт-Петербургские вечера. СПб. : Алетейя, 1998.
8. Гиппократ. О воздухах, водах и местностях // Избранные книги / [пер. с греч. проф. В.И. Руднева]. М. : Гос. изд-во биол. и мед. лит., 1936.
9. Реальный словарь классических древностей. СПб. : Об-во классической филологии и педагогики, 1885.
10. Месяц С.В. Демиург // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XIV. С. 374–376.
11. Димиург // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Петербург, 1893. Т. Ха. С. 617.
12. Ambelain R. La notion gnostique du Démiurge dans les Ecritures et les traditions judéochrétiennes. Paris, 1959.
13. Иванов Вяч.И. Собрание сочинений. Брюссель, 1987. Т. 4.
14. Брюсов В.Я. Избранные сочинения : в 2 т. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1955.
15. Шишкин А.Б. Вячеслав Иванов и сонет серебряного века // Europa Orientalis XVIII. 1999. Vol. 2. С. 221–270.
16. Пушкин А.С. Собрание сочинений : в 10 т. М. : ГИХЛ, 1959–1962. Т. 3.
17. Белый А. Петербург // Собрание сочинений : в 6 т. М., 2003. Т. 2.

18. Альми И.Л. О поэзии и прозе. СПб. : Скифия, 2002.
19. Непомнящий В.С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. М. : Сестричество во имя преподобномученицы великой княгини Елизаветы, 2001.
20. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 15 т. Л. : Наука, 1988–1996.
21. Бланк К. Иеротопия сокровенного града: невидимый Китеж, никоновский Новый Иерусалим и петровский парадиз // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М. : Индрик, 2009. С. 836–849.
22. Успенский Б.А., Лотман Ю.М. Миф – имя – культура // Успенский Б.А. Семиотика истории. Семиотика культуры. Избранные труды : в 3 т. М. : Гнозис, 1996. Т. 1. С. 433–459.
23. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1922.
24. Бенуа А.Н. Жизнь художника. Воспоминания : в 2 т. Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1955.
25. Грачева А.М. Два лика Северной Пальмиры в романе-коллаже А. Ремизова «Взвихренная Русь» // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения-2012) : в 2 ч. СПб., 2013. Ч. 2: Литературоведение. С. 225–228.
26. Мережковский Д.С. Революция и религия // Русская мысль. М., 1907. Год двадцать восьмой. Кн. II: Год двадцать восьмой. С. 64–85. Кн. III. С. 17–34.
27. Карлсон И. Невидимый град: Легенда о граде Китеже и русская литература конца XIX – первой половины XX века. Göteborg : Göteborgs Universitet, 2007.
28. Пащенко М.В. Проблема «китежского текста» и «Инония» Есенина // Вопросы литературы. 2011. № 2. С. 9–58.
29. Кнорре Е.Ю. Образ идеальной революции: «Китежский текст» в творчестве М. Пришвина, С. Есенина, Н. Клюева в период революции и Гражданской войны // Перелом 1917 года: революционный контекст русской литературы. Исследования и материалы. М. : ИМЛИ РАН, 2017. С. 247–258.
30. Соловьев В.С. Смысл любви // Собрание сочинений : в 2 т. М. : Мысль, 1988. Т. 2. С. 493–547.
31. Минц З.Г. Петербургский текст и русский символизм // Поэтика русского символизма. СПб. : Искусство-СПБ, 2004. С. 103–115.

References

1. Dolgopolov, L.K. (1985) *Na rubezhe vekov* [At the turn of the century]. Moscow: Sov. pisatel'.
2. Shmurlo, E.F. (1912) *Petr Velikiy v otsenke sovremennikov i potomstva* [Peter the Great in the assessment of contemporaries and descendants]. Vol. 1. Saint Petersburg: Senat. tipograf.
3. Toporov, V.N. (1995) *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the field of the mythopoetic]. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress-Kul'tura".
4. Voloshin, M.A. (2003–2015) *Sobranie sochineniy: v 13 t.* [Collected works: in 13 vols]. Moscow: Ellis Lak.
5. Petrova, G.V. (2013) K analizu stikhotvoreniya Voloshina "Peterburg" (1915) [To the analysis of Voloshin's poem "Petersburg" (1915)]. In: *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniya – 2012): v 2 ch.* [Print and Word of St. Petersburg (Petersburg Readings – 2012): in 2 parts]. Part 2. Saint Petersburg. pp. 177–184.
6. Petrova, G.V. (2016) Khudozhestvennye allyuzii v knige stikhov M.A. Voloshina "Anno mundi ardentis 1915" [Literary allusions in M.A. Voloshin's "Anno mundi ardentis 1915"]. In: *Epokha simvolizma. Vstrecha literatury i iskusstva* [The era of symbolism. The encounter of literature and art]. Moscow: Azbukovnik. pp. 175–193.
7. de Maistre, J. (1998) *Sankt-Peterburgskie vechera* [St. Petersburg Dialogues]. Translated from French. Saint Petersburg: Aleteyya.
8. Hippocrates. (1936) O vozdukhakh, vodakh i mestnostyakh [On airs, waters, and places]. In: *Izbrannye knigi* [Selected books]. Translated from Greek by V.I. Rudnev. Moscow: Gos. izd-vo biol. i med. lit.
9. Anon. (1885) *Real'nyy slovar' klassicheskikh drevnostey* [Real dictionary of classical antiquities]. Saint Petersburg: Ob-vo klassicheskoy filologii i pedagogiki.
10. Mesyats, S.V. (2007) Demiurg [Demiurge]. In: *Pravoslavnaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. XIV. Moscow. pp. 374–376.
11. Brockhaus, F. & Efron, I.A. (1893) Dimiurg [Demiurge]. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Peterburg: Brokgauz i Efron. T. Xa. p. 617.
12. Ambelain, R. (1959) *La notion gnostique du Démiurge dans les Ecritures et les traditions judéochrétiennes*. Paris.
13. Ivanov, Vyach.I. (1987) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 4. Brussels.
14. Bryusov, V.Ya. (1955) *Izbrannye sochineniya: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols]. Moscow: Gos. izd-vo khud. lit.
15. Shishkin, A.B. (1999) Vyacheslav Ivanov i sonet serebryanogo veka [Vyacheslav Ivanov and the Sonnet of the Silver Age]. *Europa Orientalis XVIII.* 2. pp. 221–270.
16. Pushkin, A.S. (1960) *Sobranie sochineniy: v 10 t.* [Collected works: in 10 vols]. Vol. 3. Moscow: GIKhL
17. Bely, A. (2004) Peterburg [Petersburg]. In: *Sobranie sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols]. Vol. 2. Moscow.
18. Al'mi, I.L. (2002) *O poezii i proze* [On poetry and prose]. Saint Petersburg: Skifiya.
19. Nepomnyashchiy, V.S. (2001) *Da vedayut potomki pravoslavnykh. Pushkin. Rossiya. My* [Let the descendants of the Orthodox know. Pushkin. Russia. We]. Moscow: Sestrichestvo vo imya prepodobnomuchenitsy velikoy knyagini Elizavety.
20. Dostoevskiy, F.M. (1988–1996) *Sobranie sochineniy: v 15 t.* [Collected works: in 15 vols]. Leningrad: Nauka.
21. Blank, K. (2009) Ierotopiya sokrovennogo grada: nevidimyy Kitezh, nikonovskiy Novyy Ierusalim i petrovskiy paradiz [Hierotopia of the Secret City: The Invisible Kitezh, Nikon's New Jerusalem and Peter's Paradise]. In: *Novye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv* [New Jerusalems. Hierotopy and iconography of sacred spaces]. Moscow: Indrik, 2009. pp. 836–849.
22. Uspenskiy, B.A. & Lotman, Yu.M. (1996) Mif – imya – kul'tura [Myth – name – culture]. In: Uspenskiy, B.A. *Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. Izbrannye trudy: v 3 t.* [Semiotics of history. Semiotics of culture. Selected works: in 3 vols]. Vol. 1. Moscow: Gnozis. pp. 433–459.
23. Antsiferov, N.P. (1922) *Dusha Peterburga* [The Soul of Petersburg]. Saint Petersburg: Brokgauz-Efron.
24. Benois, A.N. (1955) *Zhizn' khudozhnika. Vospominaniya: v 2 t.* [Artist's life. Memories: in 2 volumes]. NY: Izd-vo imeni Chekhova.
25. Gracheva, A.M. (2013) Dva lika Severnoy Pal'miry v romane-kollazhe A. Remizova "Vzvikhrennaya Rus'" [Two faces of Northern Palmyra in A. Remizov's novel-collage Russia in the Whirlwind]. In: *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskie chteniya – 2012): v 2 ch.* [Print and Word of St. Petersburg (Petersburg Readings – 2012): in 2 parts]. Part 2. Saint Petersburg. pp. 225–228.
26. Merezhkovskiy, D.S. (1907) Revolyutsiya i religiya [Revolution and Religion]. *Russkaya mysl'*. II. pp. 64–85; III. pp. 17–34.
27. Carlson, I. (2007) *Nevidimyy grad: Legenda o grade Kitezhe i russkaya literatura kontsa XIX – pervoy poloviny XX veka* [The Invisible City: The Legend of the City of Kitezh and Russian Literature of the Late 19th – First Half of the 20th Century]. Göteborg: Göteborgs Universitet.
28. Pashchenko, M.V. (2011) Problema "kitezhskogo teksta" i "Inoniya" Esenina [The problem of the "Kitezh text" and Yesenin's "Inonia"]. *Voprosy literatury.* 2. pp. 9–58.
29. Knorre, E.Yu. (2017) Obraz ideal'noy revolyutsii: "Kitezhskiy tekst" v tvorchestve M. Prishvina, S. Esenina, N. Klyueva v period revolyutsii i Grazhdanskoy voyny [The image of the ideal revolution: "Kitezh text" in the works of M. Prishvin, S. Yesenin, N. Klyuev during the revolution and the Civil War]. In: *Perelom 1917 goda: revolyutsionnyy kontekst russkoy literatury. Issledovaniya i materialy* [Fracture of 1917: the revolutionary context of Russian literature]. Moscow: IWL RAS. pp. 247–258.

30. Solov'ev, V.S. (1988) Smysl lyubvi [The meaning of love]. In: *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Collected works: in 2 vols]. Moscow: Mysl', 1988. T. 2. pp. 493–547.
31. Mints, Z.G. (2004) Peterburgskiy tekst i russkiy simvolizm [Petersburg Text and Russian Symbolism]. In: *Poetika russkogo simvolizma* [Poetics of Russian Symbolism]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 103–115.

Информация об авторе:
Аристова (Тинникова) А.С. – канд. филол. наук, научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва, Россия). E-mail: atinnikova@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
A.S. Aristova (Tinnikova), Cand. Sci. (Philology), researcher, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: atinnikova@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.03.2019;
одобрена после рецензирования 10.06.2022; принята к публикации 28.06.2022.

The article was submitted 01.03.2019;
approved after reviewing 10.06.2022; accepted for publication 28.06.2022.

Научная статья
УДК 82-3
doi: 10.17223/15617793/479/3

«Авиатор» Е. Водолазкина в свете набоковской традиции

Елена Германовна Белоусова [1]

[1] *Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, belouelena@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается роман «Авиатор» Е.Г. Водолазкина в свете набоковской традиции, концепции памяти и творчества В.В. Набокова преимущественно. Выявляются многочисленные аллюзии к набоковским текстам, темы и стилевые принципы Набокова. Раскрываются особенности творческого диалога с набоковской традицией на различных уровнях романной структуры. Делается вывод об использовании набоковского подтекста как способа ментального воздействия на читателя, прояснения авторских представлений о сущности бытия и творчества.

Ключевые слова: творчество Е.Г. Водолазкина, набоковская традиция, концепция творчества, тема памяти, точка зрения, зеркальность, двойничество

Для цитирования: Белоусова Е.Г. «Авиатор» Е. Водолазкина в свете набоковской традиции // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 33–40. doi: 10.17223/15617793/479/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/3

The Aviator by Eugene Vodolazkin in relation to the Nabokovian tradition

Elena G. Belousova[1]

[1] *Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation, belouelena@gmail.com*

Abstract. The work considers how Eugene Vodolazkin interacts with the Nabokovian tradition in the novel *The Aviator*. The correlation study is justified by the numerous references to Nabokov's works in *The Aviator* and Vodolazkin's interview, according to which Nabokov is one of his favourite authors. The chosen perspective is fruitful due to the coincidence of the writers' aesthetic views in many aspects. The article analyzes the peculiar ways of memory themes imagining and creating in the novel by Vodolazkin to identify points of convergence and divergence between *The Aviator* and Nabokov's works. Methods of comparative, structural and style analysis are applied. The research reveals a similar understanding of memory nature by Vodolazkin and by Nabokov as a way to recall the past and its axiology when personal impressions and related feelings are of great value. The interrelation of mental and visual processes defines the key functions of memory in the novel: to distinguish the most precious moments of life and, bringing them together, to recreate the continuity of the world and clarify its deep meaning. It causes Vodolazkin to use close-ups, Nabokov-like "multilayer" images-recollections, to choose visual and aesthetic instruments simultaneously. Besides a Nabokov-like shift of the common perception of reality, Vodolazkin uses the convergence of viewpoints of the chronicler as a representative of epic perception and the aviator as a representative of lyric, modernist perception. It allows the author to create a "great canvas" of Russian life, similar to a chronicle corpus, and to reveal the original sense of being: invisible presence of eternity in every experienced moment. Preceded by Nabokov, Vodolazkin considers art as a way to preserve the past and to state the everlasting value of human "Ego". Both writers prefer visual forms of art. Photography and cinematography actualize the timeless sense of being in the novel, the fine arts code manifests the internal, not evident, essence of a featured human being. Vodolazkin's style decisions are Nabokov-like as well. Besides considering the principle of shift and uncovering an image layer-by-layer, the article dwells on the reflection principle – the basic one for Nabokov's poetics. *The Aviator* organizes pairs of reflecting double-gangers who are the characters of Platonov's past and present life, his life in Petersburg and on the Solovki as well as his numerous intertextual double-gangers. The study concludes that Vodolazkin's imaginative dialogue with the Nabokovian tradition is a purposeful strategy implemented on various levels of the novel's structure. Nabokovian implied sense is used as a way of mental influence on the reader to develop the writer's intention and clarify his perception of the sense of being and creating.

Keywords: oeuvre of Eugene Vodolazkin, Nabokovian tradition, concept of creation, memory, viewpoint, reflection, double-gangers

***For citation*:** Belousova, E.G. (2022) *The Aviator* by Eugene Vodolazkin in relation to the Nabokovian tradition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 33–40. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/3

© Белоусова Е.Г., 2022

Литературность прозы Е.Г. Водолазкина и романа «Авиатор» неоднократно отмечалась критиками и исследователями: Г.Л. Юзефович [1], Т.Г. Кучиной и Д.Н. Ахапкиной [2], М.В. Бочкиной и М.М. Голубковым [3], Я. Солдаткиной [4], Г.Э. Импости [5]. Особенно выделим в этом ряду М.П. Абашеву [6] и В.В. Абашева [7], которые не просто называют различные претексты «Авиатора», но размышляют о специфической природе его цитатности. «Интертекстуальность Водолазкина особого рода, − замечает М.П. Абашева. – Это не прямая цитатность, он расставляет знаки не иконические, но индексальные − то есть указывает на знакомый читателю опыт, который усиливает суггестивность его собственных текстов» [6. С. 40]. В.В. Абашев определяет характер цитирования Водолазкиным как *суммирующий*: «…фрагмент текста отсылает одновременно ко *многим источникам* (здесь и далее курсив мой. – *Е.Б.)*, цитируя не какой-то конкретный текст, а скорее топос культуры, сложившийся как результат эманации многих произведений в совокупное представление о стиле, эпохе, образе исторического лица и т.п.» [7. С. 321].

В качестве опорных текстов «суммирующего цитирования» в «Авиаторе» чаще всего и совершенно справедливо называют тексты Ф.М. Достоевского, А.А. Блока, А.П. Платонова, И.А. Бунина, В.В. Набокова [4–8]. Не умаляя значимости остальных авторов, заметим, что фигура Набокова заслуживает отдельного внимания, и тому есть несколько причин.

Во-первых, несмотря на общепризнанность набоковского подтекста в «Авиаторе», проблеме творческого диалога Е.Г. Водолазкина и В.В. Набокова на сегодняшний день посвящена только одна статья Е.Г. Трубецковой «Борьба с амнезией: набоковские “знаки и символы” в романе Е. Водолазкина “Авиатор”» [8]. При несомненной ценности наблюдений автора за интертекстуальными связями романа Водолазкина с прозой Набокова, которые рассматриваются как на содержательном (темы памяти и воскрешения), так и формальном (синтез времен) уровне, означенной проблемы она не исчерпывает, скорее, задает направление для дальнейшего и скрупулезного исследования.

Во-вторых, в своих интервью Е.Г. Водолазкин неоднократно обращается к В.В. Набокову, который предстает не только одним из любимых, но и «эталонных» авторов. Водолазкин не скрывает ни своего восхищения «великим стилистом»[1], ни набоковского влияния на собственное творчество и роман «Авиатор» в частности: «Без опыта Пруста, без опыта Набокова то, что я делаю, я делать не смог бы» [10]. А профессиональный разбор писательской стратегии Набокова Водолазкиным-филологом существенно проясняет эстетическую позицию самого автора.

Суждения Е.Г. Водолазкина о литературе и роли художника явно перекликаются с набоковскими или разворачиваются как своеобразная полемика с мэтром. Их суть можно свести к следующему.

1. Художник – ясновидец, способный узреть невидимое и выразить невыразимое. Способность набоковского искусства проявлять истину высшего порядка, скрывающуюся за внешним обликом вещей и явлений, акцентируют такие известные исследователи, как В.Е. Александров [11], Б.В. Аверин [12], С. Давыдов [13]. В этом плане размышления Водолазкина о сути творчества вполне естественно начинаются с Набокова и разворачиваются в русле классической интерпретации его текстов[2]. «Набоков написал: “раковинный гул вечного небытия”. До чего мощно! То, что было невыразимо, он выразил – и мы теперь можем это обдумывать. Я бы сказал, что задача литературы – выражать невыразимое» [15].

2. Отличительное свойство подлинной литературы и произведения искусства – метафизичность[3]. Оно понимается Водолазкиным как «умение приподняться над повседневным языком, повседневной действительностью и увидеть что-то за горизонтом» [15]. Именно это превращает литературу в подлинное свидетельство о мире.

И вновь, уточняя свою позицию, Водолазкин обращается к творчеству Набокова прямо: «Набоковское *волшебство* − это волшебство называния. В сущности, одна из основных задач литературы − называть неназванное» [9]. Или опосредованно: «Я полагаю, что задача моя, как писателя <…> *описывать неописанное. Светить своим фонариком, вырывая из тьмы невыраженности* новые фрагменты бытия. Мы чувствуем многие вещи, но они не названы, и потому – не могут быть предметом осмысления. <…> Писатель должен описывать, *а не проповедовать»* [17]. Многочисленные аллюзии, отсылающие к литературно-критическим текстам Набокова и научным трудам о нем, помогают Водолазкину «суммарно» воссоздать образ гениального писателя, наделенного даром «сверхчувственного ясновидения», волшебника, дающего «чудотворный толчок» к оживлению своего создания.

Однако в отличие от Набокова, сотворенная реальность для Водолазкина не важнее действительной, а потому в плане выбора собственной писательской стратегии гораздо ближе ему оказывается Бунин: «Набоков восхищает, а Бунин − простите за невольную рифму − насыщает. Набоков − пирожное, Бунин − хлеб». И чуть позже: «Его (Бунина. − *Е.Б.*) произведения − не отвлеченная конструкция <…> это действительность во всех ее проявлениях» [14].

В этой связи может показаться, что у Водолазкина особое, отличное от набоковского отношение к стилю. Напомним, истинное назначение литературы для Набокова состоит не в идеях, а в «магии стиля» [17. С. 141]. Водолазкин же категорически заявляет, что «литература несводима к стилю и к умению составлять слова. Главное − передать ту небесную идею, эйдос, которые должны быть у всякой вещи на земле» [15].

Однако на самом деле никакой полемики с метром здесь нет. Есть неприятие «стилистического щегольства» и «самодавлеющей стилизации», как справедливо определяет Е. Ермолин один из вариантов «сокращенного в задачах диалога с набоковской традицией» современной русской прозы [18]. Неслучайно из современных ему авторов Е. Водолазкин явно выделяет

М. Шишкина: обладая «хорошим стилем», он пишет «очень глубокие вещи» [19].

Да и Набоков видел в стиле гораздо больше, чем набор технических средств и приемов. Хороший стиль не затемняет смысл произведения, а проявляет его, что подтверждают набоковские лекции по литературе, где дается блистательный разбор произведений классиков мировой литературы. Например: «Действенность стиля − это ключ к литературе, магический ключ к Диккенсу, Гоголю, Флоберу, Толстому, ко всем великим мастерам. *Форма (структура и стиль) = содержание; почему и как = что*» [20. С. 170].

Таким образом, во многом перекликаясь с набоковскими, эстетические взгляды Е.Г. Водолазкина далеко не во всем с ними не совпадают, что находит отражение в романе «Авиатор». Он выстраивается в активном диалоге автора с набоковской традицией, что предполагает не только следование образцу, но также отталкивание и переосмысление художественного опыта предшественника. И проявляется этот диалог на различных уровнях текста.

Отсюда цель статьи − выявление точек соприкосновения и расхождения романа Е.Г. Водолазкина «Авиатор» с творческим наследием В.В. Набокова.

Одной из главных в «Авиаторе» является тема памяти. Именно она направляет развитие сюжетной линии романа от физического воскрешения (разморозки) бывшего узника Соловецкого лагеря Иннокентия Петровича Платонова в постсоветской России в 1999 г. к воскрешению его прошлой жизни. А это значит, что тема памяти осмысляется Е.Г. Водолазкиным в русле автобиографической прозы XX в. (текстов И.А. Бунина, И.С. Шмелева, М.А. Осоргина и В.В. Набокова в том числе), где память выступает способом воссоздания прошлого. Причем «воссоздать» в данном случае равносильно «пережить заново» [12. С. 32].

Эту невероятно сложную задачу Водолазкин решает комплексно. Для воскрешения прошлого прежде всего необходимо *разглядеть и выделить* в хаотическом нагромождении фактов *наиболее ценные моменты*. В свете «особой аксиологии памяти» (термин В.В. Абашева), декларируемой Водолазкиным вслед за Набоковым, Буниным, Осоргиным, непреходящей ценностью обладают «события сердца» − впечатления и связанные с ними ощущения. Отсюда – повышенное внимание Водолазкина к крупным планам, подчеркивающим значимость для «Авиатора», как и набоковских текстов, визуального начала. Например: «Что осталось – теплый сентябрьский день, шагнувший в мою комнату сквозь открытое окно. Открытое окно осенью – такая редкость. Трепет пальмы на резной (розы да лилии) подставке. Приземлившийся на письменном столе косой луч солнца. В фокусе – стопка книг. Легкий, без солнца незаметный налет пыли. На учебнике по истории – божья коровка» [21. С. 39].

И так же, как у Набокова, ключевые образы-воспоминания Водолазкина тяготеют к многослойности, сопряжению визуальных, аудиальных, вкусовых, тактильных ощущений. Хотя последние и не сливаются в мощный синестетический аккорд, где ведущую роль – *«призмы, смещающей* привычные грани восприятия, но в то же время *проясняющей и усиливающей* осязательные или слуховые ощущения человека», – чаще всего играет зрительный образ [22. С. 17]. Например, в «Машеньке»: «Она <…> дремала чутким, старушечьим сном, сквозь который огромными шкапами, полными дрожащей посуды, проходил грохот поездов» [23. Т. 1. С. 102]; «еще сильнее казался развесистый, многолиственый, шелестящий шум дождя» [23. Т. 1. С. 82] и т.п.

У Водолазкина же любое ощущение, всплывшее в памяти Платонова, драгоценно и самоценно. Хотя в воспоминаниях Платонова о поездке в 1916 году на велосипеде, воскрешающих в памяти читателя страницы «Машеньки»[4], автор «Авиатора» явно делает реверанс в сторону Набокова. Здесь тоже доминирует визуальный образ, а звуковые ощущения лишь дополняют и усиливают его. «*Велосипед* на грунтовой дороге после дождя. Он едет с *тихим шипением. Колёса* поднимают дорожную *влагу* и бросают ее на *крылья велосипеда*. С них она стекает на землю *крупными грязными каплями.* Иногда *колёса* въезжают в *широкие лужи*. *Звук рассекаемой воды. Две волны расходятся от центра лужи к ее краям»* [21. С. 163].

Подобная многослойность образов-воспоминаний проявляет еще одну функцию памяти, сближающую «Авиатора» Водолазкина с текстами Набокова − «Другими берегами», «Машенькой» и особенно «Возвращением Чорба». Она призвана *собрать драгоценные мгновения воедино и воссоздать (воскресить) мир во всей его полноте и целостности*, а вместе с ним – и *утраченное единство человеческого «Я»*[5].

Глубинный смысл мотива собирания раскрывается в романе благодаря парному с ним мотиву утраты или потери: «Пытаюсь воссоздать тот мир, который *ушел навсегда*, а получаются только жалкие *осколки»* [21. С. 88]; «А вообще, *жизнь разваливается на части*, хоть я и пытаюсь связать их воедино. *Разваливается и прекращается»* [21. С. 170]. Свидетельствуя о разрыве жизненно важных связей между явлениями и предметами, он несет в себе семантику *отсутствия жизни,* т.е. *становится знаком смерти*, в то время как *полнота и богатство − признаком жизни*: «…потеря всякого человека и всякой вещи является частью смерти. Которая *есть потеря всего*» [21. С. 138].

Однако, в отличие от набоковского Чорба, ценностью для героя Водолазкина обладают не только счастливые воспоминания – о родителях, детстве на даче в Сиверской, любви к Анастасии… Одним из ключевых в структуре романа и жизненной канве Платонова является эпизод гибели авиатора Фролова. А еще есть страшные воспоминания об аресте профессора Воронина, зверствах чекистов во время допросов, барже «Клара Цеткин», на которой арестантов везли на Соловки, о «подснежниках» − замерших зэках, которых находили только весной… И все это герой скрупулезно фиксирует в памяти и дневнике, чтобы осмыслить произошедшее за минувшие сто лет с ним самим и страной в целом.

Выше уже отмечалось, что ментальные процессы у Водолазкина неразрывно связаны с процессом визуализации: «понять» предполагает «прояснить»,

т.е. «увидеть предельно ясно и четко»[6]. Отдельного внимания заслуживают в этом плане оптические и одновременно эстетические инструменты, которые выбирает Водолазкин для достижения поставленной цели.

Напомним, набоковское ясновидение возникает *в результате сдвига* в привычном восприятии реальности, *созерцания ее под определенным углом зрения*. В «Авиаторе» аналогичной призмой на уровне сюжета становится само воскрешение героя, на уровне повествования − ментальная направленность взгляда, *обращенность назад*. «За спинами конвоя я увидел моих дорогих − оказалось, в последний раз. Я вижу их и сейчас *с фотографической точностью*. Знаю, что так же они *увидели и меня обернувшегося*. *На всю жизнь сфотографировали* − меня освещала вспышка их горя. После моей смерти две фотокарточки сольются в одну» [21. С. 54]. Вводя авторский «преломляющий угол», визуальная метафоры такого рода, как справедливо пишет О. Журавель, «выявляет наиболее отчетливо авторскую точку зрения, содержит перцептивную «подсказку» [24. С. 103]. Совсем как у Набокова, например, в лекции о М. Прусте: «Пруст – *призма*. Его или ее единственная задача – *преломлять и, преломляя, воссоздавать мир, какой видишь, обернувшись назад*» [20. С. 276].

Полноту и ясность видения в «Авиаторе» помимо прочего обеспечивает *совмещение двух точек зрения – авиатора и летописца*. Первая и основная ипостась героя-рассказчика заявлена уже в названии романа и эпиграфе. Вторая возникает в тексте значительно позже, сюжетно мотивирована чтением «Повести временных лет» Платоновым, но не менее значима[7]. Перефразировав слова героя, можно сказать, что Водолазкин «пытается приблизиться к прошлому *разными путями*, чтобы понять, что оно такое. Что-то *отдельное от меня* или *проживаемое мной до сих пор*?» [21. С. 154]. Глубинный же смысл этой художественной конструкции раскрывается при сопоставлении названных точек зрения и их носителей.

И авиатора, и летописца отличает *широта обзора* и как следствие – *масштабность, даже монументальность*[8] воспроизводимой картины жизни. Но если точка зрения авиатора, которому «сверху видно все», акцентирует ее *пространственную протяженность и целостность*, то точка зрения летописца – *хронологическую непрерывность*. Для летописца Платонова время едино. В нем нет отдельного прошлого или настоящего, есть лишь «передние» и «задние» события [25. С. 254–255]. Нет и «пустого времени», поэтому герой не только скрупулезно описывает свои воспоминания из детства, петербургской жизни до ареста или жизни в Соловецком лагере. Он стремится вернуть десятилетия, проведенные в заморозке, и заполняет хронологические «дыры» с помощью чтения и просмотра кинофильмов советского времени.

Аналогично топос романа вбирает в себя множество отдельных локусов – дача и вокзал в Сиверской, коммунальная квартира в Петербурге 1919 г., Соловецкий лагерь и остров Анзер, больница, квартира Платонова и Насти в Петербурге нового времени, Александро-Невская лавра… И все это посредством ассоциаций героя связывается воедино, составляя сложное мозаичное полотно его жизни.

Наметившаяся разность позиций еще решительней проявляется в способе жизнеописания, что объясняется разностью типов сознания авиатора и летописца. Носитель эпического сознания, *летописец объективен и анонимен*, «мы» для него больше, чем «я». Так и Платонов, задумавший создать «большое полотно» русской жизни, постепенно вовлекает в процесс жизнеописания Гейгера и Настю. Причем голоса героев постепенно утрачивают персональную маркировку в тексте и начинают звучать практически одновременно, подхватывая и развивая одну и ту же тему. В результате романное повествование приобретает явное сходство с летописным сводом: «…создается цепь повествований, цепь сообщений и сведений, вытянутых в одну линию, передающих эстафету времени по одному прямому направлению» [25. С. 254]. Такое жизнеописание, имея четко выраженное начало, не может иметь конца, ибо нет конца у жизни. И действительно, жизнь Платонова, его умершей возлюбленной Анастасии, нынешней жены Насти (внучки Анастасии), получат свое продолжение в еще не родившейся дочери Анне.

При этом Водолазкин вовсе не ставит своей целью воссоздать летописное время. Его возможности он использует, творчески переосмысляя и адаптируя к собственному замыслу, в частности сопрягая точки зрения средневекового летописца и человека нового времени − авиатора.

Образ авиатора, глубоко укорененный в культуре начала XX столетия, является одним из ключевых символов модернистской литературы − произведений А. Блока, В. Брюсова, И. Северянина, Л. Андреева и др. [5]. И конечно, ровесник века, авиатор Платонов обладает ярко выраженным индивидуальным сознанием. Человеческое «Я» для него бесценно, гораздо важнее «мы», а потому голос и сознание Платонова явно доминируют в романе. Об этом можно судить и по способу воскрешения прошлого − через личные впечатления и ощущения, и по платоновской концепции истории: «Ведь это только на первый взгляд кажется, что Ватерлоо и умиротворенная беседа несравнимы, потому что Ватерлоо – это мировая история, а беседа вроде как нет. Но беседа – это событие личной истории, для которой мировая – всего лишь небольшая часть, прелюдия, что ли. Понятно, что при таких обстоятельствах Ватерлоо забудется, в то время как хорошая беседа – никогда» [21. С. 167].

Подобное совмещение различных точек зрения придает романному изображению стереоскопичность и позволяет Водолазкину воспроизвести жизнь во всей ее *полноте, богатстве и невероятной сложности*. Ведь каждый персонаж и событие показаны с нескольких сторон, и прежде всего с той, с которой яснее всего обозревается. Вместе с тем двойное освещение жизни открывает подлинный смысл отдельной человеческой экзистенции и бытия в целом – *незримое присутствие вечного, вневременного, повторяющегося в каждом миге*. Думается, по этой причине в дневнике Платонова

указаны только дни недели и нет конкретных дат: с точки зрения вечности они нивелируются в бесконечном потоке жизни. Эта особая, стоящая над частными событиями историческая правда, открывшаяся Платонову, помогает ему пережить все ужасы прошлого, включая встречу с палачом-чекистом Вороновым уже после разморозки.

А это значит, выбранные Водолазкиным «пути» к прошлому не столь уж различны. Тем более, основным способом сохранения прошлого авиатор и жизнеописатель Платонов считает слово. Так, тема памяти, воскрешения прошлого соединяется у Водолазкина с темой искусства, вновь отсылая к набоковскому подтексту. Ведь именно искусство способно безошибочно проявлять подлинную сущность бытия – закрытые, «невидимые» грани и свойства явлений. Поэтому в «Других берегах» Набоков заявляет, что тайный, «неповторимый водяной знак», оттиснутый на его жизни, различим только «на свет искусства» [23. Т. 4. С. 140].

Наиболее действенными в этом плане у Водолазкина оказываются визуальные виды искусств – фотография, кино и живопись. Подтверждая бесспорность запечатленного в кадре, «фотография актуализирует тему памяти и воскресения» [24. С. 100], а значит, соединяет в одной точке прошлое, настоящее и даже будущее, опровергая конечность человеческого существования: «Нет, – отвечает, прячась за треногой, отец, – это *взгляд в вечность*, потому что *фотопортрет включает твое настоящее и прошлое, а может быть, и будущее*» [21. С. 95]. Вневременный смысл бытия акцентирует в романе и уподобление воспоминаний обратной киносъемке. Например, при описании траурной процессии в день похорон авиатора Фролова: «Я так жадно в нее всматриваюсь и так часто впоследствии прокручиваю это зрелище в памяти, что в моем сознании оно остается *многократным*. Будто в обратной съемке, процессия спешно возвращается к началу Невского и вновь начинает свое величавое движение вперед» [21. С. 140].

У живописного кода в романе своя задача – он раскрывает глубинную сущность человека, как в случае с портретом Зарецкого. Доносчик, омерзительный тип, лишенный моральных качеств и как следствие – человеческого облика, в изображении Платонова неожиданно предстает фигурой трагической: «В изображенном нет и тени шаржа. Ни в лице сидящего, ни в том, как он подпирает голову, ни даже в бутылке и колбасе. Рисунок глубоко трагичен. <…> Фокус его взгляда где-то за пределами этой комнаты, может быть – за пределами видимого мира вообще». Портрет «освобождает Зарецкого. Избавляет от его страшной роли – быть мокрицей» [21. С. 169]. Иными словами, возвращает человеческий статус.

Так, с помощью искусства Водолазкин утверждает *непреходящую ценность человеческой жизни, уникальность человеческого «Я»*. Это заставляет особенно пристально вглядываться в стилевые решения писателя, которые, по словам Р. Барта, всегда обусловлены «жизнью его тела», т.е. «проявляют вовне органические свойства личности художника» [26. С. 56]. Тем не менее в случае с Водолазкиным они тоже во многом оказываются набоковскими, точнее, воскрешают в памяти читателя основополагающие принципы набоковского конструирования текстов. Один из них – *принцип зеркальности*, основанный «на противопоставлении взаимоотражающихся миров» [27]. В романе «Авиатор» он реализуется в многоярусной системе двойников, раскрывающей мысль автора о противоречивой сложности и неоднозначности человеческого «Я».

Во-первых, пары двойников образуют персонажи из прошлой и настоящей жизни Платонова. Прежде всего возлюбленные главного героя − Анастасия и Настя, реализующие в романе авторское понимание любви как родства душ. Героинь связывает не только общее имя, но и кровное родство (бабушка − внучка). При этом образ Насти как человека, живущего в 20 столетии, отличает прагматизм и подчеркнутая телесность.

К этой же группе двойников относятся врачи Муромцев и Гейгер, которые прежде всего играют сюжетную роль: первый заморозил Платонова, а второй его воскресил. Кроме того, Гейгер выступает двойником-антагонистом и по отношению к главному герою: как и Платонов, он принадлежит к типу художника (в переводе с немецкого der Geiger − «скрипач»), а потому тоже становится жизнеописателем. Вот только позиции у них разные: «Гейгер, по-моему, общественный человек. А я нет. Страна – не моя мера, и даже народ – не моя. Хотел сказать: человек – вот мера, но это звучит как *фраза*. Хотя…» [21. С. 34]. Однако к концу романа эта разница практически нивелируется, и Гейгер обретает платоновскую способность видеть и воссоздавать невидимое: «Если вас не затруднит, Гейгер, опишите орудия, стоящие на станции Сиверская. Они размещены на открытых подвижных платформах. *Осень 1914-го. Туман, переходящий в дождь*» [21. С. 158].

Во-вторых, зеркально соотносятся между собой персонажи из прошлого героя, его петербургской и соловецкой жизни: жертва − профессор Воронин и палач − чекист Воронин, парадоксальным образом объединенные одной фамилией: «Всегда удивлялся тому, что одно имя способно обозначать столь разные сущности. Получается, что Воронин может быть и таким, и таким. Как же он становится тем, кто он есть? Хороший вопрос» [21. С. 159]. Петербургский доносчик Зарецкий и соловецкий садист Панов: оба и палачи, и одновременно жертвы страшных обстоятельств, разрушивших их личность, убивших в них человека.

В-третьих, это сложная система двойников главного героя, среди которых можно выделить и реальных персонажей (Гейгер), и интертекстуальных двойников (А. Платонов, Лазарь, Робинзон, Раскольников, Авиатор), которые уже достаточно хорошо описаны исследователями [28].

Подводя итог всему сказанному выше, заметим следующее: Творческий диалог Е.Г. Водолазкина с набоковской традицией разворачивается на различных

уровнях текста, что позволяет говорить о целенаправленной творческой стратегии автора. Она реализуется посредством многочисленных аллюзий к различным текстам Набокова, «набоковских» тем, мотивов и даже стилевых механизмов (принципы сдвига и послойного обнажения сокровенной сущности явления, принцип зеркальности), направленных на визуализацию воссоздаваемой картины мира и максимальное прояснение глубинного, вневременного смысла бытия.

Творческая стратегия Водолазкина не предполагает полемики с классиком и общепризнанными интерпретациями его текстов. Наоборот, набоковский подтекст целенаправленно используется как средство ментального воздействия на читателя, универсальный легко опознаваемый культурный «код», который позволяет Водолазкину выразить собственные представления о сущности бытия и творчества.

Примечания

[1] «Лет в 20 началось мое серьезное увлечение Набоковым. Он казался мне непревзойденным и рожденным не на земле»; «…я не люблю разговоров о том, что Набоков “ненастоящий”, что это-де феномен стиля. Да, феномен стиля, но такой, при котором форма становится содержанием. Цветы муранского стекла начинают благоухать» [9].

[2] Значимость литературоведческого контекста для интерпретации творчества Водолазкина подтверждают факты его биографии (в прошлом − учеба в аспирантуре Пушкинского Дома под руководством академика Д.С. Лихачёва; ныне − доктор филологических наук, сотрудник Пушкинского Дома, член редколлегий научных филологических журналов), а также интервью писателя, например: «Хлеб и пирожное русской литературы. Писатель Евгений Водолазкин о творческом противостоянии Бунина и Набокова. Рассуждая о сложных взаимоотношениях двух писателей, Водолазкин ссылается в нем на монографию М. Шраера “История соперничества”» [14].

[3] Напомним, что монография В.Е. Александрова «Набоков и потусторонность» имеет подзаголовок «метафизика, этика, эстетика Владимира Набокова» [11].

[4] «…и теперь, когда он случайно вдохнул карбид, все ему вспомнилось *сразу*: *мокрая трава*, *хлещущая* по движущейся *икре*, по *спицам колес*, *круг молочного* света, впивающий и растворяющий тьму, из которой возникали: то *морщинистая лужа*, то *блестящий камешек*, то *навозом обитые доски моста*, то, наконец, *вертящаяся калитка*, сквозь которую он протискивался, задевая плечом *мягкую мокрую листву акаций*» [23. Т. 1. С. 81].

[5] О воскрешении личности через воспоминания см. подробнее: [12. С. 42–46].

[6] Показательно, что основной предпосылкой октябрьского переворота 1917 г. герой романа считает «всеобщее помутнение», утрату четких нравственных ориентиров − « в людях накопилось много зла» [21. С. 37].

[7] Первоначальный вариант названия романа − «Жизнеописатель».

[8] В случае с летописцем, по Лихачеву, это обусловлено действием основополагающих для древнерусской литературы эстетических принципов – цельности и неполноты, избирательности. Как следствие, с одной стороны, «русские летописи стремятся представить на основе своих записей историю княжества, объединить историю княжеств в историю Русской земли в целом, а историю Русской земли связать с историей мировой путем особых хронографических введений, составленных на основе переводных византийских хроник» [25. С. 265]. С другой стороны, «летопись фиксирует лишь часть событий, создавая впечатление необъятности исторического движения. <…> Вырывая из общего потока многочисленных событий то тот, то иной факт и фиксируя его в своих записях, летопись создает впечатление неохватного обилия событий человеческой истории, ее *непостижимости, ее величия и богонаправляемости*» [25. С. 256–257].

Список источников

1. Юзефович Г.Л. «Авиатор» Евгения Водолазкина. И еще пять книг о человеке и времени. URL: https://meduza.io/feature/2016/04/01/aviator-evgeniya-vodolazkina (дата обращения: 26.01.2022).
2. Кучина Т.Г., Ахапкина Д.Н., «Конвертировать бытие в слово»: Homo scribens в прозе Евгения Водолазкина // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22, № 6. С. 105–108.
3. Бочкина М.В., Голубков М.М. Понятия «исторического» и «неисторического» в эстетической и философской системе романа «Авиатор» Е. Водолазкина // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2018. Т. 23, № 2 С. 188−197.
4. Солдаткина Я. Диалог с русской литературой XX века в романах Евгения Водолазкина «Лавр» и «Авиатор» // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2019. Т. 2. С. 309−318.
5. Импости Г.Э. Роман Евгения Водолазкина Авиатор: воздушное обозрение русской литературы начала XX века // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2019. Т. 2. С. 297−308.
6. Абашева М. Что значит быть знаковым писателем: Евгений Водолазкин в контексте русской прозы // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2019. Т. 2. С. 37−48
7. Абашев В. «Проект грядущего восстановления мира…»: роман Евгения Водолазкина «Авиатор» в контексте художественной сотериологии русской литературы // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2019. Т. 2. С. 319−331.
8. Трубецкова Е.Г. Борьба с амнезией: набоковские «знаки и символы» в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2020. Т. 20, вып. 1. С. 104–108.
9. Волшебство называния. Писатель Водолазкин о вершинах и скитаниях Владимира Набокова. URL: https://iz.ru/868078/evgenii-vodolazkin/volshebstvo-nazyvaniia (дата обращения: 26.01.2022).
10. Евгений Водолазкин: «Когда-нибудь я перееду в провинцию». URL: https://cityreporter.ru/evgenij-vodolazkin-kogda-nibud-ya-pereedu-v-provintsiyu/ (дата обращения: 26.01.2022)
11. Александров В.Е. Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика. СПб. : Алтея, 1999. 312с.
12. Аверин Б.В. Дар Мнемозины: романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб. : Амфора, 2003. 399 с.
13. Давыдов С. «Тексты-матрешки» В. Набокова. СПб. : Кирцидели, 2004. 158 с.
14. Хлеб и пирожное русской литературы. Писатель Евгений Водолазкин о творческом противостоянии Бунина и Набокова. URL: https://iz.ru/1076929/evgenii-vodolazkin/khleb-i-pirozhnoe-russkoi-literatury (дата обращения: 26.01.2022).
15. Водолазкин Е. Я пишу для самого вдумчивого и глубокого читателя. Таких много. URL: https://www.litres.ru/pages/cms/?page=10482 (дата обращения: 26.01.2022).
16. Евгений Водолазкин. Набоков, критика и резь в желудке. URL: https://book24.ru/podcast/5253131/ (дата обращения: 26.01.2022).
17. Набоков В.В. Лекции по русской литературе: Чехов, Достоевский, Гоголь, Горький, Толстой, Тургенев. М., 1998. URL: http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritikanabokova/nikolaj-gogol/nash-gospodin-chichikov.htm (дата обращения: 26.01.2022).
18. Ермолин Е. Ключи Набокова: Пути новой прозы и проза новых путей // Континент. 2006. № 127. С. 432–443. URL: http://magazines.russ.ru/continent/2006/127/ee20.html (дата обращения: 26.01.2022).

19. Евгений Водолазкин: Человек в центре литературы. URL: http://www.pravmir.ru/chelovek-v-centre-literatury/ (дата обращения: 26.01.2022).
20. Набоков В. Лекции по зарубежной литературе: Остен, Диккенс, Флобер, Джойс, Кафка, Пруст, Стивенсон. М. : Независимая газета, 1998. 512 с.
21. Водолазкин Е. Авиатор. М. : АСТ, 2015. 180 с.
22. Белоусова Е.Г. Стилевая интенсификация в русской прозе рубежа 1920–1930-х гг. : автореф. дис. … д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2007. 38 с.
23. Набоков В.В. Собрание сочинений : в 4 т. М. : Правда, 1990.
24. Журавель О. Визуальная поэтика Евгения Водолазкина // Знаковые имена современной русской литературы. Евгений Водолазкин / под ред. А. Скотницкой, Я. Свежего. Краков, 2019. Т. 2. С. 97–108.
25. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М. : Наука, 1979. 360с.
26. Барт Р. Нулевая степень письма. М. : Академический проект, 2008. С. 51−114. URL: http://library.khpg.org/files/docs/1328601612.pdf (дата обращения: 26.01.2022).
27. Зайцева Ю. «Принцип зеркала» в художественной системе Набокова // Научно-культурологический журнал. URL: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=666&level1=main&level2=articles (дата обращения: 26.01.2022).
28. Войводич Я. Начало и конец индивидуальной истории («Авиатор» Е. Водолазкина) // Новое литературное обозрение. 2019. № 159. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21562/ (дата обращения: 26.01.2022).

References

1. Yuzefovich, G.L. (2016) *“Aviator” Evgeniya Vodolazkina. I eshche pyat’ knig o cheloveke i vremeni* [The Aviator by Eugene Vodolazkin. And five more books about person and time]. [Online] Available from: https://meduza.io/feature/2016/04/01/aviator-evgeniya-vodolazkina (Accessed: 26.01.2022).
2. Kuchina, T.G. & Akhapkina, D.N. (2016) “Konvertirovat’ bytie v slovo”: Homo scribens v proze Evgeniya Vodolazkina [“To Convert Being into Word”: Homo scribens in the prose of Eugene Vodolazkin]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta.* 22 (6). pp. 105–108.
3. Bochkina, M.V. & Golubkov, M.M. (2018) Ponyatiya “istoricheskogo” i “neistoricheskogo” v esteticheskoy i filosofskoy sisteme romana “Aviator” E. Vodolazkina [The concepts “historical” and “non-historical” in the aesthetic and philosophical system of the novel The Aviator by E. Vodolazkin]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika.* 23 (2) pp. 188−197.
4. Soldatkina, Ya. (2019) Dialog s russkoy literaturoy KhKh veka v romanakh Evgeniya Vodolazkina “Lavr” i “Aviator” [Dialogue with Russian literature of the twentieth century in Eugene Vodolazkin’s novels Laurus and The Aviator]. In: Skotnitskaya, A. & Svezhiy, Ya. (eds) *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin* [Significant names of modern Russian literature. Eugene Vodolazkin]. Vol. 2. Krakow. pp. 309−318.
5. Imposti, G.E. (2019) Roman Evgeniya Vodolazkina Aviator: vozdushnoe obozrenie russkoy literatury nachala XX veka [Eugene Vodolazkin’s novel The Aviator: An aerial review of Russian literature of the early twentieth century]. In: Skotnitskaya, A. & Svezhiy, Ya. (eds) *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin* [Significant names of modern Russian literature. Eugene Vodolazkin]. Vol. 2. Krakow. pp. 297−308.
6. Abasheva, M. (2019) Chto znachit byt’ znakovym pisatelem: Evgeniy Vodolazkin v kontekste russkoy prozy [What means to be a landmark writer: Eugene Vodolazkin in the context of Russian prose]. In: Skotnitskaya, A. & Svezhiy, Ya. (eds) *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin* [Significant names of modern Russian literature. Eugene Vodolazkin]. Vol. 2. Krakow. pp. 37−48
7. Abashev, V. (2019) “Proekt gryadushchego vosstanovleniya mira…”: roman Evgeniya Vodolazkina “Aviator” v kontekste khudozhestvennoy soteriologii russkoy literatury [“Project for the Future Restoration of the World ...”: Eugene Vodolazkin’s novel The Aviator in the context of the literary soteriology of Russian literature]. In: Skotnitskaya, A. & Svezhiy, Ya. (eds) *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin* [Significant names of modern Russian literature. Eugene Vodolazkin]. Vol. 2. Krakow. pp. 319−331.
8. Trubetskova, E.G. (2020) Bor’ba s amneziey: nabokovskie “znaki i simvoly” v romane E. Vodolazkina “Aviator” [The fight against amnesia: Nabokov’s “signs and symbols” in E. Vodolazkin’s novel The Aviator]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*. 20 (1). pp. 104–108.
9. Iz.ru. (2019) *Volshebstvo nazyvaniya. Pisatel’ Evgeniy Vodolazkin o vershinakh i skitaniyakh Vladimira Nabokova* [The magic of naming. Writer Eugene Vodolazkin about the peaks and wanderings of Vladimir Nabokov]. April 22, 2019. [Online] Available from: https://iz.ru/868078/evgenii-vodolazkin/volshebstvo-nazyvaniia (Accessed: 26.01.2022).
10. Vodolazkin, E. (2022) *“Kogda-nibud’ ya pereedu v provintsiyu”* [“Someday I will move to the province.”]. [Online] Available from: https://cityreporter.ru/evgenij-vodolazkin-kogda-nibud-ya-pereedu-v-provintsiyu/ (Accessed: 26.01.2022)
11. Aleksandrov, V.E. (1999) *Nabokov i potustoronnost’: metafizika, etika, estetika* [Nabokov and otherworldliness: metaphysics, ethics, aesthetics]. Saint Petersburg: Alteya.
12. Averin, B.V. (2003) *Dar Mnemoziny: romany Nabokova v kontekste russkoy avtobiograficheskoy traditsii* [The Gift of Mnemosyne: Nabokov’s Novels in the Context of the Russian Autobiographical Tradition]. Saint Petersburg: Amfora.
13. Davydov, S. (2004) *“Teksty-matreshki” V. Nabokova* [“Matryoshka Texts” of V. Nabokov]. Saint Petersburg: Kirtsideli.
14. Iz.ru. (2020) *Khleb i pirozhnoe russkoy literatury. Pisatel’ Evgeniy Vodolazkin o tvorcheskom protivostoyanii Bunina i Nabokova* [Bread and cake of Russian literature. Writer Eugene Vodolazkin about the creative confrontation between Bunin and Nabokov]. [Online] Available from: https://iz.ru/1076929/evgenii-vodolazkin/khleb-i-pirozhnoe-russkoi-literatury (Accessed: 26.01.2022).
15. Vodolazkin, E. (2022) *Ya pishu dlya samogo vdumchivogo i glubokogo chitatelya. Takikh mnogo* [I write for the most thoughtful and deep reader. There are many of those]. [Online] Available from: https://www.litres.ru/pages/cms/?page=10482 (Accessed: 26.01.2022).
16. Vodolazkin, E. (2022) *Nabokov, kritika i rez’ v zheludke* [Nabokov, criticism and pain in the stomach]. [Online] Available from: https://book24.ru/podcast/5253131/ (Accessed: 26.01.2022).
17. Nabokov, V.V. (1998) *Lektsii po russkoy literature: Chekhov, Dostoevskiy, Gogol’, Gor’kiy, Tolstoy, Turgenev* [Lectures on Russian literature: Chekhov, Dostoevsky, Gogol, Gorky, Tolstoy, Turgenev]. [Online] Available from: http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritikanabokova/nikolaj-gogol/nash-gospodin-chichikov.htm (Accessed: 26.01.2022).
18. Ermolin, E. (2006) Klyuchi Nabokova: Puti novoy prozy i proza novykh putey [Keys of Nabokov: Ways of new prose and prose of new ways]. *Kontinent.* 127. pp. 432–443. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/continent/2006/127/ee20.html (Accessed: 26.01.2022).
19. Pravmir.ru. (2014) *Evgeniy Vodolazkin: Chelovek v tsentre literatury* [Eugene Vodolazkin: Man at the Center of Literature]. [Online] Available from: http://www.pravmir.ru/chelovek-v-centre-literatury/ (Accessed: 26.01.2022).
20. Nabokov, V. (1998) *Lektsii po zarubezhnoy literature: Osten, Dikkens, Flober, Dzhoys, Kafka, Prust, Stivenson* [Lectures on Foreign Literature: Austen, Dickens, Flaubert, Joyce, Kafka, Proust, Stevenson]. Moscow: Nezavisimaya gazeta.
21. Vodolazkin, E. (2015) *Aviator* [The Aviator]. Moscow: AST.
22. Belousova, E.G. (2007) *Stilevaya intensifikatsiya v russkoy proze rubezha 1920–1930-kh gg.* [Stylistic intensification in Russian prose at the turn of the 1930s]. Absract of Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
23. Nabokov, V.V. (1990) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected works: in 4 vols]. Moscow: Pravda.

24. Zhuravel', O. (2019) Vizual'naya poetika Evgeniya Vodolazkina [Visual poetics of Eugene Vodolazkin]. In: In: Skotnitskaya, A. & Svezhiy, Ya. (eds) *Znakovye imena sovremennoy russkoy literatury. Evgeniy Vodolazkin* [Significant names of modern Russian literature. Eugene Vodolazkin]. Vol. 2. Krakow. pp. 97–108.
25. Likhachev, D.S. (1979) *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of ancient Russian literature]. Moscow: Nauka.
26. Barthes, R. (2008) *Nulevaya stepen' pis'ma* [Writing Degree Zero]. Translated from French. Moscow: Akademicheskiy proekt. pp. 51−114. [Online] Available from: http://library.khpg.org/files/docs/1328601612.pdf (Accessed: 26.01.2022).
27. Zaytseva, Yu. (2022) "Printsip zerkala" v khudozhestvennoy sisteme Nabokova ["The principle of the mirror" in the creative system of Nabokov]. *Nauchno-kul'turologicheskiy zhurnal.* [Online] Available from: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=666&level1=main&level2=articles (Accessed: 26.01.2022).
28. Voyvodich, Ya. (2019) Nachalo i konets individual'noy istorii ("Aviator" E. Vodolazkina) [Beginning and end of individual history (The Aviator by E. Vodolazkin)]. *Novoe literaturnoe obozrenie.* 159. [Online] Available from: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21562/ (Accessed: 26.01.2022).

Информация об авторе:
Белоусова Е.Г. – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка и литературы Челябинского государственного университета (г. Челябинск, Россия). E-mail: belouelena@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
E.G. Belousova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian Language and Literature, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: belouelena@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.02.2022;
одобрена после рецензирования 13.06.2022; принята к публикации 28.06.2022.

The article was submitted 12.02.2022;
approved after reviewing 13.06.2022; accepted for publication 28.06.2022.

Научная статья
УДК 82-2
doi: 10.17223/15617793/479/4

Театральные замыслы молодого Дмитрия Блудова (по неопубликованным письмам к В.А. Жуковскому 1802–1804 гг.)

Светлана Вениаминовна Березкина [1]

[1] *Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, s.berezkina@mail.ru*

Аннотация. На материале неопубликованных писем к В.А. Жуковскому проанализированы театральные замыслы Д.Н. Блудова. Выявлено критичное отношение молодого автора к сентиментализму, задевавшее Н.К. Карамзина как главу литературного направления и обнаруживающее созвучность его настроений декларациям членов московского Дружеского литературного общества. Показаны сатирические преломления книги В.В. Измайлова «Путешествие в полуденную Россию» в комедиях «Чувствительный» Д.Н. Блудова и «Новый Стерн» А.А. Шаховского.

Ключевые слова: Д.Н. Блудов, В.А. Жуковский, переписка, русский сентиментализм, литературная полемика с сентиментализмом

Для цитирования: Березкина С.В. Театральные замыслы молодого Дмитрия Блудова (по неопубликованным письмам к В.А. Жуковскому 1802–1804 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 41–49. doi: 10.17223/15617793/479/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/4

Theatrical plans of young Dmitry Bludov (based on unpublished letters of 1802–1804 to Vasily Zhukovsky)

Svetlana V. Berezkina[1]

[1] *Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation, s.berezkina@mail.ru*

Abstract. The article examines the early stage of Bludov's correspondence with Zhukovsky, which lasted for several decades of their lives. Unpublished letters of 1801–1804 make it possible to clarify many of the unknown facts of their biographies. One of the most interesting topics of this correspondence is connected with Bludov's plans dedicated to the theater. At the age of seventeen, Bludov turned to composing comedies under the influence of his cousin V.A. Ozerov, who became famous in 1804 after staging his first tragedy. Among those who supported Bludov was an experienced actor and playwright I.A. Dmitrevsky. By 1803, Bludov had written two plays, one of which (*Midnight*) did not survive. The letters demonstrate his fascination with another dramatic idea: this is a comedy *The Sensitive* – he dedicated one of his letters to Zhukovsky to its detailed description. The article publishes Bludov's letters related to this comedy. Bludov was inspired by an anti-Sentimentalist plan directed against a new literary trend. In his letter to Zhukovsky, he expressed great respect for Karamzin as a converter of literary language, intending even to dedicate *The Sensitive* to him. However, the comedy inevitably touched Karamzin, of which Zhukovsky disapproved. *The Sensitive* has a number of creative moments that bring Bludov's comedy close to A.A. Shakhovskoy's *The New Sterne*, staged in 1805. Shakhovskoy, like Bludov, did not touch Karamzin in his comedy, preferring to employ expressions and images of epigones of Sentimentalism, but it was a strong satirical attack against the entire Karamzin movement and its ideas. *The Sensitive* and *The New Sterne* attacked the same sentimentalist writer, V.V. Izmailov, with his book *A Journey to Midday Russia*. Bludov was inspired to create *The Sensitive* by the first edition of Izmailov's book in 1802, while Shakhovskoy by the second edition in 1805. In both comedies, the plot was connected with the love story of the antagonist, who was a ridiculous loser in *The New Sterne* and a successful representative of secular society in *The Sensitive*. Bludov's plan cannot be understood without taking into account the attitude to Karamzin of the members of the Friendly Literary Society that met in Moscow in 1801. Bludov was not a member of it, but was well acquainted with all its members. Bludov shared the opposition to the "empty Karamzinism" (A.S. Kaysarov) trend in Russian literature. Bludov asks ironic questions about Karamzin in his letters up to the end of 1804. when Zhukovsky introduced him to the writer. Karamzin made an indelible impression on Bludov. Letters to Zhukovsky allow us to date this meeting, previously mistakenly attributed to 1805, to November 1804. Bludov could not help but appreciate the determination with which Zhukovsky refused to support the plan of *The Sensitive*.

© Березкина С.В., 2022

Keywords: Dmitry Bludov, Vasily Zhukovsky, correspondence, Russian sentimentalism, literary polemics with sentimentalism

***For citation*:** Berezkina, S.V. (2022) Theatrical plans of young Dmitry Bludov (based on unpublished letters of 1802–1804 to Vasily Zhukovsky). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal.* 479. pp. 41–49. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/4

Граф Дмитрий Николаевич Блудов (1785–1864) в последние тридцать лет стал героем или же значимым персонажем многих научных работ, в том числе диссертационных, связанных с его разнообразной служебной деятельностью и широчайшим спектром тех исторических процессов и событий, к которым он был причастен [см.: 1; 2. С. 108–156; 3; 4]. Для историков литературы фигура Блудова интересна, в первую очередь, как члена общества «Арзамас» (1815–1818), нареченного в нем Кассандрой (по одноименной балладе В.А. Жуковского) [5; 6. С. 348–365, 479–486, 737–741 и др.]. В «послеарзамасские» годы творческие занятия Блудова ограничивались историческими работами, связанными как с изданием в 1828 г. посмертного тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, так и статьями по материалам Государственного архива, опубликованными после его смерти [7]. Большой интерес для историков литературы имеют его работы, писавшиеся по заданию правительства и вызванные такими важными историческими событиями, как восстание декабристов и смерть Николая I.

Между тем в начале 1800-х гг. молодой Блудов был полон литературных планов, о которых доныне известно весьма немного. По его позднейшему признанию, «область творческого ума» была для него «землей обетованной», в «пределы» которой он так и не решился войти [8. С. 254]. Судя по переписке, особую роль в своем творческом развитии молодой Блудов отводил Жуковскому. Эта сторона личности Блудова раскрывается в его неопубликованных ранних письмах к поэту, содержащих ценнейшие, порой просто уникальные, поскольку они единичны, сведения о жизни их автора [9]. Именно Жуковскому Блудов охотно писал о своих «литературных мечтаниях», как, например, в письме от 15 августа 1802 г., перед отъездом из Москвы в Петербург, вызванным перемещением по службе в Коллегии иностранных дел: «…я всегда боюсь, чтобы ты не усмехнулся, когда я говорю как автор, однако же скажу, что и у меня в голове много планов» [9. Л. 4 об.].

Е.П. Ковалевский, первый биограф Блудова, писал о его увлеченности театром в молодые годы как о своего рода страсти [8. С. 10]. Письма Блудова к Жуковскому первой половины 1800-х гг. дают этому многочисленные подтверждения, поскольку насыщены упоминаниями и о свежих театральных впечатлениях, и о замыслах произведений для театра. То, что семнадцатилетний Блудов принялся за сочинение пьес, произошло под влиянием его двоюродного брата В.А. Озерова (1769–1816), обратившегося в 1802 г. к работе над своей первой трагедией «Эдип в Афинах», благодаря которой вскоре – после постановки ее в 1804 г. – снискал славу первого русского драматурга.

Из писем Блудова к Жуковского начала 1803 г. становится известно, что у него к этому времени была и уже готовая для театра пьеса под названием «Полночь» (обнаружить ее не удалось), и подробный план новой комедии в трех действиях, вдохновленный антисентименталистским замыслом [10]. Этот автограф уже привлекал внимание исследователей: во-первых, К.Ю. Рогова [11. С. 91–92], а во-вторых, М.Л. Майофис, опубликовавшей его текст в приложении к диссертации [12. С. 289–294], а затем включившей отрывок из него в свою книгу об «Арзамасе» [6. С. 356–359]. Ею был дан вдумчивый анализ текста, но, как оказалось, с существенными просчетами, поскольку письма Блудова свидетельствуют и об ином времени его написания (работа над комедией относится к 1805–1808 гг.), и об иных источниках реализации замысла.

О своих комедиях Блудов писал Жуковскому в письме от 22 января 1803 г. из Петербурга: «Твои письма доставляют мне великое – я скажу – счастие; но они слишком коротки и только *взманивают*. Пиши побольше и чаще, не сердись, если они будут иногда оставаться без ответа, ибо мне гораздо больше пользы от твоих писем, нежели тебе от моих: для того что тебе нет никакой, а я получаю письма *Великого* человека, кажется, сам становлюсь умнее. Будь уверен, однако ж, что я преодолею лень свою и стану писать, может быть, так часто, что наскучу тебе. Твое письмо от 15-го сентября (1802 г., не сохранилось – С.Б.), в котором ты – может быть, в шутку – велишь мне воспламениться и писать пиесы, обрадовало меня как ребенка. Но как бы ни было, я скажу тебе, что, несмотря на лень и на ужасный холод моих покоев, у меня в голове вертится много планов, au risque d'être raillé j'ai toujours des démangeaisons de devenir auteur[1]. Признаюсь, однако ж, что еще никогда я не сомневался столь мало в своих силах и не был столь мало доволен собою. Это чувство вместе с ленью мешает мне сделать что-нибудь. Я показывал свою комедию "Полночь", которая, однако ж, совсем не занимает меня, многим здешним. Ее хвалят, но мой несчастный характер заставляет меня думать, что все лгут. Озеров, который, хотя дурной автор, но разумеет в комедиях[2], me presse de la faire jouer[3] и заставил прочитать Дмитриевскому[4], который me pressant aussi[5], говорил несколько раз, что я должен писать для театра и не ленясь, хотя из жалости к тому, что у нас нет ни одного театрального даже изрядного автора; но он, конечно, говорил также из жалости к молодому автору. Я могу положиться на одного любезного Жуковского, который, кажется, еще не обманывал меня; для того написать что-нибудь, а прежде всего доставлю тебе, au risque de vous ennuyer[6], и прошу тебя, ради Бога, не пропускай моих пороков и не допусти мне сделаться скупым писателем, или скучным, что всё равно. Скажи мне на будущей почте, отдавать ли мне "Полночь" на театр, и рассмотри план "Комедии чувствительного" (*неисправленный*), я напи-

сал два действия плану, а третий (план, т.е. план третьего действия. – *С.Б.*) не пишу от лени, хотя уже сделал давно. Рахманов[7] <перешлет> тебе как-нибудь третие действие. Я не утерпел прочитать его кое-кому, он нравится, но я не верю. Если он годится, то отошли мне его (у меня нет копии), если же нет, то сожги в своей печке и скажи только, что он не годен; с душевною скорбию (*отца*) я перестану об нем думать. Но мне кажется, если я не ошибаюсь очень грубым образом, что это не случится; не думай, чтоб в число глупых чувствительных я включал Карамзина; нет, я имею довольно ума, чтоб сердечно уважать его и его сочинения. Даже если б моя пиеса *сделалась* хороша, то я намерен, pour éviter toute application[8], посвятить ее ему. В самой пиесе я буду стараться избегать всего, что он может взять на свой счет. Дурно бы было смеяться над человеком, без которого мы бы, может быть, еще писали варварским слогом Елагина и Сумарокова[9]. Но, может быть, я становлюсь смешон с своими планами и для того не стану говорить о других, ожидая, что ты скажешь об этом. Если – чего я едва смею надеяться – он полюбится тебе, то я сообщу тебе, написав, третье действие <…>. Прости мне, любезный друг, мою беспрестанную сомнительность; она, право, врожденная, и я ей рад оттого только, что она уменьшает самолюбие; по крайней мере обо мне нельзя будет сказать: L'ignorance toujours est prête à s'admirer[10]» [9. Л. 38]. Ответа Жуковского Блудов ожидал, по-видимому, с нетерпением, о чем можно судить по письму его от 10–12 февраля 1803 г., где он сделал приписку: «Скажи мне что-нибудь о моем "Чувствительном"» [9. Л. 18 об.]. Ответное письмо Жуковского, к сожалению, не сохранилось.

Итак, из писем Блудова начала 1803 г. становятся известны, что важно, название задуманной им пьесы («Чувствительный»), а также авторская характеристика ее замысла. Письма позволяют датировать работу семнадцатилетнего автора над замыслом «Чувствительного» концом 1802 г. Впрочем, и без писем Блудова план комедии предоставлял «зацепку» для его датировки – это оставленное исследователями без комментария имя Зе́рвельт, которое автор дал одному из своих героев, ориентируясь на только что появившуюся модную книжку. Зервельтом был наречен персонаж книги В.В. Измайлова (1773–1830) «Путешествие в полуденную Россию», вышедшей отдельным (полным) изданием в Москве в 1802 г. [об этом произведении см.: 17–19]. История любви Зервельта, покончившего с собой из-за невозможности соединить судьбу со своей возлюбленной, рассказывается на крымских страницах этой книги. Его избранница выведена в ней под именем София как дочь академика П.-С. Палласа (1741–1811), знаменитого ученого.

И само имя одного из героев, и характеристика замысла, очерченная Блудовым в письме к Жуковскому, говорит об актуальности проблематики сентиментального «Путешествия…» Измайлова. Появление этой книги, в особенности же в связи со следующим изданием, вышедшим в 1805 г., сопровождалось полемикой, затрагивавшей вопросы не только литературные, но и сословно-нравственные [см.: 18. С. 154–184]. История Зервельта и Софии повествовала об отношениях «добродетельных любовников», которые после «тайных объятий» и «невиннейшего наслаждения» устремились к получению родительского благословения, обернувшегося, однако, для них повелением «навек расстаться». Причину его Измайлов поясняет словами «предубеждение против рода», относящимися к молодому человеку [20. Ч. 2. С. 208–209]. Зервельт решается на крайнее средство при тайной встрече с Софией: «Жизнь или смерть! будь моею, несмотря на родителей, или завтра не будет меня на свете! – Красавица бросается в его объятия <…> цель пламенных желаний приближается – как вдруг энтузиазм добродетели заставляет любовницу вырваться из объятий любовника. – Нет, я не хочу огорчать моих родителей, не хочу бежать; лучше будем навек несчастливы» [20. Ч. 2. С. 210]. После этого Зервельт закалывается «татарским кинжалом». Стихи в честь «русского Зервельта», т.е. Вертера, помещены Измайловым в третью часть «Путешествия в полуденную Россию» [20. Ч. 3. С. 202–203].

Комедия Блудова о «чувствительном» Василии, присвоившем себе имя в честь героя новой книги, задумывалась как ответ на распространяющуюся в русском обществе моду на сентиментальность[11]. Комедийный Зервельт влюблен в Княжну, и критика его действий, по-видимому, была связана с тем опытом жизни в светском обществе, которым уже располагал молодой Блудов, влюбившийся в княжну А.А. Щербатову, свою будущею жену, в 1801 г. и пронесший это чувство в чистоте и преданности до 1812 г., когда она, наконец, стала его женой. Как видно из написанного им плана комедии, Блудов был возмущен приемами ухаживания Зервельта за Княжной, поскольку они расходились с обычаем, принятым в русском обществе.

Зервельту противостоит Граф, приехавший в Москву и встречающий там Князя, в дочь которого он был влюблен: «Граф узнает, что Княжна N, которую он знал прекрасною, искреннею, живою и добросердечною девушкою, переменилась <…> Сие беспокоило его потому, что он есть враг ложной чувствительности, слезливости, которая, к несчастью, говорит он, заразила не одних авторов. Он умножает свои вопросы, и наконец отец <…> открывает ему, что дочь его влюблена в молодого автора, разумеется, чувствительного, которого прежде назвали Васильем, но который ныне хочет быть Зервельтом». В доме Князя Граф, наблюдая за княжной, «с прискорбием узнает ее сантиментальность из разговоров», хотя она и «стыдится при нем своей перемены, за сче<т> оставшегося разума; но восклицания Зервельта прельстили ее, и она не знает, что делать» [12. С. 289–290; 10. Л. 1–1 об.]. Княжна когда-то была влюблена в Графа, но ее смущает, что «он ни слова не говорит никогда о любви, ни о чувствительности, которою Зервельт наполнен» [12. С. 290; 10. Л. 2].

Большие усилия начинающий комедиограф прилагает к разоблачению «чувствительного» Зервельта. Вот сцена признания, когда он на коленях, «говоря о

сердечных симпатиях, открывает ей свою страсть». Княжна закрывается платком, прося его встать, и слышит в ответ: «Я умру у ваших ног <…> Улыбнитесь, говорит, запечатлейте улыбкою и слезою счастие нравственного человека, который не может жить без взгляда Гомера, без чувства Стерна и без вас» [12. 290–291; 10. Л. 2] – ср. в «Путешествии…» Измайлова о «нравственности, которая хочет жить только в том мире, где улыбка природы, взгляд Гомера и чувство Стерна открывают новую сферу жизни и наслаждения» [20. Ч. 1. С. 206].

Далее следует диалог, восходящий к последней сцене Зервельта и Софии из «Путешествия…» Измайлова:

«– Соединимся узами вечной любви и нежности, оставим холодный мир сей, сокроемся…

– Как! а батюшка и матушка, – восклицает Княжна.

– Что нужды, любовь всего святее…

– Нет, я не могу.

– Неужели я не достоин жертвы сей, сколь приятно будет нам, утопая в океане нежности, при свете влюбленной луны и потом…

– Нет, – перерывает Княжна, и Граф входит сказать, что ее ожидают к обеду» [12. С. 291; 10. Л. 2].

К концу первого действия определяется проблемный узел комедии – это столкновение двух поведенческих моделей, с одной стороны, светского человека, с другой, литератора-сентименталиста. Первый является воплощением благородства, чести и мужества, укорененных в устоявшейся дворянской традиции, второй – своекорыстия, подкрепляемого бесстыдной суетностью и модными литературными фразами. Причем Зервельт уже осознает, что Граф становится препятствием на пути осуществления им «романического плана», связанного с женитьбой на княжне, и это вызывает в нем «всечувствительный гнев <…> на светских людей» [12. С. 291; 10. Л. 2 об.].

Комедиограф подвергает осмеянию самую влюбленность «чувствительного» Зервельта. Оказывается, глубина его чувств измеряется только соответствием литературному шаблону, поэтому он глубоко удручен тем, что у Княжны глаза не черные, как «у Вертеровой Шарлотты» (имеется в виду героиня романа «Страдания юного Вертера» (1774) И.-В. Гете) [12. С. 291; 10. Л. 2 об.]. Зервельт уверен в любви Княжны, поскольку она, конечно же, не сможет устоять перед потоком его слов. Граф, понимая, что перед ним соперник, вступает с Зервельтом в словесную дуэль:

«– Я вас оставлю, но позвольте мне спросить, отчего вы меня избегаете.

– Нравственный человек не может жить с людьми, которые живут для общества.

– Итак, нравственный человек есть человек дикий, который не может жить в обществе.

– Нет… <…> Он есть человек в высочайшем смысле сего слова, он в системе всемирной гармонии довершает свое творение, которое до сих пор остается предметом спора между апостолов науки и врагов просвещения, между <последователями> Жан-Жака и его антагонистами, между верующими совершению ума и неверующими.

– Это должно быть очень хорошо, но разве это мешает жить с людьми?

– Он *гнушается простым общежитием*, он любит только умственную роскошь, которая требует в разговоре тонких чувств и живых идей, филозофии и приятности, аттической соли и эпиграмматического ума, которая хочет заниматься Природою, стихами, мечтами и всеми благородными страстями нравственности.

– Государь мой, я не скажу вам, что иные гнушаются общежитием, оттого что они там смешны с своими восклицаниями, совсем не роскошными, [и потому что они даже боятся светских] людей; желаю только, чтобы вы узнали этот свет, который вы так браните. <…>

– Свет скверен, я не хочу его знать, и к чему мне в нем учиться; там только смеются и шутят, а *мы* умеем любить. Кто из светских может боготворить, как я боготворю Княжну, кто пожертвует своею кровию, как я готов за нее пожертвовать? Горе тому, кто осмелится стать моим соперником…

– Я люблю ее <…> Итак, горе мне, я должен погибнуть от руки вашей.

– Государь мой… пусть Княжна решает.

– Нет, сударь, знайте, что светские гнусные люди не говорят девушкам о любви в глаза, что они не объявляют любовь свою незнакомым, что они умеют защищать <ее> в случае нужды» [12. С. 291–292; 10. Л. 3–3 об.].

Диалог содержит прозрачную отсылку к одному из мест «Путешествия…» Измайлова, где характеризуется особость людей «чувствительных», пребывающих вдали от светского общества: «Общежитие обработало умы, но не довело их еще, так сказать, до умственной роскоши, которая требует в разговоре тонких чувств и живых идей, философии и приятности, аттической соли и эпиграмматического ума; которая хочет заниматься изящным, наслаждаться природою, книгами, мечтами и всеми благородными страстями нравственности…» [20. Ч. 1. С. 206]. Диалог содержит и урок Зервельту из уст Графа, касающийся обычая благоустроенных дворянских семейств, в которых предварительный разговор претендента на руку девушки с ее родителями становился своего рода разрешением на объяснение с ней (при условии, если они были озабочены счастьем дочери). Блудов, по-видимому, не знал о любовных коллизиях некоторых из своих друзей, которые выходили за пределы этого обычая уже в то время.

Граф в комедии Блудова поставлен в положение носителя высшего благородства как своих намерений, так и действий. После его ухода Княжна и Зервельт, предоставленные размышлениям «a parte» (в сторону, *лат.*), обнаруживают слабые стороны своих характеров. Она оценивает действия Графа словами: «Зервельт меня обожает, а Граф оставляет для дел <…> Итак, я уверилась, что он меня не любит…». Зервельт же просто подозревает ее в низости («Ну! если она меня подслушивала!»), убедившись же в нечаянности ее прихода, продолжает свои излияния: «…я летел к

ногам вашим, чтоб разрушить ваши сомнения, чтобы получить согласие ваших родителей…». Застигнутый Князем и Княгиней у ног дочери, «он от Княжны ползет на коленях к ним, объявляет свои желания со всеми украшениями чувствительности». Разрешение этой ситуации выглядит комично, поскольку согласия он достигает не сведениями о своей состоятельности (что было бы обычным для так называемого сговора, ведущего к свадьбе), а сообщением о своей любви и о «последнем сочинении», которое «скоро будет известно государю», поскольку оно «наполнено глубокими замечаниями для России». Руки же Княжны и Зервельта соединяются родителями с возгласом «браво!» после того, как он объявляет им: «И на будущий год я стану издавать журнал». Далее в автографе следует схематичное окончание второго действия, в котором угадывается финал комедии: фиаско искательного Зервельта, торжество благородного Графа и счастье простодушной Княжны [12. С. 292–294; 10. Л. 4 об.–6].

«Чувствительный» Блудова писался тремя годами ранее появившейся на русской сцене в 1805 г. и имевшей большой успех антисентименталистской комедии князя А.А. Шаховского «Новый Стерн». Связь этих произведений представлялась, на первый взгляд, настолько очевидной, что датировка комедии Блудова в работах М.Л. Майофис опиралась именно на 1805 г. с предположением, что для «Чувствительного» «Новый Стерн» был или источником или же создавался одновременно с ним [12. С. 168–170]. Комедия Шаховского, подобно замыслу Блудова, как он отражен в письме к Жуковскому, не задевала лично Н.М. Карамзина, поскольку в том и другом случае для пародирования на сцене поведения сентиментального героя использовались в качестве образцов сочинения других авторов. Исследователями и комментаторами отмечались множественные образно-стилистические переклички излияний графа Пронского, героя «Нового Стерна», с произведениями В.В. Измайлова и П.И. Шаликова [см.: 22. С. 12–16; 23. С. 223–224; 24. С. 25–34]. Журнальная дискуссия, разгоревшаяся вокруг «Нового Стерна», касалась, однако, не только модных литературных тем, но и важных сословно-нравственных проблем, трактовавшихся защитниками сентиментализма в руссоистском духе. Отстаивая правоту графа Пронского в намерении жениться на крестьянке, апологет сентиментализма утверждал, что «человек чувствительный не властен в чувствах своих», тут же делая выпад против людей, живущих в светском «рассеянии» и полагающих цель жизни в «искании» (несомненно, чинов и денег): «…такие люди не любят ни женщин, ни животных, самая природа мертва для них, ибо они любят только себя» [25. С. 199–200]. Те критики, которые отстаивали достоинства сатиры Шаховского, отвечали с позиций, весьма близких Блудову в пору его работы над «Чувствительным». Острие критики сентименталистских ценностей было обращено против той «смелой философии, которая забавляется несчастием благородных семейств и называет оное игрою благодетельной (т.е. чувствительной. – *С.Б.*) природы» [26. С. 121].

Блудов намеревался показать в своей комедии, как «чувствительность» уродует жизнь дворянского дома. Близко ему и сомнение в истинности сей «чувствительности», которое, вслед за выступлениями полемистов 1800-х гг., становилось все более и более распространенным (один из анонимных авторов полемики вокруг «Нового Стерна» называл ее, как и Блудов, просто «слезливостью» [см.: 26. С. 117–118]). Существенным, однако, представляется различие позиций Блудова и Шаховского в их стремлении развенчать на театральной сцене тип «чувствительного». Зервельт, в отличие от «нового Стерна», преуспевает в светском обществе, поскольку его излияния волнуют и молодую княжну, и ее родителей, радующихся модной новизне отношений в их доме. Блудов стилизует звучащие из уст Зервельта высказывания на философско-нравственные темы, которые, впрочем, отражают более широкий, нежели чисто сентименталистский, круг понятий и образов: «счастие нравственного человека», «благородные страсти нравственности» – ср. в книге Измайлова: «…любовь к изящной нравственности…» [20. Ч. 1. С. 138], «узы вечной любви и нежности» – ср. в повести «Юлия» (1796) Карамзина: «Только в одной сельской тишине, в одних объятиях натуры чувствительная душа может насладиться всею полнотою любви и нежности!» [27. С. 155], в «Письмах русского путешественника» (1791–1801): «Французы думают ныне о своей революции, а не о памятниках любви и нежности!» [28. С. 208], та же «любовь и нежность» присутствует и в повести Измайлова «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор», напечатанной в 1804 г. в «Вестнике Европы»; «Жан-Жак и его антагонисты» – обращение к памяти Руссо с называнием лишь его имени характерно как для произведений Карамзина (**«**Письма русского путешественника», «Нечто о науках, искусствах и просвещении» (1793), «О книжной торговле и любви ко чтению в России» (1802), «Чувствительный и холодный» (1803) и др.**)**, так и Измайлова (например, в повести «Молодой философ», 1803), выражавшего свою любовь к нему самым пылким образом: «Мирное счастие не дороже ли в самом деле заботы о славе? Не счастливее ли тот, кто может довольствоваться светлою хижиною, ключевою водою, улыбкою красавицы и природы?» и след. [20. Ч 1. С. 186]); «человек в высочайшем смысле сего слова», «всемирная гармония», «апостолы науки и враги просвещения», «умственная роскошь», «тонкие чувства», «живые идеи», и т.п.

То, что Зервельт был близок к осуществлению своей цели – женитьбе на княжне, показывает принципиально иного, нежели в комедии Шаховского, героя, который был представлен в образе жалкого чудака и неудачника. Для Блудова это уже узнаваемый представитель образованного общества, по-своему укоренившийся в нем. Именно поэтому слово «чувствительный» субстантивировалось и стало употребляться в отношении определенного типа людей. Это было использовано Карамзиным и в «Мыслях об уединении» (напечатано за подписью «П. Ф.» в № 11 (июнь) «Весника Европы» за 1802 г.; неизвестно, знал ли Блудов об авторе этого произведе-

ния, отразившегося в рассуждениях Графа о пользе светского общения, – см.: [12. С. 167]), и в повести «Холодный и чувствительный» (1803).

Замысел Блудова не может быть понят без учета отношения к Карамзину членов Дружеского литературного общества, собиравшегося в Москве в 1801 г. Это был круг выпускников Университетского благородного пансиона, в который Блудов не входил, но, как это видно из его писем к Жуковскому 1802 г., приятельски был близок со всеми его членами. Нараставшая оппозиция тому направлению в русской литературе, которое А.С. Кайсаров, самый яркий его критик, называл «пустым карамзинизмом» [29. С. 15, см. также: С. 72, 76–79, 81 и др.], поддерживалась выступлениями и других членов общества, таких как Андрей Тургенев, А.Ф. Мерзляков, А.Ф. Воейков [об этой стороне деятельности Дружеского литературного общества см.: 30. С. 147–148; 31. С. 18–76; 32. С. 354–357]. Впервые, что важно, в круг критиков Карамзина попадает молодой Блудов, которого Н.И. Греч характеризовал как «самого исступленного карамзиниста» [33. С. 494–495]. «И в литературной, и в более общей духовной области участники Дружеского литературного общества, – пишет В.Э. Вацуро, – ощущали себя как единство, противопоставленное не только “карамзинистам”, но во многом и самому Карамзину. П.И. Шаликов, В.В. Измайлов для них – образцы “ложной чувствительности”» [34. С. 23; см. также: С. 20–36 (с литературой по этой теме)].

Блудов в это время не был знаком с Карамзиным, но очень интересовался им. 1 февраля 1804 г. он писал Жуковскому: «Что поделывает г. Карамзин? Правда ли, что он пишет историю России? Правда ли, что он снова женился? С нетерпением жду последний номер его журнала…» [9. Л. 21 об.]. Карамзин был пожалован в историографы императорским указом 31 октября 1803 г., и это событие могло напомнить Блудову о герое некогда начатой им комедии, который, претендуя на руку Княжны, с гордостью говорил ее родителям о своих «глубоких замечаниях для России» и скором знакомстве с ними государя. Тон же вопрошения Блудова о свадьбе намекал, как нам представляется, на пародийное «Описание бракосочетания господина К<арамзина>» А.С. Кайсарова, созданное в пору Дружеского литературного общества: это была «вольная юмористическая персифляция церковного обряда бракосочетания, написанная литературным тоном нежночувствительного настроения, в котором, однако, чувствуется ирония, дерзновенное осмеяние сентиментального карамзинского стиля» [30. С. 150].

Письмо от 1 февраля 1804 г. было важной вехой в истории взаимоотношений Блудова с Жуковским, поскольку оно свидетельствовало об окончании их размолвки. Она была вызвана тем, что Блудов не отправил ему из Петербурга письма с сообщением о смерти Андрея Тургенева, скончавшегося 8 июля 1803 г. на квартире, где они в это время проживали совместно (этот факт стал известен только благодаря знакомству с письмами Блудова к Жуковскому). Отвечая на упреки, прозвучавшие в письме Жуковского от 7 ноября 1803 г.[12], Блудов признал свою вину, написав о себе, что он «жалок» [9. Л. 12 об.]. В ответ Жуковский призвал Блудова в письме от 21 января 1804 г. чаще посещать могилу Тургенева: «Нужно ненавидеть сентиментальность, но нужно питать свою чувствительность, потому что без нее мир, даже жизнь, есть лишь небытие» [13. Т. 15. С. 21]. Поскольку его письмо к Блудову о «Чувствительном» не сохранилось, можно считать это высказывание Жуковского отголоском того, что было им высказано в связи с задуманной комедией. Можно не сомневаться, что замысел «Чувствительного» он не одобрил.

Вскоре в жизни Блудова произошло событие, оставившее неизгладимое впечатление: он познакомился с Карамзиным. Е.П. Ковалевский относил его к 1805 г.: «Дмитрий Николаевич любил вспоминать об этом первом знакомстве, прибавляя, что ни прежде, ни после того ни одна личность не произвела на него такого глубокого впечатления <…> Он воротился домой очарованный беседою ученого историографа, столько же как и его простым открытым обхождением, и некоторое время находился в каком-то лихорадочном состоянии. С тех пор Дмитрий Николаевич искал уже встречи с Карамзиным; он бывал у него всякий раз, как приезжал в Москву…» [8. С. 40]. В современной работе сделано к сообщению Ковалевского, как нам представляется, верное уточнение, причем в опоре на вновь обнаруженные воспоминания К.С. Сербиновича (1796–1874), близко знавшего Блудова: знакомство произошло в 1804 г. [35. С. 43–45]. Сопоставление с разного рода эпистолярно-биографическими материалами позволяет заключить, что знакомство могло произойти только осенью 1804 г. во время приезда в Москву Жуковского, который и был, судя по письмам Блудова, посредником в этом знакомстве (в следующем году, что важно, их пути в Москве не пересекались).

О волнениях, связанных с первым визитом к Карамзину, свидетельствует недатированное письмо Блудова к Жуковскому, которое мы относим к началу ноября 1804 г. (в это время Блудов приезжал в Москву в связи с болезнью матери): «Нет, любезный друг, боюсь быть нескромным и лучше хочу лишить себя приятного знакомства, нежели кому-нибудь доставить знакомство скучное. Если б Карамзин жил один так, как Дмитриев, тогда бы в самом деле моя привязанность к его сочинениям дала мне право к нему приехать, но *Ка<терина> Ан<дреевна>* и *князь* не должны страдать за чужую славу. Если, однако ж, ты сегодня без всякой аффектации найдешь случай выпросить у нее позволения для меня, то чувствительно одолжишь своего друга» [9. Л. 44, 45]. В письме упоминаются следующие лица: не обремененный семьей поэт Иван Иванович Дмитриев (1760–1837), вторая жена Николая Михайловича Екатерина Андреевна Карамзина (1780–1851) и ее отец (она была его побочной дочерью) князь Андрей Иванович Вяземский (1754–1807), который в это время был+++ уже вдовцом (в противном случае церемонный Блудов помянул бы еще и *княгиню*). К этому же времени относится и другая недатированная записка Блудова, в которой присутствуют реалии, позволяющие с уверенностью от-

нести ее к концу ноября 1804 г.: «…скажи, в котором часу мы должны ехать к Карамзину» [9. Л. 43].

Замысел комедии Блудова «Чувствительный» имел ряд достоинств, который мог обеспечить ей успех у зрителей. Более того, работа над ней свидетельствовала о хорошем чутье молодого автора, подводившего его к свежей и актуальной для русской сцены проблематике. Замысел Блудова, что удивительно, значительно опережал антисентименталистскую комедию Шаховского, весьма восприимчивого ко всему, что сулило театральный успех. Можно не сомневаться, что работу Блудова над комедией «Чувствительный» остановил в 1803 г. именно Жуковский. Он не мог отнестись благосклонно к замыслу, задевавшему литературное направление, которому дал свое имя Карамзин. Думается, после знакомства с Карамзиным Блудов оценил позицию Жуковского в решении участи начатой им комедии.

Примечания

[1] Рискуя показаться смешным, страшно хочу стать сочинителем (*фр.*). Пер. Н.Л. Дмитриевой.
[2] Характеристику «дурной автор» Блудов относил, по-видимому, к немногочисленным ранним стихотворениям В.А. Озерова. В начале 1803 г., когда он упомянул об Озерове в письме к Жуковскому, его первая трагедия «Эдип в Афинах» еще только готовилась к постановке в Петербурге.
[3] торопит меня ее поставить (*фр.*). Пер. Н.Л. Дмитриевой.
[4] Речь идет об Иване Афанасьевиче Дмитревском (1736–1821), петербургском актере, переводчике, педагоге и драматурге, пользовавшемся большим авторитетом у авторов сочинений для театра [см. о нем: 14; 15].
[5] также торопя меня (*фр.*). Пер. Н.Л. Дмитриевой.
[6] рискуя тебе наскучить (*фр.*). Пер. Н.Л. Дмитриевой.
[7] Петр Александрович Рахманов (1779–1813), музыкант-любитель, математик, с 1808 г. член Ученого комитета по артиллерийской части, в 1810–1813 гг. издатель «Военного журнала», в 1813 г. полковник л.-гв. Преображенского полка. В начале 1800-х гг. Рахманов, офицер пионерного полка, входил в круг московских знакомых Жуковского.
[8] во избежание всякого применения (*фр.*). Пер. Н.Л. Дмитриевой.
[9] Блудов упоминает И.П. Елагина (1725–1793) и А.П. Сумарокова (1717–1777) как литераторов чрезвычайно плодовитых, но при этом отличавшихся особой грубостью устаревшего языка. Ту же литературную репутацию Елагина использовал Пушкин в эпиграмме 1825 г. «Литературное известие» [16].
[10] Невежество всегда готово восхищаться собой (*фр.*) (пер. Н.Л. Дмитриевой) – цитата из «Поэтического искусства» (1669–1674) Н. Буало (Boileau, 1636–1711), песнь I.
[11] Об истории пародирования русскими литераторами разножанровых сентименталистских текстов см.: [21].
[12] «Ты поступил плохо по отношению ко мне, мой дорогой Блудов, – писал Жуковский. – Ты проявил невнимательность при важнейшем обстоятельстве» [13. Т. 15. С. 19 (подл. по-фр.)].

Список источников

1. Долгих Е.В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX века: М.А. Корф, Д.Н. Блудов. М. : Индрик, 2006. 340 с.
2. Ружицкая И.В. Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.). М. : Институт росссийской истории, 2009. 340 с.
3. Ружицкая И.В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М. ; СПб. : Центр гуманит. инициативы, 2015. 357 с.
4. Ружицкая И.В. Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М. ; СПб. : Центр гуманит. инициативы, 2018. 310 с.
5. «Арзамас» : сборник в 2 кн. / [сост., подгот. текста и коммент. В. Э. Вацуро и др.]. М. : Худож. лит., 1994.
6. Майофис М.Л. Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов. М. : Новое лит. обозрение, 2008. 799 с.
7. Песков А.М. Блудов Дмитрий Николаевич // Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. М. : Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 283–284.
8. Ковалевский Е.П. Граф Блудов и его время : (Царствование императора Александра I). СПб. : Тип. Второго отделения с. е. и. в. Канцелярии, 1866. 259 с.
9. Блудов Д.Н. Письма к В.А. Жуковскому (29). 1802–1817 // Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук (РО ИРЛИ). № 21823. 49 л.
10. Блудов Д.Н. [«Чувствительный». Комедия. Действия 1-2] // РО ИРЛИ. № 21856. 6 л.
11. Рогов К.Ю. Идея «комедии нравов» в начале XIX века в России : дис. … канд. филол. наук. М., 1992. 275 с.
12. Майофис М.Л. Консервативное крыло общества «Арзамас» : Литературная и общественно-политическая позиция С.С. Уварова, Д.Н. Блудова, Д.В. Дашкова : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 328 с.
13. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Языки славянской культуры, 1999–2019. Т. 1–16.
14. Всеволодский-Гернгросс В.Н. И.А. Дмитревский : Очерк истории русского театра. Берлин : Петрополис, 1923. 291 с.
15. Кукушкина Е.Д., Старикова Л.М. Дмитревский Иван Афанасьевич // Словарь русских писателей XVIII века. Л. : Наука, 1988. Вып. 1. С. 266–268.
16. Березкина С.В., Карпов Н.А. [Примеч. к стих. «Литературное известие»] // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. СПб. : Наука, 2019. Т. 3, кн. 1. С. 695–696.
17. Лобанова Л.П. Измайлов Владимир Васильевич // Русские писатели. 1800–1917. М. : Большая рос. энциклопедия, 1992. Т. 2. С. 408–409.
18. Соловьев А.Ю. «Путешествие в Полуденную Россию» В. В. Измайлова в контексте русской литературы путешествий конца XVIII – XIX веков : дис. … канд. филол. наук. СПб., 2011. 291 с.
19. Соловьев А.Ю. Поиск счастья «русским путешественником» (сентиментальный сюжет «Путешествия в полуденную Россию» В. В. Измайлова) // Русская литература. 2011. № 3. С. 139–147.
20. [Измайлов В.В.] Путешествие в полуденную Россию / В письмах, изданных Владимиром Измайловым : [В 4 ч.] М. : Университетская типография, 1802.
21. Соловьев А.Ю. Неизвестное произведение А.С. Хвостова // Русская литература. 2010. № 3. С. 73–86.
22. Гозенпуд А.А. А.А. Шаховской // Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А.А. Гозенпуда. Л. : Сов. писатель, 1961. С. 5–72. (Библ. поэта. Большая сер.).
23. Стенник Ю.В. Комедия 1800–1820-х годов // История русской драматургии. XVII – первая половина XIX века. Л. : Наука, 1982. С. 221–238.

24. Иванов Д.А. Творчество А.А. Шаховского-комедиографа: теория и практика национального театра. Tartu, 2009. (Dissertationes philologiae slavicae Universitatis tartuensis, 24). 224 с.
25. Письмо к защитнику «Нового Стерна», в ответ на письмо его, напечатанное в IX книжке «Северного вестника» // Журнал российской словесности. 1805. Ч. 3, № 12. С. 191–205.
26. Письмо к сочинителю критики, напечатанной в «Журнале российской словесности» в июле месяце // Северный вестник. 1805. Ч. 8, № 11. С. 105–123.
27. Русская сентиментальная повесть / сост., вступ. ст. и ком. П.А. Орлова. М. : Изд-во МГУ, 1979. 336 с.
28. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Ю.М. Лотман и др. Л. : Наука, 1984. 717 с.
29. Архив братьев Тургеневых. СПб. : Отд-ние рус. языка и словесности Имп. Акад. наук, 1911. Вып. 2: Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804) и письма его к А. С. Кайсарову и друзьям в Геттинген 1805–1811 гг. / введение и примеч. В.М. Истрина. 527 с.
30. Резанов В.И. Из разысканий о сочинениях В.А. Жуковского. СПб. : Сенат. тип., 1906. Вып. 1. 362 с.
31. Лотман Ю.М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту, 1958. (Tartu riikliku ülikooli toimetised = Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 63). 190 с.
32. Вацуро В.Э., Виролайнен М.Н. Письма Андрея Тургенева к Жуковскому // Жуковский и русская культура. Л. : Наука, 1987. С. 350–431.
33. Греч Н.И. Записки о моей жизни. М.; Л. : Academia, 1930. 896 с.
34. Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб. : Наука, 1994. 240 с.
35. Беспалова Е.К. «Прямой наследник Н.М. Карамзина» Дмитрий Николаевич Блудов // Карамзинский сборник. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в контексте русской и мировой культуры. К 200-летию выхода в свет первых восьми томов «Истории государства Российского» : сб материалов Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2019. С. 39–63.

References

1. Dolgikh, E.V. (2006) *K probleme mentaliteta rossijskoi administrativnoi elity pervoi poloviny XIX veka: M.A. Korf, D.N. Bludov* [On the problem of the mentality of the Russian administrative elite of the first half of the 19th century: M.A. Korf, D.N. Bludov]. Moscow: Indrik.
2. Ruzhitskaya, I.V. (2009) *Prosveshchennaya byurokratiya (1800–1860-e gg.)* [Enlightened bureaucracy (1800s–1860s)]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii.
3. Ruzhitskaya, I.V. (2015) *Zakonodatel'naya deyatel'nost' v tsarstvovanie imperatora Nikolaya I* [Legislative activity during the reign of Emperor Nicholas I]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnoi initsiativy.
4. Ruzhitskaya, I.V. (2018) *Gosudarstvennyy Sovet pri Nikolae I: osobennosti funktsionirovaniya* [The State Council under Nicholas I: features of functioning]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnoy initsiativy.
5. Vatsuro, V.E. & Ospovat, A.L. (eds) (1994) *"Arzamas". Sbornik: v 2 kn.* ["Arzamas". Collection: in 2 books]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
6. Mayofis, M.L. (2008) *Vozzvanie k Evrope: literaturnoe obshchestvo "Arzamas" i rossiiskii modernizatsionnyi proekt 1815–1818 godov* [Appeal to Europe: The literary society "Arzamas" and the Russian modernization project of 1815–1818]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Peskov, A.M. (1989) Bludov Dmitriy Nikolaevich. In: *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'* [Russian writers. 1800–1917: Biographical dictionary]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 283–284.
8. Kovalevskiy, E.P. (1866) *Graf Bludov i ego vremya: (Tsarstvovanie imperatora Aleksandra I)* [Count Bludov and his time: (Reign of Emperor Alexander I)]. St. Petersburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya.
9. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (RO IRLI). File 21823. Bludov, D.N. (1802–1817) *Pis'ma k V.A. Zhukovskomu (29)* [Letters to V.A. Zhukovsky (29)].
10. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (RO IRLI). File 21856. Bludov, D.N. *"Chuvstvitel'nyy". Komediya. Deistviya 1–2* ["The Sensitive". Comedy. Acts 1–2].
11. Rogov, K.Yu. (1992) *Ideya 'komedii nravov' v nachale XIX veka v Rossii* [The idea of a 'comedy of manners' at the beginning of the XIX century in Russia]. Philology Cand. Diss. Moscow.
12. Mayofis, M.L. (2002) *Konservativnoe krylo obshchestva "Arzamas": Literaturnaya i obshchestvenno-politicheskaya pozitsiya S.S. Uvarova, D.N. Bludova, D.V. Dashkova* [The conservative wing of the Arzamas Society: The literary and socio-political position of S.S. Uvarov, D.N. Bludov, D.V. Dashkov]. Philology Cand. Diss. Moscow.
13. Zhukovsky, V.A. (1999–present) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 volumes]. Vols 1–16. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Vsevolodskiy-Gerngross, V.N. (1923) *I.A. Dmitrevskii: Ocherk istorii russkogo teatra* [I.A. Dmitrevsky: An essay on the history of the Russian Theater]. Berlin: Petropolis.
15. Kukushkina, E.D. & Starikova, L.M. (1988) Dmitrevskiy Ivan Afanas'evich [Ivan Afanasievich Dmitrevskiy]. In: *Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka* [Dictionary of Russian writers of the XVIII century]. Vol. 1. Leningrad: Nauka. pp. 266–268.
16. Berezkina, S.V. & Karpov, N.A. (2019) Primechanie k stikhotvoreniyu "Literaturnoe izvestie" [Note to the poem "Literary News"]. In: Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 t.* [Complete works and letters: in 20 volumes]. Vol. 3 (1). St. Petersburg: Nauka. pp. 695–696.
17. Lobanova, L.P. (1992) Izmailov Vladimir Vasil'evich [Vladimir Vasilievich Izmailov]. In: *Russkie pisateli. 1800–1917: Biograficheskiy slovar'* [Russian writers. 1800–1917. A biographic dictionary]. Vol. 2. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. pp. 408–409.
18. Solov'ev, A.Yu. (2011) *"Puteshestvie v poludennuyu Rossiyu" V.V. Izmajlova v kontekste russkoy literatury puteshestvii kontsa XVIII – XIX vekov* [A Journey to Midday Russia by V.V. Izmailov in the context of Russian travel literature of the late 18th and 19th centuries]. Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
19. Solov'ev, A.Yu. (2011) Poisk schast'ya "russkim puteshestvennikom" (sentimental'nyy syuzhet "Puteshestviya v poludennuyu Rossiyu" V.V. Izmailova) [The search for happiness by a "Russian traveler" (sentimental plot of A Journey to Midday Russia by V.V. Izmailov)]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 139–147.
20. Izmailov, V.V. (1802) *Puteshestvie v poludennuyu Rossiyu*: V pis'makh, izdannykh Vladimirom Izmailovym [A Journey to Midday Russia: In letters published by Vladimir Izmailov]. Vols 1–4. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
21. Solov'ev, A.Yu. (2010) *Neizvestnoe proizvedenie A.S. Khvostova* [An unknown work by A.S. Khvostov]. *Russkaya literatura.* 3. pp. 73–86.
22. Gozenpud, A.A. (1961) A.A. Shakhovskoy. In: Shakhovskoy, A.A. *Komedii. Stikhotvoreniya* [Comedies. Poems]. Leningrad: Sovetskii pisatel'. pp. 5–72.
23. Stennik, Yu.V. (1982) Komediya 1800–1820-kh godov [Comedy of the 1800s–1820s]. In: *Istoriya russkoy dramaturgii. XVII – pervaya polovina XIX veka* [The history of Russian drama. 18th – first half of the 19th centuries]. Leningrad: Nauka. pp. 221–238.
24. Ivanov, D.A. (2009) *Tvorchestvo A.A. Shakhovskogo-komediografa: teoriya i praktika natsional'nogo teatra* [Works of A.A. Shakhovskoy the comediographer: theory and practice of the National Theater]. Tartu. (Dissertationes philologiae slavicae Universitatis tartuensis, 24).
25. *Zhurnal rossiyskoy slovesnosti*. (1805) Pis'mo k zashchitniku "Novogo Sterna", v otvet na pis'mo ego, napechatannoe v IX knizhke "Severnogo vestnika" [A letter to the defender of "The New Sterne", in response to his letter, printed in the IX book of Severnyy Vestnik]. 12. pp. 191–205.

26. *Severnyy Vestnik.* (1805) Pis'mo k sochinitelyu kritiki, napechatannoi v "Zhurnale rossiiskoj slovesnosti" v iyule mesyatse [A letter to the writer of criticism published in the Zhurnal Rossiyskoy Slovesnosti in July]. 11. pp. 105–123.
27. Orlov, P.A. (ed.) (1979) *Russkaya sentimental'naya povest'* [Russian sentimental story]. Moscow: Moscow State University.
28. Lotman, Yu.M. (ed.) (1984) Karamzin, N.M. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad: Nauka.
29. Istrin, V.M. (1911) *Arkhiv brat'ev Turgenevykh* [Archive of the Turgenev brothers]. Vol. 2. Saint Petersburg: Department of Russian Language and Literature, RAS.
30. Rezanov, V.I. (1906) *Iz razyskaniy o sochineniyakh V.A. Zhukovskogo* [From the research on the works of V.A. Zhukovsky]. Vol. 1. Saint Petersburg: Senatskaya tipografiya.
31. Lotman, Yu.M. (1958) Andrey Sergeevich Kaisarov i literaturno-obshchestvennaya bor'ba ego vremeni [Andrei Sergeevich Kaisarov and the literary and social struggle of his time]. *Tartu riikliku ülikooli toimetised = Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 63.
32. Vatsuro, V.E. & Virolainen, M.N. (1987) Pis'ma Andreya Turgeneva k Zhukovskomu [Letters of Andrey Turgenev to Zhukovsky]. In: *Zhukovskiy i russkaya kul'tura* [Zhukovsky and Russian culture]. Leningrad: Nauka. pp. 350–431.
33. Grech, N.I. (1930) *Zapiski o moey zhizni* [Notes about my life]. Moscow, Leningrad: Akademiya.
34. Vatsuro, V.E. (1994) *Lirika pushkinskoy pory: "Elegicheskaya shkola"* [Lyrics of Pushkin's time: "The Elegiac School"]. Saint Petersburg: Nauka.
35. Bespalova, E.K. (2019) [Dmitry Nikolaevich Bludov, "the direct heir of N.M. Karamzin"]. *Karamzinskiy sbornik. "Istoriya gosudarstva Rossiiskogo" N.M. Karamzina v kontekste russkoi i mirovoi kul'tury. K 200-letiyu vykhoda v svet pervykh vos'mi tomov "Istorii gosudarstva Rossiiskogo"*: [Karamzin collection. The History of the Russian State by N.M. Karamzin in the context of Russian and world culture. To the 200th anniversary of the publication of the first eight volumes of the History of the Russian State]. Proceedings of the All-Russian Conference. Ulyanovsk. pp. 39–63. (In Russian).

Информация об авторе:
Березкина С.В. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Отдела новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург, Россия). E-mail: s.berezkina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
S.V. Berezkina, Dr. Sci. (Philology), leading researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom), Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: s.berezkina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.04.2022;
одобрена после рецензирования 12.06.2022; принята к публикации 28.06.2022.

The article was submitted 02.04.2022;
approved after reviewing 12.06.2022; accepted for publication 28.06.2022.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/479/5

Альтернативность или неизбежность? (К вопросу об историософии А. Солженицына)

Александр Олегович Большев [1]

[1] *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, olegovich1955@mail.ru*

Аннотация. На материале десятитомного романа «Красное колесо» и других документально-исторических произведений А. Солженицына анализируется историософская доктрина писателя-идеолога. Выявляется оригинальная специфика солженицынского историософского мышления, совмещающего логику исторического волюнтаризма с детерминизмом фаталистического толка. Делается вывод, что антиномия альтернативности и неизбежности придает исторической прозе Солженицына многомерность и глубину.

Ключевые слова: Солженицын, «Красное колесо», Толстой, историософия, детерминизм, альтернативность

Для цитирования: Большев А.О. Альтернативность или неизбежность? (К вопросу об историософии А. Солженицына) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 50–57. doi: 10.17223/15617793/479/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/5

Alternative or inevitable? (On Aleksandr Solzhenitsyn's historiosophy)

Aleksandr O. Bolshev [1]

[1] *Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, olegovich1955@mail.ru*

Abstract. The aim of the article is to analyze the historiosophical doctrine Aleksandr Solzhenitsyn developed in his ten-volume novel *The Red Wheel* and other documentary-historical works. The main problem is associated with the ambiguity of Solzhenitsyn's interpretation of Russian history of the early twentieth century. Solzhenitsyn categorically rejects historical determinism: carefully and in detail tracing the events that preceded the revolutionary explosion of 1917, as well as the Russian Revolution itself, he sharply denies the objectively conditioned nature of what happened. In contrast to Tolstoy, who in his *War and Peace* called the will of Providence the main driving force of history, Solzhenitsyn insists that everything that happened in Russia at the beginning of the 20th century was largely accidental. Describing Solzhenitsyn's historiosophy in *The Red Wheel*, critics rightly write about his "possible mode of thinking" (S. Kalashnikova), calling him the "author of a probabilistic history" (E. Orlova-Balsamo). However, the logic of "probabilistic history" is combined in an original way in *The Red Wheel* (and Solzhenitsyn's other historical works) with the actual recognition of the natural and inevitable character of the Russian revolution. As a result, the domestic history of the twentieth century, on the one hand, appears in Solzhenitsyn as a chain of completely arbitrary and chaotic events, and, on the other hand, it reveals some kind of insurmountable objective logic. Methodologically, the main reference point of the study on the problem of the inconsistency of Solzhenitsyn's view of the course of Russian history was V. Schmid's doctrine of oscillation – the involuntary hesitation of an ideological writer between two opposite semantic positions. As shown in the article, it is the concept of oscillation, developed by Schmid based on the analysis of Dostoevsky's novel *The Brothers Karamazov*, that throws light on the nature of the paradoxical duality of historiosophy unfolded in *The Red Wheel*: debunking Tolstoy's historical fatalism, the text of the novel includes "counter-sense". The novelty of the article is that it immerses Solzhenitsyn's historical prose in the context of his works: such an analysis leads to the conclusion that the contradictory interpretation of Russian history of the twentieth century arose on the basis of vacillations between the principles of "probabilistic history" and the logic of historical fatalism, which the author of *The Red Wheel* favored. Solzhenitsyn, like Tolstoy, perceives history as a process of realizing the will of Providence; however, unlike the latter, he considers that chosen great figures, not the masses of millions, are the conductors of this higher will.

Keywords: Solzhenitsyn, Tolstoy, *Red Wheel*, historiosophy, determinism, alternativeness

For citation: Bolshev, A.O. (2022) Alternative or inevitable? (On Aleksandr Solzhenitsyn's historiosophy). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 50–57. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/5

© Большев А.О., 2022

А. Солженицын является автором целого ряда всемирно известных произведений, основанных на документально-фактологическом материале, которые посвящены осмыслению трагических событий русской истории XX в. При этом крайне сложно дать сколько-нибудь внятную характеристику позиции писателя-идеолога в вопросе о движущих силах исторического процесса. Историософская рефлексия автора «Архипелага ГУЛАГа» и «Красного колеса» парадоксальным образом совмещает в себе «вероятностный»[1] подход, в координатах которого главным регулятором исторического потока оказывается фактор случайности, и детерминизм фаталистического толка, основанный на вере в то, что Бог присутствует «в каждой человеческой жизни <…> и в жизни целых народов» [2. Т. 2. С. 371]. При этом логика «вероятностной истории», находящая выражение в контрфактическом моделировании ключевых ситуаций прошедшего, в солженицынских произведениях предельно эксплицирована и, соответственно, находится в поле зрения читателей и исследователей, тогда как логика исторического детерминизма реализуется подспудно и завуалированно, а потому не привлекает к себе внимания.

Одним из основных факторов, оказавших влияние на формирование солженицынской историософии, следует признать резко негативное отношение писателя к большевистской революции и порождённой ею советской государственности. Считая коммунизм беспримесным метафизическим злом, Солженицын отвергал любые попытки предшественников или современников допустить, что исторические процессы, которые привели к возникновению в России тоталитарного монстра, могли носить объективно обусловленный характер. Отсюда и агрессивное солженицынское неприятие историософского подхода, основанного на отрицании (или же недооценке) альтернативности и абсолютизации неизбежности. В этой связи неудивительно, что в десятитомном «Красном колесе», главном историческом труде Солженицына, важнейшее место занимает полемический диалог с автором «Войны и мира».

Эта полемика не ограничивается историософской проблематикой и затрагивает целый ряд аспектов. Фигура Льва Толстого возникает в самом начале романа «Красное колесо» – именно к автору «Войны и мира» отправляется перед отправкой на фронт Саня Лаженицын, один из солженицынских героев-протагонистов. Юный Саня отважно вступает в спор с яснополянским идеологом непротивления злу насилием: «Вы пишете, что добро и разум – это одно, или от одного? А зло – не от злой натуры, не от природы такие люди, а только от незнания? Но, Лев Николаич, – духа лишался Саня от своей дерзости, но и своими же глазами он кое-что повидал, – никак! Вот уж никак! Зло – и не хочет истины знать. И клыками её рвёт! Большинство злых людей как раз лучше всех и понимают. А – делают. И – что же с ними?..» [3. Т. 1. С. 24]. Полемический посыл, вложенный Солженицыным в уста героя, разумеется, связан с борьбой против революционного зла, которому, по убеждению автора «Красного колеса», необходимо давать беспощадный отпор, без оглядки на прекраснодушно-гуманистические «непротивленческие» идеалы.

Значительное место в «Красном колесе» занимают также и антитолстовские выпады Солженицына, связанные с военно-батальной проблематикой, причем в центре внимания оказывается проблема функций военачальника. По сути же, здесь затрагивается ключевой для полемики Солженицына с Толстым вопрос о роли личности в истории. В «Войне и мире» идеальным военачальником представлен созерцательный Кутузов, который знает, что есть сила большая, чем его воля, «это неизбежный ход событий» [4. С. 175], а потому больше всего боится спешки, в сомнениях же неизменно «воздерживается» [4. С. 174]. При всём при том задача по руководству духом войска решается им успешно. Мудрая неспешность Кутузова в романе Толстого оказывается куда более эффективной, чем энергичная деятельность Наполеона. Солженицынский же подход к проблеме военного командования прямо противоположен: все военачальники у него делятся на две категории: созерцатели, вроде толстовского Кутузова – и «действователи», похожие на Наполеона; разумеется, симпатии автора «Красного колеса» всецело на стороне вторых.

Одним из таких созерцателей предстает в «Августе четырнадцатого» генерал Самсонов – правда, в его случае неспособность овладеть ситуацией оказывается в основном результатом чужих просчетов: «…Самсонов чувствовал, что он – не действователь, а лишь представитель событий, они же утекают сами по себе» [3. Т. 1. С. 93]; «Но его затуркали, закружили, события напирали быстрее, чем переваривал котел головы…» [3. Т. 1. С. 102]. «Затурканный» Самсонов вызывает жалость. Однако в подавляющем большинстве русские генералы, изображенные Солженицыным, заслуживают не сочувствия, а презрения за «вялость» и «полную неспособность ценить и плотно использовать время» [3. Т. 1. С. 233]. В этом плане крайне показателен генерал Благовещенский, который, будучи поклонником «Войны и мира», сознательно ориентируется на опыт толстовского Кутузова: «…генерал Благовещенский читал у Льва Толстого о Кутузове и сам в 60 лет при седине, полноте, малоподвижности чувствовал себя именно Кутузовым, только с обоими зрячими глазами. Как Кутузов, он был и осмотрителен, и осторожен, и хитер. И, как толстовский Кутузов, он понимал, что никогда не надо производить никаких собственных решительных резких распоряжений…» [3. Т. 2. С. 36]. Не менее очевидна антитолстовская направленность рассуждений о ярком и энергичном немецком генерале Франсуа: «…эта интуиция светилась у своевольного Франсуа, вероятно, не ведавшего о совете Льва Толстого, что «бессмысленно становиться на дороге людей, всю свою энергию направивших на бегство» [3. Т. 1. С. 390].

Аналогичным образом Солженицын изобличает пассивность русских генералов, неспособных руководить событиями, и в последующих «узлах» своего романа, посвященных уже революционным процессам. Здесь ярким примером оказывается «созерцательное» поведение генерала Хабалова, командующего Петроградским гарнизоном, в феврале 1917 г.: «Хабалов попал в состояние, что его несло, толкало, поворачивало <…>. А пока нужно было сидеть тут и делать вид, что

управляешь событиями» [3. Т. 5. С. 281–282]. И неудачи в ходе войны с немецкой армией в августе четырнадцатого, и мгновенное разрушение государственности в феврале семнадцатого Солженицын объясняет фактором безусловного преобладания военачальников-созерцателей над действователями, подобными генералу Мартосу или полковникам Кабанову и Кутепову. Автор «Красного колеса», описывая гибельные для Российской империи военные просчеты, всякий раз горько сожалеет о том, что в нужном месте не оказалось подходящего «действователя».

Так, изображая ключевое для Восточно-Прусской операции сражение, он предлагает читателю представить себе на месте полка, бросившего позиции, другое подразделение во главе с другим военачальником: «Перенесите нарвцев на место дорогобужцев на этот неумолимый рубеж (но, с Толстым не смиряясь, дайте им Кабанова и его батальонных командиров) – и взойдут они на то возвышение, где простых мужиков мы начинаем понимать богатырями» [3. Т. 1. С. 384]. Как мы видим, и эти солженицынские рассуждения, выдержанные в духе так называемой альтернативной (или вероятностной) истории, не обходятся без полемической отсылки к Толстому.

Современные исследователи, характеризуя толстовскую историософию, подчеркивают ключевую роль, которую, с точки зрения автора «Войны и мира», играют в историческом потоке «дифференциалы истории» (т.е. «однородные влечения людей»):

История движется не отдельными людьми с их доктринами, а совокупностью «бесконечно малых единиц» – «однородных влечений людей». По складу своего ума Толстой был рационалистом, но он категорически отрицал, что история движется по чьим-либо рациональным планам. Историческое движение так же неотвратимо, как движение пчелиного роя, как природные явления [5. С. 29].

Кроме того, как справедливо указывал А. Скафтымов, толстовская историософия, отмеченная печатью влияния Гегеля, носила во многом фаталистический характер:

Исходная основа философии Гегеля, также и философии самого Толстого, не позволила этой теории выйти за пределы фатализма. «Необходимость» Гегелем трактуется как ведущая сила «мирового духа» или «провидения»; также и Толстой ту же «необходимость» или совокупность причин в конце концов возводит к воле и целям «провидения». В конечном итоге воля людей утрачивает всякое значение, а движущей силой истории оказывается некая потусторонняя (нечеловеческая) воля. Толстой не хотел называть себя «фаталистом», но по принятому основному принципу неизбежно им оказывался [6. С. 204–205].

Итак, главной движущей силой исторического процесса, по Толстому, выступает «воля Провидения». Люди же, вовлеченные в поток истории, даже если они носители высшей власти, являются всего лишь орудиями реализации этой воли. Наполеон у Толстого уподобляется маленькому мальчику в карете, которому взрослые дали игрушечные тесемочки: натягивая их, ребенок полагает, что руководит движением экипажа. Толстой не уставал подчеркивать, что разум человеческий слаб, и чаще всего действия людей носят бессознательный характер. Менее же всего человеческие существа ведают, что они творят, когда принимают участие в масштабных исторических деяниях.

Толстой не касается самого содержания ведущих целей «провидения»; он стремится лишь подчеркнуть независимость выполнения этих целей от намерений людей и подчиненность всех событий некоторым общим тенденциям, выходящим за пределы людских сознательных побуждений. Конечные цели истории человечества, находящиеся в воле «провидения», у Толстого остаются неведомыми [6. С. 200].

Размышляя о причинах начала Отечественной войны 1812 г., Толстой указывал: «…миллиарды причин <…> совпали для того, чтобы произвести то, что было. И следовательно ничто не было исключительной причиной события, а событие должно было совершиться только потому, что оно должно было совершиться» [4. Т. 11. С. 5]. Известно, что некоторые мыслители XX в. трактовали и Русскую революцию в сходном духе – как предопределенное свыше событие. Так, Н. Бердяев утверждал: «Русская революция стояла под знаком рока, как и гитлеровская революция в Германии, она не была делом свободы и сознательных актов человека» [7. С. 221]. Аналогичным образом С. Аскольдов подчеркивал, что «Русская революция не есть дело рук человеческих, хотя подготовлялась она и человеческими усилиями» [8. С. 235].

Что же касается Солженицына, то в «Красном колесе» он, как уже подчеркивалось, с самого начала отрицает объективно обусловленный характер ключевых событий русской истории XX в., настаивая, что всё произошедшее в значительной мере стало результатом стечения случайных факторов: всё могло бы (и должно было бы!) сложиться иначе.

Возможный модус модальности – это отличительная черта историософской рефлексии Солженицына. Если бы не убийство Столыпина, то его обширная программа переустройства России к 1927–1932 гг., быть может превосходящая реформы Александра, простерла бы Россию еще невиданную и небывавшую, впервые в полном раскрытии своих даров, если бы не «Август четырнадцатого» – разгром русской армии, не «Март семнадцатого» – низложение монархии, «Апрель семнадцатого» – общественный хаос, давший большевикам шанс для захвата власти, – все могло бы произойти иначе: и поражения можно было бы избежать, и трон устоял бы, и не было бы тех страшных эпилогов «Красного колеса», включая «Архипелаг ГУЛАГ»…

Так характеризует солженицынскую историософскую концепцию С. Калашникова [9. С. 117]. «При этом не провидение предопределяет исторические события <…>, но человеческий поступок» [9. С. 117]. Вывод С. Калашниковой ожидаемо сводится к тому, что «Солженицын не фаталист» [9. С. 118]. Во многом сходным образом характеризуют солженицынский подход к историческому процессу и другие исследователи – например Е. Орловская-Бальзамо называет автора «Красного колеса» «прямым антиподом Льва Толстого» [1. С. 200].

Казалось бы, в том, что Солженицын отвергает фатализм и отказывается усматривать в исторических событиях волю Провидения, действительно невозможно усомниться. Однако на самом деле ответить на вопрос, фаталист ли Солженицын, нелегко – особенно если выйти за рамки десятитомной эпопеи и обратиться к другим текстам писателя. Например, в книгах «Архипелаг ГУЛАГ» и «Бодался теленок с дубом», где важную роль играет исповедально-автобиографическое начало, Солженицын настойчиво и последовательно трактует свою судьбу в сугубо фаталистическом духе. Так, в «Архипелаге…» автобиографический герой-рассказчик долгое время воспринимает арест, тюремно-лагерную неволю, а также и раковую опухоль с метастазами в качестве несправедливых и незаслуженных случайностей, но в конце концов прозревает и осознает, что такова была воля Всевышнего:

На седьмом году заключения я довольно перебрал свою жизнь и понял, за что мне всё: и тюрьма, и довеском – злокачественная опухоль. Я б не роптал, если б и эта кара не была сочтена достаточной.

Кара – но чья?

Ну, придумайте – чья? [10. С. 383]

В «Телёнке…» Солженицын сочувственно цитирует рассуждения Вяч. Всев. Иванова: «Есть мистический смысл во многих жизнях, но не всеми верно понимается. Он дается чаще нам в зашифрованном виде, а мы, не расшифровав, отчаиваемся, как бессмысленна наша жизнь. Успех великих жизней часто в том, что человек, расшифровав спущенный ему шифр, понял и научился правильно идти» [11. С. 126]. В этом же произведении обращает на себя внимание следующий авторский комментарий о направляющей руке Провидения:

Хотя знакомство с русской историей могло бы давно отбить охоту искать какую-то руку справедливости в цепи русских бед, – я в своей жизни эту направляющую руку, этот очень светлый, не от меня зависящий смысл привык с тюремных лет ощущать. Броски моей жизни я не всегда управлялся понять вовремя, часто по слабости тела и духа понимал и обратно их истинному и далеко рассчитанному значению. Но позже непременно разъяснялся мне истинный разум происшедшего – и я только немел от удивления. Многое в жизни я делал противоположно моей же главной направляющей цели, не понимал верного пути, – и всегда меня поправляло Нечто [11. С. 126].

Правда, на первый взгляд может показаться, что Солженицын, усматривая мистическую логику в собственной судьбе, отказывается видеть её в русской истории. Однако внимательное чтение автобиографической книги «Бодался теленок с дубом» убеждает в том, что замысел высших сил, которые вели писателя-идеолога Александра Солженицына по «верному пути», отнюдь не ограничивался узкими рамками одной персональной жизни. Ведь Солженицын предстает в «Теленке…» великим историческим деятелем, инструментом реализации глобальной воли Провидения – не зря же он именует себя «мечом в длани Господа» [11. С. 408]: «О дай мне, Господи, не переломиться при ударах! Не выпасть из руки твоей!» [11. С. 344]; «То и веселит меня, то и утверживает, что не я всё задумываю и провожу, что я – только меч, хорошо отточенный на нечистую силу, заговорённый рубить её и разгонять» [11. С. 344]. Герой «Теленка…» одерживает победы над всесильными советскими спецслужбами, ибо его направляет «Высшая Рука» [11. С. 344].

Так, например, публикация книги «Архипелаг ГУЛАГ», которой суждено было нанести смертельный удар по основам советской государственности, тем самым изменив историю («Да, предстояло “Архипелагу” менять историю, в этом я уверен…» [11. С. 349]), оказалась возможной благодаря помощи Всевышнего: «Только теперь, нет, только сегодня я понимаю, как удивительно вёл Бог эту задачу к выполнению» [11. С. 350]. О том, что время для обнародования великого произведения пришло, Солженицына известил некий знак свыше: «…Божий перст! Это ты! <…> разве бы я сам решился? разве понял бы, что пришло время пускать “Архипелаг”? Наверняка – нет, всё так же бы – откладывал на весну 75-го, мнимо-покойно сидя на бочках пороховых. Но перст промелькнул: что спишь, ленивый раб? Время давно пришло, и прошло, – открывай!!!» [11. С. 319]. И далее Бог не позволил советским спецслужбам физически устранить автора «Архипелага ГУЛАГа»: «Бог меня берёг…» [11. С. 348]. Таким образом Провидение, регулируя персональную жизнь Солженицына, фактически осуществляло демиургический контроль и над русской (и мировой) историей в целом.

Итак, амплитуда колебаний писателя в связи с интересующей нас проблематикой широка: от логики «вероятностной истории», доминирующей в «Красном колесе», до процитированных выше откровенно фаталистических суждений из книги «Бодался теленок с дубом». Солженицын характеризует историю как бесконечно сложный «результат взаимодействия Божьей воли и свободных человеческих воль»: «Конечно, Божья воля проявляется, но не фаталистично, и человеческие воли тоже проявляются» [2. Т. 3. С. 325]. Порой солженицынские публицистические размышления о воле Господа, которую люди, иногда сознательно, но чаще сами того не осознавая, воплощают в жизнь, могут показаться похожими на знаменитые историософские комментарии из «Войны и мира»: «…слово Провидение не хочется употреблять всуе. Произнося это слово – вступаешь в область торжественного. Я – убеждён в присутствии Его в каждой человеческой жизни, в своей жизни, и в жизни целых народов. Только мы так поверхностны, что вовремя ничего не можем понять. Все изгибы жизни нашей мы различаем и понимаем с большим-большим опозданием. Так, уверен я, когда-нибудь поймём мы и замысел о Семнадцатом годе» [2. Т. 2. С. 371]; «Остаётся просто Бога молить: Господи, пошли нам завтра внезапно полную демократию! Но Бог не вмешивается так просто в человеческую историю. Он действует через нас и предлагает нам самим найти выход» [2. Т. 2. С. 253]».

Однако, разумеется, солженицынская трактовка принципов и механизмов воплощения замыслов Гос-

пода в корне отличается от толстовской позиции. Подобно Толстому, Солженицын полагает, что Бог реализует Свою волю, действуя «через нас», но, в противоположность автору «Войны и мира», решительно не верит в ключевую роль «дифференциалов истории». Он убежден, что проводниками воли Провидения выступают отнюдь не многомиллионные массы с их стихийными «однородными влечениями», но избранные, великие личности, осознанная и целенаправленная деятельность которых основана на расшифровке спущенного с небес «шифра неба». Крах российской государственности, очевидно, стал возможен, ввиду отсутствия в стране должного количества подобных лидеров. В «Красном колесе» резко выделяется образ Петра Столыпина – единственного из исторических деятелей России начала XX в., кто был способен, по мнению Солженицына, успешно разрешить основные проблемы, стоявшие перед страной. Именно ему в романе отведена роль «меча в длани Господа». Убийство Столыпина трактуется в романе как ключевой и поворотный, воистину трагический момент национального бытия – не случайно утверждается, что застреливший его Богров повернул «ход истории 170-миллионной страны» [3. Т. 2. С. 280]). Увы, в 170-миллионной империи не нашлось, кроме Столыпина, ни одного другого деятеля, готового противостоять революционной стихии.

Разумеется, на вопрос о причинах подобного катастрофического оскудения России на яркие личности, способные стать «мечами в длани Господа», можно отвечать по-разному. В «Красном колесе», как уже подчеркивалось, на первом плане в этой связи фигурирует фактор случайности, что и приводит интерпретаторов произведения к выводу, что Солженицын «не фаталист». Однако и в десятитомной эпопее позиция Солженицына, несмотря на многочисленные полемические инвективы, направленные против толстовского исторического фатализма, далека от однозначности. Порой «возможностный модус мышления» [9. С. 117] уступает место раздумьям о неподвластном поверхностному разуму Божьем промысле – уж не им ли был обусловлен катастрофический дефицит энергичных и разумных «действователей» в тогдашней России? И можно ли признать случайностью то, что Бог, уберегший Солженицына от мощной структуры КГБ, ранее не спас Столыпина от террориста-одиночки? Не предопределено ли всё произошедшее Божьим «замыслом о Семнадцатом годе», который когда-нибудь откроется нам?

Как отметил К. Шевцов, «Александр Солженицын, всегда тяготевший к авторитарно-проповедническому слову и монологическо-одноидейному повествовательному формату, в результате тем не менее создал целый ряд произведений, которые обнаруживают всецело полифоническую природу» [12. С. 120]. Это точное наблюдение бросает свет на особенности художественно-смысловой конструкции «Красного колеса». Действительно, в десятитомном романе о Русской революции прежде всего выделяется идеологическая риторика повествователя, которую отличает безусловное доминирование прямолинейно-однозначных суждений и выводов. Практически все безапелляционно-категорические высказывания, развенчивающие исторический детерминизм и объясняющие российские катаклизмы случайностями, относятся именно к этому компоненту повествовательной структуры романа. Проблема в том, что направленность этих риторических деклараций нередко вступает в противоречие с логикой событийно-фактологического ряда, отслеживающего эмпирическую реальность отечественной истории. Кроме того, убедительное опровержение антидетерминистской риторики повествователя обнаруживается в рассуждениях значимых персонажей романа, точкой зрения которых организованы большие повествовательные сегменты, – в особенности же наделенных (в той или иной степени, разумеется) статусом авторитетности: Георгия Воротынцева, Николая II, Александра Гучкова и др.

Представляется, что в этой связи можно говорить об осцилляции – «невольном раздвоении автора <…> насильственно вытесняющего одну сторону, одну стихию своего противоречивого мышления» [13. С. 192]. Феномен осцилляции был рассмотрен В. Шмидом на материале романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы»: по убеждению исследователя, основной идеологический посыл этого произведения был довольно прямолинейным, однако «противосмысл вошёл в роман за спиной преследующего определенный замысел автора» [13. С. 189], и случилось это, вследствие подспудного скепсиса писателя. Возможно, и замысел Солженицына, связанный с развенчанием толстовской историософии, поначалу носил прямолинейный, однозначно-монологический характер, однако в процессе реализации этой целевой установки в текст десятитомного романа ворвался «противосмысл», ставший отражением как всегдашней склонности писателя-идеолога к фатализму, так и его сомнений в истинности принципов «вероятностной истории». Очевидно, именно на почве колебаний автора «Красного колеса» выросла противоречивая интерпретация русской истории XX в., с одной стороны, предстающей как цепочка совершенно произвольных событий, а с другой – обнаруживающей какую-то непреодолимую (хотя и загадочную) логику.

Итак, на первом плане в романе оказывается фактор случайности – в каждом из «узлов» идеологическая риторика повествователя убеждает читателя в том, что разрушительный для России ход событий стал результатом произвольных, злосчастных для страны совпадений: конкретно же речь идет о том, что историю творят люди, и характер её определяется личностями, занимающими руководящие посты. Вот, например, очень показательный комментарий:

Но с первого же сражения мелькают русские генеральские знаки как метки непригодности, и чем выше, тем безнадежней, и почти что не на ком остановить благодарного взгляда, как на Мартосе (И тут бы утешиться толстовским убеждением, что не генералы ведут войска, не капитаны ведут корабли и роты, не президенты и лидеры правят государствами и партиями, – да слишком много раз показал нам XX в., что именно они.) [3. Т. 1. С. 379].

Так, катастрофические для России военные события августа 1914 г. Солженицын стремится объяснить их чередой сугубо случайных неудачных кадровых решений: безусловное большинство генералов попросту не соответствовало занимаемым постам. Так, именно в силу случайности весной 1914 г. важную должность начальника Генерального штаба занял ничтожный генерал Янушкевич, сыгравший, по Солженицыну, едва ли не ключевую роль в гибели армии Самсонова:

Мы еще мало ведаем, как многое в великой истории народов зависит от ничтожных людей и ничтожных событий. В марте 1914 российский военный министр, болтун и царедворец Сухомлинов (более занятый капризами своей молодой красивой жены, чем обороной империи), рекомендовал императору назначить на пост начальника Генерального штаба – своего выслуженца, профессора военной администрации, вкрадчивого лжевоенного генерала Янушкевича. Как всегда при нашем троне, такие важнейшие назначения легко решались по расположению к просящему, не слишком сообразуясь с качествами, нужными для должности. Этот ничтожный самоупоенный Янушкевич начерпал России столько зла, что достало бы трем выдающимся злодеям [3. Т. 3. С. 252]. «Так один неконтролируемый случайный выскочка определил весь ход тыла» [3. Т. 3. С. 253].

Надо сказать, что сетования на дефекты кадровой политики Николая II встречаются у Солженицына не только в «Красном колесе», но и в публицистике: «Как можно было с такой поразительной последовательной слепотой – на все государственные и военные посты изыскивать только худших и только ненадежных?» [2. Т. 1. С. 466]. Однако в «Красном колесе» точка зрения, согласно которой неудачные кадровые назначения были обусловлены «слепотой» царя, явно поставлена под сомнение. Так, в одном из эпизодов автор романа дает возможность самому Николаю II весьма убедительно ответить на обвинения (в данном случае исходящие от генерала Рузского) в кадровой «слепоте»:

Но разве делил с ним когда-нибудь Рузский или Алексеев, или любой громогласный общественный критик, или вообще кто-нибудь, кроме верной жены и покойного Григория, – это мучительное перебиранье имен, жгучий многодневный поиск в людской пустоте, когда, кажется, голова уже лопается, а кандидатуры всё не приходят! Да наконец: а все кандидаты, которых предлагало общество, – чем они были способней, или приготовленней, или опытней, чем выбранные царем? Да ни в чем и никто. <…> Нет в России сейчас таких общественных элементов, которые были бы приготовлены к делу управления страной и способны исполнять обязанности власти [3. Т. 6. С. 455].

Таким образом, по мнению императора, неудачные кадровые назначения носили отнюдь не случайный характер, но были обусловлены кризисом, в состоянии которого пребывала российская военно-политическая элита в начале XX в. Авторитетность этой точки зрения, заставляющей нас видеть в случайностях орудие макроисторической закономерности, подтверждается в ряде других эпизодов романа, где речь идет о катастрофическом дефиците «действователей» в России. Так, уже после свержения царя Александр Гучков сокрушается по тому же поводу: «…да ведь Россия всегда сверкала множеством талантливых людей – и куда же они все делись? Как же затесался боец Гучков среди растяп и ничтожеств? За эти полтора месяца он отчислил полтораста бездарных генералов и высших начальственных лиц и только и делал, что выдвигал талантливых. И – никого вокруг. Одинок» [3. Т. 9. С. 302].

Аналогичным образом дело обстоит и с объяснением причин военных неудач русской армии. Роман «Август Четырнадцатого», с которого и начинается «Красное колесо», строится (в духе всё той же «вероятностной истории») на педалировании упущенных Россией на первом же этапе кампании возможностей разгромить немцев. История гибели армии Самсонова рисуется Солженицыным как череда однотипных эпизодов, в ходе которых в нужном месте у русских, к несчастью, каждый раз не оказывается нужного командира – решительного, храброго, ответственного. Между тем за подобными «случайностями» явственно обнаруживается всё та же непреложная закономерность, объективная тенденция, связанная с общей неподготовленностью России к войне, с дефицитом у нее квалифицированных военачальников и чиновников.

В этом плане идеологическая риторика повествователя, не устающего повторять, что русская армия способна была нанести немцам поражение и только роковые случайности помешали ей, вновь вступает в противоречие с событийно-фактологическим рядом, который убедительно свидетельствует об обратном. Мы узнаем, что «Положение о полевом управлении войск» утверждено было в России за два дня до всеобщей мобилизации, а семилетнюю программу вооружения приняли за три недели до начала войны. Все телеграфные переговоры, которые велись тогда нашими военачальниками, не шифровались, и германское командование, получив доступ к секретной информации, поначалу подозревало какой-то тонкий подвох вражеской контрразведки, однако, как подчеркивает Солженицын, причина заключалась в банальной военно-технической отсталости русской армии.

Подавляющее превосходство немецкой военной машины раскрывается и на уровне риторики, которую озвучивает основной герой-протагонист. Показателен эпизод, где полковник генерального штаба Воротынцев скачет верхом на жеребце, пытаясь отыскать потерянные в прусских просторах корпуса растянувшейся армии Самсонова, и сознает, что в это самое время на вражеской территории десятки немецких генштабистов едут спокойно по твердым шоссе на быстрых автомобилях, и связаны они меж собой сплошным телеграфом, данные получая с помощью аэропланов [3. Т. 1. С. 122–123]. «Нет, так не воюют!» – с горечью думает Воротынцев [3. Т. 1. С. 130]. Трудно, вслед за солженицынским персонажем, не признать очевидного: что «германская армия – сильнейшая в сегодняшнем мире, что эта армия – со всеобщим патриотическим подъемом; армия с превосходным аппаратом управления; армия, соединившая несоединимое: беспрекословную прусскую дисциплину – и подвижную европейскую самостоятельность» [3. Т. 1. С. 119]. А в третьем томе Солженицын вкладывает

в уста своего главного протагониста мысль о фатальной неизбежность поражения, причиной которого оказывается фактор пресловутого «духа войска»:

…И всё больше прорезало Воротынцева болезненное прояснение, что вся нынешняя война – не та. Как говорят в народе – не задалась. По ошибке начата, не с той ноги. И ведется губительно [3. Т. 3. С. 140]; В народном сознании эта война не была подготовлена, не созрела, ворвалась насилием или стихийным бедствием, – и из сотни солдат редко один испытывал к австрияку, к немцу враждебность… [3. Т. 3. С. 141].

Впрочем, анализ «Красного колеса» убеждает, что и в рамках авторитарной риторики повествователя далеко не всё обстоит так однозначно, как может показаться на первый взгляд. В целом ряде комментариев повествователя речь идет о фатальной обреченности самодержавия – в силу катастрофической моральной деградации правящего слоя:

Как же могли они не проиграть России? Все их служебные помыслы были напряженное слежение за системой перемещений, возвышений и наград – разве это не паралич власти? То-то: как почти ни одного крупного генерала, начинавшего войну 1914 г., мы не встречаем потом в Белом движении, так ни один из этих полицейских зубров, любимчиков Двора и старцев Совета не промелькнет на защите трона, когда он станет падать: все притаятся или рассеются. Они от Седьмого года и до Семнадцатого не несли сознания полной опасности, наступила революция – они не имели присутствия духа даже для самозащиты [3. Т. 2. С. 341].

Как мы видим, здесь повествователь не пытается объяснять кризис власти совокупностью случайных просчетов в сфере кадровой политики. А вот еще один комментарий повествователя, в котором революционная катастрофа фактически трактуется в толстовском духе – то есть в качестве события, которое «должно было произойти»:

Как и во многих крупных общественных процессах, разновременные и разнонаправленные усилия отдельных групп постепенно складывались в единое движение истории. Концы какой-то непонятной веревки, не различаемой на близком отстоянии, попали – один в руки общественности, один – в руки правительства, и те и другие то уверенно, то с колебаниями выбирали, тянули ее к себе, сколько могли. И не осмотрелись, что веревка та закладывается сама в петлю, а та петля оказывается не где-нибудь, а на питающем горле России [3. Т. 4. С. 321].

И в написанном в 1990 г. коротком предисловии к «конспекту» заключительных «узлов» Солженицын трактует ход революционных событий (конкретно речь идет о победе большевиков) в духе исторического детерминизма:

Уже и «Апрель Семнадцатого» выявляет вполне ясную картину обреченности февральского режима – и нет другой решительной собранной динамичной силы в России, как только большевики: октябрьский переворот уже с апреля вырисовывается как неизбежный [3. Т. 10. С. 559].

Итак, необходимо подчеркнуть, что колебания в вопросе о соотношении случайного и закономерного, возникшие в солженицынской исторической прозе, вероятно, спонтанно, вопреки изначальным целевым авторским установкам, отнюдь не следует воспринимать как некий дефект. Фактически в данном случае можно говорить о диалектике альтернативности и неизбежности, которая, будучи обусловлена очень специфическим личным мироощущением и опытом писателя, тем не менее в целом соответствует научным представлениям ведущих современных историков. Так, видный теоретик исторической науки Р. Козеллек называет «сомнительным» традиционное противопоставление необходимости и случайности: «…В зависимости от точки зрения наблюдателя, событие может выглядеть как случайное или неслучайное. При этом сомнительное противопоставление необходимости и случайности снимается и в историографическом смысле. При взгляде на одну совокупность заданных условий событие может предстать как случайное, при взгляде на другую совокупность – как необходимое» [14. С. 171]. Представляется, что именно диалектика случайности и необходимости освобождает солженицынские исторические полотна от прямолинейно-монологического схематизма и придает им многомерность и глубину.

Примечание

[1] Е. Орловская-Бальзамо справедливо называет Солженицына «автором вероятностной истории» [1. С. 208].

Список источников

1. Орловская-Бальзамо Е. Человек в истории: Солженицын и Ипполит Тэн // Новый мир. 1996. № 7. С. 195–211.
2. Солженицын А. Публицистика : в 3 т. Ярославль : Верхне-Волжское кн. изд-во, 1996.
3. Солженицын А. Красное колесо: Повествование в отмеренных сроках в 4 узлах. Т. 1–10. М. : Воениздат, 1993.
4. Толстой Л. Полное собрание сочинений : в 90 т. М. : Худ. лит., 1935. Т. 11.
5. Лурье Я. После Льва Толстого. Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века. СПб. : Лев Буланин, 1993. 166 с.
6. Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классиках. М. : Худ. лит., 1972. 544 с.
7. Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии. Л. : Лениздат, 1991. 395 с.
8. Аскольдов С. Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. С. 202–254.
9. Калашникова С. Особенности историософского мышления А.И. Солженицына // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 1. С. 114–119.
10. Солженицын А. Малое собрание сочинений : в 7 т. М. : Инком НВ, 1991. Т. 6.
11. Солженицын А. Бодался теленок с дубом: Очерки литературной жизни. М. : Согласие, 1996. 688 с.
12. Шевцов К. Солженицын-идеолог: к постановке проблемы // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2019. Вып. 4. С. 116–123.
13. Шмид В. Проза как поэзия. Пушкин, Достоевский, Чехов, авангард. СПб. : Инапресс, 1998. 352 с.
14. Козеллек Р. Случайность как последнее прибежище историографии // Thesis. 1994. № 5. С. 171–184.

References

1. Orlovskaya-Bal'zamo, H. (1996) Chelovek v istorii: Solzhenitsyn i Ippolit Ten [Man in history: Solzhenitsyn and Ippolit Ten]. *Novyy mir*. 7. pp. 195–211.
2. Solzhenitsyn, A. (1996) *Publitsistika: V trekh tomakh* [Publicism: In three volumes] Yaroslavl: Verkhne-Volzhskoye knizhnoye izdatel'stvo.
3. Solzhenitsyn, A. (1993) *Krasnoye koleso: Povestvovaniye v otmerennykh srokakh v 4 uzlakh* [Red wheel: Narration in measured terms in 4 knots]. Vols 1–10. Moscow: Voyenizdat.
4. Tolstoy, L. (1935) *Poln. sobr. soch.: V 90 t.* [Complete Works: In 90 volumes]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
5. Lurie, Ya. (1993) *Posle L'va Tolstogo. Istoricheskiye vozzreniya Tolstogo i problemy XX veka* [After Leo Tolstoy. Historical views of Tolstoy and the problems of the twentieth century]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin.
6. Skaftymov, A. (1972) *Nravstvennyye iskaniya russkikh pisateley: Stat'i i issledovaniya o russkikh klassikakh* [Moral searches of Russian writers: Articles and research on Russian classics] Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
7. Berdyaev, N. (1991) *Samopoznaniye. Opyt filosofskoy avtobiografii* [Self-knowledge. The experience of a philosophical autobiography] Leningrad: Lenizdat.
8. Askoldov, S. (1991) Religioznyy smysl russkoy revolyutsii [Religious meaning of the Russian revolution] In: *Vekhi. Iz glubiny* [Milestones. From the depth]. Moscow: Pravda, pp. 202–254.
9. Kalashnikova, S. (2009) Osobennosti istoriosofskogo myshleniya A.I. Solzhenitsyna [Features of the historiosophical thinking of A.I. Solzhenitsyn]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki.* 1. pp. 114–119.
10. Solzhenitsyn, A. (1991) *Maloye sobraniye sochineniy: V 7 tomakh* [A Small Collection of Works: In 7 volumes]. Vol. 6. Moscow: Incom NV.
11. Solzhenitsyn, A. (1996) *Bodalsya telenok s dubom: Ocherki literaturnoy zhizni* [The oak and the calf: Essays on literary life] Moscow: Soglasiye.
12. Shevtsov, K. (2019) Solzhenitsyn-ideolog: k postanovke problemy [Solzhenitsyn the ideologist: to the formulation of the problem] *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya i iskusstvovedeniye"*. 4 (247). pp. 116–123.
13. Shmid, V. (1998) *Proza kak poeziya. Pushkin, Dostoyevskiy, Chekhov, avangard* [Prose as poetry. Pushkin, Dostoevsky, Chekhov, avant-garde]. Saint Petersburg: Inapress.
14. Kosellek, R. (1994) Sluchaynost kak posledneye pribezhishche istoriografii [Chance as the last resort of historiography]. *Tezis*. 5. pp. 171–184.

Информация об авторе:
Большев А.О. – д-р филол наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: Olegovich1955@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
A.O. Bolshev, Dr. Sci. (Philology), professor, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: olegovich 1955@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.12.2021;
одобрена после рецензирования 13.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 13.12.2021;
approved after reviewing 13.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 130.31
doi: 10.17223/15617793/479/6

Теория двух сенсориумов и проблема аутизма

Федор Иванович Гиренок[1]

[1] *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, girenok@list.ru*

Аннотация. Анализируется проблема аутизма, которая рассматривается автором в горизонте поисков ответов на вопросы о том, что такое человек, что такое сознание и что такое интеллект. Сделан вывод о существовании двух сенсориумов человека. Один сенсориум существует для внешней жизни, другой – существует для внутренней жизни человека. У аутиста есть только один сенсориум. Проблема состоит в том, чтобы помочь ему сформировать сенсориум его отношения к самому себе. В этом случае его интеллект будет встроен в сознание. Тем самым аутист получит навигатор для своей внутренней жизни.

Ключевые слова: сознание, интеллект, мозг, гиперсеть, галлюциноз, воображение, кажимости, аффект, человек, внутренняя жизнь

Для цитирования: Гиренок Ф.И. Теория двух сенсориумов и проблема аутизма // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 58–62. doi: 10.17223/15617793/479/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/6

The theory of two sensoriums and the problem of autism

Fedor I. Girenok[1]

[1] *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, girenok@list.ru*

Abstract. The article analyzes the problem of autism. The author considers this problem in the horizon of searching for answers to questions about what a human is, what consciousness is and what intelligence is. The term "autism" comes from the Greek word autos, which means "self". This term was introduced into scientific use by the Swiss psychiatrist E. Bleiler in 1911. He also coined the word "schizophrenia". Describing patients suffering from schizophrenia, Bleiler noted their state of escape from reality and withdrawal into themselves, into their dreams. In 1943, Kanner gave the first description of childhood autism. In 1944, the Austrian psychiatrist Asperger described the syndrome of "autistic psychopathy". Asperger's syndrome is a special form of autism with a high level of intelligence. Autistic people of this level can work like a computer. Their thought is not controlled by emotion. They do not understand what a rule is and what it means to be right. There are 1,000 times more geniuses among autistic people than among ordinary people. For psychologists, autism is limited to deviation from the norm, illness, dementia. For philosophers in autism, it is important to reject external causation and recognize the fundamental status of randomness. J. Kristeva tried to analyze the phenomenon of autism. She developed the theory of an autistic person as a "person with an unspoken meaning". The essence of this theory is a revision of Kant's idea of productive imagination a priori. Kristeva, following Lacan, thinks of the imaginary as the boundary between the real and the symbolic. An autistic person, in her opinion, crosses this border, but cannot cross the border between the imaginary and the language, that is, the symbolic one. Kristeva forgets that children hallucinate before speaking. The imaginary is the boundary of language, not the other way around. Investigating the phenomenon of autism, the author comes to the conclusion that there are two human sensoriums, two sets of feelings. One sensorium exists for the external life, the other sensorium exists for the internal life of a person. The first sensorium includes five ordinary senses. The second includes a sense of oneself, a sense of belonging to the whole, a sense of time, a sense of reality, a productive capacity of imagination and faith. Autistic people have only one sensorium. The problem is to help them form the sensorium of their attitude towards themselves. In this case, their intelligence will be embedded in consciousness. Thus, autistic people will receive navigators for their inner lives.

Keywords: consciousness, intellect, brain, hypernet, hallucinosis, imagination, appearances, affect, human, inner life

For citation: Girenok, F.I. (2022) The theory of two sensoriums and the problem of autism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 58–62. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/6

В чем состоит проблема аутизма? Эта проблема сводится к следующему: аутист почему-то отказывается говорить от своего имени, он не признает слово «я» и предпочитает говорить о себе в третьем лице. Тем са-

© Гиренок Ф.И., 2022

мым он дает повод думать об исчезновении у него приватного мира, а также аутист не горит желанием осваивать язык и уклоняется от коммуникации с другими. Он не видит отличия между человеком и вещью и поэтому не следует социальным правилам. При этом нужно заметить, что ни один аутист не похож на другого [1].

Аутизм интересует разных специалистов, которые пытаются объяснить этот феномен. Интересует он и философию. Термин «аутизм» происходит от греческого слова autos, что означает «сам». Этот термин ввел в научный обиход швейцарский психиатр Э. Блейлер в 1911 г. Он же придумал слово «шизофрения». Описывая пациентов, страдающих шизофренией, Блейлер отметил у них состояние бегства от реальности и ухода в себя, в свои грезы. В 1943 г. Каннер впервые дал описание детского аутизма. В 1944 г. австрийский психиатр описал синдром «аутистическая психопатия» [2]. Синдром Аспергера – это особая форма аутизма с высоким уровнем интеллекта. Аутист этого уровня может работать, как ЭВМ. Его мысль не управляется эмоцией. Он не понимает, что такое правило и что значит правильно. Среди аутистов гениев в 1 000 раз больше, чем среди обычных людей.

Для психологов аутизм исчерпывается отклонением от нормы, болезнью, слабоумием. Для философов в аутизме важен отказ от внешнего причинения и признание фундаментального статуса случайности. Феномен аутизма попыталась проанализировать Ю. Кристева [3]. Она разработала теорию аутиста как «человека с невысказанным смыслом». Суть этой теории состоит в пересмотре идеи продуктивного воображения априори Канта. Кристева, следуя за Лаканом, мыслит воображаемое как границу между реальным и символическим. Аутист, на ее взгляд, пересекает эту границу, но не может пересечь границу между воображаемым и языком, т.е. символическим. Кристева забывает о том, что, прежде чем говорить, ребенок галлюцинирует. Воображаемое – граница языка, а не наоборот.

Мы попытаемся рассказать, как видится аутизм в философской теории двух сенсориумов человека. Эта теория возникла в рамках Московской антропологической школы [4]. Суть этой теории состоит в том, что она предполагает принципиальное различие между сенсориумом, обеспечивающим отношение человека к вещам, и сенсориумом, обеспечивающим отношение человека к самому себе. Формировать сенсориум человека к вещам стали греки.

«Фюзис»

Когда-то греки изобрели слово «фюзис». Этим словом они обозначили то, что мы сейчас называем природой. Что сделали греки? Они открыли существование природы, достаточной для того, чтобы создать мир вне зависимости от богов. Они сделали богов безработными. Но боги сумели отомстить грекам. Они попросили Аристотеля включить в понятие материи целевую причину. С тех пор материализм, а также естественно-научное прочтение природы постоянно нуждались в субъекте, в том, кто из материи что-то должен был сделать. Материи требовался мастер. Существование субъекта было невыносимо для философии, и, кажется, сегодня от него окончательно отказались. Тем не менее мы с вами говорим о недостаточности фюзиса греков для объяснения существования человека. Нам мало четырех стихий. Мы хотим к ним добавить пятую.

Пятая стихия

Почему разговоры о сознании опасны для физиков и материалистов? Потому что если они решат, что сознания нет, а мир един, то тогда им нужно будет как-то объяснить, а кто наблюдает этот мир? И кто наблюдает за наблюдателями? Ответить на этот вопрос невозможно. Если же они решат, что сознание в мире все-таки существует, то тогда им нужно будет признать фундаментальную разорванность мира. Признать, что в физической реальности есть какая-то дыра, в которую ускользает все ее содержание. Все обнуляется, и материя, в конечном счете, исчезает, как она когда-то исчезала в конце XIX в. Что делать с этой дырой, никто до сих пор не знает.

Но сегодня стала заметна одна деталь, на которую основной поток европейской и американской философии до сих пор не обращал никакого внимания, а именно: тот очевидный факт, что все мы с вами грезим. Нет ни одного человека, который бы не грезил. Мы спим, когда спим, и спим, когда бодрствуем. Мы спим наяву, ибо искусство, мораль и право – это и есть наш сон наяву. Человек видит то, чего нет, и не видит то, что есть.

Итак, у нас с вами есть галлюцинации. У галлюцинаций есть еще объекты. И нам надо с ними что-то делать, ибо с ними жить невозможно. А почему с ними жить невозможно? Потому что с ними у нас все будет двоиться, и в этой раздвоенности никак нельзя будет понять, имеем ли мы дело с вещью или же только с тенью от вещи.

Возникает вопрос: на что мы, ослепленные своей раздвоенностью, можем полагаться в своих действиях?

Нейронные гиперсети

Ученые и новые материалисты нам скажут, что мы можем полагаться на мозг и нейронные гиперсети [5]. И это будет, видимо, правильно, потому что это наш вычислительный и рассчитывающий центр. Но где мы видели грезящих животных? Их нет. Хотя у них также есть мозг и нейронные сети. Животные спят, но не грезят. Они бодрствуют даже тогда, когда спят. Все они подчиняются законам эволюции теории Дарвина, которые запрещают животному грезить. Если, конечно, не считать грезой оестествленные квалиа живого, а именно: цвет, звук, запах. Вообще-то их нет, но у животных они есть. Но эти квалиа не относятся к субъективности. Они относятся к объективным свойствам жизни в биоценозе.

Природа не грезит. Если бы наш мозг мог отличить естественное от искусственного, то тогда у нас не было бы никаких проблем. Мы бы с вами галлюцинировали, а он бы нам говорил, что эти галлюцинации – всего лишь тени вещей, что это всего лишь кажимости, которые непригодны для жизни. Нам

нужно лишь отодвинуть их в сторону или вовсе выбросить на свалку. Но мозг этого не делает. Эволюция его этому не научила. А кроме нее учить его было некому. И в этом состоит наша проблема. Наш интеллект, т.е. мозг, или, как говорят философы, рассудок, не отличает изображение вещи от самой вещи. Для него это одно и то же. Мы только подумаем о том, чтобы съесть банан, а он, наш мозг, считает, что мы его уже съели. Он не понимает, когда мы думаем и когда мы что-то делаем. Для него это одно и то же. Он считает, что мы смотрим на вещь, если мы смотрим на картину. Он вообще не понимает, для чего мы смотрим на то, на чем вообще нет никаких предметных изображений. Ему все равно, имеем ли мы воображаемый талер или реальный. Наш интеллект показывает нам одни и те же узоры независимо от того, делаем ли мы что-то сами или мы только смотрим на то, что как все это делают другие. Для него это, опять-таки, одно и то же.

Бытие как нереальный предикат

Иными словами, для интеллекта бытие нереальный предикат. Оно ничего не прибавляет к понятию и ничего не отнимает от него. И самое главное – мозг ничего не понимает во времени. Почему он его не понимает? Потому что на самом деле никакого времени нет, и мозг это отлично знает. Животные живут в пространстве, а не во времени. Это знают также наши дети, которых мы с большим трудом заставляем поверить в то, что время есть. Когда мы думаем о том, что нам делать завтра, наш мозг не понимает, что такое завтра, и заставляет нас считать, что завтра – это сегодня. И вчера – это для него тоже сегодня.

Галлюцинации как болезнь природы

Какова же причина этой неумелости интеллекта? Причина объясняется просто: мозг – это продукт эволюции. У кого-то он есть, у кого-то его, как у осьминога, нет. Что привык делать наш интеллект? Прокладывать колею для нашего организма в окружающей среде.

Но откуда же у нас берутся галлюцинации? Галлюцинации – это не болезнь человека, как привыкли думать многие. Галлюцинации – это болезнь природы, ее внутренний разрыв, в котором она перестает быть самой собой, уклоняется от себя. Проще говоря, галлюцинации являются побочным продуктом деятельности нашего мозга, который привык раскрашивать в цвета различные физические волны. Именно об этом мы говорим, когда говорим, что у нас брызги из глаз посыпались. Сами по себе эти мозговые раскраски не существуют без различающего их восприятия нашего организма. Поэтому радуга появляется из глаз, а не из мозга. Наш организм в силу какой-то спонтанности привык складывать из них различные формы, которые мы не можем отличить от натуральных, если у нас нет сознания. Так появляются кажимости, то, что, не будучи вещью, показывает себя как вещь.

Для чего нам сознание?

Сознание нам нужно для того, чтобы делать то, что не может сделать интеллект. Для интеллекта есть только вещи, для сознания есть кажимости и вещи. Кажимость – это то, что, не будучи вещью, показывает себя как вещь. Что мы можем делать с сознанием? Сознательно мы можем делать то, что нельзя сделать, полагаясь на интеллект. Например, изобретать образы, ставить цели, верить. Что мы делаем для того, чтобы у нас было сознание? Мы рисуем или ходим на выставки смотреть на картины. Иногда мы считываем образы со сцены театра или читаем Достоевского. Но чаще всего непроизвольно читаем молитвы в церкви или своей душе. Все это имеет смысл, если у нас есть уже-сознание или уже-понимание того, на что мы смотрим.

Итак, что же нам, грезящим, остается делать, если у нас все двоится? На что мы можем полагаться, если все нам кажется мнимым? Если для наших нейронных сетей мнимое и реальное – это все одно и то же? Можно, конечно, как это делают философы, одно из двух попытаться назвать мыслью, а другое – бытием, чтобы затем их отождествить. Но тождество бытия и мысли опасно для жизни человека. Оно не опасно, как говорил Парменид, только для богов.

У человека есть, видимо, только один выбор. Либо ему нужно однажды перестать быть, либо ему нужно избавиться от галлюцинаций, выбросить их из головы. Но как можно выбросить то, что тебе мерещится снова и снова? Ведь мы не субъекты относительно своих галлюцинаций. Не мы их приглашаем, они сами к нам приходят. Их нужно объективировать. Что значит объективировать? Объективировать – значит стать художником, святым или философом. Что значит стать художником? Это значит, что тебе самому нужно стать причиной реальности объектов своих грез. Если мы все это сделаем, то мы окажемся ни где-нибудь, а в пещере Шове среди изображений фигур животных. То есть откуда мы пришли? Из пещеры, вопреки эволюции. Искусство изначально было не искусством, а способом избавления от взрывающих человека галлюцинаций. Мораль была не моралью, а учреждением новой реальности, которая начиналась с дара, а не с присвоения.

Взрыв галлюцинаций

Взрыв галлюцинаций – это, пожалуй, самое главное событие в жизни человека вообще. Но если когда-то был взрыв, то это значит, что галлюцинации какое-то время накапливались и с ними все время шла какая-то скрытая работа. Каков же результат взрыва? Наглядный – это наскальная живопись. Не наглядный – это возникновение сенсориума человека. Что входит в этот сенсориум? В этот сенсориум входят чувство самого себя, чувство принадлежности к целому, чувство времени, чувство реальности и чувство Бога.

Теперь мы можем ответить на вопрос, что такое человек и что такое сознание. Человек – это его грезы. Грезить – значит быть во времени. Сознание – это не нейронные гиперсети [6]. Это не вещь. Это вообще не

часть мира. Это способ расширения реальности посредством учреждения существования объектов грез. То есть сознание – это не продукт эволюции. Сознание является результатом взрыва галлюцинаций. Поэтому говорить, что сознание – это мозг, это величайший предрассудок современности. Мозг – это не сознание, а электричество. Если мы введем в мозг трупа мощный заряд электричества, то увидим не сознание, а видимость жизни. Труп воспроизведет движения, совершаемые живым человеком.

Для чего сознание нам нужно? Не для того, чтобы что-то знать о мире, не для работы с информацией, для этого всего существует интеллект. Сознание существует для воздействия человека на самого себя во времени посредством мнимостей, а не электричества. Чтобы воздействовать на себя, человеку нужно создать себя. Мы создаем себя посредством воображения. В несовпадении человека с самим собой навсегда растворена мучающая его двойственность. Совпадение же человека с самим собой означает его конец. Заметим, что время – это опять-таки не качество вещей, это свойство сознательной жизни человека, которое возникает в результате воздействия человека на самого себя. И ничем это воздействие заменить нельзя. Что это за воздействие? Еще раз повторим: это учреждение существования объектов галлюцинаций. Или, что то же самое, желаний. Сознание – это такой нефизический клей, который позволяет нам склеивать существование и объекты грез.

Что это значит? Это значит, что нечто начинает существовать, если мы относимся к нему как к существующему. В этом случае бытие перестает быть нереальным предикатом, потому что оно перестает быть предикатом чувственных вещей и становится предикатом сверхчувственных вещей, которые существуют, если мы к ним относимся как к существующим. В этом состоит вся так называемая тайна воздействия сознания на тело.

Человек живет не в мире вещей как вещь. Человек живет вне этого мира. Он живет в мире призрачных объектов галлюценоза сознания. Аффект для человека – это не природный феномен, это не трамплин для прыжка животного. Аффект является приватизированной галлюцинацией. Причина аффекта коренится в несовпадении человека с самим собой, что, помимо прочего, является условием непрерывно возобновляемого аффективного тока в галлюценозе сознания.

Рождается ли аутист из грезы?

Сегодня нужно сделать то, что когда-то не сделали греки. Нужно к четырем стихиям природы добавить еще одну пятую. Греки – наивные материалисты не потому, что они одушевляли мир, а потому что они не обращали внимания на разрыв природы, на галлюцинацию. Смысл природы состоит в том, что вне природы. Вне природы находится не какая-то еще одна параллельная природе реальность, а субъективность, рожденная из галлюцинации. Человека рождает не труд. Человек рождается из галлюцинации. Но рождается ли аутист из грезы?

Каждое субъективное выражение, по словам Фреге, можно заменить объективным. Это высказывание ошибка. Субъективное нельзя заменить объективным. Между ними лежит разное отношение к каузальности, обусловленное существованием галлюцинации. В свою очередь, это различие поясняет, почему техническое не может возникнуть из объективного. Оно может возникнуть только из субъективности, а не из природы. Ответив на вопрос, что такое человек, сознание и интеллект, теперь можно будет попытаться понять феномен аутизма. Прежде всего хотелось бы ответить на вопрос: не машина ли аутист?

Машины

Машины не говорят, не коммуницируют, не распознают образы. Как их научить? Для этого существует машинное обучение. Чтобы научить машину, нужно, говорит Б. Галицкий, написать программу [7]. Что значит написать программу? Это значит создать язык, состоящий из двух слов – «да» и «нет», или двух знаков «0» и «1». И на этом языке программа должна ответить на правильно поставленные вопросы. Естественный же язык создавался не для обработки информации. Слова были нужны нам не для обозначения вещей. Для всего этого существуют мозг и нейронные сети.

Язык создавался для причастности людей к сознанию, к тому, что может связывать людей во времени. Говорить – это не значит сознавать. Говорить – значит претендовать на причастность сознанию, которое уже у кого-то есть. В пещере Шове сознание и человек появляются вместе. Быть причастным сознанию не означает, что ты его имеешь. Это значит, что ты принимаешь его вместе со всеми его смыслами как реальность.

Язык программы создается учеными не для причастности машины к сознанию, а для обработки информации. Аутисты, как и машины, не говорят, не коммуницируют, не распознают образы. Их тоже надо учить все это делать.

Но как? Как человека или как машину? И что такое быть машиной? Быть машиной – значит до бесконечности повторять одну и ту же операцию. Аутист любит стереотипы. Он тоже может многократно повторять одну и ту же фразу и одно и то же действие. Но машине нужен машинист. Аутисту машинист не нужен. Он может оставаться машиной до тех пор, пока у него не появится желание перестать быть вычислительным разумом. Что это значит?

Это значит: аутист – это не машина. Это человек с невзорвавшимися галлюцинациями. У него, как и у всех людей, сломан инстинкт. А если он сломан, то его интеллект зависает, теряет ориентиры: организм есть, а среды применения нет. Все люди находят выход из ситуации. Мы помещает наш интеллект в поле сознания. Но аутист почему-то этого не сделал. Он видит себя как память и число. Почему он не разместил свой интеллект в поле сознания? Потому что не взорвались его галлюцинации. Аутист поэтому вынужден будет делать только то, что может сделать его потерявший якорь интеллект. И он останется аутистом, видимо, до тех пор, пока не захочет учредить объект какой-нибудь грезы. Между тем, чтобы что-то учредить, нужно перестать совпадать с собой, нужно взорваться. Несовпадение с собой явля-

ется причиной аффективного тока у человека, который, однако, отсутствует у аутиста.

Для того чтобы возникло чувство самого себя, аутисту нужно также попасть в ситуацию, в которой интеллект ничем ему помочь не может. Что не может делать интеллект, делает сознание. Сознание нужно не тому, кто говорит. Говорить можно и без сознания. Оно не нужно тому, кто живет в обществе, ибо жить в обществе можно и без сознания. Сознание нужно тому, кто грезит. Оно нужно не для вычислений и не для того, чтобы что-то помнить. Чтобы соблюдать социальные правила, оно также не нужно. Сознание не нужно и для прохождения теста Тьюринга.

Два сенсориума

Поскольку интеллект не может отличить вещь от картины вещи, человека – от вещи, живое – от неживого, аутист, реагируя на цвет, на запахи и звуки, думает, что существует только то, что повторяется. То, что не повторяется, не существует. У аутиста есть сенсориум для жизни в мире вещей. Но у него нет сенсориума для жизни в мире времени. Между тем чувственное в объекте не может определять сверхчувственное в человеке. Проблема состоит в том, чтобы помочь аутисту сформировать сенсориум для жизни в галлюценозе сознания. Как? В созидании через произвол, через рекурсивную связь свободы, субъективности, воли и разума. Проблема аутизма разрешается размещением интеллекта в поле сознания.

Если кто-то думает, что аутист – это биомашина, это также ошибка. Потому что его биомашина сломана. Его интеллект не встроен в инстинкт. Аутист вопиет о сознании. Ему требуется сознание для того, чтобы он мог встроить свой интеллект в новую реальность. Аутист – это интеллект без сознания и без инстинкта. Если мы не сделаем его причастным сознанию, то он может стать машиной без машиниста, то есть автоматически действующей монадой.

Какую ошибку мы делаем тогда, когда, как Ламетри, объявляем человека машиной? Машину нельзя научить галлюцинировать. А человека можно заставить быть машиной.

Резюме

Учитывая все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что сознание не приурочено к телу. Тело соотносится с телом. Сознание соотносится с галлюцинацией. Сознание – это способ выживания человека в раздвоенном мире. Аутист застревает на пути перехода от интеллекта к сознанию.

Список источников

1. Шпицберг И.Л. Коррекция нарушений развития сенсорных систем у детей с расстройствами аутистического спектра // Аутизм и нарушения развития. 2013. № 2. С. 33–45.
2. Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания. М. : Проспект, 2017. 256 с.
3. Кристева Ю. Ребенок с невысказанным смыслом // Философская мысль Франции XX века. Томск : Водолей, 1988. С. 297–305.
4. Ростова Н.Н. Время манифестов: сингулярное событие в мире современной философии // Философия хозяйства. 2019. № 3. С. 253–259.
5. Ростова Н.Н. Аджорнаменто антропологии: преодоление границы между природой и культурой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, № 4. С. 731–750. doi: 10.21638/spbu17.2020.411
6. Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. Т. 71, № 1. С. 39–71. doi: 10.31857/S0044467721010032
7. Galitsky B. Computational Autism. Springer International Publishing Switzerland, 2016. 380 p.

References

1. Shpitsberg, I.L. (2013) Korrektsiya narusheniy razvitiya sensornykh sistem u detey s rasstroystvami autisticheskogo spektra [Correction of disorders in the development of sensory systems in children with autism-related disorders]. *Autizm i narusheniya razvitiya*. 2. pp. 33–45.
2. Girenok, F.I. (2017) *Autografiya yazyka i soznaniya* [Autography of language and consciousness]. Moscow: Prospekt.
3. Kristeva, J. (1988) Rebenok s nevyskazannym smyslom [A child with an unspoken meaning]. In: *Filosofskaya mysl' Frantsii XX veka* [Philosophical thought of the 20th-century France]. Tomsk: Vodoley. pp. 297–305.
4. Rostova, N.N. (2019) Vremya manifestov: singulyarnoe sobytie v mire sovremennoy filosofii [The Time of Manifestoes: A Singular Event in the World of Modern Philosophy]. *Filosofiya khozyaystva*. 3. pp. 253–259.
5. Rostova, N.N. (2020) Adzhornamento antropologii: preodolenie granitsy mezhdu prirodoy i kul'turoy [Ajornamento anthropology: overcoming the border between nature and culture]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*. 36 (4). pp. 731–750. doi: 10.21638/spbu17.2020.411
6. Anokhin, K.V. (2021) Cognitome: In Search of Fundamental Neuroscience Theory of Consciousness. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti im. I.P. Pavlova*. 71 (1). pp. 39–71. (In Russian). doi: 10.31857/S0044467721010032
7. Galitsky. B. (2016) *Computational Autism*. Springer International Publishing Switzerland.

Информация об авторе:
Гиренок Ф.И. – д-р филос. наук, зав. кафедрой философской антропологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: girenok@list.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
F.I. Girenok, Dr. Sci. (Philosophy), head of the Philosophical Anthropology Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: girenok@list.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022;
одобрена после рецензирования 02.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 29.03.2022;
approved after reviewing 02.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Научная статья
УДК 141.3
doi: 10.17223/15617793/479/7

Две парадигмы биополитики: перспективы возможного синтеза концепций М. Фуко и Дж. Агамбена

Василий Николаевич Сыров[1], Ярослав Алексеевич Сединин[2]

[1, 2] Томский государственный университет, Томск, Россия
[1] narrat@inbox.ru
[2] comsedinin@gmail.com

Аннотация. Делается попытка синтеза двух теоретический подходов к рассмотрению современного общества с точки зрения политики биовласти. Отмечается ограниченность концепций М. Фуко и Дж. Агамбена. Предлагается возможность их синтеза посредством «встраивания» концепции Агамбена в теорию биовласти Фуко. Отмечается возможность расширения понятия «исключения» путем демонстрации, что институты «гражданского общества» также могут функционировать как биополитические.

Ключевые слова: биополитика, биовласть, чрезвычайное положение, либерализм, структура исключения, homo sacer

Для цитирования: Сыров В.Н., Сединин Я.А. Две парадигмы биополитики: перспективы возможного синтеза концепций М. Фуко и Дж. Агамбена // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 63–73. doi: 10.17223/15617793/479/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/7

Two paradigms of biopolitics: Prospects for a possible synthesis of the concepts of Michel Foucault and Giorgio Agamben

Vasiliy N. Syrov[1], Yaroslav A. Sedinin[2]

[1, 2] National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
[1] narrat@inbox.ru
[2] comsedinin@gmail.com

Abstract. The article attempts to synthesize two theoretical approaches to consideration of modern society: the approaches of Michel Foucault and Giorgio Agamben. The limitations of both concepts are noted. The value of this study lies in an attempt of offering the possibility of combining them. The validity of this approach stems from the fact that these two concepts are limited. Attempts to impose one or another model of biopolitics on modern society as a whole will be limited in theoretical terms. The article shows that Foucault's approach is primarily focused on the analysis of contemporary Western democracies, in particular France. Foucault identifies biopolitics with liberalism, which means that biopolitics is a new art of management. The limitations of this approach are revealed at the moment when we ask the question posed by Agamben. The question concerns the field of research on the policy of concentration camps in Germany in the 1930s–1940s. According to Agamben, any biopolitics is a continuation of the processes taking place in the concentration camp. Nevertheless, he comes to the conclusion that biopolitics is a policy of exclusion within the framework of a state of emergency. Thus, he actually rejects Foucault's concept of "regulation of life". After the descriptions of these concepts are given in the article, there is an attempt to "embed" Agamben's concept into Foucault's theory of bio-power. Biopolitics functions as the "regulation of bare life", and the "exclusion structure" permeates liberal societies. Therefore, the problem of this study could be represented in the following questions: Is it possible to include Agamben's theoretical construct ("bare life", "sovereignty of power", as well as "state of emergency") in the composition of the Foucauldian analysis of modern Western society? And, if it is possible, how could it be done? At the same time, it is important to preserve the specifics of these two approaches. In order to prove this, the thesis is put forward that within the framework of the new art of management (neoliberalism), market actors are also institutions of biopolitics and perform the function of "exclusion". As a result, by combining two different approaches to the problem of bio-power, the article shows how it is possible to represent the regulation of life (Foucault's concept) through sovereign exclusion/rejection (Agamben's concept), delineating the areas of responsibility of bio-power and preserving the logic of Foucault's reflections on the connection between biopolitics and the liberal art of management ("civil society" as an institution of regulation of "bare life").

Keywords: biopolitics, bio-power, state of exception, liberalism, structure of exception, homo sacer

© Сыров В.Н., Сединин Я.А., 2022

For citation: Syrov, V.N. & Sedinin, Ya.A. (2022) Two paradigms of biopolitics: Prospects for a possible synthesis of the concepts of Michel Foucault and Grigorio Agamben. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 63–73. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/7

Введение

При исследовании современного общества как биополитического, т.е. общества, основанного на особенной конфигурации власти над «жизнью», можно столкнуться с двумя господствующими концепциями биополитического: Фуко, с одной стороны, и Агамбена – с другой. Как известно, концепция биовласти была введена (или разработана) в цикле лекций Фуко «Нужно защищать общество». Ключевая идея этого курса лекций заключалась в тезисе, что измерение «жизни» определяет функционирование биовласти. Эта идея затем развивается в курсе лекций «Рождение биополитики» в направлении отождествления ее с либеральным искусством управления. К сожалению, из-за нехватки времени Фуко, как пишет Дьяков [1], не успел полностью проанализировать связь либерализма и биополитики в современном обществе, тем самым дав возможность его интерпретаторам сделать это самостоятельно. Вторая же концепция, предложенная Дж. Агамбеном, отчасти основывается на первой, но фокусирует внимание на особенной «структуре исключения» и ее связи с «чрезвычайным положением». На первый взгляд, может показаться, что между этими двумя концепциями существует явный «эпистемологический разрыв», поскольку описание биополитики Фуко скорее можно отнести к анализу современных ему западных обществ, тогда как анализ Агамбена отражает специфику частного функционирования биополитики (например, «борьбу с терроризмом» как чрезвычайное положение, или особенности концентрационных лагерей в нацистской Германии) [2. С. 20]. Иными словами, концепция биополитики Агамбена, где в центре располагается «голая жизнь», которой оперирует суверенная власть, преимущественно в качестве модели, описывает ситуации «чрезвычайного положения» (нацистский режим в Германии, пандемия короновирусной инфекции, «война с терроризмом» и т.д.), а модель биовласти Фуко, которая основывается на либеральном искусстве управления, описывает современные либеральные демократии.

Однако выдвинем тезис, что и в концепции Агамбена и в концепции Фуко, ядром биополитики является регуляции «жизни» (у Агамбена регуляция «голой жизни»). Эти концепты, по сути, являются тождественными, с тем лишь отличием, что «голая жизнь» имеет более наполненное содержание, а не сводится к просто физиологическому существованию человека (как у Фуко). Но при этом они отличаются в двух аспектах: 1) у Фуко биополитика становиться возможной благодаря появлению либерального искусства управления; у Агамбена биополитика существует там, где существует отношение исключения/отвержения в рамках политического; 2) биовласть Фуко функционирует как постоянная практика власти; у Агамбена биополитика как зона регуляции «голой жизни» осуществляется в рамках «чрезвычайного положения». Суверенная власть, по Агамбену, при этом может постоянно заниматься регулированием существования homo sacer, но лишь тогда, когда общественная ситуация может быть определена как «чрезвычайная» (как ситуация неотличимости между правом и приостановкой права). В таком случае на основании какого из двух подходов мы можем назвать современное общество биополитическим? Таковым оно может быть только в трех случаях: 1) мы на теоретическом уровне отвергаем анализ Агамбена и целиком принимаем анализ Фуко; 2) мы соглашаемся с ограниченным анализом Агамбена при этом целиком принимаем фуколдианскую концепцию; 3) мы пытаемся объединить два подхода к биополитике (в сущности, этот вариант является модификацией второго, с тем лишь отличием, что второй вариант предполагает редукцию концепции Агамбена к концепции Фуко, подчинение первой концепции второй). Ценность данного исследования, следовательно, заключается в попытке, сохраняя автономность и значение каждой из концепций, попытаться проанализировать их связь и предложить возможность их объединения. Правомерность такого подхода проистекает из факта ограниченности двух концепций (что будет показано в ходе исследования). Иными словами, попытки наложить ту или иную модель биополитики на современное общество, в целом, в теоретическом плане будут ограниченными. Поэтому наша гипотеза заключается в следующем утверждении: современное капиталистическое общество обладает всеми структурами устройства политического и социального, анализ которых приводит нас к мысли о биополитичности общественной структуры. Но их описание в теориях Фуко и Агамбена содержится по-отдельности, так что, назвать современное либеральное общество с опорой только на Агамбена биополитическим (не считая состояния чрезвычайного положения), а также представить регуляцию «жизни» как функцию исключения, т.е. «выпадения» жизни индивида из повседневного порядка вещей, с опорой только на концепцию Фуко (поскольку в рамках регуляции «жизни» сама «жизнь» становится объектом манипуляций власти, что приводит к изменению ее статуса). Под этим новым статусом мы понимаем полную захваченность «жизни» в ее биологическом проявлении властью и институтами «гражданского общества», прежде всего экономическими субъектами.

Таким образом, мы можем поставить проблему данного исследования: возможно ли и каким образом включить теоретический конструкт Агамбена («голая жизнь», «суверенитет власти», а также «чрезвычайное положение») в состав фуколдианского анализа современного западного общества, сохраняя при этом специфику двух подходов.

Биополитика и homo sacer

В работе «Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь» Дж. Агамбена для описания современного общества используется модель концлагеря. Дж. Агамбен, анализируя античное понятие «голая жизнь», приходит к неожиданному выводу, заявляя, что в основе политической онтологии лежит так называемая структура исключения. Иначе говоря, политическое конституируется процедурой исключения, что необходимо понимать как акт некой суверенной власти, сопровождающейся исчислением «народа» и дальнейшим отчуждением от целого социального тела определенной части этого «народа». Само по себе понятие «голая жизнь» относится к той категории индивидов в Античности, в отношении которой было невозможно ритуальное убийство, принесение жертвы богам. Однако при этом «голую жизнь» волен убить каждый. Никакого ограничения в этом случае античное право и традиции не предполагали. «Голая жизнь» представляется в данном контексте как то, что абсолютно отчуждено от социального тела и власти, поскольку жизнь homo sacer, во-первых, может оборваться в любой момент по произволу граждан, во-вторых, homo sacer, по сути, исключены из функционирования политических институтов и не имеют четкого места в системе общественного разделения труда [3. С. 107]. Но такой способ существования, отмеченный высшей степенью отчуждения, по словам Агамбена, в этот же самый момент становится максимально интимным отношением с властью. Иными словами, отчуждая от общественного организма «голую жизнь», суверенная власть формирует модус абсолютного господства над «голой жизнью», сближаясь с ней насколько это возможно [3. С. 233] (например, фигура еврея в нацистском концлагере: с одной стороны, еврей в концлагере для нацистов не считается субъектом общества, он исключен из него, но с другой стороны, это исключение произведено властью, и власть тем самым полностью господствует над ним, его жизнь целиком определена волей власти. В этом смысле отношение исключенного и власти являются максимально близкими).

Такая парадоксальная ситуация утверждает бытие homo sacer как бытие в «зазоре». Этот зазор, в терминологии Агамбена, находится между zoe и bios, т.е. между природным состоянием животного и политическим существованием индивида. Структура исключения, таким образом, сигнализирует о ключевой особенности суверенной власти. Исключение, будучи произведенным, всегда является исключающим включением, или иначе включающим исключением (Агамбен отмечает между ними существенное различие, но в конце концов указывает на то, что структура исключения составлена из этих двух типов в совокупности). Тем самым, суверенная власть создает зону неразличимости между внутренним и внешним, естественным и правовым. В таком случае мы можем назвать это исключение суверенным исключением или же отвержением, т.е. абсолютным господством закона над теми, кто был отвергнут, поскольку отвержение сопровождается «выпадением» homo sacer из общественного поля, из чего следует, что закон есть единственное с чем homo sacer поддерживает отношения, и это есть отношения отвержения кто был отвергнут [3. С. 41].

Термин «чрезвычайное положение», характеризующий суверенную власть, является еще одним важным для Агамбена понятием. Поскольку в результате суверенного исключения становится невозможным отделить zoe от bios, внутреннее от внешнего, то ситуация чрезвычайного положения предстает временной приостановкой обычного порядка. Иначе говоря, сама структура политической и общественной жизни предполагает временное изъятие нормы из правового порядка, в результате чего сама норма и право приостанавливаются. Но такая приостановка не означает отмену права и закона, а, скорее, подразумевает их утверждение и сохранение. Тем самым суверенная власть, способная осуществить чрезвычайное положение, находится одновременно и вне и внутри права. Находясь внутри правового поля, она вписывает себя в него и обычный порядок общественной жизни. Но в это же время, располагаясь вне его и приостанавливая любое правовое установление, суверенная власть способна его учреждать и сохранять [3. С. 53].

«Голая жизнь» в данном диспозитиве является элементом и оператором суверенной власти в том смысле, что ее статус, как существующий в «зазоре» между естественной жизнью и политическим субъектом, аналогичен статусу права при чрезвычайном положении. Граница, которая могла бы разделить жизнь и политическую субъектность, размыта или совершенно отсутствует, что, тем самым, предполагает наложение жизни на политическую субъективность. В результате для «голой жизни» характерно перманентное чрезвычайное положение [3. С. 235]. Также можно отметить, что в момент ввода чрезвычайного положения субъекты общества потенциально могут стать «голой жизнью» в силу неразличимости права от его приостановки, что не может автоматически гарантировать отсутствие произвола властных и государственных инстанций, и, следовательно, субъект полностью подпадает под юрисдикцию власти, хотя бы и потенциально (ситуация подобного произвола возможна из-за отсутствия хотя бы видимых правовых гарантий субъекту, идет ли речь о гражданских или политических правах).

Таким образом, концепцию биополитического у Агамбена можно представить следующим образом: биополитика функционирует как исключение/отвержение субъекта, что приводит к преобразованию существования человека в «голую жизнь». При этом ситуация чрезвычайного положения сопровождает процесс исключения, поскольку исключение может функционировать только при изъятии нормы из обычного правового порядка, в ситуации неразличимости, о который мы писали несколько выше.

Дисциплинарное общество у Фуко

Для того чтобы теперь рассмотреть биополитику с другого ракурса, стоит обратиться к концепции поли-

тического, разработанной в трудах Фуко. Обращение к Фуко позволяет выделить две крупные политические парадигмы общества последних трехсот лет, а именно дисциплинарную и биополитическую. Дисциплинарное общество, которое Фуко характеризует главным образом в работе «Надзирать и наказывать», отличается становлением практик надзора и контроля [4. С. 164]. Отсюда его параллели с пресловутым «паноптикумом» [5. С. 240]. Дисциплинарное общество основывается на отношении «знание–власть», что проявляется в становлении практик дисциплинирования тел. Говоря кратко, это означает становление институций власти по надзору за населением (институты микровласти), где надзор выступает в форме обеспечения, прежде всего, социальных потребностей индивидов. К таким институциям можно отнести институт образования и в частности школу, профсоюзы, клинику, институт социальных работников и т.д. К практикам осуществления контроля за индивидами можно отнести установление различных категорий дискурса власти, таких как «адекватное» психическое состояние, «гражданин» по окончании школы, «ответственный» избиратель и т.п. В совокупности процессы надзора и контроля за индивидами, в конечном счете, предстают «продуктивным характером власти», т.е. определенным режимом обращения с телами, который формирует тот или иной класс индивидов (например, тюремный режим обращения с телом «преступника» производит класс преступников [6. С. 29]).

Дисциплинарное общество отличается от иных типов конфигурации власти главным образом тем, что прежний суверенитет власти (королевской, например) был подвергнут определенной «демократизации» и вписыванию его в систему права, сформулированную эпохой Просвещения [4. С. 56]. Ограничение суверенитета власти при одновременном становлении дисциплинарных практик над телом индивида и коллектива создает зону гетерогенности между двумя властными порядками, которые, однако, не находят позитивного упразднения друг в друге. Дело в том, что система права и практики обращения с телом находится в отношении некоторого напряжения, поскольку область суверенного правового действия делегирует каждому субъекту права всеобщую и необходимую правовую волю и тем самым насаждает ее, выстраивая систему господства властного суверенитета, а дисциплинарные практики служат цели «нормализации» индивидов. Фуко пишет, что, по сути дела, мы сталкиваемся с двумя противоположными дискурсами: с дискурсом дисциплины, который основан на суверенитете и господстве, и с дискурсом порядка, т.е. законности, дисциплинарные практики по отношению к которому являются априори чуждыми [4. С. 57].

Конфигурация политической системы в рамках дисциплинарной сетки власти будет воплощаться в образе центристского правительства. В этом контексте Ж. Рансьер предложил понимать современную политическую систему как центристскую утопию (которая, однако, в принципе не реализуется в действительности). Это означает, что в основу политического положен принцип социальной редукции политического, т.е. *распределения властей и связанных с ними воображаемых инвестиций*. Место политического центра должен занять средний класс, чтобы центр власти не был представлен противоположными относительно своих интересов классами, а умеренным средним классом «не-бедных» и «не-богатых». Центр, таким образом, перестал бы быть местом постоянного социального напряжения [7. С. 33]. В противовес социальной редукции политического, политическая редукция социального будет проявляться в политике распределения богатств. Принципы государственного капитализма, дирижизма, «мягких» форм социализма (левая социал-демократическая модель) и другие одновременно становятся экономическими средствами достижения социального равенства (хотя бы в его видимой форме) с целью опять-таки снять классовое напряжение, но уже в рамках социального.

Ж. Рансьер отмечает между двумя этими принципами (двумя редукциями) своего рода разрыв, который заключается в том, что политическая власть может основываться только на одном из типов редукции [7. С. 34]. Здесь мы не можем согласиться с Рансьером. Мы склонны синтезировать принципы редукции социального и политического. Дисциплинарное общество, как отмечалось выше, конституируется зоной гетерогенности между правовой системой и дисциплинарными практиками, из чего мы можем сделать вывод, что сторона суверенного закона (система права) является зоной редукции политического социальным, т.е. система права и правительство будут оформляться сообразно центристской утопии. Демократизованный суверенитет, либеральные ценности, правовое равенство и господство представительства среднего класса во власти является образом развитой западной державы в XX в. С другой стороны, политика равенства и распределения богатств, а также введение всеобщего образования, изменения в организации тюрем (перенос акцента в наказании на тело и его дискурсивное измерение) и подобное говорят о том, что политика равенства постепенно со-внедряется и совмещается с практиками дисциплины тела. Именно в этом смысле, на наш взгляд, возможно их отождествить.

Биовласть и биополитика в работах Фуко

Как известно, Фуко отмечал, что важнейшим событием появления и дисциплинарной власти и биополитики связано с возникновением политэкономии и появлением нового типа искусства управления (либерализма) [1]. Этот новый типа искусства управления находит свое основание в экономике по двум причинам.

Во-первых, для неолиберализма как одной из форм биополитики, наследующей и перерабатывающей классический либерализм, регуляция «народонаселения» в экономических терминах неприемлема, поскольку неолиберализм утверждает эффективность механизмов невмешательства в рыночные процессы, а также их самостоятельную регуляцию. Следовательно, власть, а конкретнее правительство, все еще исхо-

дит из принципа искусства управления, который говорит о необходимости эффективно распоряжаться ограниченными социально-экономическими ресурсами, но уже вне экономической деятельности. Фуко определяет искусство управления как совокупность способов обеспечить стабильность политической власти с опорой на экономическую структуру [8. С. 191]. В XIX в. с появлением политэкономии этот принцип стабильности начинает связываться с экономической реальностью. Следовательно, эффективность управления будет зависеть от адекватного экономического регулирования, но так как неолиберализм отвергает принцип государственного вмешательства, то проблема необходимости эффективного управления (экономикой, но и вообще социальной реальностью) остается. Таким образом, нужен иной тип искусства управления. Иными словами, проблема регуляции «народонаселения» остается, но привычных средств ее решения более не существует (например, политика полной занятости во Франции или протекционистская политика в ФРГ). Тогда получается, что регуляция народонаселения становится, с одной стороны, определенным дисциплинарным механизмом, но он также может являться и механизмом биополитическим, что мы продемонстрируем ниже.

Во-вторых, переход общества к биополитической парадигме Фуко связывает с трансформацией самого политического, а именно сменой политической рациональности [1]. В лекциях, прочитанных в Коллеж де Франс, носящих имя «Рождение биополитики», Фуко как яркий пример приводит изменение правительственной практики в послевоенной ФРГ. Западногерманский политический истеблишмент, по мысли Фуко, не мог исходить из логики истины политического, т.е. государство и его легитимность в глазах народонаселения не должны основываться на логике политической. Иными словами, государство не должно учреждать институт суверенитета, диалектика учредительной и учреждаемой власти должна быть отринута, поскольку именно на этой логике был основан нацизм, и более того, нацистская партия была учредительной властью даже тогда, когда новый политический порядок власти уже был учрежден, что в итоге привело к ситуации перманентного чрезвычайного положения в Германии. Следовательно, правительство и государство должны найти опору в чем-то ином, суверенитет власти не должен реализовываться посредством символико-политического насилия и принуждения. Тогда такой опорой послужит экономика, а новым искусством управления станет рыночный обмен со специфическим государственным вмешательством – laissez-faire [1].

Однако в таком случае возникает проблематичная ситуация – каким образом правительство может черпать свою легитимность и суверенитет, если правительство всегда действует в рамках создаваемой системы права, тогда как тут мы имеем дело с экономическими агентами? В этой ситуации мы имеем дело, по сути, с двумя различными субъектами: с субъектом права и с экономическим субъектом. «Нужен новый план референции, и этот новый план референции, очевидно, не будет ни совокупностью субъектов права, ни рядом торговцев или экономических субъектов, или экономических деятелей» [1]. Этим новым планом референции будет выступать «гражданское общество», которое есть мера юридической индексации экономики. «Гражданское общество» тем самым является элементом, не позволяющим разделить искусство управления экономикой и юридическое искусства управлять. При этом оно является правительственной технологией либерализма в той мере, в какой оно «населено» людьми экономическими, т.е. homo economicus: «Homo economicus и гражданское общество являются частью одного и того же ансамбля, ансамбля технологии либерального руководства» [1]. Теперь необходимо выяснить, как именно связан механизм работы биополитики с новым либеральным искусством управления? Для этого мы первоначально поставим несколько проблематизирующих вопросов: 1) управление чем (индивидом, или «гражданским обществом», или экономическим субъектом, или субъектом права)? 2) Какие социальные следствия вытекают из переноса внимания власти на «народонаселение» (пока вне зависимости от ответа на первый вопрос)?

Если вспомнить концепцию суверенитета Т. Гоббса из «Левиафана», то становится возможным выделить два типа «множества» (имеется ввиду граждан, населяющих определенное пространство, и которых мы можем назвать субъектами политического): disunited multitude (разобщенное множество) и dissolute multitudo (растворившееся множество). Их ключевое отличие заключается в том, что разобщенное множество предшествует растворившемуся, но между ними расположен элемент суверенитета в фигуре Господина (короля). Разобщенное множество конституирует фигуру суверена для того, чтобы преодолеть собственную разобщенность, делегировав абсолютную волю суверену посредствам договора, после чего множество растворяется в фигуре суверена. Однако в этом отношении существует ситуация круга, поскольку основа разобщения множества содержится в событии, которое можно назвать гражданской войной, войной всех против всех. К этому состоянию в обществе всегда существует определенная потенция, поскольку в растворившемся множестве может содержаться соблазн делегировать суверенитет другому Господину [9. С. 60–61]. Однако власть находит способ решения данной проблемы. Он находится в новом объекте, который так любезно, благодаря аналитической и вообще исследовательской работе, предоставила биология. Этим объектом становится жизнь. Жизнь в ее биологическом понимание, т.е. как факт физиологического существования индивида, становиться главным предметом манипуляции биовласти. В случае с биополитикой суверенитет биовласти реализуется в регуляции «жизни» внутри множества, иными словами, суверенитет обращается к физиологическому элементу субъектов для осуществления правления и предотвращения распада общества (состояние гражданской войны). Иными словами, для того чтобы предотвратить распад общества, власть может «смещаться», а также «смещать» акценты

относительно объектов своей манипуляции. В случае с биополитикой новым объектом функционирования оказывается «жизнь».

Ранее мы задались вопросом, что находится в центре политической онтологии биополитики, теперь мы можем со всем основанием заявить, что «жизнь» является объектом биополитики, а также что биополитика функционирует за пределами отношений «гражданского общества». Это означает, что субъекты гражданского общества, а именно субъект права, как он не имеет отношения к суверенной власти, и субъект рыночных отношений, не имеют прямого отношения к суверенной власти и функционируют в иных ее регистрах. Говоря о регуляции жизни, мы имеем ввиду особую «озабоченность» власти по поводу самого феномена жизни. Как пишет Фуко, в биополитической парадигме появляется «новое право: право заставить жить и позволить умереть» [4. С. 255]. Эта «озабоченность» проявляется в том, что «власть овладела жизнью, или сказать, что в XIX веке власть взяла на себя ответственность за жизнь, значит именно сказать, что власть начала охватывать все пространство, которое тянется от органического к биологическому, от тела к населению, с помощью двойной технологии, с одной стороны, дисциплины, с другой – регулирования» [4. С. 267]. Таким образом, если под искусством управления мы понимаем наиболее эффективное воздействие на общественные институты, связанные с механизмами регуляции, контроля и т.д. для достижения стабильного общественного воспроизводства, то искусство управлять в модусе биополитики заключается в эффективной регуляции жизни человека (под этим имеется ввиду адекватная «забота» о жизни в связи с внешними условиями, которые могли бы негативным образом сказаться на ее состоянии). Принцип воздействия власти на «жизнь» в данный момент крайне напоминает отношение суверенитета и «голой жизни», как это описывает Агамбен. Действительно, формулирование сущности биополитики происходит в рамках курса лекций «Нужно защищать общество», где еще не прослеживается связь либерализма и биовласти, что, однако, не помешает нам эту связь простроить далее.

Перед нами встает важнейший в рамках данного исследования эпистемологический вопрос. Дело в том, что в работе «Нужно защищать общество» Фуко формулирует общую идею биополитики, а в курсе «Рождение биополитики» он занимается «археологией» либерализма. Говоря иначе, ядро биополитики, т.е. регуляция жизни, которая описана в «Нужно защищать общество», не задействована в «Рождение биополитики», хотя в рамках мысли Фуко появление биовласти и становление неолиберализма, во-первых, происходят примерно в одно время, во-вторых, как-то связаны (что следует хотя бы из названия более позднего курса – «Рождение биополитики»). Наша гипотеза заключается в том, что регуляция «жизни» из раннего курса лекций, по существу, фактически вписана в либеральное искусство управления из позднего курса. Иными словами, именно становление либерального искусства управления позволяет власти трансформироваться в биовласть.

Эта трансформация основывается на новом отношение власти к суверенитету, а также на специфике функционирования «гражданского общества». Биополитическая сетка власти не имеет зоны гетерогенности между дисциплинарными практиками и зоной суверенного права, как это было в дисциплинарном обществе. Не только потому, что сами по себе дисциплинарные практики не играют решающей роли в функционировании биовласти, но и потому, что новые практики функционирования, собственно биополитические, тесно переплетены с системой законодательства. Здесь мы можем наблюдать сложное отношение суверенитета с остальными элементами власти. Во-первых, «гражданское общество» представляет собой объединение субъекта рыночных отношений и субъекта права, но, во-вторых, сам по себе суверенитет, , более того, регрессирует и выходит за пределы правовых отношений, занимаясь регуляцией «жизни» и самого гражданского общества. Иными словами, если дисциплинарный тип власти разделен пространством суверенитета (в рамках системы права, выработанных Просвещением) и пространством практик дисциплинирования тел, то биовласть занимается регуляцией жизни посредством регрессии суверенитета и вытеснением практик экономического регулирования в зону «гражданского общества». Однако необходимо понимать, что биополитические практики также могут быть вписаны в систему правовых отношений, что не отменяет их внешнего состояния по отношению к праву. Поскольку само по себе либеральное искусство управления заключается в том, что суверенитет регулирует «гражданское общество», значит, он потенциально может выходить за пределы, очерченные правовым субъектом, например посредством отмены тех или иных свобод и прав. Здесь мы можем наблюдать очевидное пересечение с мыслью Агамбена.

Это вытеснение будет иметь далеко идущие последствия, о которых мы скажем ниже. Дисциплинарная власть действовала посредством институтов микровласти, т.е. функция надзора и контроля за индивидом осуществлялась в стенах этих институтов, что совпадало с иными их функциями (школа как место дисциплинирования, создания «гражданина» и т.п., а также как место усвоения коллективного опыта в виде знаний). Биовласть же, используя свое суверенное право, обращается к индивиду напрямую, вернее, к нему как к «проявлению жизни» (например, массовая вакцинация). В этом обращении можно проследить черты королевского суверенитета, который действует исходя не из установленных правовых норм (поскольку суверенный король стоит над ними), а из собственной воли.

Получается, что в анализе биовласти Фуко присутствует определенная двойственность. Биополитика как регуляция жизни осуществляется властью, но каким образом? Под выражением, что власть регулирует «жизнь» индивида, необходимо подразумевать наличие определенных институтов и аппаратов, в рамках практик которых и происходит регуляция. Это может быть прямое институциональное установление

власти, о чем мы будем говорить, когда будем проводить параллели между концепциями Фуко и Агамбена. Но это также может быть и новый властный «план референции», т.е. «гражданское общество». Ведь экономическое регулирование теперь дано на откуп рыночным агентам при минимальном регулировании. Быть может, в концепции Фуко именно этот уровень является ключевым в плане механизма реализации биополитки?

Однако первоначально необходимо сконцентрироваться на «трансцендентальных» аспектах подобной регуляции. Как мы отмечали выше, регрессия суверенитета стала возможной благодаря нескольким основополагающим моментам. Во-первых, ранее (XIX – первая половина XX в.) экономическая жизнь индивидов определялась условиями государственного регулирования (даже при наличии либеральной экономической модели принципы дирижизма во Франции, государственный социализм в кайзеровской Германии и т.д. являлись неотъемлемыми чертами экономических моделей западных стран), что означало внедрение в процессы производства и распределения дисциплинарных практик. Для примера можно рассмотреть процесс производства и приложения к этому производству труда на пресловутом промышленном предприятии. Нормирование заработной платы и штрафы, заводская дисциплина (имеется ввиду перечень действий, разрешенных и запрещенных на заводе), трудовая этика, способ досуга (например, в рабочих кварталах) и т.д. Говоря иначе, производство «рабочей субъективности» происходило в условиях заводской действительности со всеми ее способами и формами подвести индивидуальную субъективность к «нормальной», коллективной через воздействие на тело. Теперь же экономическая деятельность индивидов подчиняется принципам laissez-faire и вытеснена за пределы взора власти, однако из этого не следует, что дисциплинарные практики исчезли. Практики воздействия на тело сохранились, а «гражданское общество» в своем конкретном воплощении на определенной территории становится выражением института микровласти.

Воспользовавшись терминологией А. Бадью, можно сказать, что политический порядок не является исчислимым, т.е. он не поддается репрезентации в своих элементах. Задача власти заключается в исключении всякой политической субъективности, в реализации принципа «постоянства», иными словами, в стабилизации пространства политического [10. С. 222]. С этой точки зрения получается, что задача власти состоит в нормализации и стабилизации политического пространства, а шире – и всей общественной структуры, о чем мы уже упоминали ранее, когда обращались к концепту Гоббса из «Левиафана». Но поскольку, в рамках биополитики, власть не взаимодействует с экономикой и правовой структурой напрямую, то она вынуждена обращаться к жизни человека как таковой. В противном случае эффективная стабилизация общества и политического будет невозможна.

Объединение двух концепций биополитики

Если обращение власти к жизни является новой формой искусства государственного управления, то, обобщая наше рассуждение и пытаясь подступиться к синтезу концепций Фуко и Агамбена, для наглядности мы можем представить следующее гипотетическое отношение биовласти и общественной структуры, но в схематичном изображении:

1) Функционирование биополитики:
i) Зона суверенного права биовласти.
(1) Регуляция жизни.
(a) Функция исключения.
(b) Регуляция «голой жизни».
ii) Зона либерального искусства управления.
(1) Гражданское общество.
(a) Homo economicus.
(b) Правовой субъект.

Однако, каким образом возможно в вышепредставленной схеме нахождение понятия «голая жизнь» (пункт a-i-2)? Ранее мы выделили специфику современного обращения суверенной власти с индивидом как отношение исключения/отвержения, что привело нас к понятию «голая жизнь», введенному Агамбеном. Суверенная регуляция жизни в рамках биополитики, по существу, есть ситуация чрезвычайного положения, в котором находится «голая жизнь», поскольку суверенитет власти напрямую занимается ее регулированием. Ранее мы употребляли понятие «регулирования жизни», можно сказать, бессодержательно. Теперь необходимо наполнить данное понятие конкретным содержанием. Регуляция жизни обозначает своего рода «заботу» о жизни (право «заставить жить»). Это не просто надзор и контроль за физиологическим состоянием человека и коллектива, но и активные практики сохранения «здоровой» жизни. Всеобщая вакцинация населения, усиление санитарного снабжение населения, в некоторые периоды (XIX в.) «сдерживание» сексуальной распущенности, в конце концов, институт всеобщего здравоохранения, призванный для того, что сохранять и продлевать жизнь. В целом, на первый взгляд, может сложиться впечатление о позитивности и необходимости всего вышеперечисленного, однако с позиции определенной «демистификации» властных отношений, необходимо отметить *acting out*, то, что Ж. Лакан называет побочным следствием интерпретации в процессе анализа. Побочным следствием в данном случае является захват жизни индивида властью. Если появление медицины, развитие биологии и ее дальнейшее практическое применение, становление и упадок евгеники и т.д. были обусловлены, скорее, автономными от власти областями науки и ее применения, то захват «жизни» со стороны власти является не намерением самой власти и ее государственных аппаратов, а скорее тем, что позволило обществу войти в «постдисциплинарный период». С этой точки зрения *acting out* – это нечто избыточное, и биополитика, по нашему мнению, выступает подобным избытком. С одной стороны, в современном западном либеральном обществе с его известным количеством политических и

экономических свобод царит «царство свободы» (в идеологическом измерении, конечно), с другой стороны, при наличии развитой правовой системы, где закон возведен в статус непоколебимого авторитета в глазах общественности, кругом господствует чрезвычайное положение, в центре которого располагается «голая жизнь», благополучно охраняемая неолиберальными правительствами Запада.

Наш анализ биополитической парадигмы власти у Фуко подытоживается двумя основополагающими тезисами: 1) биополитика оперирует понятием жизни, что позволяет регулировать жизнь; 2) биополитика основывается на либеральном искусстве управления. При этом необходимо специально указывать, что область аккумуляции жизни не связана с суверенитетом власти. Однако, как мы выяснили, благодаря анализу Агамбена, что именно регрессия суверенитета (к старым его формам) позволяет власти напрямую воздействовать на «голую жизнь». Но опять же необходимо заметить, что установление прямого отношения жизни и суверенной власти в действительности происходит крайне редко. Чаще всего отношения «голой жизни» и суверенитета опосредованы чем-то третьим. Из анализа Агамбена ясно, что лагерь является зоной неразличимости между нормальным функционированием закона и его непосредственной приостановкой (более того, чрезвычайное положение в лагере становится правилом), в рамках которой и существует жизнь как таковая [3. С. 214], но подведение западных неолиберальных обществ, описанных Фуко, под это понятие представляет некоторую теоретическую трудность, которую мы пытаемся в рамках этой работы, собственно, и разрешить, что мы увидим на основе дальнейшего анализа.

Обращение к вышеизложенной схеме позволяет представить три ключевые гетерогенные зоны. Зона субъекта права в гражданском обществе. Она полностью находится под ответственностью государственного суверенитета, поскольку является учрежденным институтом власти, но само по себе нахождение права и субъекта права в зоне суверенитета не создает отношения исключения (как с «голой жизнью»), поскольку суверенитет не выходит за границы учрежденной им власти, а лишь может приостанавливать функционирование права для регулирования жизни. Важно заметить, что это регулирование отсылает нас к непосредственному отношению суверенитета и жизни, т.е. возможности их связи за пределами каких-либо правовых отношений. В этом смысле установленная система права автономна по отношению к власти, однако может этой властью приостанавливаться. Во-вторых, в предельном своем выражении, биополитика реализовывалась в нацистской Германии, в которой область «гражданского общества» (синтез homo economicus и субъекта права) отсутствовала. Из этого следует, что биополитика и суверенная власть могли обходиться без теоретической конструкции «гражданского общества», которую вводит Фуко. В таком случае возникает вопрос, как возможно соединить зону суверенного права биовласти и область либерального искусства управления, и существует ли вообще необходимость в этой процедуре?

На наш взгляд, если в анализе Агамбена не присутствует элемент либерального искусства управления, а также если в Германии 1930–1940-х гг. биовласть была способна функционировать лишь посредствам суверенитета и фигуры Фюрера, то из этих двух фактов не проистекает неверность анализа Фуко, который он предпринял в курсе лекций «Рождение биополитики». Введение «гражданского общества» есть проявление некоторого социального симптома. Как мы говорили выше, появление нового способа легитимации государства в ФРГ (через «гражданское общество») находит своей причиной отрицание прошлого способа легитимации (через суверенитет), в результате чего происходит «метонимическое» смещение суверенитета, его опосредование иными инстанциями власти и «гражданского общества». В парадигме современных западных государств прямая регуляция жизни скорее является частным случаем биополитики, а не самим способом функционирования власти. Введение чрезвычайного положения, например текущего локдауна, действительно есть проявление суверенитета власти в вопросе «заботы о жизни», поскольку власть определенным комплексом мероприятий (проведение всеобщей вакцинации, «временное» закрытие предприятий сферы услуг и т.п.) «оберегает» физиологическое существование индивида. Но ведь локдаун является чрезвычайным шагом, вызванным распространением эпидемии. Внешне кажется, что биополитика функционирует лишь как инструмент, необходимый тогда, когда власть и общество сталкиваются с неординарным вызовом. Однако это совершенно не так, и, исходя из логики того, что биополитика не может являться только лишь частным инструментом, становится более очевидно, для чего Фуко вводит концепт «гражданского общества».

«Гражданское общество» и рынок как механизмы биовласти

«Гражданское общество», по сути, также является местом влияния и функционирования биополитики о чем, например, пишет Лоран де Суттер в работе «Наркокапитализм. Жизнь в эпоху анестезии». Обратимся к его рассуждениям относительно выпуска на американский рынок в конце 50-х гг. XX в. препарата «Эновид»: «…если этот гормон (речь идет о прогестероне. – Авт.) действует на кроликов, то он может оказывать также влияние и на людей, а это сулило решение проблемы, которую старательно пыталась скрыть послевоенная Америка, – высокой рождаемости» [11. С. 122]. Грегори Пинкус, занимавшийся исследованиями в области разработки противозачаточных лекарств, получил достаточно солидную сумму на разработку, как пишет де Суттер, от представительниц женского движения (Маргарет Сэнгер, Кэитрин Маккормик) [11. С. 121]. Приведенная де Суттером информация ясно указывает на то, что в процесс регуляции жизни внедряются и частные корпорации (в случае с «Эновидом» – компания G.D. Searle). Предлагаем более детально ознакомиться с тем, каким в действительности образом «граждан-

ское общество» в лице рыночных агентов регулирует «голую жизнь». Обращение к работе «Время и собака. Депрессии современности» бразильского психоаналитика Марии Риты Кель позволяет понять, что для современного психоаналитического учения вопрос о депрессии и меланхолии играет значительную теоретическую роль. На рубеже XX и XXI вв. клиническая практика стала фиксировать рост числа депрессивных расстройств среди населения западных либеральных демократий: «По оценкам, лишь в Соединенных штатах от хронической депрессии страдают 3% населения, или 19 млн человек, из них 2 млн детей» [12. С. 49]. Приводимая психоаналитиком статистика на самом деле весьма удручает, поскольку в отдельных категориях этой статистики рост заболеваемости составляет 3 900% [12. С. 51]. В рамках данного исследования мы не будем заниматься поиском причин столь печальной ситуации. Мы хотим отметить другой специфичный факт, следующий из этой статистики. Неясно, как пишет сама Кель, является ли причиной депрессии современное состояние социальной сферы капиталистических обществ, однако видно, каким образом на рубеже веков постоянно меняются медико-психологические критерии депрессии [12. С. 54]. Более того, изменяется подход к лечению депрессивных субъектов. Если ранее, схожая с депрессией по специфике меланхолия не являлась важнейшим заболеванием в рамках клинической психологии (и даже психоанализа) и, следовательно, ее лечению не придавалось большого значения, то теперь депрессия находится в центре внимания медицины и фармакологии. Кель отмечает эту специфику через демонстрацию особого внимания к «просвещению» населения относительно симптомов депрессии в СМИ [12. С. 55], а также явного намека на способ медикаментозного лечения депрессии [12. С. 53]. Все эти факты в контексте биополитики приобретают своеобразный прибавочный смысл. Депрессия так или иначе порождается психосоциальными факторами и, что более важно, является одной из причины нетрудоспособности населения [12. С. 49].

Феномен депрессии, учитывая все вышесказанное, вполне логично становится одним из элементов в цепочке регуляции биовласти. Перенос внимания на медикаментозное лечение депрессии выводит ее из зоны «духовного» и психического человека в зону «физиологического» (неслучайно лечение депрессии в рамках психоанализа менее известно публике, чем многочисленные антидепрессанты). Однако специфика преодоления депрессии у «голой жизни» не подпадает в зону суверенного обращения с ней. Лечение депрессии происходит в рамках клиники, конструированием критериев занимаются специальные лаборатории, а созданием продукции фармакологического курса лечения занимаются крупные фармакологические компании (которые в том числе спонсируют исследовательские лаборатории). Таким образом, «гражданское общество» в лице различных экономических субъектов (в данном случае фармакологические компании) само является институтом и проводником биовласти, но на экономическом и медицинском уровнях. Не только суверенитет оказывается тем элементом, который регулирует «голую жизнь», но также и экономические субъекты, будь то частные клиники или крупные фармакологические корпорации. Процедура конструирования критериев является, по сути, способом исключения/отвержения. На основании широко трактуемых критериев депрессии медицинская наука закрепляет разрыв между «здоровыми» индивидами и «больными». «Больная» с психической точки зрения жизнь превращается в «голую жизнь», поскольку, имея хотя бы частично симптоматику депрессии, индивид вынужден определять себя как потенциально «больного». При этом обращение к психиатру имеет следствием начало курса медикаментозного лечения. Иными словами, индивид на основе крайне широкой трактовки симптомов депрессии вынужден обращаться к психиатру, который назначит ему антидепрессанты. Во всем этом ряду «жизнь» конкретного индивида становится объектом манипуляций рыночных агентов. Тогда в чем разница между суверенным обращением с «голой жизнью» и точно таким же по структуре обращением со стороны «гражданского общества», а конкретно рыночными агентами? Только лишь в уровне и масштабе, на наш взгляд. Суверенное обращение функционирует в момент введения «чрезвычайного положения» и распространяется на «народонаселение», которое здесь выступает «голой жизнью». Регуляция «голой жизни», согласно законам рынка, а также частным интересам корпораций, которые заключаются, во-первых, в максимизации капитала, и, во-вторых, в распространении рынка сбыта, которой здесь приобретает не просто значение пространства потенциальных потребителей, но и психику субъектов, функционирует без прерывания обычного общественного порядка и распространяется на конкретного индивида. Феномен депрессии, рассматриваемый в данной статье, является очень показательным. Его появление в конце XX в. и рост внимания к нему свидетельствуют о том, что мы назвали переносом внимания с депрессии как расстройства области души и психики на физиологию и физиологически понимаемое устройство психики. Все это свидетельствует о том, что феномен депрессии является критерием функции биополитики как регуляции жизни.

Предлагаем теперь для более детальной иллюстрации нашей мысли обратиться к тому, что Жак Лакан называет дискурсом университета [13. С. 145]. Его отличительная особенность состоит именно в том, что агент этого дискурса говорит от лица знания. Иными словами, с позиции знающего субъекта, который может оперировать теми или иными теоретическими схемами, которые могут быть достоверно доказаны, подтверждены эмпирически и т.д. Однако сам переход к дискурсу университета осуществился в тот исторический период, который в рамках марксистской парадигмы принято называть первичным накоплением капитала. Речь идет о зарождении капитализма, о моменте, когда стало возможным исчислять наслаждение [14]. «Но уже сейчас я могу вам сказать, что на уровне университетского дискурса объект а

занимает место, которое задействуется всякий раз, когда возникает движение, – место более или менее терпимой эксплуатации» [15. С. 225]. Вместе с этим дискурс университета как следствие внедрил в социальные отношения то, что Лакан назвал терпимой эксплуатаций, т.е. такую эксплуатацию, которая может быть выявлена и на уровне дискурса утверждена (без относительной ее оценки), и более того, так как она связана с объектом малое а (объектом-причиной желания), то к тому же в некоторой степени может быть желанной (потому как задействует регистр желания и возможность восполнить нехватку субъекта). Говоря иначе, дискурс университета так или иначе способствовал становлению и укреплению капиталистического способа производства, а учитывая нашу гипотезу о том, что биополитика сегодня осуществляется на уровне рыночного обмена, неудивительно, что депрессия и ее связь с психическим аппаратом подпадает под юрисдикцию частных клиник и становится в их стенах объектом «заботы о жизни».

Депрессия как часть конституции психики современных субъектов, с одной стороны, показывает себя критерием исключения/отвержения «голой жизни», но с другой – выступает как «исчисленный» (включенный в рациональный научный аппарат) университетским дискурсом элемент, который благодаря этому исчислению включается в логику экономической регуляции на рынке. Именно на это указывает аргентинский психоаналитик Хорхе Алеман в работе «Об освобождении»: «Поэтому при капиталистическом способе производства субъективности уместно задать один важнейший вопрос: какая часть жизни никогда не будет присвоена капиталистическим производством?» [16. С. 14]. То самое исчисление, которое привнес университетский дискурс (необходимо заметить, что прямой детерминации между возникновением капитализма и дискурсом университета в действительности нет, скорее, это опять же *acting out*) и которое весьма удачно с исторической точки зрения способствовало развитию капитализма и его укоренению в социальной реальности. В «Рождение биополитики» Фуко также имплицитно указывает на то, что либерализм как практика управления в рамках рыночной организации общества представляется «как принцип и метод рационализации управленческой деятельности – рационализации, которая подчиняется внутреннему правилу максимальной экономии» [17. С. 152], что опять же подтверждает интеллектуальную интуицию Лакана. Если, тем не менее, вернуться к вопросу Алемана и попытаться дать на него ответ, то он будет весьма огорчительным, поскольку даже внутри психики, пожалуй, не остается места, которое бы не включалось в структуру товарного обмена и логики прибавочной стоимости / прибавочного наслаждения. Таким образом, клиническая психиатрия, легитимированная научными исследованиями в рамках симптоматики и методов лечения депрессии, фактически регулирует с помощью рыночных механизмов динамически меняющееся отношение «больного» и «здорового», что иллюстрирует механизм работы «гражданского общества» как механизм биополитический.

Заключение

Проведенный анализ биополитики вывел нас на ее понимание как новой сетки власти. Эта сетка власти основана на структуре исключения, которую тщательно проанализировал Агамбен. Мы же синтезировали два различных подхода к теоретическому осмыслению биополитики: предложенного Фуко и предложенного Агамбеном. Представляется, что структура функционирования биополитики в таком случае состоит из двух гетерогенных зон – зоны суверенного права власти и зоны либерального искусства управления. Либеральное искусство управления, как мы выяснили на основании анализа феномена современной депрессии, каузально связано с функцией регуляции «голой жизни», которая, в представлениях Агамбена, отдавалась целиком суверенному праву. Мы же показали, каким образом экономический субъект и экономические институты также могут является элементом регуляции «голой жизни», основываясь не на особенностях суверенитета (который так или иначе относится к сфере политического), а на логике капиталистического производства. В итоге, объединив два различных подхода к проблеме биовласти, мы показали, каким образом возможно представить регуляцию жизни (концепт Фуко) через суверенное исключение/отвержение (концепт Агамбена), при этом разграничив зоны ответственности биовласти и сохранив логику размышлений Фуко относительно связи биополитики и либерального искусства управления («гражданское общество» как институт регуляции «голой жизни»).

Список источников

1. Фуко М. Рождение биополитики. Цикл лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПБ., 2010 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 10.10.2013. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/6709
2. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального. М. : Фонд «Прагматика культуры», 2002. 160 с.
3. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М. : Европа, 2011. 256 с.
4. Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году. СПб. : Наука, 2005. 312 с.
5. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2002. Ч. 1. 384 с.
6. Батлер Дж. Психика власти: теория субъекции. СПб. : Алетейя, 2002. 168 с.
7. Рансьер Ж. На краю политического. М. : Праксис, 2010. 240 с.
8. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2005. Ч. 2. 320 с.
9. Агамбен Дж. Stasis. Гражданская война как политическая парадигма. Homo sacer, II, 2. СПб. : Владимир Даль, 2021. 190 с.
10. Бадью А. Метаполитика: можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике. М. : Логос, 2005. 40 с.
11. Де Суттер Л. Наркокапитализм. Жизнь в эпоху анестезии. М. : РИПОЛ классик, 2021. 208 с.
12. Кель М.Р. Время и собака. Депрессии современности. М. : Горизонатль, 2021. 370 с.
13. Смулянский А.Е. Исчезающая теория. Книга о ключевых фигурах континентальной философии. М. : РИПОЛ классик, 2021. 496 с.

14. Наумова Е.И. Концепция дискурсов Лакана: знание, наука, университет // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-diskursov-lakana-znanie-nauka-universitet (дата обращения: 12.12.2021).
15. Лакан Ж. Изнанка психоанализа (Семинар, Книга XVII (1969–1970)). М. : Гнозис ; Логос, 2008. 272 с.
16. Алеман Х. Об освобождении. Психоанализ и политика. М. : Горизонталь, 2019. 224 с.
17. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М. : Праксис, 2006. Ч. 3. 320 с.

References

1. Foucault, M. (2013) *Rozhdenie biopolitiki. Tsikl lektsiy, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979]. Translated from French. [Online] Available from: https://gtmarket.ru/library/articles/6709
2. Zizek, S. (2002) *Dobro pozhalovat' v pustynyu Real'nogo* [Welcome to the desert of the Real]. Moscow: Fond "Pragmatika kul'tury".
3. Agamben, G. (2011) *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo sacer. Sovereign power and bare life]. Moscow: Evropa.
4. Foucault, M. (2005) *Nuzhno zashchishchat' obshchestvo. Kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezh de Frans v 1975–1976 uchebnom godu* [Society must be defended. Lectures at the Collège de France, 1975–1976]. Translated from French. Saint Petersburg: Nauka.
5. Foucault, M. (2002) *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews]. Translated from French and English. Part 1. Moscow: Praksis.
6. Butler, J. (2002) *Psikhika vlasti: teoriya sub"ektsii* [The Psychic Life of Power: Theories in Subjection]. Translated from English. Saint Petersburg: Aleteyya.
7. Rancier, J. (2010) *Na krayu politicheskogo* [On the shores of politics]. Translated from French. Moscow: Praksis.
8. Foucault, M. (2005) *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews]. Translated from French and English. Part 2. Moscow: Praksis.
9. Agamben, G. (2021) *Stasis. Grazhdanskaya voyna kak politicheskaya paradigma. Homo sacer, II, 2* [Stasis. Civil war as a political paradigm. Homo sacer II, 2]. Translated from English. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
10. Badiou, A. (2005) *Metapolitika: mozhno li myslit' politiku? Kratkiy traktat po metapolitike* [Metapolitics]. Translated from French. Moscow: Logos.
11. De Sutter, L. (2021) *Narkokapitalizm. Zhizn' v epokhu anestezii* [Narcocapitalism: Life in the Age of Anaesthesia]. Translated from English. Moscow: RIPOL klassik.
12. Kehl, M.R. (2021) *Vremya i sobaka. Depressii sovremennosti* [Time and the dog. Society and depression]. Translated from English. Moscow: Gorizonatl'.
13. Smulyanskiy, A.E. (2021) *Ischezayushchaya teoriya. Kniga o klyuchevykh figurakh kontinental'noy filosofii* [Disappearing theory. A book about the key figures of continental philosophy]. Moscow: RIPOL klassik.
14. Naumova, E.I. (2015) Kontseptsiya diskursov Lakana: znanie, nauka, universitet [The concept of Lacan's discourses: knowledge, science, university]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina*. 3. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-diskursov-lakana-znanie-nauka-universitet (Accessed: 12.12.2021).
15. Lacan, J. (2008) *Iznanka psikhoanaliza (Seminar, Kniga XVII (1969–1970))* [The other side of psychoanalysis. (Seminar, Book XVII (1969–1970))]. Translated from French. Moscow: Gnozis; Logos.
16. Aleman, J. (2019) *Ob osvobozhdenii. Psikhoanaliz i politika* [On liberation. Psychoanalysis and politics]. Moscow: Gorizontal'.
17. Foucault, M. (2006) *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu* [Intellectuals and power: Selected political articles, speeches and interviews]. Translated from French and English. Part 3. Moscow: Praksis.

Информация об авторах:
Сыров В.Н. – д-р филос. наук, зав. кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: narrat@inbox.ru
Сединин Я.Л. – студент кафедры онтологии теории познания и социальной философии Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: comsedinin@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
V.N. Syrov, Dr. Sci. (Philosophy), head of the Department of Ontology, Theory of Cognition and Social Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: narrat@inbox.ru
Ya.A. Sedinin, student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: comsedinin@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.03.2022;
одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 07.03.2022;
approved after reviewing 29.04.2022; accepted for publication 30.06.2022.

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94(571)
doi: 10.17223/15617793/479/8

Транспортный коллапс 1904–1905 гг. в Сибири: отражение в периодической печати

Илья Александрович Агеев[1], Вера Валентиновна Агеева[2]

[1, 2] Томский политехнический университет, Томск, Россия
[1] agilalex@mail.ru
[2] iforya@yandex.ru

Аннотация. На основе сведений, отраженных в периодической печати, проводится осмысление социальных и экономических последствий перевода Сибирской железной дороги на военное положение в период Русско-японской войны. Крупнейшие города Сибири столкнулись с дефицитом товаров первой необходимости и ростом цен на все категории товаров. Тяжесть «тыловой» жизни Сибири объясняется не только ограничениями войны, но и трансформациями в сибирской экономике, произошедшими после начала работы Сибирской железной дороги.

Ключевые слова: Русско-японская война, Сибирская железная дорога, транспортный коллапс, товарный дефицит

Для цитирования: Агеев И.А., Агеева В.В. Транспортный коллапс 1904–1905 гг. в Сибири: отражение в периодической печати // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 74–83. doi: 10.17223/15617793/479/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/8

Transport collapse in Siberia in 1904–1905: Reflection in periodicals

Ilya A. Ageev[1], Vera V. Ageeva[2]

[1, 2] National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation
[1] agilalex@mail.ru
[2] iforya@yandex.ru

Abstract. The Siberian railway and its system of transport communications as a whole were not ready to be simultaneously used for peaceful and military purposes during the Russo-Japanese War of 1904–1905. Insufficient attention has been paid to the problems of the functioning of Siberian transport during this period in the literature. The subject matter of this study is the transport crisis in Siberian cities, caused by the conversion of the Siberian railway to martial law during the Russo-Japanese War. The aim of the study is to identify the economic and social consequences of the sudden cessation of the Siberian railway civil usage in 1904–1905. The historical sources for this study are documents from the collections of the Russian State Historical Archive, as well as the newspapers *Sibirskiy Vestnik* (lit. "Siberian Bulletin"), *Vostochnoe Obozrenie* (lit. "Eastern Review") and *Sibirskaya Zhizn'* (lit. "Siberian Life"), published in 1904–1905. These newspapers are digitized and available for use on the website of the Research Library of Tomsk State University. Historical-genetic, historical-typological, historical-system research methods and content analysis are used in this study. The transport infrastructure and the population of Siberian cities found themselves in a severe situation due to the restrictions caused by the Russo-Japanese War. The analysis of the situation shows that the railway incorporated very well into economic life. Therefore, the military restriction of its usage had a crucial impact on the lives of the civilian population. In just a few weeks, Siberian cities faced a transport crisis. There was a shortage of essential goods, prices increased, and business activity decreased in the cities. Even the army did not receive what it needed. Cargo was late for several months or lost. Passenger trains could not accommodate everyone who needed it. The cities faced the deficit of necessities, commodity prices went up, business activity declined, and mass famine set in (in some regions). The volume of fraud with goods increased. Traditional transportation and local industry were unable to quickly replace the loss of railway advantages. The railway changed the economy of Siberia: many areas of traditional transport degraded; unprofitable sectors of the economy disappeared. Siberia not only integrated into the all-Russian economic space thanks to the railway, but also became dependent on this integration. The population of Siberia, dissatisfied with the transport crisis, became an active participant in the revolutionary events of 1905, despite a large distance from the metropolitan cities.

Keywords: Russo-Japanese war, Siberian railway, transport collapse, trade deficit

© Агеев И.А., Агеева В.В., 2022

For citation: Ageev, I.A. & Ageeva, V.V. (2022) Transport collapse in Siberia in 1904–1905: Reflection in periodicals. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 74–83. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/8

Транссибирская железнодорожная магистраль или, как ее называли при строительстве, «Великая сибирская железная дорога» стала в начале XX в. для Сибири долгожданным «мостом на большую землю», так как была первым скоростным круглогодичным и надежным транспортом. Множество предыдущих проектов по налаживанию надежных транспортных коммуникаций в Сибири сворачивались из-за сомнений в рентабельности при их коммерческом использовании. По своему функциональному назначению Сибирская железная дорога с самого начала задумывалась для решения стратегических задач – оперативных перемещений армии на восток страны [1, 2]. Вскоре после начала эксплуатации железная дорога стала выполнять важную экономическую функцию: помогать развитию местного хозяйства [3], способствовать продвижению сибирского сливочного масла и хлеба на мировой рынок [4, 5]. Вопрос о том, для какой из этих двух целей Сибирская железная дорога работает в большей степени, в начале XX в. был весьма актуален, например, об этом размышлял американский инженер У. Бейтс [6].

Фактически дорога и служила двум целям, но, как показал опыт мобилизации дороги в Русско-японскую войну 1904–1905 гг., не только железная дорога, но и вся система транспортных коммуникаций в Сибири оказалась не готова к одновременному использованию в мирных и военных целях. Данный случай указал на множество проблем в области функционирования транспорта, которым и посвящена настоящая статья.

Актуальность исследования основана на том, что Дальний Восток является приоритетным пунктом в программе комплексного развития регионов России. Однако качественное изменение экономической и геополитической функции дальневосточного макрорегиона, стимулируемое федеральной властью, может привести к возрастанию нагрузки на транспортную инфраструктуру. Проблемы на транспорте могут возникать не только в силу политических, военно-стратегических, но также природных и техногенных причин. В то же время текущее состояние транспортной инфраструктуры Сибири не позволит ей быстро перестроиться для срочного решения масштабных задач. Учет исторического опыта может помочь избежать неблагоприятного развития ситуации с транспортным обеспечением в наши дни.

Предмет исследования – транспортный кризис в городах Сибири в 1904–1905 гг., вызванный переводом Сибирской железной дороги на военное положение.

Целью исследования является выявление экономических и социальных последствий резкого прекращения гражданского использования железной дороги на территории Сибири в 1904–1905 гг.

Данная цель реализуется посредством решения следующих задач: определить, как Русско-японская война повлияла на транспортное обслуживание, торговлю и снабжение; выяснить, как города Сибири жили после резкого прекращения использования железной дороги в мирных целях; обозначить комплекс возникших социально-экономических проблем, а также выявить среди них уникальные, до того времени не имевшие места.

Рассматриваемый нами транспортный кризис разворачивался параллельно Русско-японской войне и являлся ее прямым последствием, поэтому наиболее релевантные исследования по проблеме относятся к работе транспорта в годы Русско-японской войны и к положению, сложившемуся в регионах, прилегающих к театру военных действий (в тылу).

Русско-Японская война – популярное поле для исследований по внешней политике, военной истории, истории революционного движения в России, гражданско-патриотической тематики и т.д. Преимущественно это исследования, касающиеся самих боев, масштабов и последствий войны, подвигов русских солдат, вовлеченности мировых держав в конфликт, социальных протестов против войны. Вопросы работы транспорта, «обслуживавшего» театр военных действий, не остаются без внимания, так как с точки зрения логистики война была уникальной для России: впервые – на Дальнем Востоке, впервые – на расстоянии 25 суток пути от традиционных мест дислокации войск. Кроме того, Сибирь впервые выполняла функцию тылового и технического обеспечения вооруженных сил.

Работы о транспорте в Русско-японской войне представлены сочинениями разных лет. Издание «Железнодорожные войска с 1851 по 1941 год» [7] содержит главу о работе железнодорожных войск по налаживанию новых и ремонту старых путей в дни Русско-японской войны. В основном этот раздел посвящен обеспечению возможности перемещения войск к театру военных действий и на его территории. Продолжением данной исследовательской ветви является проблема организации перевозок и военных маневров, актуальная для военных историков и сегодня [8, 9].

В.Ф. Борзунов, автор фундаментального сочинения по истории создания Транссибирской магистрали, кратко описывает период в развитии магистрали, совпадающий с Русско-японской войной. Он отмечает только, что в годы Русско-японской войны пропускная способность железной дороги была увеличена до 15 пар поездов в сутки, но не касается конкретных мероприятий. Реконструкция магистрали описана им подробно с 1908 г. [10. С. 706–770].

Отдельное направление составляют исследования истории морского транспорта в эти годы. В.Л. Агапов исследовал работу морского торгового транспорта воюющих России и Японии по размерам флота, грузооборота и позиций в рейтинге морских держав. Он

отнес Россию и Японию к второстепенным морским державам. Позиции России на Дальнем Востоке были хуже японских, так как основная работа российского торгового флота приходилась на балтийские и черноморские порты. После войны возможности российского флота на Дальнем Востоке не были утрачены, но были существенно подорваны [11]. Ему же принадлежат подробные исследования некоторых военных операций, направленных на блокировку морских коммуникаций Японии [12].

Работа транспорта в Русско-японской войне интересна и для зарубежных авторов. Самое заметное исследование транспорта в этой войне на английском языке принадлежит Феликсу Пэтрикиф (Patrikeeff F.) и Гарольду Шукману (Shukman H.) [13]. Все они приходят к выводу, что железные дороги помогали реализовывать задачи по поддержанию имперского статуса России и расширения ее территории, но их потенциал использовался не полностью из-за устаревающих традиционных методов управления. Карен Сноу (Snow K.A.) [14] описывает задачи и проблемы, с которыми столкнулись российские консулы после Русско-японской войны и утраты контроля над Манчжурией. Они должны были организовать торговлю с государствами на Дальнем Востоке по альтернативным путям через Сингапурский порт.

Работа транспорта в условиях войны сказывалась и на жизни мирного населения. Индикатором наличия интереса историков к невоенной работе транспорта в военное время является выход публикаций о подобных ситуациях в других войнах и других регионах, например, С.В. Карпенко исследует негативное влияние Гражданской войны на транспорт и торговлю в Крыму [15]. «Тыловая» сторона Русско-японской войны представлена небольшим перечнем работ, несмотря на перспективность данного направления исследований. М.В. Шиловский [16] один из немногих описал повседневную жизнь в Сибири после объявления войны: организацию социальной помощи семьям военнослужащих, помощь раненым, снабжение армии и т.д. Работа обращена именно к тыловой жизни – взаимодействию военнослужащих и гражданских лиц. Жизнь остального населения не освещена.

Э.А. Воробьева [17] подняла проблему реакции сибирской общественности на войну. В ее работе показаны также и перемены в повседневной жизни, сформировавшие негативное отношение к войне: рост цен, проблема размещения раненых, продовольственный и транспортный кризис. Она обращает внимание на то, что недовольство населения было вызвано преимущественно не самим прекращением грузового движения по железной дороге, а спекуляциями и махинациями с грузами, которые возникали на этом фоне, а также неспособностью властей разрешить ситуацию с дефицитом товаров первой необходимости, как привозных, так и местного производства, ростом цен и обогащением купцов, работающих на государственном заказе.

Основной массив научной литературы, исследующей влияние Русско-японской войны на транспорт, затрагивает вопросы снабжения армии и обеспечения боевых задач. Проблемы, возникшие у гражданского населения при использовании транспорта в связи с началом войны, в регионах, которые граничили с местами боев только начинают привлекать внимание исследователей. В работах, посвященных тыловой жизни страны, прежде всего освещается помощь раненым, сбор гуманитарной помощи для солдат и другие задачи, обусловленные военным временем. Транспортное обслуживание оценивается как неудовлетворительное и неспособное к адаптации в условиях войны.

Несмотря на популярность в науке проблем, связанных с Русско-японской войной, вопросы жизни мирного населения, никак не связанного с военными действиями и мобилизацией, освещаются мало и бессистемно. Возможно, это связано с традицией рассмотреть на мирное население как на резерв для армии, но Русско-японская война с момента ее объявления не воспринималась как масштабная. Исходя из вышесказанного, возникает задача более детального анализа ситуации, сложившейся в транспортном обслуживании Сибирского региона под влиянием войны.

В качестве источников для данного исследования выступают периодические издания – газеты «Сибирский вестник» (преимущественно), «Восточное обозрение» и «Сибирская жизнь», выходившие в 1904–1905 гг. Не менее важным источником является «Доклад о мобилизации железной дороги в связи с началом войны» министра путей сообщения Российской империи из фонда Российского государственного исторического архива (РГИА). Выбор источников обусловлен как практическими, так и методологическими соображениями. В первую очередь речь идет об использовании возможностей цифровизации: газеты доступны на сайте научной библиотеки Томского государственного университета. Исследователю, который теперь не ограничен графиком работы архива, требованиями сохранности документов и т.п., предоставляется возможность максимально глубоко проанализировать сведения периодической печати. Наличие источников в цифровом формате дало возможность авторам провести выборку интересующего материала вплоть до самых коротких заметок местной хроники, что, в свою очередь, позволило по-новому взглянуть на периодику как на исторический источник. Благодаря ресурсам цифрового источника удалось выявить и проанализировать факты, помещенные в разделы местной хроники и корреспонденций. Ранее такой формат новостей представлял мало интереса для исследователей в силу трудоемкости их поиска. Тем не менее заметки местной хроники среди всех газетных материалов обладают наибольшей объективностью, поскольку в них излагаются факты, а не оценочные суждения публицистов. Для исследователя заметки местной хроники ценны и тем, что по ним можно устанавливать хронологическую последовательность событий. Фельетонов на интересующую нас тему было выявлено немного, и исказить свойственным фельетонам авторским субъективизмом общую картину транспортного кризиса Сибири было

бы сложно. Продолжительность на протяжении двух лет и повторяемость новостей в разных изданиях указывает на их объективность – интерес к «утке», т.е. к несуществующей на самом деле проблеме, невозможно поддерживать на протяжении двух лет. С другой стороны, множество повторяющихся новостей усложняет исследовательскую работу, поэтому нами было принято решение оставить в качестве ядра источниковой базы для настоящей статьи газету «Сибирский вестник». Из двух других газет были взяты те новости, которые не встречались в «Сибирском вестнике».

Газета «Сибирский вестник», вторая частная газета Томска (после «Сибирской газеты»), выходила с 1885 по 1905 г. Редакция «Сибирского вестника» обозначала собственную позицию как «централистскую», ставила себя в противовес областническим изданиям и отрицала колониальный статус Сибири. После нескольких смен редакторов и редакционной политики газета стала весьма информативным и влиятельным изданием, хотя и не всегда четко выражала свою позицию, за что получила у советских исследователей прозвище «рептильное издание» [18]. Проблемы развития транспорта в Сибири были для газеты традиционным сюжетом, начиная с освещения строительства и эксплуатации Обь-Енисейского канала [19]. Газеты «Сибирская жизнь» и «Восточное обозрение» в разное время выступали оппонентами «Сибирского вестника» по многим вопросам. Все вместе эти три издания в начале XX в. были наиболее популярными и влиятельными в сибирских городах, а значит, население доверяло им как надежным источникам информации о жизни их города.

Исходя из вышесказанного, предполагаем, что исследование состояния транспорта, основанное на материалах местной периодической печати, ценно в силу уникальности полученных сведений, которые в дальнейшем можно верифицировать привлечением архивных источников и более широкого перечня печатных изданий.

В работе применялись историко-генетический, историко-типологический, историко-системный методы исследования, а также контент-анализ.

Технические возможности Сибирской железной дороги накануне войны были скромными: одна колея, пропускная способность около трех пар поездов в сутки, использование непрочных легковесных рельс, ограничение по грузоподъемности. Уже в начале XX в. пропускная способность Сибирской железной дороги была минимальна [6].

Впервые для своих стратегических целей железная дорога была использована в Русско-японской войне [2], которая велась с января 1904 по август 1905 г. Ареной боев в этой войне стал Дальний Восток, а в качестве тыла впервые выступили губернии азиатской части Российской империи. Ресурсные и временные издержки на перемещение войск в этой войне оказались выше запланированных, а общая нагрузка на транспортную инфраструктуру Сибири была настолько велика, что пострадали и те жители Сибири, которые не имели даже косвенного отношения к войне. Совместное использование дороги для военных и гражданских нужд стало практически невозможным. В поисках путей для перемещения грузов были задействованы все возможности гужевого и водного транспорта. Даже Обь-Енисейский канал, до этого пользовавшийся репутацией «мертворожденного», поскольку реальной транспортной работы на нем никогда не проводилось, был вовлечен в работу. За время войны по каналу удалось провезти рекордное для его технических возможностей количество грузов [20. С. 151–152].

С началом войны, а точнее с 3 февраля 1904 г., прием частных грузов к перевозке по Сибирской железной дороге прекратился [21. № 54. С. 3]. Остановившиеся грузы, которые уже были приняты к перевозке, должны были оставаться на складах «до окончания войны» [21. № 58. С. 2]. Журналистов удивил такой прямолинейный подход Главного штаба к логистике, потому что часть этих грузов могла испортиться при неправильном хранении, например мука, а многие грузоотправители желали вернуть застрявшие грузы обратно и использовать их другим способом [21. № 54. С. 3].

Военное положение не исключало движения мирных грузов. По мере удовлетворения логистических потребностей армии происходили эпизодические возобновления частных перевозок, но снабжению городов Сибири это мало помогало, потому что товары приходили непредсказуемо. Некоторые грузополучатели, имея на руках копии накладных, полученных в январе, не видели своего груза даже в июне 1904 г. [21. № 136. С. 3]. Перегруз железной дороги был несимметричен – в западном направлении он был меньше, чем в восточном: прекращение приема груза на восток происходило чаще, чем на запад [21. № 180, 181]. Причины остановок были связаны с периодическим переполнением складов [21. № 192], но чаще – с потребностями армии: командование время от времени выпускало дополнительные уведомления о мобилизации инфраструктуры железных дорог под очередную переброску воинских грузов [21. № 186]. В этих условиях железные дороги не могли обеспечить даже перевозку скоропортящихся грузов и тех, по которым выдано особое распоряжение о срочной доставке [22. № 51, 68].

Война отразилась и на пассажирских перевозках. Формального ограничения на запрет продаж билетов гражданским лицам не было, но уехать на поезде по купленным билетам в 1904 г. было невозможно. В основном страдал третий класс, потому что в нем не было фиксированных мест для посадки. Уже в феврале 1904 г. поезда были переполнены. Из Манчжурии в основном ехали женщины [21. № 33], население Порт-Артура, Хайлара целыми семьями, «напуганные последними событиями». В восточном направлении ехали офицеры, корреспонденты и чиновники [21. № 44]. Летом 1904 г. в Челябинске посадка в поезда давалась с боем: пассажиры платили носильщикам, чтобы те держали им места, но не всегда удавалось это сделать [21. № 143; 22. № 56]. Для сокращения количества претензий на отсутствие мест был органи-

зован возврат платы за билет, если пассажир вынужден проделать часть пути в более низком классе, чем он заплатил [21. № 235]. Министерство путей сообщения отменяло пассажирские поезда, заменяя их на товарные, для того чтобы ослабить продовольственный кризис в Иркутске, но это решение усугубляло ситуацию с пассажирскими перевозками [22. № 57].

Переход железных дорог Сибири на военное положение тяжело сказался на переселенческом движении. Крестьяне, принявшие в 1904 г. решение о переселении, свернувшие хозяйство и распродавшие имущество, оказались в неопределенном положении: даже находясь в родном селе, но не ведя хозяйство, они растрачивали приготовленные для переселения деньги на свое пропитание. Высказывались предложения по отправке их в Казахстан [21. № 64]. Только в конце 1904 г. специальным циркуляром Министерства путей сообщения перевозка переселенцев была приостановлена [21. № 248]. Восстановление перевозок переселенцев и льготного тарифа для них произошло только после окончания войны [22. № 180].

В 1904–1905 гг. перебои с поставками промышленных товаров в городах Сибири наблюдались повсеместно, а на грузовых станциях товары по несколько недель ожидали своего отправления по адресу [21. № 93; 23; 24]. Несмотря на то что требования военного ведомства по ограничению грузового движения были мотивированы желанием не допустить переполнения железнодорожных станций, такие переполнения все равно происходили и распространялись, подобно цепной реакции, по всей магистрали. Это приводило к парализации грузового движения и прекращению снабжения городов. В наиболее сложной ситуации оказался Иркутск, потому что вокруг Байкала дорога еще не была построена и все грузы в ожидании переправы находились на станциях Иркутск и Иннокентьевская (современное название – Иркутск-Сортировочный). Из-за отсутствия на станциях места для складирования собственные грузы не могли дойти до Иркутска [21. № 88].

В Сибири первые спекулятивные повышения цен заметили еще до возникновения дефицита – сразу после начала мобилизации [21. № 29, 30]. Такую тактику газета «Енисей» охарактеризовала как «поход на обывателя» [21. № 36]. Повышение цен сразу после объявления войны было замечено в городах Дальнего Востока, в Омске [21. № 42, 46]. Тревожные сообщения о дефиците жизненно важных товаров приходили из Томска, Читы [21. № 131, 136]. Стоимость керосина в Красноярске летом 1904 г. составляла 2 руб. 80 коп. за пуд при 97 коп. в Нижнем Новгороде [21. № 171], т.е. наценка стала примерно такой же, какая была на привозные товары до проведения железной дороги. Удорожание товаров из-за перехода на гужевые перевозки отмечалось в Иркутске [22. № 30]. В целом цены на продукты питания выросли в промежутке между 1903 и 1905 г. от 2 до 3 раз [22. № 67]. В Иркутске соль исчезла полностью, а яйца достигли цены 4 руб. 20 коп. за десяток [22. № 74].

Вместе с ростом цен почти параллельно увеличивался тотальный дефицит товаров, граничащий с голодом. В Чите жители опасались физического голода [22. № 79]. Разгневанные люди принимались громить лавки в Иркутске [22. № 86]. Жители и гласные городской думы Благовещенска обеспокоились снабжением их города в следующем, 1906 г. ввиду отсутствия надежного сообщения зимой и ситуации военного времени [22. № 120]. Ограничения по продаже сахара и керосина вводились почти во всех городах.

Особенно тяжелая ситуация сложилась в Иркутске, который, с одной стороны, находился дальше всех от портов, с другой стороны, оказался самым близким к местам боев городом «Большой земли», куда привозили раненых и где производилась закупка продовольствия и медикаментов. В 1905 г. товарами первой необходимости признавались и медикаменты. Судя по источникам, они обычно доставлялись в посылках, но из-за ограничения веса не удавалось доставить требуемое количество препаратов, в том числе касторки. Такая ситуация складывалась в Благовещенске [22. № 50]. К зиме 1905 г. дефицитным продуктом стали даже дрова [22. № 27]. Этот товар не перевозился по железной дороге, но мобилизация людей и лошадей, а также привлечение оставшихся извозчиков на восстановление гужевых дальних перевозок привели к осложнениям в подвозном транспортном обслуживании, что и вылилось в дровяной кризис, отразившийся в том числе на работе школ [22. № 57]. Неспособность разрешения продовольственного кризиса в Иркутске констатировала иркутская городская дума, признавшая, что причиной кризиса являются железные дороги [22. № 45].

Военное положение обнаружило, что города стали снабжаться в значительной степени привозным товаром и «с колес». Малейшие сбои в работе транспорта вызывали дефицит товаров первой необходимости. В этот список в период Русско-японской войны попали мука-крупчатка, сахар и керосин. До проведения железных дорог снабжение производилось через местную промышленность, посредством организации складов и т.п. Положение на железных дорогах быстро привело к деградации складской инфраструктуры и некоторых неконкурентных отраслей промышленности. Избавившись от мелкой промышленности, работавшей на локальный рынок, города почувствовали недостаток в ней с началом войны.

Ухудшение транспортного обслуживания и необычный ажиотаж на «соль, спички и сухари» в случае возникновения чрезвычайных ситуаций стали традиционными после Русско-японской войны. Кроме того, рост цен и дефицит товаров были связаны с обеспечением армии за счет закупок на свободном рынке. Например, повышение цен на овес в Красноярске прямо связали с закупками для армии, и здесь же было высказано пожелание закупать овес в Минусинске, чтобы «не возвышать цен» [21. № 168].

Несмотря на приоритет армии в использовании железных дорог, в неразберихе пропадали грузы, предназначенные для снабжения вооруженных сил. Не исключено, что это сказывалось и на боеспособности армии. В феврале 1905 г. «Сибирский вестник» сделал обзор немецкой статьи, в которой рассказыва-

лось о потере и порче грузов, в том числе воинских, и о том, что это сказалось на снабжении армии. Мешающий воинский груз попросту сваливали в сторону, где он лежал неделями [22. № 48]. Также до солдат не доходили посылки [22. № 61]. На Забайкальской железной дороге к июню 1905 г. скопилось до 6 000 мест груза без документов и около 900 документов, на которые потерялся груз [22. № 124].

Ситуации внезапного затруднения при использовании какого-либо ресурса почти сразу приводят к возникновению обходных и нелегальных схем получения ресурсов. Не обошло стороной это явление и в ситуации транспортного коллапса в Русско-Японской войне. Сообщения о потере грузов приходились на зиму 1904–1905 гг., когда неразбериха с доставкой усилилась и появилась возможность реализовывать «серые» схемы перевозки.

Самым безобидным способом можно считать подкуп пассажирами проводников и носильщиков, чтобы попасть в поезд без очереди [21. № 143]. Другой способ – отправка грузов под видом почтовых отправлений. Первое же сообщение о применении такого способа информирует о скоплении почты на Самаро-Златоустовской железной дороге. Отправка грузов по почте не запрещалась по требованиям военного ведомства, но для обработки отправлений не хватало рабочих рук, особенно в Челябинске и Екатеринбурге [22. № 43]. Тем не менее такой способ был единственно возможным для срочной доставки, например лекарств.

Нередко в тяжелой транспортной ситуации возникали предложения незаконных услуг по доставке товаров по брони воинских грузов. Служащие на сортировочных станциях за взятки размещали частные грузы в составах с воинскими грузами, иногда целыми вагонами. Примечательно, что первой о таком способе махинации сообщила немецкая газета «Deutsche Zeitung», заметку которой «Сибирский вестник» лишь перепечатал, но в дальнейшем Сибирский вестник» по этому поводу высказался и сам [22. № 48, 51].

Нельзя не упомянуть и про нерациональное использование подвижного состава. Анонимный автор, не называя конкретного депо, но намекая на то, что такое творится повсеместно, сообщает, что паровозы из-за недостатка грузов с востока на запад простаивают по несколько суток в оборотном депо, а после возвращения в основное депо не обслуживаются должным образом, так что даже вода в тендерах замерзает, а машинистам, все это время находящимся при своих машинах, негде спать, нечего есть и т.п. [21. № 268]

На рынке остальных товаров, не относящихся к первой необходимости, вместо ажиотажного спроса наблюдался спад, например на пушном рынке Ирбитской ярмарки [21. № 34]. Нарушение сообщения с Китаем плохо повлияло на чайную торговлю [21. № 75], но спустя несколько недель оно было восстановлено с китайской стороны [21. № 94]. В то же время на экспорте сибирского масла, если судить по газетной хронике, война не сказалась [21. № 83].

С началом войны выявилась зависимость населения Сибири от некоторых привозных товаров, которую нельзя было ликвидировать силами местной промышленности. По мнению военного ведомства, закрытие железных дорог не должно было привести к катастрофе со снабжением городов товарами. До строительства дороги считалось, что она будет использоваться только для перевозки пассажиров и вывоза местной продукции. Так как с началом войны и то и другое приостановилось – считалось, что возить больше нечего. Но перемены, наступившие с приходом железной дороги, расширение деловых контактов, ассортимента привозимых товаров, поставили население в зависимость от продуктов, производимых за пределами Сибири, как новых, например керосин, так и тех, производство которых было прекращено за ненадобностью.

Чаще всего речь шла о дефиците товаров, которые стали свидетельством изменения в образе жизни. Так, например, уже в конце зимы 1904 г. стал ощущаться дефицит белой бумаги, обычно используемой для письма [21. № 64]. Самый востребованный из привозных товаров – керосин [21. № 92, 106, 171], его не хватало как обычным жителям, так и для освещения общественных зданий [21. № 241]. Некоторые строительные материалы не смогли приехать вовремя – на железной дороге застряли водопроводные трубы [21. № 101], газовые трубы, заказанные Томским императорским университетом [21. № 176]. В Томске для строительства не хватало привозного железа [21. № 136]. Публицисты ощутили сложившуюся ситуацию как хозяйственную эволюцию – переход от локальных производств и бедных рынков сбыта к глобальным производствам и широким рынкам сбыта, отставанию местного хлебопроизводства от роста промышленности [21. № 108. С. 2–3]. Отсутствие необходимости завоза европейских товаров в Сибирь за 20 лет до описываемых событий порождало сомнения в оправданности железных дорог. В дни Русско-японской войны эта необходимость была признана как факт. Другой фельетонист, рассуждая над возможностью замещения железных дорог, приводит историю Обь-Енисейского канала [22. № 160]. Логичной заменой железной дороге на время войны рассматривались традиционные пути – водные и гужевые, но с началом войны стало ясно, что для доставки необходимых товаров в города Сибири эти пути не готовы [25].

Попытки применить гужевой и водный транспорт для доставки товаров и грузов показали, что эти пути пришли в негодность вследствие их невостребованности. В самом начале войны командование потребовало привести Московско-Сибирский тракт в надлежащее состояние, чтобы обеспечить передвижение артиллерии [21. № 28]. Но в то же время подавляющее большинство мужчин, в том числе ямщиков и строителей, было мобилизовано и ремонтировать было некому. Перевозки по рекам выглядели более оптимистично, но так же, как и на гужевом транспорте, не хватало подвижного состава и персонала [21. № 141]. Пароходы и баржи были проданы или разрушились без работы, а кадры речного транспорта занялись другим делом [21. № 211]. Кроме этого, требовалась расчистка сложных мест. Министерство путей сообще-

ния вело работу по улучшению рек и дорог. Для этого организовывались речные комитеты [21. № 111], срочно поставлялись землечерпательные машины [21. № 116]. Реализации задуманных планов в отношении рек и гужевых путей препятствовал большой объем работ и отсутствие специфических ресурсов. В начале 1905 г. специалисты подсчитали, что для доставки всего количества товаров, которые не может принять железная дорога, потребуется 120 000 лошадей [22. № 21].

Всего за 20 месяцев войны, с февраля 1904 г. по сентябрь 1905 г. в газете «Сибирский вестник» транспорт упоминается 224 раза в разных контекстах (в среднем 11 раз в месяц). Весь этот массив информации можно проанализировать методом контент-анализа (таблица).

Частота упоминаний транспорта в разных контекстах с февраля 1904 г. по сентябрь 1905 г.

	1904											1905								
	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
Гужевой и водный транспорт: передача грузов, ремонты, восстановление работы, новые направления	4		2	2	4	2	4	2	4	2	1	7	2	7	2	1	4	3	1	
Улучшение работы железной дороги: ввод новых участков, повышение пропускной способности, возвращение к нормальной работе, снижение тарифов	6	2	5		2	1	1	2	1	1	1	1	1	4	1		3		1	2
Проблемы в работе железных дорог: рост тарифов, остановки движения, прекращение приема грузов, потери грузов, мошенничество	4	3	1	2	1	1	3	1	1		1	1	1	9			3		2	
Обсуждение, проекты и исследования новых направлений Железных дорог				1			1	3	6	14	4	1	1	4	2	2	4	1		2
Пассажирские перевозки	2	1				1			1	1				4			2			
Рост цен, дефицит товаров	8	3	1	2	3	1	3	3		1		1	3	6	3		2		1	
Всего	**24**	**9**	**9**	**7**	**10**	**6**	**12**	**11**	**13**	**19**	**7**	**11**	**8**	**34**	**8**	**3**	**20**	**4**	**5**	**4**

Примечание. Составлено по: [21, 22].

Проанализировав частотность упоминаний работы разных видов транспорта, снабжения городов товарами, можно прийти к следующим выводам: в среднем разные проблемы транспорта затрагивались 11 раз в месяц, но было несколько всплесков – в феврале 1904 г., в связи с началом войны (увеличение в 2,5 раза), и в марте 1905 г. из-за обострения товарного кризиса, выявившихся случаев мошенничества при грузоперевозках и подготовки к новой навигации (увеличение в 3,5 раза). Также в ноябре 1904 г. очень активно обсуждался проект так называемого второго сибирского железнодорожного пути, а в июне 1905 г. вышла большая статья о работе Сибирской железной дороги в 1904 г., в которой упоминались многие другие проблемы функционирования транспорта. В обоих случаях число упоминаний увеличилось в 2 раза. Активность упоминаний об улучшениях и затруднениях в работе железной дороги коррелирует между собой – нет явной тенденции к увеличению позитивных публикаций на фоне сокращения негативных: меры по увеличению пропускной способности реализовывались непрерывно с самого начала войны, но негативные отзывы о перевозках возникали не от плохой работы железной дороги, а от директивного прекращения приема к перевозке частных грузов по требованию военного министерства. Про гужевой и водный транспорт нельзя сказать то же самое. С начала войны и до начала навигации транспорт упоминался в контексте передачи на него грузов с железной дороги – о проблемах не сообщается. Но летом все чаще появляются сообщения о трудностях, о нехватке кадров, техники, лошадей, о невозможности доставить грузы вовремя. С осени 1904 г. до весны 1905 г. доминируют новости о реконструкциях, восстановлении перевозок и даже об увеличении масштабов пароходства. Частота упоминаний о дороговизне и дефиците товаров в целом совпадает с общей частотой упоминаний работы разных видов транспорта. Упоминания о новых проектах и изысканиях железных

дорог практически не встречаются до осени 1904 г., затем в ноябре 1904 г. наблюдается резкий подъем из-за обсуждения проекта второго сибирского пути, а в 1905 г. этому сюжету уделяется внимание 1–2 раза в месяц. Помимо проекта второго сибирского пути, предметом обсуждения становились направление Тюмень–Омск, и частные железные дороги для обслуживания золотопромышленности.

Анализ публикаций, выходивших в рассмотренных нами газетах и касающихся ситуации, в которой оказались транспортная инфраструктура и население городов Сибири из-за ограничений, вызванных Русско-японской войной, показал, что ограничение работы железной дороги очень тяжело сказалось на жизни мирного населения, что и стало, пожалуй, самым заметным бедствием от войны для жителей Сибири. Железная дорога все еще была несовершенна. Даже перевозки в военных целях, несмотря на установленный приоритет, были неудовлетворительны из-за ограниченной пропускной способности, прежде всего в районе Байкала. Мобилизация ресурсов железной дороги по требованию военного ведомства парализовала работу самой железной дороги и всей транспортной системы Сибири: грузы задерживались в пути на несколько месяцев или терялись, пассажирские поезда не могли вместить всех желающих, города остались без товаров первой необходимости, выросли цены, сократилась деловая активность, в некоторых регионах наступил массовый голод. На фоне кризиса железнодорожного обслуживания увеличилось число случаев мошенничества и махинаций с грузами.

В очерках о положении железной дороги публицисты задавались вопросом: почему Сибирь больше не может обойтись без железной дороги, хотя еще 15–20 лет назад мало кто был уверен в ее успехе? Размышляя по этой проблеме, они сошлись на том, что железная дорога в Сибири не только быстро прижилась, опровергнув доводы скептиков об отсутствии экономической целесообразности ее строительства, но и стала основой транспортной системы, главным элементом в иерархии путей сообщения. Публицисты отмечали, что замещение на время войны утраченных удобств железной дороги ресурсами традиционного транспорта и местной промышленности оказалось не настолько безболезненным, как на то рассчитывало правительство и командование. С момента появления железных дорог в Сибири в местной экономике произошли структурные изменения: деградировали многие направления традиционного транспорта, исчезли целые отрасли экономики, ставшие в условиях надежной транспортной связи невыгодными. Сибирь не только фактически была включена в общероссийское экономическое пространство посредством железной дороги, но и оказалась зависима от этой интеграции.

Таким образом, представленное исследование основано на материалах периодической печати, которые обычно считаются менее достоверными, чем официальные документы. Однако описание на страницах сибирских газет ситуации с транспортом, сложившейся в условиях войны, оказалось для людей, живших в Сибири, главным свидетельством бедствий, приносимых войной. Никакое другое внешнеполитическое событие до «маленькой победоносной войны» не сказывалось настолько тяжело на населении Сибири как в экономическом, так и в социальном плане. Если другие войны или тревожные социально-политические процессы отзывались в Сибири только отголосками и переживались относительно спокойно, то в Русско-японскую войну вся азиатская часть страны почти на два года погрузилась в экономический кризис, который можно добавить в копилку предпосылок к революционным событиям 1905 г. и активному участию сибирских городов в этих событиях.

Список источников

1. Канн С.К. Военно-политические аспекты сооружения Сибирской железной дороги (конец XIX – начало XX в.) // Сибирь и войны XIX – XX веков : сб. материалов всерос. науч. конф. Новосибирск, 2014. С. 5–13.
2. Всеподданнейший доклад министра путей сообщения от 9 января 1904 года // Российский государственный исторический архив. Ф. 446. Оп. 31. Д. 10. Док. 13. Л. 20.
3. Тимофеев А.А. Государство как «локомотив» модернизационных процессов (на примере строительства Транссибирской магистрали на Южном Урале в 1891—1914 гг.) // Вестник ЮУРГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 32. С. 70–73.
4. Агапов М.Г. В поисках «выхода из тупика»: Транссибирские транспортные проекты конца XIX – начала XX в // Quaestio Rossica. 2018. Т. 6, № 3. С. 771–783.
5. Николаев А.А. Как Сибирь в начале XX в. оказалась в центре мировой торговли маслом // ЭКО. 2016. № 6 (504). С. 36–49.
6. Макурин А.И. Транссибирская магистраль в начале XX В. Глазами американского инженера Линдона У. Бейтса // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1 (17). С. 240–252.
7. Железнодорожные войска с 1851 по 1941 год. Материалы к истории железнодорожных войск Советской Армии. М. : Воен. изд-во Мин-ва обороны СССР, 1957.
8. Мартыненко И.В. Организация воинских перевозок в Русско-Японскую войну 1904–1905 гг. // Железнодорожный транспорт. 2007. № 6. С. 73–77.
9. Шумилов В.Н. Дорога на Русско-Японскую войну 1904–1905 гг. // Политранспортные системы : материалы XI Междунар. науч.-техн. конф. Новосибирск, 2020. С. 857–866.
10. Борзунов В.Ф. История создания Транссибирской железнодорожной магистрали XIX – начала XX вв. : дис. … д-ра ист. наук. Томск, 1972. 1860 с.
11. Агапов В.Л. Морская торговля и торговое судоходство России и Японии накануне и во время Русско-Японской войны : дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2006. 251 с.
12. Агапов В.Л. Действия российского флота на морских коммуникациях Японии в Русско-Японскую войну // Россия в войнах начала XX века : всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию Русско-японской и 90-летию Первой мировой войны / редкол.: В.Б. Белолугов, Р.Р. Садриев и др. 2005. С. 24–42.
13. Patrikeeff F., Shukman H. Railways and the Russo-Japanese War : Transporting War. London : Routledge, 2007. doi: 10.4324/9780203964767

14. Snow K.A. Russian Commercial Shipping and Singapore, 1905–1916 // Journal of Southeast Asian Studies. 1998. № 29. P. 44–62. doi: 10.1017/S0022463400021470
15. Карпенко С.В. Расстройство транспорта и кризис торговли в Крыму и Северной Таврии : Из истории тыла Русской армии генерала П.Н. Врангеля (1920 год) // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 116–127.
16. Шиловский М.В. Влияние Русско-Японской войны 1904–1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 12–16.
17. Воробьева Э.А. Русско-Японская война 1904–1905 годов и общественное мнение Сибири и Дальнего востока : дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2009. 263 с.
18. Жилякова Н.В. Частная периодика Томска конца XIX – начала XX в. : «Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь» // Периодическая печать Томской губернии (1857–1916) : становление журналистики и формирование регионального самосознания : учеб. пособие / Н.В. Жилякова, В.В. Шевцов, Е.В. Евдокимова. Томск, 2015. Т. 1. С. 88–100.
19. Агеев И.А. Газета «Сибирский вестник» как источник по истории Обь-Енисейского водного пути // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сб. тр. студентов и аспирантов исторического факультета. Вып. 2. Томск, 2007. С. 92–94.
20. Агеев И.А. История Обь-Енисейского соединительного водного пути : дис. … канд. ист. наук. Томск, 2012. 215 с.
21. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск, 1904.
22. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни. Томск, 1905.
23. Сибирские вести // Восточное обозрение. 1905. 25 мая. № 112. С. 1.
24. К открытию навигации в Сибири // Сибирская жизнь. 1904. 13 апреля. № 78. С. 2.
25. Восточное обозрение 1905. 26 апреля. № 90.

References

1. Kann, S.K. (2014) [Military-political aspects of the construction of the Siberian railway (late 19th – early 20th centuries)]. *Sibir' i voyny XIX – XX vekov* [Siberia and wars of the 19th and 20th centuries]. Conference Proceedings. Novosibirsk. pp. 5–13. (In Russian).
2. Russian State Historical Archive. Fund 446. List 31. File 10. File 13. Page 20. *Vsepoddanneyshiy doklad ministra putey soobshcheniya ot 9 yanvarya 1904 goda* [The Most Loyal Report of the Minister of Railways, January 9, 1904].
3. Timofeev, A.A. (2012) Gosudarstvo kak "lokomotiv" modernizatsionnykh protsessov (na primere stroitel'stva Transsibirskoy magistrali na Yuzhnom Urale v 1891—1914 gg.) [State as a "locomotive" of modernization processes (on the example of the construction of the Trans-Siberian Railway in the Southern Urals in 1891–1914)]. *Vestnik YuURGU. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 32. pp. 70–73.
4. Agapov, M.G. (2018) V poiskakh "vykhoda iz tupika": Transsibirskie transportnye proekty kontsa XIX – nachala XX v [In search of a "way out of the impasse": Trans-Siberian transport projects of the late 19th – early 20th centuries]. *Quaestio Rossica.* 6 (3). pp. 771–783.
5. Nikolaev, A.A. (2016) Kak Sibir' v nachale XX v. okazalas' v tsentre mirovoy torgovli maslom [How Siberia found itself in the center of the global oil trade in the early twentieth century]. *EKO*. 6 (504). pp. 36–49.
6. Makurin, A.I. (2018) Transsibirskaya magistral' v nachale XX V. Glazami amerikanskogo inzhenera Lindona U. Beytsa [The Trans-Siberian Railway at the beginning of the 20th century. Through the eyes of the American engineer Lyndon W. Bates]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal.* 1 (17). pp. 240–252.
7. Verevkin, N.V. et al. (1957) *Zheleznodorozhnye voyska s 1851 po 1941 god. Materialy k istorii zheleznodorozhnykh voysk Sovetskoy Armii* [Railway troops from 1851 to 1941. Materials for the history of the railway troops of the Soviet Army]. Moscow: Voen. izd-vo Min-va oborony SSSR.
8. Martynenko, I.V. (2007) Organizatsiya voinskikh perevozok v Russko-Yaponskuyu voynu 1904–1905 gg. [Organization of military transportation in the Russo-Japanese War of 1904–1905]. *Zheleznodorozhnyy transport.* 6. pp. 73–77.
9. Shumilov, V.N. (2020) [Road to the Russo-Japanese War of 1904–1905]. *Politransportnye sistemy* [Polytransport systems]. Proceedings of the XI International Conference. Novosibirsk. pp. 857–866. (In Russian).
10. Borzunov, V.F. (1972) *Istoriya sozdaniya Transsibirskoy zheleznodorozhnoy magistrali XIX – nachala XX vv.* [The history of the creation of the Trans-Siberian Railway in the 19th – early 20th centuries]. History Dr. Diss. Tomsk.
11. Agapov, V.L. (2006) *Morskaya torgovlya i torgovoe sudokhodstvo Rossii i Yaponii nakanune i vo vremya Russko-Yaponskoy voyny* [Maritime trade and merchant shipping in Russia and Japan on the eve and during the Russo-Japanese War]. History Cand. Diss. Vladivostok.
12. Agapov, V.L. (2005) [The actions of the Russian fleet on the sea lanes of Japan in the Russo-Japanese War]. *Rossiya v voynakh nachala XX veka* [Russia in the wars of the early 20th century]. Conference Proceedings. pp. 24–42. (In Russian).
13. Patrikeeff, F. & Shukman, H. (2007) *Railways and the Russo-Japanese War: Transporting War.* London: Routledge. doi: 10.4324/9780203964767
14. Snow, K.A. (1998) Russian Commercial Shipping and Singapore, 1905–1916. *Journal of Southeast Asian Studies*. 29. pp. 44–62. doi: 10.1017/S0022463400021470
15. Karpenko, S.V. (2015) Rasstroystvo transporta i krizis torgovli v Krymu i Severnoy Tavrii: Iz istorii tyla Russkoy armii generala P.N. Vrangelya (1920 god) [Disorder of transport and the crisis of trade in the Crimea and Northern Tavria: From the history of the rear of the Russian army, General P.N. Wrangel (1920)]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 2 (44). pp. 116–127.
16. Shilovskiy, M.V. (2004) Vliyanie Russko-Yaponskoy voyny 1904–1905 gg. na vnutrennyuyu zhizn' Sibiri [Impact of the Russo-Japanese War of 1904–1905 on the inner life of Siberia]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri.* 2. pp. 12–16.
17. Vorob'eva, E.A. (2009) *Russko-Yaponskaya voyna 1904–1905 godov i obshchestvennoe mnenie Sibiri i Dal'nego vostoka* [The Russo-Japanese War of 1904–1905 and Public Opinion in Siberia and the Far East]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
18. Zhilyakova, N.V (2015). Chastnaya periodika Tomska kontsa XIX – nachala XX v.: "Sibirskaya gazeta", "Sibirskiy vestnik", "Sibirskaya zhizn'" [Private periodicals of Tomsk in the late 19th – early 20th centuries "Sibirskaya gazeta", "Sibirskiy vestnik", "Sibirskaya zhizn'"]. In: Zhilyakova, N.V., Shevtsov, V.V. & Evdokimova, E.V. *Periodicheskaya pechat' Tomskoy gubernii (1857–1916): stanovlenie zhurnalistiki i formirovanie regional'nogo samosoznaniya: ucheb. posobie* [Periodical press of the Tomsk province (1857–1916): The formation of journalism and the formation of regional self-consciousness: textbook]. Vol. 1. Tomsk. pp. 88–100.
19. Ageev, I.A. (2007) Gazeta "Sibirskiy vestnik" kak istochnik po istorii Ob'-Eniseyskogo vodnogo puti [The newspaper "Sibirskiy vestnik" as a source on the history of the Ob-Yenisei waterway]. In: *Voprosy istorii, mezhdunarodnykh otnosheniy i dokumentovedeniya: sb. tr. studentov i aspirantov istoricheskogo fakul'teta* [Issues of history, international relations and documentation: collected works of students and postgraduate students of the Faculty of History]. Vol. 2. Tomsk. pp. 92–94.
20. Ageev, I.A. (2012) *Istoriya Ob'-Eniseyskogo soedinitel'nogo vodnogo puti* [History of the Ob-Yenisei connecting waterway]. History Cand. Diss. Tomsk.
21. *Sibirskiy vestnik politiki, literatury i obshchestvennoy zhizni*. (1904) Tomsk.
22. *Sibirskiy vestnik politiki, literatury i obshchestvennoy zhizni*. (1905) Tomsk.
23. *Vostochnoe obozrenie.* (1905) Sibirskie vesti [Siberian News]. 25 May. 112. p. 1.
24. *Sibirskaya zhizn'.* (1904) K otkrytiyu navigatsii v Sibiri [To the start of navigation in Siberia]. 13 April. 78. p. 2.
25. *Vostochnoe obozrenie.* (1905) 26 April. 90.

Информация об авторах:
Агеев И.А. – канд. ист. наук, доцент отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: agilalex@mail.ru
Агеева В.В. – канд. ист. наук, доцент отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: iforya@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
I.A. Ageev, Cand. Sci. (History), associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: agilalex@mail.ru
V.V. Ageeva, Cand. Sci. (History), associate professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: iforya@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 02.01.2022;
одобрена после рецензирования 03.02.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 02.01.2022;
approved after reviewing 03.02.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Научная статья
УДК 39: 94 (575.4)
doi: 10.17223/15617793/479/9

Туркменский чабан – персона многогранная

Сердар Джумаевич Атдаев[1]

[1] *Институт истории и археологии Академии наук Туркменистана, Ашхабад, Туркменистан, serdar63atdayev@gmail.com*

Аннотация. На основании источников XIX в., а также фольклорного материала предпринята попытка восполнить существующие пробелы в изучении жизнедеятельности туркменского чабана. Отмечается, что туркменскому чабану для успешного выполнения своей работы приходилось знать не только повадки животных, но и знать природу своего края.

Ключевые слова: чабан, ветеринар, погода, водные источники, посох, следопыт, алабай, пиры-покровители

Для цитирования: Атдаев С.Дж. Туркменский чабан – персона многогранная // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 84–88. doi: 10.17223/15617793/479/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/9

Turkmen shepherd is a multifaceted person

Serdar Jumaevich Atdaev[1]

[1] *Institute of History and Archaeology of the Academy of Sciences of Turkmenistan, Ashgabat, Turkmenistan, serdar63atdayev@gmail.com*

Abstract. The shepherd is an integral part of the Turkmen traditional society. This character is vividly depicted in folk tales, songs, proverbs and legends. The image of a shepherd is so popular that common people perceive it as something ordinary. Such fame makes the shepherd a hostage to oblivion and even mediocrity. However, close attention reveals the versatility and diversity of this phenomenon. The shepherd is a set of properties and features, unique in nature. The mention of the shepherd regularly appears in the works of Turkmen scholars describing human pastoral activities. Nevertheless, specific works on the life of shepherds are few. In this article, the author attempts to partially fill this gap. Using a complex method, the author supplement the available research material with information gained from the sources of the 19th century, as well as from folklore. The Turkmen shepherd is not a simple man. The constant presence in the harsh conditions of the desert and steppe made him the owner of the necessary features that helped him cope with difficult and dangerous work. The shepherd was a good reader of the natural and climatic features of the local region. He knew how to determine the onset of the change of seasons by the starry sky, in order to protect his herds from possible problems. This knowledge was preserved in shepherds' daily practice in the form of folk beliefs and superstitions. The shepherd perfectly knew the location of grassy fields and water sources. The shepherd was well aware of the habits and behavior of cattle. The healthy condition of the cattle was the shepherd's main concern. In the past, various traditional folk methods of treating domestic animals from various diseases were practiced. In the desert, shepherds' lives were threatened by poisonous snakes and spiders. To protect themselves from them, shepherds used various spells. The shepherd's dog Alabay protected herds from predatory animals and was the shepherd's constant companion. The shepherd's main tool was the crook considered as a sacred object possessing magical powers. The art of the tracker helped the shepherd find sheep that had strayed from the herd in time, and good orientation in the area was the key to safety and protection of the herd. The shepherd's helper was a "choluk" – a herdboy in charge of herd management, cattle care, as well as all kinds of household issues. In the most difficult moments, the shepherd, in his prayers, turned to his spiritual patrons, asking for help and support.

Keywords: shepherd, veterinarian, weather, water sources, staff, tracker, alabay, patron feasts

For citation: Atdaev, S.J. (2022) Turkmen shepherd is a multifaceted person. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 84–88. . (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/9

По просторам бескрайней пустыни
Мерно бродит отара овец.
В безмятежности дремлет природа
Начеку лишь, чабан-удалец.

С.А.

Введение

Чабан является неотъемлемой частью туркменского традиционного общества. Этот персонаж ярко запечатлен в народных сказаниях, песнях, пословицах и легендах. Образ чабана настолько популярен, что воспринимается обывателем как нечто обыденное, ничем не примечательное. Такая известность делает его заложником забвения и даже заурядности. Однако пристальное внимание открывает нам многогранность и многообразность этого явления. Чабан являет собой уникальный по своей природе набор свойств и особенностей.

© Атдаев С.Дж., 2022

Чабан регулярно упоминается в работах туркменских ученых, описывающих скотоводческую деятельность человека, но персональные работы, посвященные жизнедеятельности чабана, встречаются нечасто. В своей статье мы попытаемся частично восполнить этот пробел.

Чабан – личность многогранная. Он должен обладать рядом свойств, чтобы успешно выполнять свою работу в суровых условиях степи и пустыни. Это обстоятельство заставляет его быть преемником и обладателем ряда знаний и смежных профессий.

Способность пастухов понимать погоду. Чабан должен хорошо разбираться в природно-климатических условиях своего края. Вовремя определять наступление смены сезонов года, дабы обе-зопасить стада от возможных осложнений. Наступление подобных моментов могло подсказать звездное небо. Эти знания сохранились в повседневной практике пастухов, обретя форму народных представлений и суеверий. К примеру, когда ранним утром над горизонтом появлялось яркое свечение Венеры (Зохре), это служило сигналом для начала перекочевки стада на новое место. Звезду эту называют Утренней (Дан йылдызы), а в лексике пастухов она звучит как Пастушья (Чопан йылдызы). Считалось, что если на рассвете она выглядела красной и одновременно с этим поднимался пыльный ветер, то это предвещало изменение погоды. Согласно народным представлениям, появление в конце лета на ночном небосводе звезды Сириус (Ялдырак) означало окончание жарких дней. С этого момента дневной зной начинал спадать, а ночи становились прохладными. Чабаны при появлении Сириуса с надеждой ожидали дуновение прохладных восточных ветров.

В жаркий летний сезон скот выгонялся на пастбище лишь прохладным вечером. В зимний сезон скотину пасли днем. Ночной выпас зимой, по поверью скотоводов, мог привести к появлению болезней. При этом ночной выпас стада в декабре (бит айы) немного удлинялся, так как считалось, что это избавит овец от появления вшей. В феврале перед ягнением (елин айы) овцематок также пасли более интенсивно в ночное время [1. С. 250].

Чабаны-ветеринары. Здоровое состояние скотины является главной заботой пастуха. В прошлом практиковались различные традиционные народные правила и способы лечения домашних животных от всевозможных болезней. Скотина часто болела такими болезнями, как *мама* (оспа), *шан*, *тарп.* Чтобы обезопасить от различных болезней, стадо прогоняли вокруг святых мест или вешали на шею животным амулеты (дога). Владельцы стада (баяр баши) совершали жертвоприношения (садака). Наиболее действенным считался древний обряд алас (другие варианты: учук, шутук, топыкдан гечирме). Перед перекочевкой с зимовки на весенние пастбища стадо вместе с молодняком прогоняли между двумя кострами со словами «Пусть останутся все болезни и несчастья» (Дерт-бела галсын).

Существовали и другие методы лечения болезней. К примеру, при ящуре (агсыл) на языке животного делали надрезы и посыпали солью. Укус клещей вызывал болезнь шан, которую лечили холодной водой. Овец гнали к холодным горным родникам, где на пастбищах было больше грубых кормов [1. С. 265]. Исключительным средством считался гара яг, получаемый из помета мелкого скота.

Опыт в защите от ядовитых змей и скорпионов. Чабаны длительное время находились со стадами в предгорных равнинах и на пустынных просторах. Здесь их жизни угрожали ядовитые змеи и пауки. Чтобы обезопасить себя от них, пастухи использовали различные заговоры. Пастухи старались даже не произносить название змеи, используя для этого слова-заменители: *мӧр*, *чыбык*, *гамча*, *йуп*, *гайыш*, *узын гуйрук*, *узын мӧҗӧк*. Свои временные стоянки туркмены окружали веревками, сплетенными из верблюжьей шерсти. Считалось, что подобными действиями можно было уберечься от змей и скорпионов. Во время сна чабаны подстилали под себя войлок или бурку из бараньей шерсти в надежде, что ядовитые твари не потревожат их.

При укусе змей и скорпионов люди обращались к помощи змееловов-маргиров, которые слыли хорошими врачевателями. Если укушено было животное, то образовавшуюся опухоль лечили проколом.

Умение находить водные источники. Жизнь отары сильно зависела от существования поблизости водных источников и водоемов. Пастухи прекрасно знали местоположение колодцев, пресная в них вода или соленая. Каждый колодец имел свой объем воды, способный напоить определенное количество людей и скота. Примером может служить колодец Сакар-чага, описание которого сделал М.Д. Скобелев (1843–1882) в августе 1873 г. Путь пролегал через северо-западные районы Туркменистана, от восточного берега Каспийского моря через колодцы Игды, Орта-кую к Ызмыкширу. Скобелев отмечает, что, согласно расспросам местных жителей, колодцами Сакар-чага можно было напоить весною 500 людей, 100 лошадей и 60 верблюдов, а осенью 600 людей, 150 лошадей и 100 верблюдов [2. С. 4].

Источником воды служили талый снег, паводковые воды, обильные дожди и селевые потоки. После пободных событий в пустынных районах образовывались небольшие озерца каки. Каки – это естественные, иногда и искусственные, углубления на такырах для собирания и хранения атмосферных осадков. Пастухи использовали эту воду как для поения скотины, так и для выращивания бахчевых. Многочисленные сообщения говорят нам о том, что еще в средние века люди научились выращивать в пустыне вкусные дыни и арбузы, орошая их скопленной в каках дождевой водой [3. С. 66].

Пастушьи знаки. На огромных пустынных пространствах очень легко было затеряться. По воспоминаниям русского генерала Н.Г. Петрусевича (?–1880),

пески не оставляли следов, а их малейшие признаки быстро заметались даже слабым ветерком. Однако туркмены, надеясь только на собственный глаз и сообразительность, выработали удивительную способность отыскивать дорогу и находить нужное направление [4. С. 50].

Для ориентации в пространстве чабаны часто пользовались особыми указателями. На видном месте пастухи устраивали плотно утрамбованные цилиндрические возвышенности из кустарников, называемые *оюк* или *челги*. В отдаленных пустынных районах, где растительность была крайне скудной, могли использоваться даже кости погибших животных.

На пересечении дорог устанавливались каменные столбы дин. Подобные нагромождения встречались и на горных перевалах. Здесь они назывались *чопан дин* [5. С. 84].

Пастухи-следопыты. Чабаны слыли прекрасными следопытами. К этому их обязывала жизненная необходимость. Ведь скотина могла затеряться на огромных пространствах знойной пустыни. К тому же животных часто беспокоили хищники.

Искусство следопыта очень ценилось среди туркмен. Как правило, качествами ищеек и проводников владели люди военных профессий. К примеру, популярный в конце XIX в. текинский предводитель отделения сычмаз Дыкма-сердар (1830–1882) имел отличную память и удивительную способность читать следы. Его современник, мервский глава отделения утамыш Аманнияз-хан, сын знаменитого Ораз Яглы-хана из рода гараахмет, также слыл хорошим следопытом.

Умение пастухов разбираться в следах сохранилось и в наши дни. К примеру, чабаны Марыйского велаята (области) по следам верблюдов на песке могут точно определить, как давно животное здесь проходило. Для этого они надавливают пальцем на середину отпечатка следа. Нажатие оставляет либо четкую лунку, либо же края впадины осыпаются. Исходя из этого делается вывод – след свежий или ему несколько дней.

В Ахалском вераяте пастухи при поиске своих верблюдов используют ряд других приемов. К примеру, расстояние между раздвоенными копытами передних ног может сообщить о возврасте животного. Учитывается и то, что стопы передних и задних ног неодинаковы. Когда верблюд опускается для отдыха на землю, то непременно располагает свое тело по направлению к солнцу. Ориентацию расположения тела можно определить по отпечатку, оставленному от нижнего отростка грудной кости. Среди пастухов бытует выражение, что верблюд садится на все свои девять точек: четыре стопы, четыре коленных сгиба и нижняя часть грудной кости. Так можно определить, в какое время суток животное решило отдохнуть.

Еще одна особенность заключается в том, что следы на песке по истечении времени меняют свою картину. Пастухи делили их на четыре вида. Свежий отпечаток стопы животного выглядит четко, поэтому его называют *белый след* (ак ыз). К утру следующего дня он слегка заметается ветром и уже называется *красный след* (гызыл ыз). Спустя сутки, под воздействием утренней росы и ветра, он начинает терять свое очертание и теперь носит название *черный след* (гара ыз). Через несколько суток он просто-напросто твердеет и обозначается как *старый след* (гарры ыз).

Бывает и так, что пастухи сами теряются в песках. Тогда они определяют стороны света при помощи растений. На Ахальском велаяте растения подвержены частым северо-восточным ветрам, из-за чего верхние ветки, к примеру, созеня (песчаной акации) склоняются в юго-восточном направлении или, как говорят пастухи, в сторону Кыблы (кыбла тарап). Стороны света определяют и при помощи удивительного растения, называемого махмалсёв. Этот лишайник имеет свойство расти непременно в северном направлении. Найдя его, пастухи легко устанавливают остальные направления сторон света.

Верный помощник чабана – алабай. Чтобы держать поведение отары под контролем, чабаны прибегали к одной хитрости. Перед сном один из них привязывал к руке овцу (нанчы гоюн). Если стадо разбегалось, то овца следовала за ним, и это будило чабана. И все же главным помощником чабана, безусловно, является пастушья собака. Народная пословица гласит: «Ит чопанын голдаши, ялнызлыкда ёлдаши» (Собака опора и друг чабана). Пастухи делят собак по их предназначению: волкодавы (мöджекчи), овчарки (гоюнчы) и сторожа (сакчы).

Побывавший в 30-х гг. XIX в. на берегах Мургаба, британский путешественник и исследователь Александр Бёрнс (1805–1841) писал, что главную обязанность пастухов исполняли здесь собаки. Они были покладисты и послушны для своих хозяев, однако непомерно злыми для незнакомцев [6. С. 41].

У туркмен в прошлом получил распространение обычай, связанный с охраной стада от волков. Назывался он ‘связывать пасть волка’ (гурдын агзыны багламак). Если по какой-либо причине стадо разбегалось, пастух, дабы овцы не стали жертвой волков, связывал пасть волка с помощью заклинаний. При произнесении заклинаний нож вынимался из ножен, а по окончании – вкладывался обратно. Если нож был без ножен, он просто втыкался в землю. По поверью, после совершения этого обряда волк не мог раскрыть пасть. При истечении определенного времени полагалось снять заклятие и тем самым ‘открыть’ пасть волку [1. С. 278].

Пастух-повар. Находясь длительное время вдали от людей, пастуху приходилось самому обеспечивать себя всем необходимым, в том числе пропитанием. Рацион пастуха был обычно скуден: чай, мясные и молочные продукты, хлеб. Хлеб приходилось печь самому. Для этого пастух разводил огонь, затем, сдвинув горячие угли, в раскаленный песок опускал тесто. Деликатесом считался мучной пирог с мясной начинкой. Это блюдо было настолько вкусным и аппетитным, что появилась поговорка: «Аджыксан – чопанын янына бар» (Если проголодался – навести чабана). В перечень необходимых принадлежностей

пастуха входили: нож (пычак), иголка (инне), шило (биз), кремень для добычи огня (чакмак даш), который содержался в футляре (чакмак говдыны).

Пастушок ‘чолук’. Помощником чабана был пастушок-подпасок ‘чолук’. Занятие чолука было большим подспорьем для пастуха. Управление стадом, уход за скотиной, а также всевозможные хозяйственно-бытовые вопросы – все это ложилось на плечи юных чолуков. Работа пастушка была важна и опасна. Автор данной статьи помнит рассказы своего отца, который в военные годы (1941–1945) вместе со своим братом работал чолуком. Одно воспоминание носит особо трагичный характер. Лютой зимою один телёнок свалился в яму с ледяной водой. Брат отца бросился на выручку, вытолкнул теленка наружу, однако сам сильно простыл и вскоре умер.

Отец часто вспоминал и другую историю, связанное с ним самим. Однажды жарким летом, разморенный душной жарою, он в изнеможении присел у деревца и уснул. Проснулся же поздним вечером, и не сразу понял, что происходит вокруг. Опустившаяся тьма была усыпана яркими звездочками, почему-то двигавшимися парами. Вскоре сумрачная тишина огласилось пронзительным воем и жутким тявканьем. Только тогда пастушок осознал, что его окружила стая голодных шакалов. Мрачная фигура вожака стаи (*бай шагал*) приблизилась совсем уж близко. Мальчик ударил его своим коротким посохом и что есть мочи бросился бежать. Он чувствовал за своей спиной пугающее рычание шакалов и лязганье острых зубов. Вскоре впереди послышался дружный лай алабаев и крики старого чабана. Помощь подоспела вовремя. Эти рассказы показывают нам, что насколько сложна, а порой и трагична судьба пастушков-чолуков.

Посох чабана. Неизменным орудием пастуха был посох, при помощи которого он пас стадо и защищался от хищных зверей. Посох пастуха представлял собой палку с изгибом. Толщина ее составляла обхват человеческой ладони, а высота была на уровне груди человека. Длина посоха должна была соответствовать нечетному числу обхватов – *чопан тутумов*. Четные тутумы назывались *хелей кесеви* (женская кочерга). В посохе должно быть 13 тутумов. Счет тутумов начинался и заканчивался словами ‘чопан таяк’, чередуясь словами ‘хелей кесев’ [7. С. 56].

Посох изготовлялся из веток легких и прочных деревьев: ивы (тал, сёвут), тополя (торанны), кизильника (йыргай), песчаной акации (сёзен), каркаса кавказского (дагдан). Мастерился посох также из маслины (зейтун) и прочного растения тувулга [8. С. 71, 80]. Из песчаной акации делали также приспособление, называемое *гэргенек* или *илмек*, для ловли за шею козлят и ягнят.

Посох не мастерили из фруктовых деревьев, так как их ветки были неровными и имели много сучьев. Не делали посох также из гребенщика (йылгын), так как он имел твердую и тяжелую древесину, что могло сильно поранить животных.

Чтобы придать палке желаемый изгиб, ее несколько дней держали в воде или мокрой глине. Иногда изгиб делали, подогревая палку на огне, а затем перевязывали её веревкой и держали так в течение определенного времени. Изгиб посоха смягчал удар по животному. Чабан использовал его и для кратковременного отдыха, подставив под голову. Когда пастух засыпал, то при малейшем его движении посох падал, и он просыпался [1. С. 277].

Посох чабана считается священным, обладающим магической силой. По представлениям туркмен, с посохом чабана богатство (дёвлет) одного скотовладельца могло перейти к другому. И наоборот, несчастье владельца стада могло последовать вместе с посохом чабана и нанести ущерб тому, кто принял его на работу. По этом причине при найме чабана посох давался ему владельцем стада, а при уходе с работы забирался обратно. При увольнении чабана от него требовали ‘бросить палку’.

Народная поговорка гласит: «Пусть чабанский посох принесет удачу, счастье и благополучие». Согласно обычаю, нельзя было бросать чабанский посох, наступать или перешагивать через него. Бытовал также обычай смазывать посох бараньим жиром или кипящим маслом. Согласно поверью, это делалось для того, чтобы овцы были упитанными. Чабаны даже клялись на посохе. Посох клали не землю и клянущийся говорил: «Пусть высохну я, как этот посох» и «три раза прыгал через него» [7. С. 60]. По замечанию немецкого этнографа и путешественника Р. Карутца (1867–1945), чабанская палка являлась календарем и записной книжкой, так как на ней пастухи вырезали число рабочих дней [9. С. 48].

При чтении молитвы пастухи клали перед собой посох, чтобы никто не беспокоил их. Р. Карутц отмечал, что во время молитвы «ничто постороннее не должно быть между молящимся и целью его набожных мыслей святой Меккой, поэтому он втыкает перед собою в землю палку, которая должна изображать Мекку» [9. С. 124].

Пиры – покровители пастухов. Чабаны верили, что каждая порода скота имеет своего покровителя: у овцы это *Чопан-ата*, козы – *Говендер-баба*, у лошади – *Дуль-Дуль-ата*, верблюда – *Вейис-баба*, коровы – *Зенги-баба*. Были также покровители работ, связанных со скотоводческим циклом: покровитель стрижки – *Сумсук-баба*, окота – *Муса-баба.* Скотоводы, чтобы сохранить и увеличить приплод, сразу же после окончания окота устраивали в честь *Чопан-ата* совместную трапезу. Жители кочевья угощались ритуальной рисовой кашей – *ак аш* или *гоюнын мусасы*, приготовленной на молоке первого надоя. Верилось, что если чабан длительное время добросовестно следит за стадом, то он непременно встретит с святого Хыдыр-ата.

Суеверия и поговорки о пастухах. Перекочевка стада, стрижка овец и другие работы производились чабанами строго в определенные дни. В календаре пастухов числились удачные (сахетли гун) и неудачные (сахетсиз гун) дни недели или месяца.

Чабан не мог посещать свадьбы, другие торжества и даже поминки, ведь он должен был постоянно находиться при стаде. Бытует множество пословиц и поговорок, связанных с профессией пастуха: «*Чопана мейлис харам*» (Чабану грешно веселиться); «*Ала гарга ока гелмез, чопан адам көпе болмаз*» (Ворона избегает пули, а чабан людей). О тяжелом труде пастухов гласит пословица «*Дайхан гарда дынар, чопан – гёрде*» (Дейканин отдохнет зимой, а чабан в могиле).

Заключение

Из приведенного выше материала мы видим, что персона чабана многогранна. Длительное пребывание в суровых и тяжелых условиях степи и пустыни развивает ряд свойств и качеств, необходимых для успешного выполнения своей работы. Чабан должен прекрасно разбираться в природно-климатических условиях своего края. Хорошее знание местоположения травянистых полей и водных источников давало возможность вовремя обеспечивать скотину пищей и водой. Чабан должен хорошо понимать повадки и поведение скотины, быть врачевателем, т.е. ветеринаром. В его непосредственную задачу входит оберегать стадо от хищников и ядовитых тварей. Верным помощником в этом деле ему неизменно служит пастушья собака – алабай. Прекрасная ориентация на местности и навыки следопыты были гарантом безопасности и защиты отары. Главное орудие пастуха – его посох, с которым связано множество поверий и легенд. Духовную и моральную поддержку чабан получал от своих небесных покровителей – пиров.

Список источников

1. Оразов А. Скотоводство у туркмен в XIX – начале XX в. Ашхабад : Ылым, 1995. 330 с.
2. Скобелев М.Д. От Змукшира до кол. Орта-кую. Тифлис : Типография Главного управления наместника кавказского, 1873. 18 с.
3. Атдаев С.Дж. Исторические данные о туркменской дыне и арбузе // Культурное наследие. 2021. № 4 (95). С. 56–75.
4. Петрусевич Н.Г. Туркмены между старым руслом Аму-дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии // Записки Кавказского отделения Императорского русского географического общества. Кн. 11, вып. 1. Тифлис : Типография Главного управления наместника кавказского, 1880. С. 1–80.
5. Атдаев С.Дж. Из истории почтовой службы у туркмен // Культурное наследие. 2020. № 4 (91). С. 75–92.
6. Борнс А. Путешествие в Бухару. М. : Университетская Типография, 1849. Ч. 3. 628 с.
7. Оразов А. О ритуальном значении чабанского посоха у туркмен // Верования, обряды и обычаи туркмен (историко-этнографические исследования). Ашхабад : Ылым, 1992. С. 56–62.
8. Демидов С.М. Растения и животные в легендах и верованиях туркмен. Серия «Этнография туркмен». М. : Старый сад, 2020. Вып. 1. 446 с.
9. Карутц Р. Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. СПб. : Изд-е А.Ф. Девриена, 1911. 188 с.

References

1. Orazov, A. (1995) *Skotovodstvo u turkmen v XIX – nachale XX v.* [Cattle breeding among the Turkmens in the 19th – early 20th centuries]. Ashkhabad: Ylym.
2. Skobelev, M.D. (1873) *Ot Zmukshira do kol. Orta-kuyu* [From Zmukshir to Orta-Kuyu]. Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo.
3. Atdaev, S.J. (2021) Istoricheskie dannye o turkmenskoy dyne i arbuze [Historical data on the Turkmen melon and watermelon]. *Kul'turnoe nasledie*. 4 (95). pp. 56–75.
4. Petrusevich, N.G. (1880) Turkmeny mezhdu starym ruslom Amu-dar'i (Uzboem) i severnymi okrainami Persii [Turkmens between the old channel of the Amu Darya (Uzboy) and the northern outskirts of Persia]. In: *Zapiski Kavkazskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Caucasian Branch of the Imperial Russian Geographical Society]. 11 (1). Tiflis: Tipografiya Glavnogo upravleniya namestnika kavkazskogo. pp. 1–80.
5. Atdaev S.J. (2020) Iz istorii pochtovoy sluzhby u turkmen [From the history of the postal service among the Turkmen]. *Kul'turnoe nasledie*. 4 (91). pp. 75–92.
6. Borns, A. (1849) *Puteshestvie v Bukharu* [A Journey to Bukhara]. Vol. 3. Moscow: Universitetskaya Tipografiya.
7. Orazov, A. (1992) O ritual'nom znachenii chabanskogo posokha u turkmen [On the ritual significance of the shepherd's crook among the Turkmens]. In: *Verovaniya, obryady i obychai turkmen (istoriko-etnograficheskie issledovaniya)* [Beliefs, rituals and customs of the Turkmens (historical and ethnographic studies)]. Ashkhabad: Ylym. pp. 56–62.
8. Demidov, S.M. (2020) *Rasteniya i zhivotnye v legendakh i verovaniyakh turkmen. Seriya "Etnografiya turkmen"* [Plants and animals in the legends and beliefs of the Turkmens. The Ethnography of Turkmens Series]. Vol. 1. Moscow: Staryy sad.
9. Karutts, R. (1911) *Sredi kirgizov i turkmenov na Mangyshlake* [Among the Kirghiz and Turkmens in Mangyshlak]. Saint Petersburg: Izd-e A.F. Devriena.

Информация об авторе:
Атдаев С.Дж. – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Академии наук Туркменистана (Ашхабад, Туркменистан). E-mail: serdar63atdayev@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
S.J. Atdaev, Cand. Sci. (History), leading researcher, Institute of History and Archeology Academy of Sciences of Turkmenistan (Ashgabat, Turkmenistan). E-mail: serdar63atdayev@gmail.com

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 05.05.2022;
одобрена после рецензирования 20.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 05.05.2022;
approved after reviewing 20.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Научная статья
УДК 393+395+397
doi: 10.17223/15617793/479/10

Конь в традиционной похоронной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX в.)

Венарий Алексеевич Бурнаков[1]

[1] *Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, venariy@ngs.ru*

Аннотация. На основе фольклорных и этнографических материалов, значительная часть которых вводится в научный оборот, реконструируются и анализируются традиционные представления и обрядность хакасов, связанные с захоронением мужчины вместе с конем. Исследование показывает, что сопогребение коня с хозяином, несмотря на всю иррациональность этого действа, обусловленного воззрениями об инобытие, в своей основе выполняло сугубо утилитарную функцию.

Ключевые слова: хакасы, традиционная культура, мировоззрение, фольклор, похоронная обрядность, мужчина, воин, конь, хойлаға, инобытие

Источник финансирования: исследование проведено по проекту № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм».

Для цитирования: Бурнаков В.А. Конь в традиционной похоронной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 89–99. doi: 10.17223/15617793/479/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/10

A horse in the traditional funeral rites of the Khakas (late 19th – mid-20th centuries)

Venariy A. Burnakov[1]

[1] *Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, venariy@ngs.ru*

Abstract. The aim of this article is to characterize the horse, and its image, as an animal included in the ideological and ritual system of the Khakas associated with funerals. The chronological framework of the work covers the late 19th – mid-20th centuries. The choice of such time limits is determined by the state of the source base on the research topic. Leading in the study is the principle of historicism, when any cultural phenomenon is considered in development and taking into account a specific situation. Historical, ethnographic, folklore and linguistic materials are used as sources, some of which are published for the first time. The research methodology is based on historical and ethnographic methods: remnants (relic), semantic and comparative historical analysis. As a result of the analysis, the following conclusions can be drawn: in the traditional culture of the Khakas, in particular in funeral rites, the horse and its image were important because of their utilitarian and sacred functions. The hoylaga horse served as a riding animal that accompanied the owner when moving to another world. The rite of burial with a horse is determined by the ideas of the posthumous existence of its owner. The conditions for a safe transfer of a deceased person to the afterlife depended on compliance with the rules of funeral rites, which included providing the person with everything necessary, including horse equipment, following body transportation rules, etc. In the worldview of the Khakas, the image of a horse had a close connection with the image of a male warrior, which is reflected in the funeral ritual. Only men were buried with horses. The ceremony of burial with a horse was distinguished by complexity and large financial costs. The inclusion of the horse in the funeral process had pragmatic goals. Horse meat was a product preferred from a ritual point of view, belonged to the category of "prestigious food" and was widely used in the funeral feast. The act of eating horse meat by the participants of the funeral rite carried a religious and symbolic function of sending the horse to another world. The funeral and memorial rituals of the Khakas were characterized by variability due to the ethnolocal traditions of the people, which was expressed in the timing of the killing of the horse of the deceased. Over time, due to historical reasons, the burial rite with the hoylaga horse transformed. People began to practice only the symbolic sending of the horse to the deceased, without interrupting the animal's life. The ritual function of sending a horse with its owner in funeral rites was reflected in folklore that contains archaic sacred representations and rituals of the people in relic form.

Keywords: Khakas, traditional culture, worldview, folklore, funeral rites, man, warrior, horse, hoylaga, otherness

Financial Support: The work was carried out within the framework of the research project No. FWZG-2022-0001 "Ethnocultural diversity and social processes of Siberia and the Far East of the 17th – 21st centuries".

© Бурнаков В.А., 2022

For citation: Burnakov, V.A. (2022) A horse in the traditional funeral rites of the Khakas (late 19th – mid-20th centuries). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 89–99. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/10

Введение

Зооморный образ коня/лошади в традиционной культуре пользовался особым почитанием. В культуре хакасов это домашнее животное, помимо высокой практической пользы в хозяйственной деятельности, имело высокую значимость в традиционных обрядах и ритуалах народа. Конь являлся одним из *ызыхо*’*в* – животных, посвящаемых в качестве ездового животного духам и божествам, считающихся оберегом стада, а также обладающих неприкосновенностью. Важная роль коню отводилась на общественных праздниках и в коллективных ритуалах – *тайыг/тайии*, таких как *тигір тайыг* – почитание неба, *таг тайыг* – поклонение духу родовой горы, *суг тайыг* – почитание воды/реки, а также в шаманских камланиях [1. С. 136–148; 2. С. 111–121]. Конь выступал в качестве одного из ключевых элементов сакральных действий, связанных с жизненным циклом человека – рождением, свадьбой и смертью. Обозначенная тема находила освещение в исследованиях и полевых материалах Н.Ф. Катанова, Н.А. Кострова, В.Я. Бутанаева, М.С. Усмановой и др. Несмотря на это, вопросы, касающиеся определения места и роли коня в похоронной обрядности хакасов в этнографической литературе раскрыты недостаточно. Можно отметить, что имеющиеся сведения довольно фрагментарны и разрозненны. В настоящей работе предпринята попытка систематизации и анализа этнографических данных по данному вопросу. Итак, целью статьи является определение функции коня и его образа в традиционной похоронной обрядности хакасов. Работа базируется на литературных источниках, авторских полевых, неопубликованных архивных и фольклорных материалах, в которых содержатся этнографические и лингвистические сведения по обозначенной теме.

Образы коня и мужчины в культуре хакасов

В прошлом конь выступал в качестве неотъемлемой составляющей бытия человека. Благодаря именно этому животному он с древнейших времен получил возможность преодолевать огромные расстояния за относительно короткий срок. На протяжении всей своей жизни конь практически всегда и везде сопровождал своего хозяина. Подобный процесс по традиционным верованиям многих тюрко-монгольских народов Евразии осуществлялся не только в мире земном, но и в потустороннем пространстве. Ввиду того что конь представлялся неотделимым спутником человека, немаловажная роль ему была отведена и в похоронной обрядности. Не стали исключением и хакасы. Известный ученый Н.Ф. Катанов, характеризуя значение коня в фольклоре и верованиях изучаемого народа, отмечал: «Конь богатыря – неразлучный спутник его и друг, как на земле, так и за могилой, в раю или аду. Это убеждение существует и в жизни, не в сказках. Минусинские тюрки (хакасы. – *Б.В.*) по смерти мужчины на могиле его убивают любимого его коня в том предположении, что конь и в будущей жизни будет служить своему хозяину» [3. С. 224].

В традиционной культуре хакасов конь был тесно связан с образом мужчины, конкретно с фигурой мужа-воителя и всадника, что обусловлено военно-историческими событиями прошлого, ярко проявившимся в древности и средневековье [4, 5]. Соответствующий двуединый образ получил свое яркое воплощение в известной народной поговорке «*Ир кізінің істінде изерліг ат чызаан*» – ‘Букв., внутри мужчины сдерживается оседланный конь’ [6. С. 349]. Добавим и то, что в народных приметах сна конь устойчиво ассоциируется с образом души мужчины [7. С. 178].

Образ мужского идеала – воина сосредоточен в традиционном хакасском воззрении о том, что настоящего мужчину смерть должна настигать в далеком и полном опасностей походе, а не в спокойной домашней обстановке и на мягкой кровати. Это убеждение нашло отражение в выражении «*Ир кізінің өлімі өргей ағас төзінде*» – ‘Букв., смерть мужчины находится под ветвистым деревом’ [6. С. 349], т.е. в поле и на открытом воздухе. Поэтому совершенно не случайны сюжеты в хакасском фольклоре о том, что смерть застает героя прямо в седле [8. С. 316]. В героических сказаниях народа одной из главных сюжетных линий является мысль о том, что наиболее предпочтительной и почетной для богатыря является гибель на поле брани. При этом в яростной и кровопролитной схватке с врагом, как правило, погибает не только сам воин, но и его преданный конь. В связи с этим в эпических произведениях весьма распространенной и типичной является констатация факта одновременной гибели витязей и их коней. Поэтому в финале ожесточенного сражения с неприятелем обычно предстает типичная картина:

«Тастыг сынның үстүнде
Аттың сөөгі
Ала тағ пол халған.
Алыптың сөөгі
Искер тағ пол халған.
Холлағларын төзене
Аран-чула аттар
Көп аңдарылып халған.
Холларын частана
Алып кізілер
Көп чатхлап халған»

‘[На] каменистого хребта [на самой] вершине
[Павших] коней тела
[В] пегую гору превратились.
[Павших] богатырей тела
Перед [ним стоящей] горой оказались.
Подпругами [своими] подстелившись
Богатырей [летящие] кони
[Во] множестве пав, лежали.
Подстеливши руки [свои],
[Павшие] богатыри
Во множестве лежат’
[9. С. 341–342] (перевод наш. – *Б.В.*)

«Хан Чачах ағар чааны тоозыбысхан,
Улуғ чааны тӱгедібіскен.
Аттың сӧӧгі ала тағ пол халған
Ирнің сӧӧгі игір тағ
Осхас пол халған»
[10. С. 304] (перевод наш. – *Б.В.*)

‘Хан Чачах кровавую войну закончила,
Великую войну [она] завершила.
[Павших] коней тела [теперь] пегой горой стали
[Павших] мужей тела [теперь] кривой горе
Уподобившись, стали’

«Ат сӧӧгі азыр хайа полыпча,
Ир сӧӧгі игір хайа полыпча.
Халых чонның ханы
Ағын суғ полып ағыпча»

‘[Павших] коней тела раздвоенной скале уподобились
[Павших] мужей тела кривой скале уподобились
Доброго народа кровь
Текущей реке [подобно] изливается’
[11. С. 65] (перевод наш. – *Б.В.*)

Согласно традиции после смерти воина в процессе его погребения конское седло обязательно разбивали. Данная норма запечатлелась в таком фразеологизме, как «*Изер хазы сынғанда*» – ‘Букв., лука седла сломалась (т.е. воин погиб)’ [6. С. 349]. Подобная ассоциация не случайна. Она находит свое подтверждение и в этнографии. Хакасы в процессе похорон мужчин непосредственно в гроб либо в саму могилу к их ногам обычно клали седло. Причем его размещали всегда в разломанном виде [8. С. 561; 12. С. 346; 13. С. 86; 14. С. 225 и др.]. В этой связи Р.С. Липец совершенно верно подметила факт того, что «порча вещей, как и убиение коня, является способом их перемещения в загробный мир» [15. С. 221]. Академик П.С. Паллас одним из первых дал объяснение рассмотренному обычаю хакасов. Исследователь писал, что «седло положено было мертвому промеж ног, дабы на том свете не вдруг на его сесть было можно» [16. С. 499]. Добавим, что семантическая взаимообусловленность образов седла и мужчины встречается и в других идиоматических выражениях хакасов. В частности, она выявляется в следующей пословице: «*Изер пазы ікі полҷаң, ирнің чооғы сын полҷаң*» – ‘У седла две луки, а у настоящего мужчины – слово одно (верное)’ [17. С. 118].

Конь составлял одну из главных ценностей в жизни воина. В знак глубокого уважения и почтения отдать своего коня дозволялось лишь названному брату – человеку, с которым тот побратался. Указанное правило представлено таким выражением, как «*Ат алызып мӱнерге*» – ‘Букв., ездить, обменявшись конями’. Вместе с тем жизнь мужчины-воителя в равной мере зависела не только от коня, но и от оружия, и от умения владеть им. В связи с чем ‘обмен стрелами’ (*ух орнас*) приравнивался к обмену конями, т.е. побратимству [6. С. 349].

Согласно традиции хакасы, активно использовавшие коней как транспортное и боевое средство, были обязаны обеспечить этим животным своих умерших, прежде всего – воинов. Этот обычай нередко распространялся на мужественных и сильных врагов. По неписаному воинскому кодексу чести погребение неприятеля, заслужившего уважение победителя, всегда сопровождали конем. Нередко это происходило путем его разрубания или иными способами. Обозначенная норма получила отражение в эпическом творчестве хакасов:

«Он ікі кӱннің пазында
Алып тӧреен Хатығ Молатты
Хыс кӱлӱгі Ай Хуҷын
Кӧдір киліп тастап парған:
Ас пилін азыра тепкен,
Арға, мойын сыы тепкен.
Алып кізіні ӧдірібізіп,
Аран-чула адын ойлатпаан,
Ачых тінінең тудып алған.
Ай чалбағы молатнаң
Чоон мойын алнынаң,
Ніске мойын тузынаң
Кизе саап тӱзірген:
– Аархы чирде чӧрчетсе, – тидір, –
Алып кізі Хатығ Молат
Аттаң чазағ чӧрбезін»

‘На исходе двенадцатого дня
Богатырем рожденного Хатыг Молата
Удалая дева Ай Хуучын
Поднявши, бросила:
В поясницу [ему] пнула,
Спину, шею переломила.
Богатыря убив,
[Его] богатырскому коню не дав ускакать,
[За] свободно [свисающую] узду схватила.
Месяцу подобный меч [свой]
[На] широкую шею спереди,
[На] узкую шею сзади
Разрубая-рассекая, опустила:
[В] той земле [когда] будет ходить, – говорит [она], –
Богатырь Хатыг Молат
[Без] коня, пешим [пусть] не ходит’
[9. С. 40] (перевод наш. – *Б.В.*)

«Хара чирдең хаап, ала пулут арали,
Алты-читі айландыр киліп,
Ас орхазын азыра тепкен.
Чир паары соолап халған,
Тигір тӧзі ыылап ирткен.
Ачиин тарта хысхырып,
Аарын тарта ӧстеп,
Азып-кичіп халған
Алып чабалы Хара Тас.

‘С черной земли [его] схватив, [в небе] среди пестрых облаков,
Шесть-семь [раз] повращав,
[В] поясницу [ему в] позвоночник пнул.
Лоно земли [тогда] зашумело,
Поднебесье [тотчас] загудело.
Горестный крик [он] издав,
Тяжелый стон, испустив [он],
Перескочил-перешёл [в иной мир]
Худший из богатырей Хара Тас.

Аба хара атты, хузуриинаң хаап,
Ӱс айландыра пулғап киліп,
Хара чирге наари сапхан
Артых төреен Алтын Тайчы.
Алтын Тайчы.
Иді теерізінең суура чачырап парған.
Холында халған теерізін
Хара Тастың ӱстӱне чаба тастаан:
“Азырхы чирде аттаң чазаң чӧрбе,
Адай табан Хара Тас!”»

[С] чёрной медвежьей [шерстью] коня [его], [за] хвост схватив,
Трижды вокруг прокрутив,
[Прямо о] черную землю ударил [его]
Лучшим [из лучших] рожденный,

[Коня] мясо [из] шкуры вылетев [вон] рассеялось.
[А, в] руке оставшуюся шкуру [его]
[На лежащего] Хара Таса [молвя] набросил:
‘В потустороннем мире [без] коня пешком не ходи,
Собачья пятка, Хара Тас!’
[18. С. 29–30] (перевод наш. – *Б.В.*)

В религиозно-мифологическом сознании хакасов элементы конского снаряжения не только отождествляются с обозначенным животным, но и даже могут ритуально замещать его. В число таких сакрально значимых предметов входит конская узда. Она, по народным верованиям, имеет непосредственное отношение к душе и жизненной силе ее владельца – мужчины. Существовала вера в то, что если во сне беременной женщине приснится факт получения или приобретения ею конской узды или сбруи, то это определенно предвещало рождение мальчика [19. Л. 13]. Хакасы полагают, что когда узда по случайности или преднамеренно попадает в чужие руки, то ее хозяин может лишиться «*талан*» – ‘удачи’ и даже умереть. В ситуации, когда тот или иной мужчина заболевал, посторонним людям категорически запрещалось притрагиваться к узде его лошади. Этот предмет фигурировал в предпохоронной обрядности, направленной на облегчение страданий человека во время предсмертных мук. Сам ритуал совершался в юрте после захода солнца. Знающий человек (мужчина) брал конскую узду и с пожеланием скорейшего разрешения участи страдальца трижды бросал ее вверх в дымовое отверстие юрты (*тӱнӱк*). После чего ее размещали в западной части юрты [20]. Очевидно, что магическая манипуляция с уздой – символической заменой коня – моделировала ситуацию скорейшего перехода души умирающего мужчины в образе обозначенного животного через дымоход юрты в иной мир. Отождествление конского снаряжения, в частности сбруи, с указанным животным и душой его хозяина в прошлом было распространено и среди калмыков. Реликты указанных представлений выявляются в похоронном ритуале, когда сбрую словно покойника выносили из юрты/кибитки сквозь разобранную часть решетки [21. С. 276].

Конь в погребальном ритуале

Коню отводилась важная роль в погребально-поминальной обрядности хакасов, связанной с похоронами мужчин. Его функции определялись как рациональными, так и иррациональными основаниями. Обозначенное животное, выделяющееся своими габаритами, наряду с остальным домашним скотом выступало в качестве важного источника мясной пищи. Вместе с тем конина имела высокую востребованность в процессе пиршеств, приуроченных к определенным событиям. Так, она являлась наиболее предпочтительным видом мяса на похоронах и в поминальной тризне. В связи с чем еще в конце XVIII в. П.С. Паллас, описывая похороны хакаса, отмечал, что «убивают на поминки его (хозяина. – *Б.В.*) любимую лошадь. Через неделю поминают еще, убив одного жеребца и кобылу» [16. С. 499–500]. Несколько десятилетий спустя схожую картину наблюдал и Г.И. Спасский, писавший, что «подобное сему обыкновение наблюдается и при обыкновенных в землю похоронах. Но при мужских телах <…> сверх того убивают лошадь любимую. По прошествии семи дней, если позволяет состояние усопшего, убивают еще над самою могилою лошадь в жертву ему» [22. С. 19]. Традиция употребления конины в качестве ритуальной пищи, наряду с мясом других домашних животных, устойчиво сохранялась и в последующее время, о чем неоднократно сообщали исследователи XIX в. [23. С. 629–630; 24. С. 40]. Она прочно укоренилась в религиозно-мифологическом сознании народа и проявлялась в устоявшихся приметах сна. Так, хакасы были убеждены, что «если во сне варить конское мясо, то умрет человек» [8. С. 463].

Факт преимущественного потребления конины в похоронно-поминальном цикле хакасов был запечатлен и в фольклоре. В качестве примера приведем соответствующий отрывок из героического сказания: «Вытесав твердое дерево, он сделал золотой ящик (гроб, обитый золотом). Положив туда свою мать, он забил ящик и отнес его туда же, где положены кости отца его Алтын Кана; он повесил гроб на ту же железную лиственницу. Этот Алтын Тас крикнул трижды: “Заколите весь табун, управляемый серым жеребцом, и, искрошив его на мелкие куски, сделайте пир! Соберите весь табун, управляемый гнедым жеребцом, и, искрошив его на малые куски, устраивайте пир!” Подданный народ, заколовши скот и сварив мясо, устроил пир» [8. С. 326–327].

В традиционном мировоззрении похороны относятся к обрядам перехода, что обусловлено изменением бытийного статуса человека. Он окончательно и безвозвратно переступает грань жизни и переходит в иной мир. Со смертью мужчины меняется не только статус членов его семьи, в частности жены, но и любимого ездового коня. Произошедшие перемены выражаются в том, что за этим животным сразу же после кончины хозяина закрепляется особая номинация – *хойлаға*. Отметим, что и вдову в период траура хакасы обозначают специальным термином – *тул* или *тул ипчі* [17. С. 674]. Добавим и то, что некоторые тюрки, в частности казахи, используют указанное слово еще и для наименования коня умершего мужчины – «*тул ат*», т.е. «без хозяина» [25. С. 276].

Траурный статус коня и супруги умершего выделялся еще и внешними маркерами. Гриву и хвост животного обязательно заплетали в косы и вплетали туда цветные ленты – *чалама* [1. С. 56; 8. С. 354]. При этом чаще употреблялись ленточки следующих цветов: красный, белый, голубой и черный. По объяснению хакасов, именно благодаря наличию *чалама* покойник безошибочно узнавал своего коня в загробном мире [26. Л. 7–12]. Обратим внимание на то, что обычай специального оформления гривы и хвоста *хойлаға* имеет глубокие исторические корни и был запечатлен в древних среднеенисейских петроглифах [27. С. 147–151]. Добавим и то, что само плетение кос коню всегда делалось посолонь, что полностью соответствовало способу плетения волос вдовы. Помимо того, некоторые элементы конского снаряжения, такие как седло и чепрак, располагали на коне не как обычно, а задом наперед [1. С. 56; 8. С. 354]. Обозначенная традиция, как известно, основывается на представлении о том, что потусторонний мир зеркально отображает мир земной. В связи с чем все вещи и их соответствующее расположение в обозначенном пространстве получают обратную характеристику: сломанное становится целым, левое делается правым и т.д.

Роль коня в похоронной обрядности хакасов, как и многих других тюркско-монгольских народов Евразии, определялась преимущественно утилитарными потребностями. Конь в похоронном обряде выполнял функции ездового животного, переносящего покойника к месту погребения, а после принесения в качестве жертвы душа его должна была сопровождать душу умершего хозяина в загробный мир и служить ему на новом месте. С этой целью коня в день смерти его хозяина привязывали перед дверьми юрты, где он должен был находиться неотлучно. Р.С. Липец, анализируя этот обычай у тюрко-монгольских народов, справедливо замечает, что «“смертному коню” вместе с его хозяином предстоял, по традиционным представлениям, долгий путь. Поэтому полностью снаряженный конь и стоял иногда сутками до похорон около юрты умершего, как бы подготовленный в дальнюю дорогу» [28. С. 215]. У хакасов само траурное стояние указанного животного – *тулланғаны* могло варьироваться от двух до семи дней [1. С. 56; 8. С. 354]. В народе верили, что душа покойного в это время могла активно на нем ездить. Старики-хакасы по этому поводу сообщали: «Конь стоит под седлом. За одну ночь он покрывается потом и пеной, как будто на нем всю ночь кто-то ездил (Чаптыков Григорий Иванович, 85 лет, с. Чаптыково)» [29. Л. 42]; «После смерти хозяина коня привязывали. Если конь потеет, значит, хозяин ездит» (Коков Дмитрий Иванович, 1897 г.р., с. Трошкино)» [30. Л. 30].

К моменту выноса тела покойного поперек двери располагали коня, запряженного летом в телегу, а зимой в сани. Для этого задействовали не *хойлаға*, а другого коня. Гроб погружали в повозку. После чего проводили обряд *ибіріг/хурайлаады* – круговой обход вокруг умершего. Отметим, что во время похорон он совершался два раза – дома и у могилы. Его основная цель состояла в магической защите живых людей, участвующих в этом мероприятии, от негативного мистического воздействия мертвеца. Верили в то, что покойник априори обладает вредоносной сущностью. Чрезвычайно опасались того, что он может захватить с собой в загробный мир кого-либо из живых людей (их души) либо забрать их счастье или удачу. Поэтому посредством обряда старались отделить его от мира живых и максимально дистанцироваться от него. Н.Ф. Катанов, описывая этот обряд, отмечал: «Какая-нибудь старуха наливает в чашку, находясь еще в юрте, молоко и закрывает чашку чем-нибудь белым. Вынеся молоко, старуха та говорит: “Да не уйдёт вместе с ним наше счастье!”. Затем она, говоря: “куруй! куруй!” (спаси! спаси!), трижды обходить коня с покойником и плещет молоком. Обхождение ее происходит против течения солнца. Принеся молоко в юрту, прибирает его, а чашку закрывает тем же белым» [8. С. 354].

Завершение обряда *ибіріг/хурайлаады* в домашнем пространстве, где жил человек, становилось не только отправной точкой его пути к месту погребения, но и знаменовало его далекое путешествие в инобытие, как было отмечено выше, где ключевую роль выполнял конь. Обратим внимание на то, что к концу XIX в. *хойлаға* обычно не задействовали в процесс непосредственной транспортировки тела умершего на кладбище. Данный факт, по всей видимости, указывает на определенные изменения, произошедшие в рассматриваемом процессе. К указанному времени хакасы повсеместно использовали более удобный способ доставки покойного к месту погребения – в повозке, при этом используя другого коня. Вместе с тем археолого-этнографические исследования В.П. Дьяконовой убедительно показали, что в прошлом тувинцы, как и другие народы Южной Сибири, практиковали различные методы перемещения умерших на коне, в том числе и верхом в седле [31. С. 54–55]. Поэтому имеются основания полагать, что в более ранний период своей истории хакасы могли применять верховой способ доставки покойного к месту погребения. Для этой цели использовали именно *хойлаға*. Об этом косвенно может свидетельствовать то обстоятельство, что в представлениях хакасов шуба умершего, привязанная к задним торокам седла ритуального коня, исполняла функцию «заместителя хозяина» [1. С. 56].

По традиционным воззрениям, для того чтобы душа покойного благополучно перешла в потусторонний мир, в процессе похоронной обрядности необходимо было соблюдать ряд норм и правил в отношении усопшего. В немалой степени это касалось и требований по доставке его тела к месту захоронения и обязательному проведению магических манипуляций с конем. Так, например, гроб располагали в повозке всегда ногами к коню, чтобы, как считают верующие, душа умершего не вернулась домой. Вопросами же перемещения умершего на кладбище занимались исключительно только мужчины. В саму погребальную повозку никому из людей не разрешалось садиться. Человек, управлявший ею, всегда садился только верхом на коня. И все сопровождающие ехали соответствующим образом, восседая на конях, включая и *хойлаға*. Прибыв к месту назначения, выкапывали

могилу, обычно ориентированную с запада на восток. Затем к гробу подводили обозначенного коня и совершали магический акт его передачи покойному. Н.Ф. Катанов описал это сакральное действо следующим образом: «Снявши кости (прах) покойника с телеги (или саней), кладут его на землю головою на запад, а ногами на восток. Так кладут покойника и в могилу. Затем приводят давешнего оседланного коня (*хойлаға*. – *Б.В.*) и, говоря: “Возьми своего коня!”, – бросают повод того коня на покойника, (именно) на левую его руку. На том свете левая рука станет правою. Повод бросают три раза. Бросает тот человек, который приехал на этом коне» [8. С. 355]. После чего участники ритуала совершали троекратный обход против часовой стрелки вокруг могилы (вместе с гробом и конем). По завершению обозначенных ритуальных действий приступали к непосредственному погребению тела.

В этнографических материалах встречается описание двух вариантов дальнейших действий в отношении *хойлаға*. Во многом они определялись этнолокальными традициями проведения похоронной обрядности у хакасов. В этой связи вызывают большой интерес личные наблюдения этого явления некоторыми исследователями XIX в. Приведем их: «При похоронах богатого, поставив гроб в могилу, сейчас же колют его любимую лошадь, бросают ее сверху гроба вместе с седлом и со всеми принадлежностями и закидывают землею; иногда же, вместо того, чтобы колоть лошадь, отпускают ее на все четыре стороны» [23. С. 630]; «В прежнее время часто, а теперь все реже и реже любимый конь хозяина привязывается на могиле, обводится несколько раз около нее и жертвуется покойнику (“этому коню не жить: сохнет, сохнет и пропадет”), затем с него снимается узда и он отпускается на волю» [32. С. 86–87]. Как видно из представленного материала, в культуре хакасов были распространены различные варианты практик в отношении *хойлаға*. В одном случае коня сразу же убивали в процессе похорон хозяина. В другом – отпускали на свободу, но на определенный срок. При этом полагали, что животное после смерти своего хозяина проживет недолго. Это объяснялось их тесной мистической взаимосвязью друг с другом.

К концу XIX в. сопогребение человека с «целым» конем среди хакасов встречалось не так часто. Все же более распространенной была практика, направленная на разделения туши *хойлаға* по суставам и дальнейшее использование полученного мяса в поминальной тризне. Во время этого процесса кости запрещалось ломать. По завершению приема пищи их тщательно собирали и складывали у могилы [8. С. 355]. Верили, что соблюдение этого правила будет способствовать тому, что в загробном мире это животное беспрепятственно возродиться и будет служить своему хозяину. Обратим внимание на то, что в традиционных представлениях сам акт поедания мяса *хойлаға* участниками похорон имел не только сугубо практическое (пищевое), но и глубоко символическое и обрядовое значение. В религиозно-мифологическом сознании ритуальное поглощение конины было равнозначно отправлению этого животного в мир мертвых. Полагали, что там все его элементы тела будут воссоединены [28. С. 214].

Общеизвестным и широко распространенным среди хакасов обрядовым действом в отношении *хойлаға* было его заклание в период последующего поминального цикла. Отпущенный на свободу конь приносился в жертву своему хозяину в седьмой, а чаще в сороковой день после его смерти. Согласно религиозным воззрениям народа именно в сороковой день душа покойного окончательно переходит в потусторонний мир. К этому же времени обычно приурочивали изготовление *частаңмай* или *иб/эп* – домика на могиле. На его крыше нередко устанавливали изображение коня либо его головы. Сам ритуал, совершаемый в обозначенный поминальный день, по своей структуре и смыслу был идентичен уже рассмотренному обряду вручения коня умершему в момент его погребения. Разница состояла лишь в том, что в последнем случае повод трижды бросали не прямо в руки покойника, а на могилу. По завершению всех предварительных церемоний *хойлаға* умерщвляли путем удушения либо убивали посредством удара ножом в затылок. После чего снимали шкуру и приступали к разделыванию туши и приготовлению мяса к трапезе. Следует отметить, что среди хакасов встречались и иные способы манипуляций с омертвленным телом *хойлаға*. По материалам М.С. Усмановой, в аале Чаптыков устраивали специальный помост, устроенный на четырех столбах, куда целиком водружали жертвенного коня [29. Л. 42].

В этнографической литературе представлены описания различных вариантов последующих действий в отношении шкуры ритуального коня, называемой *сӱнет* [17. С. 530], и его головы – *пас*. Исследователи представили сведения о том, что шкуру *хойлаға* некоторые хакасы захоранивали вместе с хозяином, другие же – вешали на дерево, растущее вблизи могилы, а голову (череп) вместе с уздою также могли размещать на дереве либо насаживали на специальный деревянный столбик/кол – *ӧрген* или надмогильный крест [16. С. 499; 22. С. 19; 30. Л. 30; 32. С. 87; 33. С. 31; 34. С. 379]. Обратим внимание на то, что в изложенных этнографических материалах совершенно не случайно упоминаются столбик, палка или колышек, размещенные у могилы. В хакасской традиции это деревянное изделие, нередко еще и в форме развилки, в процессе похорон устанавливали в головной части погребального сооружения. В религиозно-мифологи-ческом сознании оно отождествлялось с временным обиталищем души умершего человека [35. Л. 21]. Таким образом, можно предположить, что размещение конского черепа – вместилища жизненной субстанции животного на обозначенный предмет символизировало собой акт окончательного воссоединения душ умершего человека и его коня, после которого их ожидал неизбежный и длительный путь в загробный мир.

Совершенно иное описание данного этнокультурного явления представил В.Я. Бутанаев. Согласно этнографическим материалам ученого, на сороковой день поминок шкуру *хойлаға* отделяли вместе с головой, конечностями и хвостом. При этом нижнюю че-

люсть убирали, так как полагали, что иначе на том свете хозяину будет сложно управлять конем. Хвост и грива оставались заплетенными вместе с лентами *чалама*. У могилы со стороны ног сооружали *чахы* – специальное деревянное устройство для размещения шкуры ритуального животного. Ее располагали так, чтобы голова смотрела на запад и в проекции создавался эффект бегущего в небеса скакуна [1. С. 56]. Схожие сведения со слов информанта записала и М.С. Усманова: «Когда умирал шаман, то для него на 40-й дней привязывали коня (в другие поминальные дни тоже). Хойлага – это я видел. Любимую лошадь шамана поднимали на дулво (деревянный шест. – *Б.В.*). Видел я в 1930-х годах. В Трошкино налево от горки, где сейчас расположено кладбище, висел бурый конь – целиком шкура и ноги (Топанов Николай Фёдорович, 1912, пос. Шигарка)» [36. Л. 32–33].

Некоторые расхождения в этнографических описаниях рассматриваемого явления могут быть объяснены этнолокальными особенностями ритуальной практики хакасов. Отметим и то, что подобная специфика также выявляется и в манипуляциях с костями *хойлаға*. В одних местах их просто складывали у могилы [8. С. 356], в других же, преимущественно в сороковой день поминовения, обычно сжигали [12. С. 346; 13. С. 87; 22. С. 20; 37. С. 55].

Обрядность, связанная с *хойлаға*, имела не только локальные особенности, но со временем подвергалась кардинальной трансформации и редукции. Уже к концу XIX в. среди хакасов фиксировались факты подобных изменений в указанной сфере. Они выражались в том, что реальное жертвоприношение коня заменялось символическим. Животному сохраняли жизнь и по завершению похорон передавали его ближайшим родственникам. Соответствующим образом поступали и с конским снаряжением. Н.Ф. Катанов по этому поводу писал: «Если есть у него (умершего. – *Б.В.*) родня, то седло коня, на котором умерший любил ездить, отдается родне. В противном случае седло кладется рядом с гробом. Коня берет человек, устраивающий поминки» [38. С. 16]. Ритуал непосредственной передачи *хойлаға* покойному также проходил в упрощенной форме: «Перед тем как опустить гроб в могилу, один из ближайших родственников (отец, сын или брат) подводит к гробу коня, на котором ездил умерший и три раза ударяет с правой стороны гроба и говорит: “Ты уходишь в истинный мир!”. Этого коня уводит назад тот же, кто приводил его на кладбище» [38. С. 16–17]. Изменение традиции, связанной с обязательным умерщвлением *хойлаға*, неоднократно отмечалось и М.С. Усмановой в ходе ее этнографических экспедиций. Приведем некоторые ее полевые материалы: «Коня, принадлежавшего покойному, не убивали. Оставляли себе. Можно было продать. Мы называем лошадь ат, а раньше говорили хойлага ат (Сунчугашев Ананий Адаякович, с. Верх-Аскиз)» [29. Л. 71]; «Лошадь умершего отпускали. Куда придет (на чей двор), тот становился ее хозяином. Если приходила обратно, то ее брал старший сын умершего. Еще в древности эту лошадь сжигали на погребальном костре живую (Аршанов Александр Максимович, 1916 г.р., с. Аршаново)» [39. Л. 4].

Конь и его хозяин в потустороннем мире

В традиционном мировоззрении хакасов была развита повествовательная традиция об инобытие. Полагали, что тот свет мог быть доступен практически каждому человеку. Отметим, что здесь речь идет не об окончательной и неминуемой физической смерти каждого из людей, а о вере в возможность преждевременных и кратких визитах некоторых из них в загробный мир. Согласно традиционным представлениям хакасов человек мог попасть туда во время сна, в процессе тяжелой болезни и некоторых других случаях. Вместе с тем главными специалистами в этом деле и основными трансляторами знаний об этом явлении все же были шаманы. Они посредством своих мистических практик постоянно взаимодействовали с потусторонним миром и его обитателями. В результате чего в хакасском фольклоре получили широкое распространение подобного рода истории [40. С. 30–44]. В них нередко встречаются и описания жизни животных на том свете, в том числе и коня. Такие повествования, как правило, носили дидактический характер и были связаны с идеей посмертного воздаяния за совершенные при жизни поступки. Они оказывали большое психологическое влияние на человека и способствовали формированию его ценностных ориентиров в обществе. Посредством соответствующих нравоучительных сказаний в сознании верующих формировалась четкая грань при определении таких основополагающих понятий, как добро и зло, благое и неблагое, достойное и постыдное, дозволенное и запрещенное и т.д.

Ключевая мысль в историях о посещении тем или иным лицом загробного мира не сводилась лишь к культивированию строгого соблюдения традиционных духовно-нравственных устоев общества. Немаловажным было и формирование достойного отношения человека к труду, к правильному ведению хозяйства на земле. Согласно традиционным нормам хозяйственная деятельность каждого человека должна быть рачительной и умелой, а отношение к животным должно быть гуманным. При этом заметим, что занятие коневодством было одним из самых приоритетных отраслей в хозяйстве хакасов. Поэтому вполне закономерным является то, что образ коня получил широкое распространение в обозначенных нравоучительных повествованиях. Так, например, согласно одному из текстов, в своих странствиях по иному миру визионер наблюдает песчано-каменистую равнину, в которой ограничены водные и растительные ресурсы, где находится на выпасе конь. Вопреки суровым условиям, он выглядит сильным и упитанным. В некотором отдалении от него виднеется заливной луг с богатой растительностью. Несмотря на благодатные условия, там обнаруживается хилый и изможденный конь. Выясняется, что упитанный конь в пустынной местности служит ярким примером того, что хороший хозяйственник и в столь неблагоприятных условиях может хорошо и достойно содержать свое животное. Тощий конь выступает в качестве назидания для нерадивых и ленивых хозяев, которые не уделяют

должного внимания своему хозяйству [8. С. 508–510; 41. С. 177–178].

В представлениях хакасов человек нес полную ответственность за жизнь своих домашних животных. Их преждевременная смерть, случившаяся по вине хозяина, на том свете могла иметь негативные последствия для него самого. Человека неотвратимо ожидало наказание за данный проступок. В этой связи вызывает интерес следующее повествование от лица самого рассказчика, якобы побывавшего в ином мире: «Ко мне подошла моя рыжая кобылица, которая давно умерла. В это же время прибежала моя собака, тоже давным-давно умершая. Я вел эту кобылицу за повод. Они шли со мной. Тут же мне на встречу подъехал Чистанов Афонька, давно умерший. Он вел за повод рыжего коня. Остановившись, он стал здороваться и разговаривать <...> [Он сказал, что] “за эту рыжую кобылу и собаку тебя будут судить на том свете. Этот рыжий конь, на котором я сижу, скоро умрет, его узда уже у меня”» [42. Л. 21, 24]. Далее в тексте раскрывается предыстория случившегося: «[При жизни] моя лошадь перепрыгнула через канаву и упала в холодную воду. После чего она простыла. У нее образовалась опухоль на плечах. Я разрезал эту опухоль на плечах (тогда так лечили). Но лошадь, имея такие раны при наступлении морозов не выдержала, умерла. У моей собаки было девять щенят, ее плохо кормили, и она со щенятами вместе умерла» [42. Л. 24].

В религиозно-мифологическом сознании хакасов загробный мир, возглавляемый Эрлик-ханом (Ирлик-хан, Ильхан), отождествлялся с местом, где испытывают страдания за свои прегрешения не только люди, но и кони. Среди конских «пороков» чаще называется норовистость, леность и прочее. В текстах шаманского фольклора от лица владыки нижнего мира ведется пояснение того, за что понесло наказание животное: «На дороге вы видели худую лошадь, стоящую у овса. Лошадь не может достать овса. На земле она была у хорошего хозяина. Хозяин хорошо кормил ее, но она не работала никогда, была очень хитрая, уросливая. Ничего не возила, да еще лягалась, кусала хозяина. Вот почему она несет такое наказание» [42. Л. 9]. Добавим и то, что в свою очередь конь за хороший труд в своей земной жизни в царстве Эрлик-хана получал вознаграждение в виде благоприятных условий жизни и обилия пищи: «Ты видел исправную лошадь, которая стоит на овсе. На земле, когда она сильно работала, не жалела сил. Вот почему она заслужила такого почтения в нашем царстве» [42. Л. 9].

Тема посмертной судьбы человека и его коня встречается и в эпическом творчестве хакасов. В нем красочно и образно показано наказание нерадивого и жестокосердного богатыря, державшего своего коня впроголодь. Приведем отрывок одного из таких богатырских сказаний:

Так, однажды проезжая
Берегами здешней речки,
Наши путники видали
Лошадь дряхлую, худую.
Сухопарая хребтина
У нее была похожа
На телячью шкуру, сверху
Покрывающую палку.
В роднике, что тек с журчаньем,
Человек лежал недвижно,
И вода текла свободно
Сквозь его загорбок тощий.
– О, сестрица Хызыл Тюльгю,
Что такое означает
Это странное виденье?
Богатырша отвечает:
– В роднике душа алыпа [богатыря].
Был алып болтлив при жизни,
Разливал слова, как воду,
И за это он наказан.
Видишь, кара очень сходна
С поведением алыпа.
Своего коня при жизни
Не кормил он, и осталась
Тень коня такой же тощей.
[43. С. 47]

В эпосе конь нередко умнее и сильнее своего хозяина. Он часто выступает в качестве истового хранителя традиционных норм общества. Усердно следит за соблюдением заповедей и предписаний, данных людям высшими силами, в том числе и того, что касается вопросов брака. За их нарушение жестоко карает, вплоть до того, что лишает жизни виновников. Вместе с тем он же и вызволяет из мира мертвых своего хозяина, преждевременно туда попавшего [44. С. 290].

Итак, несмотря на то, что фольклор априори обладает такими чертами, как мифологичность и гиперболизм, в нем нашли яркое отображение архаические представления и ритуальные практики, связанные с конем. При этом многие сведения, взятые из фольклора, обладают большой исторической достоверностью и отражают этнографические реалии.

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре хакасов коню и его образу отводилось важное место. Данный факт способствовал тому, что указанное животное было включено в традиционную похоронную обрядность народа. Практика сопогребения с конем основывается на представлении о существовании жизни после смерти, т.е. на воззрениях об инобытие. Ввиду того, что конь был тесно связан с архетипическим образом мужчины-воина, погребение с ним было наиболее церемониальным из всех известных способов захоронения. Его удостаивались лишь только мужчины.

Использование коня в похоронах в своей основе имело прагматические цели. Конина выступала в качестве наиболее предпочтительного мяса, которое наделяли ритуальной значимостью, была востребована в поминальной тризне как для самих живых, так и для умершего. Помимо питания, для далекого путешествия в потустороннее пространство требовалось и средство передвижения. Поэтому роль коня на том свете определялась его естественной функцией транспортного животного – *хойлаға*. Успешность перехода умершего в иной мир зависела от последовательности и правильности отправления похоронной обрядности, включающей обеспечение его всем необходимым, в том числе и конским снаряжением, правилами транспортировки тела и т.д.

С течением времени, в силу объективных исторических причин, ритуал обязательного умерщвления ритуального коня – *хойлаға* стал трансформироваться,

и поэтому многие хакасы стали практиковать символическое отправление коня покойному.

Функциональность коня в похоронной обрядности получила отражение в фольклоре. В нем в реликтовой форме представлены уже забываемые архаичные сакральные представления и обряды народа. В связи с чем фольклорные материалы выступают в качестве важнейшего источника для этнографических исследований, в том числе такой сферы, как погребение с конем.

Список источников

1. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан : Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
2. Бурнаков В.А. Традиционные представления хакасов о ызыхах // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 111–121.
3. Катанов Н.Ф. Сказания и легенды Минусинских татар // Сибирский сборник. 1887. Т. 25. С. 218–234.
4. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М. : Наука, 1993. 528 с.
5. Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). Абакан : Изд-во ХГУ, 2008. 672 с.
6. Тотышева С.С. Традиционная культура хакасов во фразеологии // Дефиниции культуры : сб. трудов участников Всероссийского семинара молодых ученых. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 346–351.
7. Бурнаков В.А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 197 с.
8. Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. СПб. : Имп. Акад. наук, 1907. 640 с. (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым. Ч. 9).
9. Ай Хуучын // Алтын Арығ. Алыптығ нымах (Богатырские сказания) (на хак. яз.). Абакан : Хак. кн. изд-во, 1958. С. 318–420.
10. Кӱмӱс ханаттығ кӧк пора аттығ Кӱн Төңіс (Кюн Тёнис, ездящий на сиво-сером коне с серебряными крыльями) // Алтын Арығ. Алыптығ нымах (Богатырские сказания) (на хак. яз.). Абакан : Хак. кн. изд-во, 1958. С. 223–317.
11. Ах Хан на бело-буланом коне. Ах пора аттығ алып Ах Хан. Богатырское сказание, записанное от С.И. Шулбаева на хак. яз. Абакан : Хак. кн. изд-во, 2007. 276 с.
12. Островских П.Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. 1895. Вып. 3–4. С. 297–348.
13. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Минусинск : Тип. В.И. Корнакова, 1900. Вып. 4. 212 с.
14. Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М. : Наука, 1989. 752 с.
15. Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М. : Наука, 1984. 264 с.
16. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1788. Ч. 3. 624 с.
17. Хакасско-русский словарь. Новосибирск : Наука, 2006. 1114 с.
18. Алтын Тайчы. Алыптығ нымах (Богатырское сказание на хак. яз.). Абакан : ХО Красноярск. кн. кн. изд-ва, 1973. 148 с.
19. АМАЭ. Ф. 5. Оп. 6. Д. 18 «Тенешев Н.С. Религиозные обряды и обычаи сагайцев и шорцев, связанные с рождением и воспитанием детей. 12 мая 1954 г.». 30 л.
20. Полевые материалы автора. 2005. Бурнакова Людмила Андреевна, 1957 г.р., с. Отты Аскизского р-на Республики Хакасия.
21. Бакаева Э.П. Похоронно-погребальная обрядность // Калмыки. Серия «Народы и культуры». М. : Наука, 2010. 586 с.
22. Спасский Г.И. Народы, кочующие вверху реки Енисей // Сибирский вестник. 1818. Ч. 1. С. 1–25.
23. Каратанов И. Черты внешнего быта качинских татар // Известия Императорского русского географического общества. СПб., 1884. Т. 20, вып. 6. С. 618–645.
24. Кропоткин А.А. Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия. Т. 12, ч. 1: Восточные окраины России. Восточная Сибирь. СПб. ; М. : Изд. Тов-ва М.О. Вольф, 1895. С. 19–50.
25. Кенжеахметулы С. Традиции и обряды казахского народа. Алматы : ТОО Алматыкітап, 2007. 284 с.
26. Архив Музея археологии и этнографии Томского государственного университета им. В.М. Флоринского (АМАЭС ТГУ). № 680-1 «Этнографическая экспедиция. Хакасия. Сагайцы. Лето 1974 г.». 25 февраля 1977. 20 л.
27. Советова О.С. Кони с оригинальными хвостами на скалах Енисея // Степи Евразии в древности и средневековье. Кн. II. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 147–151.
28. Липец Р.С. Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. М. : Наука, 1982. С. 212–236.
29. АМАЭС ТГУ. № 682-5 «Отчет об экспедиции в Таштыпский и Усть-Абаканский районы Хакасской области в июле-августе 1975 года. 78 л.
30. АМАЭС ТГУ № 677-4 а «Этнографическая экспедиция в Хакасию 1972 г. Тетрадь № 4». 41 л.
31. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л. : Наука, 1975. 163 с.
32. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Вып. 4. Минусинск : Тип. В.И. Корнакова, 1900. 212 с.
33. Спасский Г.И. Народы, кочующие вверху реки Енисей // Сибирский вестник. 1818. Ч. 2. С. 26–56.
34. Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири в 1838–1844, 1845–1849 гг. // Магазин землевладения и путешествий. Географический сборник Николая Фролова. М. : Тип-я Александра Семена, 1860. Т. VI, ч. 2. 495 с.
35. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера). Ф. 5. Оп. 6. Д. 20. «Тенешев Н.С. Хакасские легенды, 1956 г.» 50 л.
36. АМАЭС ТГУ. № 818-2 «Копии дневников экспедиции Томского государственного университета, август 1977 г. Полевой дневник № 1». 34 л.
37. Костров Н.А. Качинские татары. Казань, 1852. 66 с.
38. Катанов Н.Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен Центральной и Восточной Азии. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1894. 34 с.
39. АМАЭС ТГУ. Ф. № 682–3 «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию. Июль-август 1976 г.». 78 л.
40. Бурнаков В.А. Традиционные представления хакасов о Нижнем мире (кон. XIX – сер. XX вв.) // Религиоведение. 2014. № 2. С. 30–44.
41. Орфеев Н.Н. Место обитания душ умерших людей, подземное царство, духи, управляющие им, по сказаниям минусинских инородцев // Енисейские епархиальные ведомости. 1887. № 15–16. С. 177–178.
42. АХКМ. Тенешев Н.С. Ӱзӱт чир (царство мертвых) по верованиям сагайцев. Июнь 1957 г. 29 л.
43. Красная Лисица. Сказание. Абакан : Хак. кн. изд-во, 1960. 74 с.
44. Майнагашев С.Д. Загробная жизнь по представлению турецких племён Минусинского края // Живая старина. 1916. Т. XXIV, вып. 3. С. 277–292.

References

1. Butanaev, V.Ya. (2003) *Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya* [Burkhanism of the Turks of the Altai-Sayan region]. Abakan: Khakas State University.
2. Burnakov, V.A. (2010) Traditsionnye predstavleniya khakasov o yzykhakh [Traditional ideas of the Khakas about yzykhs]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 2 (42). pp. 111–121.
3. Katanov, N.F. (1887) Skazaniya i legendy Minusinskikh tatar [Tales and legends of the Minusinsk Tatars]. *Sibirskiy sbornik.* 25. pp. 218–234.
4. Kyzlasov, L.R. (ed.) (1993) *Istoriya Khakasii s drevneyshikh vremen do 1917 g.* [History of Khakassia from ancient times to 1917]. Moscow: Nauka.
5. Anon. (2008) *Ocherki istorii Khakasii (s drevneyshikh vremen do sovremennosti)* [Essays on the history of Khakassia (from ancient times to the present)]. Abakan: Khakass State University.
6. Totysheva, S.S. (2007) [Traditional culture of the Khakas in phraseology]. *Definitsii kul'tury* [Definitions of culture]. Proceedings of the All-Russian Seminar of Young Scholars. Tomsk: Tomsk State University. pp. 346–351. (In Russian).
7. Burnakov, V.A. (2006) *Dukhi Srednego mira v traditsionnom mirovozzrenii khakasov* [Spirits of the Middle World in the traditional worldview of the Khakas]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
8. Katanov, N.F. (1907) *Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov* [Dialects of Uriankhians (Soyots), Abakan Tatars and Karagas]. Vol. 9. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
9. Anon. (1958) Ai Khuuchyn. In: *Bogatyr legends*. Abakan: Khak. kn. izd-vo, 1958. pp. 318–420. (In Khakas).
10. Anon. (1958) Kyun Tönis riding a gray-gray horse with silver wings. In: Bogatyr legends. Abakan: Khak. kn. izd-vo. pp. 223–317. (In Khakas).
11. Shulbaev, S.I. (2007) *Ah Khan on a white-bulan horse. A bogatyr legend, recorded from S.I. Shulbaev*. Abakan: Khak. kn. Izd-vo. (In Khakas).
12. Ostrovskikh, P.E. (1895) Etnograficheskie zametki o tyurkakh Minusinskogo kraya [Ethnographic notes about the Turks of the Minusinsk region]. *Zhivaya starina*. 3–4. pp. 297–348.
13. Yakovlev, E.K. (1900) *Etnograficheskiy obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i Ob"yasnitel'nyy katalog Etnograficheskogo otdela muzeya. Opisanie Minusinskogo muzeya* [Ethnographic review of the foreign population of the Southern Yenisei valley and Explanatory Catalog of the Ethnographic Department of the Museum. Description of the Minusinsk Museum]. Vol. 4. Minusinsk: Tip. V.I. Kornakova.
14. Radlov, V.V. (1989) *Iz Sibiri. Stranitsy dnevnika* [From Siberia. Diary pages]. Moscow: Nauka.
15. Lipets, R.S. (1984) *Obrazy batyra i ego konya v tyurko-mongol'skom epose* [Images of the batyr and his horse in the Turkic-Mongol epic]. Moscow: Nauka.
16. Pallas, P.S. (1788) *Puteshestvie po raznym mestam Rossiyskogo gosudarstva* [A Journey to different places of the Russian state]. Part 3. Saint Petersburg.
17. Subrakova, O.V. (ed.) (2006) *Khakassko-russkiy slovar'* [Khakas-Russian dictionary]. Novosibirsk: Nauka.
18. Anon. (1973) *Altyn Taigy. Alyptyg nymakh* [Bogatyr legend]. Abakan: KhO Krasnoyarsk. kn. kn. izd-va. (In Khakas).
19. Archive of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS (Kunstkamera). Fund 5. List 6. File 18 *"Teneshev N.S. Religioznye obryady i obychai sagaytsev i shortsev, svyazannye s rozhdeniem i vospitaniem detey. 12 maya 1954 g.". 30 l.* [Teneshev N.S. Religious rites and customs of the Sagais and Shors associated with the birth and upbringing of children. May 12, 1954. 30 p.].
20. Field materials of the author. (2005) *Burnakova Lyudmila Andreevna, 1957 g.r., s. Otty Askizskogo r-na Respubliki Khakasiya* [Lyudmila Andreevna Burnakova, born in 1957, Otty settlement, Askizsky District of the Republic of Khakassia].
21. Bakaeva, E.P. (2010) Pokhoronno-pogrebal'naya obryadnost' [Funeral and burial rites]. In: *Kalmyki. Seriya "Narody i kul'tury"* [Kalmyks. Series "Peoples and Cultures"]. Moscow: Nauka.
22. Spasskiy, G.I. (1818) Narody, kochuyushchie vverkhu reki Enisey [Peoples nomading at the top of the Yenisei River]. *Sibirskiy vestnik.* 1. pp. 1–25.
23. Karatanov, I. (1884) Cherty vneshnego byta kachinskikh tatar [Features of the external life of the Kachin Tatars]. *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva.* 20 (6). pp. 618–645.
24. Kropotkin, A.A. (1895) Sayanskiy khrebet i Minusinskiy okrug [The Sayan Ridge and Minusinsk District]. In: *Zhivopisnaya Rossiya* [Picturesque Russia]. Vol. 12 (1). Saint Petersburg; Moscow: Izd. Tov-va M.O. Vol'f. pp. 19–50.
25. Kenzheakhmetuly, S. (2007) *Traditsii i obryady kazakhskogo naroda* [Traditions and rituals of the Kazakh people]. Almaty: TOO Almatykitap.
26. Archive of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University. No. 680-1 *"Etnograficheskaya ekspeditsiya. Khakasiya. Sagaytsy. Leto 1974 g.". 25 fevralya 1977. 20 l.* [Ethnographic expedition. Khakassia. Sagaians. Summer 1974. February 25, 1977. 20 p.].
27. Sovetova, O.S. (2003) Koni s original'nymi khvostami na skalakh Eniseya [Horses with original tails on the rocks of the Yenisei]. In: *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e* [Steppes of Eurasia in ancient times and the Middle Ages]. Book II. Saint Petersburg: Izd-vo Gos. Ermitazha. pp. 147–151.
28. Lipets, R.S. (1982) Otrazhenie pogrebal'nogo obryada v tyurko-mongol'skom epose [Reflection of the funeral rite in the Turkic-Mongolian epic]. In: *Obryady i obryadovyy fol'klor* [Rites and ritual folklore]. Moscow: Nauka. pp. 212–236.
29. Archive of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University. No. 682-5 *"Otchet ob ekspeditsii v Tashtypskiy i Ust'-Abakanskiy rayony Khakasskoy oblasti v iyule-avguste 1975 goda. 78 l.* [Report on the expedition to the Tashtypsky and Ust-Abakansky Districts of Khakas Oblast in July–August 1975. 78 p.].
30. Archive of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University. No. 677-4a *"Etnograficheskaya ekspeditsiya v Khakasiyu 1972 g. Tetrad' № 4". 41 l.* [Ethnographic expedition to Khakassia in 1972. Notebook No. 4. 41 p.].
31. D'yakonova, V.P. (1975) *Pogrebal'nyy obryad tuvintsev kak istoriko-etnograficheskiy istochnik* [Funeral rite of the Tuvans as a historical and ethnographic source]. Leningrad: Nauka.
32. Yakovlev, E.K. (1900) *Etnograficheskiy obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i Ob"yasnitel'nyy katalog Etnograficheskogo otdela muzeya. Opisanie Minusinskogo muzeya* [Ethnographic review of the foreign population of the Southern Yenisei valley and the Explanatory Catalog of the Ethnographic Department of the Museum. Description of the Minusinsk Museum]. Vol. 4. Minusinsk: Tip. V.I. Kornakova.
33. Spasskiy, G.I. (1818) Narody, kochuyushchie vverkhu reki Enisey [Peoples nomading at the top of the Yenisei River]. *Sibirskiy vestnik.* 2. pp. 26–56.
34. Castren, M.A. (1860) Puteshestvie po Laplandii, Severnoy Rossii i Sibiri v 1838–1844, 1845–1849 gg. [A Journey through Lapland, Northern Russia and Siberia in 1838–1844, 1845–1849]. In: *Magazin zemlevladeniya i puteshestviy. Geograficheskiy sbornik Nikolaya Frolova* [Magazine of land ownership and travel. Geographical collection of Nikolai Frolov]. Vol. 4 (2). Moscow: Tip-ya Aleksandra Semena.
35. Archive of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS (Kunstkamera). Fund 5. List 6. File 20. *Teneshev N.S. Khakasskie legendy, 1956 g. 50 l.* [Teneshev N.S. Khakass legends, 1956. 50 p.].
36. Archive of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University. No. 818-2 *"Kopii dnevnikov ekspeditsii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, avgust 1977 g. Polevoy dnevnik № 1". 34 l.* [Copies of the diaries of the Tomsk State University Expedition, August 1977. Field Diary No. 1. 34 p.].
37. Kostrov, N.A. (1852) *Kachinskie tatary* [Kachin Tatars]. Kazan.
38. Katanov, N.F. (1894) *O pogrebal'nykh obryadakh u tyurkskikh plemen Tsentral'noy i Vostochnoy Azii* [On the funeral rites of the Turkic tribes of Central and East Asia]. Kazan: Tipo-lit. Imp. un-ta.
39. Archive of the V.M. Florinsky Museum of Archeology and Ethnography of Tomsk State University. No. 682–3 *"Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU v Khakasiyu. Iyul'-avgust 1976 g.". 78 l.* [TSU Ethnographic Expedition to Khakassia. July–August 1976. 78 p.].
40. Burnakov, V.A. (2014) Traditsionnye predstavleniya khakasov o Nizhnem mire (kon. XIX – ser. XX vv.) [Traditional ideas of the Khakas about the Lower World (end of the 19th – middle of the 20th centuries)]. *Religiovedenie.* 2. pp. 30–44.

41. Orfeev, N.N. (1887) Mesto obitaniya dush umershikh lyudey, podzemnoe tsarstvo, dukhi, upravlyayushchie im, po skazaniyam minusinskikh inorodtsev [The habitat of the souls of dead people, the underworld, the spirits that control it, according to the legends of Minusinsk foreigners]. *Eniseyskie eparkhial'nye vedomosti.* 15–16. pp. 177–178.
42. AkhKM. Teneshev, N.S. (1957) *Ӱzӱt chir (tsarstvo mertvykh) po verovaniyam sagaytsev* [Ӱzut chir (kingdom of the dead) according to the beliefs of the Sagays]. June 1957.
43. Anon. (1960) *Krasnaya Lisitsa. Skazanie* [The Red Fox. A Legend]. Abakan: Khak. kn. izd-vo.
44. Maynagashev, S.D. (1916) Zagrobnaya zhizn' po predstavleniyu turetskikh plemen Minusinskogo kraya [Afterlife according to the Turkish tribes of the Minusinsk region]. *Zhivaya starina.* XXIV (3). pp. 277–292.

Информация об авторе:
Бурнаков В.А. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: venariy@ngs.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
V.A. Burnakov, Cand. Sci. (History), senior researcher, Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: venariy@ngs.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 04.05.2022;
одобрена после рецензирования 12.06.2022; принята к публикации 30.06.2022

The article was submitted 04.05.2022;
approved after reviewing 12.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 100–109
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2022. 479. pp. 100–109

Научная статья
УДК 94(470.342)«18»:314.9
doi: 10.17223/15617793/479/11

Население Залазнинских заводов в конце XIX в. по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Татьяна Анатольевна Васина [1]

[1] *Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, Ижевск, Россия, tatjasch@mail.ru*

Аннотация. На основе материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. рассмотрена группа Залазнинских заводов Глазовского уезда Вятской губернии. Исследованы социальный, национальный, конфессиональный состав заводского общества, место рождения, род занятий и источники дохода, грамотность заводских жителей, демографическая ситуация (половозрастная структура и размер домохозяйств). Дана комплексная характеристика населения Залазнинского, Нижнезалазнинского и Белорецкого заводов конца XIX в. в сравнении с соседними промышленными центрами и губернскими показателями.

Ключевые слова: Вятская губерния, Залазнинские заводы, Пудемский завод, Песковский завод, перепись 1897 г., горнозаводское население, социальный и этноконфессиональный состав, занятость, грамотность, семейная структура

Для цитирования: Васина Т.А. Население Залазнинских заводов в конце XIX в. по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 100–109. doi: 10.17223/15617793/479/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/11

The population of the Zalazna factories at the end of the 19th century in the documents of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897

Tat'yana A. Vasina[1]

[1] *Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Izhevsk, Russian Federation, tatjasch@mail.ru*

Abstract. The author studied the Zalazna factories of Vyatka Province on the basis of the materials of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897. The social and ethno-confessional structure of the factory population, their birthplace, occupation and income sources, literacy and demographic situation were analyzed using methods of historical (historical-systemic, comparative, statistical) research. The results of the study made it possible to comprehensively characterize the population of Zalazna factories in comparison with that of neighboring industrial centers, and provincial and nationwide indicators. The author concludes that the factory society was characterized by relative social and ethno-confessional homogeneity at the end of the 19th century: Peasants, Russians, Orthodox, mostly local natives prevailed here. The factory administration was headed by nobles of the south-western province – Polish Catholic and Ukrainian specialists. Merchants and state peasants traded. They were Tatars (Muslims) and Udmurts (Orthodox). The study of the employment showed that labor in the metallurgical industry was the main source of income for residents of factory settlements. There were contacts between the population of Zalazna and other enterprises of Vyatka and Perm Provinces. Men supplied Zalazna factories with raw materials and fuel, worked in production, engaged in crafts; women were mainly engaged in the household and worked as hired servants. A significant part of the population was temporarily or permanently absent at the time of the census. The facts of finding a job outside the Zalazna factories and combining professions to generate income from several sources were an indirect confirmation of the crisis phenomena in the economy of mining enterprises in the second half of the 19th century. The study of the literacy level of the factory people revealed the dependence on class, age and gender. Younger children, the older generation, most of the women were illiterate. Nobles had the maximum literacy rate, state peasants and Tatar merchants who studied in their native language had the minimum literacy rate. The education of the majority of the population was limited to the program of the zemstvo school. Finally, the analysis of the census forms showed that demographically the population of the Zalazna factories had predominantly nuclear two-generation households; a noticeable percentage of young people, along with a small proportion of elderly and senile people, could indicate a low life expectancy.

Keywords: Vyatka Province, Zalazna factories, Pudem factory, Peskovka factory, 1897 Census, mining population, social and ethno-confessional structure of population, employment, literacy, family structure

© Васина Т.А., 2022

For citation: Vasina, T.A. (2022) The population of the Zalazna factories at the end of the 19th century in the documents of the First General Census of the Russian Empire in 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 100–109. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/11

Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. можно отнести к числу наиболее востребованных массовых исторических источников, содержащих комплексные сведения о народонаселении Российской империи. В отечественной историографии документы переписи рассматриваются с целью как изучения опыта организации подобных масштабных мероприятий, так и анализа социальной структуры, этнических и конфессиональных групп, занятости, грамотности, семейного положения, демографической ситуации в стране и т.д. Обширность библиографии отмечена в монографии Е.А. Брюхановой, где представлен обзор дореволюционных, советских и современных работ [1]. В настоящее время в научной литературе уделяется внимание проблемам проведения переписи, работе местных органов по ее подготовке [2–6], вопросам сохранности и состава переписных листов, документоведческого и источниковедческого анализа, выявления комплекса первичных документов [7–9], опыту создания ГИС [10], локальным исследованиям на примере различных российских регионов конца XIX в. [11–19]. Актуальность изучения материалов первой переписи обосновывается необходимостью дать оценку развитию Российской империи в пореформенный период, а также возможностью проведения широких сравнительных исторических, историко-демографических, генеалогических исследований.

В настоящей статье впервые ставятся задачи комплексного изучения населения Залазнинских заводов Глазовского уезда Вятской губернии и реконструкции на данном примере заводского общества конца XIX в. на основе анализа множества показателей: социального, национального, конфессионального состава, места рождения, рода занятий и источников дохода, уровня грамотности заводских жителей, половозрастной структуры и размера домохозяйств. Статья продолжает ряд публикаций автора, посвященных другим металлургическим предприятиям Глазовского уезда Вятской губернии (Пудемскому железоделательному и Песковскому чугуноплавильному Омутнинского горного округа) [20–21], и формирует представление о горнозаводском населении небольших промышленных центров в пределах рассматриваемой территории.

Группа Залазнинских заводов относилась к числу чугуноплавильных и железоделательных производств северного экономического района Камско-Вятского края. Первоначально предприятиями владели Мосоловы, одворянившийся род тульских оружейников. А.М. Мосолов в 1772 г. ввел в строй Залазнинский (Верхнезалазнинский) завод, Н.И. Мосолов в 1842 г. – Нижнезалазнинский и в 1856 г. – Белорецкий (Залазнинско-Белорецкий). В изучаемый период, после их покупки в 1886 г. А.Ф. Поклевским-Козелл, предприятия вошли в состав Холуницкого горного округа, который функционировал в соседнем Слободском уезде [22. С. 265–280; 23. С. 44–48; 24; 25. С. 327–328; 26. С. 77].

Важнейшим источником сведений о населении Залазнинских заводов конца XIX в. являются материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. В Центральном государственном архиве Удмуртской Республики в фонде Глазовской уездной земской управы сохранились переписные листы Залазнинского завода в пяти томах; пятый том также включает информацию о жителях Нижнезалазнинского и Белорецкого заводов. В состав шестого тома вошли перечневые ведомости служащих и рабочих при рудниках и углевыжигательных печах. Отдельно представлены выбывшие семьи Залазнинского и Нижнезалазнинского заводов [27. Л. 1–326; 28. Л. 6–321; 29. Л. 4–309; 30. Л. 4–276; 31. Л. 3–267; 32. Л. 3–276; 33. Л. 3–160]. Вся группа предприятий в Залазнинской волости относилась к переписному участку № 13 Глазовского уезда, счетным участкам № 13–17. Сбор сведений о крестьянских дворах Залазнинского сельского общества осуществлялся по форме А переписных листов (анкет), о иных хозяйствах в черте заводских селений – по форме Б. Первичный статистический подсчет был проведен с помощью специальных бланков – обложек форм I и II. Так, в Залазнинском заводе по обложке формы I было учтено 3 207 чел. (1 367 м.п. и 1 840 ж.п.) наличного населения, 3 588 чел. (1 711 м.п. и 1 877 ж.п.) постоянно живущего населения, 64 чел. (25 м.п. и 39 ж.п.) лиц некрестьянских сословий в числе наличного населения, 3 872 чел. (1 935 м.п. и 1 937 ж.п.) приписанного крестьянского населения. По обложке формы II при рудниках и печах отмечено 468 чел. (449 м.п. и 19 ж.п.) наличного населения, 16 чел. (8 м.п. и 8 ж.п.) постоянно живущего населения и 1 чел. м.п. некрестьянского сословия [28. Л. 1–1об.]. Как отмечает Е.А. Брюханова, «такая статистическая таблица отражала стремление разработчиков переписной кампании учесть одновременно три категории населения: наличное, оседлое и приписное, что на практике приводило к дублированию записей» [1. С. 71]. Исследование вопросных листов Залазнинских заводов показало, что повторы наблюдались в случаях, если на момент проведения переписи человек временно отсутствовал в домохозяйстве. Так, рудокопы, дроворубы и углежоги, составлявшие основную категорию заводских рабочих, пребывали в казармах и балаганах при рудниках, вырубках или углевыжигательных печах соответственно, лесники и объездчики охраняли лесную заводскую дачу. Прислуга (кухарки, няни, дворники, кучера и т.п.) аналогично указывалась в хозяйствах по месту службы и одновременно в анкетах своих семейств (с отметкой о причине отсутствия). Подобный характер труда с временной сменой места проживания мог стать причиной погрешностей при расчете численности населения. Наиболее заметны ошибки в перечневых ведомостях служащих и рабочих при рудниках и печах: всего было зафиксировано 503 чел. (мужчин – 502, женщина – одна), из

них 64 чел. м.п. зачеркнуты, вероятно, как вернувшиеся в свои домохозяйства, следовательно, в наличии оставались 438 мужчин и одна женщина [33. Л. 3–160], но эти цифры расходятся с приведенными выше данными обложки формы II. Поэтому при изучении переписных листов необходима систематизация сведений; например, учет временно отсутствующих в составе своих семей позволяет, с одной стороны, уточнить родственную и поколенную структуру домохозяйств, с другой – скорректировать показатель численности жителей.

По данным переписных листов, в 1897 г. в Залазнинском заводе 545 семей проживали в собственных дворах и 45 – на квартирах. Дворы, как правило, включали по одному деревянному жилому строению, две жилые постройки отмечены всего в 24 домохозяйствах. В заводском поселке также размещались заводоуправление и принадлежавшие ему три казенных здания – церковно-приходское попечительство, частный дом и больница, при которых числились еще семь семей. В Нижнезалазнинском заводе зафиксированы: в личных домохозяйствах – 51 семья, на квартирах – две семьи, при мельнице – семья смотрителя материалов и арендатора Н.М. Захваткина. В Белорецком заводе зарегистрированы всего четыре семьи: две в своих дворах, одна на квартире, одна во владельческой усадьбе (семья заводского надзирателя С.Ф. Лямина). Наконец, на Бисерском руднике располагался двор сторожа и на Осиновском – штейгера. Таким образом, всего при Залазнинских заводах в наличии было 657 домохозяйств, из них 48 (7,3%) – семейства на съемных квартирах. Выбывших семей, показанных отдельным томом, учтено 163 (152 – в Залазнинском заводе и 11 – в Нижнезалазнинском) [27. Л. 1–326; 28. Л. 6–321; 29. Л. 4–309; 30. Л. 4–276; 31. Л. 3–267; 32. Л. 3–276; 33. Л. 3–160]. Селения при Залазнинских заводах по количеству дворов и численности жителей были сопоставимы с упомянутыми ранее другими предприятиями Глазовского уезда. Так, Песковский завод имел 379 дворов, восемь одвориц, семь владельческих усадеб, три дома духовенства, 21 жилое помещение при разных учреждениях и больницу; всего здесь было отмечено 2 726 чел. об.п. (наличное, временно проживавшее и отсутствовавшее население). Пудемский завод включал 261 двор (не считая 15 отсутствующих домохозяйств), до 40 жилых домов на землях посессионной и сельского общества, дом заводского управителя, больницу и церковную сторожку, при которых значилось 1970 чел. об.п. [20–21]. Таким образом, Залазнинские заводы, вместе с Песковским и Пудемским охватывавшие только 2,5% населения Глазовского уезда (368 587 чел.), или 0,3% – всей Вятской губернии (3 030 831 чел.) [34. С. 1], можно отнести к небольшим частным горнометаллургическим производствам (с числом обывателей в заводских поселениях менее 5 тыс. чел.).

Структура залазнинского общества в конце XIX в. характеризовалась превалированием крестьянского населения (табл. 1). По своему социальному происхождению большая часть жителей (4 056 чел. об.п., включая выбывших, или 88,2%) относилась к категории бывших крепостных владельческих крестьян. На втором по численности месте находились крестьяне государственные (444 чел., 9,7%), которые на протяжении существования предприятий привлекались к заводской работе на условиях свободного найма. Некоторые крестьяне (33 чел., 0,7%) в вопросных листах были записаны горнозаводскими: в их числе преобладали специалисты (штейгер, смотритель материалов, заводской надзиратель, служащий при рудниках и т.п.), уроженцы Слободского уезда, возможно, переселенцы или их потомки из других горных заводов. Иные сословия и общественные группы при Залазнинских заводах были представлены незначительно: мещане различных городов насчитывали 25 чел. об.п. (0,5% населения), православное духовенство – 15 чел. (0,3%), купечество (торгующие мануфактурой татары) – 14 чел. (0,3%), дворянство (семьи управителя завода, горного инженера и лесничего) – 7 чел. (0,15%), личные почетные граждане – 7 чел. (0,15%) (см. табл. 1). Все они проживали в селении Залазнинского (Верхнезалазнинского) завода.

Таблица 1

Социальное происхождение населения Залазнинских заводов, 1897 г.

Социальная группа	Залазнинский завод				Нижнезалазнинский завод				Белорецкий завод		Бисерский и Осиновский рудники*	
	Наличное		Выбывшее		Наличное		Выбывшее					
	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.
Владельческие крестьяне	1 588	1 608	250	215	168	166	24	22	6	9		
Горнозаводские крестьяне	8	7			3	3			2	3	3	4
Государственные крестьяне	225	195	8	6	3		2	1			3	1
Духовенство	7	8										
Дворяне	2	5										
Купцы	6	8										
Мещане	8	17										
Почетные граждане	3	4										
Итого	**1 847**	**1 852**	**258**	**221**	**174**	**169**	**26**	**23**	**8**	**12**	**6**	**5**

* Указано только постоянное население рудников (семьи сторожа и штейгера).

Составлено по: [27. Л. 1–326; 28. Л. 6–321; 29. Л. 4–309; 30. Л. 4–276; 31. Л. 3–267; 32. Л. 3–276; 33. Л. 3–160].

К числу промышленных центров с преимущественно крестьянским населением аналогично относились Песковский и Пудемский заводы, но, в отличие от Залазнинских, они в большей мере использова-

ли вольнонаемный труд государственных крестьян, которые при Песковском предприятии составляли 89,7% жителей (2 446 чел.), при Пудемском – 43,1% (850 чел.). Городские сословия и социальные группы здесь также были представлены в меньшей степени: дворянство насчитывало 16 чел. (0,6%) в Песковском заводе, духовенство – 18 чел. (0,7%) в Песковском и 25 чел. (1,3%) в Пудемском, мещанство – соответственно 22 чел. (0,8%) и 13 чел. (0,7%), почетные граждане – 6 чел. (0,2%) и 12 чел. (0,6%) [20–21]. Подобный состав заводского общества являлся отражением как уездной, губернской, так и российской структуры населения, отличавшейся превалированием «лиц сельских состояний»: так, крестьяне в Глазовском уезде охватывали 98,7% обывателей (363 893 чел.), во всей Вятской губернии – 97,2% (2 945 109 чел.), в Европейской части России – 85,9% (80 081 тыс. чел.); дворяне – всего 0,1% (538 чел.) в уезде, 0,3% (10 007 чел.) в губернии и 1,5% (1 373 тыс. чел.) в Европейской России; духовенство – 0,4% (1 384 чел.) в уезде, 0,5% (13 912 чел.) в губернии и 0,5% (501 тыс. чел.) в Европейской России; купцы – 0,05% (179 чел.) в уезде и 0,1% (2 889 чел.) в губернии, мещане – соответственно 0,6% (2 150 чел.) и 1,7 % (52 913 чел.) (в Европейской России городские сословия, в отличие от Вятской губернии, составляли 11,3%, или 10 493 тыс. чел.) [34. С. 1; 35. С. 129–130].

В этническом плане залазнинское общество было довольно однородным, особенно при небольших Нижнезалазнинском и Белорецком предприятиях (табл. 2). Жители, указавшие в анкетах родным языком русский, в заводских поселках составляли большинство (4 568 чел. об.п. с учетом выбывших, или 99,3%). Удмурты, коренное население данного региона, здесь были представлены незначительно: временно проживали всего 3 чел. (0,06% населения) – государственные крестьяне Глазовского уезда, занятые в сфере торговли (приказчики бакалейной лавки). Татары (21 чел., 0,45%) – купцы и государственные крестьяне, уроженцы Слободского уезда – содержали в Залазнинском заводе мануфактурные лавки. Наконец, украинский язык в качестве родного отметили горный инженер Н.К. Врадий и его брат, родившиеся в Херсонской губернии, польский – жена инженера (уроженка г. Киева), лесничий А.-В.И. Бендаржевский (родом из Киевской губернии), а также члены семьи заводского управителя Г. Корвин-Круковского (из Гродненской и Минской губерний). В целом польско-украинские специалисты с женами и детьми насчитывали 0,19% заводского населения. В конфессиональном плане соответственно придерживались православия 4 573 чел. об.п., или 99,4% жителей Залазнинских заводов, говоривших на русском, удмуртском и украинском языках, католичества – 7 чел., или 0,15% (поляки), исповедовал ислам 21 чел., или 0,45% (татары) (см. табл. 2).

Таблица 2

Этноконфессиональный состав населения Залазнинских заводов. 1897 г.

Родной язык и вероисповедание	Залазнинский завод				Нижнезалазнинский завод				Белорецкий завод		Бисерский и Осиновский рудники*	
	Наличное		Выбывшее		Наличное		Выбывшее					
	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.	М.п.	Ж.п.
Русский; православие	1 831	1 835	258	221	174	169	26	23	8	12	6	5
Удмуртский; православие	2	1										
Украинский; православие	2											
Польский; католичество	2	5										
Татарский; мусульманство	10	11										
Итого	**1 847**	**1 852**	**258**	**221**	**174**	**169**	**26**	**23**	**8**	**12**	**6**	**5**

* Указано только постоянное население рудников (семьи сторожа и штейгера).
Составлено по: [27. Л. 1–326; 28. Л. 6–321; 29. Л. 4–309; 30. Л. 4–276; 31. Л. 3–267; 32. Л. 3–276; 33. Л. 3–160].

Этноконфессиональная однородность заводского социума была отмечена также в соседних Песковском и Пудемском селениях, где русские православные насчитывали 99% населения (2 696 чел. в Песковке и 1 950 чел. в Пудеме). Татары-мусульмане (по 9 чел. в каждом поселке, 0,3–0,4% общего числа жителей) аналогично заведовали здесь мануфактурными лавками, а временно проживавшие удмурты (20 чел., 0,7%, в Песковском заводе; 6 чел., 0,3%, в Пудемском) в основном были заняты на земледельческих работах. На управленческих должностях находились специалисты: англичанин-протестант, уроженец г. Лондона И.И. Эванс (управитель Пудемского завода) и поляк-католик Ковенской губернии Ф.К. Пашковский (заведующий лесами Песковского завода) [20–21]. В Вятской губернии, согласно материалам переписи 1897 г., русские (в числе которых были учтены знающие русский язык украинцы и белорусы), удмурты и татары занимали первое, второе и четвертое место по численности: соответственно 77,4% (2 347 351 чел.), 12,5% (377 893 чел.) и 4,1% (125 514 чел.). В то же время в Глазовском уезде доля коренного населения – удмуртов – была выше губернских показателей и составляла 41,6% (153 499 чел.) [34. С. 2–3], но небольшое их количество на рассматриваемых предприятиях свидетельствует о слабой интеграции представителей данной национальности в горно-металлургическую отрасль северного экономического района.

Жители Залазнинских заводов большей частью являлись местными уроженцами (4 388 чел. об.п., или 95,4% населения). В Глазовском уезде родились 88 чел. (1,9%), в Слободском – 66 чел. (1,4%). Реже встречались представители иных административных единиц Вятской губернии: городов Вятки, Глазова,

Сарапула, уездов Вятского, Котельнического, Малмыжского, Уржумского и Яранского. Родом из других промышленных центров (Холуницких, Омутнинского, Пудемского, Песковского, Климковского заводов) были 10 чел. (0,2%). Всего Вятская губерния стала местом рождения для 4 569 чел. (99,3%). Кроме того, происходили из Пермской губернии (Пермского, Соликамского, Верхотурского уездов, Бисертского завода) 16 чел. (0,3%), юго-западных губерний (Киевской, Херсонской, Минской, Гродненской) – 8 чел. (0,2%), Казанской губернии (Казанского и Царевококшайского уездов) – 4 чел. (0,1%), мещан г. Тобольска – 3 чел. (0,07%), Васильсурского уезда Нижегородской губернии – 1 чел. (0,02%) [27. Л. 1–326; 28. Л. 6–321; 29. Л. 4–309; 30. Л. 4–276; 31. Л. 3–267; 32. Л. 3–276; 33. Л. 3–160]. Близлежащие Песковская и Пудемская заводские дачи аналогично характеризовались превалированием местного населения, наличием контактов (брачных, рабочих) с жителями Глазовского и Слободского уездов, в том числе иных индустриальных поселений – не только Залазнинских, но также Омутнинского и Кирсинского (Глазовского уезда), Ижевского и Камско-Воткинского (Сарапульского уезда) заводов. Несколько человек были уроженцами соседних губерний (Казанской, Пермской, Нижегородской, Вологодской) [20–21]. В целом в регионе, как показали результаты переписи, миграция на территорию Вятской губернии не имела широкого распространения: здесь большинство населения (93%) принадлежало к местным уроженцам (т.е. родившимся в своем уезде), за пределами Вятской губернии родились менее 2%, преимущественно выходцы смежных губерний (Пермской, Казанской, Вологодской, Уфимской, Костромской) [34. С. VIII].

Большая часть жителей Залазнинских заводов в 1897 г. обеспечивала функционирование производства. Четверть мужчин (24,7%) была занята в сфере снабжения промышленности сырьем и топливом: рудокопы, дроворубы, пильщики и углежоги насчитывали 573 чел. м.п. Заводские рабочие занимали второе по численности место (355 чел. м.п.) и составляли 15,3% мужского населения. Женский труд на заводах существовал в основном в виде неквалифицированной поденной работы и в конце XIX в. не был широко распространен: здесь работал всего 21 чел. ж.п. (0,9% женской части общества). Заводские служители разного уровня (заводская администрация, служащие конторы, бухгалтерии и чертежной, специалисты – мастера различных производств, заводские приказчики, ответственные за материальную часть и снабжение лица, штейгеры, охрана лесной дачи и пр.) охватывали 3,7% мужского населения (85 чел. м.п). Таким образом, всего с металлургической отраслью непосредственно были связаны 1 013 чел. м.п. (43,7%) и 21 чел. ж.п. (0,9%), итого 1 034 чел. об.п. (22,5% общей численности жителей), включая 165 чел. выбывших, в числе которых преобладали заводские рабочие, перешедшие на предприятия Верхотурского уезда Пермской губернии и, в меньшей степени, на Омутнинский и Ижевский заводы [27. Л. 1–326; 28. Л. 6–321; 29. Л. 4–309; 30. Л. 4–276; 31. Л. 3–267; 32. Л. 3–276; 33. Л. 3–160].

Земледелие после отмены крепостного права получило небольшое развитие: в качестве основного источника дохода его указали 57 чел. об.п. (1,2% населения; владельческие и государственные крестьяне), как вспомогательное занятие – еще 75 чел. (1,6%; рудокопы, дроворубы, углежоги, отдельные заводские рабочие и ремесленники). Ремеслом занимались 134 чел. м.п. (5,8% мужской части общества) и 30 чел. ж.п. (1,3% женского населения), всего 164 чел. об.п. (3,6% общей численности жителей). Мужчины трудились плотниками, столярами, кузнецами, сапожниками, катальщиками валенок, портными, красильщиками и синильщиками, каменщиками, также в наличии были золотых дел мастер, мельник, пекарь и булочник, чеботарь, шерстобит, бондарь, гончар, извозчик, золотарь; представители старшего поколения плели лапти. Некоторые (до 50 чел. м.п.) владели двумя ремеслами, например совмещали работу в кузнице с сапожным делом или добычу руды с окраской холстов и т.п., получая таким образом доход из нескольких источников. Услугами плотников, столяров и кузнецов пользовались как частные лица, так и Залазнинские заводы. Женщины пряли лен, ткали холст, шили женскую одежду и плели кружева, пекли просфоры, вели семейное дело (вместе с мужем красили холсты или били шерсть). Торговали 24 чел. м.п. (0,5% заводских жителей): в их числе были хозяева и приказчики лавок, торговцы лошадьми, мясники, доверенный казанского торгового дома «Булыгин и сын». Прислугой работали 29 чел. м.п. (1,3% мужского населения) и 71 чел. ж.п. (3,1% женской части общества), итого 100 чел. об.п. (2,2% общей численности жителей). Мужчины устраивались конюхами, кучерами, сторожами и дворниками, женщины – кухарками, нянями, горничными, прачками и поломойками. За чертой бедности (нищенствовали или призревались) находился 31 чел. (0,7%). Следует отметить, что у большинства жителей Залазнинских заводов (3 034 чел. об.п., 65,9%) в переписных листах не отмечен род деятельности или источник дохода: это были в основном дети и женщины, находившиеся при своих отцах и мужьях и занятые в домашнем хозяйстве [27. Л. 1–326; 28. Л. 6–321; 29. Л. 4–309; 30. Л. 4–276; 31. Л. 3–267; 32. Л. 3–276; 33. Л. 3–160].

Сопоставление Залазнинских заводов с Песковским и Пудемским показало, что труд в горнометаллургической отрасли традиционно был основным источником дохода и для жителей последних: с деятельностью предприятий была связана треть проживавших в заводских селениях мужчин. Женская поденная работа также использовалась реже: в Песковке на заводе трудился 71 чел. ж.п., в Пудеме – всего 4. Кроме того, мужчины были заняты в ремесленной и торговой областях, женщины вели домашнее хозяйство и нанимались прислугой. Хлебопашество в Песковском и Пудемском заводах после отмены крепостного права развивалось слабо (менее 2% населения), но некоторые рабочие совмещали деятельность на предприятиях с обработкой земельных участков. Выявлены факты ухода на заработки в другие промышленные центры Вятской и Пермской гу-

берний (Омутнинский, Ижевский, Богословский, Чусовской, Лысьвенский, Юговский, Мотовилихинские заводы) [20–21].

Уровень грамотности залазнинских обывателей составлял 41,3% мужской части населения (957 чел. м.п.) и всего 5,7% – женской (130 чел. ж.п.), в среднем – 23,6% общей численности жителей (1 087 чел. об.п.). Большинство получило образование в земской школе, многие обучались на дому, у духовенства, на военной службе (в полку). Окончили гимназию или прогимназию 1 чел. м.п. и 6 чел. ж.п. (члены семей заводских служителей, учителя, средний медперсонал), пансионат – 2 чел. ж.п. (жена и свояченица Г. Корвин-Круковского), учебные заведения духовного ведомства – 5 чел. м.п. и 2 чел. ж.п. из духовенства, фельдшерскую или ветеринарную школы – 1 чел. м.п. и 2 чел. ж.п., городское или уездное училища – 12 чел. м.п. и 5 чел. ж.п. (служащие различных ведомств), горный институт – 2 чел. м.п. (управитель завода и горный инженер). В переписных листах отмечены факты включения в категорию грамотных детей в возрасте 7–9 лет, принятых в земскую школу. Наибольшая доля умевших читать и писать приходилась на возрастные группы от 10–14 до 25–29 лет; после 40–45 лет численность получивших образование заметно сокращалась, что, по всей видимости, можно связать с отсутствием до 1864 г. системы земских одноклассных школ. Грамотность зависела не только от возраста, но и от социальной принадлежности человека. В частности, среди наличного населения Верхнезалазнинского завода доля грамотных по социальным группам распределялась следующим образом: дворянство – 2 чел. м.п. (100%) и 4 чел. ж.п. (80%), духовенство – 5 чел. м.п. (71,4%) и 5 чел. ж.п. (62,5%), купцы-татары, обучавшиеся на родном языке, – 1 чел. м.п. (16,7%) и 1 чел. ж.п. (12,5%), почетные граждане – 1 чел. м.п. (33,3%) и 1 чел. ж.п. (25%), мещанство – 6 чел. м.п. (75 %) и 11 чел. ж.п. (64,7%), горнозаводские крестьяне – 5 чел. м.п. (62,5%) и 2 чел. ж.п. (28,6%), владельческие крестьяне – 720 чел. м.п. (45,3%) и 82 чел. ж.п. (5,1%), государственные крестьяне – 84 чел. м.п. (37,3%) и 8 чел. ж.п. (4,1%) [27. Л. 1–326; 28. Л. 6–321; 29. Л. 4–309; 30. Л. 4–276; 31. Л. 3–267; 32. Л. 3–276; 33. Л. 3–160].

В соседних промышленных центрах, относившихся к Омутнинскому горному округу, уровень грамотности был несколько выше: в среднем образование получила треть жителей – 31% (810 чел. об.п. в Песковском заводе и 610 чел. – в Пудемском). При этом процент грамотных мужского пола был сопоставим с аналогичным показателем по залазнинскому обществу: в Песковке умели читать и писать 555 чел. м.п. (43,1%), в Пудеме – 460 чел. м.п. (47,8%). В то же время доля грамотных женщин здесь была выше: 19,4% (255 чел. ж.п.) при Песковском заводе и 14,9% (150 чел. ж.п.) при Пудемском. Образование местные обыватели получили главным образом в земской школе, частично обучались в домашних условиях, у духовенства или в церковно-приходской школе, а также в ротных школах (мужчины). Наиболее высокие показатели были у дворян, заводских чиновников, духовенства, почетных граждан, которые имели возможность направлять своих детей в городские училища, гимназии, пансионы, духовные семинарии и т.д., наименьшие – у песковских государственных и пудемских горнозаводских крестьян [20–21]. Но в целом уровень грамотности заводского населения Глазовского уезда был выше (за исключением женской части залазнинского общества) губернских показателей (25,6% чел. м.п. и 7,5% чел. ж.п.) [34. С. IX–X] и тяготел к усредненным данным (между городским и сельским населением) Европейской России (32,6% чел. м.п. и 13,7% чел. ж.п.) [36. С. 308].

Материалы переписи позволили проследить демографическую ситуацию в поселках при Залазнинских заводах. Половозрастная структура заводского общества в конце XIX в. характеризовалась заметной долей молодежи (47,1%): дети до 9 лет насчитывали 1 248 чел. об.п. (27,1% общей численности жителей), подростки и юноши / девушки 10–19 лет – 921 чел. (20%). Еще 47,8% (2 200 чел.) составляли люди зрелого, трудоспособного возраста (в широкой возрастной рамке от 20 до 59 лет). Лица пожилого (от 60 до 74 лет) и старческого (75–89 лет) возрастов в составе социума не превышали соответственно 4,2% (191 чел.) и 0,5% (22 чел.), долгожители (старше 90 лет) – 0,1% (4 чел.). Возраст 15 чел. (0,3%) не был отмечен в переписных листах. Превалирование женского населения над мужским отмечалось в большинстве возрастных групп (среди молодежи, пожилых и стариков), но за счет некоторого преобладания мужчин в самой многочисленной зрелой возрастной категории при Залазнинских заводах наблюдался незначительный перевес мужчин (50,4% всего населения) [27. Л. 1–326; 28. Л. 6–321; 29. Л. 4–309; 30. Л. 4–276; 31. Л. 3–267; 32. Л. 3–276; 33. Л. 3–160]. Демографические показатели соответствовали сложившимся в стране условиям: молодежь до 19 лет насчитывала в Вятской губернии 49,1% населения, в Европейской России – 48,7%, лица трудоспособного возраста (20–59 лет) – соответственно 44,4–44,3% [34. С. 12–13; 36. С. 264].

По характеру родства было выделено несколько типов домохозяйств заводских жителей: одинокие; малые (супружеские пары и супруги с несовершеннолетними или еще не вступившими в брак детьми); расширенные (родители с детьми и иными членами семей – братьями и сестрами, зятем, снохой, племянниками); сложные (родители с детьми, внуками и / или правнуками, с племянниками или дядями / тетями, братские двухпоколенные); прочие (братья и сестры, супружеские пары без детей, но с другими родственниками). По данным переписи, в Залазнинских заводах преобладали малые семьи (408 семейств, 49,8%); сложные насчитывали 238 домохозяйств (29%), расширенные – 127 (15,5%), одинокие – 33 (4%), прочие – 14 (1,7%). По числу поколений: двухпоколенные семейства охватывали 489 домохозяйств (59,6%), трехпоколенные – 211 (25,7%), однопоколенные – 114 (13,9%), четырехпоколенные – 6 (0,7%). Неродственные включения относились преимущественно к типу одиноких однопоколенных: в их число входи-

ли прислуга, работники, нахлебники, призреваемые, квартиранты, постояльцы, гости и прочие временно проживавшие. Семьи могли включать от одного (33 двора, 4%) до 16 чел. (3 двора, 0,4%), наибольшая доля приходилась на домохозяйства, состоявшие из 4–7 чел. (421, или 51,3%). Средний размер двора был равен 5,5 чел. [27. Л. 1–326; 28. Л. 6–321; 29. Л. 4–309; 30. Л. 4–276; 31. Л. 3–267; 32. Л. 3–276; 33. Л. 3–160], и эта цифра приближалась к показателю населенности крестьянского хозяйства (5,8 чел.) в Европейской России [35. С. 221]. Кроме того, Европейская часть России, как было показано Б.Н. Мироновым, также характеризовалась превалированием малых семей, которые насчитывали 50,5% домохозяйств; следующее по распространенности место занимали расширенные и составные семьи (42%); на большие семьи приходилось 4,6%, на одинокие – 2,9% [35. С. 226].

Таким образом, группа Залазнинских заводов Холуницкого горного округа в конце XIX в. характеризовалась относительной социальной и этноконфессиональной однородностью населения: в числе жителей преобладали крестьяне (бывшие владельческие и государственные), русские, православные, преимущественно местные уроженцы. Заводскую администрацию сформировали специалисты, происходившие из дворянского сословия юго-западных губерний, с польско-католическими и украинскими корнями. Торговлю вели купцы и государственные крестьяне – татары-мусульмане и отчасти удмурты.

Главным источником дохода заводских обывателей оставался труд в металлургической отрасли. Отмечены контакты (происхождение по месту рождения, смена места работы) с другими предприятиями Вятской и Пермской губерний. Мужчины снабжали Залазнинские заводы сырьем и топливом, трудились на производстве, а также в ремесленной сфере; женщины в основном были заняты в домашнем хозяйстве, нанимались прислугой. На момент проведения переписи заметная часть населения отсутствовала временно или постоянно: рудокопы, дроворубы и углежоги, как отмечалось ранее, проживали в казармах при рудниках, вырубках или печах, расположенных на территории Глазовского уезда, прислуга – в домохозяйствах работодателей (в том числе в других населенных пунктах, например Вятке, Глазове, Балезино), солдаты находились в местах прохождения службы, некоторые заводские рабочие и служащие – при других предприятиях, наемные работники – на отхожих промыслах в Глазовском и Сарапульском уездах, сотрудники пароходства и железных дорог – при пристанях и станциях и т.п. Факты поиска работы за пределами Залазнинских заводов, а также совмещения профессий для получения дохода из нескольких источников могут служить косвенным подтверждением кризисных явлений в экономике предприятий во второй половине XIX в. Как известно, после отмены крепостного права и перехода Залазнинских заводов в казенное управление их деятельность постепенно остановилась. Приобретение предприятий А.Ф. Поклевским-Козелл позволило возобновить производство: на Верхнезалазнинском – в 1887 г., Белорецком – в 1891 г.; при Нижнезалазнинском в 1892 г. появилась мукомольная мельница. Под руководством заводского управителя Г. Корвин-Круковского (1892–1899) проводилась модернизация. Несмотря на предпринятые меры, уже через пять лет после организации переписи, в 1902 г., заводовладелец И.А. Поклевский-Козелл был признан несостоятельным должником, и возникла новая угроза остановки заводов [37–39].

Исследование уровня грамотности заводского общества выявило зависимость от сословной принадлежности, возраста и пола. Неграмотными были дети младше 7–9 лет и старшее поколение, подавляющее большинство женщин. Максимальная доля грамотных отмечена в дворянской среде, минимальная – у государственных крестьян, а также купцов-татар, обучавшихся не на русском, а на родном языке. При этом образование основной массы населения ограничивалось программой земской школы.

Анализ переписных листов показал, что демографическая ситуация при Залазнинских заводах характеризовалась превалированием нуклеарных двухпоколенных домохозяйств, а заметный процент молодежи наряду с малой долей лиц пожилого и старческого возрастов может свидетельствовать о невысокой продолжительности жизни.

Сопоставление с другими небольшими частными горно-металлургическими производствами Глазовского уезда (Песковским и Пудемским заводами Омутнинского горного округа) и губернскими и российскими показателями позволило выявить общие и особенные черты заводского населения северного экономического района Вятской губернии конца XIX в. В частности, были сделаны выводы, что общество в границах рассматриваемых заводских дач можно считать относительно однородным в социальном, национальном и конфессиональном плане, что выражалось в преобладании местного крестьянского населения, русского, православного. Городские сословия (дворянство, купечество, мещанство) здесь были представлены незначительно по сравнению с цифрами Европейской части России. Руководящие должности на предприятиях занимали специалисты из юго-западных губерний Российской империи либо (реже) иностранные подданные; торговлю вели преимущественно татары-мусульмане, а удмурты на изучаемой территории были слабо интегрированы в металлургическую отрасль. Сфера занятости, источники дохода жителей и в Холуницком, и в Омутнинском округах были аналогичными друг другу. В качестве отличительных черт Песковского и Пудемского заводов можно назвать широкое применение ими вольнонаемного труда и, как следствие, наличие в структуре населения существенной доли государственных, а не бывших крепостных владельческих крестьян, а также в среднем более высокий уровень грамотности, сопоставимый с данными по Европейской России, так как доля проживавших в Песковке и Пудеме социальных групп, имевших доступ к образованию, была несколько выше, чем в Залазне. В целом полученные по результатам ана-

лиза переписных листов заводские показатели соответствовали губернским: социальному, этноконфессиональному составу, демографической ситуации, сложившимся в Вятской губернии.

Список источников

1. Брюханова Е.А. Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 года в архивах России и ближнего зарубежья. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. 192 с.
2. Гусева Т.М. Первая всеобщая перепись населения 1897 г. в Саранске и Саранском уезде // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. Т. 19, № 3. С. 40–45.
3. Разживина Д.А. Первая всероссийская перепись населения 1897 года во Владимирской губернии: работа местных переписных органов // Новый университет. Сер. Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. 2012. № 4. С. 37–40.
4. Борщик Н.Д. Первая всероссийская перепись населения 1897 г.: делопроизводство и документооборот // Вестник РГГУ. Сер. Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2017. № 3 (9). С. 45–53.
5. Неженцева Н.В. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: обзор нормативных документов // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 6 (110). С. 87–91. doi: 10.14258/izvasu(2019)6-14
6. Загидуллин И.К. Особенности проведения Первой всеобщей переписи 1897 г. в Мензелинском уезде Уфимской губернии // Историческая этнология. 2021. Т. 6, № 1. С. 106–119. doi: 10.22378/he.2021-6-1.106-119
7. Брюханова Е.А. Документальные комплексы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в архивах зарубежных стран. На примере Латвии, Литвы и Эстонии // Вестник архивиста. 2019. № 3. С. 675–684. doi: 10.28995/2073-0101-2019-3-675-684
8. Брюханова Е.А., Иванова Н.П. Состав первичных материалов переписи 1897 г. и отражение в них основных категорий населения Российской империи // Известия Алтайского государственного университета. 2019. № 3 (107). С. 49–55. doi: 10.14258/izvasu(2019)3-08
9. Брюханова Е.А., Иванова Н.П. Документоведческий и источниковедческий анализ первичных материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 96–107. doi: 10.17223/15617793/442/12
10. Крупочкин Е.П., Брюханова Е.А. Этапы проектирования и создания геоинформационной системы по занятиям населения Российской империи на рубеже XIX–XX вв. (по материалам переписи 1897 г.) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3-2 (87). С. 110–114. doi: 10.14258/izvasu(2015)3.2-17
11. Загидуллин И.К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. Казань : Татарское кн. изд-во, 2000. 223 с.
12. Сафронов А.А. Грамотность населения Урала в конце XIX в.: источниковедческое исследование материалов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2011. 284 с.
13. Оконова Л.В. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. как источник по изучению семейного состояния населения Калмыцкой степи Астраханской губернии // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1-2 (65). С. 18–22.
14. Вишнякова М.О. Уровень грамотности населения Тульской губернии по данным переписи населения 1897 года // Трибуна ученого. 2019. № 11. С. 117–120.
15. Пивоварова И.В. Национальный образ Сибири конца XIX в. (по результатам переписи 1897 г.) // Вопросы истории. 2019. № 12-1. С. 226–235. doi: 10.31166/VoprosyIstorii201911Statyi18
16. Неженцева Н.В. Особенности изучения населения г. Ялуторовск (по материалам переписи населения 1897 г.) // Востоковедные исследования на Алтае. 2019. № 13. С. 13–16.
17. Курчатова Т.Т. Уровень заболеваемости в Якутской области в конце XIX века (по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г.) // Современная научная мысль. 2019. № 3. С. 32–36.
18. Вишнякова Д.В. Половозрастная структура населения Коми края (по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2020. № 5 (45). С. 33–41. doi: 10.19110/1994-5655-2020-5-33-41
19. Тычинских З.А. Татарское население Западной Сибири во второй половине XIX – первой трети XX веков: историко-демографическая характеристика // Научный диалог. 2021. № 1. С. 411–425. doi: 10.24224/2227-1295-2021-1-411-425
20. Васина Т.А. Песковский завод в материалах Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : электрон. науч. журнал. 2015. Вып. № 4 (16). С. 83–90.
21. Васина Т.А. Пудемский завод в материалах Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 2 (64). С. 57–61.
22. Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Н. Тагил : Изд-во НТГСПА, 2004. 597 с.
23. Предприниматели Урала XVII – начала XX в. : справочник / авт.-сост.: Е.Г. Неклюдов, Е.Ю. Рукосуев, Е.А. Курлаев, В.П. Микитюк. Екатеринбург : УрО РАН, 2013. Вып. 1: Уральские горнозаводчики. 128 с.
24. Гаврилов Д.В. Залазнинские чугуноплавильные и железоделательные заводы // Уральская историческая энциклопедия. URL: http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-8-717-zalazninskie-chugunoplavilnye-i-zhelezodelatelnye-zavody.html (дата обращения: 05.04.2022).
25. Энциклопедия земли Вятской. Киров : Вятка, 2002. Т. 1, кн. 2: Села. Деревни. 638 с.
26. Холуницкие заводы действительного статского советника Альфонса Фомича Поклевского-Козелл Вятской губернии, Слободского и Глазовского уездов. Вятка : Губернская тип., 1890. 83 с.
27. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (ЦГА УР). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1870.
28. ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1871.
29. ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1872.
30. ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1873.
31. ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1874.
32. ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1875.
33. ЦГА УР. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1876.
34. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. Вып. 10: Вятская губерния. СПб. : Изд. Центр. стат. ком. МВД, 1904. XII, 267 с.
35. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) : в 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. XL, 548 + 583 с.
36. Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.) : статистические очерки. М. : Гос. стат. изд-во, 1956. 352 с.
37. Шабалин Д. Корвин-Круковский Генрих Осипович // Забытые имена Пермской губернии. URL: http://www.fnperm.ru/корвин-круковский-генрих-осипович-.aspx (дата обращения: 05.04.2022).
38. К делам Холуницких заводов // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1902. № 139. С. 1.
39. К делам Холуницких заводов // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1902. № 142. С. 1–2.

References

1. Bryukhanova, E.A. (2019) *Materialy Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya 1897 goda v arkhivakh Rossii i blizhnego zarubezh'ya* [Materials of the First General Population Census of 1897 in the archives of Russia and neighboring countries]. Barnaul: Altai State University.
2. Guseva, T.M. (2011) The First General Population Census of 1897 in Saransk and Saransk district. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya – Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia*. 19(3). pp. 40–45. (In Russian).
3. Razzhivina, D.A. (2012) The First General Population Census of 1897 in the Vladimir province: the work of local census authorities. *Novyy universitet. Seriya: Aktual'nye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk – A new university. Series: Actual problems of humanities and social sciences*. 4. pp. 37–40. (In Russian).
4. Borshchik, N.D. (2017) The First General Population Census of 1897: office and document management. *Vestnik RGGU. Seriya: Dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaya bezopasnost' – Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Documentary and Archival Studies. Computer science. Information protection and information security.* 3 (9). pp. 45–53. (In Russian).
5. Nezhentseva, N.V. (2019) The First General Population Census of 1897: overview of regulatory documents. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of the Altai State University*. 6(110). pp. 87–91. (In Russian). doi: 10.14258/izvasu(2019)6-14
6. Zagidullin, I.K. (2021) Features of the First General Population Census of 1897 in Menzelinsky district of Ufa province. *Istoricheskaya etnologiya – Historical ethnology*. 6 (1). pp. 106–119. (In Russian). doi: 10.22378/he.2021-6-1.106-119
7. Bryukhanova, E.A. (2019) Documentary complexes of the First General Population Census of 1897 in the archives of foreign countries. On the example of Latvia, Lithuania and Estonia. *Vestnik arkhivista – Archivist 's Bulletin*. 3. pp. 675–684. (In Russian). doi: 10.28995/2073-0101-2019-3-675-684
8. Bryukhanova, E.A. & Ivanova, N.P. (2019) The composition of the primary materials of the 1897 census and the reflection in them of the main categories of the population of the Russian Empire. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of the Altai State University*. 3 (107). pp. 49–55. (In Russian). doi: 10.14258/izvasu(2019)3-08
9. Bryukhanova, E.A. & Ivanova, N.P. (2019) Documentary and source analysis of primary materials of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Tomsk State University*. 442. pp. 96–107. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/442/12
10. Krupochkin, E.P. & Bryukhanova, E.A. (2015) Stages of designing and creating a geoinformation system for the occupations of the population of the Russian Empire at the turn of the 19th–20th centuries (based on the materials of the 1897 census). *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of the Altai State University*. 3-2(87). pp. 110–114. (In Russian). doi: 10.14258/izvasu(2015)3.2-17
11. Zagidullin, I.K. (2000) *Perepis' 1897 goda i tatary Kazanskoy gubernii* [The 1897 Census and the Tatars of Kazan Province]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
12. Safronov, A.A. (2011) *Gramotnost' naseleniya Urala v kontse XIX v.: istochnikovedcheskoe issledovanie materialov Pervoy vseobshchey perepisi naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [Literacy of the population of the Urals at the end of the 19th century: a source study of the materials of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897.]. Yekaterinburg: Ural State University.
13. Okonova, L.V. (2011) The First General Population Census of the Russian Empire in 1897 as a source for studying the family status of the population of the Kalmyk Steppe of Astrakhan province. *Nauchnaya mysl' Kavkaza – Scientific thought of the Caucasus*. 1-2 (65). pp. 18–22. (In Russian).
14. Vishnyakova, M.O. (2019) The literacy rate of the population of Tula province according to the population census of 1897. *Tribuna uchenogo – Tribune of the scientist*. 11. pp. 117–120. (In Russian).
15. Pivovarova, I.V. (2019) The national image of Siberia at the end of the 19th century (according to the results of the 1897 census). *Voprosy istorii – History issues*. 12-1. pp. 226–235. (In Russian). doi: 10.31166/VoprosyIstorii201911Statyi18
16. Nezhentseva, N.V. (2019) Features of the study of the population of Yalutorovsk (based on the materials of the population census of 1897). *Vostokovednye issledovaniya na Altae – Oriental studies in Altai*. 13. pp. 13–16. (In Russian).
17. Kurchatova, T.T. (2019) The level of morbidity in the Yakut region at the end of the XIX century (based on the materials of the First General Population Census of 1897). *Sovremennaya nauchnaya mysl' – Modern scientific thought*. 3. pp. 32–36. (In Russian).
18. Vishnyakova, D.V. (2020) Sex and age structure of the population of the Komi Region (based on the materials of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897). *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN – News of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 5(45). pp. 33–41. (In Russian). doi: 10.19110/1994-5655-2020-5-33-41
19. Tychinskikh, Z.A. (2021) Tatar population of Western Siberia in the second half of the XIX – first third of the XX centuries: historical and demographic characteristics. *Nauchnyy dialog – Scientific dialogue*. 1. pp. 411–425. (In Russian). doi: 10.24224/2227-1295-2021-1-411-425
20. Vasina, T.A. (2015) The Peskovsky factory in the materials of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal – Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal*. 4 (16). pp. 83–90. (In Russian).
21. Vasina, T.A. (2016) The Pudem factory in the materials of the First General Population Census of the Russian Empire in 1897. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. 2 (64). pp. 57–61. (In Russian).
22. Neklyudov, E.G. (2004) *Ural'skie zavodchiki v pervoy polovine XIX veka: vladel'tsy i vladeniya* [Ural factory owners in the first half of the 19th century: owners and possessions]. Nizhny Tagil: Izdatel'stvo NTGSPA.
23. Neklyudov, E.G. [et al.] (2013) *Predprinimateli Urala XVII – nachala XX v. Spravochnik. Vyp. 1. Ural'skie gornozavodchiki* [Entrepreneurs of the Urals of the 17th – early 20th centuries. Directory. Issue 1. Ural mining companies]. Yekaterinburg: UrO RAN.
24. Gavrilov, D.V. (2000) Zalazninskie chugunoplavil'nye i zhelezodelatel'nye zavody [Zalazna iron-smelting and iron-making factories]. In: *Ural'skaya istoricheskaya entsiklopediya* [Ural Historical Encyclopedia]. [Online] Available from: http://www.ural.ru/spec/ency/encyclopaedia-8-717-zalazninskie-chugunoplavilnye-i-zhelezodelatelnye-zavody.html
25. Sitnikov, V.A. (ed.) (2002) *Entsiklopediya zemli Vyatskoy* [Encyclopedia of the Vyatka province]. Vol. 1. Book 2. Kirov: "Vyatka".
26. Anon. (1890) *Kholunitskie zavody deystvitel'nogo statskogo sovetnika Al'fonsa Fomicha Poklevskogo-Kozell Vyatskoy gubernii, Slobodskogo i Glazovskogo uezdov* [Kholunitsky factories of the state councilor Alfons Fomich Poklevsky-Kozell in Vyatka Province, Slobodskoy and Glazov Districts]. Vyatka: Gubernskaya tipografiya.
27. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 5. List 1. File 1870.
28. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 5. List 1. File 1871.
29. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 5. List 1. File 1872.
30. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 5. List 1. File 1873.
31. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 5. List 1. File 1874.
32. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 5. List 1. File 1875.
33. Central State Archive of the Udmurt Republic (TsGA UR). Fund 5. List 1. File 1876.

34. Troynitskiy, N.A. (ed.) (1904) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. Vyp. 10: Vyatskaya guberniya* [The First General Population Census of 1897]. Vol. 10: Vyatka Province. Saint Petersburg: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta MVD.
35. Mironov, B.N. (2003) *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.)* [Social history of Russia during the Empire period (18th – early 20th centuries)]. Vol. 1. Saint Petersburg: "Dmitriy Bulanin".
36. Rashin, A.G. (1956) *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.). Statisticheskie ocherki* [The population of Russia for 100 years (1811–1913). Statistical essays]. Moscow: Gosudarstvennoe statisticheskoe izdatel'stvo.
37. Shabalin, D. (2019) Korvin-Krukovskiy Genrikh Osipovich [Genrikh Korvin-Krukovsky]. In: *Zabytye imena Permskoy gubernii* [Forgotten names of Perm Province]. [Online] Available from: http://www.fnperm.ru/%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%B2%D0%B8%D0%BD-%D0%BA%D1%80%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D1%80%D0%B8%D1%85-%D0%BE%D1%81%D0%B8%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87-.aspx
38. Anon. (1902) K delam Kholunitskikh zavodov [About the affairs of the Kholunitsky factories]. In: *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* [Appendix to the Vyatka Provincial Gazette]. 139. p. 1.
39. Anon. (1902) K delam Kholunitskikh zavodov [About the affairs of the Kholunitsky factories]. In: *Prilozhenie k Vyatskim gubernskim vedomostyam* [Appendix to the Vyatka Provincial Gazette]. 142. pp. 1–2.

Информация об авторе:
Васина Т.А. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук (Ижевск, Россия). E-mail: tatjasch@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
T.A. Vasina, Cand. Sci. (History), senior researcher, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: tatjasch@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 12.04.2022;
одобрена после рецензирования 24.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 12.04.2022;
approved after reviewing 24.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Научная статья
УДК 94(47).084.3
doi: 10.17223/15617793/479/12

«…Принять меры для воспрепятствования этой разлагающей работы»: Христианский союз молодых людей в восприятии Правительства А.В. Колчака

Кирилл Александрович Конев[1]

[1] *Томский государственный университет, Томск, Россия, konev-k-92@rambler.ru / kk.tsu@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются взаимоотношения руководства американского Христианского союза молодых людей (ХСМЛ), действовавшего в России в период Гражданской войны, и Российского правительства адмирала А.В. Колчака. Процесс принятия решений об ограничении или разрешении деятельности ХСМЛ на фронте и в тылу зависел от двух групп факторов – «идеологических» и «прагматических». Таким образом, стремление не идти на уступки союзникам и завышенные ожидания относительно их политики в отношении России делали политику Правительства А.В. Колчака государственно ориентированной, но слабой и непоследовательной.

Ключевые слова: Гражданская война в России; Российское правительство адмирала А.В. Колчака; Христианский союз молодых людей; США; союзная интервенция в Россию

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20–78–00094).

Для цитирования: Конев К.А. «…Принять меры для воспрепятствования этой разлагающей работы»: Христианский союз молодых людей в восприятии Правительства А.В. Колчака // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 110–118. doi: 10.17223/15617793/479/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/12

“… To take measures to prevent this corrupting work”: The Young Men’s Christian Association in the perception of the Kolchak government

Kirill A. Konev[1]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, konev-k-92@rambler.ru / kk.tsu@yandex.ru*

Abstract. The article considers the relationship between the leadership of the American Young Men’s Christian Association (YMCA), which operated in Russia during the Civil War, and the Russian Government under the leadership of Admiral Kolchak. The work of YMCA in Russia has repeatedly become the subject of consideration by foreign and domestic researchers. Western historians, focusing on the directions and principles of the organization’s activities, the biographies of its individual representatives, the peculiarities of working in the conditions of revolutionary and military chaos, paid less attention to identifying the reasons why the anti-Bolshevik forces in the East of Russia came to breaking off the relations with YMCA. Domestic researchers of the Soviet period mostly considered the work of YMCA in Russia as one of the directions of the intervention. Modern Russian historians, despite addressing poorly researched issues, also did not analyze the relationship between Omsk and YMCA in such details. The aim of this work is to consider the features of decision-making that determined the dynamics of relations between the Omsk Government and its foreign Allies through identifying and analyzing the factors that influenced the perception of the actions of the representatives of YMCA by the military-political leadership of the anti-Bolshevik forces in the East of Russia. The sources for the study were unpublished office documents reflecting the course of the policy-making process in relation to YMCA on the part of military and civilian officials of the Omsk Government, as well as materials of the periodical press. As a result of the study, the author found that the decision-making process on limiting or allowing YMCA activities at the front and in the rear depended on two closely intertwined groups of factors that can be conditionally designated as “ideological” and “pragmatic”. Stereotypical ideas about the United States as a rich and powerful empire raised doubts about the need to provide the benefits requested by YMCA. At the same time, the fears of the military, which saw YMCA as an intelligence agency or a conductor of the ideas of socialism and Freemasonry, intertwined with attitudes to protect national interests, pushed to the conclusion that it was necessary to ban the work of Americans. The analyzed case, according to the author, gives grounds to believe that the relations of the Omsk Government and the foreigners could be built on similar principles in other cases. The aspiration of not to

© Конев К.А., 2022

make concessions to the Allies, coupled with inflated expectations about their capabilities and the desire to help Russia, made the foreign policy of the Kolchak Government state-oriented, but extremely weak and inconsistent.

Keywords: Civil War in Russia, Russian Government of Admiral Kolchak, Young Men's Christian Association, USA, allied intervention in Russia

Financial Support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 20-78-00094.

For citation: Konev, K.A. (2022) "… To take measures to prevent this corrupting work": The Young Men's Christian Association in the perception of Kolchak's government. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 110–118. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/12

Вмешательство стран Антанты и США в Гражданскую войну в России не исчерпывалось действиями политиков, дипломатов и военных. Интервенция затрагивала также сферу экономики и транспорта, проявлялась в информационной работе. Активную деятельность на территории, охваченной Гражданской войной в России, развернул Христианский союз молодых людей (ХСМЛ) – гуманитарно-просветительская организация, объединявшая представителей различных христианских конфессий. Союз был основан в 1844 г. в Лондоне и получил широкое распространение во второй половине XIX в., особенно в США. ХСМЛ являлся светской организацией, руководствовавшейся христианскими идеалами в своей просветительской и воспитательной работе, целью которой являлось «умственное, нравственное и физическое развитие» молодежи из различных слоев населения. В 1911 г. ХСМЛ насчитывал около 1 млн членов и около 7 тыс. отделений по всему миру. В 1919 г. в составе организации насчитывалось 1,5 млн чел. [1. С. 188].

В России первым отделением ХСМЛ стало возникшее в 1900 г. в Санкт-Петербурге общество «Маяк», которое прекратило свою деятельность в апреле 1918 г. После Февральской революции в 1917 г. деятельность ХСМЛ в России значительно расширилась. Временное правительство, заинтересованное в получении помощи от США, предоставило Союзу ряд льгот и привилегий [1. С. 190]. Гуманитарная помощь, оказываемая ХСМЛ населению и русским солдатам на фронте, также отвечала интересам союзников, стремившихся не допустить выхода России из войны.

В работах западных историков, прежде всего американских, рассматривается организационная структура, задачи, основные направления и итоги работы ХСМЛ в России в первой четверти XX в. Официальные документы, переписка членов ХСМЛ и их воспоминания, послужившие источниками для зарубежных исследователей, дают не только фактические сведения, но и позволяют ознакомиться с представлениями руководства и рядовых сотрудников Союза относительно ситуации в России и роли их организации в происходивших событиях [2–5]. Зарубежные исследователи отмечают, что руководство ХСМЛ неоднозначно воспринимало советское правительство, хотя явный антирелигиозный настрой большевиков не мог не беспокоить секретарей союза [3. P. 482]. В результате, ХСМЛ, пусть и стремившийся к нейтралитету, все же не сумел избежать вовлечения в Гражданскую войну, поскольку его деятельность «являлась неотъемлемой частью политики союзников» [4. P. 120], поддержавших в конечном итоге белых.

Представители отечественной историографии советского периода также обращались к теме деятельности ХСМЛ на территории России. В ряде публикаций, посвященных изучению советско-американских отношений и союзной интервенции, работа ХСМЛ однозначно трактовалась как одна из форм идеологической интервенции союзных держав [6–8]. Вместе с тем историки советского периода существенно дополнили картину деятельности ХСМЛ за счет русскоязычных источников.

На современном этапе российские исследователи рассматривают работу ХСМЛ в России в контексте союзной интервенции [9], в рамках изучения гуманитарных, религиозных и молодежных организаций, действовавших на территории России в первой половине XX в. [1, 10, 11], а также при обращении к истории российской эмиграции [12]. В результате вводятся в оборот новые источники и происходит расширение проблемного поля и тематики исследований.

По мнению А.В. Шмелева, исследовавшего взаимоотношения антибольшевистских сил с союзниками, Правительство А.В. Колчака стремилось проводить самостоятельную и великодержавную внешнюю политику. Однако слабость проводников этой политики сказывалась на ее эффективности [13. С. 221]. Выражалась ли данная специфика внешней политики Правительства А.В. Колчака в контексте взаимоотношений с ХСМЛ? Поскольку работа Союза являлась частью политики США и стран Антанты в отношении России в 1918–1920 гг., выявление особенностей восприятия организации руководством антибольшевистских сил и населением напрямую связано с процессом изучения тех трансформаций, которые претерпевали представления о союзниках и внешнем мире в целом. Кроме того, определение причин, влиявших на формирование образа ХСМЛ и его деятельности в России, поспособствует более глубокому пониманию механизма выстраивания взаимоотношений между антибольшевистскими силами и их иностранными союзниками.

В данной работе реконструируются взаимоотношения Российского правительства адмирала А.В. Колчака и ХСМЛ и определяются особенности восприятия деятельности Союза омскими правительственными чиновниками. Цель исследования – выявить и проанализировать факторы принятия внешнеполитических решений представителями Правительства адмирала А.В. Колчака в ходе их взаимодействия с иностранными союзниками.

Источниками выступили делопроизводственные документы, относящиеся к деятельности правитель-

ственных чиновников и представителей Штаба верховного главнокомандующего, хранящиеся в фондах центральных государственных архивов, а также сибирская и дальневосточная периодическая печать рассматриваемого периода. Данные материалы позволяют проследить развитие непростых взаимоотношений между лидерами антибольшевистского движения на востоке России и руководством ХСМЛ и выявить в некоторых случаях особенности взаимного восприятия.

К тому моменту, когда в Омске установилась власть Правительства адмирала А.В. Колчака, ХСМЛ, как отмечалось выше, вел активную деятельность на территории России, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке. В августе 1918 г. отделение Союза действовало в Архангельске, где оказывало помощь войскам стран Антанты [3. P. 483]. На востоке России секретари ХСМЛ сопровождали чехословацкие эшелоны, двигавшиеся к Владивостоку. Восстание чехов, послужившее отправной точкой для эскалации Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, привело к вовлечению Союза в противоборство между красными и антибольшевистскими силами (чехами и белыми). Начало союзной интервенции в Приморье способствовало еще большему расширению деятельности организации. ХСМЛ обслуживал не только американские, чехословацкие и другие союзные войска в регионе. Получателями помощи стали военнослужащие белых армий, русские солдаты, возвращавшиеся на территорию Сибири из германского плена, военнопленные центральных держав, находившиеся в лагерях в Восточной и Западной Сибири, а также гражданское население [4. P. 120].

Местом расположения Главного управления ХСМЛ стал Владивосток. Местная ячейка союза – общество «Маяк» – развернула широкую деятельность, направленную на представителей различных возрастов и слоев населения – проводились образовательные чтения, беседы, поездки, открывались учебные курсы, религиозно-нравственные и другие кружки, а также столовые, общежития, читальни, устраивались игры, различные развлечения и занятия для «удовлетворения духовных и материальных интересов молодых людей» [9. С. 121]. В крупных сибирских городах также были открыты отделения ХСМЛ для обслуживания гражданского населения и солдатские клубы.

Для осуществления своей деятельности среди русского населения и солдат Союзу необходимо было установить контакты с представителями антибольшевистских властей и договориться с ними об условиях, объемах и способах оказания помощи. Еще в октябре 1918 г. руководство ХСМЛ обратилось к Управляющему МИДа Ю.В. Ключникову с просьбой назначить 340 секретарей для работы в Сибири. Из них 50 американских секретарей направлялись бы на фронт, 50 – в сибирские города для создания солдатских клубов, остальные составили бы необходимый вспомогательный персонал. Помимо этого, Союз касался вопроса о предоставлении ряда льгот и преференций. По существу, американцы просили Омск подтвердить те привилегии, которые были даны им ранее правительством Керенского. Так, организация запрашивала права на беспошлинный ввоз грузов из-за границы и их бесплатный и внеочередной провоз по сибирским железным дорогам; бесплатное пользование российским телеграфом; реквизицию помещений для клубов, контор и квартир секретарей Союза; покупку необходимых припасов в Интендантстве; бесплатную пересылку писем, написанных солдатами в клубах ХСМЛ, а также возможность предоставления Союзу товарных и классных вагонов. Ежемесячное количество вагонов, необходимых для перевозки американских грузов и товаров из Владивостока и Харбина на запад, составляло 120 шт., оговаривалось при этом, что товары должны были продаваться по себестоимости. Кроме того, ХСМЛ просил прикомандировать к своим отделениям русских солдат, негодных к строевой службе, которые при этом должны были обеспечиваться всем необходимым русским командованием [14. Л. 16–18].

Вопрос о принятии данных условий предстояло решить правительству А.В. Колчака, пришедшему к власти после переворота 18 ноября 1918 г. Как оказалось впоследствии, именно проблема предоставления льгот стала тем камнем преткновения, который привел к возникновению серьезных противоречий между ХСМЛ и Омском. Представители различных ведомств неоднозначно отреагировали на данные условия. Так, по мнению Министерства народного просвещения, предложения Союза «представлялись заслуживающими внимания и поддержки», о чем товарищ министра Г.К. Гинс телеграфировал в МИД в декабре 1918 г. В то же время он отмечал, что оценка условий и возможности их удовлетворения должна производиться такими ведомствами, как Военное и Путей сообщения [14. Л. 19].

Тогда же в Совет министров поступила телеграмма от Верховного уполномоченного на Дальнем Востоке Д.Л. Хорвата. В ней он ходатайствовал об отмене данного ХСМЛ в 1917 г. права на бесплатный, внеочередной провоз грузов. По словам генерала, подобной льготой не пользовались даже русские организации. Предоставление такого права Союзу привело бы к аналогичным ходатайствам других обществ, что явилось бы причиной «громадных расходов» и нарушений в ходе эксплуатации железных дорог [14. Л. 27–27 об.]. Управляющий МИДа И.И. Сукин тем временем передал американцам ряд требований, на основании которых должна была, по мнению Министерства, осуществляться деятельность Союза среди военнослужащих. Они включали в себя следующее: к работе с солдатами привлекались бы только американские граждане; Союз должен был осуществлять свою деятельность за пределами солдатских казарм; в то же время она ограничивалась бы устройством питательных пунктов, развлечениями, спортом, показом кинофильмов, исключались при этом любые образовательные и воспитательные мероприятия; Союзу надлежало предоставить подробный план намеченной программы действий и не расширять его без официального разрешения. Американцы соглашались, прося при этом русские военные власти назначить опреде-

ленное лицо, с которым можно было наладить коммуникацию для обсуждения вопросов, касающихся деятельности ХСМЛ. Обо всем этом И.И. Сукин сообщал начальнику штаба верховного главнокомандующего Д.А. Лебедеву 4 февраля 1919 г. [14. Л. 30 об.]. Лицом для связи с Союзом впоследствии был назначен ротмистр П. Толстой-Милославский [14. Л. 35–36]. В то же время И.И. Сукин, как отмечают американские исследователи, пообещал старшему секретарю ХСМЛ в Сибири Э.Т. Хилду, что вскоре правительством будут подготовлены документы, которые обеспечили бы выполнение предложенных американцами условий [3. P. 486].

В феврале 1919 г. между правительственными ведомствами состоялся обмен телеграммами относительно деятельности ХСМЛ и запрашиваемых им льгот. Из телеграмм, поступивших в МИД от Главного управления Красного Креста, Военного министерства и Министерства финансов, можно увидеть, что вопрос о предоставлении преференций вызвал в целом отрицательную реакцию. При этом претензии к ХСМЛ сводились к двум аспектам, которые условно можно обозначить как «идеологический» и «прагматический».

Первый аспект был обусловлен программой деятельности Союза на фронте, которая была весьма неоднозначно воспринята и проинтерпретирована военными чинами армии А.В. Колчака. Так, помощник военного министра сообщал И.И. Сукину о том, что «по заключениям старших начальников, действующих на фронте войск, деятельность ХСМЛ вызывает подозрения относительно ее целей, особенно вследствие наличия среди агентов этой организации значительного количества лиц еврейского происхождения» [14. Л. 34]. Союз подозревался в разложении воинских частей белых путем распространения социалистической пропаганды среди солдат. Сами американцы связывали рост недоверия к ХСМЛ с военными неудачами армий А.В. Колчака. Секретарь союза Е.Т. Хилд сообщал в то время Дж. Мотту из Омска о том, что в правительстве существовало две группы: так называемая «прогрессивная», к которой он относил министра И.И. Сукина и А.В. Колчака, и «Генеральный штаб», включавший в себя «реакционные монархические остатки старого режима». Именно военные выступали против всех «демократических влияний и любого внешнего воздействия таких организаций, как американский Красный Крест и ХСМЛ» [3. P. 485]. Дальнейшие события во многом подтвердили слова Е.Т. Хилда. Консервативно настроенные военные впоследствии активно выступали за урезание программы деятельности ХСМЛ и удаление секретарей с фронта.

Прагматический аспект непосредственно зависел от содержания требований американцев. По мнению Военного министерства, они являлись «неприемлемыми в силу совершенной невозможности выполнить их при настоящих условиях без громадного ущерба для дела возрождения России». Список американских условий вызывал недоумение у белых, считавших, что помощь, которую «мы вправе ожидать от наших союзников, могла бы быть более бескорыстной и во всяком случае не должна сопровождаться обременением и без того ужасно расстроенного нашего транспорта» [14. Л. 34]. Для обоснования отказа предоставления льгот Союзу военные и гражданские чиновники указывали на тот факт, что ни одна из российских благотворительных организаций не пользуется такими привилегиями.

Для выработки согласованного между всеми заинтересованными министерствами и организациями решения относительно предоставления ХСМЛ льгот было решено создать междуведомственную комиссию. Первое ее заседание состоялось 22 февраля 1919 г. Председательствовал на собрании исполняющий должность директора 2-го департамента МИДа Н.И. Никифоров. Присутствовали представители следующих ведомств: МИДа (С.С. Аксаков), Военного министерства (А.С. Кондрашов), Ставки верховного главнокомандующего (П. Толстой-Милославский), МВД (П.А. Вербицкий), Минфина (Н.А. Вологин), Путей сообщения (В.Е. Иванов), Временного Главного управления Красного Креста (А.Н. Шелашников, К.Н. Фаминский).

В ходе обсуждения военные выступали за прекращение деятельности Союза на фронте. В качестве аргументов ротмистр Толстой-Милославский приводил ряд сведений, из которых следовало, что Союз «преследовал цели интернационализма и отвлечения верующих от национальной церкви» и был связан с масонством. При этом ротмистр ссылался на главного священника армии и флота, Высшее церковное управление и письмо адъютанта генерала В.И. Гурко [14. Л. 47]. Помимо этого, офицер сообщал о стремлении американцев захватить лучшие здания под свои нужды. Полковник А.С. Кондрашов также считал необходимым удаление ХСМЛ с фронта, допуская деятельность Союза в тылу «с известными ограничениями». В то же время Н.И. Никифоров отмечал, что пойти навстречу американцам в их намерении дешево продавать товары солдатам желательно не только из дипломатических соображений, но и для улучшения положения солдат на фронте [14. Л. 48].

В итоге комиссия пришла к компромиссному решению – признать приемлемой только материальную помощь со стороны Союза. Также разрешалась перевозка грузов Союза по тарифам не ниже установленных для других благотворительных учреждений, в том случае если грузы – импортные и предоставлялись бы Красному Кресту и Интендантству. Разрешалась беспрепятственная продажа билетов всем секретарям ХСМЛ на все железные дороги, за исключением поездов-экспрессов. Освобождалось от таможенных пошлин имущество ХСМЛ, но не товары для торговли. Предоставление права бесплатной пересылки солдатских писем, с печатью Союза, признавалось «нежелательным» [14. Л. 49].

В марте 1919 г. И.И. Сукин неоднократно просил Д.А. Лебедева сообщить конкретные сведения, на основании которых военные отрицательно относились к удовлетворениям ходатайства ХСМЛ и в целом к его деятельности [14. Л. 52–52 об., 59, 72]. При этом

необходимо отметить, что часть военнослужащих, чиновников и обывателей благожелательно оценивала американскую помощь [14. Л. 102]. В распоряжение МИДа и других ведомств поступали документы, освещавшие работу Союза. Например, согласно отчету комитета оказания помощи, возвращающимся русским пленным в декабре 1918 г. – январе 1919 г. ХСМЛ совместно с Русским Красным Крестом организовали в Челябинске питательный пункт для пленных, через который прошло к 1 февраля 37 396 чел. Из них 20 525 получили от ХСМЛ подарки, включавшие ложку, сахар, чай, сухари и папиросы, 1 146 чел. получили новую одежду [14. Л. 67–68].

Затягивание вопроса о предоставлении льгот и предвзятое отношение военных к Союзу побуждали американцев к прекращению деятельности среди солдат армии А.В. Колчака. Старший секретарь ХСМЛ по Западной Сибири Е.Т. Хилд в телеграмме Толстому-Милославскому от 10 марта 1919 г. указывал на то, что отсутствие официальных бумаг от правительства, подтверждавших желательность деятельности Союза, существенно осложняло работу секретарей на фронте и в прифронтовой зоне. «Доброжелательное отношение к нашей работе для Русской армии, кажется и в особенности за последнее время, изменилось, и как мы понимаем, работа Союза считается нежелательной», – отмечал Е.Т. Хилд. Кроме того, секретарь уведомлял русские власти о данном всем сотрудникам Союза телеграфном распоряжении – временно прекратить деятельность и отпуск товаров до получения обещанных бумаг и «полного уверения о желательности деятельности Союза» [14. Л. 54]. Тогда же Хилд обратился к Толстому-Милославскому с опровержением слухов о недоброжелательном отношении Союза к офицерам армии А.В. Колчака, заявив, что им всегда рады в клубах ХСМЛ [14. Л. 56].

Верховное командование, в свою очередь, решило поскорее избавиться о присутствия «христианских мальчиков» на фронте. 22 марта ХСМЛ было направлено письмо, в котором сообщалось о воспрещении секретарям Союза осуществлять свою деятельность среди войск [14. Л. 74]. Вероятно, что в связи с данной мерой следует рассматривать и Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего № 235 от 19 марта 1919 г., в котором указывалось на недопустимость непосредственного обращения начальников воинских частей к союзникам по вопросам снабжения, что нарушало «организацию дела снабжения армии и планомерность распределения состоящего в ведении Военного министерства имущества» [15. Л. 396].

В связи с запрещением работы ХСМЛ на фронте секретари были оповещены о необходимости возвращения в тыл к 30 апреля, лавки союза подлежали закрытию к 1 мая 1919 г., а товары распродавались полковым лавкам. Вместе с тем Хилд предлагал продолжать деятельность ХСМЛ в тылу для оказания помощи гражданскому населению, армии, союзным войсками и бывшим военнопленным. Предполагалось, что работать будут только секретари-американцы, помощники и переводчики назначались бы с согласия военных властей, клубы организовывались вне казарм, деятельность в них ограничивалась только кино, спортом, увеселениями и научными лекциями, одобренными властями, религиозная и просветительская деятельность исключалась. ХСМЛ предлагал свои услуги в Омске, Томске, Новониколаевске, Красноярске, Барнауле и Семипалатинске [14. Л. 76].

На очередном заседании Междуведомственной комиссии по вопросу о льготах для ХСМЛ, состоявшемся 8 мая 1919 г., военные вновь приводили доводы против деятельности Союза. Ротмистр Толстой-Милославский указывал на то, что значительное количество агентов организации – евреи. Также офицер ссылался на информацию от штабс-ротмистра Н.Л. Жадвойна, который подтверждал сведения от Гурко и сообщал о разведывательных целях ХСМЛ на Дальнем Востоке. После обмена мнениями участники совещания высказались за ликвидацию деятельности Союза в России [14. Л. 88–89].

Важно отметить, что содержание письма Хилда, в котором он сообщал о своих переговорах с Сукиным и, оценивая политическую ситуацию в Омске, говорил о двух партиях – «прогрессивной» и «реакционной», – стало к маю 1919 г. известно военным. Это в свою очередь не могло не повилять на их отношение к американцам. В докладе начальника особого отдела штабс-ротмистра Н.Л. Жадвойна по этому поводу отмечалось, что американцы, видя враждебное отношение военных к евреям среди сотрудников ХСМЛ, стали сокращать их присутствие в России. Также офицер докладывал о начале кампании, целью которой было поддержать Союз и «повлиять на Совет министров не соглашаться с мнением междуведомственного совещания **о полной ликвидации деятельности Союза** (выделено в тексте. – *Прим. авт.*) [16. Л. 6–6 об.]. Ротмистр Толстой-Милославский, выступая на совещании 8 мая, также ссылался на данную информацию. По его словам, несмотря на заявления представителей ХСМЛ об отсутствии у Союза политических целей, письмо Хилда руководству «наполнено соображениями по поводу политики Правительства» и перечислением омских политиков-реакционеров [14. Л. 88 об.].

Тем временем 30 мая главный секретарь ХСМЛ в России Г.С. Фелпс обратился в МИД с предложением новой программы деятельности организации в Сибири. Она предполагала согласованное обслуживание русских солдат; современную общественную работу и регулярные городские мероприятия, включавшие кино, игры и лекции; обучение сельскохозяйственным новшествам для деревни; помощь вернувшимся военнопленным и железнодорожным служащим [14. Л. 104–105 об.]. Как отмечали американские исследователи, ХСМЛ не собирался сдаваться, и его руководство стремилось по дипломатическим каналам добиться сотрудничества с Омском. Так, представитель ХСМЛ Колтон обращался за поддержкой к послу в США Б.А. Бахметьеву, который одобрил работу Союза [3. P. 487].

Однако и в Омске не все чиновники до конца были готовы полностью прекратить работу ХСМЛ. На

вновь состоявшемся 6 июня 1919 г. заседании Междуведомственной комиссии сотрудник МИД Никифоров отметил, что данные, сообщенные ранее ротмистром Толстым-Милославским и повлиявшие на постановление комиссии, «несколько сгущены и, во всяком случае, односторонни». Никифоров указывал на связь ХСМЛ с правительством и Конгрессом США и отмечал, что Союз является мощной организацией, урезание льгот или ликвидация деятельности которой могли произвести неблагоприятное впечатление в Америке. Также сотрудник Министерства сообщал о готовности руководства Союза дать гарантии лояльности, отказаться от любой политической деятельности и стремлении работать совместно с Русской православной церковью [14. Л. 118–118 об.].

Представитель Министерства финансов Я.Л. Белоблоцкий полагал, что единственным приемлемым путем для ХСМЛ являлось содействие имеющимся русским организациям и задавался вопросом: «рационально ли предоставлять Союзу льготы, когда русские организации не пользуются такими?». Подобным образом высказывался и помощник юрисконсульта Ю.Н. Фармаковский, считавший, однако, что если ходатайство Союза по политическим соображениям будет удовлетворено, необходимо все же по возможности ограничить льготы [14. Л. 119].

Любопытным представляется мнение представителя МВД А.Я. Чихачева, который со ссылкой на беседу с крупными отечественными торгово-промышленниками указывал на цель ХСМЛ – «экономическое порабощение России». По словам чиновника, американские капиталисты, спонсировавшие Союз, для выполнения своих коммерческих планов стремились к стиранию «национальных рамок», препятствовавших их экспансии. «Поэтому, в то время, когда прогресс возрождения России стоит в прямой зависимости от восстановления нашей национальной физиономии, деятельность Союза на территории Российского правительства недопустима», – полагал А.Я. Чихачев [14. Л. 114–114 об.]. В ходе дальнейших прений военные заявили о наличии у них данных о спекулятивной деятельности ХСМЛ и обратили внимание на то, что требуемые льготы «не так безобидны». Так, запросы о снятии пошлин касались таких вещей, как автомобили и горючее, которые не могли быть проданы обычным солдатам. Прозвучали также предложения о возможной работе ХСМД в качестве подсобной организации, в связке с Российским Красным Крестом [14. Л. 120–120 об.].

Наконец, Я.Л. Белоблоцкий, признавая, что в текущих условиях приходится делать многие уступки союзникам, предложил оттянуть решение вопроса до признания Российского правительства державами. На это Н.И. Никифоров указал на нежелательность дальнейших проволочек и предложил разрешить беспошлинный ввоз или отсрочку уплаты пошлин для товаров, заготовленных до 1 апреля 1919 г. В свою очередь Я.Л. Белоблоцкий посчитал такую меру опасной, поскольку беспошлинный ввоз товаров позволял американцам продавать их гораздо дешевле, чем российские организации. Результатом разницы цен, по его мнению, мог стать «ропот населения и масса недоразумений». Довольно показательна и фраза Белоблоцкого, характеризующая восприятие американцев русскими: «Союз, располагая громадными денежными средствами, не должен бы интересоваться именно этой льготой» [14. Л. 120–121]. Итогом совещания стало подтверждение резолюции от 8 мая 1919 г. об ограничении работы ХСМЛ.

В начале июля в Совет министров и МИД был разослан секретный доклад Начальника особого отделения штабс-ротмистра Н.Л. Жадвойна от 21 июня 1919 г. о деятельности ХСМЛ на Дальнем Востоке. В нем организация характеризовалась как «авангард» «экономической кампании», высылаемый для разведки быта, настроений населения и экономического состояния страны. Штабс-ротмистр отмечал высокий технический уровень просветительской работы – лекции сопровождались показом кино и туманных картин. Широкая благотворительная деятельность ХСМЛ, по мнению офицера, делала организацию чрезвычайно популярной среди населения и отлично подготавливала почву для дальнейшего функционирования. В докладе отмечалось стремление Союза работать в тесной связи с дальневосточной и сибирской кооперацией, которая могла дать не только ценные сведения экономического характера, но и выступить средой для набора подходящих сотрудников. Н.Л. Жадвойн, как и представители военного ведомства ранее, отмечал присутствие темы масонства в содержании лекций ХСМЛ, а в библиотеках – социалистической литературы. В заключение офицер рекомендовал установить более пристальное наблюдение за Союзом и стремиться к ограничению его деятельности [17. Л. 3–4]. Резолюция А.В. Колчака от 29 июня, сопровождавшая доклад, не сулила ХСМЛ перспектив сотрудничества с белыми: «ХСМЛ последнее время намерен сосредоточить свою работу в деревне. Необходимо принять меры для воспрепятствования этой разлагающей работы» [17. Л. 3].

Сообщение ротмистра было не единственным. Еще 10 июня 1919 г. Начальнику отдела контрразведки при штабе Верховного главнокомандующего поступил доклад поручика Баранова, который, сравнивая членов Союза с иезуитами, также сообщал о разведывательных задачах ХСМЛ и наличии среди них евреев [18. Л. 4–5]. Документы, в которых фигурировали одни и те же образы – «евреи», «масонство», «социалистическая пропаганда» и «разведка», не могли не формировать среди представителей Ставки и Военного министерства настороженно-неприязненного отношения к «христианским мальчикам», что влияло и на процесс принятия решений в ходе взаимоотношений официального Омска и секретарей Союза.

Прекращение деятельности ХСМЛ на востоке страны повлекло за собой и ликвидацию финансовых отношений между ним и антибольшевистскими официальными ведомствами. Однако военные не спешили расплачиваться с Союзом за отпущенные ранее товары, прикрываясь тяжелым положением на фронте, в результате чего И.И. Сукин вынужден был об-

ращаться в Военное министерство с просьбами возместить соответствующие расходы [14. Л. 156–157]. Правительство, запрещая деятельность ХСМЛ, в то же время стремилось выяснить, где и в каком количестве работают отделения организации. В середине июня 1919 г. управляющим губерний и областей МВД был отправлен циркуляр, в котором приказывалось сообщить, в каких местностях имелись учреждения Союза [16. Л. 11]. Согласно полученным телеграммам, отделения имелись в Омске, Красноярске, Уфе, Иркутске, Владивостоке, Томске, Барнауле, Челябинске, Новониколаевске, Чите и Харбине [16. Л. 10 об., 13, 15, 18, 20, 37, 39, 41, 44].

Несмотря на удаление с фронта и негативное отношение военного руководства к работе в тылу, секретари Союза пытались наладить работу в деревне. В августе 1919 г. в Томской губернии представители ХСМЛ обратились в земскую управу с предложением организовать разъездные чтения для крестьян по вопросу постановки сельского хозяйства, сопровождаемые демонстрацией кино. Управляющий губернией Б.М. Михайловский, разрешивший разъезд, тем не менее, 9 сентября просил министра внутренних дел, уведомить о необходимости прекращения чтений, если устройство их «нежелательно» [16. Л. 51–51 об.]. Министерство в своем ответе распорядилось прекратить деятельность ХСМЛ с формулировкой «…в деревнях признана недопустимой» [16. Л. 52]. Во избежание повторения подобных случаев 23 сентября всем управляющим губерний, находившихся в тот период под контролем правительства, МВД разослало циркуляр, где указывалось о недопущении работы представителей Союза в сельской местности [16. Л. 53].

В сложившихся условиях, достаточно неблагоприятных для ХСМЛ, в августе 1919 г. в Вашингтон выехали представители Союза, чтобы осведомиться у официальных лиц Госдепартамента о будущем своей работы в России. Рассматривался вопрос об отзыве секретарей Союза из России, однако они еще продолжали работу среди войск союзников, чехов и в тылу белых в Восточной Сибири и Приморье. ХСМЛ планировал сохранять свой форпост во Владивостоке и после ухода союзных войск из Приморья в начале 1920 г. руководство Союза готовилось при благоприятной обстановке возобновить работу в России. Ставка делалась на создание и развитие не американского, а русского ХСМЛ [3. P. 487–489]. Примечательно, что мысли о создании «самостоятельного и национального ХСМЛ в России» высказывались еще в августе 1919 г. в первом номере «Вестника ХСМЛ», вышедшего во Владивостоке с целью знакомства «членов и друзей Союза с той работой, которая ведется нашими отделами в различных городах Сибири» [19. С. 3]. В конечном итоге работа организации завершилась Владивостоке в 1923 г. после вхождения Дальневосточной республики в состав РСФСР [20. С. 449].

Необходимо отметить, что образ ХСМЛ, сложившийся в информационном пространстве востока России, был неоднозначен, впрочем, как и образ американцев в целом. Ряд инцидентов с участием американских интервентов в Приморье вызывал недовольство прессы и общественности, что косвенно могло влиять и на восприятие работы представителей Союза. В то время как секретари Союза указывали на неодобрительное отношение «военной партии» и части общественного мнения, упомянутый Н.Л. Жадвойн отмечал, что значительная часть газет, особенно изданий кооперации, симпатизировала ХСМЛ [17. Л. 4], что было не лишено оснований. Например, журнал «Томский кооператор» сообщал о просветительской работе Всесибирского Союза земств и городов, отделение которого «Сибземгор-Кино» через ХСМЛ готово было закупить киноаппараты и необходимые материалы к ним для организации кинопоказов в деревнях [21. С. 26–27]. Вместе с тем забайкальские консервативные издания, выступавшие в поддержку атамана Г.М. Семенова, подвергали Союз насмешкам и критике, затрагивая уже знакомые темы – наличие евреев среди сотрудников ХСМЛ, двусмысленность его эмблемы (красный треугольник вершиной вниз, намекающий на масонство), случаи конфликтов между «христианскими мальчиками» и русскими офицерами [22]. «Сколько помнится, никто их к нам сюда не звал, – сами пришли, – но вид имеют такой, как будто без них мы ни в каком случае не можем обойтись», – выражал свое отношение к Союзу некто Н. Оль [23].

Рассмотренный кейс позволяет сделать ряд выводов. Определение официальной линии в отношении союзников зависело от нескольких групп влияния в правительственных кругах, которым не всегда удавалось быстро достичь согласия между собой. Представители заинтересованных ведомств по-разному оценивали выгоды и риски от сотрудничества ХСМЛ и Омска. Сторонники предоставления льгот ХСМЛ, к которым относились чиновники МИДа во главе с И.И. Сукиным, апеллировали к возможным выгодам от сотрудничества и важности недопущения «обид» со стороны руководства США. И.И. Сукин, известный своей проамериканской позицией и прозванный «американским мальчиком», стремился к сохранению преференций для ХСМЛ, надеясь на укрепление сотрудничества с США. Между тем мотивация противников работы Союза на востоке России не была обусловлена лишь тем, что среди них были «реакционеры», как об этом сообщал Хилд. В то время как военные говорили о том, что «христианские мальчики» ведут разведку и распространяют социалистические и масонские идеи, омские чиновники пытались взглянуть на ситуацию с точки зрения прагматики и возможных выгод или издержек. При этом реконструкция взаимоотношений правительства и Союза показывает, что принятие решений об ограничении или разрешении активности организации происходило под влиянием двух тесно переплетенных групп факторов – «идеологических» и «прагматических».

Недоверие к американцам со стороны военных, замешанное на антисемитизме и консерватизме, являлось своеобразной идеологической «оберткой» для служебных прагматических задач. Представители Ставки и контрразведки, видя в американцах возможную помеху для своей работы по «возрождению России» и ведения боевых действий, стремились минимизировать воз-

можные риски со стороны ХСМЛ. Потеря дополнительного источника материальной помощи при этом рассматривалась как меньшее зло. Показательны слова ротмистра Толстого-Милославского, признававшего, что «Союз с одной стороны, несомненно, оказывает известную помощь нуждающимся, но с другой – он нередко является разведкой политической, экономической и военной» [16. Л. 8].

Гражданские чиновники также стремились к соблюдению государственных интересов в том виде, в каком они им представлялись. Не случайны в этом контексте доводы об «обременении расстроенного транспорта», невыгодных последствиях от продажи дешевых американских товаров и т.п. Кроме того, прагматизм омских чиновников основывался и на определенных стереотипах об Америке, представлениях о ее богатстве, технологическом развитии и широких возможностях. Характерны в данном случае и опасения насчет разведывательных целей Союза как авангарда иностранного капитала, и удивление по поводу того, что такая богатая организация, как ХСМЛ, просит льготы у русских. Такое поведение американцев могло вызвать не только недоумение, но и раздражение у членов правительства или обывателей. Показательна статья, вышедшая в конце августа 1919 г. во владивостокской газете «Голос Приморья»: «Вот, вот придет к нам янки и окажет в тяжелую минуту реальную помощь: на то и друг. Что ему стоит? Нажать только какую-нибудь кнопку, и пойдут к нам пароходы…», – характеризовал автор «радужные надежды» «наивных» русских на помощь американцев. Затем, однако, в публикации выражались сомнения в способности США помочь России [24]. Таким образом, представления о богатых и могущественных заокеанских соседях, которым ничего не стоит помочь России, влияли на восприятие политики союзников, порождая завышенные ожидания и надежды, а затем закономерные обиды и претензии.

Российское правительство, стремясь к осуществлению независимой, державной политики, основанной на учете национальных интересов, оказалось неспособно ее реализовывать. Этому способствовал и неповоротливый механизм согласований и принятия решений ответственными акторами, и отсутствие единой, последовательной политики, которая подкреплялась бы внутренней силой и единством мнений ее проводников. В условиях дефицита информации, в состоянии неопределенности и несогласованности действий военных и чиновников, ответственных за взаимодействие с иностранцами, принятие решений зависело от идеологических представлений, стереотипов, опасений или ожиданий. Менявшаяся политическая конъюнктура и формировавшийся образ Антанты и США, частью которого были представления о роли ХСМЛ, таким образом, находились в прямой зависимости друг от друга, что определяло динамику взаимоотношений политических и военных элит антибольшевистского движения и их иностранных союзников.

Список источников

1. Потапова Н.В. Евангельское христианство и баптизм в России в 1917–1922 гг. (на материалах Дальнего Востока) : в 2 т. Южно-Сахалинск : Изд-во СахГУ, 2014. Т. 2.
2. Colton E.T. With the Y.M.C.A. in Revolutionary Russia // Russian Review. 1955. April. Vol. 14, № 2. P. 128–139.
3. Davis D.E., Trani E.P. The American YMCA and the Russian Revolution // Slavic Review. 1974. Sep. Vol. 33, № 3. P. 469–491.
4. Miller M.L. The American YMCA and Russian Culture: The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940. Lanham, Md. : Lexington Books, 2013. 300 p.
5. Steuer K.A. Pursuit of an “Unparalleled Opportunity”: The American Young Men’s Christian Association and Prisoner-of-War Diplomacy Among the Central Power Nations during World War I, 1914–1923 // gutenberg-e. URL: http://www.gutenberg-e.org/steuer/steuer.intro.html (дата обращения: 11.06.2021).
6. Флеров В.С. Контрреволюционная деятельность церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918–1923 гг. // Ученые записки Томского ун-та. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1959. Т. 37. С. 71–133.
7. Евтушевский А.Г. Идеологическая интервенция США на Дальнем Востоке и борьба с ней (1917–1922 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Томск : [Б. и.], 1980. 180 с.
8. Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск : Наука, 1983. 333 с.
9. Фролова Е.А. Американская интервенция на российском Дальнем Востоке в годы Гражданской войны: идеологический аспект // Россия и АТР. 2009. № 1 (63). С. 119–123.
10. Алексеева И.А. История Всемирного христианского молодежного движения в России. М. : АИРО-XXI, 2007. 152 с.
11. Федирко О.П. Деятельность молодежных организаций на Дальнем Востоке (1918–1922) // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 37–41.
12. Дубаев М.Л. Христианский союз молодых людей и русская эмиграция в Китае. Культурологический аспект взаимодействия русской общины с молодежными эмигрантскими организациями (первая половина XX в.) // История и современность. 2009. № 1. С. 33–44.
13. Шмелев А.В. Внешняя политика адмирала А.В. Колчака. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 266 с.
14. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р200. Оп. 1. Д. 130.
15. Архив НБ ТГУ, 1-733455. Приказы начальника штаба Верховного главнокомандующего. Декабрь 1918 г. – март 1919 г. № 60–239. Омск, 1919.
16. ГАРФ. Ф. Р147. Оп. 10. Д. 47а.
17. ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 3. Д. 41.
18. Российский государственный военный архив. Ф. 40218. Оп. 1. Д. 104.
19. Друзья читатели! // Вестник ХСМЛ. Владивосток. 1919. № 1. 17 августа.
20. Далгатов А.Г. Деятельность международных «внеконфессиональных» объединений в Советской России (1917 – конец 1920-х гг.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Иваново, 2015. С. 444–450.
21. «Сибземгор» // Томский кооператор. Томск. 1919. № 32. 16 авг. С. 26–27.
22. Черниговец. «Союз христианской молодежи» // Русский восток. Чита. 1919. 11 мая (28 апреля).
23. Оль Н. «Меч духовный» // Русский восток. Чита. 1919. 12 марта (27 февраля).
24. Янки // Голос Приморья. Владивосток. 1919. 28 августа.

References

1. Potapova, N.V. (2014) *Evangel'skoe khristianstvo i baptizm v Rossii v 1917–1922 gg. (na materialakh Dal'nego Vostoka): v 2 t.* [Evangelical Christianity and Baptism in Russia in 1917–1922. (on the materials of the Far East): in 2 volumes]. Vol. 2. Yuzhno-Sakhalinsk: SakhSU.
2. Colton, E.T. (1955) With the Y.M.C.A. in Revolutionary Russia. *Russian Review.* 14 (2). pp. 128–139.
3. Davis, D.E. & Trani, E.P. (1974) The American YMCA and the Russian Revolution. *Slavic Review*. 33 (3). pp. 469–491.
4. Miller, M.L. (2013) *The American YMCA and Russian Culture: The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940.* Lanham, Md.: Lexington Books.
5. Steuer, K.A. (2021) *Pursuit of an "Unparalleled Opportunity": The American Young Men's Christian Association and Prisoner-of-War Diplomacy Among the Central Power Nations during World War I, 1914–1923*. [Online] Available from: http://www.gutenberg-e.org/steuer/steuer.intro.html (Accessed: 11.06.2021).
6. Flerov, V.S. (1959) Kontrrevolyutsionnaya deyatel'nost' tserkovnikov i sektantov na Dal'nem Vostoke v 1918–1923 gg. [Counter-revolutionary activities of churchpeople and sectarians in the Far East in 1918-1923]. *Uchenye zapiski Tomskogo un-ta.* 37. pp. 71–133.
7. Evtushevskiy, A.G. (1980) *Ideologicheskaya interventsiya SShA na Dal'nem Vostoke i bor'ba s ney (1917–1922 gg.)* [Ideological US intervention in the Far East and the fight against it (1917–1922)]. History Cand. Diss. Tomsk.
8. Svetachev, M.I. (1983) *Imperialisticheskaya interventsiya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke (1918–1922 gg.)* [Imperialist intervention in Siberia and the Far East (1918–1922)]. Novosibirsk: Nauka.
9. Frolova, E.A. (2009) Amerikanskaya interventsiya na rossiyskom Dal'nem Vostoke v gody Grazhdanskoy voyny: ideologicheskiy aspekt [American intervention in the Russian Far East during the Civil War: an ideological aspect]. *Rossiya i ATR*. 1 (63). pp. 119–123.
10. Alekseeva, I.A. (2007) *Istoriya Vsemirnogo khristianskogo molodezhnogo dvizheniya v Rossii* [History of the World Christian Youth Movement in Russia]. Moscow: AIRO-XXI.
11. Fedirko, O.P. (2010) Deyatel'nost' molodezhnykh organizatsiy na Dal'nem Vostoke (1918–1922) [Activities of youth organizations in the Far East (1918–1922)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7. pp. 37–41.
12. Dubaev, M.L. (2009) Khristianskiy soyuz molodykh lyudey i russkaya emigratsiya v Kitae. Kul'turologicheskiy aspekt vzaimodeystviya russkoy obshchiny s molodezhnymi emigrantskimi organizatsiyami (pervaya polovina XX v.) [Christian Union of Young People and Russian Emigration in China. Culturological aspect of the interaction of the Russian community with youth emigrant organizations (the first half of the 20th century)]. *Istoriya i sovremennost'*. 1. pp. 33–44.
13. Shmelev, A.V. (2017) *Vneshnyaya politika admirala A.V. Kolchaka* [The foreign policy of Admiral A.V. Kolchak]. Saint Petersburg: European University at St. Petersburg.
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R200. List 1. File 130.
15. Archive of Tomsk State University Research Library, 1-733455. *Prikazy nachal'nika shtaba Verkhovnogo glavnokomanduyushchego. Dekabr' 1918 g. – mart 1919 g. № 60–239. Omsk, 1919* [Orders of the Chief of Staff of the Supreme Commander. December 1918–March 1919 #60–239 Omsk, 1919].
16. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R147. List 10. File 47a.
17. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-176. List 3. File 41.
18. Russian State Military Archive. File 40218. List 1. File 104.
19. *Vestnik KhSML.* (1919) Druz'ya chitateli! [Dear readers!]. Vladivostok. 1. 17 August.
20. Dalgatov, A.G. (2015) Deyatel'nost' mezhdunarodnykh "vnekonfessional'nykh" ob"edineniy v Sovetskoy Rossii (1917 – konets 1920-kh gg.) [Activities of international "non-confessional" associations in Soviet Russia (1917 – late 1920s)]. In: *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov* [State, society, church in the history of Russia in the 20th–21st centuries]. Ivanovo. pp. 444–450.
21. *Tomskiy kooperator.* (1919) "Sibzemgor". Tomsk. 32. 16 August. pp. 26–27.
22. *Russkiy vostok.* (1919) Chernigovets. "Soyuz khristianskoy molodezhi" [Chernigovets. "Union of Christian Youth"]. Chita. 11 May (28 April).
23. Ol', N. (1919) "Mech dukhovnyy" ["Spiritual Sword"]. *Russkiy vostok.* Chita. 12 March (27 February).
24. *Golos Primor'ya.* (1919) Yanki [Yankees]. Vladivostok. 28 August.

Информация об авторе:

Конев К.А. – канд. ист. наук, ассистент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории, зав. отделом рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (Томск, Россия).
E-mail: konev-k-92@rambler.ru / kk.tsu@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

K.A. Konev, Cand. Sci. (History), assistant of the Department of History of the Ancient World, head of the Department of Rare Books and Manuscripts, Research Library, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kk.tsu@yandex.ru, konev-k-92@rambler.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 08.03.2022;
одобрена после рецензирования 02.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 08.03.2022;
approved after reviewing 02.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 119–128
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2022. 479. pp. 119–128

Научная статья
УДК 930.2
doi: 10.17223/15617793/479/13

Анализ дискурса позднеантичных и раннесредневековых источников: методы и перспективы

Дмитрий Сергеевич Коньков[1]

[1] *Томский государственный университет, Томск, Россия, dkonkov@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема использования различных исследовательских методов анализа исторического дискурса для изучения текстов периода поздней Античности и раннего Средневековья. Анализ дискурса источников позволяет решить вопрос семантического смещения или подмены смыслов понятий при буквальном прочтении исторического текста. В целях наиболее комплексного анализа предлагается использовать элементы концепций Р. Козеллека, М. Фуко, К. Скиннера и критического дискурс-анализа на разных уровнях интерпретации.

Ключевые слова: история понятий, история дискурсов, раннесредневековые исторические источники, методология истории

Для цитирования: Коньков Д.С. Анализ дискурса позднеантичных и раннесредневековых источников: методы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 119–128. doi: 10.17223/15617793/479/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/13

Discourse analysis methods: Applicability to the research of late antique and early medieval texts

Dmitriy S. Konkov[1]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, dkonkov@mail.ru*

Abstract. The article deals with the problem of the formation of a syncretic approach to the analysis of the discourse in the late antique and early medieval sources. The existing methods of analyzing the discourse of historical sources have proven their heuristic efficiency in providing the identification of new information about the motivations and goals of text creators, the perception of texts by readers, the ideological continuity and transformation of a specific space of meanings. However, all these techniques were created and tested on the material of the texts of the Modern Age. Researchers of the Antiquity and the Middle Ages, although regularly turning to the analysis of discourse in a way of criticism of historical sources, did not formalize their approaches as special methods. Moreover, there was a position that the linguistic turn in the humanities did not affect antiquity and medieval studies, since these disciplines already widely used linguistic research methods. However, the achievements in research of discourses of the ModernAage proved the possibility of revealing a new level of information about texts and provided additional verification of research results. The author of the article proposes a generalized model for the analysis of antique and medieval texts, taking into account the limitations imposed by the peculiarities of their creation and existence. To create this model, the most significant and resonant concepts of the discourse analysis of historical and political texts were selected and compared in terms of their heuristic mechanics and capabilities – the history of concepts by R. Koselleck, the analysis of discursive formations by M. Foucault, the Cambridge School of the history of political thought by K. Skinner, J. Dunn and J. Pocock, and critical discourse analysis by N. Fairclough and R. Wodak. The first three concepts are correlated and complementary, which has already been discussed in the historiographic literature. They demonstrate the development of discourse in a long time dimension. Critical discourse analysis, on the other hand, provides a detailed study of an individual specific text. These approaches were analyzed in order to identify methodological tools relevant to the tasks of studying antique and medieval sources, and are compatible with each other. As a result, a sequence of analytical actions was proposed to identify the features of the discursive practices of the period of creating a text and the intentions of its author: identifying the discourse frame of the emergence of the text (the context of the emergence of the text as an author's statement among other comparable statements); determining the discursive formation within which the text emerged (as a response, question, comment); defining the semantic content of key concepts of the text in a historical context; identifying the discursive topoi used by the author – which makes it possible to draw a conclusion about the social practice of the text's existence and the possible system of interaction between the author and the reader.

© Коньков Д.С., 2022

Keywords: history of concepts, history of discourses, late antique historical sources, early medieval historical sources, methodology of history

For citation: Konkov, D.S. (2022) Discourse analysis methods: Applicability to the research of late antique and early medieval texts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 119–128. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/13

Основной проблемой, на которой фокусируется данный текст, является создание модели комплексного анализа дискурсов античных и раннесредневековых источников. Следует остановиться на том, насколько востребована подобная методологическая модель в настоящий момент. Г. Халсалл в своем обзоре традиции изучения позднеантичных и раннесредневековых источников описывает влияние лингвистического поворота 1980-х гг. на изменение подходов к историческим текстам. Он отмечает, что некоторые историки относятся к лингвистическому повороту с определенной враждебностью (происходящей, оговаривается Г. Халсалл, в основном от невежества). Однако данный подход, по его словам, все же сместил акценты в интерпретациях текстов на анализ позиции автора, позиции читателя и перформатирования текстов в различных исторических условиях. В то же время исследователь призывает не переоценивать этапность лингвистического поворота для изучения раннего Средневековья. В силу ограниченности количества и качества источников, особенностей их воспроизводства, интертекстуальности и центонности их содержания медиевисты пришли к практикам, во многом подобным лингвистическому повороту, самостоятельно [1. P. 59] Действительно, взгляд на произведение из контекста его создания предлагается, например, уже в ныне хрестоматийной работе У. Гоффарта, анализирующей традицию раннесредневекового историописания [2]; центральным же этот подход становится, например, у А. Камерона, что позволяет ему по-новому интерпретировать дискурс Синезия Киренского в отношении варваров, а затем радикально модернизировать представления об отношениях между христианскими и языческими авторами в империи [3, 4]. В отечественной науке проявились похожие тенденции. В частности, они нашли отражение в историко-филологической критике [5–7] и в современных исторических исследованиях, активно использующих зарубежный методологический опыт [8, 9]. Можно заключить, что лингвистический поворот с точки зрения внимания к тексту, автору, реципиентам, контекстам создания и бытования источника оказал значительное влияние на современную медиевистику. Однако потенциал лингвистического поворота этим отнюдь не исчерпывается, что было убедительно показано на историческом материале других периодов. В частности, рассмотрение текста как высказывания в историческом контексте позволяет осуществить реконструкцию дискурсивных практик и в конечном счете тех социальных, культурных, идеологических смыслов, которые транслировались и воспринимались с помощью этих практик. На данный момент нет методологии анализа дискурса, построенной специально для исследований раннесредневековых источников. Но методологические наработки, существующие в отношении позднего Средневековья и Нового времени, могут быть использованы и для более ранних периодов – безусловно, принимая во внимание специфику количества и качества источников. В данной статье предлагается вариант того, каким образом это может быть осуществлено.

В рамках анализа исторического дискурса может быть выделено несколько уровней рассмотрения. Базовым представляется анализ понятий. Дискурс как система социально и идеологически нагруженных речевых актов выстраивается на основе комплекса концептов, одинаково понимаемых участниками этого дискурса. В ином случае коммуникация невозможна. Но это понимание, очевидное для участников и современников исторического дискурса, неочевидно для исследователя. Полагая, что понимание даже наиболее общих и универсальных концептов не претерпело изменений за прошедшее время, исследователь рискует модернизировать свою интерпретацию исторического текста и тем самым уйти от его оригинального прочтения и от значения, которое нес текст для современников. Эту методологическую проблему призван решать подход, который обобщенно может быть назван «история понятий». Под данным термином подразумевается исследование смыслов понятий и их трансформаций в географической и исторической динамике в текстах источников.

Русскоязычный термин «история понятий» закрепился в отечественной историографии за Begriffsgeschichte Р. Козеллека (при этом в англоязычной литературе принят перевод history of concepts, что несколько отличается по смыслу). Сущность своей исследовательской программы Р. Козеллек образно описывает так: «…история интерпретируется через ее понятия, а понятия понимаются исторически: история понятий имеет своим предметом соединение понятия и истории» (пер. К. Левинсона) [10. С. 38]. Это означает соединение историко-филологической критики семантики понятия и ономастики объекта в рамках текста с историзацией этой критики – прослеживанием динамики изменения смыслов, вкладываемых в понятие на протяжении определенного периода времени. Основополагающей посылкой Р. Козеллека при этом является тезис о том, что смыслы понятий претерпевают принципиальные сдвиги в связи с историческим процессом. Таким сдвигом исследователь считает наступление Нового времени в европейской истории – периода от Возрождения до Просвещения, и в особенности XVIII–XIX вв., когда формировался современный политический и общественный тезаурус. Конечная цель этой исследовательской программы, реализованной в Geschichtliche Grundbegriffe (Словаре основных исторических понятий) заключается в семантологическом понимании возникновения современного мира и, следовательно, в контроле над

смыслами современного словоупотребления [10]. Отсюда понятно, что Р. Козеллека интересовал в первую очередь период модерна.

Хотя в Geschichtliche Grundbegriffe история некоторых понятий рассматривается со времен Античности, как правило, в таких случаях это происходит бегло и чрезвычайно обобщенно, и автором является не сам Р. Козеллек. Тем не менее он затрагивал, например, тему понимания истории в древнеримские времена в своем тексте “Historia Magistra Vitae. Über die Auflösung des Topos im Horizont neuzeitlich bewegter Geschichte“, впервые опубликованном в 1979 г. [11]. В нем ученый раскрывал понимание известного нарицательного выражения об истории как учительнице жизни в период Античности и противопоставлял это понимание тому, которое родилось в эпоху Просвещения в результате актуализирующего переосмысления.

Несмотря на то, что внимание Р. Козеллека сосредоточено в первую очередь на изменениях в семантике и словоупотреблении, связанных с Новым временем, представляется, что возможно (с некоторыми оговорками) использовать его подход и для более ранних исторических периодов. Р. Козеллек фокусируется на рефлексивных определениях, приводимых в словарях, энциклопедиях, философских и политических текстах. Разумеется, период Нового времени как раз и отличается, среди прочего, чрезвычайным развитием энциклопедической литературы, и с этой точки зрения представляет больший простор для исследований по сравнению со Средневековьем. Но в то же время именно раннее Средневековье предоставляет исследователю такие уникальные, незаменимые с точки зрения истории понятий и при этом на данный момент уже хорошо изученные тексты, как «О значении слов» Секста Помпея Феста в эпитоме Павла Диакона [12, 13] и «Этимологии» Исидора Севильского [14, 15]. Кроме того, понимание социальных, политических и экономических концепций формулируется в соответствующих текстах или разделах текстов. Так, концепции истории и историописания зачастую описываются в вводных частях исторических сочинений или же в тематических работах, например «Как следует писать историю» Лукиана Самосатского [16].

Как отмечает Р Козеллек, трансформация понятийного аппарата тесно связана с социальной историей и жизненным опытом авторов текстов. Поэтому невозможно, с его точки зрения, отделять и противопоставлять Begriffsgeschichte и социальную историю (как это часто делали его критики). Более того, он подчеркивает, что история понятий проясняет и дополняет социальную историю, поскольку показывает, что стоит за социологическими терминами в конкретный исторический период [17]. Действительно, в «Словаре основных исторических понятий» – монументальном научном проекте Р. Козеллека – рассматриваются такие ключевые социологические категории, как семья, общество, общность, народ, горожанин, крестьянин, – но при этом несравненно большая часть Словаря посвящена понятиям политическим и идеологическим (демократия, консерватизм, анархизм, равенство, диктатура, власть, государство, союз и т.д.) [18]. Этот перекос в политический дискурс объясним стремлением создателей Словаря к дешифровке и демифологизации современного (модерного) немецкого политического лексикона и наиболее популярных понятий в нем. Цель проекта, несомненно, была достигнута, но этим значение Словаря не ограничивается. Существует множество социальных, экономических, культурных и иных концептов, которые не были охвачены данным исследованием, но важны для интерпретации источников. Такие концепты рассматривались в лингвистическом аспекте Э. Бенвенистом, предпринявшим попытку реконструировать общественные отношения на основании лингвистического анализа [19], в культурологическом – например У. Эко [20]. Но Р. Козеллек сформировал наиболее комплексную исследовательскую программу с точки зрения применимости к текстовым историческим источникам. На ее основе развивается направление исторической семантики и истории понятий в России (подчеркивая, что при всей разносторонности тематик исследований главный акцент делается не на политику, а на культуру) [21. С. 20].

Полемизируя с обвинениями в сугубо текстологической экзегезе, Р. Козеллек настаивает на референтной основе понятий, на безусловном существовании эмпирической исторической реальности как первичной по отношению к текстовой («долингвистической») – но порождающей тексты, которые, в свою очередь, становятся основой для эмпирики, встраиваясь в новые контексты [22. P. 156–157]. Таким образом, лингвистическое и эмпирическое измерения, язык и история диалектически связаны, что сближает позицию Р. Козеллека с социальным конструктивизмом. Однако ориентированность Р. Козеллека (и в целом всей историографической традиции, основывающейся на истории понятий) на связь современности и эпохи модерна предполагает постоянное сопоставление с актуальным, современным политическим языком; собственно, сам принцип формулировки предмета исследования как тех концептов, которые востребованы в современности, приводит к определенной предзаданности, телеологичности самого исследования. В некотором смысле исследование отвечает на вопрос, почему и как сложилось все так, как сложилось. Но при таком подходе разнообразие и комплексность исторических дискурсивных практик рискуют быть искусственно ограниченными. В особенности это касается античных и раннесредневековых концептов – авторы Словаря зачастую лишь описывают радикальные семантические отличия античного тезауруса от современного. В этом они правы, но это же заставляет их искать и анализировать в античных концептах и понятиях преимущественно только то, что роднит их с современностью. Следствием может быть искусственная модернизация и (в большей или меньшей степени) игнорирование непосредственного исторического контекста. Так, касаясь трансформации концепта историописания в поздней античности, Р. Козеллек полагает, что христианские исто-

рики Евсевий, Августин и Орозий отбрасывали предшествующий классический инструментарий в той степени, в которой он не соответствовал христианскому мировоззрению [22. P. 156]. Однако это утверждение базируется на современном историографическом дискурсе противостояния идеологических систем и при анализе в контексте своего времени (без осознанных или бессознательных исторических аналогий с эпохой модерна) может быть уверено пересмотрено [4]. Проблема модернизации снимается изменением фокуса исследования с концептов и понятий современности на концепты и язык описания, релевантные рассматриваемой эпохе.

Историю понятий Р. Козеллека достаточно часто сопоставляют с исследованиями М. Фуко – как практически одновременные научные проекты в области исторических дискурсов, близкие по своим задачам (даже в большей степени, чем Кембриджская школа политической мысли Дж. Покока и К. Скиннера, с которой также сопоставляют идеи Р. Козеллека) [23. P. XXIV; 24. P. X]. Действительно, и история понятий, и генеалогический (или археологический) подход М. Фуко призваны деконструировать современные политические практики. В то же время, происходя из разных дисциплинарных и национальных традиций, эти подходы в достаточной степени отличаются, чтобы продуктивно дополнять друг друга. В частности, Д. Эдвардс указывает, что, несмотря на утверждения Р. Козеллека о связи между политическим (эмпирическим) опытом и концептами, через которые он осуществляется, на практике Begriffsgeschichte остается в основном формальным лингвистическим анализом. И в этом случае генеалогия концептов М. Фуко (или историческая онтология, как Д. Эдвардс ее называет вслед за Я. Хакингом) способна помочь выявить воздействие концептов на политические практики в конкретных исторических обстоятельствах [25]. Т. Панкакоски развивает критику подхода Р. Козеллека, указывая на то, что программа истории понятий как исследование становления нового политического языка в условиях Просвещения структурно построена на топосе конфликта и борьбы дискурсов. Это ограничивает ее эвристические возможности и в целом сужает исследовательскую перспективу [26]. М. Фуко избегает этого, представляя трансформацию дискурсивных формаций как органический процесс. Хотя оба автора рассматривают методологии Р. Козеллека и М. Фуко с позиции политологии, их высказывания релевантны и для исторического исследования.

Однако при том, что идеи М. Фуко хорошо коррелируют с программой истории понятий, существует заметное различие в фокусах этих двух методологий. Если история понятий связана с бытованием и преобразованием концептов, то для М. Фуко предметом анализа являются дискурсивные формации, состоящие из высказываний как дискурсивных событий. Каждое такое событие предлагается рассматривать в его уникальности, задаваясь вопросом, каким образом сформировалось именно данное высказывание, а не какое-либо другое. На этот вопрос дает ответ предлагаемая М. Фуко концепция дискурсивной формации – пространства фиксированных правил, в рамках которого высказывание может возникнуть только единственным образом [27. С. 73–74]. Примером в отношении поздней Античности и раннего Средневековья являются дискурсивные формации «упадка Рима», «вечного Рима», renovatio imperii и др. [28]. Каждая из этих формаций определяет рамки для используемых концептов (например, власти, империи, риторики, договоров, варварства и т.д.). Соответственно, анализируемый концепт или понятие в каждом отдельном случае его использования в высказывании может быть рассмотрен как часть определенной дискурсивной формации, что задает специфику его понимания в контексте дискурса.

Генеалогическая модель рассмотрения концепта показывает динамику изменения его роли, дефинирования и смыслов при переходах из одной дискурсивной формации в другую, а также причины этого перехода. Так, дискурсивные формации, относящиеся к риторике (Цицерон), праву (Дигесты), религии (Августин), могут использовать концепт истории, однако он не является в каждом отдельном случае семантически полностью тождественным всем другим. Концепт истории, который используется в дискурсах дохристианских авторов, церковной патристике, позднеантичной апологетической литературе, res gestae, историях церкви, раннесредневековых этимологиях и тому подобном, является, по сути, не целостной семантической единицей, а совокупностью смысловых кластеров, соответствующих дискурсивным формациям. Формирование же этой совокупности обусловлено заимствованиями понятий с заданными контекстом целями субъектами высказываний. Методологически М. Фуко здесь осуществляет переход от текста как вещи самой по себе к дискурсивной практике, определяемой контекстами высказывания и при регулярной повторяемости создающей дискурсивную формацию [29].

Призывая отказаться от реконструкции объектов прошлого («самих вещей») как референтов в пользу объектов дискурса (депрезентация), М. Фуко отнюдь не говорит о замыкании текста в самодостаточности (против чего выступает Р. Козеллек), но призывает сосредоточиться на условиях, субъекте и месте высказывания (и в целом на тексте именно как высказывании, что сразу заставляет увидеть фигуру адресанта) [27. С. 112–117]. Этот подход делает принципиальным знание об условиях возникновения исторического источника. Статус субъекта высказывания, его положение и условия, в которых совершалось высказывание, определяют заложенные в нем смыслы. Так, дискурс о варварах в письмах Сидония Аполлинария меняется в зависимости от его текущего социального положения (что не делает его беспринципным, как иногда о нем писали [30. С. 15]); специфика создания и жанра исторического сочинения Аммиана Марцеллина отличается от поэм Клавдия Клавдиана и Истории против язычников Орозия, что предрасполагает к описанию тех же варваров тремя различными способами (используя при этом сходные или идентичные дискурсивные паттерны); и даже условно объединяе-

мые одним жанровым направлением res gestae работы Григория Турского, Иордана, Беды Достопочтенного и Павла Диакона используют дискурсы и концепты различным образом (концепт истории, например, как убедительно показал У. Гоффард [2]).

Рассматривая субъекта (адресанта) и объект высказывания, М. Фуко выносит за скобки своего анализа его направленность, интенцию и адресата. Таким образом, дискурс и дискурсивная практика показаны как монолог. Однако представляется, что его подход (как и программа Bergriffsgeschichte) может быть продуктивно дополнен идеями так называемой Кембриджской школы политической мысли (в первую очередь К. Скиннера и Дж. Покока), основанными на взглядах Дж. Остина о высказывании как направленном действии (перлокутивный речевой акт), предполагающем получение определенного результата [31]. Хотя методологию К. Скиннера часто критикуют за сравнительную ограниченность рассматриваемых источников, намеренное сужение пространства анализа до исключительно политических трактатов (и, соответственно, ограниченность выводов) [29. P. 33–34], ее эвристическая ценность несомненна. М. Рихтер, активный сторонник популяризации Begriffsgeschichte в англоязычной науке, подчеркивает возможность и даже необходимость взаимодействия Кембриджской школы и истории понятий Р. Козеллека, хотя и признавая в целом, что исследовательская программа последнего значительно шире по объему и масштабнее по выводам, чем прививка лингвистической философии к анализу политических идеологий, которую осуществляет К. Скиннер [32, 33]. Последний показал в своей статье пример рассмотрения истории понятия state, достаточно близкий, по мнению М. Рихтера, тем образцам, которые создавались в рамках «Словаря основных исторических понятий» [34]. Однако там, где Begriffsgeschichte предполагает формирование обобщенной картины политического языка эпохи, подход К. Скиннера позволяет углубиться в анализ частных интеллектуальных казусов. На материале поздней Античности и раннего Средневековья этому в наибольшей степени, как представляется, соответствует насыщенная идеологическая полемика церковных авторов на Востоке и отчасти на Западе; кроме того, несмотря на то что жанра собственно политических трактатов в этот период не существовало, значительная часть источников так или иначе касается власти в различных ее аспектах. Но методология Кембриджской школы результативна и при использовании на более широком, нежели политическая полемика, круге источников. При работе с позднеантичными и раннесредневековыми текстами вполне резонно можно исходить из того, что практически все они являются высказываниями, и высказываниями в широком смысле политическими – т.е. связанными с борьбой за статусы и влияние.

Таким образом, для анализа исторического понятийного дискурса в его полноте возможно воспользоваться историей понятий в трактовке Р. Козеллека с дополнением определенных элементов теории дискурса и генеалогии понятий М. Фуко и Кембриджской школы истории политической мысли в лице К. Скиннера (и отчасти Дж. Покока). Понятие рассматривается в динамике трансформации его семантики и дефиниций, синонимических и антонимических связей, ассоциаций и референций, соответствующих дискурсов и контекстов использования, что делает объект изучения многомерным.

Для изучения дискурсов и концептов поздней Античности и раннего Средневековья с позиции истории понятий существует два явных ограничения. Во-первых, это эмпирическая проблема ограниченности источниковой базы, сохранившейся избирательно и не дающей возможности представить всю полноту контекстов использования концепта (что является методологическим требованием Р. Козеллека и М. Фуко). Во-вторых, онтологическая проблема привязанности методологий к современным политическим дискурсам и к вопросу становления современного политического языка, что задает ретроспективную позицию исследователя. Представляется, что более продуктивно в исследовательском плане было бы использование проспективной позиции, при которой в фокусе внимания находится развертывание концепта от некоторого обозначенного исходного спектра пониманий без заранее заданного итога. Это позволит избежать приписывания авторам и текстам каких-либо идей и значений, появившихся позже, против чего горячо выступал К. Скиннер в своем основополагающем манифесте [35]. Что касается проблемы относительной немногочисленности сохранившихся источников и их тематической и жанровой специфики, то это накладывает ограничения на возможности выявления всех контекстов использования понятий (в качестве примера – отсутствие текстов, признанных в свое время еретическими, что ограничивает понимание полемического религиозного дискурса). Однако это не мешает выделять дискурсивные формации и прослеживать интертекстуальность, заимствование и переназначение смыслов концептов внутри них. Представляется, что подобный подход полезен при рассмотрении раннесредневековых текстов как дискурсивных бриколажей (или центонно-парафразных структур, в терминологии И.Н. Данилевского). Данная особенность источников зачастую затрудняет определение субъекта высказывания (поскольку он зачастую анонимен), однако позволяет работать с его объектом и интенцией. Определение последних и соотнесение их с уже обозначенными дискурсами и дискурсивными формациями дает возможность делать выводы и о субъекте.

Прояснению интенциональности субъекта высказывания (которая является существенной проблемой для Кембриджской школы) способствует привлечение наработок критического дискурс-анализа Н. Фэркло и развивающего его исторического дискурс-метода Р. Водак. Методы дискурс-анализа генеалогически восходят к взглядам М. Фуко, развивают и дополняют их. Поэтому представляется возможным рассмотреть эти методы с точки зрения возможности их применения к античным и средневековым источникам. Однако необходимо сразу оговориться, что дискурс-

аналитические подходы создавались и развивались на проблематике современности, соответственно, они предполагают работу с современными текстами. Например, цель критического дискурс-анализа (КДА) – эмансипация политического сознания через выявление суггестивных идеологических паттернов и, таким образом, освобождение от дискурсивного манипулирования со стороны властных акторов. Такой постановкой цели КДА сам заявляет о себе как о политическом акторе, включенном в актуальную борьбу идеологий [36. С. 201; 37. P. 11]. При перенесении приемов КДА на материал отдаленного прошлого леворадикалистский посыл, лежащий в его основе, становится не востребован, и отсюда результативность такого переноса оказывается под сомнением. Также ряд подобных подходов требует междисциплинарного – в первую очередь социологического – взаимодействия и детального знания контекста, поскольку интенции высказываний выявляются из тщательной реконструкции сопутствующей ситуации.

Тем не менее ряд тезисов КДА возможно использовать при анализе средневековых текстов. Так, Н. Фэркло указывает на взаимосвязь и взаимообусловленность дискурсов и социальных структур – в диалектическом единстве дискурсы формируются в рамках социума, но также и формируют его через дискурсивные события и практики; конституируются и конституируют [37. P. 59]. Этот тезис вполне применим к большинству античных и средневековых работ. Каждая из них формировалась в условиях определенного исторического и социального контекста, что прослеживается в языке, структуре и жанре (выше об этом уже говорилось в связи с концепциями Р. Козеллека и К. Скиннера). Н. Фэркло определяет контекст через концепцию социальной практики – существующих структурных и институциональных взаимодействий и противоречий в социуме. Актуальные социальные практики, по его мнению, создают идеологический фон и определяют политическую подоплеку дискурсивного высказывания. Но также следует учитывать и формирующий аспект социального воздействия текста – то, что Н. Фэркло включает в понятие дискурсивной практики. Под этим термином он подразумевает единство практик производства, распространения и потребления текста. Наконец, кроме социальных и дискурсивных практик, необходимо анализировать сам текст – его лингвистические, фонетические, семантические характеристики. Такой подход позволяет рассматривать дискурс многомерно, объемно – учитывая и динамику его развертывания, и статику структуры. К сожалению, поскольку данный подход рассчитан на изучение современного дискурса, все его требования к многомерности и верифицированности контекста при применении к средневековым текстам выполнить невозможно. Собственно, необходимый социальный и дискурсивный контекст реконструируется из самих текстов, относительно немногочисленных, и носит в той или иной степени предположительный характер. Поэтому возникает рекурсивная петля интерпретаций, выход из которой лежит между двумя крайностями: признанием непрозрачности прошлого и сосредоточением на текстологическом анализе, признанием референтности текста и через нее принципиальной реконструируемости прошлого. В отличие от развернутого социологического и политологического анализа условий появления текста, который требуют Н. Фэркло и другие последователи КДА, при работе со средневековым источником необходимо опираться на конвенциональные характеристики соответствующего периода или аналогии и сопоставления, т.е. на так называемое внеисточниковое знание. Однако это не является непреодолимым препятствием для использования КДА – точнее, методологических наработок этого подхода – в антиковедении и медиевистике. Представляется, что в большинстве случаев объем знания о контексте создания и бытования исторического текста достаточен для интерпретации дискурса, пусть и не с той степенью детальности, которая возможна в условиях современности.

Развитием подхода Н. Фэркло является исторический дискурс-метод (или в другом, более буквальном варианте перевода, – дискурсивно-исторический подход, the discourse-historical approach; ДИП), разработанный Р. Водак и рядом других авторов. Несмотря на отсылки к истории в названии, этот подход также изначально не предназначен для анализа исторических текстов. Подчеркивание значения истории обусловлено одним из принципов этого подхода – интерпретации дискурсов осуществляются только с опорой на данные об историческом контексте. По сути, это принцип историзма. Относительно большее внимание к историческому контексту по сравнению с КДА связано со стремлением усилить аспект исторической динамики в интерпретации дискурсов, показать их изменчивость и привязанность к сиюминутным контекстуальным тематикам и топикам. Этот методологический тезис вполне сочетается и с историческим исследованием, что делает возможным использование ДИП (или, опять же, его инструментария) для работы с историческими текстами.

Прежде чем перейти к рассмотрению инструментария, предложенного Р. Водак, следует остановиться на другом принципе ее подхода. Это фокусировка на актуальной политической проблеме и ее практическом решении с помощью дискурс-анализа, а не на изучении отдельных лингвистических или семантических единиц [38. P. 69–70]. Благодаря этому принципу ДИП является не просто одним из аналитических методов, но способом политического действия, а исследователь в этом случае становится политическим актором. Для Р. Водак и других последователей ДИП это чрезвычайно важный аспект, поскольку он определяет совершенно иную, нежели обычно принято, позицию исследователя: он должен быть вовлечен, включен в политический процесс, участвуя в нем через разоблачение, деконструкцию манипулятивных стратегий дискурса. Это должно привести к изменению самого политического дискурса и возникновению более честной и прозрачной политики по отношению к избирателю.

Разумеется, исследователь Античности и Средневековья не может занимать подобную позицию. Тем

не менее задача деконструкции дискурса представляется актуальной и в отношении средневековых текстов – с целью понимания исторических особенностей трансляции политических идей. Насколько часто применялись манипулятивные стратегии в разных исторических контекстах, были ли периоды, когда политические высказывания являлись более прозрачными, каким образом реагировал политический дискурс (и в более общем смысле дискурс об организации общества) на социальную конъюнктуру – все эти проблемы могут быть поставлены и решены при историзации исследовательской программы. И в этом может помочь тщательно разработанный исследовательский инструментарий, который предлагает ДИП.

Основываясь на одной из классических работ по риторике и аргументации [39], ДИП предлагает рассматривать высказывание или текст как элемент во взаимодействии между источником высказывания и его реципиентами, призванный в чем-либо убедить аудиторию. Высказывание, таким образом, содержит тезис и его аргументацию. Однако оно формируется не только на основе формальной логики, но на базе практики, конкретного временного, культурного и личностного контекста, в котором находится автор этого высказывания. Такой контекст предварительно задает социальные и лингвистические форматы высказывания еще до его осуществления (теория планирования текста) – автор конструирует (планирует) высказывание на основе имеющихся у него представлений (фреймов) о подобных ситуациях и образов (схем) типологически (жанрово) близких высказываний. То есть высказывание рассматривается как часть конкретной риторической ситуации [40], преломленной через знания и представления автора [36. С. 212–213]. Однако для того, чтобы высказывание достигло планируемой цели, т.е. убедило реципиента, необходимо предполагать, что реципиент (слушатель или читатель) находится в таком же или близком социально-лингвистическом контексте, как и автор. Р. Водак сразу отметает возможность полной идентичности контекстов и, соответственно, полной валидности высказывания. С ее точки зрения реципиент всегда интерпретирует высказывание, исходя из собственного представления о ситуационных фреймах и жанровых схемах, а также о социальном контексте (интегративная модель понимания) [36. С. 214]. В этой концепции планирования–понимания усматривается методологическая корреляция с идеей М. Фуко о дискурсивных формациях и рассуждениями Кембриджской школы о специфических языках (parole) внутри жанров и тем. Подобным же образом ДИП понимает дискурс как последовательность тематически связанных лингвистических актов (высказываний) в социальных контекстах, конструирующую определенный дискурсивный фрейм.

Высказывание как социальное действие, акт, предполагает адресата и конечную цель убедить этого адресата в чем-либо. Раскрытие механизма воздействия на адресата, заложенного в высказывании, является критически важным шагом при реконструкции особенностей исторических коммуникаций, и через это – мировоззрений. В рамках ДИП для анализа аргументации в высказывании предлагается использовать концепт топоса. Под топосом в данном случае понимается устойчивая стратегия аргументации, связка между утверждением (тезисом), аргументом и выводом [41. С. 114]. В отличие от классической формальной схемы Аристотеля (силлогизма), Р. Водак, опираясь на работы М. Венглера, предлагает пользоваться топосами, связанными с содержанием (высказывания). В риторическом политическом высказывании это зачастую более релевантно, поскольку цель такого высказывания – не обнаружить истину, а убедить реципиента. Поэтому по содержанию аргументации могут быть выделены топосы народа, выгоды, угрозы, спасителя, истории и т.д. – в зависимости от того, какой устойчивый дискурсивный концепт использует актор для подтверждения своего тезиса [41. С. 117]. Выявление таких топосов и концептов, к которым они апеллируют, позволяет сформировать представление о специфике дискурса в целом, его особенностях и типологии, месте в системе языковой картины эпохи.

В заключение следует подытожить все вышесказанное, произведя сборку рассмотренных методов и аналитических инструментов в модель работы с текстом исторического источника. Целью такой работы (как и любого текстологического анализа) являются расшифровка смысла и значения дискурсивного текста в его историческом бытовании, выявление этого смысла для современного читателя. Тем самым решается проблема презентизма в восприятии и интерпретации исторической информации. Эта проблема стоит особенно остро в отношении изучения домодерных обществ в силу мировоззренческой дистанции и поэтому требует возможно более комплексного подхода. Предлагаемый в настоящей статье метод апеллирует к различным аналитическим направлениям с целью приблизиться к искомой комплексности. Прежде чем приступить к его сборке и описанию, обозначим исходные теоретические рамки:

1. Предметом рассмотрения и анализа является дискурс, понимаемый как коммуникативное пространство порождения и трансформации смыслов и значений. Исторические тексты являются репрезентантом этого пространства для исследователя. Текст состоит из высказываний как дискурсивных событий (актов, конституирующих дискурсивное пространство) и сам по себе является своего рода метавысказыванием.

2. Как высказывание текст существует в дискурсивной практике, т.е. имеет адресанта (автора, писателя), адресата (реципиента, читателя) и условия создания и прочтения.

3. Дискурсивное высказывание является перлокутивным речевым актом, т.е. сознательным действием адресанта (автора), направленным на достижение определенной цели у предполагаемой аудитории – читателей. Это делает высказывание коммуникативным событием, а ситуацию его прочтения – риторической ситуацией.

4. Предполагаемый эффект дискурсивного высказывания обусловлен его пониманием аудиторией, что

определяется нахождением в рамках общих правил дискурсивной формации, языка, фрейма, жанра (планирование–понимание).

5. Данные рамки подвижны, связаны с историческим контекстом и определяются предшествующей дискурсивной традицией.

6. Дискурсивная традиция и практика происходят из социальной практики, но также одновременно формируют ее.

Соответственно, при анализе текста с этих позиций первым и критически важным шагом является определение авторства, времени и места его создания. Основываясь на этом, можно приступать к реконструкции дискурсивного и социального контекста создания анализируемого произведения. Все дальнейшие этапы анализа основываются на данной атрибуции, поэтому ее пересмотр означает изменение результатов всего исследования. В отношении древних и средневековых источников точная атрибуция часто затруднена [42. С. 285]. Поэтому необходима предварительная палеографическая, археографическая и текстологическая работа с источником или же критический анализ уже имеющейся соответствующей исследовательской традиции. Кроме того, отдельным важным вопросом является авторство. Проблема авторства в позднеантичных и средневековых произведениях многократно рассматривалась в историографии в связи со спецификой средневекового летописания и церковной литературы, и отдельно останавливаться на ней здесь представляется излишним. Скажем лишь несколько слов о сущности дискуссии. Как отмечал Р. Барт, фигура автора принадлежит Новому времени, когда личностная активность и оригинальность выходят на первый план по сравнению с приоритетом традиции [43. С. 385]. Однако абсолютизировать традицию и аспект имитации и подражательства или центонности и на этом основании отказывать создателю текста в собственном голосе представляется неверным. С.С. Аверинцев представляет авторство в античной литературе как диалог и борьбу, с одной стороны, личности автора, с другой – авторитета предшественников [44. С. 122]. Эта характеристика вполне применима и для текстов Средневековья. Использование автором текстов и языка своих предшественников, имитация, продолжательство и эпигонство сами по себе являются предметом анализа и способны прояснить смысл текста как высказывания.

Следующий шаг в анализе текста – определение его жанровой принадлежности. Жанр (эпос, комедия, трагедия, история, жизнеописание, философский диалог, перипл, эпистолярный жанр и т.д.) дает возможность обозначить дискурсивный фрейм и формацию – а это, в свою очередь, позволяет выделить традицию, которой придерживается данный автор. Под традицией следует понимать в данном случае предшествующие тексты, на которые опирается автор и которые он использует, перефразирует, с которыми ведет свой диалог или дискуссию, а также в конечном счете язык описания, которым он пользуется в рамках этой дискуссии. Зачастую сам автор указывает эту традицию, упоминая тексты, являющиеся для него образцом, источником или предметом оспаривания.

Если дискурсивный фрейм помогает понять особенности правил и структуры построения текста, то дискурсивная формация как группа текстов-высказываний выстраивается вокруг одной или нескольких взаимосвязанных идей. Содержание этих идей, их значение и смысл для автора текста можно выявить через анализ ключевых понятий-концептов в контекстах их использования. Исходной точкой для такого анализа является выявление общепринятого к моменту создания текста смысла понятия, для чего необходимую методику предоставляет история понятий. В особенности она необходима, поскольку важно проследить предшествующую линию трансформации концепта, что позволяет обнаружить привнесение автором собственных, индивидуальных смыслов в семантическую картину понятия, возможные попытки его пересборки или переозначения. Если таковые действительно имеют место, то это дает дополнительную информацию об интенции и позиции автора при создании текста.

Наконец, двигаясь от общих определений к частным характеристикам текста, следует выделить дискурсивные топосы, которыми оперирует автор. Определение топосов, т.е. доминирующих приемов и образов аргументации, подтверждения и убеждения, раскрывает картину не только того, *что* хочет сказать автор, но и *как* именно он это хочет сказать, что дает возможность реконструировать его идеологические приоритеты, мировоззрение, образование. Кроме того, анализ дискурсивных топосов позволяет сформировать представление о читателе-реципиенте текста как высказывания – точнее, о том, как автор видел своего читателя, какие качественные характеристики он предполагал в читателе, к чему апеллировал. В связи с этим естественным завершающим этапом анализа выглядит рассмотрение действительной реакции читателя на текст-высказывание, т.е. исследование социальной практики текста. В отношении текстов Античности и Средневековья зачастую сам факт их сохранности и распространенности, достаточной, чтобы пережить столетия, говорит о реакции читателей-реципиентов, – но при этом достаточно редки и тем уникальны случаи, когда в полной мере сохраняются и сами высказывания, и ответы на них.

Представляется, что предложенный вариант анализа дискурса исторических текстов позволяет достаточно полно реконструировать специфику дискурсивных практик эпохи и раскрыть смысловую интенцию автора в дискурсивном и социальном контекстах своего времени.

Список источников

1. Halsall G. The sources and their interpretation // The New Cambridge Medieval History. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. Vol. 1. P. 56–90.
2. Goffart W. The Narrators of Barbarian History. Princeton : Princeton University Press, 1988. 491 p.

3. Cameron A., Long J. Barbarians and Politics at the Court of Arcadius. Berkley : University of California Press, 1993. 441 p.
4. Cameron A. The Last Pagans of Rome. Oxford : Oxford University Press, 2011. 896 p.
5. Аверинцев С.С., Гаспаров М.Л. Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М. : Наука, 1986. 256 с.
6. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М. : Языки русской культуры, 1996. 448 с.
7. Рабинович Е.Г. «Жизнь Аполлония Тианского» Флавия Филострата // Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского. М. : Наука, 1985. С. 217–276.
8. Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2005. 288 с.
9. Старостин Д.Н. От поздней Античности к раннему Средневековью: Формирование структур власти и ее образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V–VIII вв.). СПб. : Нестор-История, 2017. 488 с.
10. Козеллек Р. Введение // Словарь основных исторических понятий. М. : Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. С. 23–44.
11. Koselleck R. Historia Magistra Vitae. Über die Auflösung des Topos im Horizont neuzeitlich bewegter Geschichte // Koselleck R. Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1995. S. 38–66.
12. Verrius, Festus and Paul: Lexicography, Scholarship and Society. London : Institute of Classical Studies, 2007. 196 p.
13. Павел Диакон. Эпитома сочинения Секста Помпея Феста «О значении слов». М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2018. 496 с.
14. Barney S.A., Lewis W.J., Beach J.A., Berghof O. The Etymologies of Isidore of Seville. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 475 p.
15. Исидор Севильский. Этимологи, или Начала в XX книгах. СПб. : Евразия, 2006. Кн. I–III. 352 с.
16. Лукиан. Как следует писать историю // Лукиан. Сочинения. СПб. : Алетейя, 2001. Т. 2. С. 81–99.
17. Koselleck R. Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte // Koselleck R. Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1995. S. 107–129.
18. Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland : 8 Bände in 9. Stuttgart : Klett-Cotta, 1972–1997.
19. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М. : Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
20. Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. М. : АСТ, 2014. 352 с.
21. Кагарлицкий Ю.В., Маслов Б.П. Между Фреге и Фуко: методологические ориентиры исторической семантики // Понятия, идеи, конструкции. Очерки сравнительной исторической семантики. М. : Новое литературное обозрение, 2019. С. 9–38.
22. Koselleck R. Linguistic Change and the History of Events // Koselleck R. Sediments of Time: On Possible Histories. Stanford University Press, 2018. P. 137–157.
23. Hoffmann S.-L., Franzel S. Introduction: Translating Kosellec // Koselleck R. Sediments of Time: On Possible Histories. Stanford University Press, 2018. P. ix–xxxi.
24. Tribe K. Introduction // Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time. Columbia University Press, 2004. P. vii–xx.
25. Edwards J. The Ideological Interpellation of Individuals as Combatants: An Encounter Between Reinhart Koselleck and Michel Foucault // Journal of Political Ideologies. 2007. № 12. P. 49–66.
26. Pankakoski T. Conflict, Context, Concreteness: Koselleck and Schmitt on Concepts // Political Theory. 2010. № 38 (6). P. 749–779.
27. Фуко М. Археология знания. СПб. : Гуманитарная академия ; Университетская книга, 2004. 417 с.
28. Osiander A. Before the State: Systemic Political Change in the West from the Greeks to the French Revolution. Oxford : Oxford University Press, 2008. 576 p.
29. Andersen N.A. Discursive Analytical Strategies. Understanding Foucault, Koselleck, Laclau, Luhmann. The Policy Press, 2004. 160 p.
30. Ешевский С.В. Аполлинарий Сидоний, эпизод из литературной и политической истории Галлии V века // Сочинения С.В. Ешевского. Часть третья. М. : Изд. К. Солдатенкова, 1870. С. 1–342.
31. Скиннер К. Мотивы, намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 123–141.
32. Рихтер М. Покок, Скиннер и Begriffsgeschichte // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 347–380.
33. Richter M. The History of Political and Social Concepts: a Critical Introduction. Oxford : Oxford University Press, 1995. 224 p.
34. Скиннер К. The State // Понятие государства в четырех языках. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2002. С. 12–74.
35. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122.
36. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. М. : Гуманитарный центр, 2009. 356 с.
37. Fairclough N. Critical Discourse Analysis: the Critical Study of Language. Routledge, 2010. 591 p.
38. Wodak R., Meyer M. Methods of Critical Discourse Analysis. London : Sage, 2002. 200 p.
39. Toulmin S. The Uses of Argument. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 247 p.
40. Bitzer L. The Rhetorical Situation // Philosophy & Rhetoric. 1968. № 1. P. 1–14.
41. Водак Р. Политика страха. Харьков : Гуманитарный центр, 2018. 404 с.
42. Лихачев Д.С. Текстология. СПб. : Алетейя, 2001. 759 с.
43. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. С. 384–391.
44. Аверинцев С.С. Авторство и авторитет // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М. : Наука, 1994. С. 105–125.

References

1. Halsall, G. (2005) The sources and their interpretation. In: *The New Cambridge Medieval History*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 56–90.
2. Goffart, W. (1988) *The Narrators of Barbarian History*. Princeton: Princeton University Press.
3. Cameron, A. & Long, J. (1993) *Barbarians and Politics at the Court of Arcadius.* Berkley: University of California Press.
4. Cameron, A. (2011) *The Last Pagans of Rome.* Oxford: Oxford University Press.
5. Averintsev, S.S. & Gasparov, M.L. (1986) *Problemy literaturnoy teorii v Vizantii i latinskom srednevekov'e* [Problems of literary theory in Byzantium and the Latin Middle Ages]. Moscow: Nauka.
6. Averintsev, S.S. (1996) *Ritorika i istoki evropeyskoy literaturnoy traditsii* [Rhetoric and the origins of the European literary tradition]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
7. Rabinovich, E.G. (1985) "Zhizn' Apolloniya Tianskogo" Flaviya Filostrata [Life of Apollonius of Tyana by Flavius Philostratus]. In: Philostratus. *Zhizn' Apolloniya Tianskogo* [Life of Apollonius of Tyana]. Moscow: Nauka. pp. 217–276.
8. Tyulenev, V.M. (2005) *Rozhdenie latinskoy khristianskoy istoriografii* [The birth of Latin Christian historiography]. Saint Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko.
9. Starostin, D.N. (2017) *Ot pozdney Antichnosti k rannemu Srednevekov'yu: Formirovanie struktur vlasti i ee obrazov v korolevstve frankov v period pravleniya Merovingov (V–VIII vv.)* [From Late Antiquity to the early Middle Ages: The formation of power structures and its images in the kingdom of the Franks during the reign of the Merovingians (5th–8th centuries)]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
10. Koselleck, R. (2014) Vvedenie [Introduction]. In: *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatiy* [Dictionary of basic historical concepts]. Vol. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 23–44.

11. Koselleck, R. (1995) Historia Magistra Vitae. Über die Auflösung des Topos im Horizont neuzeitlich bewegter Geschichte. In: Koselleck, R. *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. pp. 38–66.
12. Institute of Classical Studies. (2007) *Verrius, Festus and Paul: Lexicography, Scholarship and Society*. London: Institute of Classical Studies.
13. Paul the Deacon. (2018) *Epitoma sochineniya Seksta Pompeya Festa "O znachenii slov"* [*Epitome* of *Festus'* "*On the meaning of words*"]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
14. Barney, S.A., Lewis, W.J., Beach, J.A. & Berghof, O. (2006) *The Etymologies of Isidore of Seville.* Cambridge: Cambridge University Press.
15. Isidore of Seville. (2006) *Etimologi, ili Nachala v XX knigakh* [The Etymologies]. Books I–III. Saint Petersburg: Evraziya.
16. Lucian. (2001) Kak sleduet pisat' istoriyu [How to write history]. In: Sochineniya [Writings]. Vol. 2. Saint Petersburg: Aleteyya. pp. 81–99.
17. Koselleck, R. (1995) Begriffsgeschichte und Sozialgeschichte. In: Koselleck, R. *Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. pp. 107–129.
18. Klett-Cotta. (1972–1997) *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland: 8 Bände in 9*. Stuttgart: Klett-Cotta.
19. Benveniste, E. (1995) *Slovar' indoevropeyskikh sotsial'nykh terminov* [Dictionary of Indo-European Concepts and Society]. Translated from English. Moscow: Progress-Univers.
20. Eco, U. (2014) *Iskusstvo i krasota v srednevekovoy estetike* [Art and beauty in the Middle Ages]. Translated from French. Moscow: AST.
21. Kagarlitskiy, Yu.V. & Maslov, B.P. (2019) Mezhdu Frege i Fuko: metodologicheskie orientiry istoricheskoy semantiki [Between Frege and Foucault: methodological guidelines for historical semantics]. In: *Ponyatiya, idei, konstruktsii. Ocherki sravnitel'noy istoricheskoy semantiki* [Concepts, ideas, constructions. Essays on Comparative Historical Semantics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 9–38.
22. Koselleck, R. (2018) Linguistic Change and the History of Events. In: Koselleck, R. *Sediments of Time: On Possible Histories*. Stanford University Press. pp. 137–157.
23. Hoffmann, S.-L. & Franzel, S. (2018) Introduction: Translating Kosellec. In: Koselleck, R. *Sediments of Time: On Possible Histories*. Stanford University Press. pp. ix–xxxi.
24. Tribe, K. (2004) Introduction. In: Koselleck, R. *Futures Past: On the Semantics of Historical Time*. Columbia University Press. pp. vii–xx.
25. Edwards, J. (2007) The Ideological Interpellation of Individuals as Combatants: An Encounter Between Reinhart Koselleck and Michel Foucault. *Journal of Political Ideologies*. 12. pp. 49–66.
26. Pankakoski, T. (2010) Conflict, Context, Concreteness: Koselleck and Schmitt on Concepts. *Political Theory*. 38 (6). pp. 749–779.
27. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [The Archeology of knowledge]. Translated from French. Saint Petersburg: Gumanitarnaya akademiya; Universitetskaya kniga.
28. Osiander, A. (2008) *Before the State: Systemic Political Change in the West from the Greeks to the French Revolution*. Oxford: Oxford University Press.
29. Andersen, N.A. (2004) *Discursive Analytical Strategies. Understanding Foucault, Koselleck, Laclau, Luhmann*. The Policy Press.
30. Eshevskiy, S.V. (1870) Apollinariy Sidoniy, epizod iz literaturnoy i politicheskoy istorii Gallii V veka [Apollinaris Sidonius, an episode from the literary and political history of Gaul in the 5th century]. In: *Sochineniya S.V. Eshevskogo* [Works by S.V. Eshevsky]. Part 3. Moscow: Izd. K. Soldatenkova. pp. 1–342.
31. Skinner, K. (2018) Motivy, namereniya i interpretatsiya tekstov [Motives, Intentions and Interpretation of Texts]. In: *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 123–141.
32. Richter, M. (2018) Pokok, Skinner i Begriffsgeschichte [*Pocock*, *Skinner*, and the Geschichtliche Grundbegriffe]. In: *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 347–380.
33. Richter, M. (1995) *The History of Political and Social Concepts: a Critical Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
34. Skinner, K. (2002) The State. In: *Ponyatie gosudarstva v chetyrekh yazykakh* [The concept of the state in four languages]. Saint Petersburg: European University at St. Petersburg. pp. 12–74.
35. Skinner, K. (2018) Znachenie i ponimanie v istorii idey [Meaning and Understanding in the History of Ideas]. In: *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noy istorii* [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 53–122.
36. Titscher, S., Meyer, M., Wodak, R. & Vetter, E. (*2000*) *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of text and discourse analysis]. Translated from English. Moscow: Gumanitarnyy tsentr.
37. Fairclough, N. (2010) *Critical Discourse Analysis: the Critical Study of Language.* Routledge.
38. Wodak, R. & Meyer, M. (2002) *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage.
39. Toulmin, S. (2003) *The Uses of Argument*. Cambridge: Cambridge University Press.
40. Bitzer, L. (1968) The Rhetorical Situation. *Philosophy & Rhetoric*. 1. pp. 1–14.
41. Wodak, R. (2018) *Politika strakha* [The politics of fear.]. Kharkiv: Gumanitarnyy tsentr, 2018. 404 c.
42. Likhachev, D.S. (2001) *Tekstologiya* [Textology]. Saint Petersburg: Aleteyya.
43. Barthes, R. (1989) Smert' avtora [The death of the author]. In: *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected works. Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress. pp. 384–391.
44. Averintsev, S.S. (1994) Avtorstvo i avtoritet [Authorship and authority]. In: *Istoricheskaya poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniya* [Historical poetics. Literary epochs and types of artistic consciousness]. Moscow: Nauka. pp. 105–125.

Информация об авторе:
Коньков Д.С. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dkonkov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
D.S. Konkov, Cand. Sci., associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dkonkov@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 24.10.2021;
одобрена после рецензирования 08.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 24.10.2021;
approved after reviewing 08.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Научная статья
УДК 93/94 (091)
doi: 10.17223/15617793/479/14

Оценка состояния помещичьих хозяйств Рязанской губернии гласными Сельскохозяйственной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России в 1872–1873 гг.

Елена Николаевна Костылева[1]

[1] *Рязанский институт (филиал) Московского политехнического университета, Рязань, Россия, lena-kostyleva@yandex.ru*

Аннотация. Анализируется состояние помещичьих хозяйств Рязанской губернии в 1870-е гг. Обосновывается, что гласные Валуевской комиссии оценивали его негативно, указывая на малоземелье, абсентеизм, устаревшую систему хозяйствования и отсутствие рынка вольнонаемного труда. Доказывается, что первостепенными задачами была техническая модернизация и развитие сельскохозяйственного образования в регионе. Автор приходит к выводу, что работа Сельскохозяйственной комиссии стала важным этапом выявления экономических проблем Рязанской губернии, подготовив почву для дальнейших преобразований в стране.

Ключевые слова: абсентеизм, Сельскохозяйственная или Валуевская комиссия, вольнонаемная рабочая сила, дворянское малоземелье, модернизация помещичьих хозяйств, сельскохозяйственное образование, технические усовершенствования

Для цитирования: Костылева Е.Н. Оценка состояния помещичьих хозяйств Рязанской губернии гласными Сельскохозяйственной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России в 1872–1873 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 129–138. doi: 10.17223/15617793/479/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/14

Assessment of the condition of landowner economies in Ryazan Province by members of the Commission for the Exploration of the Current Situation of Agriculture and Agricultural Productivity in Russia in 1872–1873

Elena N. Kostyleva[1]

[1] *Ryazan Institute (Branch) of Moscow Polytechnic University, Ryazan, Russian Federation, lena-kostyleva@yandex.ru*

Abstract. The article is dedicated to the characteristic of landowner's economies in Ryazan Province in the 1870s. It proves that the main purpose of the Commission for the Exploration of the Current Situation of Agriculture and Agricultural Productivity in Russia was the identification of the degree of agricultural makers' adaptation to new post-reform conditions. The study confirms (based on historiographical materials) that the main document for studying the functioning of the Commission in Ryazan Province is The Reports of Respondents Invited to the Commission. The author comes to a conclusion (based on the materials of the central and local archives) that the post-reform decade became a transition period for the economy of Ryazan Province, when the consistent system of economic organization had not been formed yet and agricultural makers had not been adapted to the new post-reform conditions. The author shows that local commons (high-income landowners and farmers) denoted basic regional economic problems: land scarcity, traditional managing methods and nobility's absenteeism. The commons' opinions were sometimes personal, but they could elucidate the main agrarian problems and find out Ryazan Province's specificity: staged transition of noble lands to the peasants, redistribution of farmlands to the merchants, ground lease as the unreliable way of making profit. The author demonstrates that the task of prime importance in Ryazan Province that had been shown by the Valuev Commission's commons was the formation of the free labor market. The region's peculiarity was peasants' unwillingness to get a job in their region, and the shortage of skilled laborers and the deficiency of regulatory environment made it difficult to apply disciplinary actions. The author also draws attention to Ryazan commons' proposals of their own measures to improve landowners' estates: technical modernization and development of the regional agricultural education. The author concludes that most of the Ryazan commons negatively evaluated the development of landowners' economies in the 1870s. Their point of view reflected not only the local economic targets, but widespread economic woes of the Russian Empire. For the Ryazan commons, the participation in the Commission was an important stage in identifying local economic problems, when the zemstvo council's commons could exchange their ideas and experience from the regional to the all-Russian levels. The Commission for the Exploration of

© Костылева Е.Н., 2022

the Current Situation of Agriculture and Agricultural Productivity in Russia paved the way for further transformations in the country.

Keywords: absenteeism, Valuev's Commission, free labor market, nobility's land scarcity, modernization of nobility's estates, agricultural education, technical modernization

For citation: Kostyleva, E.N. (2022) Assessment of the condition of landowner economies in Ryazan Province by the members of the Commission for the Exploration of the Current Situation of Agriculture and Agricultural Productivity in Russia in 1872–1873. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 129–138. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/14

В 1870-е гг. сельскохозяйственная политика Российской империи была направлена на правовое и административное упорядочение аграрного сектора нашей страны. В этот период общество стало остро ощущать недостатки крестьянской реформы и законодательства 1861 г., оставившего ряд нерешенных вопросов. Кульминацией обсуждения правительством хозяйственно-экономических проблем страны стала работа Высочайше утвержденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Она была создана в 1872 г. по инициативе министра государственных имуществ П.А. Валуева и вошла в историю как Сельскохозяйственная или Валуевская комиссия. Целью деятельности комиссии стало выявление сельскохозяйственных проблем российских регионов, а поиск их решения рассматривался как второстепенная задача.

На первый план выдвинулась проблема модернизации помещичьих хозяйств, оказавшихся неподготовленными к пореформенным условиям. Взаимоотношения самодержавия и дворянства играли ключевую роль: поддержка благородного сословия в известной мере обеспечивала прочность всей государственной системы.

Хронологически изучение деятельности Сельскохозяйственной комиссии в Российской империи целесообразно разделить на три периода: дореволюционный, советский и современный.

К первому относятся исследования с середины XIX в. по 1917 г., наиболее значимые из которых – труды И.М. Стаховского [1], А.А Корнилова [2], К.Д. Кавелина [3], Н.Ф. Даниельсона [4]. Основное внимание в них уделяется проблемам модернизации хозяйств сельских производителей и российской деревни в целом.

Ко второму периоду относятся работы, изданные советскими исследователями. В них деятельность Сельскохозяйственной комиссии освещается авторами как один из этапов крестьянской политики царизма в царствование Александра II. В трудах В.Г. Чернухи работа Валуевской комиссии 1872 г. рассматривается как попытка введения представительных учреждений в Российской империи. Автор считала, что правительственная политика в области государственного управления «свидетельствовала о неспособности самодержавия решить задачу приспособления архаичного строя к развивающемуся капитализму» [5]. Обращаясь к решению ключевых хозяйственно-экономических проблем Российской империи в 1870-е гг., автор приходит к выводу об «осторожности заключений Комиссии по насущным вопросам» [6].

К третьему периоду относятся исследования современных авторов – А.Э. Гетманского [7], И.А. Христофорова [8], И.Е. Барыкиной [9], Б.Н. Миронова [10]. А.Э. Гетманский в своих трудах анализирует политические взгляды и государственную деятельность П.А. Валуева – крупного государственного деятеля, оставившего заметный след в истории России [11]. Отдельная глава диссертационного исследования автора посвящена работе Сельскохозяйственной комиссии 1872 г. А.Э. Гетманский обращается к политической стороне функционирования Валуевской комиссии, не останавливаясь на экономических результатах ее деятельности и погубернской хозяйственной специфике [7].

И.Е. Барыкина и И.А. Христофоров в своих работах рассматривают Комиссию 1872 г. как одну из особых форм и специальных институтов в самодержавной системе государственного управления Российской империи второй половины XIX в. По мнению авторов, она представляла собой механизм управления, носивший временный характер и возникший под влиянием текущих задач внутренней политики [9]. И.А. Христофоров рассматривает работу Сельскохозяйственной комиссии как попытку консервативного крыла во главе с П.А. Валуевым найти компромисс с либеральной общественностью [8]. Хозяйственные итоги работы Валуевской комиссии авторы не исследуют.

Б.Н. Миронов обращается к деятельности Валуевской комиссии как к массовому опросу о положении российского крестьянства второй половины XIX в. Анализ статистических данных о сельскохозяйственном производстве, налогах, повинностях, ценах, зарплате, питании и демографии позволяет автору сделать вывод о позитивных сдвигах в пореформенной деревне, создавая образ успешно развивающейся имперской России. Обосновывая данную точку зрения, Б.Н. Миронов приводит статистические данные, представленные Комиссий в том числе и по Рязанской губернии [10].

Можно сделать вывод, что большинство исследователей рассматривали Валуевскую комиссию 1872 г. как один из институтов самодержавной власти и этапов правительственной политики Александра II. Адаптация помещичьих хозяйств Рязанской губернии к пореформенным условиям региона не затрагивалась авторами, что ставит новую проблему исследования.

Источниками для изучения деятельности Валуевской комиссии служат «Доклады высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», содержащие как всероссийские, так и погубернские сведения. Они условно разделены

на 5 томов, следующих друг за другом, согласно обозначению «приложений» [12].

Для выявления ключевых хозяйственно-экономических проблем России 1870-х гг. используются материалы Государственного архива Российской Федерации [13], Российского государственного исторического архива [14], привлекаются справочные статистические издания [15–17]. В работе используются дневники министра государственных имуществ П.А. Валуева, позволяющие проследить личное отношение государственных деятелей к работе Сельскохозяйственной комиссии [18].

О работе рязанских гласных повествуют «Доклады высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России», ставшие главным источником, используемым автором. Наибольший интерес представляет «Приложение VI» – «Стенографические ответы лиц, приглашенных в комиссию» [19]. В отличии от остальных материалов, которые ссылаются на безымянный источник информации, называя только социальную, общественную и профессиональную принадлежность респондента, в Приложении VI даются полные сведения о гласных Комиссии. Они позволяют выявить объективность взглядов респондентов и проследить особенности хозяйственной интенсификации региона.

Экономическое развитие Рязанской губернии в пореформенный период прослеживается на основе сведений Государственного архива Рязанской области: фонд 5 содержит ежегодные «Всеподданнейшие отчеты рязанского губернатора» [20]. Официальные статистические данные отражены в «Памятных книжках Рязанской губернии» [21]. Журналы заседаний Рязанского губернского земского собрания [22, 23] и Отчеты Рязанского общества сельского хозяйства [24] позволяют выявить хозяйственные вопросы, актуальные для региона в 1870–е гг. и сопоставить их с проблемами, рассматриваемыми Валуевской комиссией. Ценным источников являются записки Александра Ивановича Кошелева, в которых автор посвятил деятельности Сельскохозяйственной комиссии отдельную главу [25].

По данным «Стенографических ответов лиц, приглашенных в комиссию» в 1872–1873 гг., в Валуевской комиссии от Рязанской губернии участвовали девять гласных [19]. Крупные помещики и землевладельцы должны были выявить «трудности своего сословия», составив план дальнейших действий по модернизации региона. Рязанскими респондентами стали: Константин Михайлович Афанасьев – статский советник, председатель Егорьевской уездной земской управы Рязанской губернии, состоятельный помещик и активный земский деятель [26. С. 127]; Александр Иванович Калемин – действительный статский советник, Спасский уездный предводитель дворянства, землевладелец Рязанской, Тамбовской и Уфимской губерний; князь Дмитрий Николаевич Крапоткин – генерал-майор свиты его Величества, землевладелец Рязанской, Санкт-Петербургской, Витебской и Новгородской губерний; Михаил Петрович Мясников – титулярный советник, помещик и Мировой посредник Михайловского уезда Рязанской губернии [27. С. 356–357]; Федор Николаевич Рюмин – камер-юнкер, землевладелец Рязанской губернии; князь Александр Иванович Шаховской – генерал-лейтенант, крупный землевладелец Пензенской и Рязанской губернии, участник Крымской кампании и подавления национально-освободительных восстаний в Венгрии и Польше [28. С. 82].

Наиболее известными рязанскими гласными были губернатор Н.А. Болдырев, крупный помещик-предприниматель Л.М. Муромцев и либеральный публицист, земский деятель и влиятельный представитель российской общественности XIX в. А.И. Кошелев.

На время службы Николая Аркадьевича Болдырева в 1866–1873 гг. пришлось осуществление земской, судебной и образовательной реформы в регионе. Анализ «Стенографических ответов лиц, приглашенных в комиссию», показывает, что предоставленные им сведения носят наиболее полный и обширный характер. Должность губернатора позволяла Н.А. Болдыреву осуществлять «общий надзор за всем происходящим», проводить ревизии подведомственных административных учреждений и назначать должностных лиц. Отвечая на вопросы Сельскохозяйственной комиссии, автор ориентировался на опыт своего хозяйствования. Имение Н.А. Болдырева в 500 дес. с конным заводом располагалось в селе Большое Треполье Михайловского уезда Рязанской губернии.

Активную деятельность в Данковском уезде Рязанской губернии вел Леонид Матвеевич Муромцев. В 1891 г. ему было присвоено звание «Почетный гражданин города Данкова». Материалы «Стенографических ответов лиц, приглашенных в комиссию», свидетельствуют, что в своей родовой усадьбе Баловнево (ныне Данковский район Липецкой области) автор наладил образцовое хозяйство. Поместье получало доходы за счет винокуренного завода, водяной мельницы, фруктового сада, лесного питомника, коневодства, продажи сельскохозяйственной и молочной продукции. В своем имении Л.М. Муромцев открыл больницу и школу для крестьян, построил изящную водонапорную башню с курантами и громоотводом.

Известным предпринимателем, земским деятелем и либеральным публицистом общероссийского масштаба был Александр Иванович Кошелев. С его именем связан радикальный Проект Крестьянской реформы, предполагавший освобождение крепостных с землей за выкуп и рассрочку дворянских платежей на 12 лет [25. С. 38]. Будучи активным сторонником общинного самоуправления, А.И. Кошелев проявил себя как талантливый и эффективный помещик, наладив образцовые производительные хозяйства в Ряжском и Сапожковском уездах Рязанской губернии. Автор неоднократно обращался к опыту своего хозяйствования, отвечая на вопросы Сельскохозяйственной комиссии. А.И. Кошелев способствовал развитию образования в регионе, выступив организатором масштабных статистических исследований, ставших ценным

источником для изучения хозяйственно-экономического развития Рязанской губернии. Благодаря деятельности А.И. Кошелева рязанское земство содействовало модернизации региона и защищало главные принципы буржуазных реформ в России.

Таким образом, респондентами Сельскохозяйственной комиссии от Рязанской губернии стали крупные помещики, землевладельцы, успешные управленцы и активные земские деятели, целью работы которых было максимально объективно осветить экономические проблемы региона в начале 70-х гг. XIX в, опираясь на собственный опыт хозяйствования.

«Стенографические ответы лиц, приглашенных в комиссию», показывают, что респондентам предложили ответить на 269 вопросов, разделенных на 12 общих блоков: состояние землевладельческого и крестьянского хозяйства, проблемы привлечения вольнонаемной рабочей силы, поземельные налоги и повинности, техническая оснащенность крестьянских и помещичьих хозяйств, развитие скотоводства, местные отрасли производства, лесное хозяйство и добыча торфа, сельские промыслы и ремесла, заводская промышленность, улучшение путей сообщения, развитие сельскохозяйственного образования и законодательства в регионе [19].

Каждый блок подразделялся на подпункты, предлагавшие рязанским гласным подробный план исследования проблемы. Вводная часть «Состояние землевладельческого и крестьянского хозяйства» носит общий характер, предваряя дальнейшую спецификацию вопросов. Ее целью стало выявление степени адаптации сельских производителей к новым пореформенным условиям. Наиболее подробно респондентов Валуевской комиссии спрашивали о проблемах привлечения вольнонаемной рабочей силы (52 подпункта), технической оснащенности крестьянских и помещичьих хозяйств (41 подпункт) и развитии скотоводства в губернии (32 подпункта). Все эти сведения были направлены на выявление способности сельских производителей к ведению экономически прибыльного хозяйства в регионе [19].

Таким образом, в вопросах Валуевской комиссии были отражены ключевые проблемы развития аграрного производства пореформенного периода, учитывалась местная хозяйственная специфика региона. Однако рязанские гласные часто уходили от темы, рассматривая в рамках одного блока несколько связанных с ним проблем, что не всегда позволяло четко следовать структуре программы, предложенной респондентам.

Первостепенным направлением государственной политики России 1870-х гг. было улучшение экономического положения дворянского сословия, напрямую зависевшее от реформирования земельных отношений. Именно поэтому одной из главных тем рязанских гласных стало обсуждение состояния помещичьих имений.

Исходя из сведений «Статистического временника Российской империи», к началу 1870-х гг. дворяне Рязанской губернии составляли один процент от общего объема населения: 8 462 чел. потомственных дворян и 5 392 чел. «дворян личных и служащих» [17. С. 22–23]. Данные «Статистики поземельной собственности и населенных мест Европейской России» позволяют утверждать, что из 674 161 дес. пахотной земли 81% земельной собственности принадлежал местному дворянству [15. С. 243–244].

Крестьянская реформа внесла значительные изменения в систему землевладения Российской империи. Если ранее вся земля юридически принадлежала государству и дворянам-помещикам, то теперь ее собственником стала и крестьянская община. Особенностью Рязанской губернии являлся тот факт, что выкупная операция здесь осуществлялась медленно и к началу 1870-х гг. дворянская земельная собственность еще не перешла в руки крестьян [19. Ч. 1. С. 231–232].

Из 4 400 частновладельческих имений, существовавших в Рязанской губернии к началу 1870-х гг., 60% были мелкопоместными – их владельцы имели меньше 100 дес. земли. Около 36% поместий относились к средним и крупным, размером 100–1 000 дес. И только 4% от общего числа имений Рязанской губернии обладало площадью свыше 1 000 дес., на них приходилась половина всей частновладельческой земли в регионе [29. С. 142].

Основная часть крупных землевладельцев искала пути получения дохода за счет сдачи земли в аренду крестьянам. Практиковалась «отработочная система» – в качестве арендной платы за землю крестьяне обрабатывали участок помещика своим инвентарем и скотом. Была распространена «испольщина» – половину урожая с арендованной земли крестьяне отдавали ее владельцу. Характерной чертой организации крупных хозяйств Рязанской губернии был «абсентизм» – самоустранение от управления имением и перепоручение его арендаторам и наемным управляющим [29. С. 144].

Примерами организации технически передовых хозяйств в Рязанской губернии, ориентированных на рынок, служат имения Пронского уезда П.Г. фон Дервиза в с. Старожилово и поместье Альютово, принадлежавшее Л.С. Халютину. Однако их было немного – одно-два на уезд [29. С. 145].

Таким образом, доходность большинства имений в Рязанской губернии определялась дешевизной используемой рабочей силы, что существенно тормозило техническую модернизацию деревни.

Развитие местных частновладельческих хозяйств невозможно оценить, не обратившись к природно-климатическим особенностям Рязанской губернии. По качеству земель ее территория делилась на две части: южную – земледельческую (правобережье реки Оки), и северную – неземледельческую (левобережье реки Оки) [21. С. 25]. По данным «Стенографических ответов лиц, приглашенных в комиссию», с этих позиций хозяйственно-экономическое развитие региона рассматривали гласные А.И. Калемин, Н.А. Болдырев, К.М. Афанасьев.

Южная половина Рязанской губернии – это район сельскохозяйственного производства. В черноземных уездах – Данковском, Раненбургском, Сапожковском, Ряжском, Скопинском и Михайловском – пахотные

земли составляли 75,7%; в Пронском, Рязанском и Зарайском уездах с преимущественно суглинистой почвой – 50,4%. Наибольший процент «распашной» земли, достигавший 80% всей площади, был в Раненбургском уезде [16. С. 523]. Гласный А.И. Калемин отмечал, что на юге Рязанской губернии хорошо развивалось скотоводство и крестьяне «жили в большем избытке и довольстве» [19. Ч. 1. С. 94–96]. Губернатор Н.А. Болдырев указывал, что ценность земли в регионе зависела от местных условий и качества почвы. Так, в земледельческом Раненбургском уезде ее стоимость доходила до 100 руб. за одну десятину. В качестве примера автор указал имение М.П. Бистром на границе Раненбургского и Козловского уездов общим объемом 900 дес. Высокая урожайность здесь определила высокую стоимость земли – 100 руб. за одну десятину [19. Ч. 1. С. 274–276].

Северная половина губернии, или Мещерская сторона, имела болотисто-торфяную и песчаную почву. Наименьший процент «распашной» земли, достигавший 25% всей площади, был в Егорьевском уезде [16. С. 523]. Для высоких урожаев эти территории необходимо было постоянно удобрять, поэтому, не получая от земледелия достаточных средств к существованию, крестьяне занимались отхожими промыслами. Гласный А.И. Калемин указывал, что сельские производители «уходили в Петербург, Одессу, Таганрог, на Кавказ и получали там значительные денежные заработки» [19. Ч. 1. С. 94–96]. Гласный К.М. Афанасьев утверждал, что в Егорьевском уезде главным доходным занятием была работа на бумагопрядильной фабрике. Многие крестьяне «мастерки» работали на дому, получая сырье от предприятия [19. Ч. 2. С. 48–50]. Наибольшее распространение кустарная промышленность получила в Егорьевском, Спасском и Касимовском уездах, где пахотные земли составляли 31,6% от общего объема [16. С. 523].

Можно сделать вывод, что в Рязанской губернии наименьшему по численности дворянскому сословию принадлежал наибольший процент пахотных земель. После 1861 г. сельскохозяйственные угодья медленно переходили в руки крестьянского сословия, позволяя помещикам использовать устаревшие дореформенные методы хозяйствования. Комплекс всестороннего хозяйственного развития Рязанской губернии обусловливался ее региональной спецификой. Южная половина губернии была районом сельскохозяйственного производства, где земледелие давало основной доход. Северная половина состояла из неземледельческих территорий, вынуждая сельских производителей уходить на заработки. Рязанские гласные Сельскохозяйственной комиссии грамотно подошли к оценке хозяйственного состояния губернии, сделав акцент на природно-климатических особенностях региона.

Отмена крепостного права застала сельских производителей не подготовленными к ведению хозяйства на «рациональных основаниях». Экономист Н.Ф. Даниэльсон утверждал, что при неизменяющейся производительности земледельческого труда капиталистическое накопление происходило лишь за счет сокращения потребления. Хлебное производство, являвшееся основой хозяйства, находилось в абсолютном застое [4. С. 33]. В этих условиях занятие земледелием становилось бессмысленным и недоходным. В «Очерках аграрной политики царского правительства» Реформа 1861 г. не без основания была названа «могилой для личной предприимчивости и развития земледелия» [14. Л. 1–4].

По данным Отчета рязанского губернатора за 1870 г., хозяйство сельских производителей Рязанской губернии находилось в том же положении, что и до реформы 1861 г.: преобладала трехпольная система земледелия, а наделы часто обрабатывались небрежно и несвоевременно, что ставило урожайность в прямую зависимость от климатических условий [20. Л. 15].

Анализ «Стенографических ответов лиц, приглашенных в комиссию», показывает, что рязанские гласные также связывали неудовлетворительное состояние помещичьих хозяйств со «старым рутинным производством», указывая на наличие «трехпольной системы без усовершенствований» (А.И. Калемин, Н.Ф. Рюмин, Д.Н. Крапоткин, М.П. Мясников, А.И. Шаховской). Так, А.И. Калемин отмечал, что «рационального хозяйства почти не существует» [19. Ч. 1. С. 94–96], а Н.А. Болдырев указывал, что «есть брошенные земли, основная часть которых находится в упадке» [19. Ч. 1. С. 274–276]. Обращаясь к своему поместью, «улучшенному и многопольному», гласный К.М. Афанасьев отмечал, что «любые попытки его улучшения не приносили должных результатов», а модернизация сельскохозяйственного производства не окупалась [19. Ч. 2. С. 48–50].

Таким образом, отмена крепостного права застала сельских производителей не подготовленными к рациональному ведению хозяйства. Большинство рязанских гласных справедливо указывали на наличие устаревшей трехпольной системы и дореформенное рутинное производство, ставившее урожайность в регионе в прямую зависимость от природно-климатических условий.

Кризис аграрного сектора Российской империи был связан с проблемой малоземелья сельских производителей. Известный дореволюционный экономист П.П. Мигулин в своих трудах оценивал данную ситуацию как «полное пренебрежение интересами сельскохозяйственной промышленности» [13. Л. 1]. «Статистика поземельной собственности» позволяет утверждать, что наименьший объем личной поземельной собственности у дворянского сословия наблюдался в Рязанской (76%) и Калужской (71%) губерниях, где земля имела наименьшую ценность. Так, в Пронском уезде Рязанской губернии количество дворян, имевших менее 10 дес. земли, составляло 221 человек [15. С. 22–25].

Рязанские гласные Валуевской комиссии К.М. Афанасьев и Д.Н. Крапоткин отмечали, что помещичьи «запашки уменьшились на половину» несмотря на то, что в 1873 г. помещики еще не приступили к «разверстанию» крестьянских наделов, которые находились в распоряжении общинников [19. Ч. 1. С. 231–232].

Особенностью Рязанской губернии стал переход земельных участков в руки купеческого сословия,

которое «реформа застала с капиталом и кредитом». Гласный К.М. Афанасьев указывал, что наиболее характерно это было для Егорьевского уезда, не производительного в сельскохозяйственном отношении. В период сильного падения цен на землю купцы смогли купить большие участки с качественным лесом менее, чем за 10 руб. за десятину. Это оказалось выгодным вложением денежных средств: к 1870-м гг. цены на лес так возросли, что «сажень дров в Егорьевском уезде нельзя было найти менее 5 руб. за дес., а строевой лес в 40 верстах от города был продан по 450 руб. за дес.». Переход земли от помещиков к купцам являлся серьезной проблемой, так как «последние совершенно не занимались сельским хозяйством» [19. Ч. 2. С. 48–50].

Можно сделать вывод, что в соответствии с общероссийскими тенденциями кризис аграрного сектора Рязанской губернии был связан с проблемой малоземелья сельских производителей. Перераспределение аграрной собственности в руки купеческого сословия стало серьезной региональной проблемой, выявленной респондентами Валуевской комиссии и приводившей к запустению сельскохозяйственных угодий.

Анализ «Стенографических ответов лиц, приглашенных в комиссию», показывает, что рязанские гласные Сельскохозяйственной комиссии А.И. Кошелев, М.П. Мясников, А.И. Шаховской отмечали нежелание владельцев самостоятельно управлять своими имениями. Респонденты подчеркивали, что это было важным фактором, тормозившим развитие частновладельческих хозяйств в регионе. Так, А.И. Кошелев утверждал, что «число помещиков, живущих в имениях, уменьшается, они переезжают в город или поступают на службу» [19. Ч. 1. С. 236–238]. Гласные М.П. Мясников и А.И. Шаховской указывали, что средние частновладельческие хозяйства развивались «неплохо и стабильно», так как владельцы самостоятельно управляли своими имениями. Уровень модернизации крупных поместий оказался значительно ниже, что было связано с абсентеизмом их хозяев. Они сдавали землю в аренду крестьянам, «не утруждая себя ведением хозяйства» [19. Ч. 2. С. 45–46]. Таким образом, экономические улучшения и доходность имений были возможны только в тех хозяйствах, которыми помещики управляли самостоятельно.

Организация пореформенных помещичьих хозяйств требовала отказа от принудительного труда и переход к найму свободной рабочей силы. Однако отмена крепостного права застала землевладельцев не подготовленными к этому процессу. Как отмечалось в «Очерках аграрной политики царского правительства», реформа, с одной стороны, полностью обновила быт сельского населения, даровав ему личную свободу, а с другой – не позволила дворянам поднять свои поместья на более высокий уровень [14. Л. 1–2].

На большинстве сельскохозяйственных территорий Рязанской губернии преобладала испольная система. Эта форма организации сельского хозяйства являлась менее прогрессивной по сравнению с наемным трудом, так как не влекла за собой качественную обработку почвы. Гласный А.И. Калемин отмечал, что в Спасском уезде половина земель не удобрялась, поскольку «отдавалась исполу». Интересен тот факт, что в Тамбовской губернии, близкой по качеству почв с Рязанской, ситуация была иная: «помещичьи земли здесь хорошо обрабатываются, хотя сдаются крестьянам» [19. Ч. 1. С. 94–96].

Особенностью Рязанской губернии являлся тот факт, что сдача земли в аренду не являлась надежным способом получения прибыли. Гласные Н.А. Болдырев и М.П. Мясников отмечали, что «в хороший год земля разбирается охотно и оплачивается широко, а в неурожайный картина плачевная» [19. Ч. 1. С. 274–276]. Мясников указывал: местные крестьяне были настолько не требовательны, что, имея минимальный урожай, не арендовали землю у помещиков и часто не обрабатывали до конца свою. В 1872 г. в Рязанской губернии можно было нередко «встретить поля с незасеянными полосами» [19. Ч. 2. С. 45–46].

В этой связи первостепенной хозяйственной задачей в Рязанской губернии стало формирование рынка вольнонаемной рабочей силы. Гласный К.М. Афанасьев утверждал, что отсутствие крепостного труда вынуждало помещиков сокращать темпы сельскохозяйственного производства: «…часто летом у нас нельзя найти ни одного крестьянина, остаются одни только бабы, а мужики уходят на заработки, потому что земля не вознаграждает хлебопашество» [19. Ч. 2. С. 48–50]. Гласные Д.Н. Крапоткин, К.М. Афанасьев, Н.А. Болдырев, А.И. рапоткин, Ф.Н. Рюмин указывали, что труд квалифицированных рабочих обходился помещикам слишком дорого [19. Ч. 1. С. 231–232]. Так, в летний период плата наемному рабочему в регионе в среднем составляла 40 руб. на «хозяйских харчах», которые «обходились около той же суммы» [19. Ч. 1. С. 274–276].

Особенностью Рязанской губернии являлся тот факт, что из-за нехватки наемной рабочей силы к крестьянам нельзя было применить дисциплинарные меры для повышения качества труда. Гласный К.М. Афанасьев отмечал: «…строго обращаться с рабочими было страшно, потому что в этом случае они на другой год не пришли бы». Основной контингент наемных рабочих составляли крестьяне из Тульской губернии и Коломны: «…из года в год приезжают одни и те же рабочие, они понимают, что регион в них нуждается и поэтому являются очень требовательными в летнее время года» [19. Ч. 2. С. 48–50].

С 1870 г. ситуация изменилась: предпочтение стали отдавать наемным рабочим из Рязанской губернии. Однако местные крестьяне не стремились устроиться на заработки в своем регионе. Причина заключалась в том, что доход на стороне был гораздо выше, чем в период сельскохозяйственных работ. Так, гласный М.П. Мясников отмечал, что в Михайловском уезде плата наемному рабочему не превышала 43 руб. в год «при хозяйском содержании», а отхожие промыслы давали около 70 руб. годового дохода – «достаточного для уплаты крестьянами всех денежных сборов» [19. Ч. 2. С. 45–46]. Гласный К.М. Афанасьев отмечал, что в период отхожих промыслов заработок в Егорьевском уезде достигал 100 руб. в год [19. Ч. 2. С. 48–50].

Своевременная выплата жалования имела важное значение для привлечения наемных рабочих. Князь А.И. Шаховской утверждал, что «крестьяне не любят несколько раз ходить за деньгами, в особенности в дальние местности». Автор отмечал, что работники так остро нуждались в средствах, что «готовы были получать меньший заработок, зная, что им его выдадут сразу» [19. Ч. 1. С. 240–241]. Отсутствие прочной законодательной базы приводило к тому, что, как и в дореформенный период, «условия найма зависели от местных обычаев и обоюдной степени доверия» [19. Ч. 1. С. 274–276]. Часто крестьяне уходили с деньгами, не выполнив свою работу. В этом случае без заключенного письменного договора взыскать с работников полученные вперед деньги было фактически невозможно. Гласный А.И. Шаховской отмечал, что высокая заработная плата негативно отражалась на поведении наемных рабочих, «убеждая крестьян в их незаменимости». Так, работники выдвинули ему условие: на работу они будут выходить, когда захотят, а не когда с них потребуют: «без нас не обойдутся, пойду сожну десятину и хватит, а мне это на целую неделю пропитания» [19. Ч. 1. С. 240–241].

Таким образом, отмена крепостного права застала землевладельцев не подготовленными к переходу от обязательного к вольнонаемному труду. Сведения, предоставленные рязанскими гласными Валуевской комиссии, позволяют утверждать, что устаревшая испольная система не позволяла помещикам получать прибыль, что делало первостепенной хозяйственной задачей региона формирование рынка свободной рабочей силы. Особенностью Рязанской губернии являлся тот факт, что местные крестьяне не стремились устроиться на заработки в своем регионе, а отсутствие прочной законодательной базы приводило к невыполнению ими своих обязательств.

По данным «Стенографических ответов лиц, приглашенных в комиссию», только двое гласных из девяти – А.И. Кошелев и А.И. Калемин – отметили положительные стороны развития помещичьих хозяйств в Рязанской губернии. Авторы указывали на наличие у землевладельцев достаточных капиталов и начало применения усовершенствованной системы хозяйствования. Так, А.И. Кошелев утверждал, что главный фактор, препятствующий модернизации частновладельческих хозяйств в регионе, – недостаток финансовых средств – был устранен в связи с открытием поземельных банков, где помещики смогли заложить свои имения [19. Ч. 1. С. 236–238]. На наш взгляд, оценка автора носит субъективный характер: И.А. Кошелев был активным сторонником открытия доступных кредитных учреждений в губернии, видя в них решение всех хозяйственных проблем.

Анализ журналов Рязанского губернского земского собрания позволяет сделать вывод, что часть представителей рязанской либеральной общественности видела благоприятные перспективы хозяйственного развития региона: «…как ни однообразна вообще картина нашего трехпольного хозяйства, есть повод надеяться, что найдутся многие местности и лица, чтобы обеспечить успех дела в будущем» [22. С. 259]. Гласный А.И. Калемин отмечал, что «год от года имения помещиков улучшаются», а в некоторых уже существовало четырехпольное хозяйство. Оценка респондентов субъективна: они позитивно смотрели в будущее, считая «непроизводительную трату» денежных средств временным явлением и утверждая, что «срок, когда мы сможем употребить капиталы надлежащим образом, еще придет» [19. Ч. 1. С. 94–96].

В задачи Валуевской комиссии не входило получение от гласных готовых решений сельскохозяйственных проблем, однако рязанские респонденты выдвинули свои предложения. Развитие сельскохозяйственного образования и техническая модернизация были названы главными мерами по усовершенствованию помещичьих имений в губернии. Пробелы в этих сферах местные гласные считали «серьезным и трудно восполняемым недостатком», который «необходимо было исправить в кратчайшие сроки» [19. Ч. 1. С. 236–238].

Отчеты Рязанского общества сельского хозяйства за 1870–1873 гг. показывают, что данные проблемы долгое время активно обсуждались в регионе. Так, секретарь общества Н.П. Коренев в своем докладе Совету отмечал: «…у нас еще нет ни хороших управляющих, ни работников, умеющих владеть усовершенствованными орудиями или машинами» [24. С. 34].

Рязанские гласные утверждали, что первостепенной проблемой Рязанской губернии было отсутствие квалифицированных управляющих (А.И. Кошелев, К.М. Афанасьев, Н.А. Болдырев, Ф.Н. Рюмин): «…в основном используют практиков, они лучше умеют обращаться с рабочими и хозяйством» [19. Ч. 2. С. 48–50]. Однако наличие специального сельскохозяйственного образования авторы рассматривали неоднозначно. Так, А.И. Кошелев считал, что «очень часто ученые агрономы приводят к излишним расходам и недостаточному приходу» [19. Ч. 1. С. 236–238]. К.М. Афанасьев указывал: «…мне не встречалось видеть таких специалистов, которые бы удовлетворяли своему назначению» [19. Ч. 2. С. 48–50]. Иную точку зрения выразил рязанский губернатор Н.А. Болдырев, утверждая, что «крупные землевладельцы нанимают ученых управляющих, которые успешно справляются со своими обязанностями» [19. Ч. 1. С. 274–276]. Ф.Н. Рюмин указывал: «…желательно, чтобы приказчики нанимались из знающих теорию». По мнению автора, главной проблемой была выплата специалисту достойного жалования: «…даже хорошие садовники стоят так дорого, что не доступны для хозяев, а дешевые не удовлетворяют своему назначению» [19. Ч. 1. С. 200–202].

Актуальной для Рязанской губернии являлась проблема технической модернизации дворянских имений. Сведения «Обзора земской деятельности Рязанской губернии» позволяют утверждать, что местное земство активно участвовало в деле развития образования в регионе. Так, с 1870 по 1873 г. на эту сферу в целом было выделено более 265 тыс. руб. [23. С. 15]. Анализ отчетов Рязанского общества сельского хозяйства за 1870–1873 гг. показывает, что одним из пунктов

«Программы для описания землевладения в топографическом и хозяйственном отношении» было наличие в имении сельскохозяйственных машин. Секретарь Рязанского общества сельского хозяйства Н.П. Коренев считал, что в пореформенную эпоху «стало необходимо пользоваться всеми современными открытиями и усовершенствованиями, способствующими к увеличению дохода с имения» [24. С. 26, 32].

Анализ «Стенографических ответов лиц, приглашенных в комиссию» позволяет утверждать, что проблема технической модернизации дворянских имений получила неоднозначную оценку среди рязанских гласных: некоторые респонденты указывали на отсутствие технических улучшений, другие высказывали мнение об активном внедрении сельскохозяйственных машин в регионе. Так, гласные М.П. Мясников и Н.А. Болдырев связывали сложности местных землевладельцев с отсутствием технических улучшений: «усовершенствованные орудия труда не используются ни в крупных, ни в мелких хозяйствах, редко где применяются молотилки, веялки и зерносушилки» [19. Ч. 2. С. 45–46]. Рязанский губернатор Н.А. Болдырев указывал на высокую стоимость сельскохозяйственных машин, которые были доступны только состоятельным землевладельцам [19. Ч. 1. С. 274–276].

Гласный Ф.Н. Рюмин, напротив, утверждал, что помещики Рязанской губернии использовали машины и плуги Рансома, и даже местные крестьяне были заинтересованы в сельскохозяйственных новшествах: «под Рязанью, когда привезены были сюда машины, крестьяне приходили смотреть: сначала глядели косо, потом, убедившись, что они облегчают труд, изъявили желание приобретать земледельческие машины или, по крайней мере, нанимать их у помещиков» [19. Ч. 1. С. 200–202].

Использование сельскохозяйственных машин в рязанских имениях подробно описывал князь А.И. Шаховской. Он указывал, что в разгар сельскохозяйственных работ их внедрение в производство препятствовало увеличению стоимости наемного труда. Так, приобретенные в 1867 г. машины системы Вуда позволили ему не только «удержать цену на жатву ржи в 4,5–5 руб. за одну дес.», но и увеличить крестьянскую арендную плату с 2,5 до 8 руб. [19. Ч. 1. С. 240–241]. С 1862 по 1872 г., благодаря техническим улучшениям в Рязанской губернии, количество обрабатываемой земли увеличилось в 17 раз. Спрос на качественно возделанные участки в крестьянской среде возрос, а «ценность земли во всей окружности повысилась многократно».

Создание образцовых хозяйств рязанские гласные считали действенным способом повышения уровня аграрной культуры в регионе. К.М. Афанасьев, А.И. Шаховской и Л.М. Муромцев утверждали: «…личным примером у нас можно скорее достигнуть успеха, чем посредством научных указаний» [19. Ч. 2. С. 118–119]. Так, использование сельскохозяйственных машин в имении князя А.И. Шаховского дало положительный результат: «…многие соседи сами принялись хозяйничать и даже крестьяне стали перенимать лучшие способы обработки, хотя известно, что они очень упорно стоят против всяких нововведений» [19. Ч. 1. С. 240–241].

Гласный Ф.Н. Рюмин выступал за создание «небольших практических школ при успешно развивающихся помещичьих хозяйствах», где «будут готовить опытных приказчиков, разводить улучшенные семена и организовывать передовое скотоводство» [19. Ч. 1. С. 200–202]. Кроме того, рязанский губернатор Н.А. Болдырев предлагал правительству и Обществу сельского хозяйства премировать образцовые имения [19. Ч. 1. С. 274–276]. Местные гласные указывали на необходимость издания специальной агрономической литературы, понятной широкому кругу читателей (К.М. Афанасьев, Ф.Н. Рюмин) и организацию сельскохозяйственных выставок (Н.А. Болдырев, А.И. Шаховской).

Таким образом, развитие сельскохозяйственного образования и техническая модернизация были главными мерами по усовершенствованию помещичьих имений в Рязанской губернии. Местные гласные обозначили ключевые проблемы региона в этой сфере: отсутствие квалифицированных управляющих, недостаточность сельскохозяйственной техники. Они выступали за поощрения образцовых хозяйств, создание практических школ при успешно развивающихся имениях, издание специальной литературы и организацию сельскохозяйственных выставок в регионе.

Можно сделать вывод, что работа Сельскохозяйственной комиссии позволила оценить состояние помещичьих имений в России в 1870-е гг. Этот период стал переходным для Рязанской губернии, когда единая система организации хозяйства не сформировалась, а сельские производители не успели адаптироваться к новым пореформенным условиям. Местные гласные – крупные помещики и землевладельцы – обозначили ключевые экономические проблемы региона: малоземелье сельских производителей, устаревшие методы хозяйствования (наличие трехпольной и испольной системы), дворянский абсентеизм. Их оценки не лишены субъективизма, однако, опираясь на собственный опыт хозяйствования, они смогли осветить главные проблемы аграрного производства, выявив специфику Рязанской губернии: медленный переход дворянских угодий в руки крестьян, перераспределение аграрной собственности в пользу купеческого сословия, сдача земли в аренду как ненадежный способ получения прибыли.

Первостепенной сельскохозяйственной задачей Рязанской губернии, выявленной гласными Валуевской комиссии, стало формирование рынка вольнонаемной рабочей силы. Региональной особенностью являлся тот факт, что местные крестьяне не стремились устроиться на заработки в своем регионе, а нехватка квалифицированных рабочих и отсутствие сформированной законодательной базы делали затруднительным применение к ним дисциплинарных мер.

В задачи Валуевской комиссии не входило получение от респондентов готовых решений региональных сельскохозяйственных проблем, однако рязанские гласные предложили собственные меры по усо-

вершенствованию помещичьих имений, включавшие техническую модернизацию и развитие сельскохозяйственного образования в губернии.

Большинство местных респондентов негативно оценивали уровень развития помещичьих имений в Рязанской губернии в 1870-е гг. Их мнение было индикатором пореформенных проблем не только региона, но и Российской империи в целом. Участие в работе Сельскохозяйственной комиссии стало для рязанских гласных важным этапом в выявлении экономических проблем региона, когда земская общественность смогла транслировать свои идеи и опыт с мест на всероссийский уровень. Комиссия для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России подготовила почву для дальнейших масштабных преобразований в стране. Основные положения Валуевской комиссии найдут отражение в реформировании кредитно-финансовой системы в царствование Александра III и проведении Столыпинской аграрной реформы в 1906 г.

Список источников

1. Крестьянский строй. Т. 1 : сб. ст. СПб. : Беседа, 1905. 455 с.
2. Корнилов А.А. Крестьянская реформа. СПб. : Гершунин и К°, 1905. 271 с.
3. Кавелин К.Д. Чем нам быть? Ответ редактору газеты «Русский мир»: в двух письмах. Berlin : B. Behr's Verlag (E. Bock), 1875. 87 с.
4. Даниельсон Н.Ф. Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства. СПб. : Тип. А. Бенке, 1893. 418 с.
5. Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л. : Наука, 1978. 247 с.
6. Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70 годы XIX в.). Л. : Наука, 1972. 225 с.
7. Гетманский А.Э. Политические взгляды и государственная деятельность П.А. Валуева, 70–80-е гг. XIX в. : дис. … канд. ист. наук. Саратов, 2001. 227 с.
8. Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М. : Русское слово-РС, 2002. 432 с.
9. Барыкина И.Е. Государственное управление России второй половины XIX века (особые формы и специальные институты). СПб. : Нестор-История, 2018. 368 с.
10. Миронов Б.Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М. : Весь мир, 2012. 848 с.
11. Гетманский А.Э. Петр Александрович Валуев // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 58–86.
12. Доклад Высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Приложения I–VI. СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1873. 1983 с.
13. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 555. Оп. 1. Д. 1361.
14. Российский государственный исторический архив. Ф. 592. Оп. 44. Д. 1263.
15. Статистика поземельной собственности и населенных мест европейской России. Вып. 1: Губернии Центральной земледельческой области. СПб. : Изд. Центр. Стат. комитета, 1880. 1045 с.
16. Энциклопедический словарь : в 86 т. / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. XXVII[a]. СПб. : Семеновская Типо-литогр. (И.А. Ефрон), 1891. 975 с.
17. Статистический временник Российской империи. Сер. 2. Вып. 7. Государственные доходы России, их классификация, нынешнее состояние и движение. СПб. : Изд. Центр. Стат. комитета, 1872. 587 с.
18. Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел : в 2 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1961. 896 с.
19. Доклад Высочайше учрежденной комиссии для исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России. Приложение VI. Стенографические ответы лиц, приглашенных в комиссию : в 2 ч. СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1873. 398 с.
20. Государственный архив Рязанской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3872.
21. Памятная книжка для Рязанской губернии на 1870 год. Рязань : Тип. Губернского правления, 1870. 314 с.
22. Журналы Рязанского губернского земского собрания седьмого очередного созыва. Рязань : Тип. З.П. Поздняковой, 1871. 248 с.
23. Обзор земской деятельности в Рязанской губернии за девятилетие с 1866 по 1875 год. Рязань : Тип. З.П. Поздняковой, 1875. 378 с.
24. Отчеты о деятельности Высочайше утвержденного Рязанского общества сельского хозяйства (с 1866 до 1871 г.). Рязань : Губернская тип., 1871. 545 с.
25. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы) с семью приложениями. Berlin : B. Behr's Verlag (E. Bock), 1884. 232 с.
26. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10: Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 1: Абаза–Бюллеры. Рязань : Ряз. обл. ин-т развития образования, 2006. 627 с.
27. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10: Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 5: Лавровы–Мясоедовы. Рязань : Ряз. обл. ин-т развития образования, 2006. 574 с.
28. Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 10: Материалы по истории и генеалогии дворянских родов Рязанской губернии. Вып. 9: Цапенко–Яценко. Рязань : Ряз. обл. ин-т развития образования, 2015. 513 с.
29. История одной губернии: очерки истории Рязанского края 1778–2007 гг. / под ред. П.В. Акульшина. Рязань : ГУ – Пресса, 2007. 450 с.

References

1. Anon. (1905) *Krest'yanskiy stroy* [Peasant system]. Vol. 1. Saint Petersburg: Beseda.
2. Kornilov, A.A. (1905) *Krest'yanskaya reforma* [Peasant reform]. Saint Petersburg: Gershunin i K°.
3. Kavelin, K.D. (1875) *Chem nam byt'? Otvet redaktoru gazety "Russkiy mir": v dvukh pis'makh* [What are we to be? Answer to the editor of the Russkiy Mir newspaper: in two letters]. Berlin: B. Behr's Verlag (E. Bock).
4. Daniel'son, N.F. (1893) *Ocherki nashego poreformennogo obshchestvennogo khozyaystva* [Essays on our post-reform social economy]. Saint Petersburg: Tip. A. Benke.
5. Chernukha, V.G. (1978) *Vnutrennyaya politika tsarizma s serediny 50-kh do nachala 80-kh gg. XIX v.* [The internal policy of tsarism from the mid-1850s to the early 1880s]. Leningrad: Nauka.
6. Chernukha, V.G. (1972) *Krest'yanskiy vopros v pravitel'stvennoy politike Rossii (60–70 gody XIX v.)* [The peasant question in the government policy of Russia (1860s–1870s)]. Leningrad: Nauka.
7. Getmanskiy, A.E. (2001) *Politicheskie vzglyady i gosudarstvennaya deyatel'nost' P.A. Valueva, 70–80-e gg. XIX v.* [Political views and state activity of P.A. Valuev, 1870s–1880s]. History Cand. Diss. Saratov.
8. Khristoforov, I.A. (2002) *"Aristokraticheskaya" oppozitsiya Velikim reformam (konets 1850 – seredina 1870-kh gg.)* ["Aristocratic" opposition to the Great Reforms (late 1850s – mid-1870s)]. Moscow: Russkoe slovo-RS.

9. Barykina, I.E. (2018) *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii vtoroy poloviny XIX veka (osobye formy i spetsial'nye instituty)* [Public administration of Russia in the second half of the 19th century (special forms and special institutions)]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
10. Mironov, B.N. (2012) *Blagososto yanie naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii: XVIII – nachalo XX veka* [Welfare of the population and revolutions in imperial Russia: 18th - early 20th centuries]. Moscow: Ves' mir.
11. Getmanskiy, A.E. (2002) Pyotr Aleksandrovich Valuev. *Voprosy istorii.* 6. pp. 58–86. (In Russian).
12. Commission for the Exploration of the Current Situation of Agriculture and Agricultural Productivity. (1873) *Doklad Vysochayshe uchrezhdennoy komissii dlya issledovaniya nyneshnego polozheniya sel'skogo khozyaystva i sel'skoy proizvoditel'nosti v Rossii* [Report of the Highest Established Commission for the Exploration of the Current Situation of Agriculture and Agricultural Productivity. in Russia]. Appendices I–VI. Saint Petersburg: Tip. T-va "Obshchestvennaya pol'za".
13. State Archive of the Russian Federation. Fund 555. List 1. File 1361.
14. Russian State Historical Archive. Fund 592. List 44. File 1263.
15. Central Statistics Committee. (1880) *Statistika pozemel'noy sobstvennosti i naselennykh mest evropeyskoy Rossii* [Statistics of land ownership and settlements in European Russia]. Vol. 1. Saint Petersburg: Izd. Tsentr. Stat. komiteta.
16. Brokgauz, F.A. & Efron, I.A. (1891) *Entsiklopedicheskiy slovar': v 86 t.* [Encyclopedic Dictionary: in 86 volumes]. Vol. XXVIIa. Saint Petersburg: Semenovskaya Tipo-litogr.
17. Central Statistics Committee. (1872) *Statisticheskiy vremennik Rossiyskoy imperii* [Statistical chronicle of the Russian Empire]. Ser. 2. Vol. 7. Saint Petersburg: Izd. Tsentr. Stat. komiteta.
18. Valuev, P.A. (1961) *Dnevnik P.A. Valueva ministra vnutrennikh del: v 2 t.* [Diary of P.A. Valuev, Minister of Internal Affairs: in 2 vols]. Moscow: USSR AS.
19. Commission for the Exploration of the Current Situation of Agriculture and Agricultural Productivity. (1873) *Doklad Vysochayshe uchrezhdennoy komissii dlya issledovaniya nyneshnego polozheniya sel'skogo khozyaystva i sel'skoy proizvoditel'nosti v Rossii* [Report of the Highest Established Commission for the Exploration of the Current Situation of Agriculture and Agricultural Productivity. in Russia]. Appendix VI. Saint Petersburg: Tip. T-va "Obshchestvennaya pol'za".
20. State Archive of Ryazan Oblast. Fund 5. List 1. File 3872.
21. Anon. (1870) *Pamyatnaya knizhka dlya Ryazanskoy gubernii na 1870 god* [Memorial book for Ryazan Province for 1870]. Ryazan: Tip. Gubernskogo pravleniya.
22. Ryazan Provincial Zemstvo Assembly. (1871) *Zhurnaly Ryazanskogo gubernskogo zemskogo sobraniya sed'mogo ocherednogo sozyva* [Journals of the Ryazan Provincial Zemstvo Assembly of the seventh regular convocation]. Ryazan: Tip. Z.P. Pozdnyakovoy.
23. Anon. (1875) *Obzor zemskoy deyatel'nosti v Ryazanskoy gubernii za devyatiletie s 1866 po 1875 god* [Review of zemstvo activities in Ryazan Province for nine years, from 1866 to 1875]. Ryazan: Tip. Z.P. Pozdnyakovoy.
24. Ryazan Society of Agriculture. (1871) *Otchety o deyatel'nosti Vysochayshe utverzhdennogo Ryazanskogo obshchestva sel'skogo khozyaystva (s 1866 do 1871 g.)* [Reports on the activities of the Highly Approved Ryazan Society of Agriculture (from 1866 to 1871)]. Ryazan: Gubernskaya tip.
25. Koshelev, A.I. (1884) *Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812–1883 gody) s sem'yu prilozheniyami* [Notes of Aleksandr Ivanovich Koshelev (1812–1883) with seven appendices]. Berlin: B. Behr's Verlag (E. Bock).
26. Anon. (2006) *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* [Materials and research on Ryazan local history]. Vol. 10 (1). Ryazan: Ryaz. obl. in-t razvitiya obrazovaniya.
27. Anon. (2006) *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* [Materials and research on Ryazan local history]. Vol. 10 (5). Ryazan: Ryaz. obl. in-t razvitiya obrazovaniya.
28. Anon. (2015) *Materialy i issledovaniya po ryazanskomu kraevedeniyu* [Materials and research on Ryazan local history]. Vol. 10 (9). Ryazan: Ryaz. obl. in-t razvitiya obrazovaniya.
29. Akul'shin, P.V. (ed.) (2007) *Istoriya odnoy gubernii: ocherki istorii Ryazanskogo kraya 1778–2007 gg.* [History of one province: essays on the history of Ryazan Oblast, 1778–2007]. Ryazan: GU – Pressa.

Информация об авторе:
Костылева Е.Н. – канд. ист. наук, доцент кафедры "Инженерный бизнес и менеджмент" Рязанского института (филиала) Московского политехнического университета (Рязань, Россия). E-mail: lena-kostyleva@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
E.N. Kostyleva, Cand. Sci. (History), associate professor, Ryazan Institute (Branch) of Moscow Polytechnic University (Ryazan, Russian Federation). E-mail: lena-kostyleva@yandex.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 28.06.2021;
одобрена после рецензирования 22.09.2021; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 28.06.2021;
approved after reviewing 22.09.2021; accepted for publication 30.06.2022.

Научная статья
УДК 94(510.1)
doi: 10.17223/15617793/479/15

Влияние Китайско-Восточной железной дороги на развитие сельского хозяйства на Северо-Востоке Китая

Линь Ли[1, 2]

[1] *Томский государственный университет, Томск, Россия*
[2] *Шеньянский политехнический университет, Шеньян, КНР*
[1, 2] *13940309208@139.com*

Аннотация. Анализируется двоякая роль КВЖД с точки зрения развития сельского хозяйства на Северо-Востоке Китая. Исследование проблемы сфокусировано на возможном совмещении разных точек зрения историков России и Китая: от колониализма до положительных результатов и успешности процесса продвижения проекта развития экономики в самом широком смысле.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога, Северо-Восток Китая, сельское хозяйство, Маньчжурия, колонизация

Для цитирования: Ли Л. Влияние Китайско-Восточной железной дороги на развитие сельского хозяйства на Северо-Востоке Китая // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 139–144. doi: 10.17223/15617793/479/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/15

Chinese Eastern Railway: Influence on the development of agriculture in Northeast China

Lin Li[1, 2]

[1] *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*
[2] *Shenyang Polytechnic University, Shenyang, People's Republic of China*
[1, 2] *13940309208@139.com*

Abstract. The article attempts to show the role of the Chinese Eastern Railway (CER) in the development of the Northeastern lands of China at the turn of the 20th centuriy. CER had a great influence on the development of economic and political relations between Russia and China; it had an ambiguous influence on the process of a more and more active use of lands of the four northern provinces: Heilujiang, Jilin, Liaoning, and Inner Mongolia. In addition, the study of the problem focuses on the possible combination of different points of view of historians of both countries: from colonialism to the positive results and success of the process of promoting the project of economic development in the broadest sense. While emphasizing the role of Russia which built CER and had influence on the direct expansion of the project through the construction of the Siberian branch railroad, one should not forget about Japanese interest to this region of China; their vector of influence was to control the economy and defense of Manchuria, expand their own commodity markets and solve the problem of overpopulation. After Russia's defeat for domination in the region, CER was divided and Japanese influence extended: the Manchurian part of CER south of Chanchun came to Japan. The question of CER management and its status accompanied the project from the very beginning of it, as numerous documents and studies testify. CER connected the region rich in resources with domestic and international markets, which promoted technology spread, capital development, labor force buildup in areas along the railway line. The development of agricultural resources in the Northeast not only obviated the domestic market, but also began to gradually orient to the world market. The transit of goods – and the development of industry, trade and services on this basis – facilitated the rapid emergence of modern cities. This changed the face of the Northeast. The flow of migrants from other regions of the country and from abroad, as well as the flow of foreign investments, rushed here. The combination of Japanese and Russian capital investment with the agricultural economy promoted the rise of the processing industry, and the railroad greatly facilitated the aggregation of economic resources in the Northeast, stimulating the development of agricultural resources and the resulting economic prosperity, cultural flourishing, and population growth. On the other hand, the emergence of the railroad was imbued with colonization, aggressive overtones: from the beginning of its construction, CER concentrated exclusive political, economic and military rights and interests of Japan and Russia with different degree of capitalism and different ways of economic invasion.

Keywords: Chinese Eastern Railway, Northeast China, agriculture, Manchuria, colonization

© Ли Л., 2022

For citation: Li, L. (2022) Chinese Eastern Railway: Influence on the development of agriculture in Northeast China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 139–144. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/15

С XIX в. Северо-Восток Китая с его богатыми природными ресурсами и превосходным географическим положением вызывал интерес России и Японии. После китайско-японской войны, в 1895 г., Цинское правительство подписало с Японией Симоносекский договор и было вынуждено уступить Ляодунский полуостров. До подписания договора одним из важных условий прекращения войны, предложенных японцами, было требование к Китаю уступить право управления железной дорогой между Тяньцзинем и Шаньхайгуанем, но так как требование было излишне жестким, в итоге от него отказались [1. С. 151]. Японские планы вызвали крайнее недовольство России, и она, объединив усилия с Германией и Францией, в итоге вынудила Японию отказаться от оккупации Ляодунского полуострова.

В феврале 1891 г., когда царская Россия приняла решение о строительстве Сибирской железной дороги, планировалось построить на одной из будущих железнодорожных станций ответвление в Китай, чтобы иметь возможность «торговать непосредственно с густонаселенными провинциями Китая» [2] и упростить въезд в Китай и ведение торговли для торговцев из царской России, что облегчало экономическое проникновение России в Китай. Кроме того, Россия хотела построить южное ответвление Китайско-восточной железной дороги (КВЖД), доходящее до Люйшунькоу, и перевести Тихоокеанский флот из Владивостока в незамерзающий порт Люйшунькоу, чтобы расширить свой стратегический охват до самой южной оконечности Северо-Восточного Китая, оккупировать, таким образом, Северо-Восточный Китай и получить возможность сдерживать Японию и наблюдать за Корейским полуостровом.

В 1896 г. Ли Хунчжан в качестве императорского посланника отправился в Санкт-Петербург на коронацию Николая II. В ходе переговоров Ли Хунчжана с российским министром финансов С.Ю. Витте на первый план вышло обсуждение строительства железной дороги. Русские планировали построить Сибирскую железную дорогу через всю страну – от Москвы до Владивостока – общей протяженностью 9 288 км, охватывающую восемь часовых поясов. Однако вскоре было обнаружено, что, достигнув Забайкальского края, железная дорога должна была или обогнуть Китай, или пройти напрямую через китайские провинции Хэйлунцзян и Цзилинь, так ее можно сократить на 1 039 километров. В 1896 г. Ли Хунчжан и С.Ю. Витте подписали Союзный договор, который давал русским исключительное право на строительство КВЖД в Северо-Восточном Китае. В договоре четко говорилось, что Цинское правительство позволит царской России построить железную дорогу, которая продлит Сибирскую железную дорогу до Владивостока, чтобы в будущем была возможность быстро перевозить российские войска и военные грузы. Так с появлением железной дороги была окончательно открыта последняя закрытая территория Цин [3. С. 147].

На китайском языке КВЖД также известна как Восточная Цинская железная дорога, или Железная дорога восточных провинций. Она проходила в четырех провинциях: Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и Внутренняя Монголия, и имела Т-образную форму с центром в Харбине и тремя основными линиями: Западная линия – линия Биньчжоу – от Маньчжоули до Харбина, Восточная линия – линия Биньсуй – от Харбина до Суйфэньхэ, и Южная линия – или Южно-Маньчжурская линия – от Харбина до Люйшунькоу. К 1903 г., когда строительство КВЖД было завершено и она была открыта для движения, протяженность главной железной дороги и ее ответвлений составляла 3 189 километров, или 107 станций. Более того, «каждый километр магистрали КВЖД расширял жилую зону на Северо-Востоке на 467,9 квадратных километров, а площадь жилых зон, созданных в ходе эксплуатации железной дороги и связанных с ней предприятий, приблизилась к 610 тыс. квадратных километров» [4. С. 167].

При постройке Россией КВЖД была проделана огромная инженерная работа, обработаны и подготовлены огромные площади земель в Северной Маньчжурии, кроме того, содержание железной дороги и разного рода дополнительных объектов в течение многих лет требовало немалых расходов. Это привлекло внимание Японии. В то же время японцы обнаружили, что районы вдоль железной дороги были богаты лесами и полезными ископаемыми, имели большие площади необработанных земель, которые, если направить туда поток эмигрантов, могли бы решить проблему перенаселения Японии. Если бы транспортное хозяйство Северо-Востока постепенно было монополизировано Японией, обширные источники продовольствия и промышленного сырья вдоль маршрутов могли бы позволить расширить японские товарные рынки и получить все выгоды от развития Маньчжурии. Япония полагала, что если избавить регион от российского влияния, то она могла бы полностью контролировать экономику и военную оборону Маньчжурии, а экономические выгоды и безопасность жизни и имущества усилили бы японскую национальную позицию и воплотили концепцию массовой колонизации.

Таким образом, всего через семь месяцев после завершения строительства КВЖД (август 1897 – июль 1903 г.), 8 февраля 1904 г., началась ожесточенная война между Японией и Россией за господство в Северо-Восточном Китае, в результате которой царская Россия потерпела поражение, японское влияние расширилось, что в конечном итоге вынудило Россию уступить по Портсмутскому договору часть КВЖД Японии. КВЖД была разделена между двумя странами, при этом Россия сохранила за собой северную магистраль и ответвление к северу от Чанчуньского

участка, а Япония сформировала Маньчжурскую железную дорогу к югу от Чанчуньского участка. Названия «Северная Маньчжурия» и «Южная Маньчжурия» закрепись за территориями в ходе раздела между российскими и японскими колонизаторами. Из-за разной степени развития капитализма в Японии и России модели и степени экономического вторжения на Северо-Восток Китая у двух стран имели свои особенности, и промышленность и города в Северной и Южной Маньчжурии встали на разные пути развития. Это касалось и особенностей развития сельского хозяйства в данном регионе.

Огромные просторы Северо-Восточной равнины, ее плодородная почва и небольшое население – все это было естественными преимуществами для развития сельскохозяйственной экономики. Однако вплоть до середины XIX в. эти территории не только не имели торговых контактов с зарубежными странами, не развита была торговля, а также связь с другими рынками Китая. В начале и середине правления династии Цин сельское хозяйство на Северо-Востоке развивалось благодаря появлению здесь большого количества переселенцев, однако экономическое развитие сельского хозяйства и городов было очень медленным. К этому привели две причины. Во-первых, правительство использовало крепостное право при освоении земель на Северо-Востоке, личная зависимость и жестокая эксплуатация сдерживали развитие сельского хозяйства и предпринимательства, делая экономику менее динамичной. Во-вторых, чтобы защитить «Землю дракона» (так называли Северо-Восток Китая времен династии Цин) и обычаи маньчжуров, цинское правительство проводило в регионе политику географической и идеологической изоляции. Такого типа политика «оглупления» сильно затрудняла обмен человеческими и материальными ресурсами между Северо-Востоком и остальным Китаем, в результате чего население региона росло медленно, экономическое развитие отставало и даже не могло восстановиться до уровня династии Мин. В то время только в Шэнцзине (Шэньяне) было 2 фу (административная единица, округ), 4 тин (административный район), 3 чжоу и 8 уездов, а в Цзилине и Хэйлунцзяне городов еще не было. В ответ на кризис на северо-восточной границе начиная с середины XIX в. цинский двор начал отказываться от политики изоляции, смягчал запреты, проводил политику, направленную на переселение населения для укрепления границ и освоения целинных земель с целью развития богатого Северо-Восточного района. До отмены политики ограничений императором Айсиньгьоро Ичжу (время правления 1850–1861 гг.) единственными городами, и то относительно небольшими, были Шэнцзин (Шэньян), Гуаннин, Кайюань и Аньган [5. С. 234].

После открытия порта Инкоу в 1861 г. Северо-Восток начал подвергаться «полуколонизации», особенно после открытия КВЖД, огромные пропускные мощности и удобство железнодорожного сообщения быстро изменили облик отсталой сельскохозяйственной экономики Северо-Востока и создали предпосылки для развития агроперерабатывающей промышленности. К началу XX в. цинский двор полностью снял ограничения на возделывание земель, обмерил земли, и начал привлекать людей для их обработки, формируя волну миграции на Северо-Восток с целью укрепления и развития границ. Северо-Восток, таким образом, перешел от изоляции к вынужденной открытости и активному развитию.

До этого экономика Северной Маньчжурии только «зарождалась», а когда железная дорога была открыта, открылась и среда для всякого рода новых предприятий, люди стали непрерывно переезжать в регион и развивать земледелие; в то же время русское правительство для развития путей сообщения и колонизации обеспечивало приток капитала. После открытия железнодорожного сообщения все отрасли хозяйства в Северной Маньчжурии начали развиваться, особенно сельское хозяйство. Из огромной территории, долго остающейся без должного внимания, Северо-Восток превратился в регион с процветающим сельским хозяйством. Помимо того, что были заложены прочные основы сельского хозяйства, началось стремительное, как никогда ранее, развитие торговли и промышленности. Если судить исходя из подъема сельского хозяйства, то в период от изоляции Маньчжурии до возникновения конкурентоспособности продуктов земледелия на международном рынке потребовалось всего 20 с небольшим лет, рынки остальных отраслей экономики Северо-Востока, и даже всей страны, воспользовались этим для своего развития. Перевозки в других провинциях Китая осуществлялись в основном водным транспортом, сеть которого была очень развита, а связь местных предприятий и железных дорог была небольшой. Но на Северо-Востоке, где климат холодный, земли обширны, население было немногочисленным, а рынки часто находились на значительном расстоянии друг от друга, хотя и использовали повозки, запряженные лошадьми, для замены судов, но преодолевать большие расстояния с тяжелыми грузами было неудобно, и поэтому все перевозки после появления железной дороги осуществлялись с ее помощью.

Открытие КВЖД значительно изменило транспортное положение Северо-Востока, связав богатый сельскохозяйственными продуктами регион с внутренним рынком страны и международными рынками, способствуя распространению экономических ресурсов, таких как технологии, капитал и рабочая сила, в районы вдоль железнодорожной линии, а некоторые находящиеся в наиболее выгодном географическом положении станции на базе развития торговли продуктами сельского хозяйства создали современную перерабатывающую промышленность, содействуя освоению сельскохозяйственных ресурсов Северо-Востока и развитию сельскохозяйственной экономики. Богатые сельскохозяйственные и животноводческие ресурсы Северо-Востока постепенно ориентировались на мировой капиталистический рынок, рос объем собираемой и продаваемой продукции, быстро развивалась работа зернохранилищ на станциях вдоль железнодорожной линии, формировался агропромышленный комплекс, в центре которого находились

маслобойни, винокурни, мельницы и т.д. Районы вокруг станций становились все более населенными, появлялись магазины, и постепенно преодолевались изначальные ограничения использования земли.

В период с 1908 по 1928 г. население Северо-Восточного Китая увеличилось на 60%, а количество вновь обработанных земель выросло более чем на 64%. Обширные черноземные равнины Северо-Востока давали большой урожай сельскохозяйственных культур, а поскольку эта территория была относительно малонаселенной, здесь обычно выращивались товарные культуры, что привело к высокому уровню товарности местного сельского хозяйства. К 1930 г. объем основной сельскохозяйственной продукции на Северо-Востоке достиг почти 19 млн т. Наиболее популярными сельскохозяйственными культурами этой территории были соевые бобы, пшеница, просо, сорго и кукуруза. Сельскохозяйственная продукция составляла половину от общего объема экспорта всего Северо-Востока. Кроме того, экспортировались продукты переработки сои (соевый жмых и соевое масло) в объеме около 6 млн т. Таким образом, вместе с продуктами переработки сои доля сельскохозяйственной продукции в общем объеме экспорта составляла 73% [5. С. 237].

Соевые бобы выращиваются на Северо-Востоке очень давно и отличаются хорошим качеством и высоким содержанием белка. После 1937 г. на их долю приходилось 51,67% посевных площадей всей страны. С XX в. производство сои на Северо-Востоке Китая ежегодно составляет около 60% от общего мирового производства. Соевые бобы – основной товар в сельскохозяйственной торговле Северо-Востока. Хотя процветание экономики на базе сельского хозяйства было связано с плодородием почвы, умеренно континентальным климатом и большим спросом на Дальнем Востоке и на европейских рынках, но удобные и дешевые железнодорожные перевозки сыграли решающую роль. Действительно, после строительства КВЖД железнодорожная сеть в регионе становилась все более развитой, обладая практически монополией на перевозку сельскохозяйственной продукции на Северо-Востоке. Быстро развивалась агроперерабатывающая промышленность в Фэнтяне, Фушуне, Аньдуне и Гунчжулине. Фэнтянь (современный Шэньян) имеет долгую историю городского развития, со времен династии Цин он был одним из наиболее развитых городов на Северо-Востоке, со значительным городским населением и наиболее развитой экономикой. С открытием железной дороги, город стал важным транспортным узлом на Маньчжурской железнодорожной линии, что сделало его центром распределения сельскохозяйственной продукции и способствовало подъему агроперерабатывающей промышленности.

Сочетание японских и российских вложений капиталов с сельскохозяйственной экономикой способствовало подъему современной перерабатывающей промышленности, при этом роль железнодорожного транспорта в процессе развития перерабатывающей промышленности и развития современных городов на Северо-Востоке была двоякой. Обладая такими преимуществами, как способность перевозить большие объемы, высокой скоростью перевозки, устойчивостью к погодным условиям и пунктуальностью, железные дороги вскоре заменили гужевой транспорт в качестве основного средства пассажирских и грузовых перевозок на Северо-Востоке и стали катализатором социальной и экономической мобильности. С одной стороны, появление железной дороги значительно облегчило агрегацию экономических факторов, таких как свободная рабочая сила, капитал и технологии, на Северо-Востоке, станции использовались в качестве отправных точек для распространения экономических ресурсов и иных факторов производства во внутренние районы вдоль железнодорожных линий, стимулируя освоение сельскохозяйственных ресурсов. С другой стороны, возникновение железнодорожного транспорта на Северо-Востоке было пронизано колонизаторским и захватническим подтекстом, т.е. с самого начала строительства железная дорога была не просто транспортной линией, она сосредоточила в себе исключительные политические, экономические и военные права и интересы. «Где железная дорога – там власть, все остальное – военную мощь, торговлю, право на эксплуатацию горных ресурсов, транспорт – контролирует железная дорога, иметь власть над железной дорогой – означает иметь всю власть» [3. С. 143]. И среди этой «всей власти» – власть над землей, необходимой для железных дорог, таившая огромную скрытую угрозу для развития экономики и жизни населения Северо-Востока.

После создания в 1924 г. Комитета по транспорту восточных провинций в Северо-Восточном Китае быстрыми темпами развивались собственные и самостоятельно построенные железные дороги, и к 1920-м гг. в Северо-Восточном Китае была сформирована разветвленная сеть железных дорог – более 6 200 км. Уникальные способности железных дорог, направленные на экономическое объединение регионов, также привлекали китайских торговцев и иное гражданское население, которое, собираясь в большом количестве вдоль железнодорожных линий со станциями в качестве центров, спонтанно образовывало новые поселения.

После появления КВЖД ее огромные транспортные возможности и способность к агрегации привлекли на Северо-Восток свободную рабочую силу, капитал и технологии, что в значительной мере способствовало развитию политических, экономических и культурных процессов и быстро изменило облик Северо-Восточного региона, который долгое время отставал во многих сферах развития. В то же время способность железной дороги интегрировать вокруг себя ресурсы глубоко изменила жизнь в районах вдоль ее маршрута. Транзит различных товаров с центрами на железнодорожных станциях и развивающиеся на этой основе промышленность, сельское хозяйство, торговля и сфера услуг способствовали скорому возникновению современных городов. За короткий промежуток в десять с небольшим лет сюда хлынул поток ми-

грантов из других регионов страны и из-за рубежа; развитые капиталистические страны начали активно инвестировать средства в строительство заводов и фабрик на Северо-Востоке, открывались консульства, кинотеатры, магазины и банки; национальный капитал также развивался и рос. На Северо-Востоке Китая встретились и столкнулись китайская и западная культуры, один за другим вырастали новые города, разрозненные деревни и поселки превращались в международные мегаполисы того времени. Железная дорога принесла экономическое процветание, культурный расцвет, увеличение населения и политическое разнообразие.

Но мы также должны признать, что КВЖД была результатом неравноправного договора и продуктом империалистической агрессии. Во время строительства железной дороги китайский народ был жестоко порабощен, а его ресурсы разграблены. Строительство КВЖД было призвано служить целям вторжения на Северо-Восток империалистических стран. И после строительства железная дорога в значительной степени стала инструментом империалистической агрессии против Китая и наглядным проявлением притеснения Китая и утраты им суверенных прав [6. С. 64].

В существующих исследованиях влияния строительства КВЖД на историю Северо-Востока Китая китайские ученые подчеркивают агрессию и уделяют повышенное внимание колониализму, в то время как российские исследователи уделяют внимание и положительному влиянию КВЖД [7. С. 163]. Объективное положение состоит в том, что влияние развития железных дорог на колониальные и полуколониальные страны и регионы было двояким. Строительство КВЖД позволило России создать целую колониальную систему на Северо-Востоке Китая, что стало большой катастрофой для суверенитета страны и принесло немало страданий ее населению. Это нельзя упускать и необходимо глубоко раскрывать при исследовании вопроса. Однако несомненно и то, что строительство КВЖД оказало и положительное влияние на северо-восточный Китай, которое отразилось по крайней мере в следующих четырех аспектах: во-первых, оно привело к развитию сельского хозяйства, промышленности и торговли; во-вторых, создало исторические условия для распространения марксизма в Китае; в-третьих, способствовало процессу урбанизации, развитию крупных городов вдоль железнодорожной линии; в-четвертых, оно оказало существенное влияние на культуру и образование региона.

Список источников

1. Гэн Х. Исследование истории Русской православной церкви в Даляне и Люйшуне // Мировая религиозная культура. 2016. № 6. С. 149–152
2. Китайско-восточная железная дорога // Энциклопедия Байду. URL: http://baike.baidu.com/view/438146.html (дата обращения: 10.04.2021).
3. Тянь Ф.О политической роли КВЖД в японском империалистическом вторжении в Китай // Академический журнал Сунляо. Социально-гуманитарные науки. 2001. № 4. С. 140–147.
4. Ян Я. Об истории наследия КВЖД и сохранении ценностей // Культура и архитектура. 2018. № 2. С. 164–177.
5. Хань И. Железная дорога, промышленность и расцвет городов Северо-Востока // Исследование истории городов. М. : Издательство литературы по общественным наукам, 2020. Вып. 42. С. 233–248.
6. Пань Ю. Исследование КВЖД – влияние строительства железной дороги на Харбин : дис. … магистра ист. наук. Наньчанский университет, 2007. 78 с.
7. Хэн Ц. Исследование истории китайско-российских отношений: обзор «КВЖД и культура Хэйлунцзяна» // Исследования России, Средней Азии и Восточной Европы. 2011. № 3. С. 161–167.

References

1. Geng, H. (2016) Issledovanie istorii Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Dalyane i Lyuyshune [Study of the history of the Russian Orthodox Church in Dalian and Luishun]. *Mirovaya religioznaya kul'tura*. 6. pp. 149–152
2. Baidu. (2021) *Kitaysko-vostochnaya zheleznaya doroga* [Chinese Eastern Railway]. [Online] Available from: http://baike.baidu.com/view/438146.html (Accessed: 10.04.2021).
3. Tian, F. (2001) Opoliticheskoy roli KVZhD v yaponskom imperialisticheskom vtorzhenii v Kitay [On the political role of the Chinese Eastern Railway in the Japanese imperialist invasion of China]. *Akademicheskiy zhurnal Sunlyao. Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 4. pp. 140–147.
4. Yan Ya. (2018) Ob istorii naslediya KVZhD i sokhranenii tsennostey [On the history of the heritage of the Chinese Eastern Railway and the preservation of values]. *Kul'tura i arkhitektura*. 2. pp. 164–177.
5. Han, I. (2020) Zheleznaya doroga, promyshlennost' i rastsvet gorodov Severo-Vostoka [Railway, industry and the flourishing of the cities of the Northeast]. In: *Issledovanie istorii gorodov* [Study of the history of cities]. Vol. 42. Moscow: Izdatel'stvo literatury po obshchestvennym naukam. pp. 233–248.
6. Pan, Yu. (2007) *Issledovanie KVZhD – vliyanie stroitel'stva zheleznoy dorogi na Kharbin* [A study of the Chinese Eastern Railway – the impact of the construction of the railway on Harbin]. MA (History) Diss. Nanchang University.
7. Heng, Ts. (2011) Issledovanie istorii kitaysko-rossiyskikh otnosheniy: obzor "KVZhD i kul'tura Kheyluntszyana" [A study of the history of Sino-Russian relations: A review: CER and the Culture of Heilongjiang]. *Issledovaniya Rossii, Sredney Azii i Vostochnoy Evropy*. 3. pp. 161–167.

Информация об авторе:
Ли Линь – магистр филологических наук, секретарь парткома института международного образования Шеньянского политехнического университета (Шеньян, КНР); аспирант кафедры российской истории Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: 13940309208@139.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
L. Li, MA (Philology), secretary of the Party Committee of the Institute of International Education, Shenyang Polytechnic University (Shenyang, People's Republic of China); postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 13940309208@139.com

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 03.04.2022;
одобрена после рецензирования 22.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 03.04.2022;
approved after reviewing 22.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Научная статья
УДК 94(47) «1917/1920»
doi: 10.17223/15617793/479/16

Государственное регулирование торговли и снабжения на восточных территориях «белой» России в годы Гражданской войны

Валентин Григорьевич Медведев[1]

[1] *Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия, medved.valentin@rambler.ru*

Аннотация. На основе архивных материалов, нормативных актов и научных публикаций рассматриваются проблемы законодательной и административной деятельности белых правительств по обеспечению армии и населения необходимыми продуктами и товарами. Исследуются вопросы состояния рынка и меры, принимавшиеся различными государственными органами по налаживанию торгово-распределительной сферы с привлечением кооперации, военно-промышленных комитетов и представительных организаций буржуазии.

Ключевые слова: рынок, инфляция, правительство, кооперация, военно-промышленные комитеты, государственные заказы, законодательство, администрирование

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00347.

Для цитирования: Медведев В.Г. Государственное регулирование торговли и снабжения на восточных территориях «белой» России в годы Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 145–157. doi: 10.17223/15617793/479/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/16

State regulation of trade and supply in the eastern territories of the “White” Russia during the Civil War

Valentin G. Medvedev[1]

[1] *Togliatti State University, Togliatti, Russian Federation, medved.valentin@rambler.ru*

Abstract. Many works have been written about the White Movement, but the problems of the state regulation of trade and supply remain poorly understood to date. The author aims to investigate the legislative and administrative activities of the anti-Soviet governments of the eastern regions of the former Russian Empire in the trade and distribution sphere and to determine its impact on the viability of the “White” Siberia as a state entity. In the course of the study, regulatory and legal sources, archival documents, newspaper publications, scientific articles and works of participants of the civil war were used. The research methods were: dialectical, historical, structural-functional, and other general scientific research methods. In addition, when considering legislative acts, special legal methods – formal legal and comparative legal – were used. The state of the market in the conditions of a liberal government course and the the state’s non-interference in the sphere of trade and supply at the beginning of the Civil War were analyzed. The issues related to the further change in the legal policy of the authorities, who, in the conditions of inflation and shortage of food and industrial goods, had to distance themselves from the principle of “market freedom” and proceed to state regulation of the trade and distribution sphere, were investigated. Legislative regulations and administrative practices of anti-Soviet governments, as well as public administration issues related to the regulation of the activities of cooperatives, their associations, military-industrial committees and private entrepreneurs, were studied and analyzed. The initial attempt to conduct a policy in the field of trade and supply within the framework of “market freedom” did not justify itself, and the anti-Soviet governments were forced to begin state regulation of this sphere of the economy. Legislative and administrative activities in the “White” Siberia were based on the normative documents of the tsarist and provisional governments, in which minor changes were made related to the then current market conditions, but in the conditions of the crisis state of economic life, they could not be fully implemented. State regulation of the cooperative movement turned out to be ineffective. Financing of cooperative activities left much to be desired, the working capital of grassroots cooperatives did not provide the possibility of normal purchase of consumer goods. Private entrepreneurs, receiving government orders and loans from the government, used them to satisfy their speculative interests. The contribution of the military-industrial committees to the establishment of trade and supply did not meet the expectations of the government, because, despite the non-commercial nature of their activities established by law, they mainly pursued their own selfish goals. In general, state regulation of trade and supply did not meet the crisis conditions and could not ensure the viability of the “White” Siberia.

Keywords: market, inflation, government, cooperation, military-industrial committees, government orders, legislation, administration

© Медведев В.Г., 2022

Financial Support: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-011-00347.

For citation: Medvedev, V.G. (2022) State regulation of trade and supply in the eastern territories of the "White" Russia during the Civil War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 145–157. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/16

На востоке страны приход к власти антисоветских правительств населением Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока был воспринят как возвращение к отмененной большевиками свободной торговле. По свидетельству некоторых участников событий тех далеких лет, а также материалов местных газет, это сразу привело к наполнению рынка продуктами и товарами народного потребления и снижению цен, которое колебалось от 20 до 30%. В связи с этим приехавшему летом 1918 г. в Самару из голодного центра страны члену Комуча И.М. Майскому показалось, что он очутился в сказке тысячи и одной ночи [1. С. 51]. В сибирских газетах отмечалось, что на городские базары из деревень начала активно поступать сельскохозяйственная продукция в давно забытых объемах [2–4].

Однако современные исследования говорят о том, что так продолжалось недолго, и с осени 1918 г. начался стремительный рост цен, который постоянно увеличивался вплоть до краха сибирского государственного образования. По данным В.Г. Кокоулина, составленным на основе анализа публикаций газет, в сибирских городах к весне 1919 г. спички, табак, свечи подорожали в 1,5–2 раза, мясо – в 40–60, а к лету в 80 раз, цена на хлеб поднялась на 15–20%, на топленое масло в 2 раза [5. С. 95].

Аналогичная картина наблюдаюсь в Поволжье, на Урале и Дальнем востоке. Так, например, в Симбирске и других средневолжских городах к осени 1918 г. образовался дефицит продуктов из-за нежелания крестьян поставлять их на рынок в условиях финансового кризиса и стремительно развивавшейся инфляции. Дефицит обусловил бешеный скачок цен. По поводу этого симбирская газета «Возрождение» писала, что утром, например, десяток огурцов на рынке стоил 50 коп., а к обеду их цена поднималась до 2 руб. [6].

На Урале в наибольшей степени ощущался недостаток товаров массового потребления, объемы производства которых к лету 1919 г. снизились в 2–4 раза по сравнению с довоенным уровнем. Вместе с тем следствием перехода к свободной торговле стало стремительное насыщение рынка продуктами питания, о чем постоянно сообщалось в местных газетах. Цены на продовольственные товары постоянно снижались, например, в среднем на ржаную муку и крупчатку – в два раза (до 40 и 100 руб. за пуд соответственно), на сливочное масло – в три раза (до 12 руб. за фунт) и т.д. [7, 8].

Однако такое лихорадочное продовольственное оживление и изобилие было весьма сомнительным. Очень скоро поступление продовольствия на рынки городов стало сдерживаться инфляционными процессами и городское население начало страдать от постоянного роста дороговизны. В Челябинске, например, фунт мяса в январе 1919 г. подорожал в два раза – до трех рублей, а в Уфе в преддверии Пасхи такие продукты, как белая мука, мед, масло, свинина, необходимые для празднования, стали недоступны для среднего обывателя [9, 10].

На Дальнем Востоке, слаборазвитом в промышленном отношении, но обладавшим богатым продовольственным рынком, торговля – легальная и контрабандная – представляла собой наиболее динамично развивавшийся сектор экономики и, несмотря на многочисленные перевороты, при любой власти демонстрировала рост товарооборота и количества торговых заведений, которые на 90% были заняты в розничной торговле [11. С. 49]. Свыше 50% торговых лавок принадлежало китайцам, как и половина сектора оптово-розничной и розничной, а также базарной и разносной торговли.

Несмотря на то что дальневосточная торговля с дореволюционного периода сохранила тенденцию непрерывного развития, как и в «белой» Сибири, она не могла в полной мере удовлетворить покупательный спрос населения, поскольку в основном была сосредоточена в южных регионах и в имевшихся 55 городах, а на 3,5 тыс. сельских поселений приходилось в среднем всего по 0,8 торговых точек, да и то не на каждое село ввиду их разброса на огромной территории [11. С. 50].

Как и на «белом» Юге, в продаже, в силу слабого развития промышленного производства, недоставало предметов повседневного спроса: чая, сахара, соли, смолы, дегтя, конских подков, ваты, одежды (особенно зимней), белья и кожаной обуви, мыла, кровельного железа, керосина, кожи, лопат, эмалированной посуды, курительного табака, папирос и т.д. Цены на них намного превосходили цены на сельхозпродукты, вследствие чего в торговле наметился значительный дисбаланс. Это открывало двери нелегальной контрабандной торговле, в основном из китайской Маньчжурии. Кроме того, через дальневосточные порты японцы, американцы, китайцы и корейцы в рамках легальной торговли ввозили сельхозмашины, муку, рис, чай, сахар, мануфактурные, и бакалейные товары, но это не могло полностью удовлетворить потребительский спрос в основном зажиточного дальневосточного крестьянства и казачества. К тому же в условиях катастрофического обесценивания денег сельхозпроизводители предпочитали не продавать, а обменивать свою продукцию на необходимые им промышленные товары, на что не соглашались их поставщики, в результате чего в данном регионе, как на остальных территориях «белой» Сибири, стала наблюдаться нехватка продуктов питания.

Все вышеизложенное достаточно хорошо раскрыто в работах современных авторов. Однако в них отсутствует всесторонняя оценка экономической поли-

тики белых правительств в сфере торговли и снабжения. Анализ состояния «свободного рынка» с наглядностью показывает, что невмешательство государства в рыночные отношения не могло способствовать оживлению экономики антисоветских государственных образований. В связи с этим напрашивается вывод о том, что белые правительства не могли дистанцироваться от государственного регулирования торговли и снабжения.

Исследователи второй половины 1990–2000-х гг. рассматривают политику антисоветских властей в данной сфере как нечто своеобразное и особенное, некоторые элементы которой могли бы даже представлять определенную ценность для хозяйственной деятельности компетентных государственных органов современной России. Однако, как представляется, это не совсем так. Для подобных выводов необходимо определить, отличалась ли законодательная и административная деятельность в государственных образованиях «белой» России от аналогичной практики царского и в последующем Временного правительств, и если отличалась, то в чем?

Нормативно-правовые акты и их интерпретация в сибирских газетах говорят о том, что Временное Сибирское правительство (ВСП), как и другие правительства восточных регионов страны, в условиях галопировавшей инфляции и недостатка продовольственных и промышленных товаров не могли оставаться безучастными наблюдателями растущих проблем, связанных с провозглашением «свободы рынка». В связи с этим ВСП, как наиболее авторитетное и задававшее тон в деятельности остальных правительств, с первых же шагов своей деятельности вынуждено было приступить к законодательному регулированию торгово-распределительной сферы в целях недопущения роста социальной напряженности в обществе. В местных газетах сообщалось о «срединном курсе», предложенном министром продовольствия, в котором говорилось о необходимости, с одной стороны, соблюдать принципы рыночных отношений, с другой – ограничить свободу торговли путем государственного распределения дефицитных товаров [12]. В Министерстве продовольствия не без основания считали, что нерегулируемая торговля в духе либерализации хозяйственной жизни в условиях военного времени представляет собой «рискованную крайность», которая может привести к продовольственному кризису. В соответствии с этим законодательная деятельность правительства приобрела двойственный характер, который сохранился и в период правления адмирала Колчака, поскольку экономическая конъюнктура не изменилась, а юридическая сила законов ВСП распространялась на всю территорию Сибири и Дальнего Востока.

В русле политики «срединного курса» летом 1918 г. ВСП был принят целый ряд нормативно-правовых актов. С одной стороны, в Постановлении № 98 от 4 июля 1918 г. говорилось об отмене всех декретов советского правительства в сфере торговли, что полностью соответствовало лозунгу о восстановлении «свободного рынка» [13]. Кроме того, 6 июля 1918 г. ВСП приняло постановление «О регулировании хлебной торговли», отменявшее закон Временного правительства от 25.03.1917 г. о хлебной монополии, который предполагал централизацию и жесткое государственное регулирование в продовольственной сфере [14, 15]. По этому закону поставка хлеба государству, а также последующее его распределение среди потребителей должно было осуществляться по установленным министерствами торговли и снабжения твердым нормам и ценам, что в условиях инфляции в целом способствовало стабилизации рынка, но никак не устраивало крестьян. Повсеместно в деревне наблюдалось сокрытие хлебных запасов, несмотря на то что в случае их обнаружения зерно подлежало отчуждению за половину установленной цены.

С другой стороны, данное постановление в значительной степени носило формальный и даже в некотором смысле пропагандистский характер, направленный на успокоение крестьянства. Это доказывает тот факт, что наряду с провозглашением отмены хлебной монополии законодатель одновременно устанавливал жесткое регулирование торговли хлебопродуктами путем ввода предельных цен на зерно и хлеб [16]. Таким образом, этот нормативно-правовой акт мало чем отличался от аналогичного закона Временного правительства, ограничивавшего торговлю хлебом. Помимо регулирования зерновой торговли ВСП предпринимало законодательные меры и в сфере государственного контроля над мясной и масляной торговлей, о чем говорят соответствующие июльские 1918 г. постановления правительства [17, 18].

Значительное внимание ВСП уделяло заготовительной сфере деятельности, от чего напрямую зависело обеспечение армии и городов необходимыми продуктами. В соответствии с правительственным постановлением о госзакупках и заготовках от 26 августа 1918 г. уполномоченные министерства продовольствия получали право во взаимодействии с местными органами власти отчуждать хлебные, мясные и молочные продукты в фонд государства. Компенсация их производителей должна была осуществляться в соответствии с установленными для каждого региона предельными рыночными ценами, которые устанавливались специально образованным для этого ценовым бюро из представителей министерств снабжения и продовольствия, финансов [19].

Таким образом, в целом законодательные установления ВСП по существу копировали законы царского и Временного правительств, отличаясь от них лишь в некоторых частностях. Так, например, в постановлении ВСП от 26 июля 1918 г. «Об уполномоченных министерства продовольствия Временного Сибирского правительства» говорилось о широких полномочиях и компетенции этих государственных чиновников. Они получали право ставить на учет любые продовольственные и промышленные товары, которые могли использоваться для снабжения армии и городского населения. Под их полный контроль ставилась деятельность заготовительных организаций, вплоть до определения районов их деятельности в губерниях и уездах и предоставления отчетности о наличествовавшей у них продукции [20].

К заготовителям законодатель, как правило, относил юридических лиц – кооперативы и их союзы, биржи, а также органы самоуправления, занятые в «организованной торговле», т.е. прошедшие государственную регистрацию в Министерстве юстиции, что также практиковалось и ранее. Частные лица, обладавшие бóльшими финансовыми возможностями, чем кооперативы, также могли быть допущены к оптовой закупке продовольственных и непродовольственных товаров, но при условии наличия письменного поручительства биржевых комитетов. Однако, очевидно, в силу взяток, которые предоставлялись предпринимателями коррумпированным чиновникам, законодатель не включил в постановление пункт об ответственности поручителей за неправомерные действия таких лиц [20].

Таким образом, в «белой» Сибири, как и в дореволюционной России, практически вводилось государственное регулирование торговли и снабжения, и деятельность всех субъектов торгово-распределительных отношений ставилась под контроль компетентных государственных органов. Правила такой деятельности предусматривали привлечение нарушителей к юридической ответственности в соответствии с оставленным в силе «Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» от 17 марта 1917 г. [21].

Наиболее действенным элементом механизма государственного регулирования рынка законодатель считал установление твёрдых цен на сельскохозяйственную продукцию, что, как считалось, должно было предотвратить возникновение продовольственного кризиса. Предельные рыночные цены устанавливались на хлебные, мясные и молочные продукты. К таким продуктам законодатель относил рожь, пшеницу, овёс, ячмень, просо, гречиху, горох и муку, мясо, колбасные изделия, животные жиры, сало, мясные консервы, молоко и масло [16–18]. Следует отметить, что в зависимости от состояния рынка цены на те или иные продукты менялись, о чем, например, говорит Постановление Административного совета ВСП от 30 октября 1918 г. [22].

Предельные цены устанавливались не только на сельхозпродукцию, но и на непродовольственные товары, например, на жидкое минеральное топливо [23]. На продажу некоторых дефицитных непродовольственных товаров, например, таких как кожи, распоряжением управляющего Министерства торговли и промышленности ВСП было распространено действие введенного еще 21 апреля 1917 г. Временным правительством «Положения о передаче кож в распоряжение государства» [24]. Однако уже в конце сентября Постановлением Административного совета ВСП монополия на кожу была отменена, но вводилось государственное регулирование, предполагавшее строгий учет сырья и кожевенных изделий, контроль над деятельностью предприятий со стороны правительственных агентов, регистрацию скупщиков сырья и готовых изделий. Устанавливалось преимущественное право государства на приобретение кожевенного сырья и изделий по ценам, согласованным с Министерством торговли и промышленности ВСП [25]. Таким образом, новое узаконение в основных своих положениях во многом копировало постановление Временного правительства.

Новым явилось лишь то, что в результате прекращения железнодорожных сообщений с центральными регионами страны Министерство продовольствия ВСП получило право реквизировать скопившиеся на станциях продовольственные грузы, в которых ощущался недостаток. Реквизиции должны были проводиться реквизиционными комиссиями, создаваемыми данным министерством [26]. В интересах государственных нужд право проведения реквизиций продававшегося на рынках хлеба предоставлялось и «особоуполномоченному» Министерства продовольствия на Дальнем Востоке [27]. Эта практика была продолжена и российским правительством.

Однако законодательство ВСП и его преемника – колчаковского правительства в сфере торговли и снабжения оказалось неэффективным, его применение компетентными органами власти и управления оставляло желать лучшего, правительственные постановления в полном объеме не исполнялись непосредственными участниками торгово-распределительных отношений, в силу чего государственная власть не могла справиться с захлестнувшей «белую» Сибирь спекуляцией. Это не давало возможности в необходимой степени обеспечить армию и население продуктами и товарами. Установление низких закупочных цен на сельхозпродукцию и бюрократическая волокита центральных и местных чиновников, а зачастую и банальная нехватка денег в казне, приводившие к долговременной неоплате произведенных поставок, способствовали массовым правонарушениям. Крестьяне не спешили вступать в договорные отношения с кооперативными организациями, сдававшими полученную продукцию в казну, предпочитая нелегально продавать ее спекулянтам по более высоким ценам.

Регулирование торговли и снабжения, как и в дореволюционный период, российское правительство пыталось осуществлять через кооперативные объединения, военно-промышленные комитеты (ВПК) и частных предпринимателей. Основная ставка делалась на кооперацию, которая в Сибири и на Дальнем Востоке переживала период невиданного подъема. Совет министров адмирала Колчака рассчитывал с помощью кооперации не только обеспечить воюющие армии продовольствием и снаряжением, но и организовать хозяйственное взаимодействие между городом и деревней путем налаживания кооперативных закупок и сбыта промышленных товаров и сельхозпродукции, таким образом сдерживая ценовую экспансию частных торговцев.

Нормативную базу кооперативного движения в Сибири на Дальнем Востоке, как и в других государственных образованиях «белой» России, составляло законодательство Временного правительства, включавшее в себя четыре документа: «Постановление Временного Правительства о кооперативных товариществах и их союзах» от 20 марта 1917 г., «Положение о кооперативных товариществах и их союзах» от 20 марта 1917 г., «Положение о регистрации товари-

ществ, обществ и союзов» от 21 июня 1917 г. и «Положение о съездах представителей кооперативных учреждений» от 1 августа 1917 г. [28]. Этими актами устанавливалась явочная система образования и регистрации кооперативных объединений, упорядочивалась их организационная структура и предоставлялись широкие возможности в осуществлении хозяйственной и нехозяйственной деятельности с правом проведения различных исследований, создания образовательных учреждений и печатных издательств.

В ходе мировой войны в «белой» Сибири происходил процесс этатизации и объединения низовых потребительских обществ в кооперативные союзы, а последних – в суперсоюзы. Последние были представлены Закупсбытом (Союз сибирских кооперативных союзов), Сибкредсоюзом (Союз сибирских кредитных союзов) и Союзом сибирских маслодельных артелей, которые по договоренности с большевистским правительством не подверглись национализации и продолжили свою деятельность при советской власти, полностью сохранив свою структуру и финансовые активы.

Эти объединения получали от государственных органов «белой» Сибири львиную долю госзаказов, кредитов, ссуд на заготовку промышленных и продовольственных товаров для снабжения ими армии и населения. Такая административная практика на первых порах вполне себя оправдывала, и в начале 1919 г. аршин ситца в кооперативных лавках стоил около 3 руб., а в частных – 11 руб., пальто у кооператоров можно было купить за 300 руб., а у частников за 900, фунт соли за 2 и 15 руб. соответственно [29. Р. 437; 30. С. 143]. Вместе с тем ассортимент продаваемых товаров нельзя было назвать богатым, в него входили предметы самой распространенной промышленной и продовольственной продукции.

Наиболее крупными кооперативными объединениями был Закупсбыт, который в 1919 г. объединял 36 кооперативных союзов и поставлял товары и продукты еще 15 союзам [31. С. 43]. В основном он занимался торговой деятельностью, которую дополняла деятельность производственная, связанная с распоряжением различными по формам и объему производства промышленными предприятиями – от крупных заводов и фабрик до ремесленных мастерских. На них изготавливались пользовавшиеся спросом недорогие потребительские товары и производилась переработка растительного и животного сырья.

В свое время советское правительство, возлагая на кооперацию большие надежды в деле борьбы с товарным и продовольственным голодом, своим декретом «О потребительских кооперативных организациях» предоставило им свободу хозяйственной деятельности при условии обеспечения населения всем необходимым. Декрет предписывал губернским советам прекратить роспуск и национализацию кооперативов и провести реституцию прежних прав уже распущенных организаций [32]. После ликвидации советской власти в Сибири российское правительство предоставило Закупсбыту право распределения оставшегося на омских, новониколаевских и иркутских складах оставшегося там имущества.

Союзы-пайщики, входившие в состав Закупсбыта, в соответствии с локальными актами этого объединения, обладали значительной свободой в проведении своих производственно-торговых операций, однако правление этого союза контролировало весь процесс производства, торговли и распределения сельскохозяйственной и промышленной продукции массового потребления. В целом низовыми организациями этого суперсоюза на востоке страны была охвачена половина населения и почти две трети крестьянских хозяйств, поскольку он обеспечивал крестьянство промышленными товарами и осуществлял сбыт крестьянской сельскохозяйственной и промысловой продукции [33. С. 23].

Финансовым отделом Закупсбыта осуществлялось планирование всех крупных операций, вексельными и залоговыми операциями занимался специальный комитет, который контролировал свободную наличность и проводил ревизии кооперативных объединений. Такие же органы существовали во всех союзах-пайщиках, что давало центральному правлению возможность путем обмена информацией контролировать всю торгово-финансовую деятельность объединения [34. С. 67].

Еще одним суперсоюзом в «белой» Сибири являлся Сибкредсоюз, образованный как товарищество на паях на собрании представителей кредитных союзов в июле 1917 г. в г. Новониколаевске. Он имел отделения в Екатеринбурге, Владивостоке, Петрограде, Москве и Омске. В 1919 г. в его состав влился союз кооперативов «Урало-Сибирь». Основными задачами союза, помимо совершения кредитных операций, были организация закупки и продажи товаров на комиссионных началах. К началу Гражданской войны в нем насчитывалось 27 сохранивших с дореволюционного времени свою организационную структуру кредитных союзов Урала, Сибири и Дальнего Востока и 1 500 крестьянских товариществ. К 1919 г. сводный баланс этого объединения составлял 370 млн руб. [35. С. 12].

Согласно новому Уставу Сибкредсоюза, утвержденному Совмином адмирала Колчака, в штат его правления, как и в Закупсбыте, входили такие отделы, как юридический, финансовый, транспортный, животноводческий (занимался развитием животноводства в районах действия союзов-участников), промышленный (аналогичная функция по развитию промышленного производства) и главная бухгалтерия. Снабжение союзов сельхозинвентарем осуществлял товарный отдел, заготовкой сырья (льна, пушнины, продуктов животноводства, зерновых и т.д.), а также кустарных изделий занимался отдел сбыта [35. С. 13–14].

Значительную роль в кооперативном движении «белой» Сибири играл Союз сибирских маслодельных артелей. Несмотря на несколько пережитых в годы Мировой войны расколов и выход из союза алтайских артелей, требовавших децентрализации управления и предоставления права самостоятельного участия на рынке, а также выделения бóльших квот на масло для самореализации, этот союз к началу Гражданской войны продолжал обладать мощной и разветвленной сетью. К 1919 г. в Союзе маслоделов насчитывалось

20 контор, которые располагались в крупных населенных пунктах, в основном вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали [31. С. 44].

До начала Гражданской войны деятельность этих союзов распространялась на всю территорию России, однако с началом военных действий хозяйственное единство страны было нарушено, и поступление товаров промышленного производства в восточные регионы из центра прекратилось. В связи с этим снизился товарооборот, и кооперативные объединения понесли значительные издержки, что негативно отразилось на их финансовых ресурсах. Кроме того, восстановленные на востоке банки значительно сократили предоставление кооперации ссуд и кредитов.

В такой ситуации правления кооперативных союзов начали прилагать усилия к расширению своих международных связей и организации закупки и поставки на российский рынок иностранных промышленных товаров через порты Дальнего Востока и из Архангельска посредством использования Северного морского пути. Российское правительство шло навстречу этим устремлениям, утвердив «Постановление Совета министров об учреждении Комитета по внешней торговле и об утверждении положения о Комитете» от 19 апреля 1919 г., в который, помимо государственных чиновников, вошли представители Совета кооперативных съездов, потребительской кооперации, кредитной кооперации, маслодельной кооперации и других центральных крупных кооперативных организаций. Задачей комитета, образованного при Министерстве финансов, являлось «содействие русским фирмам, работающим на внешний рынок, и, в частности, посредничество между внутренним и внешним рынками» [36. С. 2].

Для организации и регулирования перевозок по Северному морскому пути, которые должны были обеспечить «экспорт из Сибири сырья и фабрикатов местной промышленности и импорт в Сибирь фабрикатов, необходимых для снабжения армии и населения», Постановлением Совета министров от 25 апреля 1919 г. был учрежден «Комитет Северного морского пути» [36. С. 5]. Однако правительству во взаимодействии с Закупсбытом по этому пути удалось осуществить лишь одну экспедицию, поскольку судоходность ограничивалась всего двумя с небольшим месяцами – с августа по октябрь. Тем не менее в результате соглашения Закупсбыта, Центросоюза с английской «Merchants Trade Company» и шведской компанией «Baltic» в сентябре в устье Оби были доставлены импортные промышленные товары на сумму около 100 млн руб. Но ввиду наступления Красной армии разгрузить иностранные суда удалось лишь частично – английские на 2/3, шведские наполовину, Закупсбыт успел погрузить на пароходы лишь половину своего предназначенного на экспорт сырья – около 25 тыс. пудов, остальные товары в спешке были реализованы среди местного населения [37. С. 210–211].

Кроме того, в рамках совместного проекта правительства, кооперативных союзов, английских, и норвежских компаний торговая флотилия под командованием капитана Б. Вилькицкого в августе – сентябре 1919 г. доставила в Архангельск свыше 0,5 млн пуд. зерна, около 70 тыс. пуд. масла, 30 тыс. пуд. различных жиров, около 30 пуд. меда, значительное количество валенок. Из Архангельска в Омск было привезено английское вооружение и обмундирование общим тоннажем в 100 тыс. пудов, а также около 100 т бумаги и 130 т медикаментов [38. P. 87–88].

Таким образом, использование Северного морского пути ввиду кратковременности навигации не могло обеспечить население промышленными товарами, а армию вооружением и обмундированием. К тому же из-за стремительного отступления привезенные товары зачастую доставались красным, а солдаты и офицеры белой армии не имели достаточного вооружения и оставались разутыми и раздетыми, на что всегда с неудовольствием указывал верховный правитель после своих поездок по войскам.

В условиях стремительно растущей инфляции кооперативные объединения остро нуждались в дополнительном финансировании. В целях эффективного налаживания торговли и снабжения российское правительство вынуждено было идти навстречу требованиям потребительской кооперации о неоднократном выделении необходимых кредитов [39, 40]. Кроме того, правления кооперативных объединений источник финансирования видели в привлечении денежных средств – более активном и в больших размерах, скопившихся у крестьян. С этой целью правлением Закупсбыта, например, в сентябре 1918 г. было принято постановление об увеличении в 10 раз (до 100 руб.) паевых взносов пайщиков низовых потребительских обществ в деревне, о чем извещалось в ежемесячном журнале этого объединения [41. С. 4]. По подсчетам финансового отдела, это должно было создать устойчивую финансовую основу организации и окупить все торговые операции, однако отрицательно встречено рядовыми пайщиками.

Помимо крупных союзов и суперсоюзов, в «белой» Сибири без всякой государственной регистрации на крупных предприятиях и в учреждениях создавались так называемые ведомственные кооперативы, куда рабочие и служащие стремились внести свои денежные паи, получая от администрации товары и продукты через торговые лавки предприятий и учреждений. Однако такие кооперативные общества требовали государственной поддержки, поскольку в условиях хозяйственной разрухи владельцы заводов и фабрик и руководители учреждений не в состоянии были в полной мере удовлетворить потребительский спрос своих работников. Правительственное администрирование в данном вопросе было направлено на оказание помощи кооперативам казенных и оказавшихся в государственном управлении частных предприятий в виде выделения им товарных кредитов [42].

Однако законодательные и административные меры правительства, направленные на поддержку потребительских обществ промышленных предприятий стратегического значения, приводили к тому, что эти общества, надеясь на помощь государства, переставали заботиться о сохранении своей финансовой базы. На фоне инфляционного роста цен на товары и про-

дукты размеры паевых взносов не менялись, в результате чего такие кооперативы стали полностью зависимыми от госбюджета, превращаясь в ведомственные лавки по распределению казенного пайка, о чем писалось во многих газетах «белой» Сибири [43–46].

В регулировании торговли и снабжения населения продовольственными товарами по приемлемым ценам принимали участие и органы городского самоуправления, выделяя из городских бюджетов соответствующие денежные средства для создания продовольственных фондов. Ими распоряжались формировавшиеся при муниципалитетах продотделы и продуправы, организовывавшие в городах работу дешевых торговых лавок. Однако в условиях инфляции и роста цен городские продовольственные органы постоянно нуждались в увеличении своих капиталов, которые невозможно было пополнять за счет скудных муниципальных бюджетов. В связи с этим городские управы явочным порядком без санкции государства шли на создание на местах городских потребительских обществ, организовывая сбор с населения определенных разовых взносов и распределение продуктов между вкладчиками в долях, пропорциональных внесенным средствам. Зачастую городские власти распределяли товары и продукты среди городских жителей, используя торговую сеть кооперативов [47. С. 60–61].

Таким образом, кооперативное движение сыграло значительную роль в насыщении рынка продовольственными и отчасти промышленными товарами, о чем говорится в работах современных исследователей. Но в связи с этим возникают вопросы, насколько существенной была эта роль и могли ли кооперативы и их союзы в необходимой степени обеспечить население и армию продовольственными и потребительским товарами. Как представляется, ответы должны быть отрицательными, поскольку государственное регулирование кооперации не отвечало вызовам своего времени.

Во-первых, недостаточность государственного финансирования приводила к тому, что оборотный капитал низовых кооперативов не обеспечивал возможность нормальной закупки потребительских товаров, потому что в условиях инфляции он стремительно обесценивался. В связи с этим правления кооперативов, как и продуправы муниципалитетов, вынуждены были идти по пути осуществления разовых закупок и разовых сборов денег с населения для каждой конкретной операции. В таких условиях кооперативная система начинала себя изживать и превращаться в своеобразный распределительный аппарат, о чем по горячим следам писали исследователи 1920-х гг., потому что размывалась грань между деятельностью кооперативов и продовольственных органов и происходило их слияние, поскольку цели и способы деятельности тех и других, по-существу, были одинаковыми [48. С. 214; 49. С. 226].

Во-вторых, там, где государство допускало льготы в предоставлении финансовых средств и осуществлении товарных перевозок, возникали различные своеобразные псевдокооперативы типа потребительского общества «Минкооп», образованного среди министерских чиновников. Его оборотный капитал формировался путем регулярного выделения правительством определенных ссуд [50]. Большинство же городских низовых кооперативных обществ влачили довольно жалкое существование. В основном они выживали за счет надбавки при распределении через свои продовольственные лавки продуктов, заготовленных муниципалитетами, как это было, например, с кооперативным обществом «Объединение» города Перми, о чем писалось в местной газете [51].

Наконец, отсутствие у кооперативов достаточного оборотного капитала приводило к тому, что они практически не могли создавать серьезную конкуренцию частным торговцам при закупке товаров и продовольствия. К тому же государственное администрирование в системе закупок оставляло желать лучшего. Выделение кредитов и получение заказов на поставку продовольствия и обмундирования для армии наталкивались на коррупцию и бюрократическую волокиту чиновников госаппарата. Хаос в транспортном сообщении приводил к тому, что денежный оборот кооперативной торговли мог занимать по времени несколько месяцев, в течение которых приходилось ждать, пока вложенные деньги обернутся привезенным товаром, если он к тому же не терялся где-нибудь в дороге. Правоохранительные органы не имели возможности более или менее эффективно бороться с повсеместными правонарушениями на железной дороге, связанными со взяточничеством. Кооператоры, в отличие от частников, не в состоянии были давать взятки станционной администрации для ускорения прохождения своих грузов, и их продукция подолгу простаивала в нескончаемых железнодорожных тупиках.

В таких условиях в кооперативном движении, как и в частном секторе, наметилась ярко выраженная тенденция к коммерциализации деятельности, направленная на получение максимальной прибыли. Кооперативы и частные торговцы начинали взаимно дополнять и поддерживать друг друга. Зачастую купцы выступали в роли кооперативных артельщиков, получая свой процент с оборота, или складывались с кооперативной артелью. Иногда представители сельского кооперативного общества, используя собственность кооператива, превращались в деревенских купцов. Таким образом происходило слияние кооперативных и купеческих капиталов, что открывало доступ к предоставлению кооперативной собственности различного рода проходимцам, проникавшим в правление кооперативов. Распространенным явлением стало хищение торговыми агентами кооперативных средств, выделенных на закупку товаров, или распродажа уполномоченными кооперативных обществ полученных товаров на рынке по спекулятивным ценам, что неоднократно отмечалось в местной прессе [52, 53]. Сельские кредитные товарищества также страдали нецелевым расходованием средств. Отвечая требованиям сельских обществ, они нередко выступали в роли мирских общественных касс, деля между членами сельской артели полученные от госбанка ссуды на заготовку тех или иных товаров [54. С. 104].

Таким образом, несмотря на то что кооперация на востоке «белой» России внесла существенный вклад в торговлю и снабжение населения и армии необходимыми товарами и продуктами питания, она не в состоянии была полностью справиться с возложенными на нее задачами и в условиях инфляции перестраивалась на коммерческий лад для получения спекулятивных прибылей. При этом заготовку промышленных товаров кооперативные союзы осуществляли в основном в интересах городских предпринимателей в ущерб экономическим ожиданиям крестьян. Установка правительством твердых цен на сельхозпродукцию делала для крестьянина их продажу через кооперативы непривлекательной, и он старался ее сбыть частному торговцу по рыночной цене, в два-три раза превышавшей заготовительную цену кооперативов. Даже крупные кооперативные объединения не могли из-за отсутствия необходимых денежных средств конкурировать с частными поставщиками, а те, которые имели такие средства, не могли повышать закупочные цены без нарушения законодательства и своих обязательств перед государством.

Кроме того, немаловажным обстоятельством снижения роли кооперативов в организации торговли и снабжения явилось то, что в связи с ростом спекулятивных тенденций в деятельности кооперации правительство переключало свое внимание на поддержку частных поставщиков. Значительную роль в этом сыграло получение от них взяток правительственными чиновниками, которые в обход кооперации предоставляли им государственные заказы, кредиты, авансы и различные льготы. Это сказалось на отношении кооператоров к власти. Если в 1918 г. антисоветские правительства получали от кооперативных объединений довольно значительные финансовые средства в качестве спонсорской помощи на обеспечение нужд армии, то с приходом к власти адмирала Колчака и серьезным ухудшением при нем экономической жизни «белой» Сибири кооперативы перешли к политике не вполне дружественного нейтралитета к ней. В силу этого правительство с настороженностью стало относиться к деятельности кооперативных объединений, не без основания подозревая их в связях с оппозицией и кооперативными организациями советской России и в целом – в «соглашательстве» с большевиками. По мнению некоторых исследователей, в проправительственных газетах отмечалось, что кооперация представляла собой прибежище для невостребованных и ушедших в тень политиков из числа эсеров и меньшевиков [55. С. 208].

Министерство снабжения и продовольствия, ориентированное на поддержку частнопредпринимательской деятельности, рассматривало кооперацию в качестве помехи частным заготовкам и стремилось вводить для нее различные административные ограничения и контроль, в ходе которого министерские уполномоченные и ревизоры бесцеремонно вторгались в работу кооперативов. Об этом наглядно свидетельствуют циркуляры Министерства снабжения и продовольствия своим уполномоченным и ревизорам на местах [56. Л. 15–17, 25–27].

Особенно ярко это проявлялось на муниципальном уровне. Волостные и уездные власти и представители «минснабпрода», идя на поводу у частных торговцев, всячески поддерживали их в конкурентной борьбе с кооперацией. Так, например, заведующий тобольской конторой Закупсбыта докладывал в центр, что частные лица через земские органы добились получения дешевой муки Закупсбыта для своих спекулятивных целей, потому что уполномоченный Министерства снабжения и продовольствия под угрозой принуждения приказал выдавать муку обдорским волостным земствам, которая потом попала в руки частных торговцев [55. С. 208].

Наконец, командиры отступавших воинских частей, а также карательных отрядов, не считаясь с законами и, ввиду слабости государственной власти, не боясь привлечения к юридической ответственности, нередко просто прибегали к неприкрытому грабежу кооперативных лавок и складов. Так, в докладах различных потребительских союзов и организаций с мест отмечалось, что обыденной картиной повседневной жизни стали постоянные реквизиции, контрибуции, грабежи, насилие и убийства кооператоров. При этом зачастую наряду с грабежом лавок и складов сжигались дома местных жителей и угонялся кооперативный скот [57. С. 24–25].

Как представляется, еще одной не до конца разрешенной проблемой в исторической и историко-правовой науке остается проблема исследования деятельности военно-промышленных комитетов на территориях государственных образований «белой» России и их взаимодействия с правительственными органами. Несмотря на ряд работ, посвященных данной тематике, многие моменты, связанные с выявлением конкретного вклада данных организаций в восстановление хозяйственной жизни, их участия в государственном регулировании торговлей и снабжением, а также с оцениванием их деятельности с точки зрения действовавшего в то время законодательства, раскрыты недостаточно полно.

Хорошо известно, что помимо кооперации и частнопредпринимательской деятельности в сфере торговли и снабжения антисоветские правительства восточных регионов России большие надежды возлагали на налаживании контактов с промышленной буржуазией, организовавшейся в 1915 г. при содействии правительства в общественные некоммерческие организации в лице центральных, областных и местных военно-промышленных комитетов. Положением царского правительства от 27 августа 1915 г., которое было оставлено в силе и на территориях государственных образований «белой» России, им предоставлялись широкие полномочия в приобретении движимого и недвижимого имущества, а также по вступлению в договорные отношения с государственными, общественными и частными организациями и лицами по поставкам для армии необходимого вооружения и снаряжения [58].

На востоке страны советская власть продержалась недолго, поэтому ВПК во второй половине 1918 г. переживали процесс быстрого восстановления, осу-

ществляя посредническую деятельность в распределении госзаказов между частными предприятиями, за счет взносов которых они обеспечивали себе необходимое существование. ВПК имели и собственные предприятия, поставлявшие свою продукцию государству по себестоимости, но они были немногочисленными и незначительными. Кроме того, восстановление военно-промышленных комитетов происходило не повсеместно. В прессе отмечалось, что недееспособными оказались Томский, Екатеринбургский, Уфимский, Оренбургский, Ялуторовский, Славгородский и целый ряд других ВПК [59. С. 53].

Одним из первых восстановился Омский ВПК, оказавшийся в центре политической и экономической жизни «белой» Сибири. Сразу после ликвидации советской власти он по поручению Западносибирского комиссариата даже выполнял некоторые функции государственного управления в части распределения запасов промышленного сырья омского совнархоза и руководства внутренним водным транспортом. ВСП, не имевшее на первых порах своего налаженного госаппарата, вынуждено было по настоянию правления ВПК передать в его распоряжение все имущество, за исключением возвращенного бывшим владельцам, и все запасы совнархоза, о чем писалось в печатном органе этого комитета [60. С. 23]. Таким образом, начало деятельности Омского ВПК наглядно показало стремление буржуазии использовать слабость правительства для присвоения себе управленческих функций и казенного имущества.

Столичный статус этого ВПК обеспечивал ему достаточно крепкие связи с правительством и возможность быть в курсе его экономической политики. Это позволило омской буржуазии осуществлять координацию деятельности всех ВПК, восстановленных в Сибири и частично на Дальнем востоке, и принимать участие в законодательной и административной деятельности правительства по регулированию промышленного производства, торговли и снабжения. В силу этого Омский ВПК стал играть роль центрального (ЦВПК), что официально было закреплено решением сентябрьской 1918 г. конференции сибирских ВПК. Это дало ему право распределения правительственных заказов между остальными ВПК, которые лишались возможности самостоятельно принимать заказы без разрешения руководства ЦВПК, на которое возлагалась обязанность отчитываться об их выполнении перед Министерством продовольствия и снабжения и Министерством торговли и промышленности [59. С. 27, 42.]. Российское правительство адмирала Колчака мартовским 1919 г. постановлением утвердило статус Омского ВПК в качестве центрального [61].

Таким образом, ЦВПК становился по существу монополистом в получении военных заказов от государства. Согласно указанному постановлению правительство определило размеры авансов при предоставлении ВПК госзаказов: в размере 35% стоимости сырья, если они использовали только государственное сырье; 50% – в случае его частичного использования; 75% – если ВПК приобретали сырье самостоятельно. Долговременные заказы правительство должно было авансировать не менее чем на три месяца. Порядок ценообразования готовой продукции зависел от состояния рынка и входил в компетенцию государственных приемных комиссий [62. С. 61].

Однако военно-промышленная буржуазия в первую очередь заботилась не о государственных, а о личных интересах и прибылях, проводя сомнительные с точки зрения закона спекулятивные торговые операции. Закупавшееся для военных нужд по льготным ценам сырье нередко перепродавалось по более высоким ценам, иногда в 2–3 раза превосходившим закупочные. После этого данное сырье вновь покупалось на местных рынках по еще более высокой цене, что позволяло ВПК требовать от государства увеличения стоимости готовой продукции в рамках полученного госзаказа. Наиболее характерным это было для торговых операций с шерстью.

Кроме того, Бюро ЦВПК могло возлагать закупку сырья на своих членов и между ними распределять полученные заказы, что превращало их одновременно и в заказчиков, и частных предпринимателей. Иногда для этих целей руководители ЦВПК создавали акционерные общества, в результате чего члены Бюро юридически становились одновременно и управляющими частных компаний, и членами Бюро. Это давало возможность проводить более масштабные спекулятивные операции. Так, по сведениям В.М. Рынкова, образованная ЦВПК Урало-Сибирская компания, закупая купоросное масло без малого по 7 руб. за пуд, продавала его одному из своих руководителей, который одновременно являлся членом Бюро ЦВПК, уже по 12 руб., а последний поставлял его ВПК по 16 руб. [62. С. 62–63]. Таким образом, в деятельности ВПК отчетливо прослеживалось стремление к получению спекулятивной прибыли, несмотря на то, что в упоминавшемся уже Положении царского правительства от 27 августа 1915 г. эти организации имели статус общественных и не имели права преследовать коммерческие цели.

Губернские уполномоченные Министерства снабжения и продовольствия, ответственные за организацию работы по закупке промышленных товаров и заготовке продовольствия, в своих докладах неоднократно указывали на то, что под видом выполнения государственных заказов ВПК занимаются проведением спекулятивных коммерческих операций. Это подтверждалось постоянными требованиями военно-промышленных организаций к правительству по пересмотру цен на производимые ими товары, которое они отчасти справедливо объясняли галопировавшей инфляцией и удорожанием производства и сырья. Кроме того, для правительства становилось очевидным, что взятые заказы не отвечали мощностям имевшихся у ВПК предприятий, вследствие чего госзадания выполнялись не полностью и с нарушением договорных сроков. В правительственных кругах это объясняли тем, что ВПК при получении госзаказов занимались прокручиванием денежных авансов и дефицитных материалов, что позволяло им проводить коммерческие операции на рынке и получать незаконную прибыль.

Злоупотребления ВПК, связанные с нарушением принципов некоммерческой деятельности, были вскрыты специальной проверочной комиссией Министерства торговли и промышленности в первой половине 1919 г. Комиссия установила факты перепродажи Бюро ВПК сырья и товаров через подставные частные фирмы с целью обогащения своих членов, о чем доложил Совету министров председатель комиссии, управляющий отделом промышленности Минторгпрома проф. С.В. Лебедев [63. Л. 12–14].

На основании этого доклада правительством было назначено соответствующее расследование деятельности ВПК, которое ввиду коррумпированности правительственных чиновников и судебно-следственных органов так и не было доведено до конца. Единственным его итогом явилось увольнение выступавшего с критикой ВПК министра торговли и промышленности Н.Н. Щукина и ряда работников его ведомства. ВПК продолжили свою деятельность до конца существования «белой» Сибири.

Таким образом, ВПК, как и кооперативные союзы, представляли собой достаточно серьезные структуры в системе торговли и снабжения населения и армии продовольствием, промышленными товарами, вооружением и снаряжением. Однако, несмотря на установленный законом некоммерческий характер их деятельности, они в первую очередь преследовали свои корыстные цели. В связи с этим эффективность их работы в интересах государства оставляла желать много лучшего.

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что принцип «свободы рынка» в условиях инфляции и хозяйственной разрухи не мог быть реализован в полной мере, поэтому в антисоветских государственных образованиях востока России было введено государственное регулирование торговли и снабжения. В целом оно основывалось на дореволюционном законодательстве, мало отвечавшем условиям Гражданской войны. Правительственная политика в сфере кооперации оказалась неэффективной. Хроническое недофинансирование кооперативной деятельности приводило к уменьшению оборотного капитала кооперативов, что не позволяло им осуществлять необходимую закупку потребительских товаров. Переключение внимания властей на частных предпринимателей также не улучшило положение в торгово-распределительной сфере, поскольку торговцы заботились не о государственных, а своих личных спекулятивных интересах. Аналогичный характер носила и деятельность военно-промышленных комитетов. В целом государственное регулирование торговли и снабжения не отвечало кризисным условиям и не могло обеспечить жизнеспособность «белой» Сибири. Армия и города постоянно испытывали хронический недостаток вооружения, снаряжения, продовольствия и предметов первой необходимости. Все это отрицательно сказывалось на легитимности власти и, наряду с победами Красной армии, во многом определило ее падение.

Список источников

1. Майский И. Демократическая контрреволюция. Москва ; Петроград, 1923.
2. Омский вестник. 1918. 13 июня.
3. Сибирский курьер. Иркутск. 1918. 21 июля.
4. Голос народа. Томск. 1918. 5 июня.
5. Кокоулин В.Г. «От мала до велика спекулируют на чем только возможно»: городские рынки «белой» Сибири (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2012. № 3 (33). С. 94–109.
6. О спекуляции // Возрождение. Симбирск. 1918. 25 июля.
7. Освобождение России. 1919. 14 января.
8. Наш Урал. 1919. 6 февраля.
9. Рост дороговизны // Утро Сибири. 1919. 24 января.
10. В преддверии Пасхи // Великая Россия. 1919. 20 апреля.
11. Дударь Л.А. Контрабандная торговля на Дальнем Востоке России в годы Гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1922 годы) // Вестник Дальневосточной государственной академии экономики и управления. 1997. № 1. С. 49–54.
12. Сибирский вестник (Омск). 1918. 16 августа.
13. Постановление Временного Сибирского правительства (ВСП) № 98 «Об аннулировании декретов советской власти» // Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства (далее СУР ВСП). Омск, 1918. № 2 (18 июля). Ст. 11.
14. О передаче хлеба в распоряжение государства // Собрание узаконений и распоряжений правительства (СУРП). Петроград, 1917. № 85.
15. О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей, связанных с обороной // Собрание узаконений. 1916. № 338. Ст. 1696.
16. Постановление ВСП «О регулировании хлебной торговли». // СУР ВСП. Омск, 1918. № 3 (26 июля). Ст. 24.
17. Постановление ВСП «О регулировании мясной торговли» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 3 (26 июля). Ст. 26.
18. Постановление ВСП «О регулировании торговли маслом» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 3 (26 июля). Ст. 27.
19. О государственных заготовках // СУР ВСП. Омск, 1918. № 4. Ст. 24, 25, 26.
20. Постановление ВСП «Об уполномоченных Министерства продовольствия Временного Сибирского правительства» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 3 (26 июля). Ст. 25.
21. Постановление ВСП «Об установлении наказаний за нарушение изданных Временным Сибирским правительством продовольственных законов» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 6 (17 августа). Ст. 60.
22. Постановление Административного совета ВСП «Об утверждении правил о предельных ценах на хлеба урожая 1918 года и предыдущих лет и о районах их действия в Сибири» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 20 (30 октября). Ст. 156.
23. Постановление ВСП «О временном порядке установления предельных цен на жидкое минеральное топливо» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 22 (1 ноября). Ст. 195.
24. Распоряжение управляющего Министерства торговли и промышленности «О подтверждении монополии на кожи» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 4 (2 августа). Ст. 40.
25. Постановление Административного совета ВСП «Об отмене «Положения о передаче кож в распоряжение государства» и об установлении государственного регулирования кожевенной промышленности и торговли» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 12 (28 сентября). Ст. 116.

26. Постановление ВСП «О предоставлении Министерству продовольствия права реквизировать грузы с предметами продовольствия и снабжения, задержанных на станциях сибирских железных дорог» // СУР ВСП. Омск, 1918. № 6 (17 августа). Ст. 61.
27. Постановление Административного совета ВСП «О предоставлении особо уполномоченному Министерства продовольствия на Дальнем Востоке права реквизиции для нужд государства хлеба, обращающегося на рынке в областях Забайкальской, Приморской и Амурской // СУР ВСП. Омск, 1918. № 20 (30 октября). Ст. 157.
28. Собрание узаконений правительства. Петроград, 1917. № 72. Ст. 414–417.
29. Smele Jonathan D. Civil war in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1918–1920. NewYork, 1996.
30. Цветков В.Ж. Экономическое чудо по Колчаку // Родина. 2000. № 5. С. 142–145.
31. Пивоваров Н.Ю., Рынков В.М. Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций 1914–1920 гг. // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. Новосибирск : Параллель, 2012. Вып. 3. С. 35–58.
32. О потребительских кооперативных организациях // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1918. № 75 (16/3 апреля). Ст. № 418.
33. Махов В. Потребительская кооперация Сибири. Новониколаевск, 1923.
34. Пивоваров Н.Ю. Органы управления Закупсбыта (август 1916 – сентябрь 1919 г.) // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений : сб. науч. тр. Новосибирск, 2009. Вып. 6. С. 63–73.
35. Известия Союза сибирских кооперативных союзов «Синкредсоюза» (Новониколаевск). 1919. № 1.
36. Правительственный вестник. 1919. № 131 (9 мая). С. 2, 5.
37. Николаев А.А. Основные виды кооперации в России : историко-теоретический очерк. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2007.
38. Baikaloff A.V. Siberian Co-operation and the Commercial Exploitation of the Northen Sea Route from Europe to Siberia // The Russian Co-operator (London). 1920. Vol. 4, № 6 (June). P. 75–88.
39. Постановление правительства о выделении кредитов потребительской кооперации // Правительственный вестник (Омск). 1919. 2 апреля.
40. Постановление правительства о выделении кредитов потребительской кооперации // Правительственный вестник (Омск). 1919. 17 июля.
41. Об увеличении паевых взносов // Сибирская кооперация. Ново-Николаевск : Закупсбыт, 1918.
42. Постановление правительства о выделении товарных кредитов // Правительственный вестник (Омск). 1919. 2 апреля.
43. Возрождение. Омск. 1991. № 2–4 (январь–февраль).
44. Наш Урал. Екатеринбург. 1919. 17 апреля.
45. Амурская кооперация. Благовещенск. 1919. № 23 (25 сентября).
46. Железнодорожник-кооператор. Иркутск. 1919. № 2 (25 октября).
47. Рынков В.М. Роль органов местного самоуправления в снабжении населения Сибири в годы Гражданской войны // Проблемы истории местного управления Сибири XVII–XX веков. Новосибирск, 1996. С. 59–61.
48. Балабанов М. История рабочей кооперации в России. М., 1928.
49. Хейсин М.Л. История кооперации в России. Л., 1926.
50. Правительственный вестник. Омск. 1919. 5 августа, 10 октября.
51. Освобождение России. Пермь. 1919. 8 марта.
52. Современная Пермь. 1919. 7 мая.
53. Обский кооператор (Ново-Николаевск). 1918. № 10. С. 14.
54. Иванов А.В. Кооперативное движение в Сибири в годы революции и Гражданской войны // Вестник Дальневосточного аграрного университета. 2007. № 4. С. 105–111.
55. Гаврилов А.А., Занданова Л.В. Сибирские кооперативные союзы в годы Гражданской войны // Вестник ИрГТУ. 2011. № 6 (53). С. 207–210.
56. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-160. Оп. 3. Д. 1201. Л. 15–17; Д. 1223. Л. 25–27.
57. А.М. Сибирская кооперация в период военной диктатуры. Омск : Сиб. отд. Центросоюза, 1922. С. 24–25.
58. Собрание узаконений и распоряжений Правительства за 1915 г. Петроград, 1916. Отдел 1. Второе полугодие. № 248. Ст. 1853.
59. Промышленность Западной Сибири (Омск). 1918. № 4–5.
60. Промышленность Западной Сибири (Омск). 1918. № 3.
61. Собрание узаконений и распоряжений Российского правительства (Омск). 1919. № 8. Ст. 121.
62. Рынков В.М. Омский военно-промышленный комитет в годы Гражданской войны // Гражданская война в Сибири / под ред. М.Д. Северьянова. Красноярск, 1999. С. 60–66.
63. ГАРФ. Ф. Р-199. Оп. 8. Д. 245. Л. 12–14.

References

1. Mayskiy, I. (1923) *Demokraticheskaya kontrrevolyutsiya* [Democratic counter-revolution]. Moscow; Petrograd.
2. *Omskiy vestnik.* (1918) 13 June.
3. *Sibirskiy kur'er.* (Irkutsk). (1918) 21 July.
4. *Golos naroda*. (Tomsk). (1918) 5 June.
5. Kokoulin, V.G. (2012) "Ot mala do velika spekuliruyut na chem tol'ko vozmozhno": gorodskie rynki "beloy" Sibiri (1918–1919 gg.) ["From young to old, they speculate on everything possible": urban markets of the "White" Siberia (1918–1919)]. *Novyy istoricheskiy vestnik*. 3 (33). pp. 94–109.
6. *Vozrozhdenie.* (Simbirsk). (1918) O spekulyatsii [On speculation]. 25 July.
7. *Osvobozhdenie Rossii.* (1919) 14 January.
8. *Nash Ural.* (1919) 6 February.
9. *Utro Sibiri.* (1919) Rost dorogovizny [The growth of high cost]. 24 January.
10. *Velikaya Rossiya*. (1919) V preddverii Paskhi [On the eve of Easter]. 20 April.
11. Dudar', L.A. (1997) Kontrabandnaya torgovlya na Dal'nem Vostoke Rossii v gody Grazhdanskoy voyny i inostrannoy interventsii (1918–1922 gody) [Smuggling trade in the Russian Far East during the Civil War and foreign intervention (1918–1922)]. *Vestnik Dal'nevostochnoy gosudarstvennoy akademii ekonomiki i upravleniya*. 1. pp. 49–54.
12. *Sibirskiy vestnik.* (Omsk). (1918) 16 August.
13. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva (VSP) № 98 "Ob annulirovanii dekretov sovetskoy vlasti" [Decree of the Provisional Siberian Government No. 98: On the annulment of decrees of Soviet power]. 2 (18 July). Art. 11.
14. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva.* (Petrograd). (1917) O peredache khleba v rasporyazhenie gosudarstva [On the transfer of bread to the disposal of the state]. 85.

15. *Sobranie uzakoneniy*. (1916) O razverstke zernovykh khlebov i furazha, priobretaemykh dlya potrebnostey, svyazannykh s oboronoy [On the distribution of grain bread and fodder purchased for needs related to defense]. 338. Art. 1696.
16. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie VSP "O regulirovanii khlebnoy torgovli". [Decree of the Provisional Siberian Government "On the regulation of grain trade"]. 3 (26 July). Art. 24.
17. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie VSP "O regulirovanii myasnoy torgovli" [of the Provisional Siberian Government "On the regulation of meat trade"]. 3 (26 July). Art. 26.
18. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie VSP "O regulirovanii torgovli maslom" [Resolution of the Provisional Siberian Government "On the regulation of butter trade"]. 3 (26 July). Art. 27.
19. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) O gosudarstvennykh zagotovkakh [On state procurement]. 4. Art. 24, 25, 26.
20. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie VSP "Ob upolnomochennykh Ministerstva prodovol'stviya Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva" [Decree of the Provisional Siberian Government "On authorized representatives of the Ministry of Food of the Provisional Siberian Government"]. 3 (26 July). Art. 25.
21. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie VSP "Ob ustanovlenii nakazaniy za narushenie izdannykh Vremennym Sibirskim pravitel'stvom prodovol'stvennykh zakonov" [Decree of the Provisional Siberian Government "On the establishment of penalties for violation of food laws issued by the Provisional Siberian Government"]. 6 (17 August). Art. 60.
22. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie Administrativnogo soveta VSP "Ob utverzhdenii pravil o predel'nykh tsenakh na khleba urozhaya 1918 goda i predydushchikh let i o rayonakh ikh deystviya v Sibiri" [Resolution of the Administrative Council of the Provisional Siberian Government "On the approval of the rules on marginal prices for bread harvested in 1918 and previous years and on the areas of their action in Siberia"]. 20 (30 October). Art. 156.
23. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie VSP "O vremennom poryadke ustanovleniya predel'nykh tsen na zhidkoe mineral'noe toplivo" [Decree of the Provisional Siberian Government "On the temporary procedure for establishing marginal prices for liquid mineral fuels"]. 22 (1 November). Art. 195.
24. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Rasporyazhenie upravlyayushchego Ministerstva torgovli i promyshlennosti "O podtverzhdenii monopolii na kozhi" [Ordinance of the Governor of the Ministry of Trade and Industry "On confirming the monopoly on leather"]. 4 (2 August). Art. 40.
25. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie Administrativnogo soveta VSP: Ob otmene "Polozheniya o peredache kozh v rasporyazhenie gosudarstva" i ob ustanovlenii gosudarstvennogo regulirovaniya kozhevennoy promyshlennosti i torgovli [Resolution of the Administrative Council of the Provisional Siberian Government: On the abolition of the "Regulations on the transfer of leather to the disposal of the state" and on the establishment of state regulation of the leather industry and trade]. 12 (28 September). Art. 116.
26. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie VSP "O predostavlenii Ministerstvu prodovol'stviya prava rekvizirovat' gruzy s predmetami prodovol'stviya i snabzheniya, zaderzhannykh na stantsiyakh sibirskikh zheleznykh dorog" [Decree of the Provisional Siberian Government "On granting the right to the Ministry of Food to requisition goods with food and supplies detained at the stations of the Siberian railways"]. 6 (17 August). Art. 61.
27. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Vremennogo Sibirskogo pravitel'stva*. (Omsk). (1918) Postanovlenie Administrativnogo soveta VSP "O predostavlenii osobo upolnomochennomu Ministerstva prodovol'stviya na Dal'nem Vostoke prava rekvizitsii dlya nuzhd gosudarstva khleba, obrashchayushchegosya na rynke v oblastyakh Zabaykal'skoy, Primorskoy i Amurskoy [Resolution of the Administrative Council of the Provisional Siberian Government "On granting the right to requisition bread circulating on the market in the regions of Transbaikal, Primorye and Amur regions for the needs of the state to the specially authorized Ministry of Food in the Far East]. 20 (30 October). Art. 157.
28. *Sobranie uzakoneniy pravitel'stva*. (Petrograd). (1917) 72. Art. 414–417.
29. Smele, J.D. (1996) *Civil war in Siberia. The anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1918–1920*. New York.
30. Tsvetkov, V.Zh. (2000) Ekonomicheskoe chudo po Kolchaku [Economic miracle according to Kolchak]. *Rodina.* 5. pp. 142–145.
31. Pivovarov, N.Yu. & Rynkov, V.M. (2012) Sibirskaya kooperatsiya v sisteme vlastnykh otnosheniy v epokhu voyn i revolyutsiy 1914–1920 gg. [Siberian cooperation in the system of power relations in the era of wars and revolutions of 1914–1920]. In: *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and society in Siberia in the 20th century]. Vol. 3. Novosibirsk: Parallel'. pp. 35–58.
32. *Izvestiya Vserossiyskogo Tsentral'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta Sovetov.* (1918) O potrebitel'skikh kooperativnykh organizatsiyakh [On consumer cooperative organizations]. 75 (16/3 April).Art. 418.
33. Makhov, V. (1923) *Potrebitel'skaya kooperatsiya Sibiri* [Consumer cooperation in Siberia]. Novonikolaevsk.
34. Pivovarov, N.Yu. (2009) Organy upravleniya Zakupsbyta (avgust 1916 – sentyabr' 1919 g.) [Governing bodies of Zakupsbyt (August 1916 – September 1919)]. In: *Kooperatsiya Sibiri: problemy istorii, ekonomiki i sotsial'nykh otnosheniy* [Cooperation of Siberia: problems of history, economics and social relations]. Vol. 6. Novosibirsk. pp. 63–73.
35. *Izvestiya Soyuza sibirskikh kooperativnykh soyuzov "Sinkredsoyuza".* (Novonikolaevsk). (1919) 1.
36. *Pravitel'stvennyy vestnik.* (1919) 131 (9 May). pp. 2, 5.
37. Nikolaev, A.A. (2007) *Osnovnye vidy kooperatsii v Rossii: istoriko-teoreticheskiy ocherk* [The main types of cooperation in Russia: a historical and theoretical essay]. Novosibirsk: Institute of History, SB RAS.
38. Baikaloff, A.V. (1920) Siberian Co-operation and the Commercial Exploitation of the Northen Sea Route from Europe to Siberia. *The Russian Co-operator.* (London). 4 (6) (June). pp. 75–88.
39. *Pravitel'stvennyy vestnik.* (Omsk). (1919) Postanovlenie pravitel'stva o vydelenii kreditov potrebitel'skoy kooperatsii [Government Decree on the allocation of loans to consumer cooperation]. 2 April.
40. *Pravitel'stvennyy vestnik.* (Omsk). (1919) Postanovlenie pravitel'stva o vydelenii kreditov potrebitel'skoy kooperatsii [Government Decree on the allocation of loans to consumer cooperation]. 17 July.
41. Anon. (1918) Ob uvelichenii paevykh vznosov [On the increase in share contributions]. In: *Sibirskaya kooperatsiya* [Siberian cooperation]. Novo-Nikolaevsk: Zakupsbyt.
42. *Pravitel'stvennyy vestnik.* (Omsk). (1919) Postanovlenie pravitel'stva o vydelenii tovarnykh kreditov [Government Decree on the allocation of commodity loans]. 2 aprelya.
43. *Vozrozhdenie.* (Omsk). (1991) 2–4 (January–February).
44. Nash Ural. Ekaterinburg. (Yekaterinburg). 1919. 17 aprelya.
45. *Amurskaya kooperatsiya.* (Blagoveshchensk). (1919) 23 (25 September).
46. *Zheleznodorozhnik-kooperator.* (Irkutsk). (1919) 2 (25 October).
47. Rynkov, V.M. (1996) Rol' organov mestnogo samoupravleniya v snabzhenii naseleniya Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny [The role of local governments in supplying the population of Siberia during the Civil War]. In: *Problemy istorii mestnogo upravleniya Sibiri XVII–XX vekov* [Problems of the history of local government in Siberia in the 17th–20th centuries]. Novosibirsk. pp. 59–61.
48. Balabanov, M. (1928) *Istoriya rabochey kooperatsii v Rossii* [History of workers' cooperation in Russia]. Moscow.
49. Kheysin, M.L. (1926) *Istoriya kooperatsii v Rossii* [History of cooperation in Russia]. Leningrad.
50. *Pravitel'stvennyy vestnik.* (Omsk). (1919) 5 August, 10 October.

51. *Osvobozhdenie Rossii.* (Perm). (1919) 8 March.
52. *Sovremennaya Perm'*. (1919) 7 May.
53. *Obskiy kooperator.* (Novo-Nikolaevsk). (1918) 10. p. 14.
54. Ivanov, A.V. (2007) Kooperativnoe dvizhenie v Sibiri v gody revolyutsii i Grazhdanskoy voyny [Cooperative Movement in Siberia during the Revolution and the Civil War]. *Vestnik Dal'nevostochnogo agrarnogo universiteta*. 4. pp. 105–111.
55. Gavrilov, A.A. & Zandanova, L.V. (2011) Sibirskie kooperativnye soyuzy v gody Grazhdanskoy voyny [Siberian cooperative unions during the Civil War]. *Vestnik IrGTU*. 6 (53). pp. 207–210.
56. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-160. List 3. File 1201. Pp. 15–17; File 1223. Pp. 25–27.
57. A.M. (1922) *Sibirskaya kooperatsiya v period voennoy diktatury* [Siberian cooperation during the military dictatorship]. Omsk: Sib. otd. Tsentrosoyuza. pp. 24–25.
58. Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Pravitel'stva za 1915 g. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rossiyskogo pravitel'stva* [Collection of laws and orders of the Government for 1915]. (Petrograd). (1916) 1 (248). Art. 1853.
59. *Promyshlennost' Zapadnoy Sibiri.* (Omsk). (1918) 4–5.
60. *Promyshlennost' Zapadnoy Sibiri.* (Omsk). (1918) 3.
61. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Rossiyskogo pravitel'stva* [Collection of laws and orders of the Russian government]. (Omsk). (1919) 8. Art. 121.
62. Rynkov, V.M. (1999) Omskiy voenno-promyshlennyy komitet v gody Grazhdanskoy voyny [Omsk Military-Industrial Committee during the Civil War]. In: Sever'yanov, M.D. (ed.) *Grazhdanskaya voyna v Sibiri* [Civil War in Siberia]. Krasnoyarsk, 1999. pp. 60–66.
63. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-199. List 8. File 245. Pp. 12–14.

Информация об авторе:
Медведев В.Г. – д-р юрид. наук, канд. ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Тольяттинского государственного университета (Тольятти, Россия). E-mail: medved.valentin@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
V.G. Medvedev, Dr. Sci. (Law), Cand. Sci. (History), professor, Togliatti State University (Togliatti, Russian Federation). E-mail: medved.valentin@rambler.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 18.04.2022;
одобрена после рецензирования 21.04.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 18.04.2022;
approved after reviewing 21.04.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 158–168
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2022. 479. pp. 158–168

Научная статья
УДК 616-002.73(571.56)(091)
doi: 10.17223/15617793/479/17

Проказа в Колымском округе Якутии (исторический обзор)

Спиридон Спиридонович Слепцов[1], Снежана Спиридоновна Слепцова[2], Максим Николаевич Андреев[3]

[1] Якутский научный центр комплексных медицинских проблем, Якутск, Россия
[2] Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, Якутск, Россия
[3] Научный центр неврологии, Москва, Россия
[1] sachaja@yandex.ru
[2] sssleptsova@yandex.ru
[3] max_andreev@mail.ru

Аннотация. Анализируется история борьбы с проказой в Колымском округе Якутии с конца XVIII до первой половины XX в. На основании обобщения и сопоставления архивных материалов и печатных источников показан вклад медицинских работников и духовенства в борьбу с этим опасным заболеванием, описаны условия жизни прокаженных, уделено внимание процессу организации Среднеколымского лепрозория. Высказано предположение, что проказа попала на территорию Якутии не из европейской части России, а могла быть завезена из Восточной Азии.

Ключевые слова: история Якутии, история медицины, проказа, лепрозорий, Якутская область, Колымский округ, Среднеколымск, якуты

Для цитирования: Слепцов С.С., Слепцова С.С., Андреев М.Н. Проказа в Колымском округе Якутии (исторический обзор) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 158–168. doi: 10.17223/15617793/479/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/17

Leprosy in Kolyma Okrug of Yakutia (A historical review)

Spiridon S. Sleptsov[1], Snezhana S. Sleptsova[2], Maksim N. Andreev[3]

[1] Yakut Science Centre of Complex Medical Problems, Yakutsk, Russian Federation
[2] North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation
[3] Research Center of Neurology, Moscow, Russian Federation
[1] sachaja@yandex.ru
[2] sssleptsova@yandex.ru
[3] max_andreev@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the history of leprosy control in Kolyma Okrug of Yakutia from the end of the 18th century to the first half of the 20th century. Based on summarizing and comparing the archive sources, the contribution of medical workers and religious authorities in the fight against this dangerous disease is shown, the living conditions of leprosy patients are described, attention is paid to the organization of the leprosarium in Kolyma Okrug, which then existed until 1955. Considering the geographical position of Kolyma and the absence of any information about leprosy in other places in Siberia before the 18th century, an assumption was made that this disease could not have reached Yakutia from the European part of Russia, but could have been carried from East Asia. Due to the remoteness and low population density of Kolyma Okrug, as well as a lack of doctors and the absence of a consensus among physicians regarding the diagnosis until the middle of the 19th century, the first few attempts to establish a leprosarium in North-East Yakutia were unsuccessful, although the problem was discussed at the highest level with the participation of leading experts. The local authorities banished the ill from society, and they spent the rest of their lives without proper care, treatment, and often in complete solitude. The care of the ill consisted only of delivering food and fuel to their homes monthly. Thus the cause of the high leprosy mortality was not because of the disease itself, but also of accidents, suicides, physical exhaustion, etc. The role of health workers in this period was minimal, with the dispersed accommodation of patients causing additional difficulties for both doctors and patients. It became comparatively easier to facilitate the work of medical men and patients in 1904 when a leprosarium was opened not far from Srednekolymsk thanks to the donations of the Russian eparchy. Doctor S.I. Mitskevich, who was not only one of the initiators of the idea but also a person who brought the problems of the Kolyma leprosy far beyond Yakutia's borders, played a significant role in this work. But, unfortunately, the quality of the buildings was poor due to the fault of the main contractor, and soon many buildings for the ill deteriorated. Later on, due to the military and po-

© Слепцов С.С., Слепцова С.С., Андреев М.Н., 2022

litical disturbances in the country, the problems of leprosy patients were pushed to the sidelines. Positive changes began to be seen only in the 1930s, following the publication of a report by the Yakutsk Health Department. The YaSSR government turned its attention back to the Kolyma village, and funds were allocated to improve the facilities and conditions of the leprosarium and increase its personnel.

Keywords: history of Yakutia, history of medicine, leprosy, leprosarium, Yakutsk region, Kolyma Okrug, Srednekolymsk, Yakuts

For citation: Sleptsov, S.S., Sleptsova, S.S. & Andreev, M.N. (2022) Leprosy in Kolyma Okrug of Yakutia (A historical review). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 158–168. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/17

Проказа – хроническая инфекционная болезнь, вызываемая бациллой *Mycobacterium leprae*, известна всему миру с самых древних времен. Нередко считалось, что это «божья кара», и изгнанные из общества больные медленно и мучительно умирали в одиночестве, а позднее – в так называемых лепрозориях, где в основном не получали эффективного лечения. Аналогичная картина наблюдалась и в Якутии. При этом остаток жизни якутского прокаженного проходил в более суровых условиях как из-за специфичного климата, так и обширности территории. Страх перед проказой был настолько велик, что остракизму порою подвергались люди лишь заподозренные, как случайно, так и по злому умыслу, но не больные. Иногда наблюдалась и обратная картина – до появления точных методов диагностики лепру могли принимать за запущенную форму сифилиса или другие болезни. Безусловно, все это вносило большую путаницу. В литературе имеется немало сведений о лепре в Якутии, но в большинстве случаев они отрывочны, при этом в них немало исторических неточностей, заблуждений, переходящих из источника в источник. В связи с этим, целью работы явилась систематизация и анализ литературных и архивных сведений о распространенности проказы и мерах борьбы с ней на Северо-Востоке Якутии.

По данным статского советника И.М. Петухова [1. С. 6], наиболее ранние сведения о появлении лепры на территории Колымского округа относятся приблизительно к 1765 г. Автор пишет, что болезнь широко распространилась среди местного населения Верхней Колымы, а в числе заразившихся был родоначальник Мятюжского рода Банеров. Власти отправили из Якутска штаб-лекаря Михаила Михайловича Робек (1753–1818), который «пользовал Банерова в течение 1784 года, но без всякаго успеха». Необходимо уточнить, что Робек в 1780–1784 гг. находился в Кронштадте [2. С. 269–270], а на Колыму прибыл только осенью 1786 г. в составе экспедиции Биллингса-Сарычева (1785–1793). При этом нет никаких свидетельств, что в ходе этого путешествия он проводил обследование прокаженных. То есть утверждение, что на Колыме лепра была впервые диагностирована именно М.М. Робеком, ставится под сомнение.

Однако Г.А. Сарычев в своем отчете упоминает, что «доктор» (скорее всего, Мерк Карл Генрих) вместе с Биллингсом в ноябре 1786 г. посетили селение юкагиров (ныне село Нелемное) и что «сей народ прежде был многолюден <…> но… от распространившихся заразительных болезней, оспы и другой, называемой здесь Киликинскою, многие перемерли…» [3. С. 64]. Скорее всего, под словом «киликинская» подразумевалось прилагательное «киликийская». Ведь, как поясняет Г.Н. Минх [4. С. 102–103], согласно Мишне (древнееврейский религиозно-юридический сборник) появление на коже человека пятна размером с киликийский боб могло являться предвестником цараата, т.е. проказы.

Примерно в это же время лепру обнаружили и в районе Средней Колымы, но «заболевшие ею остались без всякого врачебного пособия». В 1803 г. для осмотра колымских прокаженных прибыл выпускник Московского генерального госпиталя (1795 г.), штаб-лекарь Матвей Иванович Малиновский, который сделал вывод, что «особеннаго рода заразительную болезнь, причисляемая к роду проказы <…> надобно относить к особому произведению соединения венерической, цинготной и куппо ломотной болезней» [1. С. 6, 34]. Дальнейшие исследования М.И. Малиновский провести не смог – в 1805 г. он скончался от легочного кровотечения.

В 1810 г. путешественник М.М. Геденштром доложил начальству о широком распространении в Среднеколымском и Зашиверском комиссарствах проказы и сифилиса, вследствие чего в 1815 г. в эти края из Якутска был командирован коллежский советник, доктор 7-го класса, врачебный инспектор Якутской области Федор Федорович Реслейн (1757–1816), который «предполагал лечить проказу привитием сифилитического яда» [5. С. 117; 6. С. 525; 7. С. 356]. К слову, личность Ф.Ф. Реслейна, уроженца Астраханской губернии, получившего медицинское образование сначала в Московском университете, затем в Петербургской госпитальной школе и Страсбургском университете и длительное время проработавшего не только в Якутии, но и на Камчатке и в Охотске, была окружена разными историями, среди которых сложно отличить истину от выдумки. Например, М.М. Геденштром писал, что даже в лютые морозы доктор, которому было «за 70 лет», не носил зимней одежды, а при отправлении в октябре из Якутска на Колыму на нем было лишь суконное платье. Поэтому, чтобы не замерзнуть, «принужден он был часто слезать с лошади, бегать, кувыркаться» [5. С. 117]. В конце концов, обморозив пальцы ног, Реслейн сам себе их ампутировал и был доставлен в Среднеколымск на носилках. Как пишет Б.Н. Палкин [8. С. 4], это произошло в июле 1816 г., а 6 октября Реслейн скончался. По данным И.С. Сельского [9. С. 17], тело врача положили в склеп, построенный в свое время для умершего при не совсем понятных обстоятельствах ссыльного графа Михаила Гаврило-

вича Головкина (1699–1755), являвшегося сыном Гавриила Головкина – канцлера Петра I. Видимо, последний факт послужил причиной появления еще одной легенды, записанной на Нижней Колыме этнографом В.Г. Богораз-Тан в конце XIX в., где Реслейн описывался как молодой придворный из знатного рода, сосланный на Колыму в ссылку, и что он, мол, покончил с собой со словами «Колыма недостойна такой персоны» [10. С. 68]. Как бы там ни было, существенной работы по борьбе с проказой на Колыме Реслейну провести не удалось, хотя в целом вклад этого человека в развитие медицины на Дальнем Востоке переоценить сложно.

В 1817 г. в Колымский округ прибыл лекарь 9-го класса Яков Томашевский, под руководством которого в урочище Буталах, что в 60 верстах от Среднеколымска, в якутской юрте была устроена первая лечебница для лепробольных, куда поместили 20 человек. Проработала она лишь до 1821 г., и итоги ее деятельности были неутешительными, о чем можно понять из письма генерал-губернатора Сибири М.М. Сперанского от 11 октября 1820 г., адресованного Якутскому областному начальнику М.И. Миницкому: «Прочитав донесение <…> и описание лекаря Томашевского венерической и проказной болезни, – я желал бы, чтобы сия последняя болезнь, столь ужасная по своему гибельному для якутов влиянию, была подробнейшим образом исследована и точнейшим бы образом были определены средства к ея прекращению». Также Сперанский поручил Миницкому просить от его имени участника экспедиции Врангеля, доктора медицины Августа Эриха Кибера (1794–1855), чтобы тот, «следуя своему назначению <…> обратил бы внимание на болезнь проказную, вникнул бы в ея свойства…» [6. С. 796].

Кибер выслал ответное письмо Сперанскому из Нижнеколымска 28 марта 1821 г., где дал понять, что без должной организации медобслуживания вся работа по лечению больных бесполезна, а имеющаяся лечебница находится в жалком состоянии: «…там около 12 больных, живущих вместе в маленьком пространстве (10×10 футов), их искаженные тела покрыты лохмотьями и оленьими шкурами, которые они носят уже много лет. Их постель без белья, без одеял, походит больше на кучу навоза. Для больных не имеется сиделок. Они вынуждены ходить за дровами для топки, сами заниматься уборкой и т.д. Эти обстоятельства только благоприятствуют распространению болезни вместо того, чтобы ее остановить…» [6. С. 796–800]. Но, по всей видимости, на тот момент Кибер не был уверен, что данная болезнь действительно является проказой. Сперанский, хотя и посчитал полученные от Кибера сведения необстоятельными, 17 сентября 1821 г. (уже будучи членом Сибирского комитета) переслал их министру внутренних дел Российской империи графу В.П. Кочубею с просьбой рассмотреть эти документы на медицинском совете. Также генерал-губернатор высказался о необходимости постройки на Колыме больницы с обеспечением ее медикаментами, а также лекарем (на место Томашевского, который на тот момент по состоянию здоровья проживал уже в Якутске). Следует отметить, что после отправления письма Сперанскому Кибер продолжил заниматься обследованием колымских прокаженных, а 20 февраля 1823 г. сообщил, что болезнь, в которой он все-таки признал проказу, излечима, так как это не что иное, как результат видоизменения сифилиса, произошедшего под влиянием местных условий и специфичного быта населения, но без «столь пагубных признаков», наблюдающихся при венерических заболеваниях. В то же время он сам себе противоречил, указывая, что болезнь является наследственной, и не было случаев, чтобы больной выздоровел [11. С. 3–5].

Несмотря на то что вопросы по улучшению медицинского обслуживания в далеком уголке Якутии обсуждались на самом высоком уровне, следующий после Томашевского медик на Колыме появился лишь в декабре 1831 г. Это был первый окружной врач округа, выпускник Московского отделения Медико-хирургической академии (1830 г.), коллежский секретарь Сергей Никитич Яковлев, которому поручили на средства улуса возобновить работу лепрозория. Для выполнения этой задачи летом 1832 г. в 4 верстах от Среднеколымска построили две юрты. Предполагалось, что все 12 прокаженных, числившихся в округе, в них и разместятся. Но когда Яковлев обратился к инородческой управе с просьбой доставить больных в лечебницу, ответили, что имеющихся денег хватит на содержание лишь двоих человек. Их действительно доставили в лепрозорий, но средств на приобретение продуктов, одежды, а также на содержание служителя и прачки не выделили. Более того, уже в октябре стало ясно, что юрты совсем не пригодны для проживания: пациенты страдали от холода, вода в котлах замерзала, лопались бутылки с лекарствами. Вскоре один из больных умер. От работ по утеплению жилищ управа отказалась, объяснив, что никто не хочет рисковать своим здоровьем [12. С. 3]. Оставшаяся единственная пациенка вынуждена была проживать до конца года в холодной юрте, пока «якуты не возбудили ходатайство о разрешении увезти ее обратно в наслег» [13. № 281. С. 2]. Таким образом, проработав всего несколько месяцев, лепрозорий снова закрылся.

Как говорилось выше, заболевшие лепрой становились изгоями общества, и для них отводилась отдельная юрта на значительном расстоянии от других жилищ. «К великому сожалению, увидел я, что больные без всякого почти призрения брошены на произвол судьбы; были отдалены в особые юрты; живут подобно диким народам, питаются испорченной пищей, а некоторые и не имеют даже верхнего платья и лишены всякого спокойствия, валяясь на голых лавках <…> Юрты, где они поселены, холодны, тесны и настолько неопрятны, что прежде времени должны, кажется, ускорить смерть, особенно при худом и недостаточном питании», – сокрушался Яковлев после очередного объезда вверенного ему округа в 1837 г. [13. № 281. С. 2]. После этого отчета колымский исправник Иван Васильевич Виноградов просил губернатора открыть лепрозорий на 10 человек, но утвердительного ответа не последовало [12. С. 4].

В 1838 г. Иркутская врачебная управа по просьбе самого же Яковлева дала разрешение о его переводе в Нижнеудинск. Узнав об этом, 7 февраля 1839 г. колымчане составили коллективное и очень трогательное обращение, где просили врача остаться [14. Л. 6–7]. Хотя Яковлев и ответил, что «готов уважить просьбу жителей», указ о его переводе отменен не был [14. Л. 13].

После отъезда Яковлева всю медицинскую работу возложили на уроженца Иркутской губернии, лекарского ученика Василия Иннокентьевича Кононыхина (1817 г. р.), который проработал на этой должности с 1835 по 1864 г. Вскоре в округе значительно увеличилось количество «одержимых любострастной болезнью», вследствие чего исправник Петр Федорович Бубякин 20 декабря 1840 г. попросил начальство Якутской области направить к ним положенного по штату окружного врача [15. Л. 56].

За неимением походящей кандидатуты эту должность с октября 1841 г. по март 1842 г. на Колыме занимал выпускник Петербургской медико-хирургической академии (1829 г.), штаб-лекарь, врачебный инспектор Якутской области Федот Степанович Сокальский (1803–1857). Согласно его отчету, за полгода ему удалось излечить от сифилиса 97 человек. Эти данные удостоверялись свидетельством от колымского исправника, именным списком излеченных и списком израсходованных медикаментов. Но Иркутская врачебная управа, сделав замечание, что врач не уделил должного внимания выявлению «причин происхождения венерической и проказной болезней», усомнилась в правдивости представленных результатов [1. С. 11]. В оправдание Сокальского надо сказать, что во время поездки он действительно пытался найти и обследовать лепробольных. Так, узнав, что в Байдунском наслеге в течение 7 лет отдельно от всех проживают 3 женщины с подозрением на проказу, 18 октября 1841 г. он попросил исправника доставить их для осмотра. Однако врачу отказали, сославшись на отдаленность их местожительства [16. С. 174]. Позже Сокальскому привели некоего Илью Мордовского «с застарелыми цынготными язвами», которого он признал неизлечимым, однако конкретного диагноза не указал [15. Л. 3].

Со второй половины 1842 по 1848 г. окружным врачом работал выпускник Московского отделения Императорской медико-хирургической академии Николай Федорович Козловский (1800–1858), который тоже пытался помочь Мордовскому. Врач отмечал, что после начала лечения «язвы приходили в лучший вид, но к совершенному излечению при всех употребленных средств остаются ненадежными и сверх того Мордовской страдает чахоткою» [15. Л. 3 об.]. По сведениям лекарского ученика Кононыхина, кроме некоторых мазей и трав Козловский в качестве средства против язв применял примочки с отваром тальниковой коры. В целом действующий исправник Фердинанд Викентьевич Хмелевский положительно отзывался о Козловском, но многие не разделяли этого мнения. Причиной тому послужило письмо Козловского в Иркутскую врачебную управу от 23 августа 1844 г., в котором он обвинил в неблаговидных поступках многих влиятельных лиц округа [15. Л. 51–52]. Например, бывшего исправника Бубякина обвинил в превышении должностных полномочий, священника Сивцова – в «непомерных требованиях на совершение браков между инородцами, что вынуждает их оставаться в безбрачии, поддерживая разврат», и ведет к увеличению количества незаконнорожденных детей, казаков и купцов – в распространении венерических заболеваний и притеснении местного населения. Безусловно, это не осталось без внимания, проводилось длительное разбирательство в виде переписки, из которой можно узнать, что Козловский не только ответственно относился к своему делу, но и старался всеми силами помогать людям [15. Л. 60]. По его инициативе в сентябре 1843 г. недалеко от Среднеколымска была построена венерическая лечебница с мужским и женским отделением на 14 человек. В том же году по заданию Якутского правления врач принимал участие в опытах по возделыванию картофеля. После отъезда из Колымы Николай Федорович работал в Верхоянском округе, а затем в Якутске [17. С. 125].

В конце августа 1847 г. в Среднеколымск прибыл выпускник Императорского Московского университета (1822 г.), медицинский инспектор Якутской области доктор Николай Иванович Неаполимовский (1798–1854). Во время командировки он в основном занимался лечением сифилитиков. Также доктор осмотрел 4 человек, считавшихся прокаженными, и заключил, что у больных не что иное, как «застарелая венерическая болезнь, сопряженная с цингою» [1. С. 58]. При этом он предлагал запретить само слово «проказа» как «возбуждающее ужас в туземцах», хотя, по наблюдениям многих исследователей, опытные якутские целители хорошо отличали лепру от сифилиса, с достаточно высокой точностью выявляя первую даже на ранних стадиях. При этом бытовало мнение, что если опухоль началась с ноги, то больной может прожить до 15 лет, если с руки – 8–9 лет, а если с лица, то не более 3 лет [18. С. 270]. Ошибка Неаполимовского и его предшественников объяснима: 1) в те годы было распространено мнение, что проказа характерна только для стран с теплым климатом; 2) до публикации работы Даниэля Даниэльсена и Вильхельма Бека «Om Spedalskhed» / «О проказе» (1847) медики нередко испытывали затруднения при диагностике этого заболевания.

С 23 июля 1848 г. новым окружным врачом назначили выпускника Императорского университета Святого Владимира (1846 г.) Фаустина Петровича Корженевского (1823–1855), успевшего ранее немного поработать на той же должности в Верхоянском округе [19. Л. 14]. Спустя некоторое время он пришел к выводу, что четверо больных, осмотренных ранее Неаполимовским, на самом деле не сифилитики, а заражены бугорчатой проказой. В качестве подтверждения своих слов он предоставил подробный анамнез пациентов с указанием различий с характерными симптомами сифилитиков [20. Л. 55]. Причинами, «производящими проказную болезнь между якутами», Корженевский назвал потребление воды из

стоячих водоемов, поедание рыбы не первой свежести, антисанитарные условия в жилищах. Для профилактики заболеваемости врач считал необходимым проведение ежегодных медосмотров населения и строительство бань в наслегах. Также в очередной раз Корженевский поднял вопрос об устройстве на Колыме лепрозория, но, к сожалению, в ночь с 1 на 2 апреля 1855 г. скоропостижно скончался от «родимца» и был похоронен на кладбище Среднеколымской Покровской церкви.

До мая 1864 г. Колымский округ оставался без врача, пока не прибыл выпускник Императорского Харьковского университета (1863 г.), коллежский асессор Фелициан Христианович Шуберт (1820 г.р.). В ходе врачебной деятельности он неоднократно направлял своему начальству рапорты о злоупотреблениях местных должностых лиц, казаков, купцов, вследствие чего, как и его предшественник Козловский, нажил себе врагов. В попытке избавиться от Шуберта 27 июля 1869 г. мещанское общество направило в Якутск прошение, чтобы «взамен теперешнего лекаря был прислан другой опытный лекарь, или лекарский ученик, так как лекарь отказывается подавать помощь бедным» [21. Л. 7]. Тем не менее, несмотря на этот конфликт, Шуберт проработал на Колыме до 1873 г., но данных о проведенной им работе не сохранилось. Возможно, в какой-то степени этот факт объясняется тем, что исправник зачастую не принимал пакеты с отчетами врача, предполагая что Шуберт пытается передать очередную жалобу своему начальству [17. С. 135].

В апреле 1875 г. в Среднеколымске побывал врач, ботаник и этнограф Фома Матвеевич Августинович (1809–1891), основной целью которого было изучение распространенности и лечение сифилиса среди инородческого населения Восточной Сибири. Однако в его путевых заметках нет сведений о проделанной работе на территории Якутии, хотя путешественник успел побывать даже в Вилюйске [22. С. 641–733]. В целом информации о положении лепробольных в 1870–1880-х гг. на Колыме немного. В рапорте ревизора Трифонова от 1873 г. есть следующие строки: «Прокаженные живут в отдельных юртах. Раз в месяц привозят им пищу, заготовляют дрова, воду или лед и все это оставляют на улице <…> пока больной имеет силы, выходит из юрты и пользуется тем, что найдет, а затем по изнеможении, или умирает, или сгорает вместе с юртою» [16. С. 176]. Страдания больных лепрой также очень живо описаны в произведениях революционера и писателя Адольфа Готлибовича Клюге (1865–1942), отбывавшего ссылку в Колымском округе в 1887–1893 гг. Например, это рассказы «На озере прокаженных», «Александр, возчик прокаженных», «Уголок отверженных». А в «Очерках колымской жизни» автор затрагивает и проблемы медиков: «Среди них попадаются иногда люди добросовестные, но при трудных условиях жизни они деморализуются, утомляются непосильною работой и потому ведут дело спустя рукава <…>. Сколько прокаженных в Колымском округе – мне не удалось узнать точно, так как все компетентные лица, к которым я обращался, – улусный писарь, фельдшер, якутские старосты называли неодинаковые цифры» [23. С. 2].

Между тем количество прокаженнных в округе увеличивалось. Так, если в первой половине XIX в. ежегодно насчитывали не более 10–12 больных, то в 1895 г. их количество составило 26 чел., в 1896 г. – 38, в 1897 г. – 41, в 1898 г. – 39, в 1899 г. – 33, в 1900 г. – 31, в 1901 г. – 30 чел., в 1902 г. – 29 чел. [13. № 286. С. 2]. Согласно переписи населения Якутской области за 1897 г., численность якутов в Колымском округе была 3 413 чел. Таким образом, получается, что в этот период прокаженные составляли 1,2% от всего якутского населения. При этом надо учесть, что летальность среди прокаженных была крайне высокой. Так, в 1900 г. из 35 человек умерло 14, но общее количество больных осталось почти неизменным за счет новых заболевших [24. Л. 95–98]. При этом очевидно, что смерть нередко наступала не только от последствий проказы, но и таких причин, как несчастные случаи, самоубийства, физическое истощение и т.д.

Спустя более полувека после первого упоминания лепры в Колымском округе появились сведения о прокаженных и в другом уголке Якутии – в Вилюйском округе. Согласно врачу А.И. Уклонскому, на Вилюе «проказа сделалась известною местному начальству с 1820 года; число больных простиралось тогда до многих десятков...» [25. С. 103]. Поэтому в этих краях, как и на Колыме, долгое время поднимали вопрос о необходимости открытия лепрозория. Это долгожданное событие произошло 5 декабря 1892 г. [26. С. 82]. В середине 1890-х гг. аналогичный выселок для прокаженных хотели открыть и на Колыме. Для этой цели обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев выслал епископу Якутскому и Вилюйскому Мелетию 3 000 руб., которые 26 мая 1895 г. были переданы губернатором Якутии колымскому исправнику Владимиру Викторовичу Гуляеву. Но вскоре после возвращения последнего в Среднеколымск за ним приехал нарочный с распоряжением не организовывать лепрозорий, а выделенные средства вернуть, так как «Главный Начальник Края [предложение от 11 апреля 1895 г. за № 3463] считал преждевременным приступить к каким бы то ни было строительным работам, впредь до получения подробной сметы на постройку приюта» [27. Л. 48].

Спустя какое-то время колымчане снова ходатайствовали о необходимости постройки выселка. Но 18 ноября 1898 г. на заседании Якутского областного управления медицинский инспектор Виталий Антонович Вонгродский предложил всех колымских прокаженных перевести в Вилюйский лепрозорий, так как «устройство выселка в Колымском округе сопряжено с большими затратами». В декабре того же года идею инспектора передали на рассмотрение исправникам северных округов. 23 марта 1899 г. те ответили, что больных можно перевозить только зимой. При этом было предложено два возможных маршрута: 1-й по так называемому купеческому тракту (протяженность 3 тыс. верст) через Якутск на лошадях по относительно заселенной местности, где можно достать провизию и фураж; 2-й – значительно протяженнее,

на оленях, через Индигирку, Булун, Жиганск по безлюдной тундре. Но даже в первом случае время для прохождения пути составило бы не менее 4,5 месяца. Далее исправники ссылались на мнение нового окружного врача Колымского округа С.И. Мицкевича, который по ряду причин был против перевозки больных, основные из которых: 1) значительные затраты на перевозку; 2) невозможность найти прислугу для сопровождения прокаженных, так как из-за страха инфицирования никто на это не согласится; 3) больные сами не захотят покидать родину; 4) новые случаи лепры на Колыме неизбежны, т.е. подобную перевозку все равно придется проводить повторно. Согласившись с доводами Мицкевича, Вонгродский 25 июля 1898 г. сообщил губенатору о необходимости устройства в Колымском округе отдельного лепрозория на 30 человек аналогично Вилюйскому. Вся эта информация с подробными экономическими расчетами была изложена в протоколе заседания Якутского областного управления от 9 августа 1900 г. [27. Л. 1–10]. Но из-за отсутствия средств строительство выселка снова отложили.

Важно отметить, что, в отличие от большинства своих предшественников, вышеупомянутый Сергей Иванович Мицкевич (1869–1844) быстро освоился на новом месте, вник в проблемы местного населения, находил время, чтобы донести их до общественности. Так, в январе 1900 г. в газете «Восточное обозрение» он опубликовал заметку, где не только раскритиковал идею переселения колымских прокаженных, но и осветил вопрос нехватки в округе лекарств: «Были целые годы, за которые вовсе не доставлялось сюда медикаментов, например, в 1897 г., за 1898 г. пришла только часть их, а часть затерялась неизвестно где. Больные ждали лекарств и остались без лечения» [28. С. 3]. В феврале 1900 г. врач отправил в редакцию газеты «Русские ведомости» статью «Прокаженные на Крайнем Северо-Востоке Сибири», где на конкретных примерах описал быт больных, особенности их взаимоотношений с основным населением, а в конце выразил надежду, что среди читателей, возможно, найдутся люди, которые не останутся равнодушными к страданиям колымских прокаженных [29. С. 18]. Публикация не осталась без внимания – 15 марта 1901 г. Мицкевич предоставил медицинскому инспектору рапорт, в котором докладывал, что общая сумма поступивших пожертвований составила 1 716 руб., из которых он на 661 руб. приобрел одежду и продовольствие для прокаженных. Также сообщалось, что на 165 руб. в Верхнеколымске куплено 5 лошадей в качестве продовольствия для голодающих юкагиров и что данные средства отданы в виде ссуды на 10 лет. Из этого же письма узнаем, что ранее мединспектор предлагал Мицкевичу построить на пожертвования юрты для выселка, на что последний ответил, что «улусу тогда очень трудно будет содержать прокаженных, ибо теперь они рассеяны по всему округу и пища для них доставляется натурой каждым наслегом, доставлять же пищу в город за несколько верст будет крайне обременительным для якутов» [30. Л. 35–38]. По воспоминаниям Мицкевича, итоговая сумма пожертвований после публикации статьи составила около 3 000 руб., которые «позволили ему несколько улучшить положение прокаженных» [31. С. 112–113]. В это же время он значительно продвинул вопрос о строительстве нового здания для среднеколымской больницы, открыл фельдшерские пункты с приемными покоями на пять кроватей в Нижнеколымске и Верхнеколымске.

16 мая 1902 г. колымский протоиерей Василий Бережнов отправил епископу Якутскому и Вилюйскому Никанору рапорт, в котором сообщил, что работает на Колыме 7-й год и, по его наблюдениям, среднегодовое количество прокаженных в округе не превышает 40–45 человек. Исходя из этого, он выслал на рассмотрение план выселка, рассчитанный на 40–50 человек. Протоиерей был убежден, что для размещения больных необходимо построить 10 якутских юрт. Отказ от строительства одного общего помещения Бережнов аргументировал следующим образом: 1) «зловоние, исходящее от разлагающихся тел прокаженных настолько сильно, что дезинфекция и вентиляторы при многочисленности больных мало помогут»; 2) больным самим придется выполнять все хозяйственные работы, из-за чего при совместном проживании большого количества людей неизбежны ссоры; 3) необходимо раздельное проживание мужчин и женщин; 4) многие не признают себя больными, потому всячески избегают находиться в одном помещении с теми, у кого признаки болезни очевидны. Подытоживая письмо, Бережнов указал, что для реализации представленного им плана необходимо 3 500 руб. [27. Л. 31–32]. В том же году Святейший Синод удовлетворил эту просьбу, а губернатор Якутии В.Н. Скрипицын 12 августа 1902 г. призвал колымского исправника Александра Алексеевича Николаева «оказать должное содействие начинаниям Духовного Ведомства» [27. Л. 14–15].

Мицкевич как никто другой ратовал за улучшение жизни прокаженных, и 7 августа 1902 г. он написал исправнику свое видение по устройству приюта, а именно о целесообразности постройки рубленых русских изб с земляной крышей, так как, в отличие от якутских юрт, они более прочны, не требуют ежегодного ремонта, в них легче поддерживать чистоту. При этом говорилось, что, с учетом того, что больных в округе около 30 человек, необходимо построить пять 6-местных домов и еще один запасной [27. Л. 25–28]. 16 августа Мицкевич отправил аналогичное письмо якутскому медицинскому испектору и попросил, чтобы устройство колонии не отдавали в чье-то единоличное заведывание, а предоставили комиссии с непременным участием врача. С мнением Мицкевича был согласен и советник Якутского областного правления Александр Андреевич Ващенко (с 1906 г. вице-губернатор Якутии): «...юрты, при обилии дождей в Колымском округе, всегда и у всех, даже у зажиточных городских жителей, протекают <…> Такая же участь ожидает и будущие юрты в приюте, и в довершении к этому, необходимость каждый год пред началом зимы производить замазку или дополнять засыпку – труд совершенно излишний для русских с

крышами домов и нелегкий для прокаженных <…> если гражданская власть не будет равнодушна, юрточная система на 4 человека будет выбракована» [27. Л. 40, 43]. Но, несмотря на аргументированность этих заявлений, протоиерей Бережнов не согласился что-либо менять в проекте выселка и отказался от создания упомянутой комиссии.

18 января 1903 г. исправник провел очередной сход родоначальников, где «инородцы выразили полное согласие о принятии на себя постройки приюта». 20 января они заключили контракт с Бережновым, согласно которому улус из собственного стройматериала обязался до 10 октября 1904 г. построить 12 юрт, 3 амбара с 2 погребами, а также часовню, материал для которой предоставит священник. Стоимость работ оценили в 2 200 руб. В марте 1903 г. начались подготовительные работы [27. Л. 18–19].

Первоначально, т.е. в 1895 г., выселок планировали разместить в 20 км к западу от Среднеколымска «при двух озерах, разделенных между собой небольшим хребтом» [27. Л. 32]. Но летом 1902 г. Мицкевич предложил другое место – в 5–6 км юго-западнее Среднеколымска, в окрестностях озера Турпаново, т.е. недалеко от реки, по которой удобно доставлять стройматериалы [27. Л. 25]. Но горожане выступили против этого решения, поэтому 10 ноября 1902 г. окончательное место для лепрозория было выбрано за рекой, «на восточном берегу озера Максимово» [27. Л. 53]. В документах 1920-х гг. это озеро иногда именовалось как Ванькино, а в настоящее время водоем на Яндекс-Картах отмечен как Озеро Ивана.

Сергей Иванович Мицкевич, по праву заслуживший уважение всего местного населения, уехал из Колымы в апреле 1903 г., так и не дождавшись окончания строительства лепрозория и больницы. Последняя была достроена в 1904 г. при новом окружном враче Евгении Петровиче Попове, который вскоре также покинул Колыму. Основные работы по устройству лепрозория завершились в 1905 г. – на огороженной территории площадью около 50 м^2 разместили церковь с отдельным двориком и 10 юрт для больных.

Из-за отсутствия врача медицинская помощь жителям выселка в первое время почти не оказывалась. Лишь изредка, несмотря на занятость на основной работе и недовольство населения из-за страха заразиться проказой от медиков, лепрозорий посещали фельдшеры Николай Платонович Зенников и Константин Федорович Верховодов, начавшие свою деятельность еще при Мицкевиче. Вопросы по доставке питания и дров в выселок возложили на местных жителей Тимофея Слепцова и Гавриила Третьякова, выполнявших также роль сторожей [32. Л. 45]. Учитывая сложившуюся ситуацию, 21 марта 1906 г. Госсовет Российской империи учредил при выселке должность фельдшера, а заведование учреждением поручили участковому врачу с дополнительной оплатой труда и «считая для него каждый год заведывания за три года». Также в документе требовалось организовать при выселке хозяйственный комитет, «состоящий из местных обывателей» [33. С. 273–274]. 29 января 1907 г. данный комитет был организован, в состав него вошли исправник А.А. Николаев, священник В.С. Никифоров, улусный голова С.Т. Гуляев и временно исполняющий обязанности врача фельдшер К.Ф. Верховодов [32. Л. 27–30]. Ими была проведена ревизия выселка, итоги которой опубликовали в газете «Якутский край»: «Юрты построены из рук вон плохо, бестолково и уже теперь начали разваливаться; камины деревянные – дымят и загораются <…> Для сторожей еще не построены дома; дома же для священника и фельдшера построены в ¼ версты от поселка и тоже разваливаются, а погреба залиты водой. Сносно устроена одна лишь церковь...» [34. С. 3]. Автор заметки небезосновательно винил в этом бывшего священника Бережнова, получившего дополнительную оплату в размере 2 000 руб. за работу в качестве «архитектора», что подтверждается итоговой суммой затрат на постройку лепрозория, равной 5 500 руб. [32. Л. 7].

В 1908–1909 гг. колымским окружным врачом работал лекарь Ричард Антонович Вейспал, в 1911 г. – лекарь Владимир Карлович Рено, в 1913–1916 гг. – статский советский Мухамеджан Карабаевич Карабаев. Видя плачевное состояние выселка, все они ходатайствовали о строительстве новых домов для больных, так как 8 из 10 юрт были признаны непригодными для жилья и вскоре были использованы на дрова. Наконец, в 1916 г. из сумм Вилюйского выселка губернатор выделил 2 500 рублей на постройку 2 юрт, однако новый окружной врач Николай Григорьевич Юдин посчитал целесообразным их израсходовать на ремонт Среднеколымской больницы [35. С. 492].

Из-за постоянной нехватки ассигнований и мест количество больных в выселке редко превышало 20 человек. В основном это были местные жители. Но время от времени привозили больных из Верхоянского округа. Например, в июле 1912 г. доставлено 3 прокаженных из Эльгетского улуса (ныне территория Абыйского, Момского и частично Аллаиховского улусов), после чего колымский исправник обратился к губернатору с просьбой впредь направлять верхоянских лепробольных в Вилюйский лепрозорий, так как средств «еле хватает на содержание прокаженных своего округа» [32. Л. 243]. Видимо, чтобы в будущем пресечь подобные заявления, губернатор в том же году издал указ, обязывающий колымский выселок принимать прокаженных из Верхоянского округа [35. С. 417].

В сентябре 1913 г. в газете «Сибирь» вышла заметка, где немало теплых слов было сказано о сестре милосердия колымского лепрозория Феоктисте Никандровне Слепченко, работавшей до прибытия в Среднеколымск (1908 г.) в Вилюйском лепрозории: «…сколько надо иметь физических и духовных сил, чтобы перевязывать полуживых людей, покрытых ужасными ранами, один вид которых приводит человека в содрогание» [36. С. 4]. Но местную администрацию упрекали, что у сестры и фельдшера Николая Николаевича Готлибова, ухаживающих за двумя десятками больных, до сих пор нет своего дома на территории выселка. Узнав об этом, 10 октября 1913 г. губернатор велел колымскому исправнику предоста-

вить отчет о состоянии дел в выселке, в том числе касаемо жилищного вопроса для медперсонала [37. Л. 10]. Оказалось, хозяйственный комитет выселка потратил выделенные в декабре 1912 г. 500 руб. для постройки дома на первоочередные нужды, так как в это время отмечались «чрезмерное вздорожание мяса и увеличения числа больных», вызвавшие перерасход ассигнований [37. Л. 3–4]. В первое время Слепченко пыталась арендовать жилье в городе, но как только люди узнавали, где она работает, встречала отказ, из-за чего пришлось поселиться с лепробольными. Такое отношение колымчан не могло не расстраивать, как и кажущаяся бесполезность ее работы. «Ухаживаешь, ухаживаешь за прокаженными, чуть душу не сложишь, а безрезультатно... думаешь, он выздоровеет, а он умирает, и ничего не поделаешь», – сообщала она в письмах, опубликованных в 1909 г. в журнале «Вестник Красного Креста» [38. С. 89]. В 1915 г. Феоктиста Никандровна покинула Среднеколымск, а в 1916 г. в журнале «Огонек» было опубликовано ее интервью о работе в лепрозориях Якутии, а также несколько фотографий, в том числе снимки Колымского выселка [39. С. 16]. Позднее воспоминания Ф.Н. Слепченко были напечатаны также в журнале «Отчественные архивы» [40. С. 58–72].

Очевидно, что во время Гражданской войны проблемы прокаженных мало кого интересовали. Тем не менее в 1919 г. благодаря многочисленным ходатайствам фельдшера Николая Васильевича Пинегина на лепрозорий снова обратили внимание. Из-за заболоченности местности, выселок хотели перенести на остров Ярмонский, что в 8 км ниже Среднеколымска, а затем в Эльгетский улус Верхоянского округа, однако эта идея постепенно затухла. Наряду с этими обсуждениями проводился сбор пожертвований и к 15 марта 1920 г. собрали «колчаковскими кредитками» 21 914 руб., но эти деньги вскоре изъяли из употребления [35. С. 493]. Тогда фельдшер обратился к знаменитому оймяконскому купцу-меценату Николаю Осиповичу Кривошапкину. Последний не отказал просьбе и выделил на нужды прокаженных 10 000 руб. В январе 1921 г. Пинегин писал, что колымский врач Алексей Алексеевич Антипин (1891–1952) отправился в связи этим в Якутск, и «вот теперь с нетерпением ожидается весть о результатах такого ходатайства» [41. Л. 3]. Но увидеть новый выселок для прокаженных Пинегину не удалось – 22 апреля 1922 г. он был расстрелян белогвардейцами из отряда полковника Валериана Бочкарева. Маловероятно и то, что в это смутное время средства, выделенные Кривошапкиным, были использованы по назначению. По крайней мере, как отмечал в 1924 г. новый окружной врач, выпускник Воронежского университета (1923 г.) Иван Федорович Сергеев (1888 г. р.), каждая из двух юрт размером 4,2×4,2 м вмещала только нары для 4 больных, поэтому многим приходилось спать на полу. Как правило, из-за этого нередко случались раздоры, для разрешения которых самой действенной мерой являлась угроза высылки конфликтующих в Вилюйскую колонию [35. С. 495]. 28 ноября 1924 г. Сергеев выступил на Колымском окружном съезде советов и предложил на первое время перестроить выселковую часовню под дом для больных [42. Л. 2]. Но предложение не приняли. Как объяснял позже сам Сергеев, для лепробольных это здание играло особую роль – «в праздничный день они любили звонить в колокол, в дни смерти кого-либо из товарищей по выселку, они звонят “по душе”» [35. С. 496].

Сергеев уехал из Колымы в 1926 г., а значительная часть собранных им материалов впоследствии вошла в отчет Якутского отдела здравоохранения за 1928 г., который предоставили руководству республики: «…уход за прокаженными врача и лекпома (в последние годы одного только лекпома) в связи со скученностью больных, отсутствием бани сводится на нет <…> Ни труд, ни культурные развлечения больным неизвестны, только в летнее время мужчины выходят на рыбный промысел для личных потребностей в отведенном озере Ванькино...» [43. Л. 29–30]. Отмечалось, что в выселке царит антисанитария, терапия противолепрозными средствами отсутствует, 16 пациентов предоставлены сами себе.

Вскоре заведующим лепрозорием назначили врача Епидиана Петровича Михеева, при котором в 1931–1932 гг. для больных, а также для медперсонала построили дома. С августа 1935 г. Михеева заменил врач Александр Алексеевич Мухин (1891–1945), который не только не лечил больных, но и проводил научно-исследовательскую работу [44. Л. 5–16]. Однако, опубликовать свои труды ему не удалось, так как вскоре после начала войны врач ушел на фронт, а 30 апреля 1945 г. он погиб [45. С. 8].

На 1 января 1939 г. в учреждении содержалось 12 человек, штат сотрудников состоял из 9 человек, в том числе 5 медиков, 3 сторожей и 1 бухгалтера, на которого также была возложена обязанность «ликвидатора безграмотности» среди прокаженных. В 1950 г. больных числилось 9 человек. 5 марта 1955 г. по распоряжению Минздрава ЯАССР лепрозорий закрыли, а пациентов перевезли санавиацией в Вилюйск [45. С. 38–40].

Таким образом, учитывая географическое расположение Колымы и отсутствие каких-либо сведений о наличии проказы в других местах Сибири до XVIII в., вполне вероятно, что на Северо-Восток Якутии эта опасная инфекция попала не из европейской части России, а была завезена из Восточной Азии, например, из Китая. В настоящее время известно, что в XVII в. представители некоторых эвенских родов достаточно активно вели торговлю с «китайскими людьми», которые прибывали к кочевникам к устью Амура на судах [46. С. 259]. Другим косвенным подтверждением наличия контактов местного населения с китайцами служит предание колымских якутов о глухаре, родившемся «в Китайской земле, в южной стороне, при Желтой реке» [47. С. 49–51]. О начале распространения проказы из Колымского округа по территории Якутии может свидетельствовать одно из якутских названий лепры, которое дословно переводится как северная эпидемия (хотугу өлүү). Предполагаем, что в будущем некоторую ясность в хронологии появления и распространения проказы на Северо-

Востоке России могут внести новые палеоантропологические находки.

Из-за отдаленности и малонаселенности Колымского округа, а также нехватки врачей и отсутствия у последних до середины XIX в. единого мнения о реальном диагнозе больных первые несколько попыток организовать лепрозорий на Северо-Востоке Якутии оказались безуспешными. Местные власти изгоняли заболевших из общества, и те проводили остатки своей жизни без должного ухода, лечения и нередко в полном одиночестве. Роль медработников в этот период была минимальна, при этом рассредоточенное проживание больных создавало для всех дополнительные сложности. Однако, несмотря на многочисленные сложности, они прибывали в Якутии со всех концов страны и старались делать все возможное, чтобы подарить надежду людям, от которых отвернулось не только общество, но и близкие родственники. Относительно облегчить труд медиков и участь больных удалось в 1905 г., когда на средства Русской епархии недалеко от Среднеколымска открыли лепрозорий. Безусловно, в этом деле есть и огромная заслуга врача С.И. Мицкевича, благодаря которому о проблемах колымских прокаженных узнали далеко за пределами Якутии. Но, к сожалению, качество строительства по вине основного исполнителя работ было низким, и вскоре многие постройки пришли в негодность. В дальнейшем из-за военно-политических потрясений в стране проблемы лепробольных отодвинулись на второй план. Положительные сдвиги начали наблюдаться лишь в 1930-х гг. после публикации отчета Якутского отдела здравоохранения. Руководство ЯАССР вновь обратило внимание на Колымский выселок – были выделены средства для улучшения материальной базы лепрозория, условий содержания больных и увеличения штата сотрудников.

Список источников

1. Петухов И.М. Медико-исторический обзор Колымскаго округа // Памятная книжка Якутской области на 1867 год. 2-е изд. СПб. : Тип. В. Безобразова и Комп., 1869. С. 5–61.
2. Русский биографический словарь / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. СПб. : Имп. Рус. ист. о-во, 1896–1913. Т. 16 : Рейтерн-Рольцберг. 1913. С. 269–270.
3. Путешествие флота капитана Сарычева по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжении восьми лет при географической и астрономической Морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год : в 2 ч. СПб. : Типография Шнора, 1802.
4. Минх Г.Н. История проказы и песи. Вып. 1 (Гл. 1, Гл. 2–10. Греческие ученые до 1-го стол. до Р.Х. Еврейская Библия). [Киев] : Тип. Ун-та св. Владимира, Киевск. отд-ние т-ва печ. дела и торг. И.Н. Кушнерев и К° в Москве, 1890. 154 с.
5. Геденштром М.М. Отрывки о Сибири. СПб. : Типография мед. департамента Мин-ва внутр. дел, 1830. 166 с.
6. Вагин В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. СПб., 1872. Т. 1. 805 с.
7. Сибирь в XIX столетии / сост. В.К. Андриевич. СПб. : Типография и литография В.В. Комарова, 1889. Ч. 2: Период с 1806 по 1819 г. 1889. XIV. 425 с.
8. Палкин Б.Н. Доктор Реслейн // Волга. 1982. 17 сент. (№ 214). С. 4.
9. Сельский И.С. Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц (1645–1762) // Русское слово. Август. 1861. С. 1–35.
10. Богораз В.Г. Чукчи / авториз. пер. с англ. Л. : Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. Ч. 1. 1934. 191 с. (Материалы по этнографии. Т. 5).
11. Кибер А.Ф. Извлечение из дневных записок, содержащих в себе сведения и наблюдения, собранные в болотных пустынях северо-восточной Сибири : пер. с фр. // Сибирский вестник. 1824. Ч. 1. С. 1–10, 11–37, 38–58.
12. Чепалов В.Н. История борьбы с проказой в Колымском округе Якутской области. Томск : Губернская типография, 1914. 13 с.
13. Мицкевич С.И. Еще о проказе в Колымском округе // Восточное обозрение. 1902. № 281. С. 2; № 286. С. 2–3.
14. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 16-и. Оп. 1. Д. 872.
15. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 539.
16. Мицкевич С.И. «Спасибо, большой тойон!»: сборник воспоминаний, статей, писем и документов / сост. И.Е. Федосеев; ред. А.Н. Жирков; авт. предисл. У.А. Винокурова. Якутск : [Б. и.], 1999. 358 с.
17. Летопись Среднеколымска: Хроника. Факты. События / [сост. М.И. Никитин]. Среднеколымск : Медиа-холдинг Якутия, 2016. Т. 1: 1643–1923 гг. 2016. 252 с.
18. Голос из Колымского края // Епархиальные ведомости. 1897. № 17 (1 сентября). С. 270–272.
19. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 16-и. Оп. 1. Д. 1342.
20. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 306-и. Оп. 1. Д. 119.
21. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 55-и. Оп. 1. Д. 256.
22. Августинович Ф.М. Три года в Северо-Восточной Сибири за полярным кругом // Древняя и новая Россия. 1880. Т. XVIII, № 12. С. 641–733.
23. Клюге А.Г. Очерки Колымской жизни // Сибирский вестник. 1895. № 41 (12 апреля). С. 2–3; № 42 (14 апреля). С. 2–3; № 47 (26 апреля). С. 2.
24. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 12-и. Оп. 16. Д. 88.
25. Уклонский А. Краткие медико-топографические и частью статистические замечания о Вилюйском округе Якутской области // Журнал Министерства внутренних дел. 1841. № 3. С. 80–106.
26. Памятная книжка Якутской области на 1902 год. Якутск : Типография обл. правления, 1902. 95 с.
27. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 23555.
28. Колымск, 14 октября // Восточное обозрение. 1900. № 14 (20 января). С. 3.
29. Мицкевич С.И. Прокаженные на Крайнем Северо-Востоке Сибири // Русские ведомости. 1900. 1 июня (№ 151). С. 18.
30. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 12-и. Оп. 1. Д. 23559.
31. Мицкевич С.И. Записки врача-общественника (1888–1918). 2-е изд., доп. и испр. М. : Медицина, 1969. 238 с.
32. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 4166.
33. Высочайше утвержденное 21-го марта мнение Государственного совета // Епархиальные ведомости. 1906. № 19 (1 октября). С. 273–274.
34. Г. Колымск // Якутский край. 1907. № 4 (12 июля). С. 3.
35. Сергеев И.Ф. Проказа в Колымском округе // Русский журнал тропической медицины. 1929. № 6. С. 412–424; № 7. С. 490–506; № 8. С. 566–570.
36. Средне-Колымск // Сибирь. 1913. № 199 (8 сентября). С. 4.

37. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 17-и. Оп. 1. Д. 3088.
38. Махаев С.К. Подвижницы милосердия: Рус. сестры милосердия: (Краткие биогр. очерки). М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1914. 144 с.
39. Восемь лет среди прокаженных сибирских колоний [фото Ф.Н. Слепченко] // Огонек. 1916. № 20. С. 16.
40. Из воспоминаний сестры милосердия Ф.Н. Слепченко // 1905–1923. Государственный архив Российской Федерации. Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 58–72.
41. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 60. Оп. 5. Д. 1-а
42. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 458. Оп. 1. Д. 27.
43. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. Р-52. Оп. 4. Д. 90.
44. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. Р-58. Оп. 40. Д. 500.
45. Бандеров Н.С. Доктор Мухин и проказа. Вилюйск: [Б. и.], 2005. Кн. 1. 46 с.
46. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842. Дополнения, т. 2: Доп. к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 2. СПб., 1846. С. 259.
47. Степанов. Заметки о быте якутов Колымскаго округа // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1862. С. 44–54.

References

1. Petukhov, I.M. (1869) Mediko-istoricheskiy obzor Kolymskago okruga [Medico-historical review of Kolyma Okrug]. In: *Pamyatnaya knizhka Yakutskoy oblasti na 1867 god* [Memorial book of Yakutsk Oblast for 1867]. 2nd ed. Saint Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i Komp. pp. 5–61.
2. Polovtsov, A.A. (ed.) (1913) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian biographical dictionary]. Vol. 16. Saint Petersburg: Imp. Rus. ist. o-vo. pp. 269–270.
3. Anon. (1802) *Puteshestvie flota kapitana Sarycheva po Severo-Vostochnoy chasti Sibiri, Ledovitomu moryu i Vostochnomu okeanu, v prodolzhenii vos'mi let pri geograficheskoy i astronomicheskoy Morskoy ekspeditsii, byvshey pod nachal'stvom flota kapitana Billingsa s 1785 po 1793 god: v 2 ch.* [Voyage of the fleet of Captain Sarychev in the North-Eastern part of Siberia, the Arctic Sea and the Eastern Ocean, for eight years during the geographical and astronomical Naval Expedition, which was under the command of the fleet of Captain Billings from 1785 to 1793: in 2 parts]. Saint Petersburg: Tipografiya Shnora.
4. Minkh, G.N. (1890) *Istoriya prokazy i pesi* [The History of Leprosy and Vitiligo]. Vol. 1. [Kiev]: Tip. Un-ta sv. Vladimira, Kievsk. otd-nie t-va pech. dela i torg. I.N. Kushnerev i K° v Moskve.
5. Gedenshtrom, M.M. (1810) *Otryvki o Sibiri* [Fragments about Siberia]. Saint Petersburg: Tipografiya med. departamenta Min-va vnutr. del.
6. Vagin, V.I. (1872) *Istoricheskie svedeniya o deyatel'nosti grafa M.M. Speranskogo v Sibiri* [Historical information about the activities of Count M.M. Speransky in Siberia]. Vol. 1. Saint Petersburg.
7. Andrievich, V.K. (1889) *Sibir' v XIX stoletii* [Siberia in the 19th century]. Part 2. Saint Petersburg: Tipografiya i litografiya V.V. Komarova.
8. Palkin, B.N. (1982) Doktor Resleyn [Dr. Reslane]. *Volga*. 17 Sept. (214). p. 4.
9. Sel'skiy, I.S. (1861) Ssylka v Vostochnuyu Sibir' zamechatel'nykh lits (1645–1762) [Exile of Remarkable Persons to Eastern Siberia (1645–1762)]. *Russkoe slovo*. August. pp. 1–35.
10. Bogoraz, V.G. (1934) *Chukchi* [The Chukchi]. Translated from English. Part 1. Leningrad: Izd-vo In-ta narodov Severa TsIK SSSR.
11. Kiber, A.F. (1824) Izvlechenie iz dnevnykh zapisok, soderzhashchikh v sebe svedeniya i nablyudeniya, sobrannye v bolotnykh pustynyakh severo-vostochnoy Sibiri [Extract from daily notes containing information and observations collected in the marsh deserts of northeastern Siberia]. Translated from French. *Sibirskiy vestnik*. 1. pp. 1–10, 11–37, 38–58.
12. Chepalov, V.N. (1914) *Istoriya bor'by s prokazoy v Kolymskom okruge Yakutskoy oblasti* [The history of the fight against leprosy in Kolyma Okrug of Yakutsk Oblast]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
13. Mitskevich, S.I. (1902) Eshche o prokaze v Kolymskom okruge [More about leprosy in Kolyma Okrug]. *Vostochnoe obozrenie*. 281. p. 2; 286. pp. 2–3.
14. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 16-i. List 1. File 872.
15. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 12-i. List 1. File 539.
16. Mitskevich, S.I. (1999) *"Spasibo, bol'shoy toyon!": sbornik vospominaniy, statey, pisem i dokumentov* [Thank you, big toyon!": a collection of memoirs, articles, letters and documents]. Yakutsk: [s.n.].
17. Nikitin, M.I. (2016) *Letopis' Srednekolymska: Khronika. Fakty. Sobytiya* [Chronicle of Srednekolymsk: Chronicle. Data. Events]. Vol. 1. Srednekolymsk: Media-kholding Yakutiya.
18. *Eparkhial'nye vedomosti.* (1897) Golos iz Kolymskogo kraya [Voice from the Kolyma region]. 17 (1 September). pp. 270–272.
19. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 16-i. List 1. File 1342.
20. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 306-i. List 1. File 119.
21. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 55-i. List 1. File 256.
22. Avgustinovich, F.M. (1880) Tri goda v Severo-Vostochnoy Sibiri za polyarnym krugom [Three years in North-Eastern Siberia beyond the Arctic Circle]. *Drevnyaya i novaya Rossiya*. XVIII (12). pp. 641–733.
23. Klyuge, A.G. (1895) Ocherki Kolymskoy zhizni [Essays on Kolyma life]. *Sibirskiy vestnik.* 41 (12 April). pp. 2–3; 42 (14 April). pp. 2–3; 47 (26 April). p. 2.
24. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 12-i. List 16. File 88.
25. Uklonskiy, A. (1841) Kratkie mediko-topograficheskie i chast'yu statisticheskie zamechaniya o Vilyuyskom okruge Yakutskoy oblasti [A brief medical-topographical and partly statistical remarks on Vilyui District of Yakutsk Oblast]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del*. 3. pp. 80–106.
26. Anon. (1902) *Pamyatnaya knizhka Yakutskoy oblasti na 1902 god* [Memorial book of Yakutsk Oblast for 1902]. Yakutsk: Tipografiya obl. pravleniya.
27. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 12-i. List 1. File 23555.
28. *Vostochnoe obozrenie.* (1900) Kolymsk, 14 oktyabrya [Kolymsk, October 14]. 14 (20 January). p. 3.
29. Mitskevich, S.I. (1900) Prokazhennye na Kraynem Severo-Vostoke Sibiri [Lepers in the Far North-East of Siberia]. *Russkie vedomosti.* 1 June (151). p. 18.
30. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 12-i. List 1. File 23559.
31. Mitskevich, S.I. (1969) *Zapiski vracha-obshchestvennika (1888–1918)* [Notes of a public doctor (1888–1918)]. 2nd ed. Moscow: Meditsina, 1969. 238 s.
32. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 12-i. List 2. File 4166.
33. *Eparkhial'nye vedomosti.* (1906) Vysochayshe utverzhdennoe 21-go marta mnenie Gosudarstvennogo soveta [The opinion of the State Council, highly approved on March 21]. 19 (1 October). pp. 273–274.
34. G. (1907) Kolymsk. *Yakutskiy kray.* 4 (12 July). p. 3.
35. Sergeev, I.F. (1929) Prokaza v Kolymskom okruge [Leprosy in Kolyma Okrug]. *Russkiy zhurnal tropicheskoy meditsiny.* 6. pp. 412–424; 7. pp. 490–506; 8. pp. 566–570.
36. *Sibir'.* (1913) Sredne-Kolymsk. 199 (8 September). p. 4.

37. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 17-i. List 1. File 3088.
38. Makhaev, S.K. (1914) *Podvizhnitsy miloserdiya: Rus. sestry miloserdiya: (Kratkie biogr. Ocherki)* [Ascetics of Mercy: Russian sisters of mercy: (Short biographical essays)]. Moscow: Tip. G. Lissnera i D. Sobko.
39. *Ogonek*. (1916) Vosem' let sredi prokazhennykh sibirskikh koloniy [foto F.N. Slepchenko] [Eight years among lepers in Siberian colonies [photo by F.N. Slepchenko]]. 20. pp. 16.
40. State Archive of the Russian Federation. Domestic Archives. 1994. No. 6. pp. 58–72. *Iz vospominaniy sestry miloserdiya F.N. Slepchenko* [From the memoirs of the sister of mercy F.N. Slepchenko]. 1905–1923.
41. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 60. List 5. File 1-a
42. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 458. List 1. File 27.
43. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund P-52. List 4. File 90.
44. National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund R-58. List 40. File 500.
45. Banderov, N.S. (2005) *Doktor Mukhin i prokaza* [Dr. Mukhin and leprosy]. Book 1. Vilyuysk: [s.n.],
46. Anon. (1846) *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissiey* [Historical acts collected and published by the Archeographic Commission]. Vol. 2. Saint Petersburg: Tip. Ekspeditsii zagotovleniya gos. bumag.
47. Stepanov. (1862) Zametki o byte yakutov Kolymskago okruga [Notes on the life of the Yakuts of Kolyma Okrug]. In: *Arkhiv istoricheskikh i prakticheskikh svedeniy, otnosyashchikhsya do Rossii, izdavaemyy Nikolaem Kalachovym* [Archive of historical and practical information related to Russia, published by Nikolai Kalachov]. Saint Petersburg. pp. 44–54.

Информация об авторах:
Слепцов С.С. – канд. биол. наук, старший научный сотрудник лаборатории клинико-популяционных и медико-социальных исследований Якутского научного центра комплексных медицинских проблем (Якутск, Россия). E-mail: sachaja@yandex.ru
Слепцова С.С. – д-р мед. наук, зав. кафедрой инфекционных болезней, фтизиатрии и дерматовенерологии медицинского института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Якутск, Россия). E-mail: sssleptsova@yandex.ru
Андреев М.Н. – врач-невролог, аспирант Научного центра неврологии (Москва, Россия). E-mail: max_andreev@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
S.S. Sleptsov, Cand. Sci. (Biology), senior researcher, Yakut Science Centre of Complex Medical Problems (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: sachaja@yandex.ru
S.S. Sleptsova, Dr. Sci. (Medicine), head of the Department of Infectious Diseases, Phthisiology and Dermatovenereology, Medical Institute, North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: sssleptsova@yandex.ru
M.N. Andreev, neurologist, postgraduate student, Research Center of Neurology (Moscow, Russian Federation). E-mail: max_andreev@mail.ru

The authors declare no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 04.02.2022;
одобрена после рецензирования 18.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 04.02.2022;
approved after reviewing 18.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 169–180
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2022. 479. pp. 169–180

Научная статья
УДК 93/34+32.019.5
doi: 10.17223/15617793/479/18

Образ М.Н. Тухачевского в советской англоязычной прессе (по материалам изданий The Moscow News и The Moscow Daily News)

Ирина Владимировна Федотова[1]

[1] *Исторический архив Омской области, Омск, Россия, ivputintseva@mail.ru*

Аннотация. Рассматривается, как представлялся образ маршала М.Н. Тухачевского в прессе, предназначенной для англоязычной аудитории СССР и России. Источниковой базой послужили центральные издания СССР – ежедневник The Moscow Daily News и еженедельник The Moscow News. Автором проводится сравнение указанных изданий с периодикой, выходящей на русском языке. Выявляются отличия в показе информации о «красном маршале» для англоязычной и русскоязычной аудиторий, а также особенности конструирования его образа в различные исторические периоды, зависимые от идеолого-политической обстановки в стране.

Ключевые слова: The Moscow News, The Moscow Daily News, М.Н. Тухачевский, советская пресса, советская журналистика, российская журналистика, историческая имагология, исторический образ, советское общество

Для цитирования: Федотова И.В. Образ М.Н. Тухачевского в советской англоязычной прессе (по материалам изданий The Moscow News и The Moscow Daily News) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 169–180. doi: 10.17223/15617793/479/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/18

The image of Mikhail Tukhachevsky in the Soviet English-language periodicals (On the material of newspapers *The Moscow News* and *The Moscow Daily News*)

Irina V. Fedotova[1]

[1] *Historical Archive of Omsk Oblast, Omsk, Russian Federation, ivputintseva@mail.ru*

Abstract. The periodical press has always been a means of not only information, but also propaganda. Newspapers ideologically influenced the mass consciousness, which is very well traced in the example of the USSR. The Soviet press, without striving to show reality, presented idealized images of both the country and the most prominent politicians, military people, scientists, representatives of culture and art. Such images were created both for Soviet residents and for foreigners working there. Depending on changes in the political situation in the country, the construction of images in the Soviet press changed dramatically. With the collapse of the USSR, the ideological component of the press became less obvious, but did not leave it. There was a tendency to portray the Soviet past and its figures only in a negative light, creating many myths. Marshal Mikhail Tukhachevsky became one of the controversial figures. The aim of the research is to trace the dynamics of the information about this figure by referring to *The Moscow News* and *The Moscow Daily News*, the main Soviet publications aimed at English-speaking specialists, which were published from 1930 to 2014. The argument for the choice of the research topic was the contradictory situation in the modern Russian historiography, related to the assessments of Tukhachevsky's personality. In order to achieve the aim of the study, it was necessary to solve the following tasks: (1) to identify references to Tukhachevsky in the analyzed sources; (2) to distinguish the differences in the images of Tukhachevsky created and transmitted to the mass consciousness by the mentioned editions during the analyzed period; (3) by comparing these newspapers with the central editions of the USSR, to establish the differences in the presentation of information about Tukhachevsky for the Soviet audience and for foreigners. The anthropological approach, content analysis, problem-chronological, statistical and historical-comparative methods became the theoretical basis of the research. This methodological combination allowed concluding that there was no single representation of the "Red Marshal", but that there were four images of him, which corresponded with different historical periods of the sociopolitical life in the USSR and Russia. At the same time, information about Tukhachevsky intended for foreigners was not exclusive and represented a duplication of the Soviet Russian-language press. This publication may be of interest to specialists studying imagology, the politics of historical memory formation, the history of domestic journalism, Russian military history of the twentieth century, and Soviet repressive policies.

Keywords: *The Moscow News*, *The Moscow Daily News*, Mikhail Tukhachevsky, Soviet periodicals, Soviet journalism, Russian journalism, historical imagology, historical image, Soviet society

© Федотова И.В., 2022

For citation: Fedotova, I.V. (2022) The image of Mikhail Tukhachevsky in the Soviet English-language periodicals (On the material of newspapers *The Moscow News* and *The Moscow Daily News*). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 169–180. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/18

Периодическая печать – важнейший источник для изучения советской истории. При этом политическая ангажированность выступает характерной чертой журналистики. В этом плане интересна деятельность легенды советской прессы – издания *The Moscow News*, одного из самых политизированных за всю историю отечественной иноязычной периодики [1. С. 88–89]. В отечественной и зарубежной историографии работа данной газеты как феномена публицистики советского и постсоветского времени уже стала объектом внимания исследователей [1–5]. Англоязычная газета The Moscow News, созданная в 1930 г. американской социалисткой и журналисткой Анной Луизой Стронг (1885–1970), просуществовала в бумажной версии до февраля 2014 г. [1. С. 88–89]. Это обусловило хронологические рамки нашей работы. Издание предназначалась для иностранных специалистов, иммигрировавших в СССР после Великой депрессии. Затем оно стало «инструментом» создания позитивного имиджа СССР на Западе [2. С. 196]. Сначала The Moscow News выходила раз в 5 дней, затем стала еженедельником, позже – ежедневником. С приходом на пост главного редактора М.М. Бородина с 1 мая 1932 г. до 21 февраля 1938 г. еженедельник The Moscow News издавался параллельно с ежедневником The Moscow Daily News [1. С. 89–90].

В фокус внимания изданий регулярно попадали фигуры видных советских деятелей, в том числе и М.Н. Тухачевского. Его имя упоминалось на страницах газет The Moscow News и The Moscow Daily News за 1930–2014 гг. свыше 200 раз. Данной личности советскими англоязычными (как и русскоязычными) изданиями давались самые разные оценки, в зависимости от смены политической конъюнктуры. Цель исследования – изучить динамику образов М.Н. Тухачевского на основе контент-анализа материалов, увидевших свет в The Moscow News и The Moscow Daily News в 1930–2014 гг. Это позволит ответить на вопросы о том, как «красный маршал» представал перед иностранцами, имелись ли различия в официальной подаче информации о нем гражданам СССР и зарубежья, являлся ли его образ единым для всех исторических периодов или же это были разные образы, динамично сменяющие друг друга. Аргументом выбора темы исследования послужила непростая ситуация в современной российской историографии и исторической памяти, связанная с дискуссионными оценками личности М.Н. Тухачевского [6–10]. Кроме того, в массовом сознании в наши дни распространилось множество искаженных трактовок новейшей истории России, существенная часть которых связана с событиями и участниками Гражданской войны [11].

Рассмотрим официальную подачу информации о Тухачевском в последние годы его жизни, когда он был в зените славы, занимая высокие посты: с июня 1931 г. он являлся заместителем народного комиссара по военным и морским делам и председателя Революционного военного совета СССР (РВС СССР), с 1934 г. – заместителем, а с 1936 г. – первым заместителем наркома обороны СССР. Фигура Тухачевского привлекала внимание советской прессы: он был одним из «лиц» военной элиты Советского Союза в стране и за рубежом [12, 13], поэтому его имя в то время часто встречалось в печати. По нашим подсчетам, например, в газете «Известия», выпускаемой ЦИК СССР и ВЦИК Советов, он был упомянут 26 раз в 1933 г., 29 раз – в 1934 г., 67 – в 1935 г. и 72 – в 1936 г.

Естественно, что в газетах, вышедших при жизни Тухачевского, не могла быть показана вся его разнообразная военно-политическая деятельность. В прессу попадала лишь тщательно подобранная информация. Первое выявленное нами упоминание М.Н. Тухачевского в газете The Moscow News относится к июню 1931 г., когда он был назначен приказом РВС СССР заместителем народного комиссара по военным и морским делам, заместителем Председателя РВС СССР и начальником вооружений РККА [14. P. 3]. Приводилась его краткая биография. В 1933 г. он упоминался в интересном контексте помощи работам скрипичных мастеров [15. P. 4] (как известно, Михаил Николаевич сам изготовлял скрипки [16. С. 538–541]).

С 1934 г. имя Тухачевского на страницах The Moscow News и The Moscow Daily News стало встречаться намного чаще, прежде всего в новостях, связанных с реорганизацией военного ведомства. Во-первых, постановлением ЦИК СССР об упразднении РВС СССР и переименовании Народного комиссариата по военным и морским делам в Народный комиссариат обороны СССР от 20 июня 1934 г. народным комиссаром обороны СССР был утвержден К.Е. Ворошилов, а его заместителями – Я.Б. Гамарник и М.Н. Тухачевский [17. P. 1]. Во-вторых, постановлением СНК СССР «Об утверждении состава Военного совета при народном комиссаре обороны Союза ССР» от 22 ноября 1934 г. был определен состав членов этого нового органа, куда, естественно, был включен и Тухачевский [18. P. 1]. Также отмечалось выступление Тухачевского на XVII съезде ВКП(б) 4 февраля 1934 г. [19. P. 4], но не указывалось, о каких «болевых точках» советской военной промышленности он говорил – это была «ненужная» для иностранных специалистов информация.

Тухачевский, как и другие высшие советские военные деятели, упоминался в связи с присутствием на различных торжественных мероприятиях: приемах Нанкинской военной миссии 2 марта [20. P. 1], экипажа и пассажиров парохода «Челюскин» в Кремле 21 июня [21. P. 1], командующего флотом Польской республики контр-адмирала Унруга и его штаба 25 июля (что было связанно с временным советско-польским сближением) [22. P. 1]. Или же, наоборот, его имя появляется в связи с печальным поводом – участием в похоронах первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Кирова [23. P. 1].

В начале 1935 г. в центре внимания прессы оказалась речь М.Н. Тухачевского, произнесенная им 30 января, в один из дней работы VII Всесоюзного съезда Советов. Это был официальный отчет о достижениях в строительстве Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА). В газетах речь публиковалась под названиями «Красная Армия сильна, как никогда» или «Мощь Красной армии непреодолима» [24. С. 1; 25. С. 5] (позднее издана отдельной брошюрой [26]). Ее текст напечатали в The Moscow Daily News и в The Moscow News [27. P. 2; 28. P. 6–7]. В одном из номеров приводилась фотография выступающего М.Н. Тухачевского и сидящих в президиуме И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, М.И. Калинина, С.М. Будённого и др. [29. P. 1]. Публиковались и отклики на речь Тухачевского из иностранной прессы [30. P. 4]. Все материалы дублировали «Правду» и «Известия».

Другим важным событием года стало введение и присвоение персональных воинских званий, в том числе и высшего воинского звания Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилову, М.Н. Тухачевскому, А.И. Егорову, С.М. Будённому и В.К. Блюхеру 20 ноября 1935 г. [31. P. 1]. В одном из номеров The Moscow Daily News была помещена статья К.Б. Радека о первых советских маршалах [32. P. 2–3], опубликованная днем ранее в «Известиях» [33. С. 2]. Радек создал героико-романтический образ самого молодого из маршалов. Он вспомнил о дворянском происхождении Тухачевского, но подчеркнул, что оно не помешало ему осознать необходимость революции, так как Тухачевский еще в плену заинтересовался идеями большевиков, «видя в них ту звезду, которая указывает путь к возрождению России». Публицист показал Тухачевского «человеком железной воли», проявившейся в настойчивых попытках бежать из плена. «Тухачевский поднялся орлом в боях против Колчака, Деникина, чтобы вести позже Красную армию к величайшим победам в войне, навязанной нам Польшей». Подводя итог, Радек подчеркнул, что маршал Тухачевский 15 лет работал над тем, «чтобы в случае нового нападения на наше отечество Красная армия располагала всем, что необходимо для полной победы. Воля, величайший военный талант, тот размах военной мысли, без которого нет побед, поставили Тухачевского в первые ряды нашего высшего командного состава».

Завершение 84-дневного конного пробега «Ашхабад–Москва» также привлекло внимание страны. Его участников 22 августа 1935 г. встречал среди прочих официальных лиц и Тухачевский [34. P. 6]. М.Н. Тухачевский вместе с К.Е. Ворошиловым, Я.Б. Гамарником и Я.И. Алкснисом направили от имени РККА соболезнования ЦАГИ, Гражданскому воздушному флоту и родным погибших в крушении самолета АНТ-20 «Максим Горький» 18 мая 1935 г. [35. P. 4]. Имя Тухачевского находим и в числе присутствовавших на Киевских маневрах осенью 1935 г. [36. P. 1].

Примечательно, что анализируемые издания не упомянули и не опубликовали известную статью Тухачевского «Военные планы нынешней Германии» (конец марта 1935 г.) [37. С. 2; 38. С. 2], которая вызвала резонанс за рубежом.

В 1936 г. имя М.Н. Тухачевского особо часто появлялось в советской прессе. Издание The Moscow News не стало исключением. Первое событие, вызвавшее пристальный интерес, – его выступление с большим докладом об обороне страны на Второй сессии ЦИК СССР VII созыва 15 января 1936 г. [39. P. 1; 40. P. 2, 10]. Он предупреждал слушателей, что «Германия, подготовляя свои империалистические планы, проводит очень серьезную военную работу», отмечал развитие немецкой авиации, военно-морских сил, создание могущественных танковых сил. Тухачевский сделал вывод, что германская армия «будет постоянно готова к производству неожиданных вторжений. Ее мобилизационная готовность очень велика». Маршал упомянул и об опасности, исходящей от Японии, подчеркивая, что «развитие японской военной промышленности <…> неминуемо приведет японское государство к войне». Эта речь, как и выступление предыдущего года, была опубликована во всех центральных газетах [41–44].

Второе событие – участие в составе делегации СССР, отправленной на похороны короля Великобритании Георга V [45. P. 4; 46. P. 1], и последовавший затем визит во Францию (конец января – февраль 1936 г.). События этой поездки, встречи Тухачевского с политиками и военными деятелями обоих государств широко освещались в советской прессе, в том числе и в The Moscow News [47–49].

М.Н. Тухачевский и другие советские военачальники упоминались в статьях о смерти (25 августа 1936 г.) и похоронах С.С. Каменева, командарма 1-го ранга, в годы Гражданской войны занимавшего пост главкома вооружёнными силами РСФСР. М.Н. Тухачевский вошел в комиссию по похоронам под председательством И.С. Уншлихта [50. P. 1]. Фотография военачальников, выносящих гроб Каменева из зала ЦИК, появилась в The Moscow Daily News [51. P. 1]. Интересно, что урну с прахом С.С. Каменева в Кремлёвскую стену поместил именно Михаил Николаевич [52. С. 1]. Но в The Moscow News не поместили статью Тухачевского «Славный командарм» о С.С. Каменеве [53. С. 3].

Имя Тухачевского, как и в 1935 г., упоминалось в связи с осенними маневрами РККА: в Белорусском [54. P. 2–3] и в Московском военных округах. На маневрах Московского военного округа был выброшен крупный десант [55. P. 2] – любимое детище Тухачевского, созданию и становлению ВДВ он отдал немало сил и энергии [56. С. 8–9, 15–19, 22, 46].

Из других событий года, описанных для иностранцев, стоит выделить торжества в честь участников беспосадочного перелёта Москва – остров Удд (20–22 июля 1936) – экипажа «АНТ-25» в составе В.П. Чкалова, Г.Ф. Байдукова и А.В. Белякова в Москве [57. P. 1] и прием маршалами М.Н. Тухачевским и С.М. Будённым 11 октября 1936 г. участниц большого женского автопробега [58. P. 1].

Любопытно, что в одной из статей была опубликована высокая оценка Тухачевским фильма «Чапаев» и

игры актера Б.А. Бабочкина: «Чапаев предстает перед нами таким, каким он был в реальной жизни, таким, каким я видел его в Бугуруслане и Уфе» [59. P. 3].

В 1937 г. имя М.Н. Тухачевского упоминалось до ареста несколько раз, например, в отсылке к его прошлогодней речи, прозвучавшей в докладе Народного комиссара финансов СССР Г.Ф. Гринько на III Сессии ЦИК СССР 11 января. Доклад Гринько был посвящен формированию государственного бюджета СССР на 1937 год с учетом возрастающих затрат на РККА в связи с увеличением ее численности и технического оснащения [60. P. 2, 9].

18 февраля 1937 г. не стало Народного комиссара тяжелой промышленности СССР Г.К. Орджоникидзе. Григория Константиновича и Михаила Николаевича связывала дружба, возникшая на Кавказском фронте в 1920 г. [61. С. 140]. Именно кандидатуру Орджоникидзе Тухачевский предлагал на освободившуюся после смерти М.В. Фрунзе должность председателя РВС СССР и Наркомвоенмора в ноябре 1925 г. [13. С. 118]. Потом их служебные интересы соприкасались в вопросах перевооружения РККА. М.Н. Тухачевский не смог принять участие в похоронах Г.К. Орджоникидзе, но отправил для публикации в прессе воспоминания «Командарм тяжелой индустрии», отметив энтузиазм, волю, «широкий и ясный ум» Орджоникидзе [62. С. 2]. В The Moscow Daily News их опубликовали под не вполне корректным названием «Тухачевский рассказывает о Серго на фронте» [63. P. 2]. Здесь же напечатали некролог, подписанный К.Е. Ворошиловым, Я.Б. Гамарником, М.Н. Тухачевским и другими военачальниками [64. P. 2], заимствованный из центральной русскоязычной прессы [65. С. 2].

Последнее выявленное упоминание Тухачевского в газете The Moscow News до объявления его «врагом народа» – передовица праздничного номера к 19-летию РККА 24 февраля 1937 г. с крупными портретами пяти советских маршалов [66. P. 1]. В этом же номере поместили выдержки из выступлений на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов СССР (ноябрь – декабрь 1936 г.). В одном из докладов содержалась отсылка к фрагменту речи Тухачевского в январе 1935 г., там, где он сообщал о росте советской авиации [67. P. 6].

В исследуемых изданиях не публиковалась последняя прижизненная работа Тухачевского о временном Полевом уставе РККА 1936 г. [68. С. 3–4]. Также вниманием The Moscow News был обойден факт снятия М.Н. Тухачевского с поста 1-го заместителя наркома обороны и назначение его командующим войсками Приволжского военного округа 10 мая 1937 г. [69. С. 2]. Не упоминалось о более мелких событиях – например, о назначении Тухачевского главным судьей Стрелковой спартакиады народов СССР [70. С. 6] или о его присутствии на приёме в Кремле во время чествования участников декады грузинского искусства [71. С. 1].

Резкое изменение транслируемого «в массы» образа Тухачевского связано с трагическими обстоятельствами. По сфабрикованному обвинению в организации «военно-троцкистского заговора» М.Н. Тухачевского арестовали в г. Куйбышеве 22 мая 1937 г., 24 мая он был доставлен в Москву. С 25 мая начались регулярные допросы [12. С. 343–349]. 11 июня прошел процесс по «делу военных». К высшей мере наказания, кроме М.Н. Тухачевского, приговорили ряд видных представителей советской военной элиты: И.Э. Якира, И.П. Уборевича, А.И. Корка, Р.П. Эйдемана, В.К. Путну, В.М. Примакова и Б.М. Фельдмана.

Разоблачение «врагов народа» и закрытый, но «громкий» процесс не остались без внимания всех советских СМИ. В The Moscow News была напечатана статья «Арест 8 шпионов указывает на кризис буржуазного шпионажа, на усиление бдительности советских органов» [72. P. 2], отсылающая к известной публикации в «Правде» [73. С. 1]. Заголовки статей о «деле военных» подбирались кричащими и броскими. Передовица газеты от 12 июня, в день казни осужденных, называлась: «Разоблачение восьми предателей – разрушение важной линии в фашистской шпионской системе» [74. P. 1]. Был опубликован приказ народного комиссара обороны К.Е. Ворошилова № 96 от 12 июня 1937 г. с сообщением о предании суду М.Н. Тухачевского и его группы [75. P. 1], а также официальное сообщение «В прокуратуре СССР» с перечислением фамилий обвиняемых и составом Специального судебного присутствия Верховного суда СССР от 11 июня 1937 г. [76. P. 5]. Как и в русскоязычных советских газетах, писали о многочисленных митингах и собраниях, требующих смерти «фашистских шпионов» [77. P. 4; 78. P. 2]. Даже советские полярники на дрейфующей станции «Северный полюс-1» в те дни слушали радиосообщения о процессе и устроили на о. Рудольфа импровизированный митинг, обличая «преступления» осужденных [79. P. 3–4; 80. P. 3, 11]. К подобной кампании подключились и советские писатели [81. P. 3]. Печатались зарубежные положительные отклики на «дело Тухачевского», например, турецкого журналиста Ш. Эсмера в газете «Улус»: «Мы должны поздравить не только нашего соседа и друга Советский Союз, но и весь мир с избавлением от этого бедствия» [82. P. 4] (под «бедствием» подразумевалась «шпионская деятельность» казненных). Подчеркивались якобы выявленные «связи» осужденных с нацистами. Так, в одном из номеров была представлена карикатура «Нацистская пресса пытается скрыть потерю восьми шпионов в СССР (Тухачевский и Ко)», на которой изображался Рейхсминистр народного просвещения и пропаганды Германии Й. Геббельс, заметающий газетными листами следы «шпионов», ведущие из Гестапо [83. P. 4]. Тема мнимой связи осужденных с Гестапо муссировалась и в более поздних статьях [84. P. 3]. Этой же теме посвящалась публикация «Государственная прокуратура разоблачает шпионские методы» [85. P. 2]. Но конкретных методов, кроме как «методов двуличия и вероломства», которые «агенты, шпионы и диверсанты использовали для своей подлой преступной деятельности», названо не было.

«Разоблаченных шпионов» в РККА в 1937 г. вспоминали регулярно, зачастую – искусственно привязывая их имена к каким-либо происходящим в СССР

событиям. Например, в статье от редакции, написанной по поводу годовщины смерти А.М. Горького, говорилось: «В каждом росчерке его пера мы чувствуем презрение и ненависть к таким фашистским агентам, таким предателям своей страны, как шпионы из банды Тухачевского и компании» [86. P. 1] (как будто писатель, умерший за год до описываемых событий, присоединился к разоблачению «врагов народа»). В статье о перелете экипажа АНТ-25 через Северный полюс в США, прославляя героизм летчиков, автор патетично воскликнул: «Как могли троцкистско-бухаринские вредители, диверсанты, шпионы и агенты японской и немецкой спецслужб надеется получить поддержку со стороны масс, из которых происходят таких герои? Как могли предатели вроде Тухачевского и Ко раскрыть свои планы о разгроме Красной армии, разделе страны между врагами и восстановлении господства капиталистов и помещиков?» [87. P. 1].

Заместитель народного комиссара обороны по авиации Я.И. Алкснис, бывший активным участником суда над Тухачевским, в статье, посвященной Дню авиации, обличил «подлую шайку шпионов и изменников Родины – гамарников и тухачевских, якиров и уборевичей и остальных», которые «продались иностранной разведке и попытались ослабить обороноспособность нашей страны» [88. P. 3], не ведая, что вскоре сам будет арестован по аналогичным надуманным обвинениям.

Посмертные «обличения» военачальников продолжились в 1938 г. В них «отметились» и представители науки. Например, президент Академии наук СССР В.Л. Комаров в речи на Торжественном заседание Московского совета, посвященном 20-летию РККА и ВМФ, произнес торжественно-грозные слова: «В 1937 году мы одержали большую победу над фашистскими наемниками, шпионами и диверсантами, напавшими на нас с тыла, с заднего крыльца. Господа Тухачевские уничтожены народом...» [89. P. 2]. Схоже звучала речь К.Е. Ворошилова, назвавшего бывших подчиненных «бессердечными предателями и шпионами» [90. P. 3–6].

Упоминания о «военно-троцкистском заговоре» в РККА присутствовали и в показаниях подсудимых на «Процессе антисоветского “право-троцкистского блока”» в марте 1938 г. [91. P. 8], и в обвинительном акте Прокурора СССР А.Я. Вышинского, государственного обвинителя на процессе [92. P. 3–7].

В марте 1939 г. имя «разоблаченного врага народа» Тухачевского звучало в речах И.В. Сталина, В.М. Молотова и К.Е. Ворошилова на XVIII съезде ВКП(б). Эти выступления публиковали центральные газеты, в том числе The Moscow News [93–95]. Тухачевский и другие репрессированные военные и политические деятели именовались в них не иначе как шпионами (агентами иностранных разведок), убийцами, вредителями, извергами, бандой продажных рабов, вероломными предателями и т.д. С конца 1930-х гг. до времени «оттепели» наступило долгое молчание. А с февраля 1949 г. по январь 1956 г. газета The Moscow News не издавалась [2. С. 196].

Первое упоминание о М.Н. Тухачевском после его реабилитации, последовавшей 31 января 1957 г., выявлено нами в The Moscow News в стенограмме выступления Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева 27 октября 1961 г. на XXII съезде партии [96. P. 3–7]. С этого времени имя Тухачевского на страницах издания встречается довольно редко, в отличие от русскоязычной прессы, и в качестве упоминания среди имен других военных деятелей. Например, в 1962 г. М.Н. Тухачевский и другие полководцы РККА называются в разделе статьи «Контуры истории СССР», посвященном Гражданской войне [97. P. 12], и в воспоминаниях Героя Советского Союза П.А. Курочкина, ветерана Гражданской и Великой Отечественной войн [98. P. 10]. В одном из номеров 1965 г. критик Б. Медведев, анализируя документальный фильм «Страницы бессмертия», подчеркнул, что в ленте присутствуют кадры с участием знаменитых полководцев – М.Н. Тухачевского, И.Э. Якира и И.П. Уборевича [99. P. 13]. Так же «в совокупности» говорилось о военных и политических деятелях, создававших РККА, в торжественной речи министра обороны СССР Д.Ф. Устинова к 60-летию Октябрьской революции [100. P. 2–11] и в статье Маршала Советского Союза В.И. Чуйкова (М.Н. Тухачевский был назван вместе С.С. Каменевым, В.И. Шориным, В.К. Блюхером, В.И. Чапаевым) [101. P. 3, 11]. На этом фоне несколько выделяется статья «Беречь как зеницу ока» [102. P. 7] об отношении советской власти к «буржуазной» интеллигенции, основанная на книге С.А. Федюкина «Советская власть и буржуазные специалисты» [103]. В статье приведена фотография М.Н. Тухачевского как представителя «старой» военной интеллигенции, искренне принявшего советскую власть. Отметим, что в 1963 г., когда широко отмечалось 70-летие со дня рождения М.Н. Тухачевского, статей о нем в The Moscow News не было, что опять же резко контрастирует с русскоязычными изданиями [104–106]. Несколько оживляет образ Тухачевского статья «Маршал и скрипка» [107. P. 4] о любимом увлечении Тухачевского – изготовлении струнных смычковых инструментов. Статья была взята из газеты «Известия» [108. С. 6] для рубрики «Гид по прессе».

Диапазон тем, предлагаемых читателю, значительно расширился с началом перестройки, эпохи гласности и смены руководства издания. Пример тому – публикация воспоминаний публициста В. Кардина (Э.В. Кардина) о писателе Ю.В. Трифонове [109. P. 16]. Самой известной книгой Трифонова является «Дом на набережной» (1975 г.) об обитателях известного Дома Правительства в Москве, где жил Тухачевский в последние годы. По словам Кардина, работая над книгой, Трифонов вспоминал исторических деятелей, с которыми ему пришлось встречаться, как живых людей, которым не было чуждо ничего человеческого, но говорил, что их главным делом было подготовить страну к отражению надвигающейся военной угрозы. В беседе с Трифоновым Кардин показывал ему фрагменты воспоминаний о Тухачевском, которые готовил в свое время к публикации [110], о том,

что Тухачевский предпринимал меры по защите страны от фашистского нападения; разрабатывал систему обороны, которая могла ликвидировать любые преимущества вероломного удара. Отец писателя, В.А. Трифонов, был известным политическим и военным деятелем, автором книги «Контуры грядущей войны» [111], и рассуждал в том же ключе, что и Тухачевский. Но они, как и многие другие советские военные мыслители, были репрессированы. Таким образом, статья поднимает тему, которая оставалась табуированной почти 20 лет.

В статье 1988 г. появилась тема участия М.Н. Тухачевского в подавлении крестьянского восстания на Тамбовщине, где полководцу ставилась в упрек «ненужная жестокость карательных операций». Автор публикации призвал не забывать, наряду с военными заслугами, и этот эпизод в биографии военачальника [112. P. 2].

Начала обсуждаться и другая болезненная тема – о влиянии репрессий на боеспособность РККА. В статье «Историк В. Морозов сердится» [113. P. 12] были приведены рассуждения о причинах поражений в первые дни Великой Отечественной войны. По мнению В.П. Морозова, бывшего главным редактором 5-го тома издания «История Второй мировой войны» [114], сталинские репрессии 1930-х гг. обескровили РККА и уничтожили ее талантливых руководителей – М.Н. Тухачевского, А.И. Егорова, И.П. Уборевича. Описывалось, как при подготовке этого фундаментального издания допускались многочисленные замалчивания об ошибках высшего советского военного руководства. Тему репрессий затронул и А.П. Ненароков (историк, биограф А.И. Егорова) [115. P. 8–9]. Он описал разногласия между группами в РККА – сторонниками механизации и «конниками». В качестве иллюстрации этой борьбы упоминалась статья Тухачевского с критикой сторонников теории «особенной» маневренности РККА, основанной на уроках Гражданской войны, без учета роста вооружений армий СССР и его возможных противников [68. С. 3–4]. Автор подчеркнул, что М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевский, В.К. Триандафиллов и А.И. Егоров настаивали на том, чтобы советская военная наука была основана на точном анализе и рассмотрении перспектив ведущих тенденций мирового технического прогресса. В других номерах газеты журналисты The Moscow News высказывали мнение, что именно за эту статью Тухачевский был отстранен от должности первого заместителя наркома обороны и репрессирован [116. P. 16].

В газетах тех лет имеются интересные факты из биографии Тухачевского. Так, в статье об инженере Л.С. Термене, развивавшем советское телевещание, И.В. Сталин, Г.К. Орджоникидзе, М.Н. Тухачевский и С.М. Будённый упоминаются как первые телезрители СССР [117. P. 16]. О возможности использования телевидения в военном деле Тухачевский говорил в выступлении 1934 г. на заседании Совета при наркоме обороны [118. С. 222]. Термен вспоминал, что Тухачевский проявлял большой интерес к научным новациям (особенно к радиоэлектронике) и их военному применению. Он консультировался с А.Ф. Иоффе по вопросам радиоэлектроники, оказывал содействие инженеру П.К. Ощепкову, основателю отечественной радиолокации. После гибели маршала работы были свернуты [119. P. 2]. В газете публиковались интервью с известными, «знаковыми» для своей эпохи писателями. Например, в беседе с А.Н. Рыбаковым шла речь о работе над созданием образов героев знаменитого романа-трилогии «Дети Арбата» (в том числе и Тухачевского) [120. P. 11].

Хроника репрессий 1937–1941 гг. была приведена в одном из номеров газеты [121. P. 16]. Возвращаясь к теме умолчания о политических репрессиях в предыдущие десятилетия, отметим интервью с историком и журналистом А. Абрамовым, обратившим внимание на отсутствие символических табличек с именами репрессированных политических и военных деятелей в Некрополе у Кремлевской стены [122. P. 4]. Статья журналиста итальянской газеты «L'Unite» Д. Паджетты «Учитесь у смелых» призывала не бояться своего прошлого и не забывать того, что РККА – детище репрессированных впоследствии деятелей [123. P. 10].

В 1990 г. в печати начинают обсуждаться новые «острые» темы. Появляется публикация о роли белого генерала Н.В. Скоблина в передаче ложных сведений о «заговоре» Тухачевского спецслужбам нацистской Германии. Автором статьи выступил Н. Любимов, бывший офицер КГБ, кандидат исторических наук. Он прямо назвал Скоблина агентом НКВД [124. P. 15]. Проводились параллели между «делом Тухачевского» 1937 г. и процессом над кубинским генерал-лейтенантом А. Очоа, которого осудили и казнили летом 1989 г. [125. P. 13]. В другой публикации М.Н. Тухачевский и начальник 4-го (разведывательного) управления штаба РККА Я.К. Берзин упоминаются как создатели мощного антифашистского разведывательного центра [126. P. 11].

С распадом СССР усилилась жесткая, подчас неоправданная критика Тухачевского. Стали негативно оцениваться его взгляды на строительство советского ВМФ в 1920-е гг. [127. P. 6–7; 128. P. 8]. Тухачевского стали чаще обвинять в жестоком подавлении Кронштадтского мятежа [129. P. 14] и «антоновщины». Автор одной статьи заявлял, что имеет мало сочувствия к красным командирам, погибшим в ходе чистки 1930-х гг., так как они проявили жестокость в подавление крестьянских восстаний [130. P. 16]. Статью к 80-летию антисоветского выступления на Тамбовщине озаглавили «Меньше сентиментальности», взяв цитату из директивы, подписанной Тухачевским в мае 1921 г. Отметим, что цитата была «вырвана» из общего контекста документа, и при детальном рассмотрении перестает быть такой уж «кровожадной» [131. С. 389]. Автор полагал, что Тухачевский «был одним из тех, кто своими руками заложил основу “революционной законности”» в 1921 г., став ее жертвой в 1937 г. [132. P. 6]. Стало упоминаться поражение в Советско-польской войне с возложением вины на Тухачевского [133. P. 9]. Но не забывался также его вклад в развитие отечественного ракетостроения и создание первого в мире Реактивного научно-исследовательского института [134. P. 6].

С другой стороны, о Тухачевском продолжили писать как о жертве массовых политических репрессий в СССР. Приводилась одна из версий, почему Сталин «убрал» Тухачевского. Ее озвучил сын В.В. Куйбышева Владимир. По словам Куйбышева-младшего, в 1934 г. Сталин в ходе переговоров с иностранными дипломатами обнародовал секретную информацию о предстоящей реорганизации РККА, чего делать было нельзя. Тухачевский якобы обратился к Куйбышеву с просьбой поднять этот вопрос на закрытом заседании Политбюро. Просьбу Тухачевского поддержал Орджоникидзе. Куйбышев начал отбирать факты вины Сталина. На заседании Политбюро в сентябре 1934 г. Сталину был сделан выговор, который он не простил [135. P. 14].

60-летию «процесса военных» посвящалась небольшая заметка в календаре исторических дат [136. P. 6]. К 65-летию процесса был приведен текст секретного приказа Сталина от 11 июня 1937 г. центральным комитетам республик, краевым и областным партийным комитетам о проведении митингов в поддержку процесса над Тухачевским и другим обвиняемым по «делу военных» [137. P. 6]. В статье к 85-летию К.М. Симонова подчеркивалось, что писатель поверил в обвинения против Тухачевского в 1937 г. и позже раскаивался в этом [138. P. 6]. В материале известного публициста Р.А. Медведева «Расставание с властью» описывалась неожиданность «падения» Тухачевского, Якира и других военачальников [139. P. 6].

Большое интервью с польским историком, профессором П.П. Вечерковичем, автором книги «Дело Тухачевского» [140], написанной на материалах из российских архивов, было посвящено «чистке» в РККА [141. P. 6]. Историк описал, как фабриковалось «дело Тухачевского». Он поддержал версию о существовании «папки Бенеша» – документов, сфабрикованных в нацистской Германии, которые были переданы через чехословацкого президента в Москву. Но виновником гибели маршала, по выводу Вечерковича, фактически был не Гитлер, а Сталин, намекнувший немцам о своей заинтересованности в устранении Тухачевского, что попытался доказать Вечеркович. Польский исследователь согласился с мнением, что конфликт между командованием Западного и Юго-Западного фронтов (фактически – между Тухачевским и Сталиным) во время провалившейся Варшавской операции 1920 г. стал одной из причин гибели Тухачевского много лет спустя. «Красного маршала» Вечеркович охарактеризовал как прагматика и патриота России, выделяя его большую заслугу в победе СССР в Великой Отечественной войне, так как он выдвигал актуальную на то время военную доктрину и повысил уровень боевой подготовки в РККА.

В 2000–2010-е гг. Тухачевский упоминался в газете довольно редко. Одним из исключений стала статья британского социалиста П. Тааффе «Преступный пакт Сталина» к 70-летию заключения пакта Молотова–Риббентропа. В ней автор, анализируя предвоенную ситуацию в СССР, говорил, что Тухачевский и другие блестящие военные стратеги предвидели тактику «блицкрига» (молниеносной войны), которую избрала Германия в грядущей войне, но были уничтожены в ходе «чистки» [142. P. 3].

Подводя итоги, отметим, что проделанное исследование дает представление об изменениях образов М.Н. Тухачевского, транслируемых в массовое сознание через прессу. Единой репрезентации «красного маршала» не было. Мы можем выделить четыре его образа (рис. 1), формируемые посредством прессы и других источников, которые соотносятся с различными историческими периодами и событиями, а также с обусловленными ими обстоятельствами биографии Тухачевского: от одного из «первых маршалов», «лиц РККА» в 1930-е гг. до «врага народа» с 1937 до конца 1950-х гг., а после реабилитации 1957 г. и до распада СССР – как видного советского военного деятеля, полководца и военного теоретика.

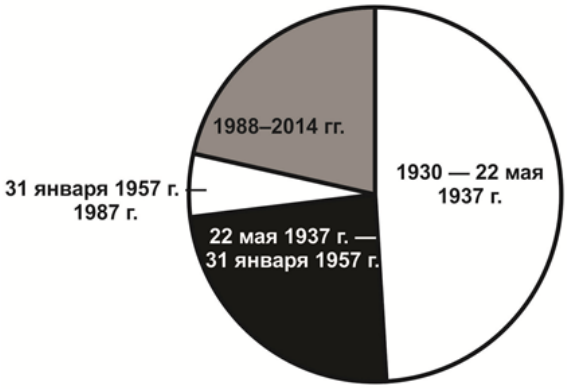

Рис. 1. Динамика упоминаний М.Н. Тухачевского в газетах The Moscow News и The Moscow Daily News

Самые противоречивые оценки личности и деятельности Тухачевского с негативным уклоном возникли на современном этапе исторического сознания. Это характерно для всей отечественной прессы, включая и анализируемые издания, а также для иных источников. При этом образы зачастую получались далекими от реальности и сопровождались активным мифотворчеством. Добавим, что до 1960-х гг. официальная информация о Тухачевском в газете The Moscow News являлась дублированием аналогичных материалов русскоязычных советских газет. Какой-то новой, эксклюзивной информации в них не приводилось. Затем, до середины 1980-х гг. о Тухачевском писали редко, в основном как об одном из полководцев Гражданской войны, не акцентируя внимание иноязычных читателей на причинах его гибели. С эпохи перестройки и до прекращения работы издания газета транслировала сложный и противоречивый образ Тухачевского, показывая его и как участника, и как жертву репрессий. Однако оставалась в тени его деятельность по строительству РККА. Во все выявленные периоды информация, предлагаемая иностранным читателям, подавалась еще более «дозированно», чем жителям СССР и России. Несмотря на эту особенность, издания The Moscow News и The Moscow Daily News – как массовые текстовые источники, формирующие коллективные представления – являются ценными информационными ресурсами для имагологических исследований, естественно при наличии должной источниковедческой критики.

Список источников

1. Петухова С.А. Деятельность К.А. Кузнецова в Moscow News // Искусство музыки. Теория и история. 2015. № 12. С. 87–109.
2. Аверьянова А.Ю. Тенденции формирования и развития рынка московской англоязычной прессы в 1990–2000-е годы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2009. № 5. С. 180–206.
3. Арабият Р.М. Новые информационные технологии в прессе: газета «Московские новости» // Вестник Тверского государственного университета. Филология. 2013. № 1. С. 159–164.
4. Любимов С.Е., Мицук Т.И. Эволюция газеты «Московские новости» как конвергентного СМИ // Век информации. 2014. № 3. С. 201–208.
5. Schillinger E., Porter C. Glasnost and the transformation of Moscow news // Journal of Communication. 1991. Vol. 41. P. 125–149.
6. Дороничев В.А. М.Н. Тухачевский: историографический очерк // Проблемы источниковедения и историографии : сб. науч. тр. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта. 2006. Вып. 4. С. 85–94.
7. Кантор Ю.З. «Историю невозможно переписать, её можно дописать…» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 9–15. doi: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-9-15
8. Назаренко К.Б. Михаил Николаевич Тухачевский: между мифами и исторической наукой // Новейшая история России. СПб., 2015. № 3. С. 55–68.
9. Синяков А.П. И снова о Тухачевском. Кто же Вы, Красный Бонапарт? // Военно-исторический архив. 2009. № 5 (113). С. 43–71; № 6 (114). С. 4–65; № 7 (115). С. 77–96; № 8 (116). С. 56–75; № 9 (117). С. 157–168.
10. Шило Н.И., Глушко А.В. Маршал Тухачевский. Мозаика разбитого зеркала. М. : Центрполиграф, 2014. 716 с.
11. Петин Д.И., Стельмак М.М. Педагогика в архиве на службе преодоления современных мифов массового сознания о Гражданской войне в России // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2018. № 3. С. 9–15. doi: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15
12. Кантор Ю.З. Михаил Тухачевский. Портрет на фоне эпохи. М. : Политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2021. 471 с.
13. Минаков С.Т. Сталин и его маршал. М. : Яуза ; ЭКСМО, 2004. 635 с.
14. New Assistant Commissar of War // Moscow News. 1931. № 43. June 18. P. 3.
15. “Soviet Mass Production of Fine Violins Is Possible”, expert says // Moscow Daily News. 1933. № 82. April 8. P. 4.
16. Тухачевский М.Н. Грунт // Николай Сергеевич Жиляев: труды, дни, гибель / сост. И.А. Барсова. М. : Музыка, 2008. С. 538–541.
17. Commissars of Defense. Foto // Moscow Daily News. 1934. № 143. June 22. P. 1.
18. Decree on formation of Military Council. Under Peoples Commissar of Defense // Moscow Daily News. 1934. № 271. November 24. P. 1.
19. Evening session. Feb. 4 // Moscow Daily News. 1934. № 31. February 6. P. 4.
20. Nanking Military Mission arrives in Moscow // Moscow Daily News. 1934. № 52. March 3. P. 1.
21. Soviet heroes are guests at Kremlin // Moscow Daily News. 1934. № 143. June 22. P. 1.
22. Tukhachevski gives banquet to visiting Polish Navy officers // Moscow Daily News. 1934. № 172. July 27. P. 1.
23. «We dip our fighting banners over the bier of Comrade Kirov who was loved by the Party and the working class» // Moscow Daily News. 1934. № 280. December 5. P. 1.
24. Красная Армия сильна, как никогда. Речь тов. Тухачевского // Правда. 1935. № 30. 31 января. С. 1.
25. Мощь Красной Армии непреодолима. Речь заместителя народного комиссара обороны СССР тов. Тухачевского // Известия. 1935. № 26. 31 января. С. 5.
26. Тухачевский М.Н. Мощь Красной армии непреодолима. Речь на VII съезде советов СССР. Л. : Ленингр. обл. изд-во, 1935. 14 с.
27. The Red Army is now stronger than ever. Speech by Tukhachevski, Assistant Peoples Commissar of Defense // Moscow Daily News. 1935. № 27. February 2. P. 2.
28. The Red Army is now stronger than ever. Speech of M.N. Tukhachevski, Assistant Peoples Commissar of Defense to Seventh Congress of Soviets // Moscow News. 1935. № 7. February 14. P. 6–7.
29. The presidium of the Seventh all-Union Congress of Soviets hears Tukhachevski’s speech // Moscow Daily News. 1935. № 26. February 1. P. 1.
30. Tukhachevski speech featured in press abroad // Moscow Daily News. 1935. № 27. February 2. P. 4.
31. Title of Marshal of the Soviet Union is bestowed on Voroshilov, Tukhachevski, Yegorov, Budyonny and Bluecher // Moscow Daily News. 1935. № 267. November 21. P. 1.
32. Radek K. The Red army and its marshals // Moscow Daily News. 1935. № 268. November 22. P. 2–3.
33. Радек К. Красная армия и ее маршалы // Известия. 1935. № 270. 21 ноября. С. 2.
34. Ashkhabad to Moscow // Moscow News. 1935. № 35. August 29. P. 6.
35. Red Army expresses grief over Maxim Gorki plane disaster // Moscow Daily News. 1935. № 115. May 21. P. 4.
36. Red Army holds maneuvers in Kiev military district // Moscow Daily News. 1935. № 212. September 14. P. 1.
37. Тухачевский М.Н. Военные планы нынешней Германии // Правда. 1935. № 89. 31 марта. С. 2.
38. Тухачевский М.Н. Военные планы нынешней Германии // Известия. 1935. № 78. 1 апреля. С. 2.
39. Speech by M.N. Tukhachevski, Assistant Peoples Commissar of Defense and Marshal of the Soviet Union at the Second session of the CEC of the USSR // Moscow Daily News. 1936. № 13. January 16. P. 1.
40. Speech by M.N. Tukhachevski, Ass’t Peoples Commissar Of Defense and Marshal of the Soviet Union // Moscow News. 1936. № 4. January 22. P. 2, 10.
41. Речь тов. М.Н. Тухачевского // Известия. 1936. № 14. 16 января. С. 1.
42. Речь тов. М.Н. Тухачевского // Комсомольская правда. 1936. № 13. 16 января. С. 1–2.
43. Речь тов. М.Н. Тухачевского // Красная Звезда. 1936. № 13. 16 января. С. 1–2.
44. Речь тов. М.Н. Тухачевского // Правда. 1936. № 16. 16 января. С. 1–2.
45. Delegations to funeral of King Georg appointed // Moscow Daily News. 1936. № 19. January 24. P. 4.
46. Funeral of King George takes place // Moscow Daily News. 1936. № 23. January 29. P. 1.
47. Marshal Tukhachevski visits admiral Chetfield // Moscow Daily News. 1936. № 28. February 4. P. 1.
48. Tukhachevsky meets French army chiefs. Paris, Feb. 10 // Moscow Daily News. 1936. № 34. February 11. P. 1.
49. Marshal Tukhachevsky gives lunch to French chief of Staff // Moscow Daily News. 1936. № 38. February 16. P. 1.
50. 100,000 pay last tribute to late S.S. Kamenev. Remains Cremated; funeral in Red Square today // Moscow Daily News. 1936. № 197. August 27. P. 1.
51. The body of Army commander of the first rank S.S. Kamenev being carried from the hall of the Central Executive Committee… // Moscow Daily News. 1936. № 198. August 28. P. 1.
52. Последний путь командарма // Комсомольская правда. 1936. № 199. 28 августа. С. 1.
53. Тухачевский М.Н. Славный командарм // Известия. 1936. № 199. 27 августа. С. 3.
54. French, Czech, British Delegations Are Quests at Dinner Following White Russian Maneuvers // Moscow Daily News. 1936. № 212. September 14. P. 2–3.
55. Parachute jump by 2,200 in Moscow military maneuvers // Moscow Daily News. 1936. № 221. September 24. P. 2.
56. Алёхин Р.В. Воздушно-десантные войска: история российского десанта. М. : Эксмо, 2009. 416 с.
57. 57ANT-25 Heroes guests at reception by Party and Gov’t leaders // Moscow Daily News. 1936. № 184. August 11. P. 1.
58. Participants in women’s auto run meet Red army chiefs // Moscow Daily News. 1936. № 236. October 12. P. 1.
59. Ostrovsky I. Leningrad Group Gives Weak «Chapayev» // Moscow Daily News. 1936. № 129. June 6. P. 3.

60. Grinko submits draft of 1937 budget, analyzes figures // Moscow News. 1937. № 3. January 20. P. 2, 9.
61. Иванов В.М. Маршал М.Н. Тухачевский. 2-е изд., испр. и доп. М. : Воениздат, 1990. 320 с.
62. Тухачевский М.Н. Командарм тяжелой индустрии // Известия. 1937. № 45. 20 февраля. С. 2.
63. Tukhachevsky tells of Sergo at the front // Moscow Daily News. 1937. № 42. February 21. P. 2.
64. Organizer of the Military Forces of the Revolution // Moscow Daily News. 1937. № 42. February 21. P. 2.
65. Ворошилов К.Е. и др. Организатор боевых сил революции // Известия. 1937. № 45. С. 2.
66. The five Marshals of the Soviet Union (photo) // Moscow News. 1937. № 8. February 24. P. 1.
67. The Red Army's growth in air and on sea // Moscow News. 1937. № 8. February 24. P. 6.
68. Тухачевский М.Н. О новом полевом уставе РККА // Красная Звезда. 1937. № 103. 6 мая. С. 3–4.
69. В Наркомате обороны // Красная Звезда. 1937. № 107. 11 мая. С. 2.
70. Стрелковая спартакиада народов СССР // Правда. 1937. № 101. 12 апреля. С. 6.
71. Приём в Кремле участников декады грузинского искусства // Правда. 1937. № 15. 15 января. С. 1.
72. Arrest of 8 spies points to crisis in bourgeois espionage, to greater vigilance of Soviet organs // Moscow Daily News. 1937. № 133. June 12. P. 2.
73. Кризис иностранной буржуазной разведки // Правда. 1937. № 159. 11 июня. С. 1.
74. Unmasking of eight traitors is destruction of important link in fascist spy system. An editorial // Moscow Daily News. 1937. № 133. June 12. P. 1.
75. Order of the Peoples Commissar of Defense of the USSR. № 96. June 12, 1937 // Moscow Daily News. 1937. № 134. June 14. P. 1.
76. In the Office of the Procurator of the USSR // Moscow News.1937. № 24. June 16. P. 5.
77. Moscow toilers' meetings brand spies and hirelings of fascism, urge severe sentence be passed // Moscow Daily News. 1937. № 133. June 12. P. 4.
78. Meetings throughout country condemn fascist traitors // Moscow Daily News. 1937. № 134. June 14. P. 2.
79. From Rudolf Island to the Pole and back // Moscow Daily News. 1937. № 154. July 8. P. 3–4.
80. The flight to «the top of the world» // Moscow News. 1937. № 28. July 14. P. 3, 11.
81. Victory is with us. Speech of V. Vishnevsky, soviet writer, at Second Congress of International Association of Writers // Moscow Daily News. 1937. № 169. July 26. P. 3.
82. World rid of affliction, says Turkish paper on spies' trial // Moscow Daily News. 1937. № 137. June 17. P. 4.
83. The nazi press is attempting to cover up its loss of eight spies in the USSR (Tukhachevsky and Co.) // Moscow Daily News. 1937. № 135. June 15. P. 4.
84. Abuzov N. Exposure of Gestapo agents serves peace // Moscow Daily News. 1937. № 222. September 27. P. 3.
85. State Procurator exposes spying methods // Moscow Daily News. 1937. № 186. August 15. P. 2.
86. To the memory of Maxim Gorky – fighter for people's cause. An Editorial // Moscow Daily News. 1937. № 138. June 18. P. 1.
87. Heroes like these come from midst of the people. An Editorial // Moscow Daily News. 1937. № 142. June 23. P. 1.
88. Alksnis Y. I. Soviet aviation, serving science and humanity, is big peace factor // Moscow Daily News. 1937. № 189. August 18. P. 3.
89. Speech of Komarov // Moscow News. 1938. № 9. March 2. P. 2.
90. Speech of Peoples commissar of defense, Marshal of the Soviet Union, comrade K.Y. Voroshilov // Moscow News. 1938. № 9. March 2. P. 3–6.
91. Trial of anti-soviet «Bloc of rights and trotskyites» in the courtroom. Evening session. March 2 // Moscow News. 1938. № 10. March 9. P. 8.
92. Vyshinsky A. Trial of the anti-soviet «Bloc of rights and trotskyites». Indictment // Moscow News. 1938. № 10. March 9. P. 3–7.
93. Opening speech of comrade V.M. Molotov // Moscow News. 1939. № 11a. March 16. P. 1–2.
94. Report of comrade Stalin on the work of the CC of the CPSU(B), delivered at 18th Congress of the Party // Moscow News. 1939. № 11a. March 16. P. 3–13.
95. 18th Congress of the Communist party of the Soviet Union (bolsheviks). Speech of comrade Voroshilov // Moscow News. 1939. № 12. March 22. P. 2–7, 19.
96. Concluding Speech by N.S. Khrushchov, First Secretary of the C.C., C.P.S.U. at the 22nd Congress of the C.P.S.U. October 27, 1961 // Moscow News free supplement. 1961. № 44. November 4. P. 3–7.
97. Outlines of USSR history // Moscow News. 1962. № 46. November 17. P. 12.
98. Kurochkin P. For the power of Soviets // Moscow News. 1967. № 44. November 4. P. 10.
99. Medvedev B. «...There'll be memories undying...» // Moscow News. 1965. № 18. May 1. P. 13.
100. Report by Marshal of the Soviet Union D.F. Ustinov, Minister of Defence of the USSR // Moscow News. 1978. Supplement to issue № 9. March 11–18. P. 2–11.
101. Chuikov V. Reliable guardian of peaceful pursuits // Moscow News. 1980. № 8. March 2–9. P. 3, 11.
102. Zabirov B. Cherish as the apple of the eye // Moscow News. 1980. № 13. April 6–13. P. 7.
103. Федюкин С.А. Советская власть и буржуазные специалисты. М. : Мысль, 1965. 255 с.
104. Никулин Л. Маршал Тухачевский // Известия. 1963. № 40. 15 февраля. С. 3.
105. Тодорский А. Славный советский полководец. К 70-летию со дня рождения М.Н. Тухачевского // Правда. 1963. № 47. 16 февраля. С. 4.
106. Горелик Я. Военно-научное наследие М.Н. Тухачевского // Красная звезда. 1963. № 40. 16 февраля. С. 2.
107. The Marshal and the violin // Moscow News. 1983. № 26. July 3–10. P. 4.
108. Пасютин Э. Маршал и скрипка // Известия. 1983. № 96. 6 апреля. С. 6.
109. Kardin V. " Uncharted destinies are waiting for us... ". From the memoirs about Yuri Trifonov // Moscow News. 1987. № 13. April 5–12. P. 16.
110. Маршал Тухачевский. Воспоминания друзей и соратников. М. : Воениздат, 1965. 248 с.
111. Трифонов В.А. Контуры грядущей войны // Антология отечественной военной мысли. М. : ВАГШ ВС РФ, 1996. Т. 10. 429 с.
112. Voskresensky L. Time to make a start // Moscow News. 1988. № 1. January 10–17. P. 2.
113. Samsonov A. Historian V. Morozov is angry // Moscow News. 1988. № 13. April 3–10. P. 12.
114. История Второй мировой войны, 1939–1945. Т. 5: Провал агрессивных планов фашистского блока / под ред. В.П. Морозова [и др.]. М. : Воениздат, 1975. 510 с.
115. Nenarokov A. Armour and horses. Soviet military development in the 1920s–1930s // Moscow News. 1988. № 14. April 10–17. P. 8–9.
116. Bakheyeva A. General Douglas — that was his name in Spain // Moscow News. 1988. № 24. June 12. P. 16.
117. Kaplunov M., Cherenkov M. Lev Termen's war and peace // Moscow News. 1988. № 10. March 13–20. P. 16.
118. Военный совет при НКО СССР. Декабрь 1934 г. : документы и материалы. М. : РОССПЭН, 2007. 511 с.
119. Kaplunov M., Cherenkov M. Another look at Lev Termen's long and eventful life // Moscow News. 1988. № 17. May 1–8. P. 2.
120. Martynenko O. Anatoly Rybakov: you must part with your past with dignity // Moscow News. 1988. № 29. July 17. P. 11.
121. Gurfinkel M. Who was repressed? // Moscow News. 1988. № 28. July 17–24. P. 16.
122. Kabakov A. From yesterday – to tomorrow. Strolling with a historian around holiday Moscow // Moscow News. 1988. № 45. November 13–20. P. 4.
123. Pajetta G. Learn from the bold // Moscow News. 1989. № 1. January 8–15. P. 10.
124. Lyubimov Mikhail. Terror: the last act // Moscow News. 1990. № 35. September 9. P. 15.
125. Makhov A. Firsthand information. Rafael delPino: Castro is the Caribbean's Saddam Hussein // Moscow News. 1990. № 44. November 11–18. P. 13.
126. Orlov V. Surprise! Comeback // Moscow News. 1991. № 28. July 14–21. P. 11.
127. Ocean. Russia. Navy // Moscow News. 1992. № 2. January 12–19. P. 6–7.
128. Teplyakov Y. Who will buy «Varyag» // Moscow News. 1992. № 12. March 22–29. P. 8.

129. Yermolayev I. What really happened in Kronshtadt in 1921 // Moscow News. 1992. № 38. September 20–27. P. 14.
130. Sossinsky S. The architect's last house // Letter from Russia. Moscow News. 1997. № 23–24. June 19–July 2. P. 16.
131. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Государственный архив Тамбовской обл. и др. Тамбов, 2007. 800 с.
132. Shevelev V. «Show Less Sentimentality...» // Moscow News. 2000. № 33. August 23–29. P. 6.
133. Vasilyev G. Lenin asked not to divulge... // Moscow News. 1993. № 8. February 18. P. 9.
134. Nikishin L. The Flights and Pitfalls of Sergei Korolyov // Moscow News. 1997. № 1–2. January 16–22. P. 6.
135. Kuibyshev V. Mysterious Kremlin Deaths Remembered // Moscow News. 1995. № 5. P. 14.
136. Calendar for June // Moscow News. 1997. № 22. June 12–18. P. 6.
137. Novikov A. Neither ranks nor marshals were spared // Moscow News. 2002. № 25. July 3–9. P. 6.
138. Sossinsky S. War Correspondent and Repentant Stalinist // Moscow News. 2000. № 48. December 6–12. P. 6.
139. Medvedev R. Parting with Power. How Russian tsars, general secretaries, and presidents dismissed their top officials, and why // Moscow News. 2001. № 46. November 14–20. P. 6.
140. Wieczorkiewicz P.P. SprawaTuchaczewskiego. Warsawa : Gryf., 1994. 264 s.
141. Masterov V. Links in Chain of Death. Polish historian on Red Army purges // Moscow News. 2002. № 46. November 13–19. P. 6.
142. Taaffe P. Stalin's criminal pact // Moscow News. 2009. № 33. September 1. P. 3.

References

1. Petukhova, S.A. (2015) Deyatel'nost' K.A. Kuznetsova v Moscow News [Activities of K.A. Kuznetsov in Moscow News]. *Iskusstvo muzyki. Teoriya i istoriya.* 12. pp. 87–109.
2. Aver'yanova, A.Yu. (2009) Tendentsii formirovaniya i razvitiya rynka moskovskoy angloyazychnoy pressy v 1990–2000-e gody [Trends in the formation and development of the Moscow English-language press market in the 1990s–2000s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. 5. pp. 180–206.
3. Arabiyat, R.M. (2013) Novye informatsionnye tekhnologii v presse: gazeta "Moskovskie novosti" [New information technologies in the press: The Moscow News newspaper]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya.* 1. pp. 159–164.
4. Lyubimov, S.E. & Mitsuk, T.I. (2014) Evolyutsiya gazety "Moskovskie novosti" kak konvergentnogo SMI [The evolution of the Moscow News newspaper as a convergent media]. *Vek informatsii.* 3. pp. 201–208.
5. Schillinger, E. & Porter, C. (1991) Glasnost and the transformation of Moscow News. *Journal of Communication*. 41. pp. 125–149.
6. Doronichev, V.A. (2006) M.N. Tukhachevskiy: istoriograficheskiy ocherk [M.N. Tukhachevsky: a historiographic essay]. In: *Problemy istochnikovedeniya i istoriografii: sb. nauch. tr.* [Problems of source study and historiography: Collected works]. Vol. 4. Kaliningrad: Kant RSU. pp. 85–94.
7. Kantor, Yu.Z. (2019) "Istoriyu nevozmozhno perepisat', ee mozhno dopisat'…" ["History cannot be rewritten, it can be supplemented …"]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'.* 4 (1). pp. 9–15. doi: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-9-15
8. Nazarenko, K.B. (2015) Mikhail Nikolaevich Tukhachevskiy: mezhdu mifami i istoricheskoy naukoy [Mikhail Tukhachevsky: between myths and historical science]. *Noveyshaya istoriya Rossii.* 3. pp. 55–68.
9. Sinyakov, A.P. (2009) I snova o Tukhachevskom. Kto zhe Vy, Krasnyy Bonapart? [And again about Tukhachevsky. Who are you, Red Bonaparte?]. *Voenno-istoricheskiy arkhiv.* 5 (113). pp. 43–71; 6 (114). pp. 4–65; 7 (115). pp. 77–96; 8 (116). pp. 56–75; 9 (117). pp. 157–168.
10. Shilo, N.I. & Glushko, A.V. (2014) *Marshal Tukhachevskiy. Mozaika razbitogo zerkala* [Marshal Tukhachevsky. Mosaic of a broken mirror]. Moscow: Tsentrpoligraf.
11. Petin, D.I. & Stel'mak, M.M. (2018) Pedagogika v arkhive na sluzhbe preodoleniya sovremennykh mifov massovogo soznaniya o Grazhdanskoy voyne v Rossii [Pedagogy in the archive in the service of overcoming modern myths of mass consciousness about the Civil War in Russia]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'.* 3. pp. 9–15. doi: 10.25206/2542-0488-2018-3-9-15
12. Kantor, Yu.Z. (2021) *Mikhail Tukhachevskiy. Portret na fone epokhi* [Mikhail Tukhachevsky. Portrait against the backdrop of the era]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
13. Minakov, S.T. (2004) *Stalin i ego marshal* [Stalin and his marshal]. Moscow: Yauza; EKSMO.
14. *The Moscow News.* (1931) New Assistant Commissar of War. 43. June 18. p. 3.
15. *The Moscow Daily News.* (1933) "Soviet Mass Production of Fine Violins Is Possible", expert says. 82. April 8. p. 4.
16. Tukhachevskiy, M.N. (2008) Grunt [Soil]. In: Barsova, L.A. *Nikolay Sergeevich Zhilyaev: trudy, dni, gibel'* [Nikolai Sergeevich Zhilyaev: works, days, death]. Moscow: Muzyka. pp. 538–541.
17. *The Moscow Daily News*. (1934) Commissars of Defense. Photo. 143. June 22. p. 1.
18. *The Moscow Daily News.* (1934) Decree on formation of Military Council. Under Peoples Commissar of Defense. 271. November 24. p. 1.
19. *The Moscow Daily News.* (1934) Evening session. Feb. 4. 31. February 6. p. 4.
20. *The Moscow Daily News.* (1934) Nanking Military Mission arrives in Moscow. 52. March 3. p. 1.
21. *The Moscow Daily News.* (1934) Soviet heroes are guests at Kremlin. 143. June 22. p. 1.
22. *The Moscow Daily News.* (1934) Tukhachevski gives banquet to visiting Polish Navy officers. 172. July 27. p. 1.
23. *The Moscow Daily News.* (1934) "We dip our fighting banners over the bier of Comrade Kirov who was loved by the Party and the working class". 280. December 5. p. 1.
24. *Pravda*. (1935) Krasnaya Armiya sil'na, kak nikogda. Rech' tov. Tukhachevskogo [The Red Army is stronger than ever. Comrade Tukhachevsky's speech]. 30. 31 January. p. 1.
25. *Izvestiya*. (1935) Moshch' Krasnoy Armii nepreodolima. Rech' zamestitelya narodnogo komissara oborony SSSR tov. Tukhachevskogo [The power of the Red Army is irresistible. Speech of Comrade Tukhachevsky, the Deputy People's Commissar of Defense of the USSR]. 26. 31 January. p. 5.
26. Tukhachevskiy, M.N. (1935) *Moshch' Krasnoy armii nepreodolima. Rech' na VII s"ezde sovetov SSSR* [The power of the Red Army is irresistible. Speech at the 7th Congress of Soviets of the USSR]. Leningrad: Leningr. obl. izd-vo.
27. *The Moscow Daily News.* (1935) The Red Army is now stronger than ever. Speech by Tukhachevski, Assistant Peoples Commissar of Defense. 27. February 2. p. 2.
28. *The Moscow News.* (1935) The Red Army is now stronger than ever. Speech of M.N. Tukhachevski, Assistant Peoples Commissar of Defense to Seventh Congress of Soviets. 7. February 14. pp. 6–7.
29. *The Moscow Daily News.* (1935) The presidium of the Seventh all-Union Congress of Soviets hears Tukhachevski's speech. 26. February 1. p. 1.
30. *The Moscow Daily News.* (1935) Tukhachevski speech featured in press abroad. 27. February 2. p. 4.
31. *The Moscow Daily News.* (1935) Title of Marshal of the Soviet Union is bestowed on Voroshilov, Tukhachevski, Yegorov, Budyonny and Bluecher. 267. November 21. p. 1.
32. Radek, K. (1935) The Red army and its marshals. *The Moscow Daily News.* 268. November 22. pp. 2–3.
33. Radek, K. (1935) Krasnaya armiya i ee marshaly [The Red army and its marshals]. *Izvestiya*. 270. 21 November. p. 2.
34. *The Moscow News.* (1935) Ashkhabad to Moscow. 35. August 29. p. 6.
35. *The Moscow Daily News.* (1935) Red Army expresses grief over Maxim Gorki plane disaster. 115. May 21. p. 4.

36. *The Moscow Daily News.* (1935) Red Army holds maneuvers in Kiev military district. 212. September 14. p. 1.
37. Tukhachevskiy, M.N. (1935) Voennye plany nyneshney Germanii [Military plans of today's Germany]. *Pravda.* 89. 31 March. p. 2.
38. Tukhachevskiy, M.N. (1935) Voennye plany nyneshney Germanii [Military plans of today's Germany]. *Izvestiya*. 78. 1 April. p. 2.
39. *The Moscow Daily News.* (1936) Speech by M.N. Tukhachevski, Assistant Peoples Commissar of Defense and Marshal of the Soviet Union at the Second session of the CEC of the USSR. 13. January 16. p. 1.
40. *The Moscow News.* (1936) Speech by M.N. Tukhachevski, Ass't Peoples Commissar Of Defense and Marshal of the Soviet Union. 4. January 22. pp. 2, 10.
41. *Izvestiya*. (1936) Rech' tov. M.N. Tukhachevskogo [Speech by Comrade M.N. Tukhachevsky]. 14. 16 January. p. 1.
42. *Komsomol'skaya pravda*. (1936) Rech' tov. M.N. Tukhachevskogo [Speech by Comrade M.N. Tukhachevsky]. 13. 16 yanvarya. pp. 1–2.
43. *Krasnaya Zvezda.* (1936) Rech' tov. M.N. Tukhachevskogo [Speech by Comrade M.N. Tukhachevsky]. 13. 16 January. pp. 1–2.
44. *Pravda.* (1936) Rech' tov. M.N. Tukhachevskogo [Speech by Comrade M.N. Tukhachevsky]. 16. 16 January. pp. 1–2.
45. *The Moscow Daily News.* (1936) Delegations to funeral of King Georg appointed. 19. January 24. p. 4.
46. *The Moscow Daily News.* (1936) Funeral of King George takes place. 23. January 29. p. 1.
47. *The Moscow Daily News.* (1936) Marshal Tukhachevski visits admiral Chetfield. 28. February 4. p. 1.
48. *The Moscow Daily News.* (1936) Tukhachevsky meets French army chiefs. Paris, Feb. 10. 34. February 11. p. 1.
49. *The Moscow Daily News.* (1936) Marshal Tukhachevsky gives lunch to French chief of Staff. 38. February 16. p. 1.
50. *The Moscow Daily News.* (1936) 100,000 pay last tribute to late S.S. Kamenev. Remains Cremated; funeral in Red Square today. 197. August 27. p. 1.
51. *The Moscow Daily News.* (1936) The body of Army commander of the first rank S.S. Kamenev being carried from the hall of the Central Executive Committee … 198. August 28. p. 1.
52. *Komsomol'skaya pravda*. (1936) Posledniy put' komandarma [The last path of the army commander]. 199. 28 August. p. 1.
53. Tukhachevskiy, M.N. (1936) Slavnyy komandarm [Glorious army commander]. *Izvestiya.* 199. 27 August. p. 3.
54. *The Moscow Daily News.* (1936) French, Czech, British Delegations Are Quests at Dinner Following White Russian Maneuvers. 212. September 14. pp. 2–3.
55. *The Moscow Daily News.* (1936) Parachute jump by 2,200 in Moscow military maneuvers. 221. September 24. p. 2.
56. Alekhin, R.V. (2009) Vozdushno-desantnye voyska: istoriya rossiyskogo desanta [Airborne troops: the history of the Russian landing force]. Moscow: Eksmo.
57. *The Moscow Daily News.* (1936) 57ANT-25 Heroes guests at reception by Party and Gov't leaders. 184. August 11. p. 1.
58. *The Moscow Daily News.* (1936) Participants in women's auto run meet Red army chiefs. 236. October 12. p. 1.
59. Ostrovsky, I. (1936) Leningrad Group Gives Weak "Chapayev". *The Moscow Daily News*. 129. June 6. p. 3.
60. *The Moscow News*. (1937) Grinko submits draft of 1937 budget, analyzes figures. 3. January 20. pp. 2, 9.
61. Ivanov, V.M. (1990) *Marshal M.N. Tukhachevskiy* [Marshal M.N. Tukhachevsky]. 2nd ed. Moscow: Voenizdat.
62. Tukhachevskiy, M.N. (1937) Komandarm tyazheloy industrii [Army commander of heavy industry]. *Izvestiya*. 45. 20 February. p. 2.
63. *The Moscow Daily News.* (1936) Tukhachevsky tells of Sergo at the front. 42. February 21. p. 2.
64. *The Moscow Daily News.* (1936) Organizer of the Military Forces of the Revolution. 42. February 21. p. 2.
65. Voroshilov, K.E. et al. (1937) Organizator boevykh sil revolyutsii [Organizer of the Military Forces of the Revolution]. *Izvestiya*. 45. p. 2.
66. *The Moscow News*. (1937) The five Marshals of the Soviet Union (photo). 8. February 24. p. 1.
67. *The Moscow News*. (1937) The Red Army's growth in air and on sea. 8. February 24. p. 6.
68. Tukhachevskiy, M.N. (1937) O novom polevom ustave RKKA [On the new field charter of the Red Army]. *Krasnaya Zvezda.* 103. 6 May. pp. 3–4.
69. *Krasnaya Zvezda.* (1937) V Narkomate oborony [In the People's Commissariat of Defense]. 107. 11 May. p. 2.
70. *Pravda*. (1937) Strelkovaya spartakiada narodov SSSR [Shooting Spartakiad of the Peoples of the USSR]. 101. 12 April. p. 6.
71. *Pravda*. (1937) Priem v Kremle uchastnikov dekady gruzinskogo iskusstva [Reception of the participants of the decade of Georgian art in the Kremlin]. 15. 15 January. p. 1.
72. *The Moscow Daily News.* (1937) Arrest of 8 spies points to crisis in bourgeois espionage, to greater vigilance of Soviet organs. 133. June 12. p. 2.
73. *Pravda*. (1937) Krizis inostrannoy burzhuaznoy razvedki [The crisis of foreign bourgeois intelligence]. 159. 11 June. p. 1.
74. *The Moscow Daily News.* (1937) Unmasking of eight traitors is destruction of important link in fascist spy system. An editorial. 133. June 12. p. 1.
75. *The Moscow Daily News.* (1937) Order of the Peoples Commissar of Defense of the USSR. № 96. June 12, 1937. 134. June 14. p. 1.
76. *The Moscow News*. (1937) In the Office of the Procurator of the USSR. 24. June 16. p. 5.
77. *The Moscow Daily News.* (1937) Moscow toilers' meetings brand spies and hirelings of fascism, urge severe sentence be passed. 133. June 12. p. 4.
78. *The Moscow Daily News.* (1937) Meetings throughout country condemn fascist traitors. 134. June 14. p. 2.
79. *The Moscow Daily News.* (1937) From Rudolf Island to the Pole and back. 154. July 8. pp. 3–4.
80. *The Moscow News*. (1937) The flight to "the top of the world". 28. July 14. pp. 3, 11.
81. *The Moscow Daily News.* (1937) Victory is with us. Speech of V. Vishnevsky, soviet writer, at Second Congress of International Association of Writers. 169. July 26. p. 3.
82. *The Moscow Daily News.* (1937) World rid of affliction, says Turkish paper on spies' trial. 137. June 17. p. 4.
83. *The Moscow Daily News.* (1937) The nazi press is attempting to cover up its loss of eight spies in the USSR (Tukhachevsky and Co.). 135. June 15. p. 4.
84. Abuzov, N. (1937) Exposure of Gestapo agents serves peace. *The Moscow Daily News*. 222. September 27. p. 3.
85. *The Moscow Daily News.* (1937) State Procurator exposes spying methods. 186. August 15. p. 2.
86. *The Moscow Daily News.* (1937) To the memory of Maxim Gorky – fighter for people's cause. An Editorial. 138. June 18. p. 1.
87. *The Moscow Daily News.* (1937) Heroes like these come from midst of the people. An Editorial. 142. June 23. p. 1.
88. Alksnis, Y.I. (1937) Soviet aviation, serving science and humanity, is big peace factor. *The Moscow Daily News.* 189. August 18. p. 3.
89. *The Moscow News*. (1938) Speech of Komarov. 9. March 2. p. 2.
90. *The Moscow News*. (1938) Speech of Peoples commissar of defense, Marshal of the Soviet Union, comrade K.Y. Voroshilov. 9. March 2. pp. 3–6.
91. *The Moscow News*. (1938) Trial of anti-soviet "Bloc of rights and trotskyites" in the courtroom. Evening session. March 2. 10. March 9. p. 8.
92. Vyshinsky, A. (1938) Trial of the anti-soviet "Bloc of rights and trotskyites". Indictment. *The Moscow News.* 10. March 9. pp. 3–7.
93. *The Moscow News*. (1939) Opening speech of comrade V.M. Molotov. 11a. March 16. pp. 1–2.
94. *The Moscow News*. (1939) Report of comrade Stalin on the work of the CC of the CPSU(B), delivered at 18th Congress of the Party. 11a. March 16. pp. 3–13.
95. *The Moscow News*. (1939) 18th Congress of the Communist party of the Soviet Union (bolsheviks). Speech of Comrade Voroshilov. 12. March 22. pp. 2–7, 19.
96. *The Moscow News free supplement*. (1961) Concluding Speech by N.S. Khrushchov, First Secretary of the C.C., C.P.S.U. at the 22nd Congress of the C.P.S.U. October 27, 1961. 44. November 4. pp. 3–7.
97. *The Moscow News*. (1962) Outlines of USSR history. 46. November 17. p. 12.
98. Kurochkin, P. (1967) For the power of Soviets. *The Moscow News*. 44. November 4. p. 10.
99. Medvedev, B. (1965) "...There'll be memories undying ...". *The Moscow News.* 18. May 1. p. 13.

100. *The Moscow News*. (1978) Report by Marshal of the Soviet Union D.F. Ustinov, Minister of Defence of the USSR. Supplement to issue No. 9. March 11–18. pp. 2–11.
101. Chuikov, V. (1980) Reliable guardian of peaceful pursuits. *The Moscow News.* 8. March 2–9. pp. 3, 11.
102. Zabirov, B. (1980) Cherish as the apple of the eye. *The Moscow News.* 13. April 6–13. p. 7.
103. Fedyukin, S.A. (1965) *Sovetskaya vlast' i burzhuaznye spetsialisty* [Soviet power and bourgeois specialists]. Moscow: Mysl'.
104. Nikulin, L. (1963) Marshal Tukhachevskiy [Marshal Tukhachevsky]. *Izvestiya.* 40. 15 February. p. 3.
105. Todorskiy, A. (1963) Slavnyy sovetskiy polkovodets. K 70-letiyu so dnya rozhdeniya M.N. Tukhachevskogo [Glorious Soviet commander. To the 70th anniversary of the birth of M.N. Tukhachevsky]. *Pravda.* 47. 16 February. p. 4.
106. Gorelik, Ya. (1963) Voenno-nauchnoe nasledie M.N. Tukhachevskogo [Military-scientific legacy of M.N. Tukhachevsky]. *Krasnaya zvezda*. 40. 16 February. p. 2.
107. *The Moscow News*. (1983) The Marshal and the violin. 26. July 3–10. p. 4.
108. Pasyutin, E. (1983) Marshal i skripka [The Marshal and the violin]. *Izvestiya*. 96. 6 April. p. 6.
109. Kardin, V. (1987) " Uncharted destinies are waiting for us... ". From the memoirs about Yuri Trifonov. *The Moscow News.* 13. April 5–12. p. 16.
110. Koritskiy, N.I., Mel'nik-Tukhachevskaya, S.M. & Chistov, B.N. (1965) *Marshal Tukhachevskiy. Vospominaniya druzey i soratnikov* [Marshal Tukhachevsky. Memoirs of friends and colleagues]. Moscow: Voenizdat.
111. Trifonov, V.A. (1996) Kontury gryadushchey voyny [The contours of the coming war]. In: *Antologiya otechestvennoy voennoy mysli* [Anthology of domestic military thought]. Vol. 10. Moscow: VAGSh VS RF.
112. Voskresensky, L. (1988) Time to make a start. *The Moscow News*. 1. January 10–17. p. 2.
113. Samsonov, A. (1988) Historian V. Morozov is angry. *The Moscow News*. 13. April 3–10. p. 12.
114. Morozov, V.P. et al. (eds) (1975) *Istoriya Vtoroy mirovoy voyny, 1939–1945* [History of World War II, 1939–1945]. Vol. 5. Moscow: Voenizdat.
115. Nenarokov, A. (1988) Armour and horses. Soviet military development in the 1920s–1930s. *The Moscow News.* 14. April 10–17. pp. 8–9.
116. Bakheyeva, A. (1988) General Douglas — that was his name in Spain. *The Moscow News*. 24. June 12. p. 16.
117. Kaplunov, M. & Cherenkov, M. (1988) Lev Termen's war and peace. *The Moscow News*. 10. March 13–20. p. 16.
118. ROSSPEN. (2007) *Voennyy sovet pri NKO SSSR. Dekabr' 1934 g.: dokumenty i materialy* [Military Council under the People's Commissar of Defense of the USSR. December 1934: Documents and materials]. Moscow: ROSSPEN.
119. Kaplunov, M. & Cherenkov, M. (1988) Another look at Lev Termen's long and eventful life. *The Moscow News.* 17. May 1–8. p. 2.
120. Martynenko, O. (1988) Anatoly Rybakov: you must part with your past with dignity. *The Moscow News*. 29. July 17. p. 11.
121. Gurfinkel, M. (1988) Who was repressed? *The Moscow News*. 28. July 17–24. p. 16.
122. Kabakov, A. (1988) From yesterday – to tomorrow. Strolling with a historian around holiday Moscow. *The Moscow News*. 45. November 13–20. p. 4.
123. Pajetta, G. (1989) Learn from the bold. *The Moscow News.* 1. January 8–15. p. 10.
124. Lyubimov, M. (1990) Terror: the last act. *The Moscow News.* 35. September 9. p. 15.
125. Makhov, A. (1990) Firsthand information. Rafael delPino: Castro is the Saribbean's Saddam Hussein. *The Moscow News*. 44. November 11–18. p. 13.
126. Orlov, V. (1991) Surprise! Comeback. *The Moscow News.* 28. July 14–21. p. 11.
127. *The Moscow News.* (1992) Ocean. Russia. Navy. 2. January 12–19. pp. 6–7.
128. Teplyakov, Y. (1992) Who will buy "Varyag". *The Moscow News*. 12. March 22–29. p. 8.
129. Yermolayev, I. (1992) What really happened in Kronshtadt in 1921. *The Moscow News.* 38. September 20–27. p. 14.
130. Sossinsky, S. (1997) The architect's last house. Letter from Russia. *The Moscow News.* 23–24. June 19–July 2. p. 16.
131. Danilov, V.P. et al. (eds) (2007) *"Antonovshchina". Krest'yanskoe vosstanie v Tambovskoy oblasti v 1920–1921 gg.: Dokumenty, materialy, vospominaniya* ["Antonovshchina". Peasant uprising in Tambov Oblast in 1920–1921: Documents, materials, memoirs]. Tambov: [s.n.].
132. Shevelev, V. (2000) "Show Less Sentimentality ...". *The Moscow News*. 33. August 23–29. p. 6.
133. Vasilyev, G. (1993) Lenin asked not to divulge … *The Moscow News*. 8. February 18. p. 9.
134. Nikishin, L. (1997) The Flights and Pitfalls of Sergei Korolyov. *The Moscow News.* 1–2. January 16–22. p. 6.
135. Kuibyshev, V. (1995) Mysterious Kremlin Deaths Remembered. *The Moscow News*. 5. pp. 14.
136. *The Moscow News*. (1997) Calendar for June. 22. June 12–18. p. 6.
137. Novikov, A. (2002) Neither ranks nor marshals were spared. *The Moscow News*. 25. July 3–9. p. 6.
138. Sossinsky, S. (2000) War Correspondent and Repentant Stalinist. *The Moscow News*. 48. December 6–12. p. 6.
139. Medvedev, R. (2001) Parting with Power. How Russian tsars, general secretaries, and presidents dismissed their top officials, and why. *The Moscow News*. 46. November 14–20. p. 6.
140. Wieczorkiewicz, P.P. (1994) *Sprawa Tuchaczewskiego.* Warsawa: Gryf.
141. Masterov, V. (2002) Links in Chain of Death. Polish historian on Red Army purges. *The Moscow News*. 46. November 13–19. p. 6.
142. Taaffe, P. (2009) Stalin's criminal pact. *The Moscow News*. 33. September 1. p. 3.

Информация об авторе:
Федотова И.В. – ведущий архивист Центра изучения истории Гражданской войны Исторического архива Омской области (Омск, Россия). E-mail: ivputintseva@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
I.V. Fedotova, leading archivist, Historical Archive of Omsk Oblast (Omsk, Russian Federation). E-mail: ivputintseva@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 13.05.2022;
одобрена после рецензирования 24.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 13.05.2022;
approved after reviewing 24.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 181–188
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2022. 479. pp. 181–188

Научная статья
УДК 929
doi: 10.17223/15617793/479/19

Лев Арнольдов: журналист, мемуарист, китаевед

Амир Александрович Хисамутдинов[1], Наталья Владимировна Хисамутдинова[2]

[1] Дальневосточное отделение Российской академии наук, Владивосток, Россия, khisamut@yahoo.com
[2] Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Владивосток, Россия, natalya.khusamutdinova@vvsu.ru

Аннотация. Рассказывается о деятельности журналиста Л.В. Арнольдова (1894–1957, Бразилия) в период Гражданской войны в России и эмиграции в Китай. Директор отдела иностранной информации в Русском бюро печати правительства Колчака, редактор «Шанхайской зари», самой успешной русской газеты в Китае, журналист проявил себя и как общественный деятель русской эмиграции, основатель ряда творческих объединений, талантливый мемуарист и китаевед. В статье использованы ранее неизвестные материалы из архивов и библиотек США.

Ключевые слова: Л.В. Арнольдов (1894–1957), русская журналистика в Китае, газета «Шанхайская заря», русские в Китае, русское китаеведение

Для цитирования: Хисамутдинов А.А., Хисамутдинова Н.В. Лев Арнольдов: журналист, мемуарист, китаевед // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 181–188. doi: 10.17223/15617793/479/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/19

Lev Arnoldov: A journalist, memoirist, and Sinologist

Amir A. Khisamutdinov[1], Natalia V. Khisamutdinova[2]

[1] Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation, khisamut@yahoo.com
[2] Vladivostok State University of Economics and Service, Vladivostok, Russian Federation, natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

Abstract. The article reveals the details about the activities of the journalist Lev V. Arnoldov (1894, Russia – 1957, Brazil) during the Civil War in Russia and his emigration to China, where he was one of the most prominent figures of the Russian diaspora. Most sources of information about him, as well as his publications of the emigration period, are located abroad, mainly in the United States; therefore, Arnoldov's name is little known in Russia. Meanwhile, his life is a unique example of a person's adaptation to difficult, often tragic circumstances, the search for his place in new living conditions. Not accepting Soviet power, Arnoldov joined the anti-Bolshevik forces. As a student at Tomsk University, he began publishing articles in support of the White Movement, then he headed the Press Affairs Department of the Provisional All-Russian Government, and was the director of the Foreign Information Bureau of the Ministry of Foreign Affairs in the government of Admiral Kolchak. Performing the task of propaganda of white governments, he contributed to the financial and moral support of Kolchak's dictatorship by other states. Having emigrated to China in August 1920, Arnoldov first worked in Harbin newspapers and founded (together with S.Ya. Alymov) the publishing house and *The Rupor* newspaper, but his talent as a publicist was especially pronounced in the *Shankhayskaya Zarya* (The Shanghai Dawn) newspaper (1925–1945). He was its editor for more than twenty years. The most successful Russian newspaper in China, *Shankhayskaya Zarya* was popular among expats due to its political indifference and attention to the acute issues of the emigrant life in China, such as unemployment, prostitution, youth problems, and relations with the Chinese. Covering these topics, Arnoldov declared himself as a talented Sinologist, publishing a number of works of ethnographic and political science and teaching Sinology at Shanghai Commercial College. He also wrote his memoirs which are a unique source of information about Russia in 1905–1920. He also proved himself to be a public figure in Russian emigration, becoming a founder and an active participant in several Russian associations of creative professions in China, e.g., the Writer and Journalist Union in Shanghai, Ponedel'nik (Monday), KhLAM, and Zelyonaya Lampa (the Green Lamp). In the article, previously unknown materials from the Museum of Russian Culture in San Francisco and a collection of Russian press in China from the Hamilton Library of the University of Hawaii (Honolulu) were used. They gave the opportunity to determine Arnoldov's place in the Russian emigration in China and to assess his contribution to journalism, science and the social activities of the Russian diaspora in this country.

Keywords: Lev Arnoldov (1894–1957), the *Shanghai Dawn* newspaper, *Shankhaiskaya Zarya*, Russians in China, Russian Sinology, Russian journalism in China

© Хисамутдинов А.А., Хисамутдинова Н.В., 2022

For citation: Khisamutdinov, A.A. & Khisamutdinova, N.V. (2022) Lev Arnoldov: A journalist, memoirist, and Sinologist. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 181–188. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/19

Имя журналиста Льва Валентиновича Арнольдова стоит в ряду наиболее известных деятелей российской эмиграции в Китае. Он публиковал статьи газетах Харбина и основал там (вместе с поэтом С.Я. Алымовым) издательство и газету «Рупор». Позднее он был редактором «Шанхайской зари», самой успешной русской газеты в Китае, руководя ее изданием более двадцати лет, до закрытия газеты. Арнольдов также проявил себя как общественный деятель русской эмиграции, став основателем и активным участником нескольких русских творческих объединений в Китае: «Понедельник», ХЛАМ, «Зеленая лампа». Он заявил о себе и как талантливый китаевед, опубликовав ряд работ этнографического и политологического характера, а его мемуары – это уникальный источник информации о России периода 1905–1920 гг.

На мемуары Арнольдова обратили внимание томские исследователи [1]. Правда, они ограничились анализом воспоминаний журналиста о жизни в Томске, не уделяя большого внимания его эмигрантской деятельности. Об этом немного рассказала китайская исследовательница в своем труде о русской прессе в Китае [2], использовав воспоминания другой русской эмигрантки – Н.И. Ильиной [3]. Имя Арнольдова встречается в ряде публикаций о средствах массовой информации периода Гражданской войны в России [4, 5], но без каких-либо подробностей о журналисте и его работе на этом поприще. В целом же в России об Арнольдове почти не знают: большинство источников сведений об этом человеке, как и его публикации периода эмиграции, находятся за границей, в основном в архивах и библиотеках США, что делает их труднодоступными для российских исследователей.

Некоторые материалы, проливающие свет на деятельность Арнольдова как в период Гражданской войны в России, так и в эмиграции, можно найти в коллекциях документов других деятелей эмиграции (А.С. Лукашкина, Ю.В. Крузенштерн-Петерец и др.), которые хранятся в Музее русской культуры в Сан-Франциско. Книги Арнольдова имеются в русской коллекции Гавайского университета (Russian Collection of Hamilton Library of University of Hawaii), которая также располагает коллекцией русской прессы Харбина и Шанхая с его газетными публикациями.

Занимаясь много лет биографией Л.В. Арнольдова, мы собирали сведения о нем в периодических изданиях русского Китая и воспоминаниях современников. Местонахождение личного архива Арнольдова, документы которого могли бы пополнить наши сведения о нем, неизвестно. Вероятно, он был уничтожен или потерян при эмиграции журналиста в Бразилию: наши попытки отыскать его в ходе полевых работ в Китае и Южной Америке успехом не увенчались. Но и те материалы, что имеются в распоряжении, позволяют определить место Арнольдова в русской диаспоре Китая и оценить его вклад в журналистику, науку и общественную деятельность. За большую помощь в исследованиях мы выражаем благодарность заместителю председателя Музея русской культуры (Сан-Франциско) Иву Франкьену (Yves Franquien) и русскому библиографу Гавайского университета (Гонолулу) Патриции Полански (Patricia Polansky), которые помогли выявить неизвестные ранее материалы о Л.В. Арнольдове.

Будущий талантливый журналист родился 10 (22) июня 1894 г. в с. Черевковском Сольвычегодского уезда Вологодской губернии, но через три года его отца назначили лесным ревизором в Тобольскую губернию, и до 1904 г. семья жила в г. Таре. Затем Арнольдовы переехали в Омск, потом некоторое время жили в Тюмени, в 1908–1910 гг. – в Тобольске, затем – в Иркутске. Лев Арнольдов учился в Омской гимназии, Тюменском Александровском реальном училище, Тобольской и Иркутской гимназиях. В 1912–1913 гг. он слушал лекции в университетах Берлина, Парижа и Тулузы, а затем, вернувшись в Россию, вместе с братом Евгением продолжил образование на медицинском факультете Томского университета. Со школьных лет Лев проявлял большой интерес к журналистике: местные издания регулярно печатали его заметки, а в 1915–1916 гг. он сотрудничал с ежедневной газетой «Иркутская жизнь». Один из его друзей писал, что «он окунулся в журналистику и политику, вероятно, еще раньше того, как начал сбривать пушок, обозначавший усы» [6].

Большое впечатление на студента Арнольдова произвела Февральская революция 1917 г.: он стал активно участвовать в общественной жизни Томского университета. В частности, будучи членом университетского старостата, он вел переговоры с Советом профессоров об отмене промежуточных весенних экзаменов (минимумов). Позднее его избрали в Совет объединенных старостатов вузов Томска. В ноябре 1917 г., когда под влиянием профессора Н.Я. Новомбергского Арнольдов перевелся на юридический факультет, его избрали товарищем председателя президиума (им был тот же Новомбергский) студенческого юридического общества. Был он и редактором первых двух номеров журнала «Известия советов студенческих старост г. Томска» (всего вышло три номера) [1. С. 160].

После установления в Томске советской власти Арнольдов был в числе профессоров и студентов, выступивших против нее. Неудивительно, что он решил примкнуть к антибольшевистским силам. Покинув Томск в марте 1918 г., он уехал в Иркутск к матери (отец умер в 1914), а затем перебрался в Хабаровск, где стал преподавать одновременно в нескольких учебных заведениях: Хабаровском кадетском корпусе, коммерческом училище и 2-й женской гимназии. Кроме того, он читал лекции по политической экономии в Хабаровском народном университете [7. С. 131]. В это время он опубликовал ряд статей в под-

держку белого движения в газетах «Приамурская жизнь» и «Приамурье».

Работу в Хабаровске пришлось неожиданно прервать: в октябре 1918 г., после создания Уфимской директории, Арнольдова назначили начальником департамента по делам печати Временного Всероссийского правительства. Без влияния профессора Новомбергского не обошлось и здесь: департамент был в его ведении. В этой же должности Арнольдов остался и после прихода к власти Колчака. Из Харбина, где он находился с середины ноября 1918 г., его срочно вызвали в Омск. Туда он уехал «поездом военного министра»: из Харбина к Колчаку направлялось много офицеров. «Мне не было жаль бросить Харбин, – вспоминал Арнольдов. – Разве из этого беспечального города можно служить России в дни ее великих потрясений? Но я знал заранее, что снова с головой ухожу, кидаюсь опять в самую гущу политики, и что пока из этой гущи не вынырну, частной жизни не будет, а в то, что со мною случится, думал я, заглядывать не надо» [7. С. 135].

Уже в Омске Арнольдов получил новое назначение – директором бюро иностранной информации Министерства иностранных дел. Его статьи под псевдонимом «Сербский» в это время появлялись в ежедневной газете «Русская армия» («газета военная, общественная и литературная») и «Наша заря» (Омск). Когда в июне 1919 г. все информационно-пропагандистские учреждения правительства Колчака были объединены в Русское бюро печати, которое Арнольдов назвал «министерством пропаганды», он занял должность директора отдела иностранной информации, задачей которого была пропаганда правительства Колчака в зарубежной прессе. «Когда стали приходить из-за границы газеты, где наши телеграммы и наша информация появлялись на первых страницах, когда радио из Бордо и Лиона в своих широковещаниях цитировало из недели в неделю наши коммюнике без сокращений, когда в моих руках оказался номер Нью-Йоркского “Таймаса” с заголовком, нами составленным, через всю первую страницу: “National Assambly promised by Omsk Government”, тогда только можно было сказать, что кое-что начало делаться для того, чтобы диктатура адмирала Колчака получила, наконец, в мире “хорошую прессу”, без чего нельзя было рассчитывать на материальную и моральную поддержку бывших союзников» [7. С. 155–156].

В этот период Арнольдов близко сошелся с известным журналистом Мечиславом Станиславовичем Лембичем (1891, Бендеры – 1932, Шанхай), выпускавшем в Русском бюро печати газету «Русь» и сыгравшим в дальнейшем важную роль в жизни Арнольдова. В годы Первой мировой войны (1914–1918) Лембич работал военным корреспондентом газеты «Русское слово», одной из наиболее влиятельных в России, писал и в другие газеты, и его, по словам Арнольдова, знала вся Россия. Затем Лембич служил в Добровольческой армии генерала Л.Г. Корнилова и был дважды награжден за храбрость Георгиевским крестом. В начале Гражданской войны он издавал газету Добровольческой армии, пока в июне 1919 г. не перешел через линию фронта от Деникина к Колчаку.

Осенью 1919 г., с приближением Красной армии к Омску, все правительственные учреждения Колчака были эвакуированы в Иркутск, но Арнольдова в их составе уже не было. В конце июля 1919 г. вместе с матерью он отправился по железной дороге во Владивосток, рассчитывая оттуда уехать в командировку в США для пропагандистской деятельности: «…наладить там информацию, дать интервью в ряде крупнейших городов, напечатать, где потребуется, нужные статьи, сделать доклады во влиятельных объединениях» [7. С. 160]. По пути на Дальний Восток его намерения изменились. В Харбине Арнольдова застала телеграмма о том, что его отставка принята.

Журналист пытался найти прибежище сначала в Хабаровске, затем во Владивостоке, где он публиковался в газетах «Вечер» и «Слово», а в августе 1920 г. вернулся в Харбин. О вынужденной эмиграции он позднее писал: «Те, кто начинал борьбу за Россию, за порядок, за прошлое, которое они научились ценить с детства, за все то, что было знакомо, дорого, мило, приятно, близко в России, в ее центрах, на ее юге, – те в большинстве оказались – одни в Константинополе, другие в Берлине. Потом все съехались и живут теперь в Париже. Те же, кто начинали ту же борьбу, за те же цели, но на востоке России… тем пришлось пострадать и вынести больше… борьба в Сибири и на Дальнем Востоке тянулась дольше. Когда на западе, на юге России все было уже давно кончено, здесь, на Востоке, имел место героический Хабаровский поход, годовщину которого участники недавно отметили. Потом эпопея частей барона Унгерна в Монголии… А потом пошла эвакуация из Владивостока на Гензан, странствования флотилии Старка по южным морям. Лагери для беженцев в Чанчуне, суровая встреча нежелательных русских в Шанхае. Все это известно, все пережито, выстрадано» [8].

В Харбине Арнольдов провел четыре с половиной года. Он публиковал статьи в харбинских газетах «Русский голос», «Свет» и «Харбинская заря», а подружившись с поэтом С.Я. Алымовым, основал вместе с ним газету «Рупор» и одноименное издательство. Вскоре «Рупор» – с Алымовым-редактором и его помощником Арнольдовым – стал одной из лучших газет в Харбине. Свободное время друзья тоже часто проводили вместе в Обществе писателей и журналистов (Харбин, конец 1921–1923), куда входили не только известные литераторы и газетчики (Н. Алл (Дворжицкий), Т. Баженова, С. Гусев-Оренбургский, В. Март, Ф. Камышнюк, Е. Росс, С. Скиталец и др.), но и общественные и политические деятели (Г.К. Гинс, Н.В. Устрялов, Л.К. Зандер, Е.Х. Нилус), что делало Общество своеобразным интеллектуально-политическим клубом [9. С. 115–116].

После падения правительства Колчака в Харбине оказался и Лембич. Он основал издательство и газету «Заря» (кит. назв. Xiaguangbao), первый номер которой вышел 15 апреля 1920 г., как считали некоторые эмигранты, на деньги бывшего министра финансов И.А. Михайлова. «Открылась харбинская “Заря”, –

вспоминала Юстина Владимировна Крузенштерн-Петерец (1903–1983, Калифорния), – в полном смысле слова на “Ура”. Денег не было, но были люди – все молодые энтузиасты. Первая жена Лембича, с которой он впоследствии развелся, но остался в дружеских отношениях, оказалась деятельной помощницей, беря на себя самые разнообразные обязанности: то сидела в конторе, то бегала по магазинам, собирая объявления. И все-таки газета жила только день ото дня, еле сводя концы с концами...» (Музей русской культуры в Сан-Франциско (МРК). Коллекция документов и рукописей Ю.В. Крузенштерн-Петерец).

В Харбине тех лет складывалась непростая ситуация. Одни ждали, когда в России рухнет советская власть и прожигали жизнь и остатки средств в увеселительных кафешантанах. Другие пробовали приспособиться к новым обстоятельствам и найти свое место в условиях эмиграции, разъезжаясь из Харбина по другим китайским городам. Так, несколько тысяч русских уехали в Шанхай, где появилось больше возможностей для трудоустройства: после многотысячной забастовки иностранные концессии обратили внимание на русских эмигрантов и стали нанимать их на работу. Новые возможности для бизнеса быстро уловил и Лембич, сыгравший огромную роль в становлении русской печати в Китае. У него возникла идея издавать в Шанхае новую газету, и он нашел союзника в лице Арнольдова, который уже тяготился жизнью в Харбине и задумывался о переезде.

К концу 1920-х гг. в Шанхае выходило большое количество русских газет и журналов (Федеральный архив США. Коллекция Шанхайской муниципальной полиции (SMPF). Reel 66. IO 9121/11 (Russian emigrants and their newspapers in Shanghai)), спектр которых свидетельствовал о свободе русских шанхайцев в политических пристрастиях. Одну из первых газет просоветской ориентации, «Шанхайская жизнь», основанную известным журналистом-большевиком Г.Ф. Семешко (Семесков) и публиковавшую пропагандистские материалы из Москвы, выпускал с 21 сентября 1920 г. редактор-издатель Г.Г. Заон. Членами редакционной коллегии были А.Н. Байдуйный, М.В. Вышинский, И.И. Гонорский и др. После продажи газеты в 1922 г. она стала называться «Новой шанхайской жизнью» (SMPF. Reel 64, f. D.3012). С декабря 1923 г. в Шанхае издавалась антибольшевистская ежедневная газета «Россия за границей». Другая антикоммунистическая газета, «Русский голос», выходила в Харбине и Шанхае в 1920–1926 гг., затем, преобразованная в «Русское слово», печаталась до 1935 г.

Основанная Лембичем «Шанхайская заря», в которой ярко проявился талант журналиста Арнольдова, стала самой успешной среди эмигрантских газет. Она выходила с 25 октября 1925 г. ежедневным заявленным тиражом 2 500 экземпляров. Газета подчеркивала свою аполитичность и старалась найти читателя в самых широких слоях русского Шанхая. В 1930 г. тираж газеты вырос до 3 000 (SMPF. Reel 70; 42, f. D8149). Редактор Арнольдов писал: «Мы с первых номеров наметили себе путь, с которого не свернули, как, вероятно, с нами согласятся все без исключения читатели. Это путь обслуживания интересов всего русского Шанхая, путь защиты на чужой стороне русских граждан, равно как и их правовых интересов» [10. С. 1].

Изначально редакция располагалась на улице Байлаохуй в международном сеттльменте Шанхая, что давало газете большое преимущество: неподалеку проживало немало русских эмигрантов, с которыми было удобно поддерживать связь. В дальнейшем центром сосредоточения русских стала авеню Жоффра (теперь улица Хуайхай), самая процветающая улица французского сеттльмента, и в конце 1920-х гг. «Шанхайская заря» переехала на нее [2].

«Редакция газеты находилась напротив ресторана, где по вечерам пели русские и цыгане. Глубокой ночью редакторы и журналисты после тяжелого рабочего дня шли туда отдохнуть. Комнаты редакции были не очень хорошими, даже кабинет главного редактора Арнольдова, – единственное окно выходило на заднюю стену многоэтажного дома, поэтому здесь всегда было темно. Приемная была самой просторной комнатой во всем издательстве: она разделялась на две части стойкой, сверху на стойке установили чугунную решетку с тремя окнами: в одном платили за размещение рекламы, в другом – за подписку, а в третьем выдавались гонорары. Слева от стойки была небольшая дверь в кабинет секретаря. За стойкой была дверь, ведущая в святая святых редакции – кабинет директора» [3. С. 195].

«Шанхайская заря» считалась солидной газетой, была популярна среди эмигрантов и имела доход, несмотря на отсутствие субсидий, благодаря чему Арнольдов в этот период был вполне благополучен. Известная советская писательница Наталья Иосифовна Ильина (1914–1994), начинавшая журналистскую деятельность в этой газете, оставила о редакторе такие воспоминания: «Арнольдов жил неподалеку от редакции, являлся туда несколько раз в день и неизменно в полночь – проглядеть, подписать последние полосы. Шел по коридору своей гусиной походкой, развернув ступни, заглядывал в репортерскую – невысокий, лысый, голубоглазый, с уютным брюшком, в пухлой, женской руке сигара. Бело-розовый и выхоленный, он одевался на иностранный манер — пиджаки из рыжего твида, серые фланелевые брюки, вязаные жилеты… А бывало, что ночью Арнольдов появлялся в лакированных ботинках и видневшемся из-под пальто смокинге, что означало: только что с банкета! В этой прокуренной, с грязными стенами репортерской он выглядел существом из иного мира, из мира коктейлей, дорогих отелей и автомобилей последних марок. Стоя на пороге, слегка покачиваясь на носках, Арнольдов снисходительным взглядом, окидывал репортеров в их кургузых пиджаках, произносил: “Ну-с, ну-с, трудитесь!” – и исчезал, оставив после себя запахи сигары, одеколона, иногда чего-то приятно-алкогольного» [3. С. 196].

Благосостояние русской общины в Шанхае быстро росло. Если раньше иностранцы весьма пренебрежительно относились к русским клиентам и покупате-

лям, то уже с середины 1920-х гг. в самых фешенебельных магазинах и ресторанах стала слышна русская речь. Русские вошли в число самых богатых горожан, «совершив чудо», как говорили иностранцы [11. С. 2]. Тем не менее Арнольдов и другие эмигранты в Шанхае замечали ярко выраженную дискриминацию в отношении русских со стороны администрации Международного сеттльмента и Французской концессии и понимали, что они гораздо ближе по положению к китайцам, чем к привилегированным иностранцам. Об этом Арнольдов много писал, анализируя ситуацию [12. С. 7; 13. С. 5]. Его особо тревожило положение русских женщин, вынужденных ради заработка идти в танцовщицы или заниматься проституцией. Он писал: «С сокращением дансингов и из-за того, что в барах дела идут неважно, число русских девушек с большими, подведенными, жадными глазами, которых можно встретить на Ванпу-роуд, в первых кварталах Бродвея, в начале Нанкин-роуд и в особенности на набережной Банд, все увеличивается. И в самом деле, куда же им деться?.. Как добыть кусок хлеба?.. Неужели один выход – панель?!?» [14. С. 5].

У русских жителей Шанхая, как считал Арнольдов, был единственный выход – лучше узнавать китайцев, изучать их обычаи, учиться у них жизни [15. С. 4], и действительно, среди иностранных резидентов Шанхая русские эмигранты лучше других умели общаться с китайцами и жить с ними в дружбе. Выступая от имени русской прессы на банкете в честь первой годовщины Нанкинского правительства, на который были приглашены представители зарубежных информационных агентств, Арнольдов говорил: «За последние девять лет русские в Китае под сенью китайских законов не только нашли себе здесь убежище в непогоду, они обретают в Китае свою вторую родину... Русские беспрепятственно селятся, занимаются торговой деятельностью, служат, воспитывают подрастающую молодежь в заветах нашей национальной культуры, ходят в свои храмы и создают их, имеют свои школы, больницы, пускают глубокие корни в почву, поначалу казавшуюся такой чужой. Говоря не только от имени издательства “Заря”, но и выражая настроение 300-тысячного русского населения в Китае, необходимо подчеркнуть, что и в лице новой власти мы встречаем к себе то же внимание и гостеприимство» [16. С. 5].

Арнольдов возлагал большие надежды на стремительно подраставшее «ошанхаивающееся» поколение: «Нельзя не признать, что молодежь не понимает нашего энтузиазма, образа мыслей и идеалов, как мы не понимаем их интересов и увлечений. Не надобно все время упрекать русскую молодежь, которая растет в Шанхае и невольно ошанхаивается. Нет необходимости вовлекать их в политическую атмосферу, свойственную кругу русской эмиграции. Надо уметь приблизить веру русских эмигрантов к шанхайским реальностям. Молодежи не надо больше волноваться из-за разногласий своих отцов. Ошанхаивающиеся молодые люди тем не менее остаются русскими. Они носят русские имена и фамилии. Даже тогда, когда русские девушки выходят замуж за иностранцев, им следует научить своих детей говорить на иностранном языке, который носит их отец, и на русском языке, которым владеет их мать. Положение нашей молодежи в Шанхае гораздо лучше, чем у нас. Им легче адаптироваться к жизни в Шанхае, чем их собственным отцам. Им легче найти работу, которая сможет обеспечивать их жизнь. Они лучше своих отцов общаются с выходцами из других стран. Им удобнее контактировать и разговаривать с китайцами, чем их отцам. У них много друзей среди европеизированной китайской молодежи. Они хорошо разбираются в различных шанхайских делах. Я глубоко убежден, если мы в будущем передадим управление русской эмиграцией нынешним детям – влияние, престиж и авторитет русской эмиграции в Шанхае наверняка значительно возрастут. Они более уверены, чем их отцы, и более сплочены друг с другом. Они придерживаются более сдержанного и терпеливого подхода, чем их отцы, по отношению к чужому мнению. Как только руль окажется в их руках, нынешнее общественное мнение русской эмиграции, которая проявляет равнодушие к некоторым важным вопросам, перестанет существовать. У шанхайской русской эмиграции появятся самоуважение и достоинство, равные с уроженцами других стран. Такие “общественные деятели”, которые занимаются одними только инсинуациями и клеветой, упреками и руганью, перестанут существовать. Связи между шанхайскими русскими эмигрантами и выходцами других стран будут теснее, будут более прямыми, а внутренних разногласий и раздоров станет все меньше и меньше. Будущие шанхайские русские эмигранты будут богаче в экономическом плане (и благополучнее в благосостоянии)» [17. С. 6].

Многочисленные материалы, собранные для газетных публикаций, Арнольдов использовал в книге «Китай как он есть. Быт и политика. Наблюдения, факты и выводы», изданной в 1933 г. и ставшей первой книгой русской эмиграции, анализирующей события в Китае. Не будучи китаеведом, автор смог описать в ней быт китайского народа, связав его с политическими событиями, в частности японской оккупацией и образованием империи Маньчжу-Го. «Работая все эти пятнадцать лет в Китае в качестве русского журналиста, – писал он, – по характеру профессии вынужденного следить за ходом событий, имеющего к тому же легкую возможность проверять факты из первоисточников, а также встречаясь и говоря с теми, кто “делает” современную китайскую историю, автор смеет думать, что его скромные наблюдения не окажутся бесполезными для тех, кто никогда не был, тем более не жил подолгу в Китае, но кто живо воспринимает события, будоражащие почти от края до края эту великую страну, вот уже на протяжении четверти века сотрясаемую судорогами глубокого, революционного, социального, реформаторского движения» [18. С. 3].

Рецензент отмечал: «Для журналистов книга Л.В. Арнольдова может быть настольной книгой. Автор не только хорошо знает Китай, но обладает живым острым умом и способностью наблюдать и затем рассказать. Арнольдов – не сухой ученый-этнограф,

только и знающий, что ссылаться на синологическую литературу. Он сам знает то, о чем пишет. Кроме того, у него умение легко и точно выражать свою мысль, что позволяет читать эту специальную книгу самым широким кругам читателей» [19. С. 23].

На следующий год Арнольдов подготовил новую рукопись, в которой подвел итоги своего участия в Гражданской войне [7]. Если первая часть книги «Жизнь и Революция» рассказывает о революции 1905 г., о которой автор мог знать только с чужих слов, то во второй части, наиболее интересной, он описывает то, что происходило в «белом Омске». Обращают на себя внимание первые впечатления Арнольдова о Лембиче, зарисовки об «Омском Парнасе», многие деятели которого также оказались в эмиграции. В предисловии Арнольдов писал: «В своеобразной форме воспоминаний, преломляя факты личной жизни через призму крупнейших событий эпохи, мне хотелось показать в более или менее художественной форме, как герой повествования, в данном случае – автор, один из миллионов русских, воспринимал события исторического масштаба, участвовал в них и их расценивал… Я хотел быть честен в своих мыслях о России, честен и искренен до конца. Во что я веровал и верую, то и исповедую» [7. С. 3]. Эпиграфом для книги взяты строки А. Блока: «Да и такой, моя Россия / Ты всех краев дороже мне!».

Журналистка Наталья Резникова отмечала: «В своей книге автор полно и правдиво описывает революцию, как она и проходила в Омске, подходя к ней постепенно и умело разворачивая нарастание событий. Освещая политическую конъюнктуру, Л.В. Арнольдов не забывает отразить и быт, состояние умов и настроения интеллигенции и студенчества. Попутно он дает яркие характеристики важнейших политических деятелей тех дней, с которыми ему приходилось встречаться и которые “вершили судьбу Омска”. Особенно полно и интересно отражен в книге период колчаковский. Обаятельной личности самого Колчака автор удаляет немало внимания Многие лица, о которых рассказывает автор и деятельность которых освещает, находятся теперь или находились не так давно в Харбине и почти всем на Дальнем Востоке известны…» [20. С. 24].

Описание впечатлений о Китае Арнольдов продолжил в книге «Из страны белого солнца», верно предсказав подъем, экономический и культурный, этой страны. «Живя в Китае долгие года, – писал он, – мы не могли подметить никаких доказательных признаков упадка, наоборот, многое говорит за то, что эта неисчислимая нация становится в конце концов на путь укрепления государственных основ. Что же касается интеллектуального ренессанса, то он бесспорен. Возможно, что ни мы, ни дети наши не увидят еще Китай полностью восстановленным во всем великолепии его древнего и славного прошлого. Но даже если этот процесс возрождения великого народа затянется на столетия, человечество не должно терять веры в будущее Китая» [21. С. 6]. Китаеведческие исследования пригодились Арнольдову в педагогической работе, которую он возобновил после долгого перерыва. С открытием Шанхайского коммерческого колледжа (основан 23 марта 1936 г., директор Б.И. Эльтеков) он стал вести в нем занятия по китаеведению [22. С. 24].

К многоплановой деятельности Арнольдова – журналистской, литературной, педагогической – следует добавить и общественную работу. Он был среди руководителей Союза писателей и журналистов, основного профессионального и творческого объединения в Шанхае, основанного Русским эмигрантским комитетом (РЭК), и участвовал в издании его журнала «Мысли и творчество» (основан В.С. Валем-Присяжником). Участвовал Арнольдов и в основании другого творческого объединения, содружества русских работников искусства «Понедельник» (осень 1929 г.). Самым примечательным в деятельности объединения было издание двух литературно-художественных сборников «Врата», в одном из которых (1935) Арнольдов опубликовал очерк «Сокровища китайского искусства», способствуя тем самым выполнению одной из задач организации: изучению быта, искусства и культуры народов Дальнего Востока [9. С. 208].

Входил Арнольдов и в число учредителей ХЛАМа (Содружество художников, литераторов, артистов и музыкантов), основанного осенью 1933 г. Многие из его членов начинали артистическую и иную творческую деятельность во владивостокском «Балаганчике». Вместе с А.В. Петровым (Полишинель), М.Ц. Спургот (Сэр Майк), В.В. Пановой-Рихтер, П.А. Дьяковым, В.С. Валем и другими Арнольдов был в составе «Ядра», первого правления ХЛАМа. Еженедельные встречи членов Содружества для веселого времяпровождения чередовались с творческими вечерами и бенефисами отдельных лиц, проводившимися в лучших залах Шанхая. Арнольдов входил и в литературное объединение «Зеленая лампа», основанное в Шанхае во время Второй мировой войны Валем [23. С. 4].

О последних годах жизни Арнольдова известно мало. После окончания Второй мировой войны, когда русские стремились покинуть Китай, Арнольдов оставался в Шанхае. После прихода советских войск журналиста арестовали, но скоро выпустили благодаря поддержке влиятельных китайских друзей. Хотя у него неоднократно были шансы уехать в другую страну, он оставался в Шанхае, так как не мог бросить мать, к которой был очень привязан. Любовь Владимировна Арнольдова, 1856 г. рождения, обожала сына и помогала ему в написании книг, занимаясь редактурой и корректурой. Желания репатриироваться у Арнольдовых не было. Скорее всего, Лев знал о судьбе брата, Евгения Арнольдова (родился в 1895, с. Черевковское Вологодской губ.), который после окончания медицинского факультета Томского университета жил в СССР. Он работал экономистом Тобольского окрплана, когда был арестован 7 октября 1937 г. Через месяц его расстреляли в Тобольске (реабилитирован в июне 1989 г.). Лев Арнольдов уехал в Бразилию, только похоронив мать, став, вероятно, одним из последних русских, покинувших Китай. В Бразилии он вскоре и скончался.

На жизнь Льва Арнольдова выпало немало невзгод и испытаний, которые он пронес с честью. Его судьба – уникальный пример адаптации человека к непростым, зачастую трагическим обстоятельствам, поиска своего места в новых жизненных условиях. Не приняв советской власти и примкнув к антибольшевистским силам, журналист Арнольдов добросовестно выполнял свою задачу пропаганды в прессе белого движения, переключившись после переезда в Китай на освещение проблем эмигрантской жизни. Работая в популярных русских газетах Харбина и Шанхая, он акцентировал внимание на острых вопросах, с которыми сталкивалась русская диаспора, предлагая выход из трудных ситуаций. Не будучи по образованию ни китаеведом, ни этнографом, Арнольдов проявил себя талантливым исследователем, анализируя быт и нравы китайского народа на фоне политических событий, происходивших в стране. Он использовал эти материалы для общественной и педагогической деятельности в Китае, внушая людям мысль о необходимости дружбы и взаимопонимания между народами.

«Только история отдаленного будущего подведет окончательный итог борьбе за Россию, – писал Арнольдов. – На нашу долю выпадает одна довольно скромная задача – без ложного стыда признаться в своих ошибках и вместе с тем воздать должное тем, кто мужественно приняли на свои плечи борьбу во имя России и принесли себя в жертву этой борьбе» [7. С. 122]. Вклад Л.В. Арнольдова в разные сферы деятельности русской диаспоры в Китае убедительно доказывает, что его собственная «борьба во имя России» была успешной, принеся плоды в виде злободневных статей в помощь русским эмигрантам, воспитанию подрастающего поколения, а также мемуаров, ставших уникальным источником информации о России 1905–1920 гг.

Список источников

1. Фоминых С.Ф., Степанов А.О. Русская революция и Томский университет в воспоминаниях Л.В. Арнольдова // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 424. С. 158–167.
2. Чжао Юнхуа. Русская пресса в Китае (1898–1956) / пер. с кит. А.А. Зеленовой. М. : Шанс, 2017. С. 255–259.
3. Ильина Н.И. Дороги и судьбы. М. : Московский рабочий, 1991. 656 с.
4. Шевелев Д.Н. Деятельность осведомительных и культурно-просветительных органов Российского правительства адмирала А.В. Колчака по объединению и координации антибольшевистской пропаганды: создание Русского бюро печати и Осведверха // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 340. С. 113–117.
5. Молчанов Л.А. Белая Сибирь: деятельность информационно-агитационных учреждений (1918–1920 гг.) // Новый исторический вестник. 2011. № 3 (29). С. 43–57.
6. Гзель А. Лев Арнольдов // Чужбина. Харбин, 1930. № 4 (Март).
7. Арнольдов Л.В. Жизнь и Революция. Гроза пятого года. Белый Омск. Шанхай : Изд-во А.П. Малык и В.П. Камкина, 1935. 278 с.
8. Арнольдов Л.В. Размышления к моменту // Шанхайская заря. 1932. 3 фев.
9. Булгаков В. Словарь русских зарубежных писателей. New York : Norman Ross Publ. Inc., 1993.
10. Арнольдов Л. Двухтысячный // Шанхайская заря. 1932. 10 июля.
11. Арнольдов Л.В. Ставка на русских // Шанхайская заря. 1928. 22 февр.
12. Сербский В. Шанхайские бродяги и русские беженцы // Шанхайская заря. 1928. 13 мая.
13. Сербский В. Иностранцы и мы // Шанхайская заря. 1928. 17 мая.
14. Арнольдов Л.В. Без защиты // Шанхайская заря. 1929. 13 авг.
15. Арнольдов Л.В. Впечатление поездки // Шанхайская заря. 1927. 20 сент.
16. Арнольдов Л.В. Заявление прессы – правительству // Шанхайская заря. 1929. 21 янв.
17. Сербский В. Колония будущего // Шанхайская заря. 1931. 1 марта.
18. Арнольдов Л.В. Китай, как он есть: Быт и политика: Наблюдения, факты, выводы. Шанхай : Рус. тип. «График», 1933. 371 с.
19. Книжные новинки // Рубеж. 1933. № 15 (8 апр.).
20. Н[аталия] Р[езникова]. Книжные новинки // Рубеж. 1935. 5 окт. № 41.
21. Арнольдов Л.В. Из страны белого солнца : этюды о Китае. Шанхай : Изд-во А.П. Малык и В.П. Камкина, 1934. 432 с.
22. Шанхайский коммерческий колледж // Бюллетень Русского общественного собрания. 1940. 27 дек. № 8. С. 22–24.
23. Гелета К. Шанхайская богема // Новая заря. 1967. 11 янв.

References

1. Fominykh, S.F. & Stepanov, A.O. (2017) The Russian Revolution of 1917 and Tomsk University in the memoirs of L.V. Arnoldov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 424. pp. 158–167. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/424/22
2. Zhao Yonghua. (2017) *Russkaya pressa v Kitae (1898–1956)* [Russian press in China (1898–1956)]. Translated from Chinese by A.A. Zelenova. Moscow: Shans. pp. 255–259.
3. Il'ina, N.I. (1991) *Dorogi i sud'by* [Roads and destinies]. Moscow: Moskovskiy rabochiy.
4. Shevelev, D.N. (2010) The activities of information, cultural and educational bodies of the Russian government of Admiral A.V. Kolchak on the unification and coordination of anti-Bolshevik propaganda: the creation of the Russian Press Bureau and Osvedverkh. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 340. pp. 113–117. (In Russian).
5. Molchanov, L.A. (2011) Belaya Sibir': deyatel'nost' informatsionno-agitatsionnykh uchrezhdeniy (1918–1920 gg.) [The White Siberia: activities of information and propaganda institutions (1918–1920)]. *Novyy istoricheskiy vestnik.* 3 (29). pp. 43–57.
6. Gzel', A. (1930) Lev Arnol'dov [Lev Arnoldov]. *Chuzhbina.* Kharbin, 4 (March).
7. Arnol'dov, L.V. (1935) *Zhizn' i Revolyutsiya. Groza pyatogo goda. Belyy Omsk* [Life and Revolution. Thunderstorm of the fifth year. The White Omsk]. Shanghai: Izd-vo A.P. Malyk i V.P. Kamkina.
8. Arnol'dov, L.V. (1932) Razmyshleniya k momentu [Reflections to the moment]. *Shankhayskaya zarya.* 3 Feb.
9. Bulgakov, V. (1933) *Slovar' russkikh zarubezhnykh pisateley* [Dictionary of Russian foreign writers]. New York: Norman Ross Publ. Inc.
10. Arnol'dov, L. (1932) Dvukhtysyachnyy [Two thousandth]. *Shankhayskaya zarya*. 10 July.
11. Arnol'dov, L.V. (1928) Stavka na russkikh [Bet on the Russians]. *Shankhayskaya zarya*. 22 Feb.
12. Serbskiy, V. (1928) Shankhayskie brodyagi i russkie bezhentsy [Shanghai vagabonds and Russian refugees]. *Shankhayskaya zarya.* 13 May.
13. Serbskiy, V. (1928) Inostrantsy i my [Foreigners and we]. *Shankhayskaya zarya*. 17 May.
14. Arnol'dov, L.V. (1927) Bez zashchity [Without protection]. *Shankhayskaya zarya*. 13 Aug.

15. Arnol'dov, L.V. (1927) Vpechatlenie poezdki [Impression of the trip]. *Shankhayskaya zarya*. 20 Sept.
16. Arnol'dov, L.V. (1929) Zayavlenie pressy – pravitel'stvu [Press statement to the government]. *Shankhayskaya zarya.* 21 Jan.
17. Serbskiy, V. (1931) Koloniya budushchego [Colony of the future]. *Shankhayskaya zarya*. 1 March.
18. Arnol'dov, L.V. (1933) *Kitay, kak on est': Byt i politika: Nablyudeniya, fakty, vyvody* [China as it is: Life and politics: Observations, facts, conclusions]. Shanghai: Rus. tip. "Grafik".
19. *Rubezh*. (1933) Knizhnye novinki [Book novelties]. 15 (8 Apr.).
20. N[ataliya] R[eznikova]. (1935) Knizhnye novinki [Book novelties]. *Rubezh*. 5 Oct. 41.
21. Arnol'dov, L.V. (1934) *Iz strany belogo solntsa: etyudy o Kitae* [From the Land of the White Sun: Studies on China]. Shanghai: Izd-vo A.P. Malyk i V.P. Kamkina.
22. *Byulleten' Russkogo obshchestvennogo sobraniya.* (1940) Shankhayskiy kommercheskiy kolledzh [Shanghai Commercial College]. 27 Dec. 8. pp. 22–24.
23. Geleta, K. (1967) Shankhayskaya bogema [Shanghai bohemianism]. *Novaya zarya*. 11 Jan.

Информация об авторах:
Хисамутдинов А.А. – д-р ист. наук, зав. отделом научно-исследовательской работы Центральной научной библиотеки Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Россия). E-mail: khisamut@yahoo.com
Хисамутдинова Н.В. – д-р ист. наук, профессор Института иностранных языков Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (Владивосток, Россия). E-mail: natalya.khusamutdinova@vvsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
A.A. Khisamutdinov, Dr. Sci. (History), head of the Research Department, Central Academic Library, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: khisamut@yahoo.com
N.V. Khisamutdinova, Dr. Sci. (History), professor, Vladivostok State University of Economics and Service (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

The authors declare no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 19.04.2020;
одобрена после рецензирования 13.11.2020; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 19.04.2020;
approved after reviewing 13.11.2020; accepted for publication 30.06.2022.

Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 189–198
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2022. 479. pp. 189–198

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 372.881.111.1
doi: 10.17223/15617793/479/20

Разработка адаптированных электронных учебных курсов по иностранному языку для слепых и слабовидящих студентов педагогического вуза

Лидия Ивановна Агафонова[1], Марина Сергеевна Хахалина[2], Анна Александровна Лагутина[3], Оксана Николаевна Павлова[4]

[1, 2, 3, 4] *Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия*
[1] *liagafonova@herzen.spb.ru*
[2] *XaxalinaM@gmail.com*
[3] *latotomail@gmail.com*
[4] *oxanapavlova@mail.ru*

Аннотация. Описан опыт использования системы дистанционного обучения Moodle для организации работы со слепыми и слабовидящими студентами при изучении дисциплин «Иностранный язык» и «Иностранный язык в профессиональной коммуникации» в педагогическом вузе. Рассмотрены вопросы, связанные с наличием технических вспомогательных возможностей системы и с методологией личностно ориентированного обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья. Обозначены возникшие сложности, показаны перспективы дальнейшего совершенствования технологий обучения.

Ключевые слова: дистанционное обучение, слепые и слабовидящие, обучение иностранным языкам, инклюзивная образовательная среда

Для цитирования: Агафонова Л.И., Хахалина М.С., Лагутина А.А., Павлова О.Н. Разработка адаптированных электронных учебных курсов по иностранному языку для слепых и слабовидящих студентов педагогического вуза // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 189–198. doi: 10.17223/15617793/479/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/20

Development of adapted electronic foreign language learning courses for blind and visually impaired students of a pedagogical university

Lidia I. Agafonova[1], Marina S. Khakhalina[2], Anna A. Lagutina[3], Oksana N. Pavlova[4]

[1, 2, 3, 4] *Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation*
[1] *liagafonova@herzen.spb.ru*
[2] *XaxalinaM@gmail.com*
[3] *latotomail@gmail.com*
[4] *oxanapavlova@mail.ru*

Abstract. According to the results of a large-scale national survey carried out in 2017 by the Pedagogical University of Nizhniy Novgorod, visually impaired young adults are under-represented in colleges and universities. One of the major challenges they face is mastering a foreign language. Since creating an inclusive learning environment suitable for teenagers and young adults with visual disabilities is one of the priorities in contemporary education in Russia, this article is dedicated to developing and testing adaptive online English language courses for visually impaired students. For this purpose, our article reviews previous studies in this area and describes two online English courses based on the Moodle educational platform developed by a team of English for Professional Communication Department teachers at Herzen University in terms of their suitability for visually impaired students. In order to achieve this aim, the students were asked to fill in a questionnaire where they could give their feedback on the course. Previous studies in this field describe a number of challenges while teaching schoolchildren and students with visual disabilities. One of the essential issues to be taken into consideration is time management as completing the majority of learning activities, especially writing exercises, takes longer than with students who have no health problems. Besides, since visually impaired students cannot rely on visual memory, extensive revision of foreign language grammar and vocabulary is required. Another vital point is using the appropriate technology and providing students with suitable screen-reading and printing tools. According to the results of the questionnaire filled in by the students with visual disabilities who completed the English language online courses on the Moodle platform in the academic years of 2020/2021 and

© Агафонова Л.И., Хахалина М.С., Лагутина А.А., Павлова О.Н., 2022

2021/2022 at Herzen University, most online courses' content, such as reading materials, glossaries, grammar and vocabulary tests and listening exercises, was quite accessible to them provided that the texts were in html, rtf or doc formats. Some obstacles pointed out by the students were associated with participating in the Zoom web conferences and viewing the whiteboard or other types of shared content by other participants, which was not always accessible for the screen-reading programs they used. One of the ways to solve this problem could be working with students who have visual disabilities in breakout rooms, which would require the help of a tutor or an assistant. Another obstacle described by the students participating in the questionnaire was designing presentations. This problem, however, can be solved by using alternative forms of activities. It should be noted that academic performance of visually impaired students is comparable to that of their group mates with no health problems. We therefore conclude that these online English language courses can be successfully used by visually impaired students provided certain adjustments are made.

Keywords: distance learning, students with special needs, visually impaired and blind people, foreign language teaching, inclusive educational environment

***For citation*:** Agafonova, L.I., Khakhalina, M.S., Lagutina, A.A. & Pavlova, O.N. (2022) Development of adapted electronic foreign language learning courses for blind and visually impaired students of a pedagogical university. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 189–198. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/20

Введение

Одной из стратегических задач, поставленных перед современным высшим образованием в России, является обеспечение доступной образовательной среды для лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). В рамках реализации программы приоритетного национального проекта «Образование» одним из основных направлений является развитие дистанционного обучения (ДО) для лиц с ограниченными возможностями здоровья, что предусматривает поэтапное создание и поддержку условий для получения ими качественного образования. С 2017 г. РГПУ им. А.И. Герцена, в котором учится большое количество студентов с особыми образовательными потребностями, вошел в число вузов, на базе которых созданы ресурсные учебно-методические центры по обучению инвалидов и лиц с ОВЗ. Существующие решения и подходы к предъявлению необходимой информации посредством современных информационных технологий позволяют предоставить равные возможности в получении высшего образования студентам различных категорий здоровья.

В процессе общественно-исторического развития у современного человека выработалась система анализаторов, обеспечивающая поступление необходимой для нормальной жизнедеятельности информации из внешнего мира, ведущая роль которой принадлежит зрению. Доминирование зрительного анализатора является настолько прочным, что сохраняется даже при его глубоких нарушениях. При значительном снижении остроты зрения, вплоть до 0,04 от нормы (граница слепоты и слабовидения), зрительный анализатор может использоваться в качестве ведущего в различных видах речевой деятельности, включая чтение и письмо.

В условиях всеобщей информатизации общества качество жизни и социальный статус индивида во многом определяются возможностью активного участия в общественном информационном обмене, т.е. в оперативном доступе к необходимой информации и её обработке. Для лиц с глубокими нарушениями зрения участие в данных процессах усложняется несовпадением между имеющимися у них возможностями восприятия и сложившейся общественной практикой, ориентированной, в основном, на визуально воспринимаемые формы представления информации. Преодоление этих трудностей является одной из важнейших задач реабилитации незрячих студентов и необходимым условием реализации их интеллектуального потенциала [1].

Ключевым средством социальной и профессиональной реабилитации людей с нарушениями зрения, способствующим их успешной интеграции в социум, являются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Возможности дистанционного компьютерного контакта студентов и преподавателей с незрячими обучающимся на дому с использованием электронных учебных курсов (ЭУК), участие в веб конференциях на платформе Zoom, а также с помощью других приложений веб-конференций в значительной мере позволяют преодолеть информационный и коммуникативный барьеры для незрячих.

Актуальность проблемы разработки адаптированных курсов для лиц с ОВЗ обусловлена, с одной стороны, ростом числа школьников и молодых людей, имеющих проблемы со здоровьем, в то время как число лиц с ОВЗ, получающих высшее образование, остается крайне низким. Так, согласно результатам исследования 2017 г., проведенного Нижегородским государственным педагогическим университетом им. К. Минина в 871 вузе России, 16 703 инвалида и лиц с ОВЗ получали высшее образование в момент проведения мониторинга, что составляло 0,46% от общего числа студентов, принявших участие в исследовании. Более того, если взять общее число молодых инвалидов (18–30 лет) на период исследования, то только 3% из них получали высшее образование [2].

В связи с этим целью данной статьи является анализ собственного опыта создания электронных учебных курсов по иностранному языку, адаптированных для слабовидящих и слепых студентов педагогического вуза с точки зрения обеспечения доступности качественного образования в условиях ДО. Для выполнения данной цели в статье выполнен краткий литературный обзор по обучению иностранным языкам лиц с ОВЗ, а также описан опыт формирования условий инклюзивной образовательной среды для слепых и

слабовидящих студентов на примере ЭУК по дисциплине «Иностранный язык» для бакалавров первого года обучения и ЭУК по дисциплине «Иностранный язык в профессиональной коммуникации» для магистров очной и заочной формы обучения. Показателем успешной реализации поставленной задачи может, по мнению авторов, служить сравнение уровня освоения программы дисциплины слабовидящими студентами с их одногруппниками без ограничений по здоровью.

Литературный обзор

В 2015 г. А.Б. Гулиянц описала основные подходы, используемые при обучении иностранным языкам слепых в рамках школьной программы, основными из которых являются:

– индивидуальный темп работы: обусловлен отсутствием визуального типа памяти, в связи с чем учащимся требуется больше времени как для ознакомления с новым материалом, так и для выполнения практических заданий;

– интенсивное повторение ранее изученного материала: также обусловлено отсутствием зрительной памяти, в том числе с использованием таких технических средств, как аудиоприложения к учебным пособиям;

– использование специальных технических средств: тактильных книг и программ-считывателей с экрана для слепых и программ, увеличивающих шрифт для слабовидящих;

– алгоритмизация учебного процесса: выполнение действий в определенной последовательности на каждом уроке, например работа с фонетикой, лексикой, грамматикой и т.д.;

– использование родного языка в качестве опоры [3].

В своей статье Е.А. Морозова также делает краткий обзор основных проблем обучения иностранным языкам слепых и слабовидящих в средней общеобразовательной школе. Автор особо подчеркивает, что ожидания и требования к учащимся с ОВЗ в целом должны быть такими же, как и к школьникам, не имеющим проблем со здоровьем, и снижение требований к слепым и слабовидящим по дисциплине «Иностранный язык» не является оправданным и целесообразным [4]. Кроме того, обращается внимание на необходимость понимания характера нарушения (снижение остроты зрения, выпадение полей зрения и т.д.), в зависимости от которого будут решаться такие практические вопросы, как целесообразность задействования средств для увеличения шрифта, использования считывателей текста и т.д.

Помимо общих указаний для проведения занятий в аудиторном формате, таких как контроль за освещением и обеспечение хорошей акустики, автор дает конкретные методические рекомендации для проведения уроков по иностранным языкам. Так, в статье подчеркивается важность применения полисенсорного подхода, что, применительно к иностранным языкам, заключается в опоре на аудиальные средства обучения, такие как аудиотексты с вопросами и паузами для ответа, сопровождаемые специальными сигналами, и тренировочные упражнения, построенные по аналогичной схеме. Кроме того, при работе со слабовидящими рекомендуется, по возможности, исключить отдельные виды упражнений, ориентированных преимущественно на зрительное восприятие и создающих дополнительную нагрузку, таких как letter scramble (расстановка букв по порядку), заполнение пробелов, поиск соответствий в двух столбцах и т.д. [4].

В исследовании И.А. Киреевой также делает общий обзор отечественного и зарубежного опыта обучения иностранным языкам для лиц с ОВЗ с акцентом на использовании электронных курсов. Автор обращает внимание на тот факт, что в настоящее время потенциал электронных курсов в инклюзивном образовании используется не в полной мере, а также раскрывает их основные преимущества при обучении лиц с ОВЗ, такие как развитие автономии и самостоятельности учащихся, обеспечение обратной связи и многократного повторения (что, как отмечалось выше, особенно актуально при работе со слепыми и слабовидящими студентами). В числе условий, обеспечивающих эффективное использование ЭУК для данной группы учащихся, автор отмечает, прежде всего, наличие паралингвистических средств при аудировании, возможность осуществлять аудиозапись своей иноязычной речи и наличие специальных программ-тренажеров для формирования фонетических, лексических и грамматических навыков, а также умений в основных четырех видах речевой деятельности [5].

Также имеются описания разработки адаптированных курсов по иностранному языку для незрячих студентов с использованием упражнений на аудирование в качестве основного компенсаторного инструмента [6]. Как известно, в качестве механизма, компенсирующего недостаток или отсутствие зрительного восприятия, у незрячих студентов выступает слуховой анализатор. Именно слух становится важнейшим источником получения информации: звуки приобретают предметное значение и их информативность играет наиважнейшую роль. Слуховой анализатор на расстоянии воспринимает временные и пространственные отношения. Алгоритм работы с незрячими студентами при обучении английскому языку, предложенный исследователями, состоит в следующем: текстовой документ учебника переводится в аудио- и цифровой материал. Тексты, упражнения и другие учебные материалы записываются на диктофон многократно в определенной последовательности, с паузами для повторения и параллельным переводом. Данная методика была разработана на кафедре лингвистики и межкультурных коммуникаций Сыктывкарского государственного университета и апробирована в работе со студенткой 1-го курса исторического факультета СыктГУ [6].

В общей психологии выделяют три вида слуховых ощущений: речевые, музыкальные и шумы [7]. При нарушениях зрения значение каждого из них многократно возрастает. Слуховое восприятие речи служит важнейшим компенсаторным фактором, обеспечивая незрячему возможность общения с людьми и получе-

ния разнообразной вербальной информации (как в процессе непосредственного общения, так и при использовании специальных звуковых источников информации: радио, телевидение и др.). Музыкальный слух также становится для незрячих важной формой эстетического восприятия действительности. Для человека с нарушениями зрения существенно возрастает информативность шумов: их различение и локализация играют большую роль при ориентировке слепых в пространстве, с их помощью они узнают различные звучащие объекты (автомобиль, работающий компьютер, говорящего человека и т.д.), получают информацию о происходящих вокруг процессах и действиях живых существ.

Современные исследования показали, что некоторые положительные изменения слуховой чувствительности при глубоких нарушениях зрения возникают как следствие более активного использования слухового анализатора. Слепым слух служит единственным (не считая обоняния) дистантным анализатором окружающего мира, сигнализирующим о пространстве, объектах и их взаимодействии. Это обусловливает выработку более тонкой дифференцировки звуковых качеств окружающего предметного мира, включает компенсаторные функции речи и мышления. Это означает, что, безусловно, понимание особенностей восприятия информации на слух при значительных ограничениях у незрячих студентов поможет сделать работу по поддержке таких учащихся более эффективной [8, 9].

Важно подчеркнуть, что владение иностранным языком невозможно без развития умений аудирования, поскольку аудирование, относясь к рецептивным видам речевой деятельности, наряду с говорением обеспечивает возможность коммуникации. Кроме того, аудирование, т.е. понимание иноязычной речи на слух, является одним из самых сложных видов речевой деятельности [10]. Потребность в аудировании значительно возрастает в связи с переходом к информационному обществу, в котором восприятие и понимание устной речи на слух являются одним из основных способов получения информации при просмотре новостей, образовательных и развлекательных телепередач на иностранном языке, художественных и документальных фильмов, посещении собраний, конференций, круглых столов, прослушивании радиопередач. Развитие умений аудирования также становится более значимым по мере все возрастающей интеграции России в международное образовательное пространство; появляются новые возможности стажировки в вузах за границей и общения с носителями языка непосредственно в процессе обучения. Обучение на слух английскому языку – задача очень сложная, но владение иностранным языком расширяет образовательные возможности незрячих людей, позволяя им стать частью глобальной образовательной среды и чувствовать себя социально адаптированными в обществе.

Интересным для нашего исследования представляется опыт обучения студентов с нарушениями зрения в Японии, описанный в 2020 г. Исследователь Дж. Карпентер анализирует то, какие передовые технологии обучения могут помочь учителям в проведении занятий со слабовидящими и каково отношение слабовидящих студентов к занятиям по английскому языку. С этой целью было проведено анкетирование пяти обучаемых. Автор сделал особый акцент: а) на важности анализа потребностей студентов; б) центральной роли шрифта Брайля для обеспечения принципов равенства и доступности в образовании; в) противоречиях между традиционными системами образования для слабовидящих студентов в Японии и тем, в чем все больше нуждаются современные студенты [11]. Были сделаны следующие выводы:

1. При планировании обучения иностранным языкам слепых и слабовидящих студентов преподавателям важно знать, имеется ли у студентов компьютерное программное обеспечения для чтения с экрана или даже органайзер Braille Sense – незаменимый портативный компьютер для незрячих и слепоглухих пользователей (отметим, что это очень дорогое устройство).

2. Кроме того, важно понимать характер нарушения зрения у обучаемых, т.е. студент полностью слепой или студент со слабым зрением, поскольку, как отмечает автор, ссылаясь на других исследователей, студенты с нарушениями зрения хорошо обучаются с помощью прикосновений (добавим, что для дистанционного обучения это не играет роли).

3. Необходимо разрабатывать учебные материалы, написанные шрифтом Брайля для полностью слепых студентов и с увеличенным шрифтом для слабовидящих [11].

Как можно видеть из приведенного обзора литературы, большая часть публикаций посвящена проблемам разработки адаптированных программ для учащихся дошкольного и школьного возраста, и русскоязычных публикаций, рассматривающих проблемы студентов вузов с ОВЗ, крайне мало. Кроме того, как было сказано выше, процент студентов вузов, имеющих ограничения по здоровью, составляет не более 3%, что делает тему создания доступной образовательной среды для слепых и слабовидящих особенно важной и актуальной.

Реализация электронных учебных курсов по английского языку для студентов 1-го курса и магистров очного и заочного обучения

Пандемия COVID-19 вносит серьезные коррективы в процесс обучения вообще и в процесс обучения иностранным языкам слепых и слабовидящих студентов в частности. Необходимы, прежде всего, обновления в технологическом менеджменте образовательного процесса, связанном с обеспечением скоростным интернетом, а также, в перспективе, и потоковым телевидением. Инклюзивная образовательная среда, к которой, безусловно, относится обучение иностранным языкам студентов с ограниченными возможностями зрения, требует изменения менталитета обучаемых и обучающихся и внедрения в учебный процесс новых педагогических моделей и технологий обучения, таких как смешанное обучение, перевернутое обучение, системы управления обучением Moodle,

Google Classroom и др., элементов мини-курсов в составе массовых открытых онлайн-курсов, геймификации, мобильного обучения, а также специально разработанных платформ и порталов для обучения слепых и слабовидящих студентов.

В качестве одного из примеров можно назвать интернет-платформу EuroMath, которая облегчает изучение математики для слепых и слабовидящих школьников и учителей математики и, как пишут авторы, скоро должна быть доступна для всех в интернете [12]. Интернет-платформа EuroMath создана в результате сотрудничества ученых польской организации «Научно-академическая компьютерная сеть (NASK)» совместно с Дублинским городским университетом Ирландии (DCU) и Королевским экспертным центром Нидерландов для слепых и слабовидящих (Royal VISIO). Эти учреждения образуют стратегическое партнерство по инновациям в образовании и реализуют проект, софинансируемый программой Erasmus+, под названием «EuroMath – усиленная поддержка учителей и учащихся с нарушениями зрения в инклюзивных образовательных учреждениях посредством инновационного обучения математике на основе ИКТ». На данном этапе уже доступны обучающие видеоролики, руководства по быстрому запуску и другие вспомогательные материалы. Поскольку платформа разработана на английском языке, полагаем, что в перспективе ее можно было бы использовать и при обучении английскому языку в качестве аутентичного материала.

Перейдем к описанию экспериментальной части исследования, связанного с разработкой и имплементацией электронных учебных курсов по дисциплине «Иностранный язык» для студентов 1-го курса РГПУ им. А.И. Герцена и «Иностранный язык в профессиональной коммуникации» для магистров очного и заочного обучения и адаптированием данных курсов для обучения слепых и слабовидящих студентов. Данные электронные учебные курсы были разработаны кафедрой английского языка для профессиональной коммуникации РГПУ им. А.И. Герцена на платформе Moodle в 2020/21 учебном году.

Согласно методическим рекомендациям, разработанным российскими дефектологами [13, 14], создание инклюзивной образовательной среды для слепых и слабовидящих студентов требует соблюдения ряда практических рекомендаций, основными из которых являются: обеспечение учащихся текстовыми пособиями с рельефным шрифтом; предоставление учащимся персональных ноутбуков со специальной клавиатурой и программным обеспечением, предназначенным для считывания текстово-графической информации с экрана, а также синтезатором речи; разработка индивидуальных дидактических материалов; предоставление текстовой информации онлайн в доступных для считывания форматах (doc, txt, rtf) и аудиоматериалов в формате MP3.

Выбор средства организации ДО для слабовидящих регулируется ГОСТом Р 52872-2019 Национального стандарта Российской Федерации под названием «Интернет-ресурсы и другая информация, представленная в электронно-цифровой форме. Приложение для стационарных и мобильных устройств, иные пользовательские интерфейсы. Требования доступности для людей с инвалидностью и других лиц с ограничениями жизнедеятельности» [15] и предполагает дублирующее основную версию сайта наполнение, оформленное с помощью специальных технологий, облегчающих восприятие информации лицами с ограничениями по зрению. ГОСТ предполагает существование трех уровней доступности сайта для его использования лицами с ослабленным зрением: уровень А, уровень АА, уровень ААА. Уровень А – уровень минимальной доступности, позволяет инвалиду по зрению обеспечить доступность к интернет-ресурсу без потерь информации. Уровень АА – уровень полной доступности, позволяет инвалиду по зрению обеспечить доступность ко всем структурным элементам интернет-ресурса. Уровень ААА – уровень доступности специализированных интернет-ресурсов для инвалидов по зрению, позволяет инвалиду по зрению обеспечить доступность к интернет-ресурсу с использованием специальных технологий этого ресурса, разработанных для людей с ограничениями по зрению.

Разработка всех курсов в РГПУ им. А.И. Герцена, в том числе ЭУК «Иностранный язык» и ЭУК «Иностранный язык в профессиональной коммуникации», ведется в системе дистанционного обучения Moodle. Выбор этой системы обусловлен тем, что, во-первых, она относится к программному обеспечению, распространяемому бесплатно, удобна в использовании, позволяет обеспечить различные формы представления учебного материала, создает учебно-познавательную среду, способствующую процессу развития самостоятельной деятельности, развивает интеллектуальную и творческую составляющие учебно-познавательной деятельности, а во-вторых, обладает высоким уровнем доступности для студентов с ОВЗ и для слепых и слабовидящих студентов в частности.

Рассматривая технические возможности системы Moodle, необходимо отметить, что версия учебного портала предусматривает специальную версию для слабовидящих. Она реализована в виде Панели ATbar, которая позволяет производить различные манипуляции с внешним видом сайта: изменять размер текста на сайте, выбирать особые цветовые схемы оформления и, что особенно важно, озвучивать напечатанный текст [16].

При разработке ЭУК по дисциплине «Иностранный язык» для студентов-бакалавров неязыковых специальностей первого курса обучения и «Иностранный язык в профессиональной коммуникации» для магистрантов очной и заочной формы обучения непосредственно учитывались следующие требования для соответствия потребностям слепых и слабовидящих студентов, которые одновременно являются и особенностями методики и технологии обучения иностранным языкам лиц с ограниченными возможностями здоровья по зрению:

1. Психофизические особенности незрячих студентов предъявляют свои требования к качественному перераспределению учебного материала. Работа с визуальной информацией компенсируется посредством предоставления информации в аудиальной модальности. Наличие большого количества аудиоупражнений, которые обеспечивают возможность полноценной самостоятельной работы без преподавателя и довольно подробно раскрывают аспекты повседневной коммуникации, поскольку аудирование является основной формой восприятия информации [17].

2. Тексты для чтения и материалы для ознакомления должны быть представлены в формате html, доступном для обработки специальным программным обеспечением, скринридерами и голосовыми синтезаторами. Именно эти инструменты позволяют совершенствовать лексические навыки.

3. Использование только черного шрифта. Обязательное требование для слабовидящих, так как процесс распознавания у слабовидящих цветных, силуэтных и контурных изображений неоднозначен. Так, успешность опознания при восприятии контурных изображений зависит от четкости, контрастности и толщины линии. Контурные изображения и текст, выполненные черным цветом на белом фоне, обучающиеся воспринимают лучше и быстрее.

Такие опции повышают комфорт чтения для студентов с нарушениями зрения и отвечают требованиям для слепых и слабовидящих, предусмотренными государственными стандартами.

Разработанные электронные учебные курсы по обучению незрячих студентов на кафедре английского языка для профессиональной коммуникации были успешно апробированы при работе с двумя магистрантами Института дефектологического образования и реабилитации и студенткой бакалавриата филологического факультета. Снятие фонетических трудностей происходит в несколько этапов. На первом этапе происходит знакомство обучающихся с новыми лексическими единицами. В предложенных аудиофрагментах сначала новое слово произносит носитель языка с последующим через паузу переводом. Задача обучающихся – повторить за носителем языка слово или группу слов. На следующем этапе обучающиеся прослушивают аудиофрагмент, во время паузы переводят слова с последующей возможностью контроля. На третьем этапе обучающимся предлагается произнести английские слова самостоятельно, без опоры на аудиофрагмент. В заключении – сделать перевод с русского на английский и напечатать изученные слова на клавиатуре компьютера.

При автоматизации навыка употребления изученных лексических единиц можно переходить к работе над предложениями. Алгоритм действий такой же, как и при работе с отдельными лексическими единицами. На заключительном этапе обучающимся предлагается сделать русский перевод предложения с паузами, во время которых необходимо произнести английский эквивалент.

Предложенная методика над введением и закреплением новых лексических единиц дает возможность обучающимся самим контролировать учебный процесс, подстроить режим работы под свои возможности и путем многократного прослушивания учебного аудиофрагмента довести этот навык до автоматизма. На заключительном этапе обучающимся предлагается самостоятельно составить монологическое высказывание по определенной теме и с определенной коммуникативной задачей с обязательным включением изученной лексики.

Данная методика позволяет незрячим обучающимся пережить удовлетворение от своих успехов и повысить самооценку, что ведет к лучшим результатам в обучении, созданию постоянной мотивации и получения социального признания, а это способствует успешной интеграции в социум.

Безусловно, информатизация учебно-воспитательного процесса и освоение дистанционной формы обучения со всеми дополнительными возможностями предоставляют пути решения проблем в образовании слепых и слабовидящих студентов. Однако наличие технических вспомогательных возможностей не могут целиком решить вопросы, связанные с личностно ориентированным образованием слепых и слабовидящих студентов. Все существующие программы дистанционного обучения иностранному языку в большей степени основаны на визуальном восприятии и не учитывают особенности восприятия, обусловленные нарушением эмоционально-волевой сферы и общее снижение темпа и активности у студентов с ОВЗ. Специфика обучения незрячих студентов предполагает дозировку учебной нагрузки и необходимость адаптации учебного процесса под свои особые социально-образовательные потребности. Проблема снижения произвольного внимания и скорости запоминания, быстрого забывания усвоенного материала в рамках разработанных ЭУК может быть решена путем установления гибких дедлайнов в онлайн-курсах, как это ранее было предложено соавторами данной статьи [18]. Полный отказ от дедлайнов, когда студенты имеют возможность откладывать выполнение заданий на последнюю неделю перед зачетом, ведет к значительному снижению эффективности учебного процесса, в то время как при наличии жестких дедлайнов студенты с ОВЗ могут оказаться не в состоянии придерживаться учебной программы. Поскольку темп работы людей со зрительными нарушениями замедлен, в режиме видеоконференций (например, с помощью платформы Zoom) занятие для слепых и слабовидящих студентов необходимо разбить на временные промежутки с перерывами, включающими смену вида деятельности, а на выполнение заданий, особенно письменных, следует давать больше времени, насколько это будет необходимо и возможно в рамках веб-конференции, или оставлять некоторый материал для самостоятельного изучения уже вне рамок запланированной веб конференции. Соответственно, необходимо планировать больше времени и на работу над текстом и лекцией.

Для проверки эффективности ЭУК и формата смешанного обучения при работе со слепыми и слабовидящими студентами авторами данной статьи были проанкетированы двое магистров, обучающихся по дисциплине «Иностранный язык в профессиональной коммуникации», и одна студентка бакалавриата, обучающаяся по курсу «Иностранный язык».

Анкета включала в себя следующие вопросы: Возникали ли у вас какие-либо сложности технического характера при выполнении заданий по дисциплине «Иностранный язык» и «Иностранный язык в профессиональной коммуникации» в электронном учебном курсе:

1. При работе с текстами?
2. При работе с глоссариями?
3. При выполнении лексико-грамматических тестов?
4. При выполнении письменных работ-эссе?
5. При выполнении упражнений на обучение умениям аудирования?
6. При открытии ссылок на внешние ресурсы?
7. При работе с демонстрационной доской во время Zoom-сессий?
8. При выполнении других видов работ?
9. Что могло бы помочь при решении технических проблем?
10. Какие специальные технические программы и устройства вы используете?

Прошедшие анкетирование студенты отмечают, что в целом использование ЭУК было для них достаточно эффективным инструментом, и виды работ, перечисленные в первых шести пунктах, т.е. чтение текстов и работа с глоссариями (при условии, что они размещены в системе в html-формате), а также выполнение лексико-грамматических тестов, написание эссе и работа со ссылками на внешние ресурсы сложностей не вызывали. Однако наряду с этим на вопросы в пунктах 7 и 8 студенты отмечали некоторые технические трудности, основными из которых являются:

1. Создание презентаций: в комментариях в пункте 8 студенты отмечают, что используемые ими программы экранного доступа не могут в полной мере заменить визуальный контроль, из-за чего возникают сложности при создании презентаций (в частности, при подборе иллюстративного материала).

2. Демонстрация экрана и доски в ходе Zoom-сессий: данные инструменты веб-конференции Zoom практически полностью ориентированы на визуальное восприятие и не приспособлены к программам экранного доступа. Соответственно, они недоступны для незрячих студентов.

Первое из возникших затруднений, по предложениям, высказанным самими студентами, можно решить путем замены презентаций обычными текстовыми сообщениями. Адаптирование формата Zoom-сессий, вероятно, потребует комплексного подхода: как один из вариантов, можно предположить, что, по аналогии с должностью тьютора в инклюзивных средних школах, введение ставки тьютора, который бы отдельно работал с незрячими студентами в ходе Zoom-сессий, могло бы способствовать решению данной проблемы.

Что касается последнего вопроса анкеты, то наши студенты используют такие технические средства, как программа экранного доступа NVDA (программа экранного доступа, которая озвучивает содержимое экрана компьютера), а также ABBYY Fine reader (позволяет переводить файлы с расширением *.PDF* в другие форматы), из чего можно сделать вывод, что наши студенты достаточно хорошо оснащены техническими средствами, способствующими созданию инклюзивной образовательной среды.

С целью проверки эффективности реализованного подхода к обеспечению доступности получения качественного образования была сопоставлена академическая успеваемость незрячих студентов и студентов, не имеющих проблем со здоровьем, по уровню сформированности умений в основных видах речевой деятельности: в говорении, чтении, аудировании и письменной речи, а также сформированности лексических навыков, в частности, на этапе введения, запоминания и первичной тренировки нового лексического материала. Результаты приведены ниже в таблице и на рисунке.

Академическая успеваемость студентов по различным аспектам иностранного языка

Академическая успеваемость/аспект	Средний балл в группе для студентов без проблем со здоровьем (из 100)	Средний балл у незрячих студентов (из 100)
Speaking	85	75
Listening	80	90
Reading	85	80
Writing	80	75
Vocabulary	80	75
Общий средний балл за семестр	82	79

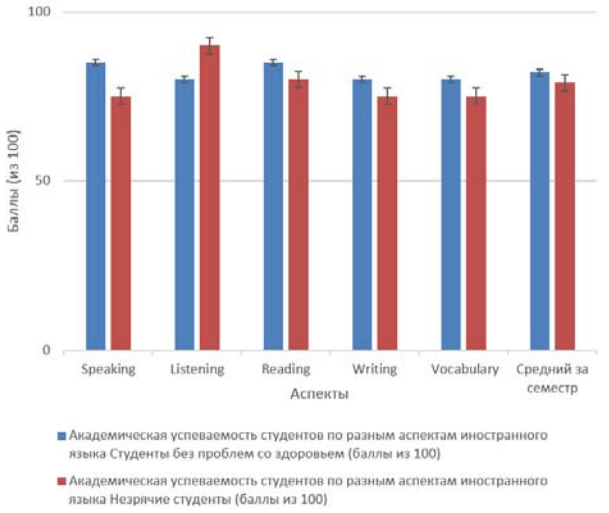

Рис. 1. Академическая успеваемость студентов по различным аспектам иностранного языка

На рисунке можно видеть, что академическая успеваемость студентов с ОВЗ сопоставима с успеваемостью их одногруппников, что подтверждает главные тезисы инклюзивного образования о равных возможностях и о необходимости равного оценивания работы незрячих и слабовидящих студентов.

Заключение

Полученные в ходе первого этапа экспериментального исследования качественные и количественные данные позволяют сделать вывод, что электронные учебные курсы по дисциплинам «Иностранный язык» и «Иностранный язык для профессиональной коммуникации» являются эффективным инструментом для обучения незрячих студентов в том, что касается выполнения заданий в онлайн-формате. Zoom-сессии в рамках смешанного обучения сопряжены с некоторыми сложностями технического характера, которые возможно разрешить, задействуя тьюторов или ассистентов преподавателя. Таким ассистентом, на наш взгляд, могут быть и студенты, которые выполняют задания совместно в форме ролевой игры в отдельных залах для парной или групповой работы.

К сожалению, методика и технологии обучения иностранным языкам лиц с ограниченными возможностями здоровья по зрению – недостаточно изученная сфера обучения. Учебно-методических материалов для обучения незрячих английскому языку мало, и именно поэтому существующие наработки, полученные, руководствуясь известными проверенными методиками обучения и исходя из собственного опыта, в контексте дистанционного обучения крайне важны. Конечно, результативность такого формата часто не идеальна, но в современных реалиях другой вариант пока не реализуем. Приемы и техники, полученные на практике, позволяют незрячим и слабовидящим обучаемым полноценно воспринимать материал и изучать иностранный язык, даже не имея физической возможности приехать в учебное заведение.

Следует отметить, что ограничением в нашем исследовании было то, что анкетирование трех студентов (как и в Японии – анкетирование пяти студентов) является крайне недостаточным, чтобы дать полное представление об инструментах, методах, технологиях обучения иностранным языкам, а также проблемах и переживаниях слепых и слабовидящих студентов. Однако надо учитывать тот факт, что, как отмечалось в начале статьи, процент обучения в вузах слепых и незрячих студентов крайне мал, в связи с чем невозможно собрать статистику с участием большого количества студентов. Для этого необходимо более широкое исследования на базе многих вузов России. Также было бы желательно провести анкетирование преподавателей иностранных языков с целью выявления сложностей и проблем, с которыми они сталкиваются при обучении слепых и слабовидящих студентов, а также проанализировать передовой опыт обучения слепых и слабовидящих студентов на основе специально разработанных интернет-платформ и порталов за рубежом и в России. Все это может быть целями и задачами дальнейших исследований в данном направлении.

В целом тема разработки электронно-образовательных адаптированных курсов для студентов с ограниченными возможностями представляется актуальной и перспективной для дальнейших исследований, так как позволяет преодолевать информационные и коммуникационные барьеры в процессе обучения иностранному языку.

Список источников

1. Николаева М.Н. Качество образования в управлении качеством образования – глобальные проблемы современной системы высшего образования // Проблемы и перспективы высшего образования на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Электросталь, 2010. С. 22–26.
2. Фомичев К.А., Хрипунова О.Г., Брызгалова О.Н., Кивелев Д.П. Инклюзивное образование в Российской Федерации // Опыт образовательной организации в сфере формирования цифровых навыков : сб. материалов Всерос. науч.-метод. конф. с междунар. участием, Чебоксары, 31 декабря 2019 года. Чебоксары : Среда, 2019. С. 276–279.
3. Гулиянц А.Б., Гулиянц С.Б. Обзор методических приемов обучения английскому языку слепых и слабовидящих школьников // Уникальные исследования XXI века. 2015. № 4 (4). С. 6–11.
4. Морозова Е.А. Некоторые аспекты обучения слепых и слабовидящих иностранному языку // Уникальные исследования XXI века. 2015. № 4 (4). С. 51–56.
5. Киреева И.А. Джабраилова В.С., Фомичева М.П. Лингводидактический потенциал электронных средств учебного назначения при обучении иностранным языкам в инклюзивном образовании // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2018. № 6. С. 55–65. doi: 10.24422/MCITO.2018.6.14497
6. Минина О.Г., Рогачева Н.И., Коневская Е.В. Методика индивидуального обучения слабовидящих студентов английскому языку // Инклюзивное образование: методология, практика, технология : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 20–22.06.2011 / ред. О.Н. Ертанова, М.М. Гордон. М. : Московский городской психолого-педагогический университет, 2011. С. 203–204.
7. Немов Р.С. Общая психология : в 3 т. Т. I: Введение в психологию : учебник и практикум для академического бакалавриата. 6-е изд. М. : Юрайт, 2019. 726 с. (Бакалавр. Академический курс).
8. Алексеев О.Л. Особенности функционирования тифлосистем с аномальным оператором // Дефектология. 1999. № 2. С. 9–18.
9. Григорьева Л.П. Проблема компенсации нарушений перцептивно-когнитивного развития детей (экспериментально-теоретический аспект) // Дефектология. 1999. № 2. С. 9–18.
10. Гальскова Н.Д., Василевич А.П., Акимова Н.В. Методика обучения иностранным языкам. Ростов н/Д : Феникс, 2017. 352 с.
11. Carpenter J. EFL Education for the Visually Impaired in Japan: Data from Five Interviews // Latin American Journal of Content and Language Integrated Learning. 2020. Vol. 13 (1). P. 57–78. doi: 10.5294/laclil.2020.13.1.4
12. Fitzpatrick D., Nazemi A., Terlikowski G. EuroMath: A Web-Based Platform for Teaching of Accessible Mathematics // Computers Helping People with Special Needs. ICCHP 2020. Lecture Notes in Computer Science. 2020. Vol. 12376 / eds by K. Miesenberger, R. Manduchi, M. Covarrubias Rodriguez, P. Peňáz. Springer, Cham., 2020. doi: 10.1007/978-3-030-58796-3_45
13. Никулина Г.В. Инвалиды по зрению школьного возраста как субъекты инклюзивного образования» // Письма в Эмиссия. Оффлайн (TheEmissia. OfflineLetters): электронный научный журнал. 2015. ART 2314. URL http://www.emissia.org/offline/2015/2314.html
14. Фомичева Л.В. Образование дошкольников с нарушением зрения: научные и прикладные аспекты. СПб. : РИО ИЦИПТ, 2018.
15. ГОСТ Р 52872-2019 Национального стандарта Российской Федерации под названием «Интернет-ресурсы и другая информация, представленная в электронно-цифровой форме. Приложение для стационарных и мобильных устройств, иные пользовательские интерфей-

сы. Требования доступности для людей с инвалидностью и других лиц с ограничениями жизнедеятельности». М. : Стандартинформ, 2019. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200167693
16. Центр дистанционной поддержки РГПУ им. А.И. Герцена. URL: https://moodle.herzen.spb.ru/
17. Вострова Е.Е. Особенности обучения слабовидящих и слепых студентов иностранному языку // Молодой ученый. 2016. № 16.1 (120.1). С. 6–8.
18. Хахалина М.С., Лагутина А.А., Щерба О.Ю., Порязь Н.В. Проблемы дистанционного формата преподавания иностранного языка в вузе // Философия образования. 2021. Т. 21, № 2. С. 120–139. doi: 10.15372/PHE20210208

References

1. Nikolaeva, M.N. (2010) [The quality of education in the management of the quality of education – global problems of the modern system of higher education]. *Problemy i perspektivy vysshego obrazovaniya na sovremennom etape* [Problems and prospects of higher education at the present stage].Proceedings of the International Conference. Elektrostal'. pp. 22–26. (In Russian).
2. Fomichev, K.A. et al. (2019) [Inclusive education in the Russian Federation]. *Opyt obrazovatel'noy organizatsii v sfere formirovaniya tsifrovykh navykov* [Experience of an educational organization in the field of digital skills formation].Proceedings of the International Conference. Cheboksary. 31 December 2019. Cheboksary: Sreda. pp. 276–279. (In Russian).
3. Guliyants, A.B. & Guliyants, S.B. (2015) Obzor metodicheskikh priemov obucheniya angliyskomu yazyku slepykh i slabovidyashchikh shkol'nikov [Review of methodological techniques of teaching English to blind and visually impaired students]. *Unikal'nye issledovaniya XXI veka.* 4 (4). pp. 6–11.
4. Morozova, E.A. (2015) Nekotorye aspekty obucheniya slepykh i slabovidyashchikh inostrannomu yazyku [Some Aspects of Teaching Blind and Visually Impaired People in a Foreign Language]. *Unikal'nye issledovaniya XXI veka*. 4 (4). pp. 51–56.
5. Kireeva, I.A. Dzhabrailova, V.S. & Fomicheva, M.P. (2018) Lingvodidakticheskiy potentsial elektronnykh sredstv uchebnogo naznacheniya pri obuchenii inostrannym yazykam v inklyuzivnom obrazovanii [Linguistic and didactic potential of educational electronic means in teaching foreign languages in inclusive education]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal Kontsept*. 6. pp. 55–65. doi: 10.24422/MCITO.2018.6.14497
6. Minina, O.G., Rogacheva, N.I. & Konevskaya, E.V. (2011) [Methods of individual teaching English to visually impaired students]. *Inklyuzivnoe obrazovanie: metodologiya, praktika, tekhnologiya* [Inclusive education: methodology, practice, technology].Proceedings of the International Conference. Moscow: Moscow City Psychological and Pedagogical University. pp. 203–204. (In Russian).
7. Nemov, R.S. (2019) *Obshchaya psikhologiya: v 3 t.* [General psychology: in 3 vols]. Vol. I. 6th ed. Moscow: Yurayt.
8. Alekseev, O.L. (1999) Osobennosti funktsionirovaniya tiflosistem s anomal'nym operatorom [Features of functioning of tiflosystems with an anomalous operator]. *Defektologiya*. 2. pp. 9–18.
9. Grigor'eva, L.P. (1999) Problema kompensatsii narusheniy pertseptivno-kognitivnogo razvitiya detey (eksperimental'no-teoreticheskiy aspekt) [The problem of compensation for violations of perceptual-cognitive development of children (experimental-theoretical aspect)]. *Defektologiya.* 2.
pp. 9–18.
10. Gal'skova, N.D., Vasilevich, A.P. & Akimova, N.V. (2017) *Metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Methods of teaching foreign languages]. Rostov-on-Don: Feniks.
11. Carpenter, J. (2020) EFL Education for the Visually Impaired in Japan: Data from Five Interviews. *Latin American Journal of Content and Language Integrated Learning.* 13 (1). pp. 57–78. doi: 10.5294/laclil.2020.13.1.4
12. Fitzpatrick, D., Nazemi, A. & Terlikowski, G. (2020) EuroMath: A Web-Based Platform for Teaching of Accessible Mathematics. In: Miesenberger, K. et al. (eds) *Computers Helping People with Special Needs*. ICCHP 2020. Lecture Notes in Computer Science. 2020. Vol. 12376. Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-030-58796-3_45
13. Nikulina, G.V. (2015) Invalidy po zreniyu shkol'nogo vozrasta kak sub"ekty inklyuzivnogo obrazovaniya" [School-age visually impaired people as subjects of inclusive education]. *Pis'ma v Emissiya. Offlayn – The Emissia. Offline Letters*. ART 2314. [Online] Available from: http://www.emissia.org/offline/2015/2314.html
14. Fomicheva, L.V. (2018) *Obrazovanie doshkol'nikov s narusheniem zreniya: nauchnye i prikladnye aspekty* [Education of preschool children with visual impairment: scientific and applied aspects.]. Saint Petersburg: RIO ITsIPT.
15. RF. (2019) *GOST R 52872-2019 of the National Standard of the Russian Federation: Internet resources and other information presented in electronic digital form. Application for stationary and mobile devices, other user interfaces. Accessibility requirements for people with disabilities and other persons with disabilities*. Moscow: Standartinform. [Online] Available from: https://docs.cntd.ru/document/1200167693 (In Russian).
16. *Tsentr distantsionnoy podderzhki RGPU im. A.I. Gertsena* [Center for Remote Support of Herzen State Pedagogical University of Russia]. [Online] Available from: https://moodle.herzen.spb.ru/
17. Vostrova, E.E. (2016) Osobennosti obucheniya slabovidyashchikh i slepykh studentov inostrannomu yazyku [Features of teaching visually impaired and blind students a foreign language]. *Molodoy uchenyy.* 16.1 (120.1). pp. 6–8.
18. Khakhalina, M.S., Lagutina, A.A., Shcherba, O.Yu. & Poryaz', N.V. (2021) Problemy distantsionnogo formata prepodavaniya inostrannogo yazyka v vuze [Problems of remote format of teaching a foreign language at a university]. *Filosofiya obrazovaniya*. 21 (2). pp. 120–139. doi: 10.15372/PHE20210208

Информация об авторах:
Агафонова Л.И. – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: liagafonova@herzen.spb.ru
Хахалина М.С. – канд. хим. наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: XaxalinaM@gmail.com
Лагутина А.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: latotomail@gmail.com
Павлова О.Н. – старший преподаватель кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: oxanapavlova@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
L.I. Agafonova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg). E-mail: liagafonova@herzen.spb.ru
M.S. Khakhalina, Cand. Sci. (Chemistry), associate professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg). E-mail: XaxalinaM@gmail.com
A.A. Lagutina, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg). E-mail: latotomail@gmail.com
O.N. Pavlova, senior lecturer, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg). E-mail: oxanapavlova@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.12.2021;
одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 24.12.2021;
approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/479/21

Восприятие студентами возможностей цифровых технологий в вузовском обучении

Евгения Гелиевна Белякова [1], Сергей Александрович Быков [2], Мария Петровна Землянова [3], Наталья Георгиевна Муравьева [4]

[1, 2, 3, 4] Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия
[1] b-evgenia@yandex.ru
[2] hr72-2011@mail.ru
[3] dr-vart@yandex.ru
[4] muravjovang@yandex.ru

Аннотация. Актуализированы содержательные аспекты восприятия и оценки студентами цифровых технологий в обучении. Представлены результаты опроса, в ходе которого выявлены наиболее популярные у студентов разновидности цифровых технологий и критерии их оценки. Проведены анализ и сравнение мнений студентов с мнениями преподавателей. Установлено, что студенты более высоко, в сравнении с преподавателями, оценивают развивающие возможности цифровых технологий в обучении.

Ключевые слова: вузовское обучение, цифровизация образования, цифровые технологии, развитие личности, восприятие и оценка цифровых технологий

Для цитирования: Белякова Е.Г., Быков С.А., Землянова М.П., Муравьева Н.Г. Восприятие студентами возможностей цифровых технологий в вузовском обучении // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 199–212. doi: 10.17223/15617793/479/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/21

Students' perception of digital opportunities in university education

Evgenia G. Belyakova[1], Sergei A. Bykov[2], Maria P. Zemlyanova[3], Natalia G. Muraveva[4]

[1, 2] University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation
[1] b-evgenia@yandex.ru
[2] hr72-2011@mail.ru
[3] dr-vart@yandex.ru
[4] muravjovang@yandex.ru

Abstract. The article attempts to reveal the content aspects of students' perception and evaluation of digital technologies in higher education in comparison to the teachers' opinions. The analysis made on the basis of a survey among teachers and students of the University of Tyumen in 2021 identified the most popular types of digital technologies and the criteria for their evaluation. The most popular digital technologies among students are search engines, services for preparing presentations, platforms for distance learning, and services for communication between teachers and students. Therefore, the most common ways to use them are searching for educational content, communicating with other students, creating texts and presentations. According to students, digital technologies are widespread in university education, but only some of them are actively used by teachers in certain types of educational work. Correlation analysis of students' answers made it possible to identify links between the forms of academic work and the use of digital technologies. Teachers apply digital technologies to organise students' research and study, their project activities, group work in the classroom, individual assignments and tutorials. At the same time, in group and project work, students use digital products to create texts, presentations, infographics. Teachers, according to students' answers, provide educational content (video lectures, text files) during lectures and seminars and also communicate with students using digital technologies. Among the reasons of choosing digital technologies, students emphasize the criteria of "user" (convenience, accessibility, simplicity of technology) and utility (the ability to use technology to deal with educational problems). At the same time, teachers single out, mainly, external reasons why students use digital technologies: the natural requirements of the time, the requirements of the educational process, and teacher's requirements. At least half of the students surveyed believe that digital technologies contribute to the development of their ability to learn and adapt to changes, to broaden their horizons and awareness, to advance their cognitive activities, to be interested and self-organized. Teachers showed similar trends in student responses, but, at the same time, the digital opportunities to provide personal development are rated much lower. The main risks in using digital technologies, according to more than half of the students, are a decrease in the quality of communication and interaction,

© Белякова Е.Г., Быков С.А., Землянова М.П., Муравьева Н.Г., 2022

the difficulty of recognizing the emotional states of communication partners, the loss of social skills, and the loss of the ability to absorb information in large volumes.

Keywords: higher education, digitalization of education, digital technologies, personal development, perception and evaluation of digital technologies

***For citation*:** Belyakova, E.G., Bykov, S.A., Zemlyanova, M.P. & Muraveva, N.G. (2022) Students' perception of digital opportunities in university education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 199–212. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/21

Введение

На протяжении последних десятилетий продолжается широкая экспансия цифровых технологий в образовательный процесс высшей школы. «Катализатором» цифровизации выступила ситуация пандемии, когда произошел вынужденный массовый перевод обучения в дистанционный формат, а инновационные цифровые технологии в образовании стали необходимым условием осуществления образовательного процесса практически на всех уровнях образования. Все больший интерес исследователей привлекают концептуальные, теоретические и методические вопросы, связанные с реализацией потенциала цифровых технологий для достижения современного качества образования. Проблемное поле характеризуется широтой и разнообразием изучаемых аспектов цифровой трансформации образования, среди которых – обоснование принципов цифровой дидактики, особые образовательные возможности цифровых технологий и возникающие при их использовании риски для социализации и развития личности, ее физического и психологического здоровья, цифровая компетентность современных педагогов и др.

Вместе с тем современный этап внедрения цифровых технологий в высшей школе требует рефлексии его актуального состояния. В настоящее время установлено, что, несмотря на большое разнообразие цифровых технологий, далеко не все из них находят широкое применение в обучении. Остается открытым вопрос о том, приводит ли внедрение цифровых технологий к изменению сущности обучения и повышению его качества либо они приобрели статус новых средств обучения взамен традиционных. Продуктивность использования цифровых технологий, безусловно, определяется тем, насколько они полезны для решения педагогических задач и позволяют актуализировать деятельность субъектов обучения. Но одновременно специального изучения требует такая проблема, как восприятие и оценка субъектами обучения возможностей цифровых технологий, на основании которых осуществляются их выбор и последующее использование. M. Henderson, N. Selwyn, R. Aston [1] выделяют два направления в изучении цифровых технологий в образовании, одно из которых сосредоточено на потенциале цифровых технологий, которые, как ожидается, позволят осуществлять обучение более качественно, а второе акцентирует внимание на тех аспектах использования цифровых технологий, которые сами обучающиеся считают важными и полезными. По мнению указанных авторов, второе направление исследований позволяет получить реалистичную картину того, каким образом цифровые технологии представлены в опыте современных студентов. Соответственно, выяснение того, как сами субъекты обучения воспринимают и оценивают цифровые технологии, позволит в определенной степени ответить на вопрос о возможных причинах их продуктивного либо непродуктивного использования.

Цель исследования состоит в анализе содержательных аспектов восприятия и оценки студентами цифровых технологий в обучении, сопоставлении их мнений с мнениями преподавателей.

В целях проведения метаанализа перед началом исследования были определены вопросы, которые позволяют конкретизировать исследовательскую рамку и проследить тенденции использования цифровых технологий в вузе:

– Какие разновидности цифровых технологий студенты считают особо значимыми для своего обучения в вузе и активно используют?

– Для каких видов учебной работы в вузе, по мнению студентов, важны и продуктивны цифровые технологии?

– Как студенты оценивают характеристики цифровых технологий не только в прагматическом, но и в развивающем аспекте?

– Каким образом, по мнению студентов, цифровые технологии используются преподавателями?

– В чем состоят риски использования цифровых технологий в вузовском обучении, по мнению студентов?

– Как соотносятся мнения студентов и преподавателей по перечисленным выше позициям?

Обзор

Экспансия цифровых технологий в образование является одной из наиболее выраженных тенденций его трансформации на протяжении последних нескольких десятилетий. Востребованность инновационных цифровых технологий резко возросла в условиях пандемии, когда произошло, по сути, одномоментное масштабирование дистанционного образования. Анализу современного состояния, проблемам и перспективам цифровизации образования, в том числе в ситуации пандемии, посвящено значительное количество статей, монографий, сборников конференций, тематических выпусков журналов [2–6]. В настоящее время проблематика цифровой трансформации образования представляет собой одну из наиболее актуальных областей научных исследований, охватывающих концептуальные, теоретические и методические вопросы использования цифровых технологий в современном образовательном процессе. В условиях глобальных изменений в обществе и в образовании вследствие интенсивного

применения информационных и коммуникационных технологий происходит становление цифровой дидактики как самостоятельного инновационного направления в педагогической науке и практике [7. С. 684], нацеленной на выявление и реализацию возможностей цифровых технологий в образовании [8]. В научной литературе обсуждается вопрос о том, можно ли рассматривать цифровые технологии как особые педагогические технологии, обеспечивающие новое качество образовательных результатов, или же цифровые технологии только ассимилируются в уже сложившиеся методы и формы обучения [9, 10]. Высказывается мнение об уникальных возможностях «цифророжденных» образовательных технологий [11].

Большое внимание уделяется проблематике цифровой трансформации образования применительно к обучению в высшей школе. Как справедливо отмечает Г.В. Романова [12], цифровизация вузовской образовательной среды и использование современных цифровых технологий весьма продуктивны для обеспечения гибкости, персонализации, творческого характера обучения.

Вместе с тем не менее своевременной становится рефлексия актуального состояния цифровизации образования. Как отмечают Л.М. Андрюхина, Н.В. Ломовцева, Н.О. Садовникова [13], на протяжении последних десятилетий наблюдается стихийность внедрения цифровых ресурсов в практику образования. При этом первоначальный акцент на перспективах их развития и спонтанное применение цифровых технологий на практике приводят к сложностям с пониманием того, зачем и как использовать их в учебно-воспитательном процессе. Соответственно, на практике обучения это проявляется в том, что интеграция цифровых технологий в учебный процесс часто ограничивается заменой традиционных средств обучения без изменений сущности процесса обучения. И.В. Роберт указывает на риски внедрения цифровых технологий в учебный процесс, когда их бессистемное использование вызывает отторжение преподавателя и студентов и ведет к потере смысла деятельности [14].

К глобальным причинам сложностей цифровизации образования относятся «недостаточное развитие инфраструктуры цифровой связи в регионах, технологическое и компетентностное цифровое неравенство, отсутствие проработанных методик применения цифровых образовательных инструментов, нехватка качественного контента, отсутствие на рынке полноценных интегрированных образовательных ресурсов» [15. С. 156–157]. Также установлено, что при широких возможностях выбора из огромного числа цифровых технологий, которые созданы к настоящему времени, в вузовском обучении активно используются далеко не все из существующих, на что оказывают влияние компетентностные факторы (цифровая грамотность субъектов обучения), материально-технические факторы (наличие гаджетов, смартфонов, компьютеров с доступом в Интернет, достаточная связь), объективные требования образовательного процесса (регламент управления образовательным процессом в информационной среде вуза), способы организации обучения (требования преподавателя при изучении предмета, используемые им формы, методы, технологии обучения, контроля, аттестации и применяемые самим преподавателем цифровые технологии) [16].

Специального изучения требует отношение субъектов обучения к цифровым технологиям, на основании которого осуществляются их оценка, выбор и последующее использование, как важный самостоятельный фактор реализации возможностей цифровых технологий. Осведомленность о разнообразных цифровых технологиях и их возможностях, оценка с точки зрения достижения образовательных целей и результатов, доступности для освоения и использования являются существенными для продуктивного использования цифровых технологий в процессе обучения [17].

Результаты исследований позволяют уточнить, какие именно цифровые технологии активно используются студентами в вузовском обучении. Так, M. Pinto, C. Leite на основе анализа публикаций за период 2012–2017 гг. систематизировали разновидности цифровых технологий, использующихся студентами в высших учебных заведениях для поддержки процессов академического обучения [18]. Полученный ими перечень является достаточно обширным и включает системы управления обучением (LMS) – Blackboard, Moodle, WebCT, платформы, поддерживающие онлайн-курсы и т.д., инструменты публикации и обмена – блоги, вики, Flickr, YouTube, подкасты, социальные закладки, электронное портфолио, цифровое повествование, электронные книги, видеолекции и т.д., системы для совместной работы – Google Docs, социальные закладки, интеллектуальные карты, вики, блоги и т.д., социальные сети – Facebook, Twitter, Hi5, LinkedIn, Ning, Academia.edu и т.д., инструменты межличностного общения – электронная почта, MSN, Skype, форумы, видеоконференцсвязь и т.д., инструменты агрегирования контента – RSS-каналы, NetVibes, Google Reader и т.д., виртуальные 3D-миры – Second Life, Habbo, дополненная реальность, игры, виртуальные лаборатории и т.д., системы оценки и обратной связи – электронная маркировка, кликеры, звуковая обратная связь, компьютерные заметки и т.д., мобильные инструменты – мобильные приложения в Интернете, информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) – программное обеспечение или приложения, основанные на Интернете.

При этом в реальности различные цифровые технологии используются студентами с разной степенью интенсивности, о чем свидетельствуют зарубежные и отечественные исследования. Результаты опроса, проведенного J.-A.García-Martínez, F.-C. Rosa-Napal, I. Romero-Tabeayo, S. López-Calvo, E.-J. Fuentes-Abeledo, указывают на достаточно умеренное использование студентами цифровых инструментов в персональной образовательной среде [19]. При этом чаще применяются ресурсы, предназначенные для доступа к информации, затем – приложения для обмена и взаимодействия и – в меньшей степени – для создания контента. По данным исследования, проведенного в Казанском (Приволжском) федеральном университете (O.V. Yureva, L.A. Burganova, O.Y. Kukushkina, G.P. Myagkov, D.V. Syradoev) [20], общая положительная установка

студентов и преподавателей на цифровизацию образовательного процесса сочетается с вовлечением далеко не всех имеющихся цифровых образовательных ресурсов. Студенты предпочитают пассивные формы использования информационно-коммуникационных технологий (вебинары, онлайн-курсы), что, по мнению авторов исследования, связано с недостаточной цифровой компетентностью преподавателей при организации обучения.

Также внимание исследователей привлекают характерные способы использования цифровых технологий субъектами вузовского обучения. Согласно данным M. Bond, V.I Marin, C. Dolch, S. Bedenlier, O. Zawacki-Richter [21], студенты и преподаватели обращаются к ограниченному количеству цифровых технологий для преимущественно «ассимиляционных» задач в обучении, в связи с чем возникает необходимость выяснения причин таких «ограничений».

Особый интерес представляют работы, в которых изучаются личностные «промежуточные переменные», оказывающие влияние на выбор и последующее использование цифровых технологий субъектами обучения. Весьма продуктивным, на наш взгляд, является подход, в котором студент рассматривается как пользователь цифровых технологий, оценивающий их характеристики, а результаты оценивания – как факторы выбора и последующего использования. В данном контексте наиболее существенными параметрами цифровых технологий уже традиционно рассматриваются их удобство (useful) и полезность (usability). M. Henderson, N. Selwyn, R. Aston [1], изучавшие реальный опыт использования цифровых технологий в образовании, в ходе опроса выявили характеристики цифровых технологий, которые сами студенты считают особенно полезными. К цифровым «преимуществам» в образовании принадлежат: организация и управление материально-техническим обеспечением обучения (управление расписанием, соблюдение сроков и требований курса, возможность быть в курсе университета и информации о курсах); гибкость и мобильность процесса обучения, возможность участвовать «удаленно» в академической работе; экономия времени студентов, более быстрые процессы и результаты, удобное планирование деятельности; возможность поиска пропущенного материала и его повторного просмотра для улучшения понимания; удобство поиска информации для выполнения заданий; количество и качество доступа к информации; «более легкое» и «полезное» управление информацией и поиск ресурсов; удобная коммуникация и групповая работа; доступ к учебным материалам за пределами университета; визуализация учебных материалов с помощью видео, анимации или аннотаций; возможность демонстрации лекций в реальном времени и «работа с доской» на лекциях; экономия денег и расходов на образовательный контент (электронные книги, интернет-журналы и книги).

По данным M. Henderson, N. Selwyn, R. Aston [1], студенты, безусловно, находят и эффективно используют цифровые технологии, которые «работают лучше всего» в контексте их учебы. При этом такие характеристики цифровой технологии, как воспринимаемые обучающимися простота использования и полезность, также имеют ключевое значение для ее принятия и последующего использования. Воспринимаемая простота использования относится к степени, в которой учащийся считает, что использование технологии не требует больших усилий. Воспринимаемая полезность относится к тому, считает ли учащийся, что использование технологии улучшит его успеваемость. При этом авторами делается вывод, что хотя полученные ими данные подтверждают, что цифровые технологии играют центральную роль в способах обучения студентов, тем не менее цифровые технологии не «меняют» характер преподавания и обучения в университетах. По мнению указанных авторов, преподавателям университетов, возможно, необходимо умерить энтузиазм по поводу того, чего можно достичь с помощью обучения с использованием технологий, и лучше понять реалии знакомства студентов с цифровыми технологиями.

В исследовании F.D. Davis, V. Venkatesh установлено, что такие характеристики, как воспринимаемая полезность и воспринимаемая простота использования, прежде всего влияют на поведенческие намерения и отношение пользователей к использованию цифровых технологий, а также в конечном счете сказываются на фактическом использовании технологии [22]. По данным M.T. Sørensen, подход студентов к выбору технологий является прагматичным и ориентированным на результат. При этом анализ мотивов и причин использования студентами различных цифровых инструментов указывает на то, что студенты в основном выбирают инструменты, которые им знакомы и просты в использовании [23]. S. Nikou, M. Aavakare отмечают, что на намерение студентов использовать цифровые технологии влияет не только уровень цифровой грамотности, но и ожидаемая результативность и предполагаемые усилия [24].

При этом далеко не всегда восприятие возможностей цифровых технологий студентами является позитивным. В работе N. Selwyn установлено, что студенты могут воспринимать цифровые технологии как бесполезные, в том числе как отвлекающие от учебы (например, поскольку они требуют длительного нахождения в Интернете), сопровождающиеся техническими сбоями, сложные в использовании и снижающие качество университетского обучения (в основном в связи с его переводом в онлайн-формат и предоставлением не всегда качественного цифрового образовательного контента) [25].

Достаточно распространенными являются исследования, в которых восприятие и оценка студентами определенной цифровой технологии исследуются в процессе изучения того или иного курса либо когда конкретный цифровой инструмент использовался для конкретной педагогической цели. В такого рода исследованиях можно проследить не только оценку цифровой технологии, но и ее реальное применение студентами. M. Bader, S.H. Iversen, T. Burner изучали, как студенты – будущие преподаватели английского языка –

воспринимают и используют новый цифровой инструмент для занятий – записную книжку OneNote [26]. Установлено, что позитивное отношение студентов к новому инструменту в подавляющем большинстве случаев связано с воспринимаемой простотой использования, а не с потенциалом цифровых технологий, связанным с обучением. При этом, хотя студенты были осведомлены о возможностях, предоставляемых цифровым инструментом для улучшения процесса обучения, использование технологий определялось их субъективной оценкой технологии по значимым для них критериям. D.A. Sprenger, A. Schwaninger на примере четырех цифровых технологий (опросная система CRS, чат, электронные лекции и мобильная виртуальная реальность) показали, что в процессе обучения позитивное восприятие данных технологий и их активное использование студентами определяется тем, связано ли их применение с техническими сложностями, в какой мере они доступны для освоения и, что наиболее существенно, насколько цифровые технологии согласованы с содержанием обучения (студенты могут их применять для подготовки к занятиям и экзаменам) [27]. Общий вывод в данном случае состоит в том, что реальный трансформационный потенциал цифровых технологий зависит как от преподавателей, так и от учащихся и их субъективных оценок цифровых технологий.

В целом анализ исследований по проблеме восприятия, оценки и последующего применения цифровых технологий в вузовском обучении показывает, что существенный интерес представляют вопросы о том, какие цифровые технологи являются наиболее часто используемыми, с какой целью и в каких видах учебной работы они применяются, какими критериями студенты руководствуются при их выборе. Важным представляется понимание того, как студенты оценивают возможности цифровых технологий в обучении, в том числе в роли фактора развития собственных личностных качеств, способностей и различных умений, востребованных в современном обществе.

Материалы и методы

Исследование проводилось на базе Тюменского государственного университета с апреля по июнь 2021 г. В этот период в связи с пандемией университет был переведен на дистанционное обучение. Были опрошены 401 обучающийся (в том числе студенты бакалавриата, магистратуры и аспирантуры) и 60 преподавателей. Метод формирования выборки – выборка добровольцев, или стихийная выборка. Выборка формировалась через приглашение студентов, аспирантов и преподавателей к участию в анкетировании посредством рассылки по корпоративной электронной почте и группу преподавателей в Viber, через непосредственное обращение от преподавателей, ведущих занятия. Это объясняет представленность в ней неодинакового числа обучающихся разных курсов: 61% бакалавров-первокурсников, 19% бакалавров 2-го года обучения, по 5% бакалавров 3-го и 4-го годов обучения, 1% бакалавров 5-го года обучения, 6% магистрантов и 3% аспирантов. Также в выборке были представлены обучающиеся различных направлений подготовки (фактически всех, по которым ведется подготовка в Тюменском государственном университете):

1. Институт социально-гуманитарных наук – 46,1% респондентов.
2. Институт психологии и педагогики – 9,5%.
3. Финансово-экономический институт – 8,2%.
4. Институт биологии – 2%.
5. Институт математики и компьютерных наук – 12,7%.
6. Физико-технический институт – 2%.
7. Институт государства и права – 12%.
8. Институт наук о Земле – 4%.
9. Институт химии – 1,5%.
10. Институт физической культуры – 1,5%.
11. Политехническая школа – 0,4%.
12. Институт экологической и сельскохозяйственной биологии – 0,1%.

Для опроса использовалась специально разработанная анкета. В нее были включены вопросы о предпочитаемых цифровых технологиях и способах их использования, о причинах выбора цифровых технологий, о субъективной оценке влияния цифровых технологий на развитие личности. На подготовительном этапе использовались фокусированное интервью обучающихся и экспертное оценивание преподавателями перечня причин выбора и вариантов развивающих возможностей цифровых технологий в обучении, экспертное оценивание преподавателями рисков использования цифровых технологий в вузовском обучении. При разработке опросника авторы ориентировались на перечень разновидностей цифровых технологий в уже существующих классификациях (M. Pinto, C. Leite), анализировали содержание образовательных маркетплейсов и агрегатора цифровых продуктов (https://startpack.ru/).

В анкету для преподавателей были включены аналогичные вопросы об использовании обучающимися цифровых технологий с целью последующего сопоставления мнения обучающихся и преподавателей.

Обработка результатов включала частотный анализ полученных данных, их описание и качественный анализ с целью выделения наиболее заметных тенденций, корреляционный анализ. В опроснике была использована 5-разрядная шкала Лайкерта. В процессе обработки результатов вариантам ответов были присвоены численные значения: «никогда» – 1 балл, «очень редко» – 2 балла, «иногда» – 3 балла, «достаточно часто» – 4 балла, «постоянно» – 5 баллов, что позволило вычислить среднее значение по каждому варианту ответа. Полученные численные данные были проранжированы.

Результаты исследования

Частота использования студентами цифровых технологий в обучении (*сопоставление мнений студентов и преподавателей*). В анкету был включен вопрос: «Укажите, какие цифровые продукты и как часто, по

вашему мнению, студенты используют в обучении» (табл. 1).

По мнению студентов, наиболее часто ими используются поисковые системы, сервисы для подготовки презентаций, платформы для дистанционного обучения / электронные учебные системы (преобладают ответы «достаточно часто», «постоянно»). Наименее часто (диапазон ответов «иногда», «очень редко») применяются интерактивные сервисы (тесты, игры, квесты), массовые открытые онлайн-курсы на образовательных платформах, сервисы для проверки работ на заимствования.

Похожие ответы были получены от преподавателей, которые указали, что наиболее часто студентами используются поисковые системы, коммуникационные сервисы и сервисы для подготовки презентаций. Наименее часто применяются электронные базы оцифрованных образовательных ресурсов, цифровые инструменты для совместной работы и управления проектами, массовые открытые онлайн-курсы на образовательных платформах.

При сравнении ранговых позиций мнений студентов и преподавателей относительно частоты использования студентами цифровых технологий (рис. 1) совпадение позиций наблюдается относительно частоты использования поисковых систем (1) (1-я позиция в рангах) и облачных сервисов (7) (9-я позиция в рангах).

Наиболее выраженные отличия в ранговых позициях мнений студентов и преподавателей наблюдаются относительно частоты использования электронных баз оцифрованных образовательных ресурсов (2) (6-я позиция в ранге студентов и 10-я в ранге преподавателей) и сервисов для проверки работ на заимствования (12) (12-я позиция в ранге студентов и 7-я в ранге преподавателей).

Таблица 1

Частота использования студентами цифровых технологий (мнения студентов и преподавателей)

№	Название цифровой технологии	Самооценка студентов		Оценка преподавателей	
		Балл	Ранг	Балл	Ранг
1	Поисковые системы	4,76	1	4,6	1
2	Электронные базы оцифрованных образовательных ресурсов	3,31	6	3,22	10
3	Платформы для дистанционного обучения / Электронные учебные системы (LMS)	3,74	3	3,53	5
4	Облачные сервисы для хранения информации и совместной работы с документами	3,36	5	3,77	4
5	Сервисы для подготовки презентаций	3,86	2	4,04	3
6	Сервисы визуализации информации и создания мультимедийных продуктов	3,26	7	3,4	6
7	Облачные сервисы для проведения конференций и совещаний онлайн с аудио, видеосвязью и инструментами совместной работы над документами	3,19	9	3,25	9
8	Сервисы для коммуникации педагогов и обучающихся	3,72	4	4,15	2
9	Цифровые инструменты для совместной работы и управления проектами	3,2	8	3,01	11
10	Интерактивные сервисы (тесты, игры, квесты)	3,06	10	3,26	8
11	Массовые открытые онлайн-курсы на образовательных платформах	2,89	11	2,77	12
12	Сервисы для проверки работ на заимствования	2,7	12	3,28	7

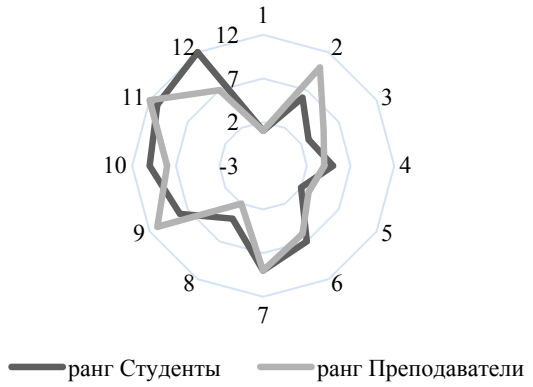

Рис. 1. Сравнение ранговых позиций мнений студентов и преподавателей относительно частоты использования студентами цифровых технологий. Цифрами обозначены цифровые технологии, соответствующие табл. 1

Таблица 2

Способы использования студентами цифровых технологий (мнения студентов и преподавателей)

№	Способы использования студентами цифровых продуктов в обучении	Самооценка студентов		Оценка преподавателей	
		Балл	Ранг	Балл	Ранг
1	Поиск образовательного контента	4,41	1	4,19	1
2	Взаимодействие с преподавателем	3,86	5–6	4,16	2–3
3	Коммуникация с другими студентами	4,22	3	4,16	2–3
4	Создание текстов, презентаций, инфографики	4,01	4	4,11	4
5	Групповая и проектная работа	3,86	5–6	3,37	7
6	Контроль и оценка знаний (тестирование, опрос, повторение)	3,73	7	3,57	5
7	Самообразование и расширение кругозора	4,24	2	3,41	6

Способы использования студентами цифровых продуктов в обучении. В анкету был включен вопрос «Укажите, для чего и как часто, по вашему мнению, студенты используют цифровые продукты в обучении». Это позволило уточнить мнение респондентов о способах использования цифровых технологий студентами в обучении. Данные представлены в табл. 2.

По мнению студентов, наиболее часто они используют цифровые продукты при поиске образовательного контента, самообразовании и расширении кругозора, коммуникации с другими студентами. Наименее часто студенты используют цифровые продукты при взаимодействии с преподавателем, групповой и проектной работе, контроле и оценке знаний.

По мнению преподавателей, наиболее часто студенты используют цифровые продукты при поиске образовательного контента, взаимодействии с преподавателем и коммуникации с другими студентами. Наименее часто студенты используют цифровые продукты при контроле и оценке знаний, самообразовании и расширении кругозора, групповой и проектной работе.

При сравнении ранговых позиций мнений студентов и преподавателей относительно способов использования студентами цифровых технологий (рис. 2) полное совпадение позиций наблюдается по мнению относительно использования цифровых технологий при поиске образовательного контента (1) (1-я позиция в рангах) и создании текстов, презентаций, инфографики (4) (4-я позиция в рангах); относительное совпадение позиций наблюдается по мнению об использовании цифровых технологий при коммуникации с другими студентами (3-я позиция в ранге при оценивании студентами и 2–3-я позиция в ранге при оценивании преподавателями).

Рис. 2. Сравнение ранговых позиций мнений студентов и преподавателей относительно способов использования студентами цифровых технологий. Цифрами обозначены цифровые технологии, соответствующие табл. 2

Таблица 3

Способы использования преподавателями цифровых технологий в обучении (мнения студентов и преподавателей)

№	Способы использования преподавателями цифровых технологий в обучении	Оценка студентов		Самооценка преподавателей	
		Балл	Ранг	Балл	Ранг
1	Проведение лекционных и семинарских занятий	4,1	1–3	4,39	2
2	Предоставление студентам образовательного контента (видеолекции, текстовые файлы)	4,08	4	4,38	3
3	Коммуникация со студентами	4,1	1–3	4,51	1
4	Организация групповой работы студентов на занятиях	3,76	8	3,68	10
5	Организация проектной работы студентов	3,78	7	3,7	9
6	Организация самостоятельной работы студентов	3,8	6	4,02	5
7	Организация учебно-исследовательской работы студентов	3,7	9	3,71	8
8	Контроль и оценка знаний (тестирование, опрос)	4,01	5	3,81	6
9	Консультации	3,58	10	3,76	7
10	Аттестация (зачеты, экзамены)	4,1	1–3	4,29	4

Наиболее выраженные отличия в ранговых позициях мнений студентов и преподавателей наблюдаются относительно способов использования цифровых технологий при взаимодействии с преподавателем (2) (5–6-я позиция в ранге студентов и 2–3-я в ранге преподавателей), а также при самообразовании и расширении кругозора (2) (2-я позиция в ранге студентов и 6-я в ранге преподавателей).

Способы использования преподавателями цифровых технологий в обучении. В исследовании выявлялось, как, по мнению респондентов (студентов и преподавателей), цифровые технологии применяются в преподавательской деятельности. С этой целью в анкету был включен вопрос: «Укажите, для чего и как часто преподаватели используют цифровые технологии в своей преподавательской деятельности» (форма для студентов), – и аналогичный вопрос, где преподаватели должны были ответить, для чего и как часто они используют цифровые технологии в своей преподавательской деятельности. Данные представлены в табл. 3.

По мнению студентов, преподаватели наиболее часто используют цифровые продукты при проведении лекционных и семинарских занятий, коммуникации со студентами, проведении аттестации. Наименее часто, по мнению студентов, преподаватели используют цифровые продукты при организации групповой работы студентов на занятиях, организации учебно-исследовательской работы студентов, проведении консультаций.

По мнению преподавателей, наиболее часто они используют цифровые продукты при коммуникации со студентами, проведении лекционных и семинарских занятий, предоставлении студентам образовательного контента. Наименее часто преподаватели используют цифровые продукты при организации учебно-исследовательской работы студентов, организации проектной работы студентов, организации групповой работы студентов на занятиях.

При сравнении ранговых позиций мнений студентов и преподавателей относительно способов использования преподавателями цифровых технологий (рис. 3) относительное совпадение позиций наблюдается по мнению об использовании цифровых технологий при проведении лекционных и семинарских занятий (1) (1–3-я позиция в рейтинге студентов и 2-я позиция в рейтинге преподавателей) и коммуникации со студентами (3) (1–3-я позиция в рейтинге студентов и 1-я позиция в рейтинге преподавателей).

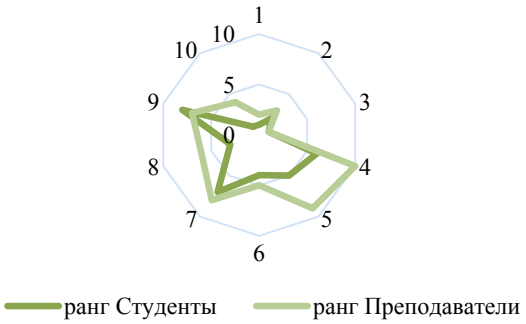

Рис. 3. Сравнение ранговых позиций мнения студентов и преподавателей относительно способов использования преподавателями цифровых технологий

Таблица 4

Фрагмент корреляционной матрицы

	q91	q92	q93	q94	q95	q96	q97	...	q99	...	q84	q85
q84								...		...	1	0,6607
q85								...		...	0,6607	1
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
q91	1	0,6429	0,6383					...		...		
q92	0,6429	1	0,6397					...		...		
q93	0,6383	0,6397	1					...		...		
q94				1	0,6948		0,6186	...		...		
q95				0,6948	1	0,6793	0,7175	...		...		
q96					0,6793	1	0,6720	...		...		
q97				0,6186	0,7175	0,6720	1	...	0,6158	...		
...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...	...
q99							0,6158	...	1	...		

Наиболее выраженные отличия в ранговых позициях мнений студентов и преподавателей наблюдаются относительно способов использования преподавателями цифровых технологий при проведении консультаций (9) (10-я позиция в ранге студентов и 7-я в ранге преподавателей), а также организации групповой работы студентов на занятиях (4) (8-я позиция в ранге студентов и 10-я в ранге преподавателей).

Корреляционный анализ показал, что присутствуют статистически значимые связи между ответами студентов, в которых они характеризовали формы учебной работы с использованием цифровых технологий у своих преподавателей, и ответами, в которых они давали оценку тому, для чего и как часто сами используют цифровые инструменты в обучении (табл. 4).

Выявлена умеренная положительная связь между показателями переменных:

– q84 (групповая и проектная работа), q85 (создание текстов, презентаций, инфографики);

– q91 (использование преподавателями цифровых технологий для проведения лекционных и семинарских), q92 (предоставление студентам образовательного контента), q93 (коммуникация со студентами);

– q94 (организация групповой работы студентов на занятиях), q95 (организация проектной работы студентов), q97 (организация учебно-исследовательской работы студентов);

– q95 (организация проектной работы студентов), q94 (организация групповой работы студентов на занятиях), q96 (организация самостоятельной работы студентов), q97 (организация учебно-исследовательской работы студентов);

– q96 (организация самостоятельной работы студентов), q95 (организация проектной работы студентов), q97 (организация учебно-исследовательской работы студентов);

– q97 (организация учебно-исследовательской работы студентов); q94 (организация групповой работы

студентов на занятиях), q95 (организация проектной работы студентов), q96 (организация самостоятельной работы студентов), q99 (консультации);

– q99 (консультации), q97 (организация учебно-исследовательской работы студентов).

По мнению студентов, преподаватели используют цифровые технологии при организации учебно-исследовательской работы студентов, проектной деятельности, групповой работы на занятиях, самостоятельной работы, при проведении консультаций. При этом в групповой и проектной работе студенты используют цифровые продукты для создания текстов, презентаций, инфографики. Преподаватели, по мнению студентов, при проведении лекционных и семинарских занятий предоставляют образовательный контент (видеолекции, текстовые файлы) и осуществляют коммуникацию со студентами с использованием цифровых технологий.

Таким образом, по оценкам студентов, цифровые технологии широко распространены в вузовском обучении, но при этом только некоторые их разновидности активно задействованы преподавателями в определенных видах учебной работы.

Субъективные причины выбора и использования цифровых технологий. В опросник были включены вопросы, позволяющие получить информацию: о причинах выбора цифровых технологий, связанных с их прагматическими характеристиками (удобство, польза); о субъективно воспринимаемых возможностях саморазвития в учебно-воспитательном процессе с использованием цифровых технологий (интерес к новому, любопытно, позволяют строить индивидуальную траекторию обучения, возможность самообразования и саморазвития); о внешних причинах использования цифровых технологий в обучении (требование преподавателя, требование регламента учебного процесса, естественное требование времени). Респондентам предлагалось выбрать из предлагаемого списка три наиболее важных причины. Результаты представлены в табл. 5.

Таблица 5

Субъективные причины выбора студентами цифровых технологий (данные по курсам обучения) и мнение преподавателей, %

Причины выбора цифровых технологий	1-й курс	2-й курс	3-й курс	4–5-й курсы	Магистранты, аспиранты	Преподаватели
Удобство	92	83	91	96	86	93
Польза	58	53	68	67	36	35
Интерес к новому, любопытно	35	45	64	46	33	23
Требование преподавателя	26	38	27	25	14	60
Требование регламента учебного процесса	37	39	27	50	33	63
Естественное требование времени	30	37	45	50	44	73
Возможность самообразования и саморазвития	60	66	45	63	64	43
Позволяют строить индивидуальную траекторию обучения	33	32	50	21	31	23
Использую минимально, не дают мне ничего принципиально нового	2	9	0	4	3	2

Анализ показал, что наиболее часто называемой студентами субъективной причиной является «удобство» цифровой технологии (90%). Более половины студентов назвали значимыми причинами «возможность самообразования и саморазвития» (61%) и «пользу» (56%). 39% опрошенных отнесли к значимым причинам «интерес к новому, любопытно», 32% – «позволяют строить индивидуальную траекторию обучения». 37% считают, что используют цифровые технологии в обучении из-за «требования регламента учебного процесса», 35% – поскольку это «естественное требование времени», 27% – из-за «требования преподавателя». Всего 4% студентов отметили, что используют цифровые технологии минимально, так как они не дают им ничего принципиально нового. Ответы, проанализированные по курсам обучения, за небольшими исключениями подтверждают описанные выше тенденции. При этом 69% обучающихся ответили, что выбор цифровых технологий связан с их собственным решением, а 31% – с требованием преподавателя. Таким образом, большинство студентов продемонстрировали положительное отношение к использованию цифровых технологий в обучении. При этом причинами выбора цифровых технологий можно считать в первую очередь восприятие студентами их как удобных и полезных, затем уже – как актуализирующих мотивы саморазвития, и в наименьшей степени – как связанных с внешними требованиями.

В разрезе курсов обучения данные указывают на несколько более выраженные причины выбора цифровых технологий у старшекурсников: удобство, польза, мотивы интереса к новому, возможность строить индивидуальную траекторию обучения.

Что касается преподавателей, то с мнением студентов совпадает оценка «удобства» как основной причины выбора цифровой технологии (93%). В то же время преподавателями были названы главным образом внешние причины, по которым студенты используют цифровые технологии: естественное требование времени (73%), требование регламента образовательного процесса (63%), требование преподавателя (60%). Значительно ниже, чем студенты, преподаватели оценили выбор цифровых технологий студентами для их самообразования и саморазвития (43%) и пользы (35%). Также в меньшей степени, чем студенты, преподаватели считают, что причинами выбора технологий студентами могут быть возможность строить индивидуальную траекторию (23%), интерес к новому, любопытство (23%).

2% преподавателей считают, что студенты используют цифровые технологии минимально.

Обращают на себя внимание «перепады» показателей по основным причинам выбора цифровых технологий в зависимости от уровня осваиваемого респондентами образования (курс бакалавриата, магистратура / аспирантура). Так, у респондентов, обучающихся на 2 курсе бакалавриата, отмечается повышение частоты выбора по таким шкалам, как «интерес к новому», «требование преподавателя», «требование регламента», «требование времени», «возможность самообразования и саморазвития» и «не дают ничего нового». При этом снижается частота выбора по таким шкалам, как «удобство», «польза», «возможность строить индивидуальную траекторию обучения». У респондентов, обучающихся на 3 курсе бакалавриата, отмечается повышение частоты выбора по таким шкалам, как «удобство», «польза», «интерес к новому», «требование времени», «возможность строить индивидуальную траекторию обучения». При этом снижается частота выбора по таким шкалам, как «требование преподавателя», «требование регламента», «возможность самообразования и саморазвития», «не дают ничего нового». У респондентов, обучающихся на 4-5 курсах бакалавриата, отмечается повышение частоты выбора по таким шкалам, как «удобство», «требование регламента», «требование времени», «возможность самообразования и саморазвития», «не дают ничего нового». При этом снижается частота выбора по таким шкалам, как «польза», «интерес к новому», «требование преподавателя», «возможность строить индивидуальную траекторию обучения». У респондентов, обучающихся в магистратуре и аспирантуре, отмечается повышение частоты выбора по таким шкалам, как «возможность самообразования и саморазвития» и «возможность строить индивидуальную траекторию обучения». При этом снижается частота выбора по остальным шкалам: «удобство», «польза», «интерес к новому», «требование преподавателя», «требование регламента», «требование времени», «не дают ничего нового».

Оценка студентами влияния цифровых технологий на развитие личности. Анкета содержала список, из которого студенты могли выбрать несколько вариантов ответов, характеризующих влияние цифровых технологий на развитие различных личностных характеристик, умений и способностей студентов в контексте их учебной деятельности. В целом развивающее влияние цифровых технологий получило недостаточно высокую оценку у студентов. По мнению только половины опрошенных студентов, влияние цифровых технологий заметно проявляется в развитии у них способности учиться и адаптироваться к изменениям (53%), расширении кругозора и осведомленности (53 %), в развитии познавательной активности и интереса (52%), самоорганизации (51%). Около трети опрошенных студентов считают, что использование цифровых технологий положительно сказывается на их способности к проектной деятельности (38%), развитии креативности (35%) и критического мышления (32%), умении работать в команде (31%), навыках продуктивной коммуникации (28%), а также влияют на развитие мотивации обучения (26%). Наименее зависимыми от цифровых технологий в обучении, согласно ответам студентов, оказались навыки публичного выступления (18%). 6% студентов не отметили какого-либо влияния цифровых технологий в обучении на развитие собственной личности.

Некоторые особенности видны при анализе данных в разрезе курсов (табл. 6). При анализе в связи с немногочисленностью были объединены данные бакалавров 4-х и 5-х курсов, а также магистрантов и аспирантов. Начиная с 3-го курса студенты выше оценивают мотивирующую роль цифровых технологий, их влияние на познавательную активность и интерес.

Таблица 6

Оценка студентами развивающих возможностей цифровых технологий (данные по курсам обучения), %

Критерии оценки	1-й курс	2-й курс	3-й курс	4–5-й курсы	Магистранты, аспиранты	Препода-ватели
Мотивация обучения	25	26	36	38	14	17
Познавательная активность и интерес	50	54	68	63	42	33
Способность учиться и адаптироваться к изменениям	53	46	68	42	64	60
Развитие критического мышления	30	39	36	46	25	18
Самоорганизация	52	51	50	38	50	45
Навыки продуктивной коммуникации	31	26	23	29	19	33
Умение работать в команде	33	32	27	21	28	28
Способность к проектной деятельности	43	39	41	25	14	22
Расширение кругозора и осведомленности	54	47	59	42	61	48
Навыки публичного выступления	19	13	32	25	6	15
Креативность	37	39	41	29	14	28
Не оказывают	7	5	0	0	8	12

По мнению 60% преподавателей, цифровые технологии в обучении наиболее заметно влияют на способность студентов учиться и адаптироваться к изменениям (эта же характеристика получила наиболее высокие оценки при опросе студентов). В целом же в ответах преподавателей присутствуют сходные с ответами студентов тенденции, при этом развивающие возможности цифровых технологий оцениваются заметно ниже. Несколько ниже, чем студенты, преподаватели отметили расширение кругозора и осведомленности (48 %), развитие самоорганизации (45%) у студентов в условиях использования цифровых технологий. Около трети опрошенных преподавателей считают, что использование цифровых технологий положительно сказывается на познавательной активности и интересе студентов (33%), развитии навыков продуктивной

коммуникации (33%), умения работать в команде (28%), креативности (28%). В меньшей степени преподаватели отметили влияние цифровых технологий на развитие способности студентов к проектной деятельности (22%), критического мышления (18%), мотивации обучения (17%), навыков публичного выступления (15%). 12% преподавателей не отметили какого-либо влияния цифровых технологий на развитие личности студентов.

При анализе результатов оценивания развивающих возможностей цифровых технологий также отмечаются «перепады» показателей в зависимости от уровня осваиваемого респондентами образования (курс бакалавриата, магистратура / аспирантура).

Так, у студентов, обучающихся на 2-м курсе бакалавриата, отмечается повышение частоты выбора по таким шкалам, как «мотивация обучения», «познавательная активность и интерес», «развитие критического мышления», «креативность». При этом снижается частота выбора по остальным шкалам: «отсутствие влияния», «способность учиться и адаптироваться к изменениям», «самоорганизация», «навыки продуктивной коммуникации», «умение работать в команде», «способность к проектной деятельности», «расширение кругозора и осведомленности», «навыки публичного выступления».

У студентов, обучающихся на 3-м курсе бакалавриата, отмечается повышение частоты выбора по таким шкалам, как «мотивация обучения», «познавательная активность и интерес», «способность учиться и адаптироваться к изменениям», «способность к проектной деятельности», «расширение кругозора и осведомленности», «навыки публичного выступления», «креативность». При этом снижается частота выбора по таким шкалам, как «отсутствие влияния», «развитие критического мышления», «самоорганизация», «навыки продуктивной коммуникации», «умение работать в команде».

У студентов, обучающихся на 4–5-м курсах бакалавриата, отмечается повышение частоты выбора по таким шкалам, как «мотивация обучения», «развитие критического мышления», «навыки продуктивной коммуникации». При этом снижается частота выбора по остальным шкалам: «отсутствие влияния», «познавательная активность и интерес», «способность учиться и адаптироваться к изменениям», «самоорганизация», «умение работать в команде», «способность к проектной деятельности», «расширение кругозора и осведомленности», «навыки публичного выступления», «креативность».

У обучающихся в магистратуре и аспирантуре отмечается повышение частоты выбора по таким шкалам, как «отсутствие влияния», «способность учиться и адаптироваться к изменениям», «самоорганизация», «умение работать в команде», «расширение кругозора и осведомленности». При этом снижается частота выбора по таким шкалам, как «мотивация обучения», «познавательная активность и интерес», «развитие критического мышления», «навыки продуктивной коммуникации», «способность к проектной деятельности», «навыки публичного выступления», «креативность».

Оценка актуальности рисков использования цифровых технологий в образовании. Наряду с положительными моментами использования цифровых технологий студенты в своем большинстве подтвердили актуальность рисков их использования в обучении, в том числе развитие зависимости от гаджетов (76%), проблемы с информационной безопасностью, защитой авторских прав научных работников, сохранением тайны личных данных всех лиц, вовлеченных во внутренние процессы образовательной организации (70%). Более половины студентов связывают с использованием цифровых технологий снижение качества общения, коммуникации и взаимодействия, сложность распознавания эмоциональных состояний партнеров по общению (54%), утрату социальных навыков и потерю способности усваивать информацию в больших объемах (53%). Несколько ниже, но также достаточно высоко оцениваются риски подмены устоявшихся в образовании и уже доказавших свою эффективность средств и технологий обучения модной цифровой атрибутикой (41%), деградации речи, а вместе с ней и мышления (39%).

Преподаватели также подтвердили наличие рисков использования цифровых технологий в обучении. Наиболее актуальными рисками, по их мнению, являются развитие зависимости от гаджетов (80%), снижение качества общения, коммуникации и взаимодействия, сложности распознавания эмоциональных состояний партнеров по общению (80%), проблемы с информационной безопасностью, защитой авторских прав научных работников, сохранением тайны личных данных всех лиц, вовлеченных во внутренние процессы образовательной организации (75%), риск деградации речи, а вместе с ней и мышления (68%), риск утраты социальных навыков и потери способности усваивать информацию в больших объемах (65%), риск подмены устоявшихся в образовании и уже доказавших свою эффективность средств и технологий обучения модной цифровой атрибутикой (62%). В целом преподаватели более высоко оценили риски использования цифровых технологий в обучении по сравнению со студентами.

Выводы

Полученные в ходе опроса данные позволяют оценить актуальное состояние восприятия студентами цифровых технологий как средства обучения и развития личности. К числу наиболее популярных цифровых технологий у студентов относятся поисковые системы, сервисы для подготовки презентаций, платформы для дистанционного обучения, сервисы для коммуникации педагогов и обучающихся; соответственно, наиболее распространенным способам их использования являются поиск образовательного контента, коммуникация с другими студентами, создание текстов и презентаций. При этом выявлены связи между формами учебной работы и используемыми цифровыми технологиями. Установлено, что, по оценке студентов, преподаватели используют цифровые технологии при организации учебно-ис-

следовательской работы студентов, проектной деятельности, групповой работы на занятиях, самостоятельной работы, при проведении консультаций. При этом в групповой и проектной работе студенты используют цифровые продукты для создания текстов, презентаций, инфографики. Преподаватели, по мнению студентов, при проведении лекционных и семинарских занятий предоставляют образовательный контент (видеолекции, текстовые файлы) и осуществляют коммуникацию со студентами с использованием цифровых технологий. Несмотря на большое разнообразие современных цифровых инструментов, студенты используют ограниченное их количество в разных видах учебной работы.

В оценке цифровых технологий для студентов наиболее значимыми являются критерии «пользователя» (удобство, доступность, простота технологии) и полезности в контексте обучения (возможность использовать технологию для решения учебных задач). При оценке студентами развивающих возможностей цифровых технологий выявилась зависимость влияния цифровых технологий на развитие различных личностных характеристик, умений и способностей студентов в контексте их учебной деятельности от курса обучения; соответственно, студенты старших курсов оценивают степень влияния цифровых технологий на их мотивацию, познавательную активность и интерес к обучению, способность учиться и адаптироваться к изменениям гораздо выше. Преподаватели, по сравнению со студентами, настроены более критично и оценивают развивающие возможности цифровых технологий в обучении менее высоко.

Результаты исследования позволяют сформулировать ряд рекомендаций с целью совершенствования практики использования цифровых технологий в вузовском обучении.

Необходимо принимать во внимание фактор субъективной оценки как при внедрении существующих, так и при разработке новых цифровых технологий. Так, требуется убедительно демонстрировать студентам возможности цифровых технологий для достижения высоких образовательных результатов. Образовательные цифровые технологии должны отвечать образовательным запросам студентов и одновременно обладать оптимальными пользовательскими характеристиками. Следует обеспечивать компетентное владение цифровыми технологиями преподавателями в качестве инструментария для решения различных педагогических задач, что требует от них понимания механизмов реализации образовательного потенциала данных технологий.

Перспектива исследований в представленном в статье направлении может состоять в формулировании требований к цифровым технологиям в вузовском обучении для их разработчиков. Этот вопрос является междисциплинарным и потребует вовлечения в исследование специалистов IT и педагогов-дидактов. Еще один важный аспект перспективных исследований – выявление способов преодоления рисков использования цифровых технологий в вузовском обучении. Решение данной задачи также предполагает определение реального продуктивного вклада цифровых технологий в вузовское обучение.

Список источников

1. Henderson M., Selwyn N., Aston R. What works and why? Student perceptions of ‘useful’ digital technology in university teaching and learning // Studies in Higher Education. 2017. Vol. 42, № 8. P. 1567–1579.
2. Современные проблемы информатизации образования / рук. авторского коллектива и отв. редактор М.П. Лапчик. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2017. 404 с
3. Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2020) : сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. с международным участием, 19–21 ноября 2020 г. / под ред. М.Г. Сороковой, Е.Г. Дозорцевой, А.Ю. Шеманова. М. : Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. 464 с.
4. Методологические основы формирования современной цифровой образовательной среды. Н. Новгород : Профессиональная наука, 2018. URL: http://scipro.ru/conf/monographeeducation-1.pdf
5. Трансформация смыслов образования в условиях цифровизации общества (Краснодар, 27–28 февраля 2020 г.) : сб. ст. всерос. науч.-практ. конф. М. : Мир науки, 2020. URL: https://izdmn.com/PDF/14MNNPK20.pdf
6. Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 2.
7. Чошанов М.А. Е-дидактика: Новый взгляд на теорию обучения в эпоху цифровых технологий // Образовательные технологии и общество. 2013. Т. 16, № 3. С. 684–696.
8. Роберт И.В. Дидактика периода цифровой трансформации образования // Мир психологии. 2020. № 3. С. 184–198.
9. Гончарук Н.П., Хромова Е.И. Интеграция педагогических и информационных технологий в образовательном процессе // Казанский педагогический журнал. 2018. № 4 (129). С. 32–36.
10. Андрюхина Л.М., Садовникова Н.О., Уткина С.Н., Мирзаахмедов А.М. Цифровизация профессионального образования: перспективы и незримые барьеры // Образование и наука. 2020. № 22 (3). С. 116–147. doi: 10.17853/1994-5639-2020-3-116-147
11. Педагогическая концепция цифрового профессионального образования и обучения / В.И. Блинов, И.С. Сергеев, Е.Ю. Есенина и др.; под науч. ред. В.И. Блинова. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 112 с.
12. Романова Г.В. Цифровизация высшего образования: новые тренды и опыт внедрения // Гуманитарные науки. 2020. № 4 (52). С. 31–36.
13. Андрюхина Л.М., Ломовцева Н.В., Садовникова Н.О. Концепты цифровой дидактики как основания проектирования опережающего образования педагогов профессионального обучения // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 1. С. 30–43. doi: 10.24411/2307-4264-2020-10103
14. Роберт И.В. Развитие понятийного аппарата педагогики: цифровые информационные технологии образования // Педагогическая информатика. 2019. № 1. С. 108–121.
15. Назаров В.Л., Жердев Д.В., Авербух Н.В. Шоковая цифровизация образования: восприятие участников образовательного процесса // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 1. С. 156–201. doi: 10.17853/1994-5639-2021-1-156-201
16. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / А.Ю. Уваров, Э. Гейбл, И.В. Дворецкая и др.; под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 343 с.
17. Zheng R. Z. et al. College students' perceptions on the role of digital technology and personalized learning: an international perspective // Digital Technologies and Instructional Design for Personalized Learning. IGI Global, 2018. P. 229–252.
18. Pinto M., Leite C. Digital technologies in support of students learning in Higher Education: literature review // Digital Education Review. 2020. № 37. P. 343–360.

19. García-Martínez J.A. et al. Digital tools and personal learning environments: an analysis in higher education // Sustainability. 2020. Vol. 12, № 19. Art. 8180.
20. Yureva O.V., Burganova L.A., Kukushkina O.Y., Myagkov G.P., Syradoev D.V. Digital Transformation and Its Risks in Higher Education: Students' and Teachers' Attitude // Universal Journal of Educational Research. 2020. Vol. 8, № 11B. P. 5965–5971. doi: 10.13189/ujer.2020.082232
21. Bond M. et al. Digital transformation in German higher education: student and teacher perceptions and usage of digital media // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2018. Vol. 15, № 1. P. 1–20.
22. Davis F.D., Venkatesh V. A critical assessment of potential measurement biases in the technology acceptance model: three experiments // International Journal of Human-Computer Studies. 1996. Vol. 45, № 1. P. 19–45.
23. Sørensen M.T. The Students' Choice of Technology: a pragmatic and outcome-focused approach // The Digital Turn in Higher Education. Wiesbaden : Springer VS, 2018. P. 161–174.
24. Nikou S., Aavakare M. An assessment of the interplay between literacy and digital technology in higher education // Education and Information Technologies. 2021. Vol. 26, № 4. P. 3893–3915.
25. Selwyn N. Digital downsides: Exploring university students' negative engagements with digital technology // Teaching in Higher Education. 2016. Vol. 21, № 8. P. 1006–1021.
26. Bader M., Iversen S.H., Burner T. Students' perceptions and use of a new digital tool in teacher education // Nordic Journal of Digital Literacy. 2021. Vol. 16, № 1. P. 21–33.
27. Sprenger D.A., Schwaninger A. Technology acceptance of four digital learning technologies (classroom response system, classroom chat, e-lectures, and mobile virtual reality) after three months' usage // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2021. Vol. 18, № 1. P. 1–17.

References

1. Henderson, M., Selwyn, N. & Aston, R. (2017) What works and why? Student perceptions of 'useful' digital technology in university teaching and learning. *Studies in Higher Education*. 42 (8). pp. 1567–1579.
2. Lapchik, M.P. (ed.) (2017) *Sovremennye problemy informatizatsii obrazovaniya* [Modern problems of informatization of education]. Omsk: OmSPU.
3. Sorokova, M.G., Dozortseva, E.G. & Shemanov, A.Yu. (eds) (2020) *Tsifrovaya gumanitaristika i tekhnologii v obrazovanii (DHTE 2020)* [Digital Humanities and Technologies in Education (DHTE 2020)].Proceedings of the International Conference. Moscow: MSPPU.
4. Scipro.ru. (2018) *Metodologicheskie osnovy formirovaniya sovremennoy tsifrovoy obrazovatel'noy sredy* [Methodological foundations for the formation of a modern digital educational environment]. N. Novgorod: Professional'naya nauka. [Online] Available from: http://scipro.ru/conf/monographeeducation-1.pdf
5. Ushakov, A.A. (ed.) (2020) *Transformatsiya smyslov obrazovaniya v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva* [Transformation of the meanings of education in the context of the digitalization of society]. Conference Proceedings. Krasnodar. 27–28 February 2020. Moscow: Mir nauki. [Online] Available from: https://izd-mn.com/PDF/14MNNPK20.pdf
6. *Professional'noe obrazovanie i rynok truda*. (2020) 2.
7. Choshanov, M.A. (2013) E-didaktika: Novyy vzglyad na teoriyu obucheniya v epokhu tsifrovykh tekhnologiy [E-Didactics: A New Look at Learning Theory in the Digital Age]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo*. 16 (3). pp. 684–696.
8. Robert, I.V. (2020) Didaktika perioda tsifrovoy transformatsii obrazovaniya [Didactics of the period of digital transformation of education]. *Mir psikhologii*. 3. pp. 184–198.
9. Goncharuk, N.P. & Khromova, E.I. (2018) Integratsiya pedagogicheskikh i informatsionnykh tekhnologiy v obrazovatel'nom protsesse [Integration of pedagogical and information technologies in the educational process]. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 4 (129). pp. 32–36.
10. Andryukhina, L.M., Sadovnikova, N.O., Utkina, S.N. & Mirzaakhmedov, A.M. (2020) Tsifrovizatsiya professional'nogo obrazovaniya: perspektivy i nezrimye bar'ery [Digitalization of vocational education: prospects and invisible barriers]. *Obrazovanie i nauka*. 22 (3). pp. 116–147. doi: 10.17853/1994-5639-2020-3-116-147
11. Blinov, V.I. et al. (2020) *Pedagogicheskaya kontseptsiya tsifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya* [Pedagogical concept of digital vocational education and training]. Moscow: RANEPA.
12. Romanova, G.V. (2020) Tsifrovizatsiya vysshego obrazovaniya: novye trendy i opyt vnedreniya [Digitalization of higher education: new trends and implementation experience]. *Gumanitarnye nauki.* 4 (52). pp. 31–36.
13. Andryukhina, L.M., Lomovtseva, N.V. & Sadovnikova, N.O. (2020) Kontsepty tsifrovoy didaktiki kak osnovaniya proektirovaniya operezhayushchego obrazovaniya pedagogov professional'nogo obucheniya [Concepts of digital didactics as the basis for designing advanced education for vocational education teachers]. *Professional'noe obrazovanie i rynok truda.* 1. pp. 30–43. doi: 10.24411/2307-4264-2020-10103
14. Robert, I.V. (2019) Razvitie ponyatiynogo apparata pedagogiki: tsifrovye informatsionnye tekhnologii obrazovaniya [Development of the conceptual apparatus of pedagogics: digital information technologies of education]. *Pedagogicheskaya informatika.* 1. pp. 108–121.
15. Nazarov, V.L., Zherdev, D.V. & Averbukh, N.V. (2021) Shokovaya tsifrovizatsiya obrazovaniya: vospriyatie uchastnikov obrazovatel'nogo protsessa [Shock digitalization of education: the perception of participants in the educational process]. *Obrazovanie i nauka*. 23 (1). pp. 156–201. doi: 10.17853/1994-5639-2021-1-156-201
16. Uvarov, A.Yu. & Frumin, I.D. (eds) (2019) *Trudnosti i perspektivy tsifrovoy transformatsii obrazovaniya* [Difficulties and prospects of digital transformation of education]. Moscow: HSE.
17. Zheng, R.Z. et al. (2018) College students' perceptions on the role of digital technology and personalized learning: an international perspective. In: *Digital Technologies and Instructional Design for Personalized Learning.* IGI Global. pp. 229–252.
18. Pinto, M. & Leite, C. (2020) Digital technologies in support of students learning in Higher Education: literature review. *Digital Education Review.* 37. pp. 343–360.
19. García-Martínez, J.A. et al. (2020) Digital tools and personal learning environments: an analysis in higher education. *Sustainability*. 12 (19). Art. 8180.
20. Yureva, O.V. et al. (2020) Digital Transformation and Its Risks in Higher Education: Students' and Teachers' Attitude. *Universal Journal of Educational Research.* 8 (11B). pp. 5965–5971. doi: 10.13189/ujer.2020.082232
21. Bond, M. et al. (2018) Digital transformation in German higher education: student and teacher perceptions and usage of digital media. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 15 (1). pp. 1–20.
22. Davis, F.D. & Venkatesh, V. (1996) A critical assessment of potential measurement biases in the technology acceptance model: three experiments. *International Journal of Human-Computer Studies*. 45 (1). pp. 19–45.
23. Sørensen, M.T. (2018) The Students' Choice of Technology: a pragmatic and outcome-focused approach. In: *The Digital Turn in Higher Education*. Wiesbaden: Springer VS. pp. 161–174.
24. Nikou, S. & Aavakare, M. (2021) An assessment of the interplay between literacy and digital technology in higher education. *Education and Information Technologies*. 26 (4). pp. 3893–3915.
25. Selwyn, N. (2016) Digital downsides: Exploring university students' negative engagements with digital technology. *Teaching in Higher Education*. 21 (8). pp. 1006–1021.

26. Bader, M., Iversen, S.H. & Burner, T. (2021) Students' perceptions and use of a new digital tool in teacher education. *Nordic Journal of Digital Literacy*. 16 (1). pp. 21–33.
27. Sprenger, D.A. & Schwaninger, A. (2021) Technology acceptance of four digital learning technologies (classroom response system, classroom chat, e-lectures, and mobile virtual reality) after three months' usage. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 18 (1). pp. 1–17.

Информация об авторах:
Белякова Е.Г. – д-р пед. наук, профессор кафедры общей и социальной педагогики Тюменского государственного университета (г. Тюмень, Россия). E-mail: b-evgenia@yandex.ru
Быков С.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры общей и социальной педагогики Тюменского государственного университета (г. Тюмень, Россия). E-mail: hr72-2011@mail.ru
Землянова М.П. – канд. пед. наук, доцент центра иностранных языков и коммуникативных технологий Тюменского государственного университета (г. Тюмень, Россия). E-mail: dr-vart@yandex.ru
Муравьева Н.Г. – старший преподаватель центра иностранных языков и коммуникативных технологий Тюменского государственного университета (г. Тюмень, Россия). E-mail: muravjovang@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
E.G. Belyakova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: b-evgenia@yandex.ru
S.A. Bykov, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: hr72-2011@mail.ru
M.P. Zemlyanova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: m.p.zemlyanova@utmn.ru
N.G. Muraveva, senior lecturer, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: muravjovang@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.03.2022;
одобрена после рецензирования 22.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 27.03.2022;
approved after reviewing 22.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Научная статья
УДК 811.161.1’243: 372.881.161.1
doi: 10.17223/15617793/479/22

Речь современной эпохи в учебнике РКИ как условие успешного диалога культур

Наталья Анатольевна Вострякова[1]

[1] *Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия, navostrjakova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6795-6929*

Аннотация. Для достижения успеха в коммуникации с россиянами иностранные студенты должны владеть современным русским языком, уметь общаться в официальных и неофициальных ситуациях. Однако в речи граждан России XXI в., российских СМИ, Интернете, на телевидении нередко нарушаются литературная норма и правила русского речевого этикета. Автор ставит вопрос о том, каким образом учебники РКИ и процесс преподавания русского языка иностранцам должны учитывать эти явления. Привлекательность ненормативной разговорной лексики для студентов рассматривается как потенциальная проблема межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: русский язык как иностранный (РКИ), иностранные студенты, диалог культур, учебник (пособие) по РКИ, языковая норма, лексическая компетенция, коммуникативная компетенция, разговорная лексика, ненормативная лексика, речевой этикет

Для цитирования: Вострякова Н.А. Речь современной эпохи в учебнике РКИ как условие успешного диалога культур // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 213–225. doi: 10.17223/15617793/479/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/22

Speech of the modern era in an RFL textbook as a condition for a successful dialogue of cultures

Natalya A. Vostryakova[1]

[1] *Volgograd State Technical University, Volgograd, Russian Federation, navostrjakova@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-6795-6929*

Abstract. In an effort to bring the content of education closer to real communication, to satisfy the desire of foreigners to understand the Russian mass media, to communicate freely on the Internet, the authors of modern RFL textbooks and teachers began to modernize the language content of educational materials. The aim of this study is to consider the feasibility of updating the stylistically substandard profane colloquial vocabulary in a modern Russian language textbook (primarily for the initial stage of education) from the point of view of its role in ensuring successful communication with native speakers of the Russian language and influence on the spiritual and moral development of foreign students. The research material was a number of Russian educational publications on RFL in 2008–2019 and scientific and methodological works of domestic and foreign researchers. When carrying out the study, the method of linguistic analysis, the method of talking with foreign students, the method of pedagogical observation, analytical, comparative and descriptive general scientific methods were used. The study revealed that, at the initial and advanced stages of training, violation of the rules of Russian speech etiquette in communication, colloquial, jargon, vernacular, rude vernacular units and argotisms can be presented in a modern textbook of the Russian language. The points of view of scientists explaining such author’s strategies are considered. Foreigners can also get acquainted with profane colloquial vocabulary in the process of informal communication with native speakers of the Russian language. In all cases, they usually do not get an adequate idea of its meaning, stylistic specifics, connection with the speaker’s speech passport, the speaker’s attitude to the interlocutor, and discredit themselves in the eyes of Russians, mindlessly using it. Actualization of profane colloquial vocabulary can violate moral norms in communication, hinder successful intercultural dialogue, and negatively affect the spiritual and moral development of a foreigner’s personality. Therefore, the status and stylistic features of profane colloquial vocabulary in Russian in the practice of teaching RFL (both to philology and non-philology students) should be given special attention, starting from the basic and first certification levels of education. The teacher should sensibly treat students’ communicative needs, form their vocabulary, taking into account the tasks of educating a highly moral person, ensuring the linguistic, social and cultural security of the human society.

Keywords: Russian as a Foreign Language (RFL), foreign students, dialogue of cultures, textbook (manual) on RFL, language norm, lexical competence, communicative competence, colloquial vocabulary, profane vocabulary, speech etiquette

© Вострякова Н.А., 2022

***For citation*:** Vostryakova, N.A. (2022) Speech of the modern era in an RFL textbook as a condition for a successful dialogue of cultures. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 213–225. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/22

Слово – дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти. Берегись от такого слова, которое разъединяет людей.

Л.Н. Толстой [1. С. 285]

Введение

Общеизвестно, что продуцирование стилистически сниженной речи на иностранном языке и нарушение этических норм в межкультурном общении может привести к коммуникативным неудачам. Успешная межкультурная коммуникация, являющаяся в настоящее время главной целью обучения иностранным языкам, без соблюдения участниками коммуникативного акта правил речевого этикета невозможна [2. С. 195; 3. С. 146–148; 4. С. 107]. Поэтому методика РКИ всегда выступала за трансляцию в учебном процессе социальной культуры, лучших достижений русского и других народов и преподавание, прежде всего, **современного русского литературного языка** и **этикетных форм русской речи**. Традиционно утверждалось, что при отборе лексики на всех этапах обучения должен учитываться **принцип стилистической неограниченности**: основой учебных материалов для иностранных учащихся должны быть нормативные, межстилевые единицы, имеющие максимально широкое употребление. Просторечные, грубо-просторечные, жаргонные и диалектные слова не рассматривались в качестве предмета изучения, а лексика разговорного, официально-делового и других стилей допускалась лишь с большими ограничениями [5. С. 154–155; 6. С. 59–60; 7. С. 77–78].

Однако лингвистический анализ **современных российских учебных изданий по РКИ 2000-х гг.** показывает, что в некоторых из них принцип стилистической неограниченности нарушается не только на продвинутом и завершающем этапах обучения (при обучении филологов, что предусмотрено Программой в отдельных случаях), но и на начальном. Демонстрируется также неэтичное речевое поведение (вербальное и невербальное) на материале русского языка. Ср. примеры из популярных учебников и пособий нашего времени – «Жили-были…», «Поехали!», «Шкатулочка», «Окно в Россию»:

1. *Это студент? – Да, это студент. – Это студент? – Нет, это студентка* (модель предъявляется с опорой на фотографии молодого человека и девушки. – *Н.В.*).

Смотрим на картинки, спрашиваем и отвечаем…

Это женщина? (на сопровождающих иллюстрациях изображены беззаботная, улыбающаяся дама и спортсменка, с трудом поднимающая тяжелую штангу. – *Н.В.*) [8. С. 12].

2. *Учитель: Почему ты опоздал? Ученик: Я поздно вышел из дома. Учитель: Почему ты не вышел раньше? Ученик: Было уже поздно выходить раньше* [9. С. 110].

3. *– Вы уже пятый раз за неделю опаздываете на работу! Что я должен подумать! – Как что? Что сегодня пятница!* [10. С. 58].

4. *Жена строго говорит: – Запомни! Если я говорю «милый мой», я имею в виду только нашу собаку!* [9. С. 135].

5. *– Ты помнишь, кто я? – Конечно! Я не* ***идиот****. Я помню всё!* (диалог сопровождается иллюстрацией, на которой женщина тычет пальцем в лицо мужчины. – *прим. Н.В.*) [8. С. 28–29].

6. *Вчера мы (я и наш новый клиент из Токио) были в Кремле и на Красной площади.* ***Шеф*** *просил показать* [11. С. 19].

7. *Как сказать, если вам что-то нравится / понравилось или не нравится/не понравилось?*

Классно!	*– Ты смотрел «Гладиатор»?* *–* ***Классный*** *фильм!*
Здóрово!…	*– Я начал изучать русский язык.* *– Ты* ***здóрово*** *говоришь по-русски!..*
Круто!	*– Я научился играть на гитаре!* *– Играть на гитаре сейчас* ***не круто****!* ***Круто*** *танцевать!* [10. С. 55].

8. *Покупатель в дорогом магазине: – Сколько стоит это платье? – Тридцать тысяч. –* ***Черт****! А это? – Два* ***черта****…* [10. С. 86].

9. *Роман:* ***Филин****, ты? Хватит* ***зубрить****, пойдем* ***прошвырнемся*** *в «Атриум». Филипп: В какой еще «атриум»? Роман:* ***Как с Луны свалился. Ну,*** *в торговый центр на Садовом кольце. Посмотрим, что* ***новенького*** *появилось в музыке. У моей подруги день рождения скоро, она* ***тащится*** *от Димы Билана…* [12. С. 59].

10. *– Поставь!.. Перестань пить!*

Он налил, выпил и, задыхаясь от водки, забормотал: – Д-да-а… ***Ну*** *ты и* ***сука****…* ***Попал, в натуре****… Жалко, веревки* ***нету****. В этой Германии,* ***блин****, только это…* [12. С. 176].

Первый пример нацеливает иностранцев начального этапа обучения на некорректный ответ на вопрос по модели «Да, это… (Нет, это…)» с опорой на фотографии. По замыслу автора, спортсменке, по-видимому, следует отказать в гендерном статусе, поскольку она не сохраняет хрупкость и беззаботность при выполнении тяжелой физической работы. При этом в реальной коммуникации такие слова могли бы спровоцировать конфликт в межкультурном общении.

Второй и третий примеры – шутки (для иностранцев элементарного и базового уровней обучения), в которых симпатии оказываются на стороне провинившихся. Однако в русской и других национальных культурах отказ от извинения как речевой поступок в ситуации опоздания на урок (работу) квалифицируется как грубое нарушение норм речевого этикета. Поэтому большинство студентов, как свидетельствует наш опыт преподавания, при осмыслении данных диалогов

осудят действия ученика и работника и придут к нелестному выводу о нравственных качествах русских. Ср. также мнение польской исследовательницы Иоанны Коженевска-Берчинской: сопоставляя русскую речевую культуру с родной, она замечает, что русские «не отличаются особенной восприимчивостью» и «извинения даются им с некоторым трудом». Поляки же, как ей кажется, находят больше поводов для извинений: отсутствие извинения у них не аннулирует конфликта, а может его усилить [2. С. 192–194]. (В русской культуре, заметим, ситуация аналогична.)

В четвертом примере на элементарном уровне обучения представлено нарушение этических норм в общении, в пятом – грубое просторечие (сопровождаемое на иллюстрации неэтичным жестом), в шестом – просторечие. В седьмом и восьмом на базовом уровне – жаргонизмы, просторечие, бранное слово, в девятом и десятом на втором-третьем уровнях – разговорные, просторечные, грубо-просторечные, жаргонные единицы и арготизмы.

Наиболее стилистически сниженными являются последние два примера из пособия «Окно в Россию» Л.Ю. Скороходова и О.В. Хорохординой, адресованного студентам-филологам продвинутого и завершающего этапов обучения и рекомендуемого авторами к использованию не только в российских, но и в западноевропейских вузах в рамках курса «Развитие устной и письменной речи». Подобных примеров в данном пособии немало, активно презентуется жаргонная, грубо-просторечная и даже арготическая лексика. Л.Ю. Скороходов и О.В. Хорохордина в предисловии к нему поясняют, что пособие было создано и апробировано ими в парижском Институте восточных языков и цивилизаций в 2002–2003 гг., и это «позволило учесть интересы студентов-русистов при отборе материала». Кроме того, при отборе тематики, коммуникативных ситуаций, языкового материала они отразили изменения в языке и менталитете русских людей, которые, по их мнению, произошли в 1985–2000 гг. под влиянием социально-экономических и культурно-политических преобразований в России. При создании пособия Л.Ю. Скороходов и О.В. Хорохордина ориентировались на языковую личность среднего студента вуза крупного российского города и стремились познакомить иностранцев со всеми стилистическими разновидностями русского языка, используемыми в официальном и неофициальном общении [12. С. 10]. Следовательно, отказ от принципа стилистической неограниченности в данном издании для будущих филологов был осознанным методическим решением.

Обращение к научной литературе показало, что аналогичные явления отмечаются и **в зарубежных учебниках РКИ**. Так, в настоящее время часть преподавателей в Польше включает узуальную (в том числе ненормативную) лексику в учебники и процесс обучения. В частности, в учебнике «Вот и мы» (2012) представлены следующие слова и словосочетания, которые закрепляются в речевых упражнениях: *классный пацан, тусоваться с друзьями, настрочить письмецо, дикая очередь, смотреть телик, ма («мама»), па («папа»), друган, братан, пацан, зёма, приветик, здорово* и др. [13. С. 94].

Стилистически сниженная лексика (*разрулить ситуацию, бубнёж, содрать деньги, запорник* и др.) встречается и в учебнике для китайских вузов Ши Течан, У Суцзюань «Чтение по русскому языку (часть 4)» (Пекин, 2006; цит. по: [14. С. 86]). Негативное пожелание «*всех посылайте… окружающих*» и сквернословие с пометкой «русский мат» актуализируются и в китайском учебнике «Русский язык» (Пекин, 2013), рекомендованном для использования в вузах КНР. В нем учащиеся знакомятся, в частности, с голодным русским студентом, который всем недоволен, мечтает все получить «на халяву» и может всех «посылать» (цит. по: [15. С. 91]).

Отдельный раздел «О ругательствах» присутствует также в учебном пособии Эльке Беккер “Kauderwelsch, Russisch Wort für Wort” («Тарабарщина, русский слово за словом». Билефельд, 2007), адресованном немецким туристам, желающим изучить основы русского языка и подготовиться к поездке в нашу страну. В данном разделе отмечается, что «в России часто и охотно ругаются и матерятся», и приводится список бранных слов, которые могут понадобиться «для понимания ситуации» (цит. по: [15. С. 91–92, 95]).

Таким образом, анализ ряда учебных изданий по РКИ и обращение к научно-методической литературе показывают, что в начале XXI в. наметилась **тенденция** демонстрации в российских и зарубежных учебниках РКИ неэтикетного речевого поведения на материале русского языка, расширения лексического содержания учебника (пособия) за счет разговорной (в том числе ненормативной) лексики. Данная тенденция проявляется не во всех изданиях или учебных материалах, она противоречит принципу стилистической неограниченности, традиционным образовательным и воспитательным целям обучения [6. С. 59–60; 7. С. 77–78; 16. С. 24; 17. С. 23–24] и, следовательно, требует дополнительного изучения.

Цель, материал и методы исследования

В настоящей статье мы поставили перед собой следующую **цель**: рассмотреть целесообразность актуализации стилистически сниженной, ненормативной разговорной лексики в современном учебнике РКИ (прежде всего, для начального этапа обучения) с точки зрения ее роли в обеспечении успешного общения с носителями русского языка и влияния на духовно-нравственное развитие иностранных студентов.

Материалом нашего исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам формирования лексической компетенции иностранных студентов на русском языке, проблемам успешной межкультурной коммуникации и речевого этикета [2, 13, 18–21], а также ряд российских учебных изданий по РКИ 2008–2019 гг. (учебник «Жили-были…», учебный комплекс «Поехали!», пособия «Шкатулочка» и «Окно в Россию»), знакомящих иностранцев с «живой русской речью». При этом мы

исходили из того, что последние являются популярными, состоявшимися работами, которые благодаря своим разнообразным достоинствам нашли признание в современной практике преподавания. Мы не стремились к их переосмыслению или всестороннему научно-методическому анализу, но лишь хотели проиллюстрировать с их помощью рассматриваемую в статье проблему.

При выполнении исследования использовались **метод лингвистического анализа, аналитический, сравнительный, описательный общенаучные методы** и **метод педагогического наблюдения** за процессом формирования лексической компетенции иностранных учащихся, обучавшихся по российским учебникам РКИ на подготовительном факультете в Волгоградском техническом университете. С целью выяснения их отношения к ненормативной разговорной лексике была проведена **беседа** с ними в интернациональной группе на базовом уровне обучения.

Результаты

Лингвистический анализ ряда российских учебных изданий по РКИ 2008–2019 гг. (учебника «Жили-были…», учебного комплекса «Поехали!», пособий «Шкатулочка» и «Окно в Россию») выявил, что на начальном, продвинутом и завершающем этапах обучения в современном учебнике русского языка в той или иной форме и мере могут презентоваться нарушение правил русского речевого этикета в общении и (или) разговорные, жаргонные, просторечные, грубо-просторечные единицы и арготизмы. Изучение трудов отечественных и зарубежных ученых показало, что обнаруженные явления не являются случайными: многие современные авторы пишут о необходимости «демократизировать» язык учебников, приблизить его к речи Интернета, СМИ, носителей молодежного жаргона, ненормативной повседневной речи. В настоящем исследовании рассмотрены позиции различных ученых по этому вопросу, проанализированы их аргументы с точки зрения коммуникативной ценности рассматриваемых единиц для формирования лексической компетенции иностранного студента, достижения им успешной межкультурной коммуникации со средним носителем русского языка и их влияния на духовно-нравственное развитие личности учащегося. Обращено внимание на возможное негативное воздействие современной русской речевой среды на формирование русскоязычного речевого паспорта иностранца.

Рекомендации по решению рассматриваемой проблемы были сформулированы с опорой на традиционные общечеловеческие ценности, мнения ученых разных стран, студентов подготовительного факультета – представителей китайской, вьетнамской и арабской культур, а также с опорой на педагогический опыт автора.

Автором исследования сделан вывод, что статусу и стилистическим особенностям ненормативной разговорной лексики в русском языке в практике преподавания РКИ (как студентам-филологам, так и нефилологам) должно уделяться специальное внимание, начиная с базового и первого сертификационного уровней обучения. Преподаватель должен взвешенно относиться к коммуникативным потребностям учащихся, формировать их лексикон с учетом задач воспитания высоконравственной личности, обеспечения лингвосоциокультурной безопасности человеческого общества.

Обсуждение

Ненормативная разговорная лексика как новый объект изучения в практике преподавания РКИ

Проведенный нами анализ научно-методической литературы показал, что в России и за рубежом ряд ученых [13, 20–22] выступают за введение в практику преподавания РКИ **ненормативной разговорной лексики**, используемой в сфере неофициального общения. Так, польские исследователи из Гданьского университета З.Л. Новоженова, А. Климкевич отмечают, что после крушения СССР и отмены цензуры российская речевая среда изменилась. Многими носителями языка и социальными объединениями провозглашенная свобода слова была понята чрезмерно широко. В результате в язык публичной массовой коммуникации, СМИ, Интернет, массовую литературу, рекламу и устную речь россиян проникли профессиональный, молодежный, криминальный жаргон, просторечие, бранная лексика. Изменилось соотношение нормы и узуса в речевой коммуникации, массово снизилась культура речи. Эта ситуация характеризуется многими лингвистами (Н.С. Валгина, Л.П. Крысин, А. Мустайоки, О.Б. Сиротинина и др.) как процесс **демократизации** (или дестандартизации) русского языка, который следует учитывать в практике преподавания. Игнорирование его «может создать коммуникативно-речевые риски и профессиональную некомпетентность» будущих специалистов-филологов. При обращении, например, к российскому Интернету, телепрограммам, фильмам они могут ощущать невозможность «выхода на естественный уровень общения с носителями языка», испытывать трудности в декодировании узуальной ненормативной лексики, так как ее изучение не предусмотрено программой по РКИ и действующими лексическими минимумами [13. С. 90–92, 95].

На необходимости преодоления у студентов чувства внутреннего дискомфорта в современной русской речевой среде акцентирует внимание и Ж.Р. Сладкевич из Гданьского университета: «Выпускники и студенты-филологи… овладевшие русским языком на достаточно высоком уровне, неоднократно подчеркивают, что неформальное общение… доставляет им множество затруднений. Кроме того… публичная коммуникация утратила нормативный характер, некогда обязательный для нее. В связи с этим умение адекватно понять звучащую речь может быть востребовано не только в ситуациях неофициальной дружеской беседы или общения в виртуальной сети, но и при просмотре телепередач, фильмов, театральных постановок, чтении прессы, прослушивании песен и других аудиоматериалов» [22. С. 18, 20].

Чтобы облегчить будущим польским филологам вхождение в «реальную» коммуникацию, З.Л. Новоженова, А. Климкевич считают целесообразным расширить действующие лексические минимумы с учетом ожиданий студентов и включить в них узуальную ненормативную лексику. Нормативные материалы учебников преподавателю предлагается дополнять «натуральными текстами» из Интернета таким образом, чтобы они служили «не просто обучению русской речи, а обучению культуре русской речи». При этом узуальная ненормативная лексика должна вводиться в «информативном», а не в «обучающем» режиме, предусматривающем ознакомление с нею иностранцев и выработку у них умений и навыков лингвистической квалификации и критической оценки некодифицированных, стилистически сниженных лексических явлений [13. С. 95, 96].

О демократизации современного русского языка, тотальном влиянии разговорной речи на все стили пишут и Е.Г. Кольовска, В.А. Степаненко из Московского областного университета. Они подчеркивают, что в конце XX – начале XXI в. достижение целей коммуникации стало важнее формальной правильности. Коммуникативные нормы начали превалировать над нормами формальными. Лингвокогнитивное пространство обучающихся, их интересы, коммуникативные потребности изменились, и это требует «сокращения дистанции между естественной и учебной коммуникацией», **выработки «новой, отвечающей требованиям времени стилистики»**. «Это тот социальный заказ, который обусловлен потребностями современного общества и интеграцией в международное образовательное пространство», – заявляют они [20. С. 88, 90, 91].

В другой работе В.А. Степаненко, М.М. Нахабина, И.В. Курлова придерживаются более осторожной позиции. По их мнению, **на элементарном, базовом и первом сертификационном уровнях владения РКИ** основной учебный материал должен быть **нормативным**, формировать представление о системе русского литературного языка. Однако уже на этих этапах при развитии навыков говорения и аудирования нужно готовить иностранцев к органичному вхождению в российскую речевую среду, пониманию **спонтанной, неподготовленной речи** (текстов телепередач, радиосообщений, речи лекторов), которая «таит в себе много неожиданностей». Для этого необходимо разрабатывать учебные пособия и курсы, ориентированные на использование «живого русского языка», отражающие условия «естественной» коммуникации [23. С. 967–968], над чем и работают данные авторы.

Интересна также точка зрения преподавателей Тюменского государственного университета В.В. Дубовик, В.А. Закревской, М. Саккини. Они полагают, что знание повседневного разговорного стиля речи, используемого в неофициальных ситуациях, является **одним из условий успешного общения иностранцев с носителями русского языка**. Однако в практике преподавания РКИ этот стиль изучается поверхностно. Краткие стилистические комментарии к разговорным словам, которые даются в большинстве учебников РКИ, не позволяют учащимся сформировать системное представление о данной функциональной разновидности языка и ее отличии от кодифицированного языка. Поэтому для того, чтобы речь иностранца приближалась к речи носителей русского языка, необходимо **на продвинутом этапе обучения** организовывать спецкурсы и спецсеминары.

В Тюменском государственном университете такой спецкурс предлагается, например, стажерам и молодым преподавателям из Италии, Франции и Испании. В процессе его изучения они выявляют наиболее употребительные в молодежной среде слова и выражения, уточняют их значение путем анкетирования и интервьюирования носителей языка, составляют словарь устной речи и переводят его на родные языки. По мнению тюменских ученых, эта работа активизирует познавательные и исследовательские способности иностранцев, языковые навыки, развивает языковое чутье. При этом в качестве примеров изучаемой лексики приводятся такие единицы, как *парить* («говорить неправду, обманывать»), *топить* («поддерживать, выступать за»), *фиолетово* («безразлично»), *заходить* («понравиться, прийтись к месту»), *ты что, в лифте родился* («ты почему не закрываешь за собой двери»), *(бегу) волосы назад* («я не буду торопиться») и др. [18. С. 73–77].

Преподаватель Российского государственного педагогического университета В.В. Артамонова и преподаватель Балтийского государственного технического университета «Военмех» Д.А. Аксенова также выступают за глубокое и системное изучение жаргонной лексики. Они полагают, что **на среднем и продвинутом этапах обучения** (от В1 до С2) иностранцам необходимо изучать русский жаргон не только в спецкурсе, но и **в рамках аспектного преподавания языка**: в курсах разговорной практики, лексики, комментированного чтения, языка прессы. И эта идея уже была реализована ими в практике преподавания.

По мнению В.В. Артамоновой и Д.А. Аксёновой, для иностранных студентов наиболее интересны молодежный жаргон, позволяющий устанавливать контакт с русскими сверстниками, компьютерный жаргон и общий жаргон, используемый представителями разных социальных слоев. В последнем они выделяют такие лексико-тематические группы слов, как ***криминал*** (*беспредел, отморозки*), ***бизнес*** (*бабки, баксы, откат*), ***наркотики*** (*кайф, подсесть*), ***развлечения*** (*тусовка, зажигать*), ***отношения между людьми*** (*халява, наезжать, разборка*) и др. «*Желательно познакомить студентов-иностранцев со словами из каждой группы, чтобы они не имели коммуникативных неудач в новом социуме*», – пишут ученые [24. С. 31].

Таким образом, некоторые российские и зарубежные исследователи рассматривают ненормативную разговорную лексику в качестве нового объекта изучения в практике преподавания РКИ и включают ее в учебно-методические материалы и издания. Ее коммуникативно-методическую целесообразность они связывают с активным функционированием ее в Интернете, СМИ, массовой литературе, повседневной речи россиян и желанием иностранцев участвовать во

всех этих сферах общения. При этом большинство исследователей подчеркивают, что ненормативная разговорная лексика является **признаком сниженной речевой культуры**, но вследствие широкой распространенности в современной русской речи ее изучение необходимо.

Реже приводятся прямо противоположные аргументы. Например, по утверждению В.В. Артамоновой и Д.А. Аксёновой, жаргон (разновидность ненормативной лексики) дает возможность говорящему «оптимального выбора речевых стратегий в той или иной ситуации», позволяет избежать коммуникативных неудач в общении, прививает навыки русского разговора «по душам». С их точки зрения, в нем присутствует «культурный компонент», который развивает вторичную языковую личность [24. С. 31].

Связь употребления ненормативной разговорной лексики с мировоззрением субъекта речи, его отношением к предмету речи и собеседнику

В настоящее время результаты знакомства иностранцев с ненормативной русской разговорной лексикой уже проявляются в их речи. По наблюдениям преподавателей, в частности, польские филологи, «которые хотят говорить по-русски “по-настоящему”... активно используют новые, модные слова молодежного жаргона, вульгаризмы и ненормативную лексику», в их речи появляются такие выражения, как *тупые твари, дебильные телки, феминизированные чучела, безмозглые дурочки, офигенные кисы* и т.п. [13. С. 94, 95]. При этом семантика используемых студентами единиц показательна: с точки зрения норм русского коммуникативного поведения она маркирует речевой паспорт говорящего как представителя асоциального мировоззрения и сниженной речевой культуры.

Как верно заметил А.Д. Шмелёв, лексика, пришедшая из жаргона или из сниженной, «приблатненной речи», «навязывает говорящему специфический, “блатной” взгляд на жизнь и соответствующую систему ценностей… В этой системе подлинные ценности девальвируются, заменяются блатными аналогами. На “фене”, “блатной музыке”, как и на сквернословном языке, невозможно выразить чистые чувства, искреннюю веру, бескорыстную любовь – все это неизбежно окрашивается в цинические тона». Поэтому использование сниженной лексики препятствует духовному развитию личности, так как вместе с усваиваемыми единицами незаметно усваивается циничное представление о мире «как нечто само собой разумеющееся, не имеющее альтернатив» [25].

Этой же позиции придерживается тайский ученый Воравонг Винарат: «Нельзя не согласиться с положением о том, что изучаемый иностранный язык является… источником воспитательных ценностей. Очевидно, что вместе с языком усваиваются культурно-этнические нормы поведения, например умение внимательно слушать собеседника, быть доброжелательным» [26. С. 69].

Подчеркнем, что взаимосвязь между лексиконом и картиной мира субъекта речи признает большинство зарубежных и отечественных лингвистов (В. фон Гумбольдт, Л. Вайсгербер, Г.В. Колшанский, Н.Д. Арутюнова, О.А. Корнилов и др.). Опираясь на нее, проводят лингвистические экспертизы, устанавливающие авторскую принадлежность текстов, выявляют речевой паспорт говорящего.

Связь между языковыми единицами и формируемой ими картиной мира осознают и многие нефилологи. Так, онлайн-опрос 1 700 россиян старше 18 лет, проведенный 8–9 июля 2019 г. независимой исследовательской компанией «Анкетолог», показал, что 89% из них считают, что правильность и чистота речи – показатель высоких умственных способностей человека [27]. Некоторые родители-мусульмане, проживающие в России и за рубежом, также неслучайно контролируют не только содержание текстов, которые предлагаются их ребенку на уроках иностранного языка, но и слова: например, они считают недопустимым изучение слов, называющих алкогольные напитки или емкости для алкоголя [28].

Кроме того, употребление нелитературной, стилистически сниженной лексики в русском языке связано с **критическим, неуважительным отношением говорящего к предмету речи или собеседнику**, нарушением принципа вежливости в коммуникации. Ср. впечатление, которое производят бранные слова пациента (из учебника «Поехали!») в адрес доктора:

Пациент приходит к психологу и говорит:

– У меня… нет друзей! И ты, ***старый толстый идиот****, мне не поможешь!* [29. С. 76].

Эту же негативную функцию стилистически сниженная лексика выполняет и в других национальных языках и культурах (и западных, и восточных). Проиллюстрируем данный факт на примере **Ирана**, граждане которого являются относительно новым контингентом для российских вузов. Анкетирование, проведенное Ахмади Зейнаб среди 57 студентов-русистов (от 20 до 30 лет) Тегеранского университета, показало, что невежливыми они считают людей, которые демонстрируют следующее: незнание этикета и норм поведения (например, не употребляют «Вы»-формы), неуважительное общение с людьми и игнорирование их (это мнение 66,6% опрошенных); неделикатные и неуважительные поступки (50,8% опрошенных); нежелание извиняться в необходимых ситуациях (47,3% опрошенных); резкий и громкий тон речи, употребление недостойных, бранных слов, ругательств (21% опрошенных); игнорирование прав других (19,2% опрошенных); насмешки над кем-либо (3,5% опрошенных).

Обобщая результаты анкетирования, исследовательница подчеркивает характерные черты иранской вежливости, которые согласуются с принципами русского речевого этикета и речевого этикета многих других народов: «В Иране необходимо соблюдать вежливость, даже если говорящему не нравится собеседник или у коммуникантов натянутые отношения… необходимо активно демонстрировать уважение и внимание к окружающим… в сознании иранцев вежливость тесно связана с уважением, которое, в свою очередь, соотносится с тактом и – шире – нравственными принципами…» [19. С. 168, 170].

Ср. также наблюдения ученых на примере **арабской, китайской** и **польской** культур:

1. «Проявление вежливости… заключается во внимательном отношении к другим и как бы ориентировано на защиту достоинства каждой личности. Соблюдая вежливость, человек не только сохраняет свой психологический комфорт, но и способствует психологическому комфорту… арабского партнера, собеседника… В арабском мире вопрос о том, как вы собираетесь что-то сказать, иногда намного важнее, значимее того, что именно вы должны сказать… Арабы считают, что с помощью определенных выражений и даже слов можно воздействовать на сверхъестественные силы, которые, в свою очередь, помогут воздействовать на окружающий мир. Неудивительно, что произнесение клятвы, заклинаний, употребление всякого рода проклятий и оскорблений воспринимаются арабами очень остро… На социальном уровне для арабов очень важно… быть вежливым» [30. С. 81, 253, 258–259].

2. «…вежливость… является средством выражения уважения друг к другу… китайцы считают, что вежливость является важным моральным качеством человека. Вежливость влияет на успешность выполнения работы, формирует у слушающего хорошее впечатление о говорящем, позволяет людям эффективно общаться друг с другом» [31. С. 51, 52].

3. «…правила… вежливости, принятые в польском обществе… стремление к установлению хороших и гармоничных контактов между людьми, уважительное и доброжелательное отношение к собеседнику, деликатность, избегание прямой и открытой критики, которая может обидеть партнера, использование “мягких” и вежливых высказываний» [32. С. 86].

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что в русской и большинстве других национальных культур ценятся вежливость и этикетное коммуникативное поведение, которые помогают людям придерживаться в общении традиционных нравственных ценностей и сохранять взаимоуважение. Носители разных языков осознают, что употребление ненормативной разговорной лексики связано с асоциальным типом мировоззрения говорящего, снижает его социальный статус, может нарушать нравственные нормы, деструктивно влиять на отношения с собеседником, психологический комфорт окружающих и послужить препятствием к успешному межкультурному общению.

Привлекательность ненормативной разговорной лексики для иностранных студентов как потенциальная проблема в межкультурной коммуникации

До сих пор, как подчеркивает Ю.Г. Овсиенко, автор популярнейшего среди носителей английского языка учебника «Русский язык для начинающих», не существует серьезных исследований, которые бы доказывали, что ненормативная разговорная лексика (жаргонизмы, арготизмы и т.п.) является общеупотребительной среди носителей языка. Её актуализация ограничена возрастным и социальным статусом говорящего [33. С. 63–64], и, следовательно, включать ее в учебники нецелесообразно (особенно на начальном этапе обучения).

В то же время, как отмечают преподаватели РКИ, грубость, например, жаргонизмов лишь иногда вызывает отторжение у иностранцев, в большинстве случаев они учат их с интересом [13. С. 93; 24. С. 31; 34. С. 119]. Будущие польские преподаватели и переводчики, в частности, могут выражать недовольство при изучении русских синонимов и многозначных слов, считать для себя обременительным запоминание единиц, отличающихся оттенками лексических значений. Богатство русского языка им «не в радость, а в тягость», и преподавателям приходится специально объяснять им целесообразность знакомства с разнообразными языковыми средствами [35. С. 371–372]. Однако сниженную разговорную лексику, в том числе ненормативную, польские студенты усваивают с удовольствием. Замечая ее привлекательность в их глазах, авторы учебников учитывают это обстоятельство и включают ее в свои работы (часто без необходимых стилистических комментариев) [13. С. 93, 94], способствуя тем самым распространению сниженной речевой культуры.

Подобные языковые пристрастия некоторых иностранцев говорят о том, что они неправильно осознают культурную ценность стилистически сниженной разговорной лексики в русском языке или имеют потребность выражать негативные эмоции в общении с носителями русского языка, выглядеть провокационно, вызывающе в их глазах. Не отрицают деструктивных особенностей польского коммуникативного поведения и представители этой культуры. Приведем мнение преподавателя варшавского университета: «…толерантность в польской культуре часто носит лишь декларативный характер (“есть, конечно же, две точки зрения: твоя и правильная – моя”)… в польской культуре общения превалируют индивидуализм, гордыня и уверенность в своей правоте, а эти “некачественные качества” затрудняют любую коммуникацию. Мы не очень умеем, слушая, слышать другого, и воздействие этого фактора усиливается, если наш собеседник представляет иную культуру» [2. С. 189].

Ситуацию осложняет также специфика польского речевого этикета: он не приемлет прямой и открытой критики, естественной в проблемных ситуациях для русских. Любое критическое высказывание в свой адрес поляки, по их собственному признанию, склонны воспринимать как личное оскорбление и связывать с невежливостью, неучтивостью или высокомерием собеседника (цит. по: [32. С. 88–89]).

С другой стороны, наша практика работы и результаты исследований Е.Ш. Надьяровой и Ю.В. Серышевой, Ли Чуньянь показывают, что даже если на подготовительном факультете ненормативная лексика не преподавалась иностранцам, впоследствии в процессе общения с русскими студентами они начинают ее усваивать стихийно. В частности, в речи студентов из Китая, Вьетнама, Турции, США, Австралии, Монголии и африканских стран, обучающихся в Таврическом

национальном и Томском политехническом университетах, анкетирование выявило такие слова: *супер, универ, классно, препод, лох, пипец, круто* («очень хорошо, отлично»), *клёво* («очень хорошо, отлично»), *прикольно* («смешно, хорошо, здорово»), *блин* («досада, раздражение, удивление»), *оттянуться, припёрся, занукать, жрать, тёлка* («девушка»), *параша* и др. [21. С. 201; 36. С. 72]. Не все из опрошенных учащихся их применяют (примерно 23%), и лишь 25% из актуализируемой лексики такого рода они понимают правильно [21. С. 201].

Для сравнения приведем данные опроса 70 русских студентов гуманитарных специальностей нескольких вузов Симферополя. Жаргонную лексику употребляют 90% из них: 60% – иногда, 30% – довольно часто. При этом она актуализируется ими по следующим причинам: стремление не выделяться среди других (75%), привычка (60%), желание быть современными (57,5%), влияние окружения, друзей (42,5%) и недостаточность литературного словарного запаса (20%) [36. С. 72].

То есть самыми привлекательными чертами жаргонизмов для носителей русского языка являются их связь с молодежной субкультурой и взглядом на мир. Иностранцы же обычно считают, что жаргон и другую ненормативную лексику используют все русские: «…студенты… не осознают и не чувствуют тонкостей и нюансов языка, полагают, что так должен звучать настоящий разговорный русский язык» [13. С. 95].

Как правило, они не знают о связи сниженной ненормативной лексики с возрастом, эмоциональным состоянием говорящего, его принадлежностью к определенной субкультуре, так как для этого необходимо обладать более высоким уровнем коммуникативной компетенции. Ср. высказывания героини из учебного пособия «Шкатулочка»: *– Я хочу купить машину… Ничего не понимаю! Что это такое – «БМВ, Тойота, Хёндай»? А деньги – о, это неважно… Деньги у меня есть!.. Ой, а розовые машины у вас есть? Я вчера купила новое синее пальто и модную зелёную сумку «Гуччи». Если ещё купить и розовую машину, – это будет* ***круто****!* [11. С. 28]. Суммарный контекст данных фраз, а также актуализация в них молодежного жаргонизма ***круто*** формирует в сознании россиян образ молодой, богатой, но недалекой и, вероятно, малообразованной девушки.

Актуализируя ненормативную русскую разговорную лексику в речи, иностранные учащиеся невольно дискредитируют себя в межкультурном общении. Поэтому на начальном и других этапах преподавания РКИ преподаватель должен объяснять студентам, что важно не только то, что сказано, но и как сказано, акцентировать их внимание на том, что смысл высказывания может быть адекватно понят только с учетом стилистических характеристик использованных языковых средств и ситуации общения, обучать пользоваться лексикографическими источниками, подчеркивать целесообразность соблюдения этических норм в общении.

Чтобы прояснить отношение иностранцев подготовительного факультета к ненормативной разговорной лексике, мы провели беседу с группой учащихся Волгоградского государственного технического университета. В нее входили восемь иностранцев, изучавших русский язык на базовом уровне. Семеро из них планировали в дальнейшем поступление на 1-й курс российского вуза, один – обучение в магистратуре. Национальный, возрастной и профессиональный состав группы был неоднороден, но типичен для регионального российского вуза: китаец – 56 лет, будущий экономист; вьетнамец – 21 год, будущий экономист; вьетнамец – 33 года, будущий магистрант, инженер по эксплуатации автотранспорта; йеменец – 21 год, будущий инженер-нефтяник; египтянин 23 лет – будущий инженер-строитель; саудит 17 лет и два египтянина 19 и 22 лет – будущие программисты.

Студентам технического университета были предложены для обсуждения следующие вопросы:

1. *Где и как Вы изучали родной язык? Кто говорит на этом языке – столица или Ваш родной город?*

2. *Все люди понимают Вас, когда Вы говорите и пишете на родном языке?*

3. *Вы хотите понимать, как русские говорят в Москве или в Сибири? В городе или в деревне? Хотите понимать образованных людей или рабочих? Молодежь или пожилых?*

4. *В Вашем языке есть литературные и нелитературные слова?*

5. *Почему не все люди говорят правильно и красиво на родном языке? Почему они говорят грубые слова? Как человек должен говорить?*

Вьетнамский студент, проживший к этому моменту в России около 2,5 лет, признался, что считает правильным использование молодежного жаргона, так как молодые люди, по его мнению, – носители современной русской речи, представители будущего страны. Другие студенты, проведшие в России от 5–6 до одного месяца, никакого представления о жаргоне и другой ненормативной лексике не имели. Все они сообщили, что в средних и высших учебных заведениях на их родине изучают национальные литературные языки. Диалекты, разговорная речь и даже местные языки могут от них отличаться, но письменной формы выражения обычно не имеют и в официальном общении не применяются.

Узнав о наличии диалектов в русском языке, некоторых орфоэпических и лексических различиях московской и петербургской речи, учащиеся выразили желание изучать язык Москвы, так как она является столицей России, и согласились с тем, что для них важно понимать всех русских людей (а не только представителей определенных регионов или возрастных групп), говорить как образованные русские люди и производить положительное впечатление на собеседника.

Подчеркнем, что в данной беседе участвовали граждане Китая, Вьетнама и арабских стран, что позволило нам составить примерное представление о мнении основного студенческого контингента российских вузов. Беседа велась на русском языке с учащимися, не обладающими выдающимися языковыми способностями и подготовкой. Тем не менее взаимопонимание в ней было достигнуто. И это, на наш взгляд, позволяет

сделать вывод о том, что вопрос о целесообразности использования ненормативной русской лексики в доступной форме может обсуждаться в иностранной аудитории уже на базовом и первом сертификационном уровнях обучения.

На базовом уровне необходимо и возможно, как показал наш опыт, проводить занятия, посвященные правильности и красоте русского языка, его социальным функциям в российском обществе (например, при изучении темы «Изучение иностранных языков, их роль и значение в жизни человека; изучение русского языка»), а на втором, третьем сертификационном уровнях – на корректных примерах из художественных текстов знакомить иностранцев-филологов с понятиями речевого паспорта и тональности речевого общения [37, 38], что даст им необходимое представление о социальной и стилистической дифференциации русского языка и будет способствовать формированию у них навыков грамотного, вдумчивого читателя.

Таким образом, в настоящее время иностранные учащиеся знакомятся с ненормативной разговорной лексикой стихийно, в процессе неформального общения с носителями русского языка или изучения некоторых современных учебников (пособий) по РКИ. Как правило, они не получают адекватного представления о ее значении и стилистической специфике, сфере употребления и дискредитируют себя в общении с русскими людьми, используя такие единицы. Реже студенты актуализируют ненормативную разговорную лексику в соответствии с ее значением, порождая межкультурные конфликты и усиливая психологическую напряженность в российском обществе.

Восприятие иностранцами такой лексики может быть откорректировано в практике преподавания, но в настоящее время в большинстве действующих программ по РКИ специально не предусматривается. Поэтому методическая работа в этом направлении ведется непоследовательно, непостоянно и в значительной степени зависит от отношения преподавателя к этой проблеме. Как справедливо заметили Эдыта Манастерска-Вионцек и Эва Бялэк, языковое развитие студента и его восприятие ненормативного в языке зависит от профессиональной компетенции преподавателя и тесно связано с представленным им в учебном процессе пониманием языковой корректности. Знания учащегося (а также, добавим, его речевой имидж и успехи в межкультурной коммуникации. – *Н.В.*) определяются отношением преподавателя к необходимости воспитания у него чувствительности к проблеме нормативности / ненормативности в иностранном языке [39. S. 133].

Заключение

Иностранные студенты, как правило, хотят изучать современный русский язык, стремятся к пониманию спонтанной, неподготовленной устной речи и свободному общению с русскими людьми. Они с удовольствием контактируют со сверстниками, нередко являющимися представителями молодежной субкультуры. Им также интересны СМИ, интернет-среда и современная российская художественная литература.

Авторы некоторых российских и зарубежных учебников РКИ 2000-х гг. для начального, продвинутого и завершающего этапов обучения в поисках резервов повышения мотивации учащихся учитывают эти обстоятельства. Они экспериментируют с содержанием своих трудов в соответствии «с требованиями времени», сближают его с «естественной» коммуникацией. При этом широко вводятся разговорные, в том числе стилистически сниженные, единицы, которые презентуются как неотъемлемый элемент «живой», неподготовленной речи. Традиционно же многие из этих единиц большинством образованных носителей русского языка воспринимаются как ограниченные в употреблении, связанные с определенными социальными сферами и характеристиками общения или даже стоящие за пределами литературной нормы. Поэтому их актуализация иностранцем маркирует его речевой паспорт как представителя сниженной речевой культуры и порождает его коммуникативные неудачи в общении с русскими людьми.

Ненормативная разговорная лексика проникает в учебный процесс и при использовании авторами учебников РКИ аутентичных материалов из российской публицистической и художественной литературы, СМИ, Интернета. Они не подвергаются в нашей стране цензуре и нередко публикуются без качественного редактирования: содержат просторечия, жаргонизмы, бранные единицы и т.п., демонстрируют неэтичное поведение россиян, проявление ими невежливости и агрессии в общении.

Однако СМИ и другие перечисленные выше источники информации ориентированы на взрослых носителей русского языка, имеющих определенные жизненные интересы, и зачастую стремятся лишь к получению прибыли. Авторы же учебно-методической литературы по РКИ адресуют свои труды прежде всего инокультурной молодежной аудитории и решают иные задачи – не информационные, развлекательные, а образовательные, воспитательные. На основе разработанных учебных материалов они должны формировать коммуникативную компетенцию иностранцев с целью обеспечения их взаимопонимания с россиянами разного возраста, места жительства и социального статуса, приобщать учащихся к всемирно признанным богатствам русского языка и культуры для того, чтобы они впоследствии были востребованы и приумножены.

Учебник РКИ, как признают во всех странах мира, – это инструмент педагогического воздействия в межкультурной учебной коммуникации, инструмент усовершенствования личности студента. Поэтому при его создании и использовании необходимо взвешенно учитывать интересы учащихся, грамотно формировать их лексикон и коммуникативные способности.

Материал любого учебника РКИ – это фразы, тексты, диалоги, которые студенты будут читать, слушать, учить, воспроизведут в близкой коммуникативной ситуации или по аналогии с ними построят свои высказывания. Поэтому учебник предопределяет характеристики будущей устной речи учащихся и ее успешность: «о чем, что именно и в какой форме они будут говорить» с носите-

лями языка. Не является исключением и неподготовленная речь, включенная в учебник. Несмотря на свою максимальную приближенность к реальной коммуникации, она «все-таки является речью учебной» [40. С. 77–78] и должна выполнять образовательную и воспитательную цели обучения.

Презентация ненормативной разговорной лексики в «информативном» режиме, без установки на активное владение ею, не означает, что впоследствии она не может быть актуализирована иностранцем в соответствии со своей номинативной и эмоционально-экспрессивной функцией. При построении высказываний учащиеся испытывают дефицит языковых средств (особенно на начальном этапе обучения) и часто применяют не те, которые уместны, а те, которые знакомы.

Границы между активным и пассивным словарным запасом человека условны и подвижны. Развитие же личностной и социальной ответственности у студента при совершении речевого поступка – процесс длительный и сложный. На характер ассоциаций, вызываемых русским словом, влияют уровень вторичной коммуникативной компетенции иностранца, его возраст, индивидуальный опыт, социальные условия формирования его личности и культурно-исторические традиции его народа [5. С. 136–138].

В настоящее же время, по мнению зарубежных преподавателей, уровень владения иностранцами родным языком и культурой снизился под влиянием массовой культуры, СМИ, электронной коммуникации, и это осложняет процесс формирования их вторичной коммуникативной компетенции [13. С. 93; 35. С. 375; 39. С. 126, 132; 41. С. 78]. Как было продемонстрировано в данном исследовании, лексическое содержание некоторых универсальных учебников РКИ для начального, продвинутого и завершающего этапов обучения также может носить экспериментальный характер, не всегда соответствовать нормам русского литературного языка и речевого этикета. В учебных изданиях для филологов может не соблюдаться лингвистическая корректность. Поэтому вопрос о знакомстве со сниженной разговорной лексикой (и мере этого знакомства), ее стилистической квалификации в практике преподавания должен решать преподаватель, помня о приоритете задачи формирования высоконравственной личности иностранца, а также учитывая возрастные, гендерные, национальные и профессиональные особенности конкретного контингента учащихся.

На начальном этапе обучения профессиональная ответственность российского преподавателя РКИ как презентанта и представителя мира русского языка и культуры для иностранных студентов сегодня существенно возросла. Ему нужно избирательно подходить ко всем имеющимся учебным материалам, предлагая обучающимся, прежде всего, те из них, которые демонстрируют нормативное использование русского литературного языка и этикетное речевое поведение его носителей. Преподаватель также должен пояснять учащимся стилистическое значение и социальную ограниченность услышанных в отрицательной речевой среде единиц, объяснять целесообразность соблюдения этических норм в общении.

Кроме того, российским филологам и общественности необходимо вести масштабную работу по повышению культуры речи исконных носителей русского языка, которые своим повседневным общением создают «естественную речевую среду» для иностранцев. Следует помнить о том, что русский речевой этикет, нормативная лексика, как и весь русский литературный язык, – это культурное богатство нашего народа, достижение, используя которое мы создали всемирно признанную культуру и достаточно развитое в техническом отношении общество. И это богатство нужно беречь и достойно представлять в межкультурной учебной коммуникации и в учебнике РКИ. Нарушение русской литературной нормы в повседневном общении, Интернете, СМИ, учебниках РКИ снижает национальный авторитет русского языка, а также лингвосоциокультурную безопасность и здоровье человеческого общества.

Список источников

1. Русские писатели о языке : хрестоматия / под ред. А.М. Докусова. Л. : Гос. учеб.-педагог. изд-во М-ва просвещения РСФСР, Ленинградское отделение, 1954. 460 с.
2. Коженевска-Берчинска И. Межкультурная коммуникация в свете польского и русского речевого этикета // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика. 2014. № 4. С. 188–197.
3. Чан Динь Лам. Особенность обучения русскому речевому этикету вьетнамских студентов // Успехи современного естествознания. 2014. № 4. С. 146–150.
4. Чжао Шань. Речевой этикет на занятиях по русскому языку в китайских вузах // Наука. Мысль : электрон. периодический журнал. 2015. № 11. С. 107–109. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-etiket-na-zanyatiyah-po-russkomu-yazyku-v-kitayskih-vuzah (дата обращения: 25.06.2021).
5. Матвеева Т.Н., Хамшовски С.А. Лексика // Русский язык как иностранный. Методика обучения русскому языку / под ред. И.П. Лысаковой. М. : ВЛАДОС, 2004. С. 135–160.
6. Морковкин В.В., Кочнева Е.М. Обучение лексике // Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включенное обучение) / под ред. А.Н. Щукина. М. : Рус. яз., 1990. С. 59–68.
7. Фролкина А.В. Работа над лексикой // Дергачёва Г.И., Кузина О.С., Малашенко Н.М., Нечаева В.М., Фролкина А.В. Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе. М. : Рус. яз., 1989. С. 77–91.
8. Чернышов С.И., Чернышова А.В. Поехали! Русский язык для взрослых : начальный курс : учебник. СПб. : Златоуст, 2019. Ч. 1.1. 176 с.
9. Миллер Л.В., Политова Л.В., Рыбакова И.Я. Жили-были… 28 уроков русского языка для начинающих : учебник. СПб. : Златоуст, 2011. 152 с.
10. Чернышов С.И., Чернышова А.В. Поехали!-2. Русский язык для взрослых : базовый курс : в 2 т. СПб. : Златоуст, 2011. Т. 1. 168 с.
11. Баринцева М.Н., Жабоклицкая И.И., Курлова И.В., Петанова А.Ю., Чубарова О.Э. Шкатулочка : пособие по чтению для иностранцев, начинающих изучать русский язык (элементарный уровень) / под ред. О.Э. Чубаровой. М. : Рус. яз. Курсы, 2008. 144 с.
12. Скороходов Л.Ю., Хорохордина О.В. Окно в Россию : учеб. пособие по русскому языку как иностранному для продвинутого этапа : в 2 ч. СПб. : Златоуст, 2010. Ч. 2. 264 с.

13. Новоженова З.Л., Климкевич А. Проблема формирования лексической компетенции иностранных студентов-русистов: лингвистические, социально-культурные и методические аспекты // Русский язык за рубежом. 2020. № 3. С. 90–98.
14. Веснина Л.Е., Кирилова И.В. Образ России в китайских учебных материалах по русскому языку как иностранному: аксиологический аспект // Филологический класс. 2019. № 1 (55). С. 83–88. doi: 10.26170/FK19-01-11.
15. Крашенникова Е.С., Максимовских А.Г. Экологичность учебников русского языка для иностранцев // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Филологические науки. 2018. № 6 (416), вып. 113. С. 89–97.
16. Леонтьев А.А. Основные положения советской методики обучения русскому языку как иностранному // Методика / под ред. А.А. Леонтьева. М. : Рус. яз., 1988. С. 18–34.
17. Щукин А.Н. Цели и задачи обучения // Методика преподавания русского языка как иностранного для зарубежных филологов-русистов (включенное обучение) / под ред. А.Н. Щукина. М. : Рус. яз., 1990. С. 19–24.
18. Дубовик В.В., Закревская В.А., Саккини М. Метод включенного наблюдения при обучении русскому языку как иностранному // Мир русского слова. 2019. № 4. С. 72–78. doi: 10.24411/1811-1629-2019-14072.
19. Ахмади З. Вежливость в Иране и России: общее и различное // Наука и школа. 2015. № 1. С. 167–174.
20. Кольовска Е.Г., Степаненко В.А. Новая концепция учебника РКИ и пути ее реализации // Русский язык за рубежом. 2020. № 4. С. 88–92.
21. Серышева Ю.В., Ли Чуньянь. Русский молодежный жаргон: проблемы формирования речевой компетенции иностранных студентов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 7 (37), ч. 1. С. 200–202.
22. Сладкевич Ж.Р. Обучение разговорной речи на уроках русского как иностранного // Слово. ру: Балтийский акцент. 2013. № 3. С. 17–22.
23. Степаненко В.А., Нахабина М.М., Курлова И.В. Отражение новых реалий в современном учебнике русского языка для иностранцев // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (Испания, Гранада, 13–20 сентября 2015 г.) : в 15 т. / под ред. Л.А. Вербицкой, К.А. Роговой, Т.И. Поповой и др. СПб. : Изд-во МАПРЯЛ, 2015. Т. 10, направление 9: Методика преподавания русского языка как иностранного, родного и неродного. С. 967–972.
24. Артамонова В.В., Аксёнова Д.А. Лингводидактическая система изучения русской сленговой лексики в иностранной аудитории // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62-1. С. 30–33.
25. Шмелёв А.Д. Ложная тревога и подлинная беда // Отечественные записки. 2005. № 2 (23). С. 18–35. URL: http://philology.ru/linguistics2/shmelyov-05.htm (дата обращения: 25.06.2021).
26. Винарат Воравонг. Роль толерантности в речевом этикете и в межкультурной коммуникации в преподавании русского языка как иностранного // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2007. № 1. С. 65–70.
27. Ну как бы ок. Россияне – о «словах-паразитах» и культуре речи. 2019. 10 июля. URL: https://iom.anketolog.ru/2019/07/08/slova-parazity (дата обращения: 25.06.2021).
28. Хакимзянова А. Халяльный английский: маркетинговый ход или правда жизни? 2017. 9 июня. URL: http://www.info-islam.ru/publ/stati/khaljal/khaljalnyj_anglijskij_marketingovyj_khod_ili_pravda_zhizni/7-1-0-44583 (дата обращения: 25.06.2021).
29. Чернышов С.И., Чернышова А.В. Поехали!-2. Русский язык для взрослых : базовый курс : в 2 т. СПб. : Златоуст, 2012. Т. 2. 200 с.
30. Шагаль В.Э. Арабский мир : пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2001. 288 с.
31. Юй Цзяминь. Лингвокультурологический аспект обучения китайских студентов этикетным нормам русского речевого поведения // Русский язык за рубежом. 2011. № 5. С. 48–54.
32. Булахтин М.А. Польский стиль переговоров // Вестник Прикамского социального института. 2019. № 2 (83). С. 86–93.
33. Овсиенко Ю.Г. Современная разговорная речь и отбор лексического материала для базовых учебников и учебных пособий // Международное сотрудничество в образовании : материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб. : С.-Петерб. гос. техн. ун-т, 2001. Ч. 2. С. 62–64.
34. Никитина Т.Г. Между русским «тусовочным» и русским литературным: к вопросу о репрезентации разговорной речи и молодежного сленга в иноязычной аудитории // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 3 (107). С. 117–121.
35. Чвалиньска М. Когда богатство не в радость // Обучение русскому языку как иностранному в системе высшего образования / под ред. Х. Рыцык-Штайдель, С. Шашковой. Люблин : POLIHYMNIA, 2012. С. 371–376.
36. Надьярова В.Ш. Распространение сленговых выражений в молодежной полилингвокультурной среде // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Сер. Филология. Социальные коммуникации. 2014. Т. 27 (66), № 1, ч. 2. С. 64–74.
37. Вострякова Н.А. Речевой паспорт как лингвопрагматическая категория в процессе обучения иностранцев русскому языку // Проблемы обучения иностранных граждан на современном этапе : лингвистические и методические : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 30-летию кафедры русского языка как иностранного. Волгоград : Перемена, 2000. С. 21–23.
38. Вострякова Н.А. Тональность речевого общения как лингвопрагматическая категория в процессе обучения иностранцев русскому языку // Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи : сб. ст. Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. : в 3 т. Соликамск : Соликам. гос. пед. ин-т, 2004. Т. 2. С. 228–234.
39. Manasterska-Wiącek E., Białek E. O durszlaku i druszlaku, czyli jak studenci identyfikują błąd językowy // Język rosyjski w przestrzeni komunikacyjnej / red. S. Szaszkowa, H. Munia. Lublin : Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2014. S. 125–134.
40. Коршунова Я.Б. Обучение устной речи // Методика / под ред. А.А. Леонтьева, Т.А. Королёвой. М. : Рус. яз., 1977. С.75–84.
41. Меденица Л., Матрусова А.Н. Актуальные проблемы и вызовы сербских педагогов-русистов // Русский язык за рубежом. 2021. № 2. С. 77–81. doi: 10.37632/PI.2021.285.2.011.

References

1. Dokusov, A.M. (ed.) (1954) *Russkie pisateli o yazyke: khrestomatiya* [Russian writers about language: reader]. Leningrad: Gos. ucheb.-pedagog. izd-vo M-va prosveshcheniya RSFSR, Leningradskoe otdelenie.
2. Kozhenevska-Berchinska, I. (2014) Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v svete pol'skogo i russkogo rechevogo etiketa [Intercultural communication in the light of Polish and Russian speech etiquette]. *Vestnik RUDN. Ser. Lingvistika.* 4. pp. 188–197.
3. Chan Ding Lam. (2014) Osobennost' obucheniya russkomu rechevomu etiketu v'etnamskikh studentov [The peculiarity of teaching Russian speech etiquette to Vietnamese students]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*. 4. pp. 146–150.
4. Zhao Shan. (2015) Rechevoy etiket na zanyatiyakh po russkomu yazyku v kitayskikh vuzakh [Speech etiquette in Russian language classes in Chinese universities]. *Nauka. Mysl': elektron. periodicheskiy zhurnal.* 11. pp. 107–109. [Online] Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-etiket-na-zanyatiyah-po-russkomu-yazyku-v-kitayskih-vuzah (Accessed: 25.06.2021).
5. Matveeva, T.N. & Khamshovski, S.A. (2004) Leksika [Vocabulary]. In: Lysakova, L.P. (ed.) *Russkiy yazyk kak inostrannyy. Metodika obucheniya russkomu yazyku* [Russian as a foreign language. Methods of teaching the Russian language]. Moscow: VLADOS, 2004. pp. 135–160.
6. Morkovkin, V.V. & Kochneva, E.M. (1990) Obuchenie leksike [Teaching vocabulary]. In: Shchukin, A.N. (ed.) *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo dlya zarubezhnykh filologov-rusistov (vklyuchennoe obuchenie)* [Methods of teaching Russian as a foreign language for foreign Russian philologists (inclusive learning)]. Moscow: Rus. yaz. pp. 59–68.
7. Frolkina, A.V. (1989) Rabota nad leksikoy [Work on vocabulary]. In: Dergacheva, G.I. et al. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo na nachal'nom etape* [Methods of teaching Russian as a foreign language at the initial stage]. Moscow: Rus. yaz. pp. 77–91.

8. Chernyshov, S.I. & Chernyshova, A.V. (2019) *Poekhali! Russkiy yazyk dlya vzroslykh: nachal'nyy kurs: uchebnik* [Poekhali! Russian language for adults: initial course: textbook]. Part 1. Saint Petersburg: Zlatoust.
9. Miller, L.V., Politova, L.V. & Rybakova, I.Ya. (2011) Zhili-byli… 28 urokov russkogo yazyka dlya nachinayushchikh: uchebnik [Zhili-byli ... 28 Russian lessons for beginners: a textbook]. Saint Petersburg: Zlatoust.
10. Chernyshov, S.I. & Chernyshova, A.V. (2011) *Poekhali!-2. Russkiy yazyk dlya vzroslykh: bazovyy kurs: v 2 t.* [Poekhali!-2. Russian language for adults: basic course: in 2 volumes]. Vol. 1. Saint Petersburg: Zlatoust.
11. Barintseva, M.N. et al. (2008) *Shkatulochka: posobie po chteniyu dlya inostrantsev, nachinayushchikh izuchat' russkiy yazyk (elementarnyy uroven')* [Shkatulochka: a reading guide for foreigners starting to learn Russian (elementary level)]. Moscow: Rus. yaz. Kursy.
12. Skorokhodov, L.Yu. & Khorokhordina, O.V. (2010) *Okno v Rossiyu: ucheb. posobie po russkomu yazyku kak inostrannomu dlya prodvinutogo etapa: v 2 ch.* [Window to Russia: textbook of Russian as a foreign language for an advanced level: in 2 parts]. Part 2. Saint Petersburg: Zlatoust.
13. Novozhenova, Z.L. & Klimkevich, A. (2020) Problema formirovaniya leksicheskoy kompetentsii inostrannykh studentov-rusistov: lingvisticheskie, sotsial'no-kul'turnye i metodicheskie aspekty [The problem of forming the lexical competence of foreign students majoring in Russian studies: linguistic, socio-cultural and methodological aspects]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 3. pp. 90–98.
14. Vesnina, L.E. & Kirilova, I.V. (2019) Obraz Rossii v kitayskikh uchebnykh materialakh po russkomu yazyku kak inostrannomu: aksiologicheskiy aspekt [The image of Russia in Chinese educational materials on Russian as a foreign language: an axiological aspect]. *Filologicheskiy klass.* 1 (55). pp. 83–88. doi: 10.26170/FK19-01-11.
15. Krashennikova, E.S. & Maksimovskikh, A.G. (2018) Ekologichnost' uchebnikov russkogo yazyka dlya inostrantsev [Environmental friendliness of Russian language textbooks for foreigners]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologicheskie nauki.* 6 (416): 113. pp. 89–97.
16. Leont'ev, A.A. (1988) Osnovnye polozheniya sovetskoy metodiki obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu [The main provisions of the Soviet methodology of teaching Russian as a foreign language]. In: Leont'ev, A.A. (ed.) *Metodika* [Methods]. Moscow: Rus. yaz. pp. 18–34.
17. Shchukin, A.N. (1990) Tseli i zadachi obucheniya [Aims and objectives of teaching]. In: Shchukin, A.N. (ed.) *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo dlya zarubezhnykh filologov-rusistov (vklyuchennoe obuchenie)* [Methods of teaching Russian as a foreign language for foreign Russian philologists (inclusive learning)]. Moscow: Rus. yaz. pp. 19–24.
18. Dubovik, V.V., Zakrevskaya, V.A. & Sakkini, M. (2019) Metod vklyuchennogo nablyudeniya pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu [The Method of Involved Observation in Teaching Russian as a Foreign Language]. *Mir russkogo slova*. 4. pp. 72–78. doi: 10.24411/1811-1629-2019-14072.
19. Akhmadi, Z. (2015) Vezhlivost' v Irane i Rossii: obshchee i razlichnoe [Politeness in Iran and Russia: the common and the different]. *Nauka i shkola.* 1. pp. 167–174.
20. Kol'ovska, E.G. & Stepanenko, V.A. (2020) Novaya kontseptsiya uchebnika RKI i puti ee realizatsii [A new concept of the Russian as a foreign language textbook and ways of its implementation]. *Russkiy yazyk za rubezhom.* 4. pp. 88–92.
21. Serysheva, Yu.V. & Li Chunyan. (2014) Russkiy molodezhnyy zhargon: problemy formirovaniya rechevoy kompetentsii inostrannykh studentov [Russian Youth Jargon: Problems of Forming the Speech Competence of Foreign Students]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* 7 (37):1. pp. 200–202.
22. Sladkevich, Zh.R. (2013) Obuchenie razgovornoy rechi na urokakh russkogo kak inostrannogo [Teaching colloquial speech in the lessons of Russian as a foreign language]. *Slovo. ru: Baltiyskiy aktsent*. 3. pp. 17–22.
23. Stepanenko, V.A., Nakhabina, M.M. & Kurlova, I.V. (2015) [Reflection of new realities in a modern textbook of the Russian language for foreigners]. *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury* [Russian language and literature in the space of world culture]. Proceedings of the XIII Congress of MAPRYAL. Spain, Granada. 13–20 September 2015 In 15 vols. Vol. 10 (9). St. Petersburg: MAPRYAL pp. 967–972. (In Russian).
24. Artamonova, V.V. & Aksenova, D.A. (2019) Lingvodidakticheskaya sistema izucheniya russkoy slengovoy leksiki v inostrannoy auditorii [Linguodidactic system of studying Russian slang vocabulary in a foreign audience]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya.* 62-1. pp. 30–33.
25. Shmelev, A.D. (2005) Lozhnaya trevoga i podlinnaya beda [False alarm and real trouble]. *Otechestvennye zapiski.* 2 (23). pp. 18–35. [Online] Available from: http://philology.ru/linguistics2/ shmelyov-05.htm (Accessed: 25.06.2021).
26. Vinarat Worawong. (2007) Rol' tolerantnosti v rechevom etikete i v mezhkul'turnoy kommunikatsii v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo [The role of tolerance in speech etiquette and inintercultural communication in teaching Russian as a foreign language]. *Vestnik RUDN. Ser. Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya.* 1. pp. 65–70.
27. Iom.anketolog.ru. (2019) *Nu kak by ok. Rossiyane – o "slovakh-parazitakh" i kul'ture rechi* [Well, yeah, ok. Russians about "parasite words" and the culture of speech]. 10 July. [Online] Available from: https://iom.anketolog.ru/2019/07/08/slova-parazity (Accessed: 25.06.2021).
28. Khakimzyanova, A. (2017) *Khalyal'nyy angliyskiy: marketingovyy khod ili pravda zhizni?* [Halal English: a marketing ploy or the truth of life?]. 9 June. [Online] Available from: http://www.info-islam.ru/publ/stati/khaljal/khaljalnyj_anglijskij_marketingovyj_khod_ili_pravda_zhizni/7-1-0-44583 (Accessed: 25.06.2021).
29. Chernyshov, S.I. & Chernyshova, A.V. (2012) Poekhali!-2. Russkiy yazyk dlya vzroslykh: bazovyy kurs: v 2 t. [Poekhali!-2. Russian language for adults: basic course: in 2 volumes]. Vol. 2. Saint Petersburg: Zlatoust.
30. Shagal', V.E. (2001) *Arabskiy mir: puti poznaniya. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i arabskiy yazyk* [Arab world: ways of knowledge. Intercultural communication and the Arabic language]. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS.
31. Yu Jiaming. (2011) Lingvokul'turologicheskiy aspekt obucheniya kitayskikh studentov etiketnym normam russkogo rechevogo povedeniya [Linguoculturological aspect of teaching Chinese students etiquette norms of Russian speech behavior]. *Russkiy yazyk za rubezhom.* 5. pp. 48–54.
32. Bulakhtin, M.A. (2019) Pol'skiy stil' peregovorov [Polish style of negotiations]. *Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta.* 2 (83). pp. 86–93.
33. Ovsienko, Yu.G. (2001) [Modern colloquial speech and the selection of lexical material for basic textbooks and teaching aids]. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v obrazovanii* [International cooperation in education].Proceedings of the International Conference. Part 2. Saint Petersburg: Saint Petersburg STU. pp. 62–64. (In Russian).
34. Nikitina, T.G. (2016) Mezhdu russkim "tusovochnym" i russkim literaturnym: k voprosu o reprezentatsii razgovornoy rechi i molodezhnogo slenga v inoyazychnoy auditorii [Between the Russian "posh" and the Russian literary: on the representation of colloquial speech and youth slang in a foreign language audience]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* 3 (107). pp. 117–121.
35. Chvalin'ska, M. (2012) Kogda bogatstvo ne v radost' [When wealth does not bring joy]. In: Rytsyk-Shtaydel', Kh. & Shashkova, S. (eds) *Obuchenie russkomu yazyku kak inostrannomu v sisteme vysshego obrazovaniya* [Teaching Russian as a foreign language in higher education]. Lyublin: POLIHYMNIA. pp. 371–376.
36. Nad'yarova, V.Sh. (2014) Rasprostranenie slengovykh vyrazheniy v molodezhnoy polilingvokul'turnoy srede [Distribution of slang expressions in the youth multilingual cultural environment]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Ser. Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii.* 27 (66): 1 (2). pp. 64–74.
37. Vostryakova, N.A. (2000) [Speech passport as a linguopragmatic category in the teaching of foreigners the Russian language]. *Problemy obucheniya inostrannykh grazhdan na sovremennom etape: lingvisticheskie i metodicheskie* [Linguistic and methodological problems of teaching foreign citizens at the present stage].Proceedings of the International Conference. Volgograd: Peremena. pp. 21–23. (In Russian).

38. Vostryakova, N.A. (2004) [Tonality of verbal communication as a linguo-pragmatic category in the process of teaching foreigners the Russian language]. *Lingvisticheskie i esteticheskie aspekty analiza teksta i rechi* [Linguistic and aesthetic aspects of text and speech analysis].Proceedings of the International Conference. In 3 vols. Vol. 2. Solikamsk: Solikamsk SPU. pp. 228–234. (In Russian).
39. Manasterska-Wiącek, E. & Białek, E. (2014) O durszlaku i druszlaku, czyli jak studenci identyfikują błąd językowy. In: Szaszkowa, S. & Munia, H. (red.) *Język rosyjski w przestrzeni komunikacyjnej*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. pp. 125–134.
40. Korshunova, Ya.B. (1977) Obuchenie ustnoy rechi [Teaching oral speech]. In: Leont'ev, A.A. & Koroleva, T.A. (eds) *Metodika* [Methods]. Moscow: Rus. yaz. pp. 75–84.
41. Medenitsa, L. & Matrusova, A.N. (2021) Aktual'nye problemy i vyzovy serbskikh pedagogov-rusistov [Topical Issues and Challenges of Serbian Teachers of Russian Studies]. *Russkiy yazyk za rubezhom*. 2. pp. 77–81. doi: 10.37632/PI.2021.285.2.011.

Информация об авторе:
Вострякова Н.А. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Волгоградского государственного технического университета (Волгоград, Россия). E-mail: navostrjakova@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-6795-6929

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
N.A. Vostryakova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: navostrjakova@yandex.ru. ORCID: 0000-0001-6795-6929

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.10.2021;
одобрена после рецензирования 06.04.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 01.10.2021;
approved after reviewing 06.04.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Научная статья
УДК 378
doi: 10.17223/15617793/479/23

Обоснование и апробация технологии проектирования компетентностного профиля современного специалиста технических направлений

Ирина Алексеевна Погребная[1], Светлана Викторовна Михайлова[2]

[1, 2] Тюменский индустриальный университет, Нижневартовск, Россия
[1] ya.irina0607@yandex.ru
[2] sweta02311@gmail.com

Аннотация. Проведен ретроспективный анализ государственных образовательных стандартов как основных документов, определяющих логику и содержание профессионального образования; анализ современных педагогических исследований и научно-популярных публикаций в области оценки соответствия отечественных инженерных кадров мировым требованиям и стандартам. Обоснована необходимость развития надпрофессиональных компетенций у студентов технического вуза. Апробирована образовательная технология, направленная на формирование надпрофессиональных компетенций студентов технических специальностей вуза.

Ключевые слова: компетентностный профиль, специалист технических направлений, образовательный процесс, компетенции, надпрофессиональные компетенции

Для цитирования: Погребная И.А., Михайлова С.В. Обоснование и апробация технологии проектирования компетентностного профиля современного специалиста технических направлений // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 226–232. doi: 10.17223/15617793/479/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/23

Substantiation and approbation of the technology for designing the competence profile of a modern specialist in technical areas

Irina A. Pogrebnaya[1], Svetlana V. Mikhailova[2]

[1, 2] Industrial University of Tyumen, Nizhnevartovsk, Russian Federation
[1] ya.irina0607@yandex.ru
[2] sweta02311@gmail.com

Abstract. The definition of the competence-based approach as the main methodology of vocational education in the Russian Federation necessitated the development of the content of a set of competencies for each level of education. In the field of higher and vocational education, the totality of a graduate's competencies is determined by the federal state educational standard, while the content of competencies is still controversial. The study aims to conduct a retrospective analysis of state educational standards as the main documents that determine the logic and content of vocational education; analyze modern pedagogical research and popular scientific publications in the field of assessing the compliance of domestic engineering personnel with international requirements and standards, as well as substantiating the need for the development of supra-professional competencies among students of a technical university; to test education aimed at the formation of supra-professional competencies, with positive dynamics, to introduce it into the educational process of the university. The methodological basis of the study was the competence-based and personality-activity approach. The authors carried out a retrospective analysis of the literature of domestic and foreign authors on the design of the competence profile of a modern specialist, and also conducted a study involving 128 students of the Industrial University of Tyumen, a branch in Nizhnevartovsk, studying in the Oil and Gas Business direction. The development of supra-professional competencies was monitored using selected standardized methodological assessment tools such as: the Assessment of the Abilities for Self-Development and Self-Education test by N.P. Lukashevich, the test for assessing critical thinking CTT-1. With the help of mathematical calculations, the degree of manifestation of indicators of analytically identified and theoretically substantiated supra-professional competencies in students was determined. The reliability of the experimental results was confirmed using the methods of mathematical statistics (χ^2 Pearson criterion). The authors have come to the conclusion that it is necessary to form and develop supra-professional competencies among students in technical areas as competencies of the 21st century, which ensure the graduate's success and competitiveness in the world labor market and high adaptability in changing conditions. It is empirically proved in the article that today students demonstrate an insufficient level of development

© Погребная И.А., Михайлова С.В., 2022

of these competencies. The dynamics of the results obtained showed the reliability of differences in the level of development of supra-professional competencies of future specialists in the Oil and Gas Business field.

Keywords: competence profile, specialist in technical areas, educational process, competencies, supra-professional competencies

***For citation*:** Pogrebnaya, I.A. & Mikhailova, S.V. (2022) Substantiation and approbation of the technology for designing the competence profile of a modern specialist in technical areas. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 226–232. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/23

Введение

Совокупность компетенций выпускника определяется Федеральным государственным образовательным стандартом в сфере высшего образования, при этом содержание самих компетенций по-прежнему остается дискуссионным. Как подчеркивает Э.Д. Днепров, государственные образовательные стандарты остаются одной из проблем в педагогике, вызывают споры с момента их введения в Закон РФ «Об образовании» в 1992 г. Продолжаются обсуждения как самой идеи стандарта, так и его теоретико-концептуальных и методологических оснований, и правового статуса [1]. Актуальной точкой столкновений мнений является содержание компетенций.

По мнению Б.В. Авво, сегодня в педагогической науке не существует единого материального объекта измерения компетенции, по-прежнему обсуждается собственно категория «компетентность» [2]. В работе А.Р. Якуповой и В.И. Чернявской уточняется, что в российском преломлении понятие компетенции приобрело более широкое, но при этом менее определенное толкование. Понимание компетентностного подхода как заданность результата, безусловно, заслуживает уважения, однако, кроме привычных знаний, навыков и умений как результатов образования добавляются личностные, социальные, коммуникативные, информационные, образовательные компетенции. При этом перечень новых компетенций постоянно уточняется и расширяется [3].

Вместе с тем, как отмечают в своей работе А.Р. Якупова и В.И. Чернявская, собственно компетентностная модель специалиста пришла из англоязычных стран, появившись впервые в 1970-е гг. в Великобритании, а затем – в Ирландии, Новой Зеландии, Австралии. Так, в «Глоссарии терминов рынка труда, разработки образовательных программ и учебных планов» европейского фонда образования были выделены компетенции, основанные на параметрах личности; компетенции, основанные на выполнении задач и деятельности; компетенции, основанные на выполнении производственной деятельности; и компетенции, основанные на управлении результатами деятельности [4]. Совет Европы выделяет пять основных ключевых компетенций для молодых европейцев: политические и социальные компетенции; компетенции для жизни в поликультурной среде; компетенции устной и письменной коммуникации; информационная компетенция и компетенция способности обучения на протяжении всей жизни. В европейских образовательных стандартах определены профессиональные, личностные (персональные) и социальные компетенции. В Tuning Project рекомендованы инструментальные компетенции (как когнитивные, технологические и лингвистические умения, методологические способности); межличностные компетенции (как способность понимать и выражать чувства, способность к критике и самокритике; социальные умения, в том числе умение работать в команде, и др.); системные компетенции, отражающие умения способности, касающиеся целых систем [5].

В России до 2000 г. государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 12 августа 1994 года № 940, определял логику и содержание профессионального образования через требования к уровню подготовки выпускника по каждой ступени образования, не выделяя собственно компетенции выпускника. С 2000 г. были внедрены государственные образовательные стандарты первого поколения; с 2005 г. – государственные образовательные стандарты второго поколения, также ориентированные на требования к уровню знаний, умений и навыков выпускников; с 2009 г. внедряются федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения, уже включающие требования к общекультурным, общепрофессиональным и профессиональным компетенциям. Данное положение подчеркивает необходимость мировой интеграции России в экономические, производственные и трудовые отношения. Все последующие федеральные государственные образовательные стандарты модернизировались в части соответствия компетенций мировому уровню требований к специалисту [6]. Так, в федеральном государственном образовательном стандарте 2015 г. определены общекультурные компетенции (ОК), общепрофессиональные компетенции (ОПК), профессиональные компетенции (ПК), а в федеральном государственном образовательном стандарте 2017 г. – универсальные компетенции (УК), общепрофессиональные компетенции (ОПК), профессиональные компетенции (ПК). Собственно, уже название «универсальные» семантически приближается к мировому тренду «soft skills» («мягкие или гибкие» компетенции в русскоязычной версии).

Сегодня во всем мире предпринимаются попытки разработки некой общей квалификационной (компетентностной) модели, позволяющей оценить уровень подготовки специалиста в соответствии со стандартом (в том числе и мировым) профессиональной деятельности.

Активно данный процесс сегодня идет в системе среднего и профессионального образования в рамках международного некоммерческого движения WorldSkills International, миссия которого заключается

в повышении стандартов подготовки профессиональных кадров. В Российской Федерации создан союз «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия)», благодаря которым российская сборная ежегодно принимает участие в мировых состязаниях профессионального мастерства вместе с 80 странами. В задачи союза входит не только подготовка к международным соревнованиям, но и внедрение мировых стандартов в национальную образовательную систему, в том числе и для высшего технического образования. Так, если в 2017 г. 14 тыс. выпускников среднего профессионального образования из 26 регионов страны впервые в России сдали демонстрационный экзамен по стандартам WorldSkills Russia, то, для высшего образования данный год стал первым годом межвузовского чемпионата по стандартам WorldSkills. В 2018 г. в финале II Национального межвузовского чемпионата «Молодые профессионалы» при поддержке Правительства Москвы приняли участие уже свыше 400 студентов ведущих российских вузов из 43 регионов страны [7]. Задачами данных чемпионатов являются не только повышение мотивации у будущих специалистов к освоению профессии, не только выявление реального уровня подготовки российских специалистов в сравнении с международными требованиями, но и коррекция существующих программ и методик подготовки специалистов высшего образования в соответствии с реальными запросами рынка труда и производства.

Как подчеркивает генеральный директор Союза «Молодые профессионалы (Ворлдскиллс Россия)» Роберт Уразов, «Межвузовский чемпионат, это – социальный лифт, ступень для мощного профессионального старта» [7]. Межвузовский чемпионат поддерживает большинство руководителей вузов страны, считая, что «чемпионаты и проведение демонстрационного экзамена помогают сделать программы обучения практико-ориентированными, а студентов – конкурентоспособными и востребованными на рынке труда» [7]. Так, А.А. Климов – председатель Межвузовского координационного совета, ректор Российского университета транспорта – полагает, что «мы доживем до тех времен, когда на первом мировом межвузовском чемпионате мы займем первое место и покажем, что высшее образование в России – лучшее в мире» [7].

Произошедшие во всех сферах человеческой деятельности в последние десятилетия изменения, безусловно, требуют нового уровня соответствия современному производству, промышленным и информационным технологиям, что детерминирует существенные изменения в образовании и в подготовке специалистов [8]. В педагогической литературе активно изучаются компетентностные профили специалистов технических направлений, анализируются тенденции и перспективы подготовки инженерных кадров [9]. Среди этих исследований особое место занимают сравнительные исследования, сопоставляющие принципиальные и концептуальные основы подготовки инженерных кадров в России и за рубежом, что подтверждает актуальность проблемы подготовки технических кадров [10].

В работе Н.А. Шматко утверждается, что простого заимствования и коррекции образовательных программ и компетентностного профиля будущего инженера будет недостаточно: данный профиль, с одной стороны, должен отражать требования мирового рынка труда, но с другой – соответствовать российским реалиям и особенностям производства [11]. В проведенном исследовании Н.А. Шматко подчеркивает очевидное рассогласование подготовки инженерных кадров в России и за рубежом именно в части формирования и развития надпрофессиональных компетенций. Актуальность надпрофессиональных компетенций у технических специалистов подтверждает и Ш. Каххаров, считая, что именно данная группа компетенций позволяет выпускнику уверенно адаптироваться и самостоятельно действовать в постоянно меняющихся условиях жизнедеятельности, что создает необходимость их формирования в процессе обучения в вузе [12].

Актуальность проблемы развития надпрофессиональных компетенций у современных выпускников подчеркивается и существующим разрывом в требованиях профессионального образования и профессиональной деятельности (Е.М. Авраамова, Ю.Б. Верпаховская [13], Ю. Дмитриева [14] и др.). Авторами утверждается, что работодатели ждут от выпускников гибкости, универсальности, умений взаимодействовать в нестандартных условиях, умений работать в команде, самостоятельности и креативности мышления, в то время как обучение в вузе, в основном, ориентировано на формирование знаниевых компетенций. Эксперты Сколково подчеркивают, что специалист XXI в. должен обладать метакомпетенциями, которые выступают необходимой основой для непрерывного образования в течение всей жизни [15].

Проблема проектирования компетентностного профиля специалиста технических направлений деятельности находит отражение и в дорожной карте Национальной системы компетенций и квалификаций Агентства стратегических инициатив. Так, в рамках данной работы выделяют три уровня: профессиональные квалификации, надпрофессиональные квалификации, надпрофессиональные компетенции.

Результаты

Анализ педагогической литературы, педагогических исследований, требований современного производства и мнений работодателей позволил систематизировать необходимые современному выпускнику технических направлений подготовки надпрофессиональные компетенции в две основные группы (разумеется, не претендуя на исчерпанность данной проблемы): компетенция самообразования и компетенция self-менеджмента (самоорганизации) как надпрофессиональные компетенции личностного развития и роста; компетенции критического и креативного мышления как когнитивные надпрофессиональные компетенции [16].

Необходимость развития данных надпрофессиональных компетенций была экспериментально подтверждена в ходе педагогического исследования, состоящего из диагностирующего и формирующего

этапа. В общей сложности участие в нем приняли 128 студентов Тюменского индустриального университета филиала в г. Нижневартовске, обучающихся по направлению «Нефтегазовое дело», которые были разделены на контрольные (КГ), n = 64, и экспериментальные (ЭГ) группы, n = 64. Для эксперимента были подобраны стандартизированные диагностические инструменты оценивания, такие как тест «Оценка способностей к саморазвитию и самообразованию» Н.П. Лукашевич [17], тест оценки критического мышления СТТ-1 Н. Непряхина [18], так как, по мнению авторов, именно они наиболее полно раскрывают степень проявления исследуемых компетенций.

Обработанные эмпирические данные подтвердили, что обучающиеся не обладают необходимым уровнем развития всех аналитически выявленных и теоретически обоснованных надпрофессиональных компетенций. Так, компетенциями самоорганизации и самообразования 37,5% (n = 24) – (КГ) и 39,09% (n = 25) – (ЭГ) опрошенных студентов обладают на низком уровне, а также 43,75% (n = 28) – (КГ) и 40,6% (n = 26) – (ЭГ) обучающихся – на среднем уровне, высоким уровнем обладают только 18,75% (n = 12) – (КГ) и 20,31% (n = 13) – (ЭГ). Невысокими оказались и результаты диагностики когнитивных надпрофессиональных компетенций. Так, по совокупности оценки креативного и критического мышления 59,30% (КГ) – (n = 38) и 64,00% (n = 41) – (ЭГ) респондентов показали низкий уровень и только 12,50% (КГ) – (n = 8) и 11,00% (n = 7) – (ЭГ) высокий, средний уровень 28,2% (n = 18) – (КГ) и 25,00% (n = 16) – (ЭГ).

На стадии проведения формирующего этапа экспериментального педагогического исследования, студенты контрольных групп обучались по традиционной методике, а для студентов экспериментальных групп обучение осуществлялось в направлении целенаправленного формирования надпрофессиональных компетенций. Во время усвоения учебных дисциплин в организацию образовательного процесса для экспериментальных групп внедрялись Smart-технологии (электронные учебно-методические комплексы по дисциплинам; слайд-презентации в соответствии с тематикой лекций; видеоматериалы; алгоритмические карты для лабораторных и практических работ, выполненных с использованием табличного процессора Microsoft Excel).

Программа формирующего эксперимента реализовывалась на практике в три этапа (подготовительный, базовый, интеграционный). На подготовительном этапе происходило становление основ профессиональной компетентности будущего специалиста, обучающегося по направлению «Нефтегазовое дело», а именно формировался мотивационный компонент, ценностные ориентации, стремление повышать профессиональную компетентность.

Так, студенты овладевали общекультурными компетенциями посредством методов обучения «Личный успех», «Ожидание коллективной победы». Базовый этап предусматривал формирование когнитивного компонента профессиональной компетентности обучающихся, что проявлялось в осознанном и умелом использовании студентами профессиональных знаний в смоделированных профессиональных ситуациях [19, 20]. На основе сформированной потребности, в личностной самореализации обучающиеся приобретали глубокие и фундаментальные знания по специальности, овладевали общенаучными компетенциями посредством методов обучения «Дерево решений», «Мозговой штурм» и др. На интеграционном этапе происходило формирование операционно-деятельностного компонента профессиональной компетентности студентов. На основе актуализации потребности в саморазвитии, приобретении профессионального опыта в процессе экспериментальной работы была активизирована самостоятельная и рефлексивная деятельность студентов; освоены профессиональные и коммуникативные компетенции посредством методов обучения «Обмен инновациями», «Презентация о себе» и др.

Разнообразие задач по подбору литературы к занятиям, подготовка мультимедийных презентаций к выступлениям на практических занятиях, обмен студентами мыслями в социальных сетях предусматривали накопление профессиональных идей, персонификацию изучения курсов учебных дисциплин, экономию времени. Среди студентов получила распространение модель обучения МООК, которая предполагает самостоятельный выбор студентами дополнительных онлайн-курсов. Данные курсы разработаны в соответствии с рекомендациями ФГОС и соответствуют требованиям к результатам обучения образовательных программ, реализуемых в вузе. Они включают в себя тематические видеолекции, лабораторные и практические работы, а также выполнение многовариантных тестовых заданий. Кроме того, в процессе экспериментальной работы активно использовалась платформа Educon2. При помощи этой образовательной платформы в дистанционном формате студенты через сеть Интернет имели возможность ознакомиться с учебно-методическими материалами практических, семинарских, лабораторных занятий, предоставляемых в форме различных информационных ресурсов; решить поставленную задачу и отправить отчет выполнения на оценку преподавателю. В образовательной среде Educon2 студенты проходили контроль и самоконтроль уровня усвоенных знаний в режиме тестирования. Наряду с этим применялось обучение в режиме онлайн и традиционное обучение.

В процессе разработки каждым отдельным студентом самообразовательной программы развития использовалось тьюторство как организация самообразования студентов. Тьюторами выступали студенты старших курсов, которые направляли своих подопечных к решению поставленных задач в процессе самостоятельной работы путем использования форм и методов обучения диагностико-рекоменда-тельного характера (советы, консультации и др.).

Организованная экспериментальная работа имеет ряд существенных преимуществ:

– к интерактивному взаимодействию оперативно привлекались все студенты. Соревновательный характер мотивировал каждого студента к углубленной подготовке к такого рода занятиям;

– процесс обсуждения имеющихся ответов смещал акценты от заучивания отдельных определений к активной мыслительной и креативно творческой деятельности, что повышало уровень формирования надпрофессиональных когнитивных компетенций;

– в процессе обучения студенты конкретизировали суть профессиональных терминов, моделируя конкретные производственные ситуации, способствующие формированию практической подготовки к успешной профессиональной деятельности.

В процессе проведения формирующего эксперимента выявлена положительная динамика развития надпрофессиональных компетенций будущих специалистов по направлению подготовки «Нефтегазовое дело» экспериментальных групп средствами инновационных технологий обучения (таблица).

Динамика уровней сформированности надпрофессиональных компетенций будущих бакалавров средствами инновационных технологий обучения до и после эксперимента

Критерий	Уровень	Степень проявления компетенций у студентов		Степень проявления компетенций у студентов		$\chi^2_{эмп}$
		(КГ) до эксперимента	(КГ) после эксперимента	(ЭГ) до эксперимента	(ЭГ) после эксперимента	
Компетенции самоорганизации и самообразования (тест «Оценка способностей к саморазвитию и самообразованию» Н.П. Лукашевич)	Высокий	18,75% **(n = 12)**	23,39% **(n = 15)**	20,31% **(n = 13)**	34,38% **(n = 24)**	10,99*
	Средний	43,75% **(n = 28)**	43,80% **(n = 28)**	40,60% **(n = 26)**	53,12% **(n = 34)**	
	Низкий	37,50% **(n = 24)**	32,81% **(n = 21)**	39,09% **(n = 25)**	12,50% **(n = 6)**	
	Всего испытуемых	100% (n = 64)	100% (n = 64)	100% (n = 64)	100% (n = 64)	
Надпрофессиональные когнитивные компетенции (тест оценки критического мышления СТТ-1 Н. Непряхина)	Высокий	12,50% **(n = 8)**	14,00% **(n = 9)**	11,00% **(n = 7)**	34,38% **(n = 22)**	10,24*
	Средний	28,20% **(n = 18)**	29,70% **(n = 19)**	25,00% **(n = 16)**	34,38% **(n = 22)**	
	Низкий	59,30% **(n = 38)**	56,30% **(n = 36)**	64,00% **(n = 41)**	31,24% **(n = 20)**	
	Всего испытуемых	100% (n = 64)	100% (n = 64)	100% (n = 64)	100% (n = 64)	

* Значения $\chi^2_{эмп}$ достоверно превышают $\chi^2_{крит} = 9,2$ (на уровне значимости $p = 0,01$) при сравнении контрольной и экспериментальной групп после формирующего эксперимента.

Достоверность полученных результатов проверялась с помощью электронных таблиц Microsoft Excel, а также методами математической статистики.

Учитывая, что исследование предполагало выяснение наличия различий между контрольными и экспериментальными группами, целесообразно, на наш взгляд, прибегнуть к использованию критерия $\chi 2$ (хи-квадрат), применяемый для сравнения распределений объектов двух совокупностей на основе измерений по шкале наименований в двух независимых выборках.

Допустим, уровень значимости критерия равен 0,01 ($\alpha = 0,01$), тогда для двух степеней свободы значение критической точки распределения будет равняться 9,2 ($\chi^2_{крит} = 9,2$), как для компетенций самоорганизации и самообразования, так и для когнитивных компетенций.

Докажем существенные отличия в уровнях развития надпрофессиональных компетенций будущих бакалавров нефтяников в контрольных и экспериментальных группах после проведения формирующего эксперимента.

В качестве гипотезы выдвигалось предположение о том, что увеличению уровня развития надрофессиональных компетенций бакалавров нефтяников способствует соблюдение выявленных педагогических условий. Необходимо, чтобы значение статистики, полученное на основе экспериментальных данных, было больше критического значения статистики ($\chi^2_{эмп} > \chi^2_{крит}$). Найдем значение статистики для компетенций самоорганизации и самообразования $\chi^2_{эмп}$:

$$\chi^2_{эмп} = \frac{1}{n_1 \cdot n_2} \cdot \sum_{t=1}^{a} \left[\frac{(n_1 \cdot o_{2i} - n_2 \cdot o_{1i})^2}{o_{1i} + o_{2i}} \right];$$

$$\chi^2_{эмп} = 10,99.$$

Условие выполняется $\chi^2_{эмп} > \chi^2_{крит}$ ($10,99 > 9,2$), из этого следует, что различия не являются случайными.

Аналогично найдем значение статистики для когнитивных компетенций $\chi^2_{эмп}$:

$$\chi^2_{эмп} = 10,24.$$

Условие также выполняется $\chi^2_{эмп} > \chi^2_{крит}$ ($10,24 > 9,2$), данный показатель указывает на то, что различия не являются случайными.

Внедрение инновационных технологий в образовательный процесс вуза при подготовке будущих бакалавров является основой формирования их как профессионалов.

Заключение

В данной работе авторами теоретически обоснованы и экспериментально проверены педагогические условия формирования надпрофессиональных компетенций будущих бакалавров нефтяников средствами инновационных технологий, вовлечение студентов в коммуникативное взаимодействие, направленное на формирование и развитие надпрофессиональных компетенций, а также организация мыслительной и креативно-творческой деятельности студентов.

Результаты формирующего эксперимента показали положительную динамику развития компетенций самоорганизации и самообразования у студентов экспериментальной группы. Там произошел значительный рост респондентов с высоким и средним уровнем их проявлений 20,31 и 40,60% до эксперимента, а после эксперимента 34,38 и 53,12% соответственно за счет снижения численности студентов с низким уровнем 39,09% до проведения эксперимента и 12,50% после проведения эксперимента. Оценка уровней креативного и критического мышления также показала следующие результаты: высокий и средний уровни выросли с 11,00 до 34,38% и с 25,00 до 34,38% соответственно, на низком уровне показатели снизились с 64,00 до и 31,24% после эксперимента.

Итак, организованная экспериментальная работа привела к активной познавательной деятельности всех студентов, их мотивации к добросовестному обучению, самостоятельному приобретению знаний, получения опыта практической подготовки, рефлексивной оценки собственных способностей без вмешательства преподавателя. Преимущества использования инновационных технологий различной направленности при изучении базовых и профессиональных дисциплин заключалось в том, что в процессе профессиональной подготовки студентов экспериментальной группы комплексно реализовывались все педагогические условия формирования надпрофессиональных компетенций будущих нефтяников.

Список источников

1. Днепров Э.Д. Образовательный стандарт – инструмент обновления содержания общего образования // Вопросы образования. 2004. № 3. С. 77–117.
2. Авво Б.В. Методология компетентностного подхода в высшем образовании / Б.В. Аббо // Письма в Эмиссия.Оффлайн. 2005. № 1. ART 978.
3. Якупова А.Р., Чернявская В.И. Компетентностная модель специалиста технического профиля // Научные исследования в образовании. 2009. № 6.
4. Глоссарий терминов рынка труда, разработки стандартов, образовательных программ и учебных планов. Турин : European Training Foundation, 1997. 160 с.
5. Tuning Educational Structures in Europe. Line 1. Leaning Outcomes. Competences. Methodology. 2001–2003. Phass 1. URL: www.relintdeusto.es/Tuning Project.
6. Деркач А.М. Компетентностный подход в среднем профессиональном образовании: риски подготовки некомпетентного специалиста // Вопросы образования. 2011. № 4. С. 217–230.
7. Национальный межвузовский чемпионат по стандартам WorldSkills обретет новую индивидуальность URL: https://worldskills.ru/media-czentr/novosti/naczionalnyij-mezhvuzovskij-chempionat-po-standartam-worldskills-obretet-novuyu-individualnost.html
8. Погребная И.А., Михайлова С.В. Моделирование образовательного процесса технического вуза, направленного на развитие надпрофессиональных компетенций обучающихся // Современный ученый. 2021. № 1. С. 96–100.
9. Новикова Е.А. Теоретические основы формирования профессиональной компетентности // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Нижневартовск, 12 ноября 2019 года / отв. ред. Д.А. Погонышев. Нижневартовск : Нижневартовский гос. ун-т, 2019. С. 407–410.
10. Mikhailova S.V., Pogrebnaya I.A., Ibragimova L.A. Formation of readiness and motivation of students for independent work in higher technical educational institution // Amazonia Investiga. 2019. Vol. 8, № 21. P. 483–490.
11. Шматко Н.А. Компетенции инженерных кадров: опыт сравнительного исследования в России и странах ЕС // Форсайт. 2012. Т. 6, № 4. С. 32–47.
12. Каххаров Ш. Надпрофессиональные компетенции и управление ими // Организационная психология. 2014. Т. 4, № 4. С. 103–120. URL: https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2014/12/31/1103712506/OrgPsy_2014_4_6(Kachcharov)103–120.pdf
13. Авраамова Е.М., Верпаховская Ю.Б. Работодатели и выпускники вузов на рынке труда: взаимные ожидания // Социологические исследования. 2006. № 4. С. 37–46.
14. Дмитриева Ю. Условия трудоустройства выпускников вузов на рынке труда // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2008. № 8. С. 34–39.
15. Полушкин Д.П. EDUSCRUM как средство формирования 4К компетенций обучающихся // Синергия наук. 2018. № 30. URL: http://synergy-journal.ru/archive/article3645
16. Perkin G. The Rise of Professional Society: Britain since 1880. Rev. ed. London : Routledge, 2002.
17. Лукашевич Н.П. Теория и практика самоменеджмента: учеб. пособие. Киев : МАУП, 2002. 360 с.
18. CTT-1 / Critical Thinking Test Level 1 Школы критического мышления Никиты Непряхина // Школа критического мышления. URL: http://critical-thinking.ru/test/questions/step/26
19. Morpurgo M.T. Beyond Competency: The role of professional accounting education in the development of meta-competencies. Athabasca University. Dissertation for the degree of Doctor of Business Administration. 2015. 346 p.
20. Volker H., Erpenbeck J. Kompetenztraining. Schäfferß Poeschel Verlag, Stuttgart, 2009.

References

1. Dneprov, E.D. (2004) Obrazovatel'nyy standart – instrument obnovleniya soderzhaniya obshchego obrazovaniya [Educational standard as a tool for updating the content of general education]. *Voprosy obrazovaniya.* 3. pp. 77–117.
2. Avvo, B.V. (2005) Metodologiya kompetentnostnogo podkhoda v vysshem obrazovanii [Methodology of the competency-based approach in higher education]. *Pis'ma v Emissiya. Offlayn – The Emissia. Offline Letters*. 1. ART 978.
3. Yakupova, A.R. & Chernyavskaya, V.I. (2009) Kompetentnostnaya model' spetsialista tekhnicheskogo profilya [Competency-based model of a technical specialist]. *Nauchnye issledovaniya v obrazovanii.* 6.
4. European Training Foundation, (1997) *Glossariy terminov rynka truda, razrabotki standartov, obrazovatel'nykh programm i uchebnykh planov* [Glossary of labor market terms, standards development, educational programs and curricula]. Turin: European Training Foundation.
5. Tuning Project. (2001–2003) *Tuning Educational Structures in Europe. Line 1. Leaning Outcomes. Competences. Methodology. 2001–2003. Phase 1.* [Online] Available from: www.relintdeusto.es/Tuning Project.
6. Derkach, A.M. (2011) Kompetentnostnyy podkhod v srednem professional'nom obrazovanii: riski podgotovki nekompetentnogo spetsialista [Competency-based approach in secondary vocational education: the risks of training an incompetent specialist]. *Voprosy obrazovaniya*. 4. pp. 217–230.
7. WorldSkills. (n.d.) *Natsional'nyy mezhvuzovskiy chempionat po standartam WorldSkills obretet novuyu individual'nost'* [The National Interuniversity WorldSkills Championship will gain a new identity]. [Online] Available from: https://worldskills.ru/media-czentr/novosti/naczionalnyij-mezhvuzovskij-chempionat-po-standartam-worldskills-obretet-novuyu-individualnost.html

8. Pogrebnaya, I.A. & Mikhaylova, S.V. (2021) Modelirovanie obrazovatel'nogo protsessa tekhnicheskogo vuza, napravlennogo na razvitie nadprofessional'nykh kompetentsiy obuchayushchikhsya [Modeling the educational process of a technical university aimed at the development of students' supraprofessional competencies]. *Sovremennyy uchenyy.* 1. pp. 96–100.
9. Novikova, E.A. (2019) [Theoretical foundations for the formation of professional competence]. *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy* [Culture, science, education].Proceedings of the International Conference. Nizhnevartovsk. 12 November. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. pp. 407–410. (In Russian).
10. Mikhailova, S.V., Pogrebnaya, I.A. & Ibragimova, L.A. (2019) Formation of readiness and motivation of students for independent work in higher technical educational institution. *Amazonia Investiga.* 8 (21). pp. 483–490.
11. Shmatko, N.A. (2012) Kompetentsii inzhenernykh kadrov: opyt sravnitel'nogo issledovaniya v Rossii i stranakh ES [Competencies of engineering personnel: experience of comparative research in Russia and EU countries]. *Forsayt.* 6 (4). pp. 32–47.
12. Kakhkharov, Sh. (2014) Nadprofessional'nye kompetentsii i upravlenie imi [Supraprofessional competencies and managing them]. *Organizatsionnaya psikhologiya.* 4 (4). pp. 103–120. [Online] Available from: https://orgpsyjournal.hse.ru/data/2014/12/31/ 1103712506/OrgPsy_2014_4_6(Kachcharov)103–120.pdf
13. Avraamova, E.M. & Verpakhovskaya, Yu.B. (2006) Rabotodateli i vypuskniki vuzov na rynke truda: vzaimnye ozhidaniya [Employers and university graduates in the labor market: mutual expectations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya.* 4. pp. 37–46.
14. Dmitrieva, Yu. (2008) Usloviya trudoustroystva vypusknikov vuzov na rynke truda [Employment conditions for university graduates in the labor market]. *Kadrovik. Kadrovyy menedzhment*. 8. pp. 34–39.
15. Polushkin, D.P. (2018) EDUSCRUM kak sredstvo formirovaniya 4K kompetentsiy obuchayushchikhsya [EDUSCRUM as a means of forming 4K competencies of students]. *Sinergiya nauk*. 30. [Online] Available from: http://synergy-journal.ru/archive/article3645
16. Perkin, G. (2002) *The Rise of Professional Society: Britain since 1880*. Rev. ed. London: Routledge.
17. Lukashevich, N.P. (2002) *Teoriya i praktika samomenedzhmenta: ucheb. posobie* [Theory and practice of self-management: textbook]. Kiev: MAUP.
18. Shkola kriticheskogo myshleniya [School of Critical Thinking.]. (n.d.) *CTT-1 / Critical Thinking Test Level 1 of the Nikita Nepryakhin School of Critical Thinking*. [Online] Available from: http://critical-thinking.ru/test/questions/step/26 (In Russian).
19. Morpurgo, M.T. (2015) *Beyond Competency: The role of professional accounting education in the development of meta-competencies*. Dissertation for the degree of Doctor of Business Administration. Athabasca University.
20. Volker, H. & Erpenbeck, J. (2009) *Kompetenztraining*. Stuttgart: Schäfferß Poeschel Verlag.

Информация об авторах:
Погребная И.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры нефтегазового дела Тюменского индустриального университета (Нижневартовск, Россия). E-mail: ya.irina0607@yandex.ru
Михайлова С.В. – ассистент кафедры нефтегазового дела Тюменского индустриального университета (Нижневартовск, Россия). E-mail: sweta02311@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
I.A. Pogrebnaya, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Industrial University of Tyumen (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail:ya.irina0607@yandex.ru
S.V. Mikhailova, assistant, Industrial University of Tyumen (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail:sweta02311@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.02.2022;
одобрена после рецензирования 10.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 07.02.2022;
approved after reviewing 10.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Научная статья
УДК 796
doi: 10.17223/15617793/479/24

Реализация модели развития массового спорта: опыт работы по созданию дворовых лиг по керлингу

Светлана Павловна Романова[1]

[1] *Московский финансово-юридический университет, Москва, Россия, romansp.ru@mail.ru*

Аннотация. Представлена информационная модель развития массового спорта в Красноярском крае Российской Федерации, описан опыт поэтапной реализации данной модели через создание на территории края сети дворовых лиг по керлингу, выделены блоки «ресурсы» и «сегменты». Первый этап связывается с непосредственным созданием дворовых лиг в определенном микрорайоне или комплексах инфраструктурного и организационно-спортивного характера, второй этап – с расширением сети лиг, третий – с формализацией и контролем их деятельности.

Ключевые слова: оздоровление населения**,** массовый спорт, дворовое движение, дворовая лига по керлингу

Для цитирования: Романова С.П. Реализация модели развития массового спорта: опыт работы по созданию дворовых лиг по керлингу // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 233–238. doi: 10.17223/15617793/479/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/24

Implementation of the mass sports development model: Experience in creating courtyard curling leagues

Svetlana P. Romanova[1]

[1] *Moscow University of Finance and Law, Moscow, Russian Federation, romansp.ru@mail.ru*

Abstract. The article presents the informational model of the mass sports development in Krasnoyarsk Krai of the Russian Federation. The model is based on the analysis of foreign and Soviet experience in the mass sports development, tested through the creation of courtyard curling leagues chain on the territory of the region. The announced model calls for a staged form of realization. The first stage is associated with the direct creation of courtyard leagues, which are localized in a certain micro district or in infrastructural and organizational sports complexes. The second stage is the stage of expanding the leagues chains. It involves their representatives' interaction with the public by organizing sports events and with the government to construct mutually beneficial partnership. The third stage is designated as formalization and control of the league's actions. It involves a slowdown in the organization development, clarification and formalization of its rules and procedures for activities. According to the plan, a successful development of mass sports on the territory of the region is associated with the wise use of managerial, motivational, material, technical, scientific methodological and media resources. The curling courtyard movement is managed by the Curling Federation, which has the ability to influence in an organizational way on the leagues' chairs through general meetings and to provide them with advisory and methodological support. The main form of curling development became the club system, which proved itself in a number of foreign countries. The main condition for development is accessibility. Unlike professional sports, courtyard curling trainings and competitions are held with simplified rules on suitable sports grounds by using only budgetary and possibly self-made sports equipment. Funding for events consists of the participants' own funds, partners' contributions, grant funding and government support. Service consumers get involved in the activity and show themselves in it in different qualities – as passive spectators, fans, curling enthusiasts, or participants in competitions. The goal of the courtyard movement is to make sure that, while holding sports events, consumers change their status from passive spectators to participants in the competition. The results of implementing the mass sports development model are the expansion of the population engaged in curling in the region and the increase in the total number of service recipients, public trainers, club instructors. The number of sports events has also increased in general.

Keywords: improving the health of the population, mass sports, yard movement, yard curling league

For citation: Romanova, S.P. (2022) Implementation of the mass sports development model: Experience in creating courtyard curling leagues. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 233–238. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/24

© Романова С.П., 2022

Введение

Массовый спорт по своей сути представляет собой социальное явление; универсальную форму культурного взаимодействия различных социальных групп и слоев населения с целью оздоровления, рекреации, самосовершенствования, общения в соответствии с их потребностями и интересами. Вовлечение в занятия спортом и участие в спортивных мероприятиях больших масс людей связывается с улучшением качества и увеличением продолжительности жизни населения страны, а также преодолением асоциальных проявлений в обществе [1].

Анализа научных источников позволяет говорить о том, что состояния и темпы развития массового спорта в разных странах мира отличаются друг от друга, зависят от экономической ситуации, традиций страны и восприятия ее гражданами спорта на индивидуальном уровне [2, 3]. В современном мире развитие спорта для всех осуществляется через реализацию моделей, построенных на лучших традициях физкультурно-спортивного движения и позволяющих вовлечь в двигательную активность представителей различных социально-демографических групп и слоев населения [4]. В соответствии с данными требованиями разработана модель развития массового спорта на примере дворового движения в керлинге.

Выбор керлинга как вида массового спорта был обусловлен его положительными воздействиями на здоровье, физическое развитие и физическую подготовленность человека. Правильно организованные занятия на льду предупреждают развитие патологических изменений, вызванных гиподинамией, повышают сопротивляемость организма к различным инфекциям и обеспечивают закаливающий эффект. В процессе игры в керлинг задействованы практически все мышечные группы, развиваются гибкость, быстрота, совершенствуются навыки удержания равновесия и ориенации в пространстве. Кроме того, игра требует концентрации внимания, проявления интеллектуальных способностей, честности, дружелюбия, благородства и других нравственных качеств. Таким образом, дворовый керлинг, отличаясь простотой и доступностью (упрощенные правила игры и порядок проведения соревнований, подручный инвентарь и т.д.), сохраняет дух и традиции «спорта элит» [5, 6].

Разработанная модель сочетает в себе зарубежный (канадская модель) и советский (клубы по месту жительства) опыт и применима к развитию других видов массового спорта. В Российской Федерации она прошла шестилетнюю апробацию на территории Красноярского края.

Материалы и методы исследования

Для разработки и проверки эффективности модели развития массового спорта в Красноярском крае были применены методы научного исследования: анализ научной литературы; обобщение мирового и отечественного опыта; моделирование; графические методы. Анализ научной литературы и обобщение мирового и отечественного опыта позволили рассматривать состояние проблемы исследования в следующей логике: массовый спорт – состояние и развитие массового спорта в регионе, стране и за рубежом – керлинг как вид массового спорта – создание дворовых лиг керлинга. Моделирование дало возможность сконструировать вспомогательный объект – информационную модель развития массового спорта в Красноярском крае. Данная модель отражает существенные параметры развития массового спорта, связи между ними и позволяет путём подачи на модель информации об изменениях величин строить прогнозы возможных вариантов данного развития.

Графические методы как способы условного изображения изучаемого явления были применены для осуществления контроля, учета и оценки развития массового спорт в регионе. Использовались иллюстративно-информационные графики, содержащие строго подобранные и проанализированные данные динамики развития (классификационные и структурные схемы, таблицы, протоколы, графики изменения управляемого процесса во времени и пространстве), и аналитические графики – сведения, полученные после логической и математической обработки данных (графики функциональных зависимостей между отдельными параметрами).

Результаты исследования

Разработанная модель развития массового спорта в Красноярском крае является информационной, поскольку нацелена на познание, описание, объяснение изучаемого объекта (рис. 1).

По замыслу авторов, развитие массового спорта через создание сети дворовых лиг по керлингу рассматривается как цикл жизни организации, которая, проходя определенные этапы, меняет свои формы, ценности и ориентации. Каждый этап имеет особенности в плане решения управленческих задач.

Следуя идеям А. Даунса [7. P. 296], первый этап (стадия жизненного цикла) связывается с борьбой организации за свою автономию, ее стремлением обрести законность и необходимые ресурсы для достижения «порога выживания». Данный этап возникает до формального рождения организации или сразу же после него. В заявленной модели первый этап обозначен как этап создания лиги. Особенностью создания дворовых лиг по керлингу является их локализация в определенном микрорайоне или в индивидуальных комплексах инфраструктурного и организационно-спортивного характера, где люди разных возрастов занимаются физической активностью самостоятельно или под руководством специалиста (профессионального тренера или инструктора-общественника).

Второй этап предполагает стремительное развитие, расширение организации, в том числе за счет инновационных и креативных управленческих решений. Данный этап в модели выделен как этап расширения сети лиг и их представителей.

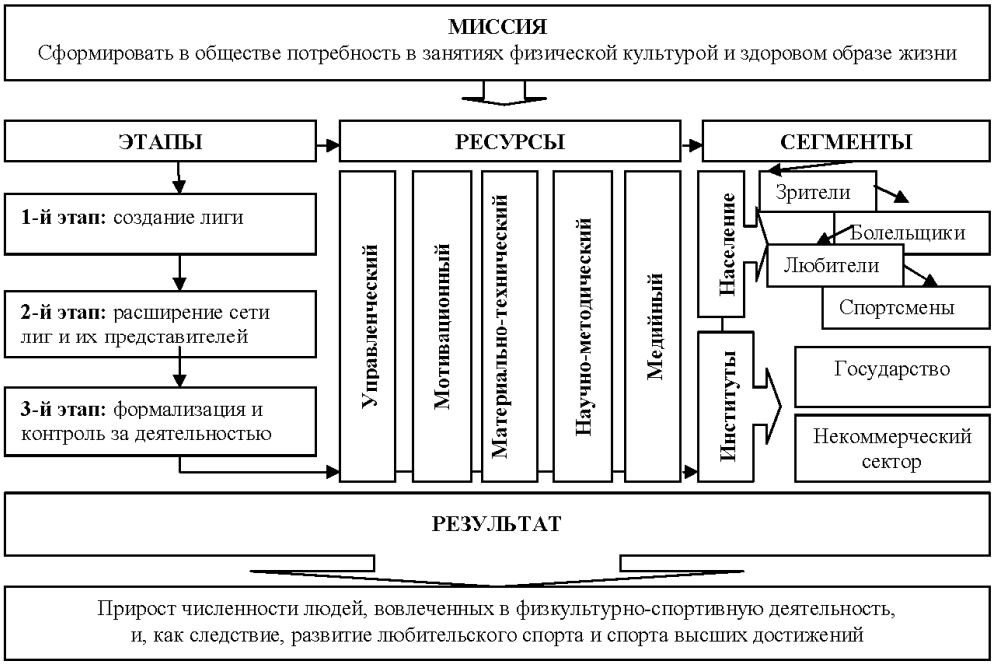

Рис. 1. Информационная модель развития массового спорта в Красноярском крае через создание сети дворовых лиг по керлингу

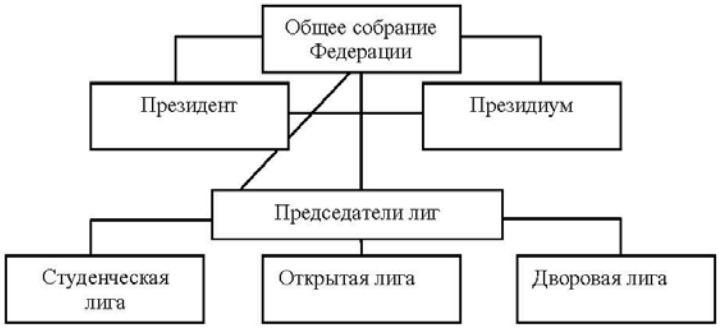

Рис. 2. Организационная структура управления массовым спортом Федерации керлинга Красноярского края

Третий этап характеризуется замедлением в развитии организации, уточнением и формализацией правил и процедур ее деятельности. В модели он представлен как этап формализации и контроля за деятельностью лиг.

Создание, развитие и требуемое функционирование дворовых лиг по керлингу на соответствующих этапах происходит при взаимодействии их представителей с населением через организацию спортивных мероприятий и государством через построение взаимовыгодных партнерских отношений.

Залогом успешного функционирования и развития любой организации является наличие необходимого объема ресурсов и умений их рационально использовать. В этой связи блок «ресурсы» занимает центральное место в рассматриваемой модели. В качестве ресурсов, влияющих на функционирование и развитие дворовых лиг по керлингу, определены: управленческий, мотивационный, материально-технический, научно-методический и медийный.

Управленческий ресурс. Управление развитием массового спорта в Красноярском крае осуществляется в соответствии со структурой, представленной на рис. 2. Руководство Федерацией осуществляет общее собрание, в которое входят: президент, члены президиума, председатели лиг. Общее собрание может организационно воздействовать на председателей лиг как через президента, так и напрямую. Способы организации работы Федерация керлинга Красноярского края заимствовала у канадских коллег. Керлинг в Канаде имеет богатые многовековые традиции (первый канадский клуб был создан в 1807 г.) и является вторым по популярности и массовости видом спорта (после хоккея) – им занимаются более одного миллиона человек, на территории страны функционируют более 1 100 клубов.

В керлинг играют люди всех возрастов и разных возможностей здоровья: проводятся чемпионаты для канадских школьников (впервые состоявшиеся в 1950 г.); национальные чемпионаты для пенсионеров (с 1965 г.); канадский юниорский чемпионат (1971 г.); старшие леди Канады (55 лет и старше; создана в 1973 г.); чемпионат Канады (60 лет и старше; создан в 2000 г.) и чемпионат Канады по керлингу на колясках (создан в 2004 г.) и т.д. Отмечается высокая информированность населения о виде спорта – работает музей керлинга, отдельный канал на телевидении транслирует передачи о керлинге, соревнования собирают десяти тысячные стадионы зрителей [3]. Причиной популярности керлинга в Канаде считают клубную систему его развития. Данное развитие обеспечивается рядом условий:

– наличие правовой базы для организации физкультурно-спортивных клубов;

– развитие сети физкультурно-спортивных клубов по видам спорта с использованием дворов, площадок, спортивных залов общеобразовательных школ и других спортивных помещений, пригодных для этой цели;

– вовлечение населения в спортивно-массовые, физкультурно-оздоровительные мероприятия, увеличение числа активно занимающихся спортом;

– укрепление материально-технической базы физкультурно-спортивных клубов, повышение уровня подготовки спортсменов и тренеров-наставников посредством обмена опытом, прохождения курсов повышения квалификации;

– формирование в обществе поведенческих стандартов здорового образа жизни, возрождение традиций организации на дворовых площадках спортивных игр, городских матчей по видам спорта;

– поддержка некоммерческих спортивных организаций.

Материально-технический ресурс. Формирование материально-технической базы для организации дворового движения в керлинге связывается с эксплуатацией зданий и сооружений, закупкой спортивного инвентаря, финансированием спортивных мероприятий, оплатой труда.

Работа по вовлечению в дворовый спорт населения начинается с разбивки жилых районов города на секторы (дворы), на базе которых будут формироваться команды. Затем постепенно в каждом секторе (дворе) или рядом с ним на пустыре создается комплекс из 2–3 комбинированных спортивных площадок. Отметим, что дворовая лига не занимается созданием спортивных площадок, в ее возможности входит организация соревнований среди дворовых команд на имеющихся спортивных и иных объектах. Здания и сооружения всегда имеют собственника, в зависимости от этого складывается уровень взаимодействия (договорные отношения и др.).

Занятия керлингом предполагают наличие спортивного инвентаря: камень, щетка, ботинки (слайдер). Камни, на первый взгляд, самый дорогостоящий элемент инвентаря. В дворовом керлинге стоимость камня может быть снижена за счет его самостоятельного изготовления. Федерация керлинга Красноярского края проводит мастер-классы и предлагает методическое пособие с подробным описанием самостоятельного изготовления камня. Для детей младшего возраста их могут заменить хоккейные шайбы. В отношении щеток: на открытых площадках используются обыкновенные метла или хозяйственные щетки. Слайдеры в дворовом керлинге могут и не применяться.

Требования к площадке также упрощены: подойдет любая ледовая относительно «ровная» поверхность с начерченной на ней мишенью – домом. Длина площадки зависит от погодных условий и выбранных снарядов (минимальная – 10 м, максимальная на открытом воздухе – до 45 м). Никакой специальной экипировки для любителей не требуется – лишь спортивная теплая одежда с обувью на плоской подошве.

Финансирование мероприятий складывается из собственных средств участников соревнований (членские взносы), партнерского вклада (спонсирование от коммерческих и некоммерческих организаций), возможны грантовое финансирование и государственное субсидирование. Под мероприятиями понимаются соревнования, события, игры. С экономической точки зрения это базовый продукт (услуга), который получает «клиент», включаясь в спортивную деятельность. Оплата труда в традиционном понимании в дворовом спорте, как правило, отсутствует. В большинстве случаев это волонтерский труд с привилегиями в форме обучения, стажировки, участия в соревнованиях более высокого ранга. Чаще всего за эту работу берутся инструкторы клубов по месту жительства, дворовые общественники.

Мотивационный ресурс. Участники дворового движения в керлинге через проявления себя в спортивных мероприятиях в разных качествах получают эффект так называемого «социального счастья». Мотивации организатора связываются со стремлением узнать что-то новое, повысить организаторские способности, выйти из зоны комфорта. Мотивация участника заключается в желании испытать свои силы в соперничестве с самим собой, с другими людьми, провести весело и полезно время [5]. В результате проведения опроса членов клубов ключевыми ценностями дворового керлинга респонденты выделяют «удовольствие», «наслаждение», «азарт».

Пропаганда керлинга предполагает современный event-подход, где главное – не результат, а атмосфера участия. Формат проведения состязаний – фестиваль. Данный формат, помимо соревновательной составляющей, предлагает дополнительные развлечения – розыгрыши, викторины, мастер-классы, творческие конкурсы, интерактивные площадки. Зрители и болельщики получают спортивную атрибутику.

В дворовом керлинге значительно упрощен порядок проведения соревнований. Календарь, протоколы, положение являются формальными его характеристиками. Для проведения соревнований по месту жительства достаточно разместить объявление, проинформировав жильцов о готовящимся мероприятии. Упрощено и участие спортсменов в соревнованиях:

– отсутствуют ограничения по возрасту и степени физической подготовленности;

– возможность участия не только командно, но и лично (конкурсы на лучшую постановку камня);

– ориентация на ординарного любителя как на основного участника (единство события: «все вместе», единое пространство и время события; одинаковый уровень сервиса для всех категорий взрослых участников);

– открытый допуск без селекции по принципу мастерства.

Проводятся также так называемые коммерческие серии – календари событий, составленные и промоутируемые частными фирмами, которые могут увеличивать количество соревнований и участников.

Научно-методический ресурс. На основе опыта создания и функционирования сети лиг Федерацией керлинга разрабатываются научно-методические пособия

и методические рекомендации по организации и проведению игр, соревнований, праздников, совместно с институтами повышения квалификации проводится обучение инструкторов-общественников.

Медийный ресурс. Каждый желающий может стать членом клуба – регулярно получать уведомления о предстоящих мероприятиях и быть автоматически на них заявленным. Для этого применяются google-формы. Клубное членство дает дополнительные возможности в виде тренировки перед соревнованиями и занятий с инструктором. К тому же есть тимбилдинговая и корпоративная составляющая, как и в других клубных форматах.

В медийном пространстве дворовая лига продвигает себя через наиболее популярную социальную сеть – инстаграм (создан в 2016 г.), в группе @streetcurling24 (более 3 000 подписчиков). Регулярность публикации постов – 1 пост в неделю. В группе публикуются анонсы предстоящих мероприятий, ссылки на сайты для заявок. Это достаточно эффективно работающий механизм – средний пост набирает около 600 лайков, 700 просмотров сторис. Данный контент является ключевым инструментом распространения информации по центральным территориям Красноярского края, в остальных используются классические информационные ресурсы: газеты, объявления.

Наряду с блоками «этапы» и «ресурсы» в модели выделен блок «сегменты». Под сегментами в данном случае понимаются непосредственно потребители услуг и взаимодействующие с ними организации, которые по разным причинам заинтересованы и включаются в деятельность по развитию массового спорта и в разных качествах проявляют себя в ней.

Потребителями услуг является население Красноярского края вне зависимости от возраста, пола, физических возможностей. Оно может проявлять себя как пассивный зритель, болельщик, любитель керлинга или спортсмен (участник соревнований). Задача дворового движения сделать так, чтобы в процессе спортивных мероприятий участники меняли свой статус в направлении от пассивного зрителя к участнику соревнований. К взаимодействующим организациям относятся институты, которые играют роль партнеров или регулирующих инстанций. Это государственные структуры и некоммерческий сектор (общественные организации). Государство выполняет наблюдательную и регулирующую функцию, а также предоставляет возможные преференции в виде дополнительного финансирования соревнований, содействие в сотрудничестве с государственными учреждениями. В процессе реализации заявленной модели успешное сотрудничество осуществлялось:

– с образовательными учреждениями города Красноярска и Красноярского края (использовались базы дошкольных образовательных учреждений и общеобразовательных школ края, на которых проводились более 30 соревнований в год для детей, их родителей и учителей);

– клубами по месту жительства (в рамках совместного проекта с краевым институтом повышения квалификации работников физической культуры и спорта обучено 27 инструкторов, специализированные обучающие тренинги прошли в 20 территориях Красноярского края).

Некоммерческий сектор, например федерации по другим видам спорта, могут включаться в работу в сфере спортивной индустрии и медиа.

Результативность реализации модели развития массового спорта определялась по следующим критериям: количество участников, вовлеченных в соревновательную деятельность; количество проведенных мероприятий; охват участвующих в мероприятиях муниципалитетов края.

Результаты реализации модели по критерию «количество участников, вовлеченных в соревновательную деятельность» представлены на рис. 3.

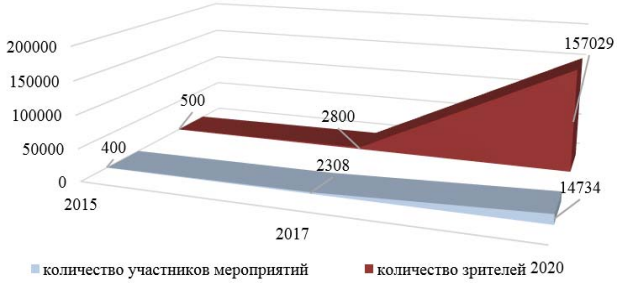

Рис. 3. Динамика повышения численности участников и зрителей спортивно-массовых мероприятий по дворовому керлингу в Красноярском крае на начало и конец исследовательской работы

Данные рис. 3 свидетельствуют, что на начало исследовательской работы (2013 г.) количество участников и зрителей спортивно-массовых мероприятий по дворовому керлингу в Красноярском крае составляло соответственно 400 и 500 человек. По окончании исследовательской работы (2018 г.) данные показатели возросли соответственно до 14 734 и 157 029 человек. Таким образом, на фоне роста интереса к данному виду спорта со стороны зрителей (болельщиков) количество активных участников соревновательной деятельности возросло в 36,5 раз.

Результаты реализации модели по критериям «количество проведенных мероприятий» и «охват участвующих в мероприятиях муниципалитетов края» представлены в виде диаграммы на рис. 4.

Рис. 4. Динамика роста количества спортивно-массовых мероприятий по дворовому керлингу и расширение охвата участвующих в них муниципалитетов края на начало и конец исследовательской работы

Данные рис. 4 позволяют говорить о том, что за период проведения исследовательской работы

(с 2013 по 2018 г.) произошел значительный рост (с 15 до 113) количества спортивно-массовых мероприятий по дворовому керлингу в Красноярском крае. Количество данных мероприятий возросло в 7 раз. При этом в 4,8 раза (с 3 до 21) увеличилось среднее число участников одного мероприятия. Одновременно расширился охват территорий края, в которых получил развитие дворовый керлинг – 18 муниципальных округов начали развивать керлинг по клубной системе.

Кроме того, получены данные о том, что увеличилось (с 1 до 7 человек) количество тренеров-общественников, которые готовы оказывать участникам движения консультативную и методическую помощь, инструкторов клубов по месту жительства (до 27 человек), инструкторов-общественников по напольному керлингу из числа учителей физической культуры (до 15 человек).

Рассматривая массовый спорт как первую ступень «введения» человека в сферу спортивной деятельности, «спортивный резерв», который позволяет отбирать кандидатов в профессиональные клубы и сборные команды страны [8], заметим, что со времени реализации представленной модели в Красноярском крае возросло количество занимающихся данным видом спорта в детско-юношеских школах и число разрядников по керлингу.

Выводы

Реализация описанной в статье модели развития массового спорта в Красноярском крае на примере дворового движения в керлинге показала свою эффективность, опыт ее реализации применим для развития массовых видов спорта на других территориях с учетом их специфики и особенностей.

Список источников

1. Пономарев И.В., Стриева Л.Ю., Олонец С.Б. Массовый спорт и спорт высших достижений как социокультурный феномен // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 236–240.
2. Виноградов П.А., Окуньков Ю.В. О состоянии и тенденциях развития физической культуры и массового спорта в Российской Федерации. М. : Советский спорт, 2013. 144 с.
3. Darnell S.C., Sparks R. Inside the Promotional Vortex. Canadian Media Construction of Sydney Olympic Triathlete Simon Whitfield // International Review for the Sociology of Sport. 2005. Vol. 40, № 3. P. 357–376.
4. Власов А.Е., Зеленков Ю.А., Солнцев И.В. Развитие массового спорта в современной России. М. : Проспект, 2018. 128 с.
5. Логинов А.И. Социальный дворовый спорт: Краткие ответы на популярные вопросы. Инструкция к дворовому спорту. Липецк : ООО «Гравис», 2017. 260 с.
6. Кейтнесс К. Керлинг называют самым быстрорастущим среди зимних видов спорта // Вестник РМОУ. 2015. № 3. С. 60–63.
7. Downs A. The Life Cycle of Bureaus // Inside Bureaucracy. San Francisco : Little, Brown and Company, 1967.
8. Ваторопин А.С., Аристов Л.С. Массовый и «Большой» спорт: модели взаимодействия и развития // Дискуссия. 2015. № 10 (62). С. 95–100.

References

1. Ponomarev, I.V., Strieva, L.Yu. & Olonets, S.B. (2019) Massovyy sport i sport vysshikh dostizheniy kak sotsiokul'turnyy fenomen [Mass sports and high performance sports as a sociocultural phenomenon]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. 1. pp. 236–240.
2. Vinogradov, P.A. & Okun'kov, Yu.V. (2013) *O sostoyanii i tendentsiyakh razvitiya fizicheskoy kul'tury i massovogo sporta v Rossiyskoy Federatsii* [On the state and trends in the development of physical culture and mass sports in the Russian Federation]. Moscow: Sovetskiy sport.
3. Darnell, S.C. & Sparks, R. (2005) Inside the Promotional Vortex. Canadian Media Construction of Sydney Olympic Triathlete Simon Whitfield. *International Review for the Sociology of Sport.* 40 (3). pp. 357–376.
4. Vlasov, A.E., Zelenkov, Yu.A. & Solntsev, I.V. (2018) *Razvitie massovogo sporta v sovremennoy Rossii* [The development of mass sports in modern Russia]. Moscow: Prospekt.
5. Loginov, A.I. (2017) *Sotsial'nyy dvorovyy sport: Kratkie otvety na populyarnye voprosy. Instruktsiya k dvorovomu sportu* [Social courtyard sports: Brief answers to popular questions. Instructions for courtyard sports]. Lipetsk: OOO "Gravis".
6. Keytness, K. (2015) Kerling nazyvayut samym bystrorastushchim sredi zimnikh vidov sporta [Curling is called the fastest growing among winter sports]. *Vestnik RMOU*. 3. pp. 60–63.
7. Downs, A. (1967) The Life Cycle of Bureaus. In: *Inside Bureaucracy*. San Francisco: Little, Brown and Company.
8. Vatoropin, A.S. & Aristov, L.S. (2015) Massovyy i "Bol'shoy" sport: modeli vzaimodeystviya i razvitiya [Mass and "Big" sports: Models of interaction and development]. *Diskussiya*. 10 (62). pp. 95–100.

Информация об авторе:
Романова С.П. – канд. пед. наук, преподаватель кафедры физического воспитания Московского финансово-юридического университета (Москва, Россия). E-mail: romansp.ru@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
S.P. Romanova, Cand. Sci. (Pedagogics), instructor, Moscow University of Finance and Law (Moscow, Russian Federation). E-mail: romansp.ru@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.01.2022;
одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 11.01.2022;
approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 30.06.2022.

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.2/7
doi: 10.17223/15617793/479/25

Проблемы уголовно-правового регулирования необходимой обороны как разновидности уголовно-правового деяния

Василий Васильевич Бабурин[1], Алексей Алексеевич Нечепуренко[2]

[1, 2] Омская академия МВД России, Омск, Россия
[1] vvbaburin@mail.ru
[2] nechepurenko_oma@mail.ru

Аннотация. Исследуется содержание уголовно-правового регулирования действий в состоянии необходимой обороны, раскрываются основные проблемы понимания сущности необходимой обороны. Обосновывается понятие необходимой обороны как общественно полезного деяния, выражающегося в силовом воздействии в отношении посягающего лица, соразмерного характеру и интенсивности общественной опасности этого посягательства. Предлагается новая структура уголовно-правовой нормы, предусматривающая необходимую оборону, как норму-правило поведения, а не как норму-гарантию. Дается характеристика места необходимой обороны в системе основных видов уголовно значимого поведения.

Ключевые слова: необходимая оборона, уголовно-правовое деяние, правомерное силовое воздействие, виды необходимой обороны, условия правомерности необходимой обороны

Для цитирования: Бабурин В.В., Нечепуренко А.А. Проблемы уголовно-правового регулирования необходимой обороны как разновидности уголовно-правового деяния // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 239–246. doi: 10.17223/15617793/479/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/25

Problems of criminal law regulation of necessary defense as a type of criminal act

Vasiliy V. Baburin[1], Alexey A. Nechepurenko[2]

[1, 2] Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Omsk, Russian Federation
[1] vvbaburin@mail.ru
[2] nechepurenko_oma@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to substantiate the fallacy of the modern approach to the legislative regulation of necessary defense. This approach is based on an incorrect interpretation of the content of necessary defense: from the position of a circumstance that precludes the criminality of an act characterizing its essence as a legitimate infliction of harm. The authors substantiate the necessity of disclosing the content of necessary defense as a socially useful act expressed in a forceful proportionate impact on the infringing person while protecting the legally protected interests of society or the state from a socially dangerous encroachment. The article is based on the analysis of previous and modern norms of the criminal legislation of the Russian state that govern actions in a state of necessary defense; explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the interpretation of the conditions for the legitimacy of necessary defense; the practice of applying Art. 37 of the Criminal Code of the Russian Federation; opinions of scientists on the essence and content of necessary defense, the main shortcomings of the legal regulation of necessary defense and the practice of its direct application. In the course of the study, the authors studied the content of the criminal law norm regulating the conditions for the legitimacy of necessary defense; the investigative and judicial practice of applying this norm, starting with its inclusion in the Criminal Code of the Russian Federation in 1996; the problems arising in such application. Further, the authors analyzed the opinion of experts in the field of criminal law on the subject of their attitude to the issues of legislative regulation and the practice of its application. Then, on the basis of the collected information, the authors analyzed the content of necessary defense as a criminal law category and proposed specific measures to improve the legislative regulation of necessary defense. According to the results of the study, the authors came to the following conclusions. Necessary defense should be interpreted as a socially useful act, expressed in the use of force against a person who commits a socially dangerous attack. Based on this, it is necessary to legislate the structure of the criminal law norm, which provides for necessary defense as a norm-rule of behavior,

© Бабурин В.В., Нечепуренко А.А., 2022

and not as a norm-guarantee. In the content of this rule, it is necessary to ensure an imbalance of the rights and obligations of the defender acting in a state of necessary defense. In the text of the criminal law, it is necessary to give a clear description of the structure of all types of criminally significant behavior. The characteristic of necessary defense as a criminal legal act makes it possible to reveal the completeness of criminal legal relations, to clarify the subject and method of criminal legal regulation, to qualify acts significant for criminal law, to identify and distinguish between varieties of socially dangerous and socially useful behavior, and thus provide ways to solve the main task of criminal law – definitions of criminality and non-criminality of human behavior.

Keywords: necessary defense, criminal act, lawful forceful influence, types of necessary defense, conditions for legitimacy of necessary defense

For citation: Baburin, V.V. & Nechepurenko, A.A. (2022) Problems of criminal law regulation of necessary defense as a type of criminal act. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 239–246. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/25

В Уголовный кодекс РФ 1996 г. была включена глава 8 «Обстоятельства, исключающие преступность деяния», предусматривающая нормы, исключающие ответственность за причинение вреда в определенных условиях. Появление данных норм в уголовном законодательстве для того времени было достаточно прогрессивным шагом в правовом регулировании уголовно-правовых отношений. На их применение специалисты в области уголовного права возлагали большие надежды в плане обеспечения и реализации конституционных прав граждан на активные действия по защите своих собственных и общественных интересов, в том числе путем правомерного причинения вреда в целом охраняемым общественным отношениям. С того момента прошло более 25 лет, и сейчас можно оценить, насколько реализованными оказались ожидания.

С одной стороны, обстоятельства, исключающие преступность деяния, являются достаточно устоявшимися категориями, с другой – существующая практика такова, что все они, кроме необходимой обороны и задержания преступника, фактически не применяются [1. С. 4]. Большинство специалистов в области уголовного права считают данную ситуацию ненормальной и признают, что ее надо менять.

Существуют два подхода к оценке обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Одни авторы считают, что нормы, закрепляющие обстоятельства, исключающие преступность деяния, удачно сформулированы [2. С. 8]. Основную причину неэффективности норм они видят в неверном обращении правоприменителей с ними. По их мнению, следует провести корректировку толкования практики применения норм [3. С. 9].

Другие авторы, объясняя, почему недействены нормы, предусматривающие обстоятельства, исключающие преступность деяния, говорят о несовершенстве самих норм, которые надо изменять, поскольку они не позволяют правильно регулировать правомерное поведение [1. С. 5]. Д.А. Гарбатович пишет: «Как ни странно, но в уголовном законе ни слова не говорится о необходимой обороне от посягательств, направленных против чести, достоинства, половой свободы лица или его собственности» [4. С. 3].

Интересные и актуальные дополнения и изменения в прошлую редакцию ст. 37 УК РФ предлагал С.Ф. Милюков, например, в ч. 3 после слов «Право на необходимую оборону имеют в равной степени все лица независимо от их профессиональной подготовки и служебного положения» добавить следующее предложение: «Оно может быть реализовано как лично, так и коллективно» [5. С. 114–115].

Некоторые авторы связывают несовершенство изучаемых норм с тем, что они появились в уголовном законе недавно. Так, С.Ф. Милюков и А.В. Никуленко в отношении причинения вреда при задержания лица, совершившего общественно опасное деяние, отмечают: «Статья 39 – одна из многочисленных новелл действующего с 1 января 1997 г. Уголовного кодекса России. Использованные в ней формулировки не вполне совершенны, что, в частности, обусловлено отсутствием подобной нормы в прежнем законодательстве» [6. С. 6]. Отдельные ученые прямо говорят, что в уголовном законе не предусмотрено надежной гарантии правильной уголовно-правовой оценки правомерного причинения вреда [7. С. 8]. Следует добавить, что действующая редакция ст. 37 УК РФ не позволяет в полной мере проводить уголовно-правовую квалификацию правомерного поведения, о необходимости которой рассуждают многие авторы [8. С. 460–473; 9. С. 98; 10. С. 460–473].

Мы поддерживаем позицию, что нормы, предусматривающие обстоятельства, исключающие преступность деяния, несовершенны. Они не способны регулировать правомерное уголовно-правовое поведение, если исходить из их структуры и содержания, а также нарушений принципов правового регулирования человеческого поведения, что обусловлено, прежде всего, неправильным пониманием сущности и содержания обстоятельств, исключающих преступность деяния.

В настоящее время правомерное поведение, связанное с вынужденным силовым воздействием, в главе 8 Уголовного кодекса РФ именуется обстоятельствами, исключающими преступность деяния. Тем самым изначально делается неверный акцент на определенные условия, обстоятельства, а не на собственно поведение человека. Ведь преступное поведение мы именуем преступлением, а не обстоятельством, исключающим правомерность деяния. Поскольку базовым выступает правомерное, законопослушное поведение, которое является основой всей жизнедеятельности и существования государства, то логичнее было бы характеризовать именно общественно опасное поведение через об-

стоятельства, исключающие его правомерность. Однако, для того чтобы раскрыть содержание преступного поведения, нужны объективные и субъективные признаки такого поведения, а не обстоятельства. Какие сложности возникают при подобном подходе к характеристике правомерного поведения с признаками причинения вреда, целесообразнее рассмотреть на примере института необходимой обороны.

Сейчас действия по правомерной защите своих интересов понимаются только как некие обстоятельства, условия, исключающие преступность деяния, что влечет правовые последствия: если это не деяние, а обстоятельства, условия, то нецелесообразно и нелогично их описывать, тем более регулировать с помощью нормы, имеющей конструкцию «если, то, иначе». Иными словами, пока необходимая оборона будет считаться обстоятельством, условием, исключающим преступность деяния, а не самим уголовно значимым деянием, ее невозможно будет правильно регулировать.

О таком несоответствии ведет речь А.А. Арямов: «Представляется, что явлениям, урегулированным нормами гл. 8 УК РФ, термин „обстоятельства, исключающие преступность деяния", не совсем соответствует». При этом он абсолютно точно отмечает: «Логическое толкование данного термина позволяет заключить, что должны иметь место в целом преступные (общественно опасные) деяния, но присутствие в них определенных обстоятельств исключает их из числа преступных. Анализ же норм гл. 8 УК РФ рисует несколько иную картину: в этой главе содержатся регулятивные, управомочивающие поощрительные нормы, уходящие юридическими корнями в ст. 45 Конституции РФ; ни о каком наличии предварительного запрета, подлежащего последующему снятию (законодательной основы правоприменительной декриминализации) речи не идет, а следовательно, и о нормах-исключениях говорить не приходится. Таким образом наблюдается картина несоответствия термина содержанию определяемого явления» [11. С. 7–8]. В целом принимая позицию А.А. Арямова и приведенные им аргументы, не можем согласиться с его дальнейшим предложением о том, что необходимо использовать вместо термина «обстоятельства, исключающие преступность деяния», термин «правомерное причинение вреда».

Действительно, термин «правомерное причинение вреда», в котором присутствует акцент на волевое осознанное поведение человека, частично отражает сущность определяемого явления – правомерного поведения, имеющего чисто внешние признаки причинения вреда общественным отношениям. Однако А.А. Арямов, предлагая использовать данный термин, не учитывает, что он изначально неправильно отражает сущность этого специфического поведения. Дело в том, что слова «правомерный» и «вред» не могут сочетаться, так как имеют противоположный смысл. Использовать вместе их можно только условно, в самом начале теоретического анализа явления, когда необходимо сделать лишь первые предположения, которые позволят в последующем сформулировать правильные заключения. Таким образом, обозначать словосочетаниями «правомерный вред», «правомерное причинение вреда» определяемое явление не стоит. Необходим более точный термин, отражающий сущность и содержание явления, предусмотренного нормами главы 8 УК РФ.

Обратимся еще раз к содержанию понятия необходимой обороны. Прежде всего, следует учитывать, что правомерное причинение вреда не содержит точной характеристики сущности необходимой обороны. Нет отражения, что необходимая оборона не является вредом и не может быть им ни по формальным, ни по юридическим признакам. Обороняющийся не причиняет вред, если только не нарушает правила необходимой обороны, не превышает ее пределов. Причинять вред может только нападающий преступник.

Однако если не существует правомерного причинения вреда, тогда какими словами выразить то, что представляет собой необходимая оборона? Мы предлагаем в рамках необходимой обороны вести речь о *правомерном силовом воздействии* в целях пресечения нападения посягающего преступника.

Для наглядности рассмотрим термин «правомерное силовое воздействие», используя медицинский опыт. Врач-хирург в случае гангрены пальцев ноги, чтобы предотвратить дальнейшее поражение, а также наступление смерти пациента, отсекает ему поврежденную стопу. Для описанной ситуации в медицине используются нейтральные по отношению к причинению вреда термины «ампутация» и «экзартикуляция» [12]. В медицине недопустимо прямое причинение вреда, и настоящие врачи все делают во благо и для здоровья и спасения жизни пациента. Вместе с тем и здесь есть повод усмотреть причинение вреда в примитивном понимании. Однако в медицинской терминологии все логично. Врач проводит операцию не по причинению тяжкого вреда здоровью пациента, а по ампутации стопы исключительно по жизненно важным показаниям.

Считаем, что и в уголовном праве применительно к действиям в рамках обстоятельств, исключающих преступность деяния, также нельзя использовать термин «причинение вреда», даже с дополнением того, что оно правомерное. Это неправильно, так же как, например, правомерное убийство. Термины в уголовном праве не должны противоречить сами себе и вводить в заблуждение граждан и правоприменителей. Опасность обратного в том, что нарушение логики в понимании сущности необходимой обороны ведет к нарушению логики и в ее правовом регулировании.

Таким образом, необходимую оборону, как и ряд других обстоятельств, исключающих преступность деяния (ст. 38, 39 УК РФ), предлагаем именовать правомерным силовым воздействием, а не правомерным причинением вреда. Под *правомерным силовым уголовно-правовым воздействием* следует понимать *фактическое силовое воздействие в общественно полезных целях с формальными признаками причинения вреда*. Так же как ампутация ноги, это – отсечение ноги для реализации общественно полезной цели – спасения пациента, то же действие без такой цели – причинение

тяжкого вреда здоровью человека. Однако надо делать акцент на том, что нет вреда при необходимой обороне, а есть отдельные формальные признаки причинения вреда. Раскрывать содержание необходимой обороны, указывая, что это есть причинение вреда, так же неправильно, как и характеризовать ампутацию через указание на причинение тяжкого вреда пациенту, хотя бы и в целях спасения его жизни.

Ошибочное понимание сущности и содержания необходимой обороны не как деяния, а как обстоятельства, исключающего преступность деяния, безусловно, имеет нежелательные последствия.

1. Негативное влияние на полноту и комплексность правового регулирования правомерного поведения, связанного с причинением вреда, а также на структуру и форму уголовно-правовых норм. В настоящее время данные нормы являются нормами-гарантиями, но не нормами-правилами поведения. Они не имеют схемы «гипотеза, диспозиция и санкция», поэтому не могут в силу своей конструкции обеспечить полный механизм регулирования процесса правомерного поведения в уголовном праве. Для этого нужна конструкция нормы как правила поведения. Статья 37 УК РФ больше представляет собой содержание гипотезы разрешающей уголовно-правовой нормы. Тогда как для полноценного правового регулирования правомерного поведения, тем более связанного с причинением вреда, необходима характеристика не только гипотезы запрещающих норм, но и соответствующей диспозиции, так же как и санкции.

Н.Н. Аськов отмечает, что «обстоятельством, исключающим преступность деяния, признается особенная обстановка, при которой действие (бездействие), совершаемое лицом с соблюдением предусмотренных в уголовном законодательстве условий правомерности и в установленных пределах, имеет позитивную направленность, но сопряжено с вынужденным причинением вреда» [13. С. 10]. Данная им характеристика позволяет подчеркнуть главное: поведение в рамках необходимой обороны, впрочем, как и в рамках крайней необходимости, в главе 8 УК РФ не рассматривается в качестве полноценного уголовно значимого деяния.

Нелогичность понимания необходимой обороны только как обстоятельства, исключающего преступность деяния, а не самого полноценного деяния, подтверждается еще и фактом превращения обстоятельств, исключающих преступность деяния, в полноценное уголовно-правовое деяние, которое влечет уголовную ответственность и рассматривается по схеме «если, то, иначе». Например, обороняющийся, действуя в рамках необходимой обороны, причиняет смерть нападающему, его действие расценивается как обстоятельство, исключающее преступность деяния, а не как полноценное деяние, но если выяснится, что первый превысил пределы необходимой обороны, его поведение становится полноценным деянием, преступлением с составом, указанным в ст. 108 УК РФ [14. С. 15; 15. С. 28]. То же самое относится и к причинению тяжкого вреда здоровью в состоянии необходимой обороны. Если действия проходят в рамках и пределах необходимой обороны, то это только обстоятельство, обстановка, о которой говорит Н.Н. Аськов, но если в этой же обстановке допускается превышение пределов необходимой обороны, она превращается в полноценное преступление, предусмотренное ст. 114 УК РФ.

Почему это происходит? Что изменяется с превышением пределов необходимой обороны до такой степени, что обстоятельство, исключающее преступность деяния, преобразуется в преступление? Если доказать, что ничего существенного между соблюдением пределов необходимой обороны и ее превышением нет, то и вывод напрашивается однозначный: обстоятельства, исключающие преступность деяния, – это не обстоятельства, а деяния, и их надо рассматривать с позиций правового регулирования деяний, а не обстоятельств этих деяний. Прежде всего следует расставить верные акценты. Деяние должно быть выделено в законе как главное, а обстоятельства должны его характеризовать, а не наоборот. Сейчас деяние лишено самостоятельности и нужно только для до того, чтобы характеризовать обстоятельства, особенную обстановку, при которой совершается деяние.

На основании изложенного предлагаем отказаться от термина «обстоятельства, исключающие преступность деяния» и рассматривать данные деяния как самостоятельное полноценное уголовно значимое поведение в рамках правомерного силового воздействия на источник вреда при задержании преступника и силового противодействия при необходимой обороне. Следует также заменить иные обстоятельства, исключающие преступность деяния, на правомерное деяние в виде силового правомерного воздействия.

Уголовно значимое деяние должно регулироваться уголовно-правовой нормой, имеющей структуру «гипотеза, диспозиция и санкция». Как статья 37, так и другие статьи главы 8 УК РФ построены иначе, и их следует сформулировать именно по данной схеме. Необходимость такой конструкции косвенно подтверждают те авторы, которые в большинстве обстоятельств, исключающих преступность деяния, видят состав правомерного поведения [10. С. 11; 16]. Так, А.А. Арямов предлагает говорить в целом о составе правомерного причинения вреда, понимая под ним структуру объективных и субъективных признаков, характеризующих институты главы 8 УК РФ: «Помимо общепринятых элементов: субъект, объект воздействия, субъективная сторона и объективная сторона; состав правомерного причинения вреда в качестве обязательных элементов включает также: объект охраны (обеспечения) и фактическое основание возникновения» [10. С. 11].

В Общей части Уголовного кодекса РФ ст. 37 надлежит сформулировать как норму-определение. Норму с конструкцией «гипотеза, диспозиция и санкция» следует включить в Особенную часть Уголовного кодекса РФ, где гипотеза должна раскрывать условия действия в рамках необходимой обороны, диспозиция – само действие в подобных условиях, а санкция должна стимулировать к соблюдению требований и правил, указанных в диспозиции данной статьи, предусматривая исключение уголовной ответственности.

Наряду с необходимой обороной по такой же схеме должны быть построены другие статьи, регламентирующие в настоящее время остальные обстоятельства, исключающие преступность деяния.

На наш взгляд, рассматриваемые нормы должны быть размещены в отдельной главе Особенной части Уголовного кодекса РФ. Для этого Особенную часть УК РФ необходимо разделить на два блока: в первом должны размещаться статьи, закрепляющие уголовную ответственность за преступления, во втором – статьи, предусматривающие исключение уголовной ответственности за деяния, связанные с правомерным силовым воздействием.

2. Следует отметить наличие дисбаланса в законодательном регулировании поведения граждан, действующих в состоянии необходимой обороны, проявляющегося в перекосе прав и обязанностей обороняющегося в сторону его прав. Казалось бы, что плохого в том, что у субъекта больше прав, чем обязанностей, тем более в такой ситуации, когда он защищает свои законные интересы от посягательств преступника. Однако данное представление о пользе множества прав и возможностей обороняющегося, не обремененных обязанностями, ошибочно и фактически приводит к блокированию его реальных возможностей уже на свою защиту, защиту себя от обвинений в умышленном причинении вреда напавшему на него преступнику.

Изучая ст. 37 УК РФ в целях поиска описания правомерности, возможности действий в рамках необходимой обороны, ученые [17. С. 22] прежде всего анализируют ч. 3. Приведем ее текст: «Положения настоящей статьи в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти». Из содержания этой части можно сделать выводы, что при необходимой обороне:

1) не надо обращаться за помощью в правоохранительные органы;

2) если у обороняющегося есть возможность избежать нападения, уйти от нападающего, предотвратить нападение, ему это делать необязательно;

3) обороняться можно любым способом, использовать любые средства, не имея при этом профессиональной или иной специальной подготовки по их использованию.

Вместе с тем редко учитывается, что в тексте действующей нормы ст. 37 УК РФ предусмотрено два совершенно разных вида необходимой обороны в зависимости от того, является нападение на обороняющегося опасным для его жизни или другого лица или нет. Так, в части 1 ст. 37 УК РФ отмечается, что «не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т.е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия». В части 2 данной статьи говорится, что «защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, т.е. умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства».

И если для первой разновидности необходимой обороны установлено, что она не является преступлением, то для второй – когда присутствует посягательство, сопряженное с насилием, не опасным для жизни обороняющегося или другого лица, не закреплено, что она не выступает преступлением, а определено, что она признается правомерной лишь в том случае, когда причинение вреда для отражения такого посягательства будет иметь строгую соразмерность последнему. Подход законодателя к формулировке содержания двух разновидностей необходимой обороны свидетельствует о совершенно разных условиях и требованиях, предъявляемых к действиям обороняющихся. И указание в ст. 37 УК РФ только на права обороняющихся без разъяснения обязанностей по соблюдению условий правомерности можно рассматривать как некую провокацию граждан на действия в состоянии необходимой обороны без каких-либо оснований (гарантий) защиты их прав в суде.

Получается, что перечисленные в ч. 3 данной статьи возможности для обороняющегося, снимающие указание на определенные требования по соблюдению условий правомерности необходимой обороны, формально распространяются на всю статью, что не соответствует действительности. Более того, чтобы доказать правомерность своих действий при предельной необходимой обороне, обороняющийся как раз и должен отказаться от предоставленных ст. 37 УК РФ возможностей, чтобы хоть как-то подтвердить соблюдение условий правомерности причинения вреда при необходимой обороне.

В уголовном законе предусмотрено два вида необходимой обороны: *беспредельная* и *предельная*. При беспредельной необходимой обороне против нападающего имеется возможность использовать любые средства, а при предельной каждый должен знать, что причиненный им вред должен быть строго соразмерным причиняемому ему вреду, поэтому он должен строго соблюдать баланс своих прав и обязанностей.

Но если в тексте ст. 37 УК РФ права указаны, то характеристики обязанностей там нет. Обороняющийся лишь в процессе следствия и на суде узнает, какие обязанности он должен был выполнить при обороне при нападении.

Таким образом, проблемы граждан по использованию своего права на необходимую оборону связаны с существующим в уголовном законе дисбалансом прав и обязанностей, предусмотренных для обороняющегося в ситуации предельной необходимой обороны. Вместе с тем в теории права существуют четко установленные принципы и правила правового регулирования поведения лиц, участвующих в общественных

отношениях: «нет прав без обязанностей», а также «баланс между правами и обязанностями субъекта».

Исходя из этого, для установления баланса прав и обязанностей в ст. 37 УК РФ должна содержаться характеристика условий правомерности как для беспредельной, так и для предельной необходимой обороны. Учитывая, что условия правомерности беспредельной необходимой обороны в статье раскрыты полно, особое внимание должно быть уделено характеристике условий правомерности предельной необходимой обороны, связанной с отражением посягательства, сопряженного с насилием, не опасным для жизни и здоровья. Положения, предусмотренные в ч. 3 ст. 37 УК РФ, применительно к предельной необходимой обороне, когда нет угрозы жизни обороняющегося или другого лица, должны звучать следующим образом.

1. Если у обороняющегося есть возможность избежать нападения, уйти от нападающего, предотвратить нападение, ему обязательно это надо делать. Если есть возможность избежать нападения, этим надо воспользоваться.

2. По возможности надо обращаться за помощью в правоохранительные органы. Не обращаться можно только при беспредельной необходимой обороне.

3. Если обороняющийся не соблюдает перечисленные выше правила, то применять специальные меры, огнестрельное оружие, специальные приемы борьбы для отражения нападения он может, только если является специалистом, имеющим специальную подготовку, свидетельствующую о праве применять данные меры, оружие, специальные приемы борьбы, или окончил специальные курсы по необходимой обороне.

В противном случае необходимая оборона становится риском, далеко не всегда оправданным.

В целом осуществлять отражение посягательства, не опасного для жизни обороняющегося или другого лица, предполагается гражданином, имеющим специальную подготовку или окончившим специальные курсы по необходимой обороне. Даже работу с электричеством осуществляет специалист-электрик, прошедший специальную подготовку, причем для каждого вида напряжения он должен получить соответствующий допуск.

Судебная практика применения необходимой обороны показывает, что соблюсти соразмерность между угрожающим и отражающим вредом затрудняются даже сотрудники правоприменительных органов. Это часто становится предметом разбирательств в суде и далеко не всегда в пользу обороняющегося.

Следует отметить, что право на причинение вреда со стороны неподготовленного человека впервые было предусмотрено только в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 4 декабря 1969 г. № 11 «О практике применения судами законодательства о необходимой обороне» [18. С. 326]. До этого судебная практика считала, что лицо, которое подверглось нападению, должно, если имеет возможность, спастись бегством, обратиться за помощью к гражданам, к органам власти или избрать какие-либо иные способы, не носящие характера активного противодействия посягающему.

Конечно, в настоящее время надо прежде всего учитывать фактические виды необходимой обороны. К сожалению, большинство авторов, соглашаясь с этим, при определении условий правомерности необходимой обороны не учитывают содержания особенностей двух ее видов (предельной и беспредельной) и продолжают распространять на них одинаковые условия правомерности.

Итак, в Особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации необходимо включить раздел XIII «Разрешенные уголовно-правовые деяния», в главе 35 «Общественно полезные деяния» которого должна присутствовать норма о необходимой обороне примерно в следующей редакции:

«Статья 362 “Необходимая оборона”.

1. Силовое воздействие в отношении посягающего лица при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, – не влечет уголовной ответственности.

2. Силовое воздействие в отношении посягающего лица при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство не было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, не является преступлением, если обороняющийся воспринимал нападение общественно опасным, реальным и неизбежным и предпринял все меры к соблюдению условий правомерности силового воздействия, пытался использовать возможность избежать общественно опасного посягательства, обратиться за помощью к другим лицам или органам власти, применял соразмерные средства и способы защиты, имея профессиональную или иную специальную подготовку, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны, то есть умышленных действий, явно не соответствующих характеру и опасности посягательства, – не влечет уголовной ответственности».

В-третьих, это отсутствие четкого понимания структуры всех видов уголовно значимого поведения и правильного отражения их в тексте уголовного закона. Только восприятие ныне действующих обстоятельств, исключающих преступность деяния, как самостоятельных форм уголовно значимого поведения – уголовно-правового деяния – позволяет сформировать в теории уголовного права четкое понимание сущности, форм и видов всех уголовно-правовых деяний и правильно отразить их в уголовном законе.

Считаем, что это является одной из причин недостаточной структурированности современного российского уголовного закона. В действующей редакции УК РФ нормы, предусматривающие обстоятельства, исключающие преступность деяния, относятся к разделу «Преступление», поскольку они не воспринимаются

сейчас как самостоятельные виды деяний. В этом же разделе расположены нормы, касающиеся деяний невменяемых (ст. 21), также не относящихся к преступлениям. Сложившаяся ситуация, обусловленная недостаточной теоретической разработанностью содержания уголовно-правовых деяний, препятствует дальнейшему развитию уголовно-правового регулирования.

Понимание того, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, фактически являются самостоятельными деяниями, позволяет определить их место и роль в системе уголовно-правовых деяний, складывающейся из запрещенных и разрешенных уголовно-правовых деяний.

Запрещенные уголовно-правовые деяния следует делить на преступные и иные общественно опасные деяния. Преступные деяния могут быть совершенными физическими лицами и юридическими лицами (с учетом зарубежной практики уголовная ответственность юридических лиц, возможно, в будущем будет введена и в России). За преступные деяния лица подлежат уголовной ответственности. Иные общественно опасные деяния включают деяния невменяемых лиц и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. Данные лица подлежат применению к ним государственных мер безопасности (направление в специализированные медицинские и воспитательные учреждения соответственно).

В свою очередь, разрешенные уголовно-правовые деяния должны подразделяться на общественно полезные и общественно допустимые. К общественно полезным деяниям следует относить необходимую оборону, задержание преступника, крайнюю необходимость, обоснованный риск. Они не являются деяниями, причиняющими вред обществу, не влекут уголовной ответственности, более того, должны поощряться общественными, ведомственными, государственными наградами. К общественно допустимым деяниям относятся физическое или психическое принуждение и исполнение приказа или распоряжения. Данные деяния вынужденно причиняют вред, поэтому не должны поощряться, а лица, их совершившие, подлежат освобождению от уголовного преследования из-за отсутствия состава преступления, а к уголовной ответственности привлекается источник причинения вреда.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

Под необходимой обороной следует понимать общественно полезное деяние, выражающееся в силовом воздействии в отношении посягающего лица при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, соразмерном характеру и интенсивности этого посягательства. Понимание сущности необходимой обороны как правомерного уголовно-правового деяния, а не обстоятельства, исключающего преступность деяния, позволяет решить ряд основных проблем ее уголовно-правового регулирования. Во-первых, оформить структуру уголовно-правовой нормы, предусматривающей необходимую оборону, как норму-правило поведения, а не как норму-гарантию. Во-вторых, устранить дисбаланс в законодательном регулировании поведения граждан, действующих в состоянии необходимой обороны, проявляющийся в перекосе прав и обязанностей обороняющегося в сторону его прав. В-третьих, дать четкое понимание структуры всех видов уголовно значимого поведения и правильно отразить их в тексте уголовного закона.

В целом характеристика необходимой обороны как уголовно-правового деяния имеет большое значение для уяснения полноты уголовно-правовых отношений, уточнения предмета и метода уголовно-правового регулирования, а также описания механизма уголовно-правового регулирования общественных отношений, квалификации значимых для уголовного права деяний, определения разновидностей общественно опасного и общественно полезного поведения и их разграничения и в целом решения главной задачи уголовного права – определения преступности и непреступности человеческого поведения.

Список источников

1. Хаметдинова Г.Ф. Уголовно-правовая характеристика крайней необходимости. Тюмень : Тюмен. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. 156 с.
2. Попов А.Н. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / науч. ред. Б.В. Волженкин. СПб., 1998. 28 с.
3. Кондрашова О.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, как обстоятельство, исключающее преступность деяния : учеб. пособие. Тюмень : Тюм. Ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2008. 91 с.
4. Гарбатович Д.А. Необходимая оборона при защите чести, достоинства, половой свободы, права собственности. М. : Юрлитинформ, 2012. 200 с.
5. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб. : СПбИВЭСЭП ; Знание, 2000. 279 с.
6. Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. СПб. : Юридический центр, 2015. 560 с.
7. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости. СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. 267 с.
8. Колосовский В.В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний. М. : Статут, 2011. 398 с.
9. Вельтмандер А.Т. Методологические основы изучения обстоятельств, исключающих преступность деяния // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 347. С. 97–99.
10. Сабитов Р.А. Теория и практика уголовно-правовой квалификации : науч.-практ. пособие. М. : Юрлитинформ, 2013. 592 с.
11. Арямов А.А. Правомерное причинение вреда. Челябинск : Изд-во Татьяны Лурье, 2004. 340 с.
12. Сонголов Г.И., Галеева О.П. Ампутации и экзартикуляции : учеб. пособие. Иркутск : ИГМУ, 2013. 60 с.
13. Аськов Н.Н. Уголовно-правовые предписания об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в применении к медицинскому работнику : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2021. 24 с.
14. Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 мая 2019 г. URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/58334.html#utm_ campaign=9111_hotdocs&utm_source=9111&utm_medium=rss (дата обращения: 01.03.2021).

15. Васильев Ю.В., Сердюкова Е.В., Чуниха А.А., Волкова Е.О. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Ставрополь : Фабула, 2021. 356 с.
16. Меркурьев В.В. Состав необходимой обороны. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. 214 с.
17. Егорова Н.А., Егоров А.Г. Необходимая оборона в деятельности сотрудников полиции: вопросы уголовно-правовой оценки // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2(49). С. 21–32.
18. Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1970. М. : Известия, 1970. 528 с.

References

1. Khametdinova, G.F. (2015) *Ugolovno-pravovaya kharakteristika krayney neobkhodimosti* [Criminal-legal characteristic of extreme necessity]. Tyumen: Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
2. Popov, A.N. (1998) *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya* [Circumstances excluding the criminality of the act]. Saint Petersburg.
3. Kondrashova, O.V. (2008) *Prichinenie vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshego prestuplenie, kak obstoyatel'stvo, isklyuchayushchee prestupnost' deyaniya: ucheb. posobie* [Causing harm during the arrest of a person who committed a crime as a circumstance excluding the criminality of the act: textbook]. Tyumen: Tyumen Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
4. Garbatovich, D.A. (2012) *Neobkhodimaya oborona pri zashchite chesti, dostoinstva, polovoy svobody, prava sobstvennosti* [Necessary defense in the protection of honor, dignity, sexual freedom, property rights]. Moscow: Yurlitinform.
5. Milyukov, S.F. (2000) *Rossiyskoe ugolovnoe zakonodatel'stvo: opyt kriticheskogo analiza* [Russian Criminal Legislation: An Experience of Critical Analysis]. Saint Petersburg: Saint PetersburgIVESEP; Znanie.
6. Milyukov, S.F. & Nikulenko, A.V. (2015) *Prichinenie vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshego obshchestvenno opasnoe deyanie* [Causing harm during the detention of a person who has committed a socially dangerous act]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr.
7. Parkhomenko, S.V. (2004) *Deyaniya, prestupnost' kotorykh isklyuchaetsya v silu sotsial'noy poleznosti i neobkhodimosti* [Acts, the criminality of which is excluded due to social utility and necessity]. Saint Petersburg: Izd-vo R. Aslanova "Yuridicheskiy tsentr Press".
8. Kolosovskiy, V.V. (2011) *Teoreticheskie problemy kvalifikatsii ugolovno-pravovykh deyaniy* [Theoretical problems of qualification of criminal acts]. Moscow: Statut.
9. Vel'tmander, A.T. (2011) Methodological bases for studying the circumstances that exclude the criminality of the act. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 347. pp. 97–99. (In Russian).
10. Sabitov, R.A. (2013) *Teoriya i praktika ugolovno-pravovoy kvalifikatsii: nauch.-prakt. posobie* [Theory and practice of criminal law qualification: handbook]. Moscow: Yurlitinform.
11. Aryamov, A.A. (2004) *Pravomernoe prichinenie vreda* [Lawful harm]. Chelyabinsk: Izd-vo Tat'yany Lur'e.
12. Songolov, G.I. & Galeeva, O.P. (2013) *Amputatsii i ekzartikulyatsii: ucheb. posobie* [Amputations and exarticulations: textbook]. Irkutsk: ISMU.
13. As'kov, N.N. (2021) *Ugolovno-pravovye predpisaniya ob obstoyatel'stvakh, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya, v primenenii k meditsinskomu rabotniku* [Criminal law prescriptions on circumstances excluding the criminality of an act, as applied to a medical worker]. Abstract of Law Cand. Diss. Samara.
14. Consultant Plus. (2019) *Review of the practice of application by the courts of the provisions of Chapter 8 of the Criminal Code of the Russian Federation on circumstances precluding the criminality of the act: approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 22, 2019*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/58334.html#utm_campaign=9111_hotdocs&utm_source=9111&utm_medium=rss (Accessed: 01.03.2021). (In Russian).
15. Vasil'ev, Yu.V., Serdyukova, E.V., Chunikha, A.A. & Volkova, E.O. (2021) *Obstoyatel'stva, isklyuchayushchie prestupnost' deyaniya* [Circumstances excluding the criminality of the act]. Stavropol: Fabula.
16. Merkur'ev, V.V. (2004) *Sostav neobkhodimoy oborony* [The composition of the necessary defense]. Saint Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
17. Egorova, N.A. & Egorov, A.G. (2019) Neobkhodimaya oborona v deyatel'nosti sotrudnikov politsii: voprosy ugolovno-pravovoy otsenki [Necessary defense in the activities of police officers: issues of criminal law assessment]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii.* 2 (49). pp. 21–32.
18. Plenum of the Supreme Court of the USSR. (1970) *Sbornik Postanovleniy Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR. 1924–1970* [Collection of Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the USSR. 1924–1970]. Moscow: Izvestiya.

Информация об авторах:
Бабурин В.В. – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России (Омск, Россия). E-mail: vvbaburin@mail.ru
Нечепуренко А.А. – д-р юрид. наук, начальник редакционно-издательского отдела Омской академии МВД России (Омск, Россия). E-mail: nechepurenko_oma@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
V.V. Baburin, Dr. Sci. (Law), professor, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation). E-mail: vvbaburin@mail.ru
A.A. Nechepurenko, Dr. Sci. (Law), head of the Editorial and Publishing Department, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Omsk, Russian Federation). E-mail: nechepurenko_oma@mail.ru

The authors declare no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 02.04.2022;
одобрена после рецензирования 21.06.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 02.04.2022;
approved after reviewing 21.06.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 247–251
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2022. 479. pp. 247–251

Научная статья
УДК 343.2
doi: 10.17223/15617793/479/26

Вопросы уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств в криптовалюте

Мадина Муссаевна Долгиева[1]

[1] *Главное уголовно-судебное управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия, novator111@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются вопросы, возникающие у правоприменителей при квалификации преступлений, связанных с оборотом криптовалюты, в том числе криптовалютными финансовыми пирамидами. На основе анализа уголовного законодательства сделан вывод о том, что организацию деятельности по незаконному привлечению криптовалюты необходимо квалифицировать по ст. 159 УК РФ, как по общей норме, либо по ст. 159.6 УК РФ при наличии доказанного умысла на хищение чужого имущества. Изложено мнение, что наличие оценочной экспертизы в таком уголовном деле является обязательным.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, уголовная ответственность за криптовалютные финансовые пирамиды, криптопреступность

Для цитирования: Долгиева М.М. Вопросы уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств в криптовалюте // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 247–251. doi: 10.17223/15617793/479/26

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/26

Issues of criminal liability for organizing activities to attract funds in cryptocurrency

Madina M. Dolgieva[1]

[1] *Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, novator111@mail.ru*

Abstract. This article discusses the issues that arise for law enforcement officers in the qualification of crimes related to the turnover of cryptocurrencies, including cryptocurrency financial pyramids. The study aims to determine the range of measures to combat cryptocurrency financial pyramids. The empirical basis of the study was the data obtained as a result of the analysis and generalization of judicial and investigative practice in criminal cases related to financial pyramids in the Russian Federation. The methodological basis of the research was the general dialectical method of scientific cognition, which has a universal character, as well as methods of logical deduction, induction, cognitive methods and techniques of observation, comparison, analysis, generalization and description. The author infers that there are mandatory signs of the objective side of crimes – public danger, causality and consequences of the analyzed crime. Due to the method of committing a crime, other optional signs of the objective side of the crime become uncertain, namely, the time, place and situation, which are blurred by the very nature of cryptocrimes. The construction of the objective side of the analyzed crime provides for responsibility for attracting funds or other property, which is not relevant for cryptocurrency today. According to the established practice, the timely withdrawal of the documentation of a financial pyramid, its black bookkeeping, is of particular importance; however, when using cryptocurrency, especially if it is created (generated) and listed by making anonymous transactions using information technology, it is impossible to draw an unambiguous conclusion about the illegal receipt of such investments. The author states that the listed crimes are completed from the moment of the beginning of criminal actions. Before making any changes to domestic legislation concerning the attribution of cryptocurrencies to one of the objects of civil rights, or the establishment of an independent legislative regime for cryptocurrencies, it would be logical to qualify the analyzed activity for illegal attraction of cryptocurrencies under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation as a general norm, or under Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation in the presence of proven intent to steal someone else's property. The author substantiates the conclusion that the presence of an estimated cryptocurrency expert examination in a criminal case is mandatory, since cryptocurrencies have a rather volatile, unsecured exchange rate. In addition, in cases where victims cannot document the damage caused to them, or provide evidence of their purchase of cryptocurrency and its transfer to a cryptocurrency pyramid scheme, the damage should be assessed based on the average value of the cryptocurrency for the entire period of the crime.

Keywords: cryptocurrency, digital currency, criminal liability for cryptocurrency financial pyramids, cryptocrime

© Долгиева М.М., 2022

For citation: Dolgieva, M.M. (2022) Issues of criminal liability for organizing activities to attract funds in cryptocurrency. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 247–251. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/26

Уголовное законодательство Российской Федерации содержит положения, регулирующие вопросы ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества, при которой выплата дохода и (или) предоставление иной выгоды лицам, чьи денежные средства и (или) иное имущество привлечены ранее, осуществляются за счет привлеченных денежных средств и (или) иного имущества иных физических и (или) юридических лиц при отсутствии инвестиционной и (или) иной законной предпринимательской или иной деятельности, связанной с использованием привлеченных денежных средств и (или) иного имущества в объеме, сопоставимом с объемом привлеченных денежных средств и (или) иного имущества (ст. 172.2 УК РФ).

Такое объемное диспозитивное изложение уголовно наказуемого деяния двумя словами сводится к ответственности за организацию различного рода финансовых пирамид и схем Понци, основная разница между которыми заключается в количестве выгодоприобретателей. В классической схеме Понци доход получается одним управляющим, в случае организации финансовой пирамиды – несколькими инвесторами непосредственно от новых инвесторов.

Основной целью включения данной нормы в уголовное законодательство России в 2016 г. являлось пресечение широкого распространения такого рода противоправной деятельности.

Вместе с тем основным критерием разграничения законной деятельности от незаконной является отсутствие признаков инвестиционной и иной предпринимательской деятельности, что в первую очередь свидетельствует о наличии или отсутствии умысла на совершение преступления.

Достаточно сложными для квалификации являются ситуации, связанные с организацией деятельности по привлечению криптовалюты, при которой не осуществляется законной предпринимательской деятельности, однако имеются признаки инвестиционной либо экономической.

Если при классических финансовых пирамидах необходимым условием привлечения к уголовной ответственности является наличие доказательств, свидетельствующих, что выплата доходов новым инвесторам осуществлялась за счет привлеченных денежных средств [1. С. 21], то в случае с криптовалютой получение таких доказательств многократно усложняется пониманием правовой природы криптовалюты и механизмов ее функционирования.

Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – закон о ЦФА), целью которого изначально являлось регулирование именно криптовалютных отношений, в итоговой редакции не содержит определения криптовалюты, а только подразумевает под таковой цифровые валюты (как более широкое значение). Собственно, как и самому обороту цифровой валюты в законе о ЦФА определена только одна норма (ст. 14). Она определяет лишь организацию ее выпуска, обращения и запрет на распространение информации о предложении и (или) приеме в качестве средства платежа.

Между тем из имеющегося законодательного определения цифровой валюты можно сделать вывод, что к таковой будет относиться любая информация в информационной системе. Какой-либо привязки к криптографии или криптовалютной технологии закон о ЦФА не содержит.

Законом о ЦФА достаточно полно регламентирован только выпуск и оборот токенов.

По российскому законодательству криптовалюта не является деньгами или валютой, также как не является и средством платежа или обмена, не относится к объектам гражданских прав, а представляет собой сгенерированный системой математический код, функционирующий на базе определенной децентрализованной сети.

Таким образом, когда речь заходит об организации деятельности по привлечению криптовалюты, то в уголовно-правовой охране инвестиций вкладчиков появляется слишком много вопросов.

Современная цифровая экономика, распространение криптовалют и других виртуальных активов являются благодатной средой для возникновения и существования финансовых пирамид, а отсутствие какого-либо законодательного регулирования криптовалютного оборота, делает такую деятельность еще и сложнодоказуемой.

Редакция ст. 172.2 УК РФ характеризуется организацией деятельности по привлечению денежных средств либо иного имущества, однако само привлечение в диспозиции состава преступления не упомянуто. То есть ответственность не может наступать непосредственно за осуществление такой деятельности [2. С. 29], что в свою очередь создает массу вопросов относительно субъекта данного преступления.

Инвестиционные ICO (первичное размещение токенов) являются устойчивой основой криптопреступности, поскольку организаторы таких схем, как правило, не выплачивают доходы первоначальным инвесторам, в отличие от обычных финансовых пирамид, и получают меньше криптовалюты от каждой отдельной жертвы, что не вызывает сильных подозрений на стартовом этапе.

Если для квалификации по ст. 172.2 УК РФ деятельность по привлечению денежных средств должна осуществляться, как правило, посредством создания коммерческой организации, то при привлечении криптовалюты уголовным законом таких требований не предусмотрено.

Да и в целом даже законная деятельность по привлечению криптовалюты не регулируется законодательством, равно как и не подлежит лицензированию.

Положения закона о ЦФА в части цифровой валюты распространяются на отдельные виды токенов – токены-акции и кредитные токены, а также на определенные виды стейблкоинов (криптовалют, обеспеченных другими активами, например золотом или нефтью). За пределами регулирования остаются токены и стейблкоины, не удостоверяющие права на какой-либо из объектов.

Кроме того, состав преступления, предусмотренного ст. 172.2 УК РФ, не определяет цели организации деятельности по привлечению денежных средств либо иного имущества, когда создание такой финансовой пирамиды заведомо не является средством обманного завладения имуществом. Это означает, что ее организаторы сами ошибочно рассчитывают на то, что пирамида может обогатить их, предлагая вкладчикам нечто вроде лотереи.

Примером такого вида деятельности по привлечению криптовалют является зарегистрированная в Казани компания Finiko, которая привлекала деньги клиентов и якобы передавала их «команде узконаправленных специалистов», вкладывавших эти средства в криптовалюты (URL: https://tjournal.ru/internet/ 413758-krah-finansovoy-piramidy-finiko-tysyachi-lyu-dey-vlozhili-milliony-v-shemu-kazanskogo-predprinima-telya-i-ostalis-bez-vyplat).

Компания предлагала четыре инвестиционные программы, по одной из которых принимала от тысячи долларов в биткоинах, обещая доход 20–30% в месяц, по второй – закрыть за десять месяцев «любую задолженность, кредит, ипотеку клиента» за 35% от суммы долга, перечисленной на счет компании в криптовалюте; в рамках третьей программы предлагала клиентам приобрести недвижимость или автомобиль за 35% от их стоимости и стать собственником через 120 дней после перевода денег; четвертая кэшбэк-программа предполагала, что клиент положит на счет от 100 до 5 000 долл. США и будет получать 6% прибыли в месяц либо от 15 до 25% от суммы любой покупки, если клиент прикреплял чеки в личном кабинете.

Для начала работы клиенты должны были купить за биткоин или токен Tether внутреннюю валюту компании – цифроны, курс которых определяла сама компания. Кроме того, чтобы активировать свой депозит, клиентам нужно было купить еще один внутренний продукт – индекс CTI стоимостью 1 000 тыс. долл. США.

1 декабря 2020 г. компания Finiko выпустила собственную криптовалюту FNK, которая появилась на криптовалютных биржах. Сначала покупка криптовалюты была добровольной, но в июне 2021 г. основатель компании объявил, что Finiko переходит на расчеты с пользователями только в FNK, а «цифроны» останутся единицей измерения внутри платформы.

После этого объявления стоимость криптовалюты FNK выросла в 9 раз. После скачка курса криптовалюты компания Finiko остановила выплаты клиентам.

В декабре 2020 г. в отношении организаторов криптовалютной финансовой пирамиды Finiko было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 172.2 УК РФ, однако это не остановило ее деятельность, которая осуществлялась вплоть до ареста одного из четырех ее организаторов (URL: https://www.kommersant.ru/doc/4603762). По версии следствия, у компании отсутствовала лицензия на привлечение денег клиентов и инвестирование их в фондовые рынки, криптовалюту и другие инструменты (осуществление деятельности форекс-дилера). Кроме того, компания не была зарегистрирована в государственных реестрах и налоговых органах.

Безусловно, поскольку данная компания подчиняется российской юрисдикции, то либо гражданско-правовыми, либо уголовно-правовыми нормами многомиллионный ущерб от ее деятельности может быть возмещен. Однако квалификация по ст. 172.2 УК РФ выглядит обоснованной лишь теоретически.

Так, Центральный банк России отметил, что у таких организаций, как Finiko, отсутствуют лицензии Банка России на осуществление деятельности по привлечению денежных средств либо иного имущества, при том, что криптовалютные инвестиции в принципе не предусмотрены в качестве какого-либо вида деятельности по российскому законодательству. Законом о ЦФА регламентирован только выпуск токенов, соответственно говорить об обязательном лицензировании деятельности по криптовалютному инвестированию в данном случае юридически некорректно.

Отсюда вытекают и уголовно-правовые проблемы привлечения к уголовной ответственности за организацию таких криптовалютных финансовых пирамид и инвестиционных скам-фондов.

Конструкция объективной стороны анализируемого преступления предусматривает ответственность за привлечение денежных средств либо иного имущества, коими на сегодняшний день криптовалюта не является. Кроме того, такая деятельность изначально должна иметь характер финансовой пирамиды [3. С. 429].

По сложившейся практике особую значимость приобретает своевременное изъятие документации финансовой пирамиды, ее «черной» бухгалтерии [4. С. 70], однако при использовании криптовалюты, особенно если она создана (сгенерирована) и перечислена путем совершения анонимных транзакций с использованием информационных технологий, сделать однозначный вывод о незаконном получении таких инвестиций невозможно.

С 2018 г. Центральным банком России выявлены десятки случаев создания финансовых криптопирамид, но несмотря на эти усилия в отношении их организаторов возбуждено только одно уголовное дело.

В ситуации, когда одно лицо передает другому неосязаемые цифровые коды – токены или криптовалюту в такой же форме, имущественные и денежные обязательства как предмет инвестиций не фигурируют, а весь оборот ведется в цифровом виде. Таким образом, с юридической точки зрения такая передача активов не свидетельствует о конкретном имущественном ущербе, несмотря на то, что необходимые признаки объективный стороны состава ст. 172.2 УК РФ выполняются организатором пирамиды в полном объеме.

Всё дело в том, что стоимость и курс криптовалюты или токенов признается определенным сообществом держателей криптовалют, но не признается го-сударством и его органами, в связи с чем без ясной юридически обоснованной квалификации действий, направленных на привлечение денежных средств или иного имущества, говорить о составе преступления органы предварительного следствия не будут по той лишь причине, что криптовалюты в настоящее время законодателем в качестве имущества не признаны. И применительно к составу ст. 172.2 УК РФ речь идет о привлечении денежных средств, но никак не криптовалюты.

Кроме того, при установлении объема поступивших средств в криптовалюте для квалификации преступления по ч. 1 или ч. 2 указанной статьи необходимо понимать, что размеры поступающих средств не отражают результаты финансово-хозяй-ственной деятельности. Соответственно, доказыванию будет подлежать реальный объем средств за весь период существования организации, что является весьма проблематичным, в том числе и потому, что стоимость токенов и криптовалюты официально не установлена, а в случае с компанией Finiko стоимость «цифронов» устанавливалась ими самостоятельно.

Собственно, вопросы определения стоимости криптовалют в целях установления размера причиненного ущерба давно вызывают горячие споры в теории права, в том числе и в целом возможность причинения такового ущерба в криптовалюте.

Вместе с тем нельзя отрицать того факта, что хищение криптовалюты причиняет вполне ощутимый реальный ущерб гражданам, поскольку криптовалюта и токены изначально приобретаются ими за фиатные деньги.

Складывается ситуация, когда уголовное законодательство не в состоянии обеспечить должной уголовно-правовой защиты объекта, который, с одной стороны, обладает всеми признаками имущества, а с другой, до сих пор таковым не признан, что уже не отвечает существующей действительности.

Исходя из анализа судебной практики по ст. 172.2 УК РФ субъекты данного преступления могут быть, как общими, так и специальными. Ими являются лица, осуществляющие управленческие функции в коммерческой организации, либо иные лица, обеспечивающие поступление денежных средств в организацию.

Ключевым словом в данном контексте является именно организация, которой в случае криптовалютных финансовых пирамид может официально физически и не существовать, в связи с чем требование о регистрации такой организации в государственных реестрах является не основанным на законе.

В целом при осуществлении деятельности по привлечению криптовалют и токенов с использованием информационно-коммуникационных сетей и криптовалютных технологий представляется обоснованным вывод о том, что предметом указанного преступления являются именно криптовалюты, а не денежные средства или иное имущество.

На наш взгляд, до внесения каких-либо изменений в отечественное законодательство, касающихся отнесения криптовалюты к одному из объектов гражданских прав либо установления самостоятельного законодательного режима криптовалют, было бы логичным квалифицировать анализируемую деятельность по незаконному привлечению криптовалют по ст. 159 УК РФ как по общей норме либо по ст. 159.6 УК РФ при наличии доказанного умысла на хищение чужого имущества.

Кроме того, анализируя санкции ст. 172.2 и 159 УК РФ, представляется не совсем справедливой позиция законодателя относительно установленного наказания за совершение таких преступлений в особо крупном размере. В частности, по ст. 172.2 УК РФ предусматривается максимальное наказание в виде лишения свободы на срок до 6 лет, в то время как за мошенничество по ч. 4 ст. 159 УК РФ наказание установлено до 10 лет лишения свободы.

Несмотря на то, что криптовалюта официально не является имуществом, в данных вопросах, на основании формирующейся судебной практики, следует считать, что криптовалюты и иные цифровые финансовые активы (токены), имеющие определенную стоимость, складывающуюся из денежных средств, затраченных на их приобретение, признаются предметом преступления в составах о хищениях, а также в качестве средств совершения преступлений против экономической деятельности.

Поскольку криптовалюты обладают имущественными (стоимостными) характеристиками, то и ущерб для квалификации преступления должен устанавливаться заключением оценочной экспертизы с учетом средств, затраченных на ее приобретение.

Наличие такой экспертизы в уголовном деле является обязательным, так как криптовалюты имеют достаточно волатильный, ничем не обеспеченный курс. Кроме того, в тех случаях, когда потерпевшие не могут документально подтвердить причиненный им ущерб либо представить доказательства приобретения ими криптовалюты и передачи ее в криптовалютную финансовую пирамиду, ущерб должен оцениваться исходя из средней стоимости криптовалюты за весь период совершения преступления.

Оценочная экспертиза позволит закрепить право потерпевших на заявление гражданского иска о возмещении имущественного ущерба в связи с совершенным в отношении их имущества преступлением.

В целом общая норма о мошенничестве не подразумевает законодательного установления детальных требований к объективной стороне преступления, связанного с организацией деятельности по привлечению криптовалюты, таких как наличие определенной организации, ведение предпринимательской деятельности, лицензии на осуществление соответствующих видов деятельности, а также отсутствие требований к субъекту преступления.

Список источников

1. Антонов В.Ф. Уголовная ответственность за организацию деятельности по привлечению денежных средств либо иного имущества: вопросы квалификации // Безопасность бизнеса. 2020. № 5. С. 21–25.
2. Аснис А.Я. Некоторые проблемы уголовной ответственности за организацию финансовых пирамид // Адвокат. 2016. № 11. С. 21–29.
3. Максуров А.А. К вопросу о юридической ответственности за использование криптовалюты при производстве расчетов // Вестник Омской юридической академии. 2018. № 4. С. 428–433.
4. Соловьев И. Уголовная ответственность за привлечение средств граждан в финансовые пирамиды // Налоговый вестник – Консультации. Разъяснения. Мнения. 2016. № 9. С. 69–73.

References

1. Antonov, V.F. (2020) Ugolovnaya otvetstvennost' za organizatsiyu deyatel'nosti po privlecheniyu denezhnykh sredstv libo inogo imushchestva: voprosy kvalifikatsii [Criminal liability for organizing activities to raise funds or other property: questions of qualification]. *Bezopasnost' biznesa.* 5. pp. 21–25.
2. Asnis, A.Ya. (2016) Nekotorye problemy ugolovnoy otvetstvennosti za organizatsiyu finansovykh piramid [Some problems of criminal liability for the organization of financial pyramids]. *Advokat*. 11. pp. 21–29.
3. Maksurov, A.A. (2018) K voprosu o yuridicheskoy otvetstvennosti za ispol'zovanie kriptovalyuty pri proizvodstve raschetov [On legal liability for the use of cryptocurrency in the production of settlements]. *Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii*. 4. pp. 428–433.
4. Solov'ev, I. (2016) Ugolovnaya otvetstvennost' za privlechenie sredstv grazhdan v finansovye piramidy [Criminal liability for raising citizens' funds in financial pyramids]. *Nalogovyy vestnik – Konsul'tatsii. Raz"yasneniya. Mneniya*. 9. pp. 69–73.

Информация об авторе:
Долгиева М.М. – канд. юрид. наук, прокурор отдела управления государственных обвинителей Главного уголовно-судебного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail novator111@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
M.M. Dolgieva, Cand. Sci. (Law), prosecutor, Prosecutor General's Office of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: novator111@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 25.01.2022;
одобрена после рецензирования 28.02.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 25.01.2022;
approved after reviewing 28.02.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Научная статья
УДК 343.9
doi: 10.17223/15617793/479/27

К вопросу о количественных и качественных показателях преступности несовершеннолетних в современной России

Елена Анатольевна Писаревская[1]

[1] *Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, liorev@mail.ru*

Аннотация. Анализируются криминологически значимые количественные и качественные показатели преступности несовершеннолетних в Российской Федерации в текущем столетии. Подвергается сомнению достоверность устойчивой статистической тенденции по снижению зарегистрированной преступности несовершеннолетних. Доказывается, что эта тенденция не может быть объяснена исключительно положительными факторами жизнедеятельности нашего государства. Проводится критический анализ и приводится обоснование этой позиции.

Ключевые слова: состояние преступности несовершеннолетних, структура и динамика преступности несовершеннолетних, несовершеннолетние, совершившие преступления

Для цитирования: Писаревская Е.А. К вопросу о количественных и качественных показателях преступности несовершеннолетних в современной России // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 252–257. doi: 10.17223/15617793/479/27

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/27

On quantitative and qualitative indicators of juvenile delinquency in modern Russia

Elena A. Pisarevskaia[1]

[1]*North-West Branch of the Russian State University of Justice, Saint Petersburg, Russian Federation, liorev@mail.ru*

Abstract. The article focuses on the problems of reliability of the reflection of data on registered juvenile delinquency in official statistical information in Russia. For this purpose, the author compares the available statistical information on juvenile delinquency and other statistical data regarding, in particular, some socioeconomic indicators of the life of the Russian state that affect the state of juvenile delinquency. The author notes that the recorded delinquency of minors in our state annually demonstrates a steady downward trend, although small exceptions are observed in some time periods. The author provides data on quantitative and qualitative indicators of juvenile delinquency from the beginning of the current century to the present and carries out their critical analysis. The author notes that it would seem, if this trend continues in a few years, we will be able to "eliminate" juvenile delinquency. Making a forecast by applying the method of extrapolating statistics leads us to this encouraging conclusion. However, this trend cannot be explained solely by such positive factors as an improvement in the standard of living in our state, a way out of the socioeconomic crisis, and an increase in the quality of work of law enforcement officers. The reason for this decline cannot also be solely the presence of a demographic crisis. The author analyzes some problematic factors that "conflict" with the indicated statistical trend. The first factor is an obvious significant increase in the latency of the analyzed type of crime, which is associated with an increase in the influence of Internet content on the life of minors. The latter, "leaving" the real world, go into the virtual world, in which they become latent criminals and victims of various crimes. The second factor is the lack of real socioeconomic and moral-cultural prerequisites for such a significant decrease in the recorded juvenile delinquency in recent years. The third is the predominance of mercenary crimes in the crime structure of juvenile crimes, the presence of an ideology of consumption in our society. The fourth is the presence of a significant number of minors who have committed particularly serious crimes, despite the tendency to reduce the total number of identified minors who have committed crimes. The fifth is the consistently high rate of recurrent juvenile delinquency recorded by many criminologists. The sixth is the expansion of the list of crimes established in Part 2 of Article 20 of the Criminal Code of the Russian Federation, for the commission of which criminal liability is possible from the age of 14. The author concludes that the determining factor that allows us to doubt the reliability of official statistical information is the obvious presence of a socioeconomic and spiritual base of juvenile delinquency and the impossibility of such a significant reduction in the current socioeconomic and moral-cultural conditions.

© Писаревская Е.А., 2022

Keywords: state of juvenile delinquency, structure and dynamics of juvenile delinquency, minors who committed crimes

For citation: Pisarevskaia, E.A. (2022) On quantitative and qualitative indicators of juvenile delinquency in modern Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 252–257. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/27

Зарегистрированная преступность несовершеннолетних в нашем государстве ежегодно демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению, хотя в отдельные временные периоды наблюдались и небольшие исключения. Так, анализ статистической информации показывает, что в начале текущего столетия – в 2000 г. было зарегистрировано 195 426 преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, в 2010 г. этот показатель составил уже 78 548 преступлений [1. С. 35].

Некоторое отступление от внешне обнадеживающей тенденции было зафиксировано в 2015 г., в котором было зарегистрировано 61 153 преступления этой категории, увеличение составило 3,2% (3,8% с учетом Крымского федерального округа) в сравнении с 2014 г., когда был отмечен показатель 59 240 преступлений [2]. Но это не изменило общую тенденцию снижения зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии. Она пришла к своему логическому завершению в 2021 г., в которым был зарегистрирован минимальный показатель рассматриваемого периода.

Так, распределение регистрации преступлений данной категории по годам показывает, что уже в 2016 г. было зарегистрировано только 53 726 (темп снижения составил –12,1% к 2015 г.), а в 2017 г. – 45 288 (–15,7% к 2016 г.) [3, 4], в 2018 г. – 43 553 (–3,8% к 2017 г.), в 2019 г. – 41 548 (–4,6% к 2018 г.), в 2020г. – 37 771 (–9,1% к 2019 г.), в 2021 г. – 31 865 (–15,6% к 2020 г.) [5–8].

Эта тенденция вполне укладывается в тенденцию снижения регистрации всех преступлений в Российской Федерации (в 2000 г. в России в целом было зарегистрировано 2 952 367 преступлений, в 2010 г. – 2 628 799, в 2020 г. – 2 044 221, в 2021 г. – 2 004 404) [1. С. 33; 7; 8], однако имеет особенность. Количество зарегистрированных преступлений несовершеннолетних в сравнении с количеством всех зарегистрированных в нашей стране преступлений снижалось гораздо быстрее и значительнее. Так, темп снижения всех зарегистрированных в нашей стране преступлений в 2021 г. в сравнении с 2000 г. составил –32,2% при достаточно значительных колебаниях регистрации в рамках периода. В качестве примера приведем показатель зарегистрированных преступлений в России в 2006 г., в этом году он составлял 3 855 373 преступления [1. С. 33]. При этом темп снижения преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, в 2021 г. по отношению к 2000 г. составил – 83,7%. Разница колоссальна.

На фоне снижения абсолютного показателя регистрации преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, снижался и удельный вес преступлений, совершенных данными лицами, в общем числе зарегистрированных преступлений. Так, если в 2000 г. он составлял 6,6%, то в 2010 г. – 5,5%, в 2020 г. – 3,7%, а в 2021 г. уже 3,1% [1. С. 35; 7; 8]. И если первое десятилетие текущего столетия не демонстрировало столь значительного снижения показателя, то второе десятилетие показывало большее уменьшение.

Всему вышесказанному соответствует «статистическая картина» «несовершеннолетних преступников» или лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте. Если в 2000 г. их было выявлено 177 851, а удельный вес в общем объеме выявленных лиц, совершивших преступлений, составил 10,2%, то в 2010 г. их было выявлено 70 955 при удельном весе 6,4%, в 2020 г. уже 33 575 (удельный вес 3,9%), в 2021 г. – 29 128 (удельный вес 3,4%) [1. С. 35; 7; 8]. Следовательно, темп снижения по выявленным лицам данной возрастной категории в 2021 г. по отношению к 2000 г. составил –83,7%, что вполне коррелирует с приведенными показателями о снижении регистрации преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии.

Обращение к судебной статистике подтверждает данную тенденцию. Если из года в год правоохранительными органами выявляется все меньше и меньше несовершеннолетних преступников, то судами осуждается и того меньше лиц рассматриваемой возрастной категории, ежегодно количество осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, в нашем государстве также сокращается. Так, если в 2021 г. было выявлено 29 128 лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, то осуждено судами в этот период было 14 855 лиц этой возрастной категории [9]. Не оспаривая тот факт, что определенный разрыв между этими показателями должен быть всегда, это свидетельствует об обоснованной экономии уголовной репрессии в отношении несовершеннолетних в государстве, разрыв между приведенными показателями выглядит значительным. Для сравнения: в 2015 г. судами было осуждено 22 816 лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, т.е. почти столько же, сколько было в целом выявлено правоохранительными органами в 2021 г. [10].

При этом «лидерами» среди преступлений, за которые осуждались лица, совершившие их в несовершеннолетнем возрасте, являлись преступления, включенные в гл. 21 «Преступления против собственности» УК РФ. Так, если в 2015 г. за совершение этих преступлений были осуждены 17 082 «несовершеннолетних преступника», то в 2021 г. – 11 483 [9, 10]. Соответственно, удельный вес осужденных за преступления данной категории в общем числе осужденных за преступления, совершенные в несовершеннолетнем

возрасте, составил в 2015 г. 74,8%, а в 2021 г. даже увеличился (77,3%).

Немного снизились показатели осуждения за преступления, предусмотренные гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» УК РФ. Если в 2015 г. за эти преступления были осуждены 2 862 «несовершеннолетних преступника» и их удельный вес составил 12,5% от всех осужденных за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте, то в 2021 г. абсолютный показатель составил 1 475, а удельный вес снизился до 9,9%.

Фактически не изменились показатели осуждения за преступления, предусмотренные гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья», 18 «Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности» и гл. 24 «Преступления против общественной безопасности» УК РФ. Так, если в 2015 г. за преступления, предусмотренные гл. 16, были осуждены 1 663 лица рассматриваемой возрастной категории, их удельный вес в общем количестве осужденных, совершивших преступления, в несовершеннолетнем возрасте составил 7,2%, то в 2021 г. при уменьшении абсолютного показателя до 940 удельный вес изменился незначительно и составил 6,3% [9, 10]. За преступления, предусмотренные гл. 18 УК РФ, в 2015 г. были осуждены 395 «несовершеннолетних преступников», их удельный вес составил 1,7%. При этом в 2021 г. при снижении аналогичного абсолютного показателя до 290 удельный вес даже увеличился и составил 1,9% [9, 10]. Удельный вес осужденных за преступления, предусмотренные гл. 24 УК РФ, вообще не изменился и составил 0,9%, при уменьшении абсолютного показателя с 217 осужденных в 2015 г. до 134 в 2021 г. [9, 10].

Совокупный удельный все осужденных за указанные преступления в 2015 г. составил 97,5%, а в 2021 г. –96,3%. Эти показатели убеждают нас в том, что несовершеннолетние «остались» несовершеннолетними и продолжают совершать характерные для них преступления. При этом возникает вопрос: почему же данные преступления снижаются в количественном выражении?

Полагаем, что достоверность тенденции по неуклонному снижению зарегистрированных количественных показателей преступности несовершеннолетних довольно сомнительна. На первый взгляд, кажется, что при продолжении этой тенденции через несколько лет мы будем способны «ликвидировать» преступность несовершеннолетних. Составление прогноза путем применения метода экстраполяции статистических данных приводит нас к этому обнадеживающему выводу. Однако эта тенденция не может быть объяснена исключительно такими положительными факторами, как улучшение уровня жизни в нашем государстве, выход из социально-экономического кризиса, повышением качества работы сотрудников правоохранительных органов [11].

Возможно, основополагающим фактором, объясняющим снижение зарегистрированной преступности несовершеннолетних, является общее сокращение численности несовершеннолетнего населения. Ведь численность населения в возрасте 0–15 лет на протяжении 18 лет с 1990 по 2008 г. сокращалась, в России наблюдалась так называемая демографическая яма и лишь в 2008 г. численность этой возрастной группы несколько увеличилась – на 44 тыс., или на 0,2% [12]. Численность населения в возрасте 0–15 лет за 2020 г. сократилась на 55 тыс. человек (0,2%) и составила к началу 2021 г. 27,4 млн человек, или 18,7% от общей численности населения [13]. Данные Федеральной службы государственной статистики также позволяют проследить изменения в численности возрастной группы несовершеннолетних, подлежащих уголовной ответственности, в период с 01 января 2009 г. по 01 января 2021 г. Так, численность данной возрастной группы по состоянию на 01.01.2009 г. составляла 6 415 057, а на 01.01.2021 г. – 5 991 580 [12, 13].

Таким образом, численность населения, способного нести уголовную ответственность в указанный период времени, сократилась всего на 6,7%. При отсутствии значительных изменений в социально-экономическом благополучии населения преступность несовершеннолетних не могла претерпеть столь значительные сокращения только из-за уменьшения численности возрастной группы, «воспроизводящей» будущих преступников, или незначительного сокращения населения, способного нести уголовную ответственность.

При этом коэффициент преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии (число преступлений на 100 тыс. населения в возрасте 14–17 лет), также неуклонно и последовательно сокращался. Так, в 2013 г. данный показатель составил 1 238,3, в 2015 г. – 1 158,1 [14. С. 53], в 2020 г. – 630,4 [13].

В связи с вышесказанным хотелось бы остановиться на некоторых проблемных факторах, наличие которых «вступает» в противоречие с обозначенной статистической тенденцией.

Первый – это очевидное значительное возрастание латентности анализируемого вида преступности, связанное с возрастанием влияния интернет-контента на жизнь несовершеннолетних, последние, «покидая» реальный мир, уходят в виртуальный, в котором становятся латентными преступниками и жертвами разнообразных преступлений.

Второй – отсутствие реальных социально-экономических и нравственно-культурных предпосылок для столь значительного снижения зарегистрированной преступности несовершеннолетних в последние годы. В частности, социально-экономические кризисы, вызванные разными причинами, носят «затяжной» характер. Приведем некоторые данные в подтверждение нашей позиции. Согласно официальным статистическим данным, в России сохраняется достаточно высокий уровень бедности. Так, в январе–сентябре 2021 г. численность населения с денежными доходами ниже границы бедности в целом по Российской Федерации составила 17,6 млн человек, или 12,1% от общей численности населения [15]. Число неполных семей в России в 2021 г. составило 6,2 млн [16]. А ведь бедные и неполные семьи, к сожалению, очень часто попадают в категорию неблагополучных

из-за объективной невозможности обеспечить контроль над детьми. Соответственно, мы не можем говорить о том, что «социальная база» преступности несовершеннолетних значительно уменьшилась.

Третий – обозначенная выше тенденция по сохранению свойственной для преступности несовершеннолетних структуры совершаемых преступлений, в том числе очевидно социально обусловленной, поскольку в структуре данного вида преступности преобладают преступления корыстной направленности, совершение которых связано не только с поверхностной возрастной мотивацией, но и с необходимостью получения определенных материальных благ преступным путем в условиях возрастающей социальной дифференциацией населения в современном обществе, которая особенно болезненно воспринимается в несовершеннолетнем возрасте. Согласимся с тем, что в нашем обществе сформировалась идеология потребления, которая создает духовную предпосылку для преступности, так как деформирует ценностную систему в структуре личности, выдвигая потребности материального характера на первый план, а также допуская установку на возможность их удовлетворения путем совершения преступления [17. С. 9].

Четвертый – наличие значительного количества несовершеннолетних, которые совершили особо тяжкие преступления, несмотря на тенденцию к сокращению общего количества выявляемых несовершеннолетних. Так, в 2010 г. количество предварительно расследованных особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, составило 2 551 преступление (максимальный показатель периода), в 2021 г. их количество снизилось на 27,9%, но тем не менее составило 1 841. Минимальное значение в рамках периода было зарегистрировано в 2016 г. и составило 1 632 преступления [18]. По нашему мнению, данный показатель демонстрирует волнообразную динамику и не показывает устойчивую тенденцию к снижению. Хотя следует признать, что по тяжким преступлениям статистика демонстрирует более устойчивую тенденцию к снижению. Так, в 2021 г. было расследовано 7 214 тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними, тогда как в 2012 г. было расследовано 12 817 преступлений [19], темп снижения составил –43,8%. Однако удельный вес предварительно расследованных тяжких преступлений лиц данного возрастной категории в общем числе подобных преступлений оставался значительным. Так, в 2021 г. удельный вес тяжких преступлений составил 4,6%, особо тяжких – 4,5%.

Пятый – фиксируемый многими криминологами стабильно высокий уровень рецидивной преступности несовершеннолетних [1. С. 4]. Это утверждение в настоящее время можно подтвердить данными судебной статистики, согласно которым, например, в 2015 г. судами в России было осуждено 4 067 лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, с неснятыми и непогашенными судимостями, их удельный вес от общего числа осужденных данной возрастной категории составил 17,8%; в 2021 г. аналогичный абсолютный показатель был равен 2 737, а удельный вес даже возрос и составил 18,4% [9, 10]. И это только данные официальной статистики!

При этом в анализируемый период времени отчетливо прослеживается тенденция по гуманизации назначаемых несовершеннолетним наказаний. Так, в 2021 г. из 14 855 лиц, осужденных за совершение преступлений в несовершеннолетнем возрасте, 5 786 лиц (38,9%) были условно осуждены к лишению свободы. На втором месте по распространенности было осуждение к обязательным работам – 2 614 лиц, или 17,5% от всех осужденных данной возрастной категории. К лишению свободы на определенный срок в 2021 г. были осуждены 2 412 «несовершеннолетних преступников», их удельный вес составил 16,2%, к штрафу – 1 490, их удельный вес составил 10,0% [9].

Таким образом, наиболее распространенными «вариантами» осуждения несовершеннолетних, не связанных с лишением свободы, в 2021 г. были условное осуждение к лишению свободы, осуждение к обязательным работам и штрафу. Совокупный удельный вес данных вариантов осуждения составил 66,4%. Кроме того, в 2021 г. 11,3% лиц, осужденных за совершение преступлений в несовершеннолетнем возрасте, были освобождены от наказания по приговору или наказание им не назначалось [9]. Сравнение относительных показателей осуждения лиц анализируемой возрастной категории 2021 г. с показателями 2015 г. позволяет говорить о том, что «лидирующие позиции» осуждения 2015 г. в 2021 г. были в целом сохранены с незначительными колебаниями. В 2021 г. удельный вес лиц анализируемой возрастной категории, осужденных условно к лишению свободы, несколько снизился до 38,9% против 41,4% в 2015 г., удельный вес осужденных к обязательным работам увеличился до 17,5% в 2021 г. против 16,7% в 2015 г., удельный вес осужденных к штрафу также увеличился до 10,0% в 2021 г. против 8,9% в 2015 г. [9, 10]. Кроме того, в 2021 г. немного – до 11,3% возрос удельный вес лиц, освобожденных от наказания по приговору или которым наказание не назначалось, тогда как в 2015 г. аналогичный показатель составлял 10,4%. При это в анализируемый период немного снизился удельный вес осужденных к лишению свободы, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, с 17,3% в 2015 г. до 16,2% в 2021 г. [9, 10].

Согласимся с тем, что это соответствует тренду уголовной политики нашего государства, которая направлена на сокращение практики применения лишения свободы несовершеннолетним [20. С. 306]. Однако это и вызывает вопросы, связанные, в том числе, с возможным повышением уровня искусственной латентности преступности несовершеннолетних. Ведь в условиях, когда дети совершают небольшие условные «шалости», можно предположить, что с точки зрения правоохранительных органов существует возможность кардинально сэкономить уголовную репрессию особенно в условиях ее возможной неэффективности.

Шестой – расширение перечня преступлений, установленных в ч. 2 ст. 20 УК РФ, за совершение которых возможна уголовная ответственность с 14-летнего возраста, что, казалось бы, должно повлечь

увеличение количества зарегистрированных преступлений несовершеннолетних определенной категории, однако этого в реальной действительности не произошло. Впрочем, этот фактор является довольно спорным, поскольку существуют вопросы относительно обоснованности снижения (установления) уголовной ответственности с 14-летнего возраста за преступления определенной категории.

Определяющим фактором, позволяющим усомниться в достоверности официальной статистической информации по делам данной категории, является очевидное наличие социально-экономической и духовной базы преступности несовершеннолетних и невозможность ее столь значительного сокращения в текущих социально-экономических и нравственно-культурных условиях. Наличие латентных преступлений способствует формированию у несовершеннолетних чувства безнаказанности и, несомненно, влияет на увеличение криминологического рецидива.

Список источников

1. Прозументов Л.М., Ольховик Н.В. Рецидивная преступность несовершеннолетних осужденных и ее предупреждение. Томск, 2011. 154 с.
2. Обзор о реализации в субъектах Российской Федерации мероприятий в сфере профилактики правонарушений в 2015 году. URL: https://мвд.рф/document/8109795 (дата обращения: 27.04.2022).
3. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2016 года. URL: https://мвд.рф/reports/1/ (дата обращения: 27.04.2022).
4. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2017 года. URL: https://мвд.рф/reports/1/ (дата обращения: 27.04.2022).
5. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2018 года. URL: https://мвд.рф/reports/1/ (дата обращения: 27.04.2022).
6. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года. URL: https://мвд.рф/reports/1/ (дата обращения: 27.04.2022).
7. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 года. URL: https://мвд.рф/reports/1/ (дата обращения: 27.04.2022).
8. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2021 года. URL: https://мвд.рф/reports/1/ (дата обращения: 27.04.2022).
9. Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, в 2021 году. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121 (дата обращения: 27.04.2022).
10. Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, в 2015 году. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=3418 (дата обращения: 27.04.2022).
11. Тенунаев А.С., Дубова М.Е. Новый взгляд на качественно-количественные показатели подростковой преступности в России // Юридические исследования. 2021. № 21. С. 44–63. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34667 (дата обращения: 27.04.2022).
12. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту 2009. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284 (дата обращения: 27.04.2022).
13. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 01 января 2021 года. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284 (дата обращения: 27.04.2022).
14. Преступность и правонарушения (2013–2017). Статистический сборник. Москва, 2018.
15. Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности в целом по Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/218_03-12-2021.htm (дата обращения: 27.04.2022).
16. Статистические данные на 2021 год. Неполные семьи. URL: https://kc-zakon.ru/postanovka-na-uchet/rosstat-nepolnye-semi-v-2021-godu#___2021 (дата обращения: 27.04.2022).
17. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Общесоциальные детерминанты преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1. С. 5–14.
18. Предварительно расследовано особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 20.04.2022).
19. Предварительно расследовано тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии. URL: http://crimestat.ru/offenses_table (дата обращения: 20.04.2022).
20. Прозументов Л.М., Ольховик Н.В., Карелин Д.В. Эффективность наказаний и иных мер, предусмотренных уголовным законом для несовершеннолетних, совершивших преступление // Всероссийский криминологический журнал. Т. 14, № 2. С. 305–312.

References

1. Prozumentov, L.M. & Ol'khovik, N.V. (2011) *Retsidivnaya prestupnost' nesovershennoletnikh osuzhdennykh i ee preduprezhdenie* [Recidivism in juvenile offenders and its prevention]. Tomsk.
2. RF Ministry of Internal Affairs. (2015) *Overview of the implementation of measures in the field of crime prevention in the constituent entities of the Russian Federation in 2015*. [Online] Available from: https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/8109795 (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
3. RF Ministry of Internal Affairs. (2016) *The state of crime in Russia in January–December 2016*. [Online] Available from: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/ (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
4. RF Ministry of Internal Affairs. (2017) *The state of crime in Russia in January–December 2017*. [Online] Available from: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/ (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
5. RF Ministry of Internal Affairs. (2018) *The state of crime in Russia in January–December 2018*. [Online] Available from: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/ (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
6. RF Ministry of Internal Affairs. (2019) *The state of crime in Russia in January–December 2019*. [Online] Available from: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/ (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
7. RF Ministry of Internal Affairs. (2020) *The state of crime in Russia in January–December 2020*. [Online] Available from: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/ (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
8. RF Ministry of Internal Affairs. (2021) *The state of crime in Russia in January–December 2021*. [Online] Available from: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/1/ (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
9. Cdep.ru. (2021) *Otchet ob osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya v nesovershennoletnem vozraste, v 2021 godu* [Report on convicts who committed crimes as minors in 2021]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6121 (Accessed: 27.04.2022).
10. Cdep.ru. (2015) *Otchet ob osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya v nesovershennoletnem vozraste, v 2015 godu* [Report on convicts who committed crimes as minors in 2015]. [Online] Available from: http://www.cdep.ru/ index.php?id=79&item=3418 (Accessed: 27.04.2022).
11. Tenunaev, A.S. & Dubova, M.E. (2021) Novyy vzglyad na kachestvenno-kolichestvennye pokazateli podrostkovoy prestupnosti v Rossii [A new look at the qualitative and quantitative indicators of juvenile delinquency in Russia]. *Yuridicheskie issledovaniya.* 21. pp. 44–63. [Online] Available from: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34667 (Accessed: 27.04.2022).
12. Rosstat. (2009) *Population of the Russian Federation by sex and age, 2009*. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284 (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).

13. Rosstat. (2021) *Population of the Russian Federation by sex and age, 01 January 2021*. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284 (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
14. Anon. (2018) *Prestupnost' i pravonarusheniya (2013–2017). Statisticheskiy sbornik* [Crime and offenses (2013–2017). Statistics]. Moscow.
15. Rosstat. (2021) *Population with cash incomes below the poverty line in the Russian Federation*. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/218_03-12-2021.htm (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
16. Rosstat. (2021) *Statistics for 2021. Incomplete families*. [Online] Available from: https://kc-zakon.ru/postanovka-na-uchet/rosstat-nepolnye-semi-v-2021-godu#___2021 (Accessed: 27.04.2022). (In Russian).
17. Prozumentov, L.M. & Shesler, A.V. (2018) Obshchesotsial'nye determinanty prestupnosti [General social determinants of crime]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal.* 12 (1). pp. 5–14.
18. Crimestat. (2022) *Predvaritel'no rassledovano osobo tyazhkikh prestupleniy, sovershennykh nesovershennoletnimi ili pri ikh souchastii* [Particularly serious crimes committed by minors or with their complicity have been preliminary investigated]. [Online] Available from: http://crimestat.ru/offenses_chart (Accessed: 20.04.2022).
19. Crimestat. (2022) *Predvaritel'no rassledovano tyazhkikh prestupleniy, sovershennykh nesovershennoletnimi ili pri ikh souchastii* [Serious crimes committed by minors or with their complicity have been preliminary investigated]. [Online] Available from: http://crimestat.ru/offenses_table (Accessed: 20.04.2022).
20. Prozumentov, L.M., Ol'khovik, N.V. & Karelin, D.V. (2020) Effektivnost' nakazaniy i inykh mer, predusmotrennykh ugolovnym zakonom dlya nesovershennoletnikh, sovershivshikh prestuplenie [The effectiveness of punishments and other measures provided by the criminal law for minors who have committed a crime]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal.* 14 (2). pp. 305–312.

Информация об авторе:
Писаревская Е.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: liorev@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
E.A. Pisarevskaia, Cand. Sci. (Law), associate professor, North-West Branch of the Russian State University of Justice (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: liorev@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 04.05.2022;
одобрена после рецензирования 17.05.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 04.05.2022;
approved after reviewing 17.05.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 258–272
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 2022. 479. pp. 258–272

Научная статья
УДК 342.9 + 347.4
doi: 10.17223/15617793/479/28

Частные медицинские организации: вопросы регистрации, лицензирования и гражданско-правового положения при оказании медицинской помощи и медицинских услуг

Ольга Владимировна Соколова[1], Екатерина Андреевна Абросимова[2]

[1, 2] Московский государственный институт международных отношений (университета) МИД России, Москва Россия
[1] sokolova.olga.mgimo@inbox.ru
[2] abrosimova_e_a@mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-2801-8686

Аннотация. Определены особенности статуса частной медицинской организации с административно-правовой и гражданско-правовой точек зрения. Поставлена цель выявить такие особенности, чтобы оценить их обоснованность и достаточность. Для этого были проанализированы нормативные положения, научные и публицистические материалы и примеры конкретных договоров. Отмечается, что текущее положение частных медицинских организаций неоднозначно и нуждается в реформировании.

Ключевые слова: частная медицинская организация, лицензирование медицинской деятельности, регистрация медицинской организации, оказание медицинской помощи частными медицинскими организациями, договор оказания медицинских услуг, права и обязанности частной медицинской организации

Для цитирования: Соколова О.В., Абросимова Е.А. Частные медицинские организации: вопросы регистрации, лицензирования и гражданско-правового положения при оказании медицинской помощи и медицинских услуг // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 258–272. doi: 10.17223/15617793/479/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/28

Special aspects of private medical entity status as to registration, licensing and medical services

Olga V. Sokolova[1], Ekaterina A. Abrosimova[2]

[1, 2] Moscow State University of International Relations, Moscow, Russian Federation
[1] sokolova.olga.mgimo@inbox.ru
[2] abrosimova_e_a@mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-2801-8686

Abstract. The article follows a classic structure: the reason why the issue is acute, overview of relevant scientific literature, methodology, theoretical and practical conclusions ranged as to the structure of the main part. The main part consists of two substructures regarding the aspects of administrative and civil law. Nevertheless, due to the fact that medical law embodies both public and private law aspects and public law influence is stronger (because the sphere of regulation is of high social importance), it is sometimes too hard to divide related aspects. The aim is to find the mentioned peculiarities and to evaluate them as to reasonability and sufficiency. To reach the aim, the authors have analyzed current laws, scientific and common articles, and examples of contracts. As a result, some ubiquitous conclusions have been reached. The legal basics are mostly the same for both public and private medical entities. Such concurrence is not fully reasoned as long as there is certain specificity in the private legal entity position and business. It is obviously understood by the legislator as far as we can judge by the legal project of law regulating private medical business. However, the attempt to enforce it was an epic fail, though there is an obvious necessity to have some special laws regarding private medical entities, especially to meet patients' expectations. As a case in point, not very representative though, we can say that there is one regulation to accept medical students for internship for public and private entities. In the aspects where we see some special rules for private medical entities, such as participation in state compulsory health insurance program, such special rules are sometimes arbitrary, putting private entities in a worse business position compared to public medical organisations. Nevertheless, some of such rules are designed to bring balance to the mentioned positions. For example, the introduction of self regulation and the existence of self-governing organisations with a strong lobby position and good possibilities can compensate the lack of state support. In part, peculiarities in the position of private medical entities are not introduced by the law, but naturally stem from everyday life. That is so when we look at the licensing procedures which are compensated by state support for public medical entities. Another natural difference lies in the fact that private medical entities are more often party to a medical service contract than a medical aid provider (speaking in the terms of legislation), the latter has more to do with public medical entities.

© Соколова О.В., Абросимова Е.А., 2022

Hence, any private medical entity has more party autonomy regarding contract terms. Nevertheless, legislation and court practice stand for tort liability for any bodily harm despite the contract, which is highly unfair. To sum up, we can conclude that the private medical entity position regulation looks like patchwork and needs more attention, reforming and a well-thought system.

Keywords: private medical entity, medical license, registration of medical entity, medical aid by private medical entity, medical services contract, rights and obligations of private medical entity

For citation: Sokolova, O.V. & Abrosimova, E.A. (2022) Special aspects of private medical entity status as to registration, licensing and medical services. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 258–272. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/28

Проблема и актуальность

За последние 10 лет в России выросло число частных медицинских организаций, увеличилась их доля в общем объеме оказываемых медицинских услуг и медицинской помощи, однако при этом частные медицинские организации продолжают подчиняться в полной мере положениям, регулирующим деятельность государственных медицинских организаций. «За период с 2010 по 2020 г. число негосударственных медицинских организаций выросло более чем в пять раз (36,6% от общего числа медицинских организаций)» [1. С. 5].

Законопроект о частной медицинской деятельности, разработанный в 2010 г. [2], сначала был признан недостаточно проработанным, а на текущий момент отклонен как устаревший и не соответствующий современному положению дел. Но при этом до некоторых видов медицинских манипуляций частные организации были допущены только в 2014 г. после соответствующих изменений [3]. Важно также определить, каким образом вписывается в существующую систему деятельность частных медицинских организаций в рамках борьбы с COVID-19, в которую они включились очень активно [1. С. 37]. Кроме того, отсутствует дифференцированный подход к частным медицинским организациям, существующим в качестве самостоятельных единиц, и организациям, относящимся к иным более крупным субъектам деятельности, например ПАО «РЖД».

При этом ряд профессионалов, занимающих высокие посты в системе здравоохранения, утверждают, что дифференциация в части регулирования деятельности частных и государственных медицинских организаций недопустима, поскольку конечного потребителя интересует «не форма собственности, а качество оказываемой помощи» [1. С. 14].

Тем временем в некоторых сферах медицинской деятельности частные организации значительно преобладают, например высокотехнологичная медицинская помощь и вспомогательные репродуктивные технологии.

Таким образом, вопрос, нуждающийся в разрешении, заключается в том, каковы особенности правового положения частной медицинской организации с административно-правовой и гражданско-правовой точек зрения и насколько наличие или отсутствие таких особенностей оправдано фактическим состоянием сферы оказания медицинской помощи и медицинских услуг.

Методы

При подготовке данного исследования использовались общенаучные и частнонаучные методы. Методы анализа и синтеза использовались при изучении отдельных положений различных нормативных актов и создании общей картины правового регулирования положения частной медицинской организации. Особенную сложность представлял тот факт, что единого статута в отношении частных медицинских организаций не существует, поэтому потребовалось применение метода аналогии для поиска источников, описывающих правовое положение выбранного субъекта и в тех случаях, когда субъект прямо не назывался или относился к ряду включенных в регулирование субъектов. Метод экономического анализа права использовался для оценки эффективности нормативно установленного порядка включения частных медицинских организаций в систему ОМС. Методы дедукции и индукции применялись при построении умозаключений относительно распространения общих положений о деятельности медицинских организаций на частные медицинские организации, а также относительно необходимости создания в ряде случаев отдельного регулирования. Метод компаративистики использовался при выявлении сходств и различий в регулировании правового положения частных и государственных медицинских организаций, а также при выявлении сходств и различий в их фактическом положении. Также с помощью данного метода сопоставлялись положения отдельных договоров оказания медицинских услуг. Кроме того, сравнение проводилось в части сопоставления имеющегося регулирования и проекта закона о частной медицинской деятельности, который так и не был принят.

Обзор литературы

Целый ряд отечественных авторов посвящали свои работы различным аспектам рассматриваемого вопроса. Здесь намеренно используется слово «автор», а не «ученый» или «юрист». Одной из особенностей данной сферы является то, что целый ряд работ написан врачами, менеджерами, работниками административного аппарата из медицинской сферы. Это делает написанное прикладным и инструктивным, но не всегда дает возможность проанализировать правовую сторону вопроса, а также ответить на поставленный в исследовании вопрос, потому что работы посвящены тому, «как», а не «почему», и редко содержат анализ ситуации. Кроме того, ранее авторам настоящего исследования не встречались работы, рассматривающие ситуацию и с административно-правовой, и с гражданско-правовой точек зрения.

В отношении работ, посвященных гражданско-правовой стороне вопроса, следует отметить такого автора, как М.Ю. Старчиков. Им написан целый ряд работ, касающихся правового положения медицинской организации в гражданско-правовом договоре [4–6]. В данных работах представлен достаточно комплексный анализ положения сторон договора оказания медицинских услуг: организации, пациента, врача. Однако не делается акцента на разграничении или необходимости разграничения положения частных и государственных медицинских организаций, который можно наблюдать в данной статье. В общем и целом, о договоре оказания медицинских услуг написано достаточно много, есть несколько защищенных диссертаций [7, 8]. Данные диссертации представляют собой очень качественные и подробные исследования, однако фокусируются больше на содержании договора, нежели на его сторонах в частности, на правовом положении частной медицинской организации как стороны такого договора.

Также хотелось бы отметить работу А.П. Кравцова [9]. Он рассматривает порядок и процедуру создания частного медицинского учреждения с самого начала и до запуска функционирующей организационной единицы. Работа достаточно подробно освещает процесс регистрации и лицензирования и содержит важные практические рекомендации, однако представленный в работе взгляд отражает позицию скорее менеджера-управленца, а не юриста.

В 2008 г. вышла статья Т.В. Кузнецовой, посвященная различным организационно-правовым формам осуществления медицинской деятельности [10]. Автор исследует наиболее популярные ОПФ, описывает их достоинства и недостатки. Работа достаточно детализирована, однако на текущий момент ее практическая ценность невелика, поскольку после ее написания прошла реформа юридических лиц, некоторые упомянутые в статье виды более не существуют, да и сама ситуация на рынке медицинских услуг кардинально изменилась за прошедшие с публикации 13 лет. Более актуальных исследований на данную тему обнаружить не удалось.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что отдельные затрагиваемые в данном исследовании аспекты рассматривались ранее в других работах, однако часть из них устарела, некоторые же в принципе не носят юридического характера. Не удалось обнаружить ни одного исследования, специально посвященного правовому положению частной медицинской организации. Кроме того, уникальность данной статьи заключается в том, что она написана двумя специалистами – по административному и по гражданскому праву, что придает ей особый комплексный характер.

Основная часть

Организационно-правовая форма, регистрация, наименование и саморегулирование. В данной части перед авторами стоит задача раскрыть понятие частной медицинской организации с точки зрения административно-правовых аспектов, в частности, требований к организационно-правовой форме и коммерческой деятельности. Для того чтобы отметить требования, применимые к организации, основанной на частной форме собственности, следует проанализировать приведенное в законодательстве определение медицинской организации: «…медицинская организация – юридическое лицо независимо от организационно-правовой формы, осуществляющее в качестве основного (уставного) вида деятельности медицинскую деятельность на основании лицензии, предоставленной в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о лицензировании отдельных видов деятельности [11]. Положения настоящего Федерального закона, регулирующие деятельность медицинских организаций, распространяются на иные юридические лица независимо от организационно-правовой формы, осуществляющие наряду с основной (уставной) деятельностью медицинскую деятельность, и применяются к таким организациям в части, касающейся медицинской деятельности <…> к медицинским организациям приравниваются индивидуальные предприниматели, осуществляющие медицинскую деятельность» (статья 7 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [12]).

В самом первом приближении, анализируя приведенное определение, можно сделать три вывода. Во-первых, закон, в отсутствие специальных указаний, не проводит различий между частными и государственными медицинскими организациями по большинству положений. Во-вторых, медицинскую деятельность могут осуществлять индивидуальные предприниматели. Здесь только следует заметить, что медицинская деятельность не может осуществляться самозанятыми лицами без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, вне зависимости от уровня профессиональной подготовки, поскольку для них недоступна деятельность, подлежащая лицензированию [11]. В-третьих, лицензия на осуществление медицинской деятельности не имеет «ограничительного» характера, т.е. допускается одновременное осуществление иной деятельности, наряду с медицинской. Здесь в качестве примера сразу вспоминается ПАО «РЖД», медицинская деятельность которого имела такое большое значение в борьбе с COVID-19 [1. С. 46–47].

Иностранные юридические лица также могут оказывать медицинские услуги на территории Российской Федерации. Например, это возможно в рамках участия в проекте международного медицинского кластера [13].

В качестве одного из требований для ведения медицинской деятельности установлено то, что частные медицинские организации должны подключиться к единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ). Такое требование установлено с принятием соответствующего Постановления Правительства [14]. В данном случае не проводится различие между частными и государственными организациями. Интеграция в единую информационную систему уравнивает в правах всех пациентов, так как в любой момент при обращении пациента к любому врачу на любом основании врачу будет доступна вся история болезни и результаты всех исследований. Это повышает эффективность ле-

чения. Частью этой системы являются Федеральный реестр медицинских организаций и Федеральный реестр медицинских работников, которые позволяют аккумулировать информацию о субъектах медицинской деятельности, стимулировать повышение квалификации и осуществлять контрольные функции. Причем включение в систему требуется до получения лицензии и необходимо для ее предоставления.

Саморегулирование для частных медицинских организаций является необязательным, но допустимым в рамках добровольного саморегулирования в соответствии со ст. 5 ФЗ О саморегулируемых организациях [15]. В 2011 г. в соответствии с законом была создана первая саморегулируемая организация для частных медицинских организаций НП «Объединение частных медицинских клиник и центров», в 2016 г. она была переименована в Национальную Ассоциацию медицинских организаций (НАМО) и под этим названием существует до сих пор. На момент создания организации в России частная медицина находилась на начале пути своего развития, ей была необходима поддержка и эффективное администрирование. Для защиты пациентов устанавливались стандарты профессиональной деятельности и субсидиарная ответственность НАМО, как и в любой сфере саморегулирования. При этом на протяжении всей истории своего существования данная организация демонстрирует устойчивый рост числа участников [16].

Может показаться, что на данный момент в саморегулировании в сфере частной медицины нет такой потребности, да и в целом саморегулирование было непопулярно[1]. Кроме того, в НАМО, несмотря на активную рекламную кампанию и подробное описание успехов, на конец 2020 г. насчитывалось всего 215 членов от общего числа в более чем 50 тыс. медицинских организаций [16]. При этом рассматриваемая организация не единственная в своём роде, кроме того, ее деятельность затрагивает не только участников, но и влияет на регулирование частной медицинской деятельности в целом. По словам руководства НАМО, «до сих пор на практике государственная политика в части специальных программ развития и государственной поддержки применяются только для государственной системы здравоохранения» [16]. Таким образом, можно сделать вывод о необходимости саморегулирования в сфере частной медицинской деятельности, что будет уравновешивать активную государственную поддержку и удобное регулирование для государственных клиник.

При самом внимательном анализе действующего законодательства и фактически внесенных в ЕРГЮЛ записей не удается обнаружить никаких специальных правил в отношении наименования юридического лица, оказывающего медицинские услуги. В отличие от банков [18. Ст. 7] и страховых организаций [19. Ст. 4.1 п.3], в отношении медицинских организаций даже не существует требования о включении в название какого-либо указания на род деятельности (мед, здрав, лечение, клиника). В государственных медицинских учреждениях такое указание присутствует в самой организационно-правовой форме, например ФГБУЗ – федеральное государственное учреждение здравоохранения, ГКБ – государственная клиническая больница. Из названия частных медицинских организаций род их деятельности часто не следует, что может вводить потребителя в заблуждение, хотя и способствует сохранению конфиденциальности в отношении самого факта обращения в медицинское учреждение, в случае если счет или чек из такой организации попадет в сторонние руки.

Сама процедура регистрации такого юридического лица, за исключением некоторых рассмотренных ранее обстоятельств, а также прохождения процедуры лицензирования, на которой мы остановимся далее, никакими особенностями, по сравнению с обычным порядком регистрации юридических лиц, не выделяется.

Вопросы лицензирования. Лицензирование в медицинской деятельности представляет собой элемент необходимого контроля со стороны государства. В этой сфере передача деятельности исключительно на саморегулирование представляется нецелесообразной в связи с повышенной социальной значимостью медицинской деятельности и высокой степенью опасности недостатков и ошибок в этой области. Аналогичной позиции придерживаются и суды при вынесении решений. Например, согласно Апелляционному определению судебной коллегии по гражданским делам Иркутского областного суда от 19 ноября 2015 г. по делу № 33-10888/2015, «учитывая, что осуществление медицинской деятельности без соответствующей лицензии приводит к нарушению прав граждан в сфере медицинской деятельности и создает опасность причинения им вреда в будущем, выводы суда о запрете такой деятельности являются правильными...» [20]. Таким образом, из данного суждения можно сделать вывод о том, что в случае заключения договора оказания медицинских услуг в отсутствие у частной медицинской организации соответствующей лицензии, такой договор будет признан ничтожным.

Полномочия по лицензированию медицинской деятельности осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения и территориальные органы Росздравнадзора по субъектам Российской Федерации [11, 12, 21–23]. Она же выпускает информационные письма, разъясняющие положения регулирования о лицензировании медицинской и фармацевтической деятельности. Также такие информационные письма содержат подробные разъяснения относительно уже состоявшихся нарушений, вызванных недостаточным пониманием существующего лицензионного регулирования [24].

Требования к получению лицензии и перечень подлежащих лицензированию видов деятельности подробно представлены в Постановлении Правительства [21]. В июне 2021 г. вышло новое Постановление, исправившее часть недостатков предшествующего регулирования.

Ранее существовала абсурдная ситуация, связанная с необходимостью получать лицензию/указывать в списке услуги, которые по факту являются сопутствующими и необходимыми для оказания основной деятельности, например стерилизация инструментов в

стоматологии [25], адаптация плана лечения при наличии диабета.

Целый ряд дел, проанализированных в материале, представленном на сайте НАМО [26], подтверждает как нелогичность такой ситуации, так и ригидность позиции Минздрава, игнорирующего требования ФАС по изменению подхода к фактически «принудительному лицензированию». Подход Верховного Суда, как и ФАС РФ, можно обозначить в целом так: нельзя принуждать к лицензированию или констатировать факт наличия нарушения, если оказываемые услуги предназначены не для третьих лиц, а по сути сопровождают оказание услуг по основному перечню лицензии, являясь необходимыми (например, сестринский уход за больными, организованный в учреждении, предполагающем стационарное лечение). На текущий момент проблема, по большей части, решена.

Новое Постановление Правительства о лицензировании, вступившее в силу с 1 сентября 2021 г. [21], исключило из перечня подлежащей лицензированию деятельности такие виды работ, практически полностью реализовав предложения по исключению, сделанные по итогам постановлений ФАС и рекомендаций НАМО. Также и отдельные постановления исключают требования о получении отдельных лицензий. Например, в приложении к приказу Минздрава России № 109н указано, что проведение рентгенологических исследований при оказании стоматологических услуг не требует наличия отдельной лицензии, соответствующие разъяснения содержатся в Информационном письме Росздравнадзора [27]. Единственный неисключенный вид деятельности – санитарно-гигиенические лабораторные исследования. Нельзя сказать, что его сохранение в списке необходимо и носит позитивный характер, так как сложность всё же полностью не устранена. Проведение таких исследований необходимо, например, для выявления причины заболевания (при отравлении веществами, содержащимися в окружающей среде). Таким образом, частным медицинским организациям всё же придется при получении лицензии указывать такой вид услуг/помощи в своём заявлении.

По итогам изменений оставшейся административной сложностью будет необходимость переоформления лицензий с целью исключения не подлежащих теперь лицензированию видов деятельности не позднее 1 сентября 2022 г. [27].

Требования к получению лицензии установлены п. 5 упомянутого Положения. Речь идет о наличии помещения, оборудования, компетентных кадров. Причем не содержится специальных указаний относительно количества таких подготовленных кадров, поскольку допускается ведение медицинской деятельности в форме индивидуальной предпринимательской деятельности, что фактически может представлять собой открытие врачебного кабинета с одним консультирующим специалистом. Здания и сооружения, а также аппаратура могут принадлежать юридическому лицу на любом законном основании, например находиться в аренде. Некоторые авторы пишут о больших затратах, связанных с необходимой подготовкой помещений, которые должны соответствовать санитарно-эпидемиологическим требованиям, указывая на то, что поиск и ремонт таких помещений являются одной из основных сложностей наряду с получением санитарно-эпидемиологического заключения [28]. Дополнительно для отдельных видов деятельности критерии для получения лицензии могут быть установлены специальными законами, касающимися донорства или трансплантации [29].

Квалификация кадров должна соответствовать Приказу Минздравсоцразвития [30]. Одной из отмечаемых в обсуждениях [31] сложностей после введения новых требований является установление повышенных нормативов наличия медицинского образования у руководителей частных медицинских организаций: «Высшее профессиональное образование по специальности “Лечебное дело”, “Педиатрия”, “Медико-профилактическое дело”, “Стоматология”, послевузовское профессиональное образование и/или дополнительное профессиональное образование, сертификат специалиста по специальности “Организация здравоохранения и общественное здоровье” или высшее профессиональное (экономическое, юридическое) образование и специальная подготовка по менеджменту в здравоохранении» [30. П. II]. Проблема заключается в том, что в частной медицинской организации управленческая должность предполагает наличие специальных знаний и навыков в области менеджмента и управления, нежели медицинского образования. С этим можно поспорить с учетом того, что на руководителя медицинской организации может быть возложена обязанность по принятию медицински значимых решений. Тем не менее такое существенное ужесточение требований может привести к существенному дефициту кандидатов и необходимости срочно искать замену текущему руководству, что приведет, как указано в тех же материалах, к массовому закрытию частных медицинских организаций.

Подводя итоги требованиям к лицензированию, можно указать на то, что, несмотря на видимую простоту и прозрачность установленных требований, при их детальном изучении обнаруживается множество сложностей, особенно отражающихся именно на частных медицинских организациях. Для государственных медицинских учреждений помещения выделяются государством, обладают заранее установленными характеристиками. Также более простым можно считать решение вопроса о назначении руководителя, поскольку он назначается соответствующим государственным органом, учреждающим клинику. При этом руководство государственным медицинским учреждением не предполагает решения такого количества финансовых вопросов. Таким образом, при получении лицензии на осуществление медицинской деятельности частные медицинские организации сталкиваются с большим числом сложных к соблюдению требований.

Особенности правового статуса при оказании медицинской помощи. В данной статье видится оптимальным разграничить правовой статус частных медицинских организаций при оказании медицинской помощи и медицинских услуг. Законодатель данные

понятия разграничивает, ставя себя, тем самым, на наш взгляд, в сложное положение. Еще в 2008 г. А.И. Муранов в публикации, посвященной последствиям для юристов вхождения России в ВТО, критиковал разделение понятий «услуги» и «помощь», говоря о том, что использование термина «юридическая помощь» ставит наших адвокатов в неконкурентоспособное положение по отношению к зарубежным юристам с точки зрения терминологии ВТО [32. С. 167–169, 177]. Термин «помощь» в целом не представляется удачным для включения в нормативные документы, если только это не связано с устойчивыми сочетаниями типа «правовая помощь», где это действительно предполагает содействие, основанное на известной степени добровольности. К медицинским манипуляциям, направленным на восстановление здоровья, безусловно, можно относить слово помощь в общелексическом значении[2], однако с позиции гражданского права и определения правового положения субъектов, особенно оказывающих такую помощь, разграничение действий по оказанию «помощи» и «услуг» создает ненужную путаницу.

Мы не зря так подробно останавливаемся в данной статье на разграничении этих понятий. Причина такого внимания в том, что, исходя из внимательного юрислингвистического анализа положений законодательства, государственные медицинские организации презюмируемо оказывают медицинскую помощь, а медицинские услуги только при наличии соответствующих законодательных предпосылок [33. П. 7–8]. Частные медицинские организации, напротив, оказывают медицинские услуги, а оказание медицинской помощи предполагается в части соблюдения общих требований о недопустимости отказа в оказании экстренной помощи и проведении экстренного вмешательства [33. П. 21; 34. Ст. 124], а также в случае включения в программу ОМС по отдельным видам медицинской помощи. Такой вывод не следует напрямую из определений «медицинской помощи» и «медицинской услуги», представленных в ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»[3].

Проведенное разграничение даёт нам основания полагать, что частные медицинские организации чаще оказываются в положении стороны по договору оказания платных медицинских услуг, и когда это происходит, положения медицинского законодательства сочетаются с требованиями ГК РФ, а при оказании медицинской помощи мы обращается к ГК РФ только для установления деликтной ответственности. При этом закон «О защите прав потребителей» применяется только при оказании медицинских услуг, что подтверждается позицией ВС РФ [35]. Последнее кажется несправедливым, поскольку создает разные стандарты защиты для разных категорий пациентов, однако не создает различий между положением частных и государственных медицинских организаций.

Таким образом, при анализе правового положения частных медицинских организаций при оказании медицинской помощи, помимо выявления применимых и неприменимых положений правового регулирования, наибольший интерес для нас представляют основания оказания частными медицинскими организациями медицинской помощи. Как уже указывалось ранее, таких оснований два – экстренный характер вмешательства и участие в программе ОМС. Последнее рассматривается далее более подробно, а применительно к экстренному вмешательству хочется лишь отметить парадоксальную ситуацию, при которой последовательно или одновременно совершаемые манипуляции могут подчиняться различным режимам. Так произойдет, если при обычном порядке оказания медицинской услуги возникнет необходимость устранения экстренной ситуации. Тогда на часть вмешательства, подчиняющуюся режиму услуги, будет распространяться законодательство о защите прав потребителей, а на совершаемое параллельно вмешательство, подчиняющееся режиму медицинской помощи – не будет.

Отдельного внимания заслуживают вопросы возможности для частных медицинских организаций оказывать высокотехнологичную медицинскую помощь. В соответствии с законом, «высокотехнологичная медицинская помощь, являющаяся частью специализированной медицинской помощи, включает в себя применение новых сложных и (или) уникальных методов лечения, а также ресурсоемких методов лечения с научно доказанной эффективностью, в том числе клеточных технологий, роботизированной техники, информационных технологий и методов генной инженерии, разработанных на основе достижений медицинской науки и смежных отраслей науки и техники» [11. Ст. 34]. Ранее оказание такой помощи, например ЭКО, было возможно только на базе государственных организаций, что обусловливалось необходимостью повышенного контроля со стороны государства. Оказание высокотехнологичной помощи при этом – довольно затратное мероприятие. Оборудование и работа специалистов стоят достаточно много, далеко не все государственные медицинские учреждения могли позволить себе установку оборудования и дополнительное обучение персонала. Это приводило к огромным очередям на получение помощи такого рода. На текущий момент запрет на проведение высокотехнологичных медицинских манипуляций частными медицинскими организациями снят. Однако стоимость оказания таких услуг в частных клиниках крайне высока. В результате пациенты стоят перед непростым выбором – заплатить большую сумму и быстро получить необходимое или получить бесплатно по ОМС, но после крайне длительного ожидания.

Для решения этой проблемы в 2019 г. было принято постановление, предполагающее порядок включения частных медицинских организаций в перечень организаций по оказанию высокотехнологичной помощи за счет средств ОМС [36]. Это было встречено с большим оптимизмом. Юристы, специализирующиеся на медицинской сфере, писали об этом как о большом достижении в юридико-публицистических статьях. «С точки зрения Министерства здравоохранения, подобные изменения – это путь к созданию конкурентной среды между медицинскими организациями, способ повысить качество медпомощи и ее доступность» [37]. Фактически, значительно увеличилось количество учреждений, тех-

нически полностью оснащенных, в которых стало возможно получение высокотехнологичной помощи бесплатно. Причем планировалось, что их число будет неуклонно расти [38]. Предполагалось, что оказание помощи «бесплатным» (за счет средств ОМС) пациентам не будет конкурировать с возможностью оказывать такую помощь на основании договора оказания платных медицинских услуг, это рассматривалось как дополнительное преимущество: «Частным клиникам выгодно присоединение к системе ОМС, поскольку такое сотрудничество обеспечивает стабильный приток пациентов и денежных средств» [37]. Но всё не так радужно, как кажется на первый взгляд. Оказание высокотехнологичной помощи на основании средств ОМС предполагает определенные расчеты, сделанные на уровне государственных органов, фактически – тарифы. Они варьируются в зависимости от региона, однако кардинально расходятся с себестоимостью оказания таких услуг частными медицинскими организациями. Приведём в пример уже упоминавшееся ЭКО. «Тариф, который существует в Москве, один из самых низких в России. Выделяемые 118 тыс. руб. покрывают только затраты на расходные материалы, препараты и труд специалистов. А в оказание любой услуги должна быть включена амортизация, необходимо докупать оборудование, совершать коммунальные платежи, включать плату за аренду, например, помещения, в котором находится клиника. Такой тариф для нас экономически непривлекателен», – говорит главный врач клиники Remedi, врач акушер-гинеколог, репродуктолог Елена Младова [39]. Всё это приводит к тому, что на текущий момент многие клиники Москвы и Санкт-Петербурга рассматривают необходимость выхода из программы ОМС, так как экономически это крайне необоснованно [39].

Как минимум так ситуация выглядит на текущий момент. Есть, однако, ряд обстоятельств, говорящих как в пользу необходимости участия частных медицинских организаций в программу ОМС, так и в пользу того, что их выход экономически оправдан. Следует отметить, что у населения в период COVID-19 существуют объективные опасения при обращении в государственные медицинские учреждение, поскольку наличие больших очередей, несмотря на специальные рекомендации о ведении ковидных больных амбулаторно на дому и выделение отдельных дней для приема таких больных в клиниках [40], порождает страх заражения, вполне обоснованный, с учетом низкого уровня сознательности граждан. В таком случае многие лица делают выбор пользу частных медицинских учреждений, где прием больных эффективно организуется в назначенное время и ведется работа по предотвращению скопления пациентов в коридорах. Таким образом, даже при выходе или отказе участвовать в программе ОМС иссякание потока клиентов частным клиникам не грозит. Однако объективно, как уже упоминалось выше, стоимость медицинских манипуляций в частной клинике достаточно высока, при этом экономические последствия пандемии COVID-19 для населения оказались весьма тяжелыми[4]. Вследствие этого может сложиться такая ситуация, при которой у населения просто не останется средств для оплаты лечения в частных медицинских учреждениях. Тогда участие в программе ОМС позволит сохранить некоторое количество пациентов и окупить полностью или частично себестоимость оказываемых услуг, в которую входит оплата труда медицинских работников. Это позволит сохранить кадры до момента выхода из кризиса. В текущей экономической ситуации отказ от государственного финансирования, даже с учетом его фактической недостаточности, представляется необоснованным.

Таким образом, законодатель может использовать текущий период для разработки экономических и правовых стимулов для сохранения участия частных медицинских организаций в программе ОМС после выхода из кризиса. Такие меры будет необходимы, а проверку их эффективности можно осуществить за счет правового эксперимента на территории наиболее дисбалансированных с этой точки зрения субъектов Федерации (из упомянутых, например, Москва и Санкт-Петербург).

При этом нет общего порядка включения частных медицинских организаций в систему ОМС, это касается только отдельных видов медицинской помощи. Например, появился пилотный проект № 189 ФЗ «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере». В этом проекте выделены конкретные виды помощи, оказываемые частными медицинскими организациями за счет бюджетных средств. Также с 2019 г. реализуется проект по вовлечению частных медицинских организаций в оказание помощи лицам старше 65 лет [43].

Можно задуматься о том, что при включении частных клиник в систему ОМС необходимо дополнительное финансовое стимулирование, чтобы покрывать хотя бы себестоимость услуги, предполагая, что доход извлекается в рамках основной части деятельности частной медицинской организации. Таким стимулированием могут стать дополнительные налоговые льготы в пределах суммы помощи, оказываемой по ОМС.

Причем на текущий момент недостаток определенного нормативно порядка включения частных медицинских организаций в систему ОМС по отдельным видам помощи довольно очевиден. Хотя с учетом сложной эпидемиологической ситуации, в которой мир находится уже довольно длительное время, становится понятно, по каким причинам не корректируются соответствующие положения – все силы медицины брошены на борьбу с пандемией, однако у юристов как раз есть возможность детально изучить текущее положение дел и предложить оптимальные пути устранения выявленных проблем.

При этом отрадно отметить, что ряд обсуждаемых актуальных проблем решается довольно оперативно. В уже упомянутом ранее докладе о современных проблемах деятельности частных медицинских организаций было отмечено, что вовлечение частных медицинских организаций в программу вакцинации населения от COVID-19 было оперативным и крайне важным, однако фактически противозаконным. Причиной этого было указание ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» на то, что в подпадающих

под действие этого закона мероприятиях могут участвовать только государственные организации. Но уже 2 июля 2021 г. в закон были внесены изменения, устанавливающие такую возможность для всех медицинских организаций, вне зависимости от ОПФ. В целом сегрегация в этой сфере не в полной мере оправдана. По справедливому замечанию Е.Е. Черняковой [1. С. 14], пациентов интересует не форма собственности организации, а качество оказываемой медицинской помощи, которое от такой формы, очевидно, не зависит.

Еще одна сложность связана с субъектами, которые участвуют в оказании медицинской помощи в государственных и частных медицинских организациях. Современное регулирование [44] не содержит запрета на привлечение частных медицинских организаций студентов, не завершивших обучение, на должности среднего и младшего медицинского персонала, а также для прохождения практики. Некоторые вузы заявляют о наличии соответствующих договоров с частными медицинскими организациями о приёме студентов для прохождения практики, например у СПбГУ целый ряд таких договоренностей был достигнут уже на период 2016/17 года [45]. Более того, в ряде специализаций, например в стоматологии, доля частных организаций на рынке намного больше, нежели государственных.

Однако, по нашему мнению, стоит взглянуть на эту ситуацию с точки зрения пациента. Обращаясь в частную клинику и оплачивая недешевые медицинские услуги, пациент рассчитывает, что на всех этапах получения медицинской помощи и оказания медицинских услуг таковые будут оказываться опытным персоналом. Привлечение к указанной деятельности студентов-медиков не оправдывает законных ожиданий пациентов. Можно было бы оценить предложение привлекать студентов только к тем манипуляциям, которые осуществляются в отношении лиц, обратившихся в частные медицинские организации бесплатно в рамках ОМС, на основании программы включения частных медицинских организаций в программу ОМС, о чем написано в соответствующем разделе данной статьи. Однако такая сегрегация представляется крайне несправедливой. Кроме того, в российском праве фактически отсутствует механизм защиты разумных ожиданий, таким образом, пациентам, недовольным фактом вовлеченности студентов в оказание медицинской помощи, не предоставляется возможности данный факт оспорить. Тем не менее представляется полезным опыт, например США, где медицинские учреждения, сотрудничающие с университетами, имеют официальный статус «Teaching Hospital» [46]. Таким образом, лица, обращающиеся в учреждение, относящееся к указанной категории, заранее осведомлены о том, что при прохождении лечения какую-то часть процедур может осуществлять студент под контролем дипломированного врача.

Возможно, в Российской Федерации было бы полезно включать информацию о привлечении студентов в договор оказания медицинских услуг и(или) в текст первичного информированного добровольного согласия. Данная рекомендация была бы эффективной, если бы в России существовал более высокий уровень правовой культуры в части чтения подлежащих подписанию документов. На текущий момент трудно сказать, какой способ донесения информации был бы подходящим. Одним из подходящих кажется набирающая оборот техника инфографики[5]. Это было бы полезно и с точки зрения информирования о факте привлечения студентов, да и в целом для информированного добровольного согласия.

Особенности статуса в договоре оказания медицинских услуг. Для определения статуса частных медицинских организаций в договоре оказания медицинских услуг необходимо дать определение такого договора. Легального определения договора оказания медицинских услуг в России нет. В связи с этим, а также существенной неопределенностью целого ряда понятий и обстоятельств в медицинском праве России, существует множество определений доктринальных, ни одно из которых не может характеризоваться как полное и исчерпывающее. Приведем для примера самое удачное, на наш взгляд, определение, данное в работе М.Н. Малеиной, согласно которому по договору об оказании возмездных медицинских услуг медицинская организация обязуется обеспечить гражданину квалифицированную медицинскую помощь, избрав для этого соответствующие методы врачевания и сохраняя медицинскую тайну, а гражданин имеет право требовать информацию о состоянии своего здоровья, лечении и последствиях, обязан следовать предписаниям медицинской организации и оплачивать медицинскую помощь [48]. Здесь видна характерная для российской медико-правовой действительности путаница между медицинскими услугами и медицинской помощью. Но, несмотря на давность данного определения, оно и на текущий момент остается одним из лучших. Применительно к теме настоящего исследования было бы также полезно отметить определение, которое было дано в проекте Федерального закона № 97802597-2 «О регулировании частной медицинской деятельности». Как уже отмечалось выше, проект так и не был принят, тем временем именно он позволил бы эффективно (в большей или меньшей степени) отграничить частные медицинские организации от государственных [2]. В Проекте определение дано следующим образом: «…по договору оказания медицинских услуг лицо, осуществляющее частную медицинскую деятельность, обязуется оказывать пациенту медицинские услуги, а пациент обязуется оплачивать эти услуги, если иное не предусмотрено законом».

Интересным является вопрос публичного характера договора оказания медицинских услуг. Формально, исходя из имеющегося регулирования, такой договор можно признать публичным и медицинские организации не вправе оказаться от его заключения. Однако в сфере медицинских отношений важную роль играет наличие показаний к проведению медицинской манипуляции. Признавая абсолютную публичность такого договора, мы придем к абсурдному выводу о том, что любое лицо, страдающее, например, психическим заболеванием, сможет обратиться для медицинского вмешательства для собственного удовольствия, если оно в со-

стоянии такое вмешательство оплатить. В государственных медицинских организациях ситуация обстоит несколько проще, нельзя получить процедуру без назначения врача. Тем более что там в большинстве случаев речь идет о медицинской помощи, т.е. вмешательстве необходимом и оплачиваемом за счет бюджетных средств. В частных же клиниках многие манипуляции представляют собой отдельные виды медицинских услуг, которые можно заказать, оплатить и получить. То есть контролируется расход государственного бюджета, а за собственные деньги можно получить что угодно, вне зависимости от наличия объективных причин. Таким образом, частным клиникам необходим четкий перечень оснований, по которым они могут отказаться от заключения договора оказания медицинских услуг. При этом следует согласиться с авторами, считающими, что надлежит считать договор оказания медицинских услуг «ограниченно публичным» [49].

Права и обязанности частных медицинских организаций по договору оказания медицинских услуг предполагают необходимость учета установленных законом прав и обязанностей медицинской организации. Статьи 78 и 79 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [11] в числе прав и обязанностей называют, например, обязанность сохранять медицинскую тайну и право выдавать медицинские рецепты и листки нетрудоспособности. Причем внимательный анализ положений ст. 78 позволяет сделать вывод о том, что это не столько права по договору, сколько права, отменяющие некоторые установленные законодательством запреты и ограничения, а также составлять официальные документы. А вот обязанности, закрепленные в ст. 79, стоит рассматривать как подразумеваемые положения договора.

Интересен вопрос о наличии у медицинской организации права в одностороннем порядке отказаться от договора оказания медицинских услуг. С одной стороны, право обеих сторон отказаться в одностороннем порядке от договора возмездного оказания услуг предусмотрено ГК РФ (ст. 782). При этом в законе сказано, что данные положения распространяются и на медицинские услуги. Но предоставление возможности медицинской организации в любой момент отказаться от исполнения договора будет нарушать права пациентов, в том числе право на жизнь и здоровье. Стоит отметить, что в зарубежных странах предусмотрен закрытый перечень оснований, по которым медицинская организация может отказаться от договора. Это звучит очень логично, но одним из таких оснований является исчерпание у пациента денежных средств, что представляется негуманным.

В общем и целом перечень прав и обязанностей медицинских организаций можно устанавливать непосредственно в договоре на основании принципа свободы договора. Основные ограничения следуют из приведенных выше статей закона. Легальной типовой формы такого договора не существует, однако, изучив предлагаемые медицинскими организациями образцы, можно сделать вывод о типичности ряда прав и обязанностей.

Не все договоры оказания медицинских услуг, предлагаемые частными медицинскими организациями в качестве публичной оферты, содержат такой раздел, как «права Исполнителя [медицинской организации]» [50, 51]. Отказ от данного раздела представляется нецелесообразным, так как он даёт пациенту и заказчику более четкое представление о потенциально возможных последствиях своих действий. В договорах, содержащих такой раздел, привлекает внимание детализация права на односторонний отказ от договора, которая иногда находится на грани установленных законом требований. В частности, есть стандартные положения, указывающие (фактически – разъясняющие пациенту), что медицинская организация имеет право на односторонний отказ от договора при несоблюдении пациентом предписаний врача и нарушении режима [52]. Это в полной мере соответствует предусмотренным в подзаконных актах основаниям для расторжения договора. И в том же приведённом образце присутствует такое интересное основание для расторжения, как грубое и некорректное поведение по отношению к сотрудникам медицинского учреждения. При общей логичности такого положения и одобряемому стремлении медицинского центра защитить свой персонал, такое основание находится на грани нарушения запрета отказывать в оказании медицинской помощи, о котором говорилось ранее. Тем более, что оказание медицинских услуг – довольно специфическая сфера, где пациент не всегда может себя контролировать в связи с болью и страданиями.

Ещё одним интересным положением, содержащимся в разделе «Предмет договора», однако по сути подразумевающим право частной медицинской организации отказаться от его заключения, является указание на то, что медицинские услуги/помощь оказываются «при наличии показаний» [53]. По сути это решает проблему необоснованного обращения за медицинским вмешательством, о которой говорилось выше.

В этом же договоре предусмотрено очень важное право исполнителя на получение от пациента достоверной информации о состоянии здоровья. Большой проблемой медицинских организаций является утаивание пациентом каких-то сведений о своих симптомах или своей медицинской истории по причине стеснения, вычитанной в интернете информации, недоверия к врачу, ощущения, что он знает лучше врача. Отчасти эта проблема решается за счёт создания единой информационной системы, но указание пациенту на обязанность предоставления информации, даже если фактически принудительное исполнение такой обязанности или возложение ответственности при ее неисполнений представляется сомнительным, наличие в законе такого положения дисциплинирует потребителя медицинских услуг.

Ещё одно сомнительное положение, встречающееся в таких договорах – безусловное право организации на замену врача [54]. Несмотря на то, что основания для замены, закреплённые в таких договорах, носят вполне объективный характер, замена врача подлежит согласованию с пациентом, так как закон в ка-

честве одного из важных прав пациента закрепляет право на выбор врача.

Что касается обязанностей, то в этом отношении можно сделать следующий вывод: частные медицинские организации редко берут на себя дополнительные обязанности за пределами типичных. Нередко раздел «Обязанности исполнителя» содержит повторение закреплённых в законе положений об обязанности хранить медицинскую тайну, оказывать услуги с соблюдением принципов этики и гуманизма, получать информированное добровольное согласие пациента. Наиболее типичными обязанностями стоит считать обязанность оказывать медицинские услуги в соответствии с современным уровнем развития науки и технологий, а также обязанность информировать пациента о ходе лечения, состоянии его здоровья, предоставлять необходимые выписки из медицинских карт и заключений.

Отдельное внимание следует уделить ответственности медицинской организации по договору оказания медицинских услуг. Основной особенностью ответственности медицинских организаций в договоре оказания медицинских услуг является то, что договорная и деликтная ответственность существуют в жесткой связке и переходят одна в другую. Вне зависимости от наличия договора и надлежащего или ненадлежащего его исполнения, если причинен вред здоровью лица, ответственность будет носить деликтный характер [55]. Некоторые авторы находят такое положение дел несправедливым, подчеркивая, что следует разграничивать причинение вреда здоровью в отсутствие договора и вследствие очевидного неисполнения или ненадлежащего исполнения договорных обязательств [6. С. 5]. При этом договорную ответственность медицинских организаций следует понимать как применение к медицинской организации неблагоприятных последствий имущественного характера, предусмотренных договором, при неисполнении или ненадлежащем исполнении последней обязанностей по договору оказания медицинских услуг [56].

Таким образом, если неисполнение или ненадлежащее исполнение договора привело к тому, что пациент не только понес убытки, но и получил вредное воздействие на организм, то это следует расценивать именно как нарушение договора. Особое значение это имеет в случаях, когда речь идет как раз о не необходимых медицинских манипуляциях или косметологии. Врач не всегда способен с достаточной степенью вероятности определить возможный результат. При этом все свои соображения он излагает при получении информированного добровольного согласия, что (в идеале) должно позволять пациенту сделать взвешенный выбор. В такой ситуации возлагать на врача повышенную ответственность или считать его совершившим деликт представляется, по меньшей мере, несправедливым. Можно заключить, что смещение баланса в сторону договорной ответственности является оптимальным, но при этом необходимо установить четкие запреты на ее ограничение и исключение. В первую очередь данная дифференциация затронет именно частные медицинские организации, поскольку именно они чаще оказываются с пациентами в положении контрагентов в договоре оказания медицинских услуг.

При этом некоторые авторы, в их числе М.Ю. Старчиков [6. С. 7–8], указывают на те случаи, при которых, даже в случае наличия договора, ответственность носит ярковыраженный деликтный характер. Один из этих случаев – ситуация, при которой пациент не дает информированного добровольного согласия на вмешательство. Все эти случаи перечислены в законе и не исключают наличия договора (особенно когда речь идет о несовершеннолетних пациентах). Мы бы предложили расширить данный перечень и указать все случаи, при которых пациент не является стороной договора. В том числе, например, когда работодатель заключает с частной медицинской организацией договор на медицинское обслуживание своих сотрудников.

Вторым случаем, довольно дискуссионным, предлагается считать использование источника повышенной опасности[6]. Дискуссионный характер вызван не тем, что причиненный источником повышенной опасности вред должен подразумевать деликтный характер ответственности, это бесспорно, причем такая ответственность является абсолютной. Спорным стоит считать квалификацию того или иного используемого врачом оборудования в качестве источника повышенной опасности. С учетом специфики медицинской деятельности как таковой, ее в целом можно охарактеризовать как деятельность, создающую опасность для окружающих, однако это звучит абсурдно. Кроме того, полезный эффект от такой деятельности в значительной степени превышает ее опасный характер. Как определить, какие именно используемые врачом инструменты являются источником повышенной опасности? Можно исходить из инвазивного характера вмешательства, однако в этом случае любой шприц будет считаться таким источником. Можно исходить из наличия сложного оборудования, однако аппарат УЗИ, хотя и представляет собой сложный прибор, вряд ли может считаться опасным. Исходя из этого можно предложить разработать комбинированные критерии или ступенчатый тест, позволяющий отнести медицинское оборудование к источник повышенной опасности, а наступающую в результате его вредоносного использования ответственность – к деликтной. Тем не менее на текущий момент ответственность любой, в том числе частной, медицинской организации по договору оказания медицинских услуг будет являться договорной только до тех пор, пока не предполагает причинение вреда здоровью.

Заключение

Основным выводом, который можно сделать по итогам проведенного исследования, является констатация того факта, что в Российской Федерации в большой части аспектов регулирование правового положения частных медицинских организаций не отличается от такового в отношении государственных медицинских учреждений. И из этого вывода существуют два следствия. Во-первых, если такие отличия наблюдаются, они часто ставят частную медицинскую организацию в менее удобное положение. Такова, например, ситуация с включением частных клиник в систему ОМС. Во-вторых, в некоторых случаях, где отличий не наблюдается, они должны присутствовать для создания большей определенности и

оправдания разумных ожиданий пациентов частных клиник. Для второго следствия мы снова приведем в пример включение в систему ОМС, однако не в части отсутствия общего порядка включения, а в части выделения одинаковых сумм для финансирования конкретных манипуляций для частных и государственных организаций. Следовало бы рассмотреть возможность учёта себестоимости оказания услуг частными медицинскими организациями для установления повышенных ставок при выделении финансирования по ОМС, поскольку отсутствие таких мер может привести к выходу частных клиник из программы (что уже происходит) и уменьшению количества единиц, способных оказать пациентам необходимую помощь. При этом авторы приходят к выводу, что введение таких мер не носит срочного характера и может быть апробировано на территории ряда субъектов Федерации с наибольшим дисбалансом между тарифами в рамках ОМС и себестоимостью услуг с помощью методики правового эксперимента.

С точки зрения создания единообразия и обеспечения прав потребителей было бы полезно определить перечень организационно-правовых форм, в которых могут создаваться частные медицинские организации, если они создаются не при каком-то существующем субъекте. Аналогично стоило бы рекомендовать установить требования к фирменному наименованию с тем, чтобы оно включало в себя указание на медицинскую деятельность.

Ещё одним выводом будет необходимость привлечения большого числа частных медицинских организаций в саморегулирование для целей балансирования недостаточно высокого уровня государственной поддержки и борьбы с недостатками регулирования. На текущий момент саморегулирование существует и активно развивается, однако наличие максимально межрегиональной организации обеспечит эффективное сотрудничество и фактическое лоббирование интересов частных медицинских организаций в законодательном процессе.

Получение лицензии для частной медицинской организации представляет собой на практике довольно сложный процесс ввиду предъявляемых несколько завышенных фактических требований. В связи с тем, что в отношении государственных организаций значительное содействие оказывается со стороны государства, положение частных и государственных организаций оказывается неравным. Возможным решением проблемы было бы обязательное участие или присутствие саморегулируемой организации при проведении проверок, необходимых для получения лицензии, как гаранта полноценного обеспечения прав претендента на получение лицензии.

Еще одним примером будет отсутствие дифференциации в возможности привлекать студентов-медиков для совершения медицинских манипуляций без необходимости специально уведомлять об этом пациентов частных клиник. Это приводит к тому, что ожидания пациентов при обращении в частные клиники в части того, что манипуляции будет производить опытный персонал, не оправдываются, а фактическая возможность защитить свои ожидания у пациентов в России отсутствует. Даже при условии отсутствия недостатков при оказании медицинских услуг, производимые неопытным лицом манипуляции могу предполагать, например, дополнительные болевые ощущения, что не является основанием для возмещения убытков, но может привести к отказу от посещения конкретного медицинского учреждения.

Применительно к взаимоотношениям частных медицинских организаций и пациентов несправедливой следует считать фактически сложившуюся ситуацию, при которой пациенты, обращающиеся в частную медицинскую организацию за медицинской помощью и для оказания медицинских услуг, находятся в неравном положении, так как с последним заключается договор, а права первых устанавливаются лишь законом.

Также полезным было бы составление одной или нескольких типовых форм договоров оказания медицинских услуг, приспособленных под нужды частных медицинских организаций. Проведённый анализ целого ряда договоров показал, что организации иногда пренебрегают важным разделом о своих правах, что часто носит необходимый информирующий характер для пациента, а также при установлении некоторых прав балансируют на грани нарушения законодательных требований.

Примечания

[1] О причинах непопулярности см., например, интервью с Т.Я. Хабриевой [17].

[2] Словарь С.И. Ожегова определяет помощь так: «ПОМОЩЬ, -и, ж. Содействие кому-н. в чем-н., участие в чем-н., приносящее облегчение». Он же определяет в этой словарной статье медицинскую помощь, не указывая, разумеется, на правовую составляющую вопроса, даже не отмечая, что такая помощь оказывается профессиональными лицами. «Медицинская помощь – лечебно-профилактические мероприятия, осуществляемые при болезнях, травмах, отравлениях, а также при родах. Помощь на дому – медицинская помощь больному в домашних условиях».

[3] См. п. 1 ст. 2 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [12]: «3) медицинская помощь – комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг; 4) медицинская услуга – медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, медицинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение».

[4] Более подробно см., например, Экономика и экономическая политика в условиях пандемии [41] и официальные данные Росстата [42].

[5] Инфографика – это графический способ подачи информации, данных и знаний. См., например: [47. С. 197].

[6] См. п. 18 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 [55]: «По смыслу статьи 1079 ГК РФ, источником повышенной опасности следует признать любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами».

Список источников

1. Роль негосударственных медицинских организаций в обеспечении доступности и качества медицинской помощи // Аналитический вестник. 2021. № 19 (779). URL: http://council.gov.ru/media/files/AEoVYtFccndoDpiQs1PqxlI1zMEaXvsw.pdf

2. Проект Федерального закона № 97802597-2 «О регулировании частной медицинской деятельности» (ред., внесенная в ГД ФС РФ текст по состоянию на 17.09.1997 г.) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=33400#WUnPapSAXuqrfFRk
3. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования» от 21.07.2014 № 256-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165899/
4. Старчиков М.Ю. Предупреждение конфликтных ситуаций между медицинскими организациями и пациентами: положения законодательства, практические рекомендации и типовые образцы документов. М. : Инфотропик Медиа, 2019.
5. Старчиков М.Ю. Гражданско-правовая ответственность медицинских организаций за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов при оказании медицинских услуг: теоретические положения и судебная практика. М. : Инфотропик Медиа, 2016.
6. Старчиков М.Ю. Основания освобождения медицинских организаций от гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный жизни (здоровью) пациентов при оказании медицинских услуг: теоретические положения и судебная практика. М. : Инфотропик Медиа, 2017.
7. Сироткина А.А. Договор оказания медицинских услуг: особенности правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 173 с.
8. Шаяхметова А.Р. Договор возмездного оказания медицинских услуг: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. 150 с.
9. Кравцов А.П. Создание клиники и управление на основе клиентского опыта. М. : Центр стратегических инициатив «Частное здравоохранение», 2021.
10. Кузнецова Т.В. Характеристики организационно-правовых форм медицинских организаций // Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». 2008 (7). № 3. URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/86/30/lang,ru/
11. Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/
12. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
13. Международный медицинский кластер: официальный сайт. URL: https://mimc.global/ru/
14. Постановление Правительства РФ от 05.05.2018 № 555 (ред. от 11.06.2021) «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297474/
15. Федеральный закон «О саморегулируемых организациях» от 01.12.2007 № 315-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/
16. Презентация Национальной ассоциации медицинских организаций (НАМО). URL: https://www.np-med.ru/benefits/490/
17. Сам себе регулятор: СРО защитят потребителей от недобросовестных производителей: Интервью с Т.Я. Хабриевой // Российская газета – Спецвыпуск № 235(6806). 19.10.2015. URL: https://rg.ru/2015/10/19/samoregulirovanie.html
18. Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/
19. Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» от 27.11.1992 № 4015-1 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/
20. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Иркутского областного суда от 19.11.2015 по делу № 33-10888/2015 // СудебныеРешения.рф: единая база данных решений судов общей юрисдикции Российской Федерации. URL: http://old.xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/7678878
21. Постановление Правительства РФ от 01.06.2021 № 852 «О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра “Сколково”) и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385633/
22. Приказ Росздравнадзора от 28.10.2020 № 9936 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения по предоставлению государственной услуги по лицензированию медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра “Сколково”)» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371852/
23. Приказ Росздравнадзора от 24.11.2020 № 10986 «Об утверждении форм документов, используемых Федеральной службой по надзору в сфере здравоохранения в процессе лицензирования медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра “Сколково”)» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372375/
24. Информационное письмо от 10.09.2019 № 01И-2204/19 // Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор). URL: https://roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2019/9/10/1568122435.45705-1-8945.pdf
25. Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 08.08.2016 по делу № А73-9555/2016.
26. Во исполнение решения ФАС Минздрав установил требования к услугам по организации здравоохранения и медицинской статистике // Национальная ассоциация медицинских организаций (НАМО). URL: https://www.np-med.ru/news/1442/1352/
27. Информационное письмо от 26.03.2021 № 03И-374/21 // Федеральная служба по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор). URL: https://roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2021/3/26/1616760736.44269-1-134057.pdf
28. Гликштейн Д. Медицинская лицензия // Портал Клерк.Медиа. URL: https://www.klerk.ru/boss/articles/439503/
29. Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22.12.1992 № 4180-1 // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4692/
30. Приказ Минздравсоцразвития России от 23.07.2010 № 541н (ред. от 09.04.2018) «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104261/
31. Осипов А. Клиники сдают дипломы // Коммерсантъ. № 59. 06.04.2021. С. 7.
32. Муранов А.И. Последствия вступления России в ВТО для российских адвокатов // Закон. 2008. № 1. С. 165–183. URL: https://mgimo.ru/files2/y04_2013/210399/app_2_reading.pdf
33. Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136209/
34. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
35. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15.07.2019 № 44-КГ19-7 // Legal Acts: Законы, кодексы, нормативные и судебные акты. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-15072019-n-44-kg19-7/

36. Постановление Правительства РФ от 29 января 2019 г. № 56 «Об утверждении Правил финансового обеспечения высокотехнологичной медицинской помощи, не включенной в базовую программу обязательного медицинского страхования, оказываемой гражданам Российской Федерации медицинскими организациями частной системы здравоохранения» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317338/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/
37. Гриценко И. Частные клиники начнут оказывать высокотехнологичную помощь бесплатно // АГ-ЭКСПЕРТ: Спецпроект «Адвокатской газеты». 18 марта 2019. URL: https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/chastnye-kliniki-nachnut-okazyvat-vysokotekhnologichnuyu-pomoshch-besplatno/
38. Пост-релиз: Медицинский бизнес 2019 – Ежегодная конференция // Электронное периодическое издание «Ведомости». URL: https://events.vedomosti.ru/events/spb_medbusiness2019/pages/spb_post%20reliz
39. Героева А. «Работать непросто, а оставить жаль» // Газета «Коммерсантъ» – Здравоохранение. Приложение № 74. 27.04.2021. С. 6. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4780837
40. Методические рекомендации, алгоритмы действия медицинских работников на различных этапах оказания помощи, чек-листы и типовые документы, разработанные на период наличия и угрозы дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции в Санкт-Петербурге / Межведомственная медицинская рабочая группа при Межведомственном городском координационном совете по противодействию распространения в Санкт-Петербурге новой коронавирусной инфекции (COVID-19). СПб., 2020. URL: http://zdrav.spb.ru/media/filebrowser/brochure_covid-19_24.04_сокр.pdf
41. Экономика и экономическая политика в условиях пандемии / под ред. А.Л. Кудрина. М. : Изд-во Института Гайдара, 2021. 344 с.
42. Официальная статистика: Уровень жизни // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13397
43. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2019 г. № 1915 «О реализации в субъектах Российской Федерации пилотного проекта по вовлечению частных медицинских организаций в оказание медико-социальных услуг лицам в возрасте 65 лет и старше, являющимся гражданами Российской Федерации, в том числе проживающим в сельской местности» // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/73364777/
44. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 27 июня 2016 г. № 419н «Об утверждении Порядка допуска лиц, не завершивших освоение образовательных программ высшего медицинского или высшего фармацевтического образования, а также лиц с высшим медицинским или высшим фармацевтическим образованием к осуществлению медицинской деятельности или фармацевтической деятельности на должностях среднего медицинского или среднего фармацевтического персонала» // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/71454164/
45. Перезагрузка: Практики для будущих врачей: прошлое и настоящее // Санкт-Петербургский государственный университет. 10 августа 2017. URL: https://spbu.ru/news-events/perezagruzka/praktiki-dlya-budushchih-vrachey-proshloe-i-nastoyashchee
46. Burbridge C.E. The Historical Background of the Teaching Hospital in the United States // Journal Of The National Medical Association. 1957. Vol. 49. № 3. 176–179. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2641043/pdf/jnma00715-0040.pdf
47. Tufte E.R. The Visual Display of Quantitative Information. 2nd ed. Graphics Press, 1983.
48. Малеина М.Н. Человек и медицина в современном праве : учебное и практическое пособие. М. : Изд-во БЕК, 1995. 272 с.
49. Болотина М.В. Гражданско-правовое регулирование прав потребителей при оказании медицинских услуг : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 198 с.
50. Договор публичной оферты на оказание платных медицинских услуг // Медицинская организация Общества с ограниченной ответственностью «МайяК». URL: https://mayak.co/assets/files/public_offer.pdf
51. Образец договора платных медицинских услуг // ООО «МСЧ Ванадий». https://www.msch.vanadiy.com/obr_dogovor.html
52. Образец договора на оказание платных медицинских услуг // ООО «НИКА СПРИНГ ЦЕНТР». URL: https://nika-nn.ru/documents/agreements/Dogovor-nika-spring-centr-sentyabr-2018.PDF
53. Договор оказания платных медицинских услуг (форма) // Общество с ограниченной ответственностью «Антониус Медвизион Калуга – Скорая помощь». URL: http://www.amvk40.ru/informaciya-dlya-pacientov/dogovor-okazaniya-platnyx-medicinskix-uslug-forma/
54. Договор на оказание медицинских услуг // Общество с ограниченной ответственностью «МОСТ-ФАРМ». URL: https://medluks.ru/page/contract
55. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/
56. Цыганова О.А., Мартынов Е.А., Ившин И.В. Гражданско-правовая ответственность медицинских работников за причинение вреда здоровью пациентов при осуществлении профессиональной деятельности : учеб. пособие / под ред. Т.Г. Светличной. Архангельск : Изд-во Северного гос. мед. ун-та, 2009.

References

1. *Analiticheskiy vestnik.* (2021) Rol' negosudarstvennykh meditsinskikh organizatsiy v obespechenii dostupnosti i kachestva meditsinskoy pomoshchi [The role of non-governmental medical organizations in ensuring the availability and quality of medical care]. 19 (779). [Online] Available from: http://council.gov.ru/media/files/AEoVYtFccndoDpiQs1PqxlI1zMEaXvsw.pdf
2. Consultant Plus. (1997) *Draft Federal Law No. 97802597-2 "On the Regulation of Private Medical Activities" (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation as of September 17, 1997).* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base= PRJ&n=33400#WUnPapSAXuqrfFRk (In Russian).
3. Consultant Plus. (2014) *Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issues of Independent Assessment of the Quality of Services Provided by Organizations in the Field of Culture, Social Services, Health Protection and Education" of July 21, 2014, No. 256-FZ.* [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165899/ (In Russian).
4. Starchikov, M.Yu. (2019) *Preduprezhdenie konfliktnykh situatsiy mezhdu meditsinskimi organizatsiyami i patsientami: polozheniya zakonodatel'stva, prakticheskie rekomendatsii i tipovye obraztsy dokumentov* [Prevention of conflict situations between medical organizations and patients: legal provisions, practical recommendations and standard documents]. Moscow: Infotropik Media.
5. Starchikov, M.Yu. (2016) *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' meditsinskikh organizatsiy za vred, prichinennyy zhizni (zdorov'yu) patsientov pri okazanii meditsinskikh uslug: teoreticheskie polozheniya i sudebnaya praktika* [Civil liability of medical organizations for harm caused to the life (health) of patients in the provision of medical services: theoretical provisions and judicial practice]. Moscow: Infotropik Media.
6. Starchikov, M.Yu. (2017) *Osnovaniya osvobozhdeniya meditsinskikh organizatsiy ot grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti za vred, prichinennyy zhizni (zdorov'yu) patsientov pri okazanii meditsinskikh uslug: teoreticheskie polozheniya i sudebnaya praktika* [Grounds for the release of medical organizations from civil liability for harm caused to the life (health) of patients in the provision of medical services: theoretical provisions and judicial practice]. Moscow: Infotropik Media.
7. Sirotkina, A.A. (2001) *Dogovor okazaniya meditsinskikh uslug: osobennosti pravovogo regulirovaniya* [The contract for the provision of medical services: features of legal regulation]. Law Cand. Diss. Moscow.
8. Shayakhmetova, A.R. (2012) *Dogovor vozmezdnogo okazaniya meditsinskikh uslug: problemy teorii i praktiki* [The contract for the provision of medical services for a fee: problems of theory and practice]. Law Cand. Diss. Yekaterinburg.
9. Kravtsov, A.P. (2021) *Sozdanie kliniki i upravlenie na osnove klientskogo opyta* [Clinic creation and management based on client experience]. Moscow: Tsentr strategicheskikh initsiativ "Chastnoe zdravookhranenie".

10. Kuznetsova, T.V. (2008) Kharakteristiki organizatsionno-pravovykh form meditsinskikh organizatsiy [Characteristics of organizational and legal forms of medical organizations]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya.* 7 (3). [Online] Available from: http://vestnik.mednet.ru/content/view/86/30/lang,ru/
11. Consultant Plus. (2011) *Federal Law "On Licensing Certain Types of Activities" of 04.05.2011 No. 99-FZ*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/ (In Russian).
12. Consultant Plus. (2011) *Federal Law "On the fundamentals of protecting the health of citizens in the Russian Federation" of November 21, 2011, No. 323-FZ*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (In Russian).
13. *Mezhdunarodnyy meditsinskiy klaster: ofitsial'nyy sayt* [International medical cluster: official site]. [Online] Available from: https://mimc.global/ru/
14. Consultant Plus. (2018) *Decree of the Government of the Russian Federation of 05 May 2018 No. 555 (as amended on 11 June 2021) "On a unified state information system in the field of healthcare"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297474/ (In Russian).
15. Consultant Plus. (2007) *Federal Law "On Self-Regulatory Organizations" of December 1, 2007, No. 315-FZ*. [Online] Available from: http://www.con-sultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/ (In Russian).
16. NaMO. (n.d.) *Prezentatsiya Natsional'noy assotsiatsii meditsinskikh organizatsiy (NAMO)* [Presentation of the National Association of Medical Organizations (NAMO)]. [Online] Available from: https://www.np-med.ru/benefits/490/
17. *Rossiyskaya gazeta.* (2015) Sam sebe regulyator: SRO zashchityat potrebiteley ot nedobrosovestnykh proizvoditeley: Interv'yu s T.Ya. Khabriev-oy [Regulator for itself: SROs will protect consumers from unscrupulous producers: Interview with T.Ya. Khabriyeva]. Special Issue. 235 (6806). 19 October. [Online] Available from: https://rg.ru/2015/10/19/samoregulirovanie.html
18. Consultant Plus. (1990) *Federal Law "On Banks and Banking Activities" of 02.12.1990 No. 395-1*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (In Russian).
19. Consultant Plus. (1992) *Law of the Russian Federation "On the organization of insurance business in the Russian Federation" of November 27, 1992, No. 4015-1*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307/ (In Russian).
20. SudebnyeResheniya.rf. (2015) *Appeal decision of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Irkutsk Regional Court of November 19, 2015, in case No. 33-10888/2015*. [Online] Available from: http://old.xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/bsr/case/7678878 (In Russian).
21. Consultant Plus. (2021) *Decree of the Government of the Russian Federation of June 1, 2021, No. 852 "On licensing medical activities (with the exception of the specified activities carried out by medical organizations and other organizations that are part of the private healthcare system on the territory of the Skolkovo Innovation Center") and the invalidation of certain acts of the Government of the Russian Federation*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385633/ (In Russian).
22. Consultant Plus. (2020) *Order of Roszdravnadzor No. 9936 of October 28, 2020, "On Approval of the Administrative Regulations of the Federal Service for Surveillance in the Sphere of Health Care on the Provision of State Services for Licensing Medical Activities (with the exception of the specified activities carried out by medical organizations and other organizations that are part of the private healthcare system, on territories and Innovation Center Skolkovo)"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371852/ (In Russian).
23. Consultant Plus. (2020) *Order of Roszdravnadzor of November 24, 2020, No. 10986 "On approval of the forms of documents used by the Federal Service for Surveillance in Healthcare in the process of licensing medical activities (with the exception of the specified activities carried out by medical organizations and other organizations that are part of the private healthcare system, in the territory Innovation Center Skolkovo)"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372375/ (In Russian).
24. Roszdravnadzor. (2019) *Information letter of September 10, 2019, No. 01I-2204/19*. [Online] Available from: https://roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2019/9/10/1568122435.45705-1-8945.pdf (In Russian).
25. *Decision of the Arbitration Court of Khabarovsk Krai of 08.08.2016 in case No. A73-9555/2016*. (In Russian).
26. NAMO. (n.d.) *In pursuance of the FAS decision, the Ministry of Health has established requirements for healthcare organization services and medical statistics*. [Online] Available from: https://www.np-med.ru/news/1442/1352/ (In Russian).
27. Roszdravnadzor. (2021) *Information letter of March 26, 2021, No. 03I-374/21*. [Online] Available from: https://roszdravnadzor.gov.ru/i/upload/images/2021/3/26/1616760736.44269-1-134057.pdf (In Russian).
28. Glikshteyn, D. (n.d.) *Meditsinskaya litsenziya* [Medical license]. [Online] Available from: https://www.klerk.ru/boss/articles/439503/
29. Consultant Plus. (1992) *Law of the Russian Federation "On transplantation of human organs and (or) tissues" of December 22, 1992. No. 4180-1*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4692/ (In Russian).
30. Consultant Plus. (2018) *Order of the Ministry of Health and Social Development of Russia of July 23, 2010, No. 541n (as amended on April 9, 2018): On approval of the Unified Qualification Handbook for the positions of managers, specialists and employees, section "Qualification characteristics of positions of workers in the healthcare sector"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104261/ (In Russian).
31. Osipov, A. (2021) Kliniki sdayut diplomy [Clinics pass diplomas]. *Kommersant"*. 59. 06 April. p. 7.
32. Muranov, A.I. (2008) Posledstviya vstupleniya Rossii v VTO dlya rossiyskikh advokatov [Consequences of Russia's accession to the WTO for Russian lawyers] *Zakon.* 1. pp. 165–183. [Online] Available from: https://mgimo.ru/files2/y04_2013/210399/app_2_reading.pdf
33. Consultant Plus. (2012) *Decree of the Government of the Russian Federation of 04.10.2012 No. 1006 "On approval of the Rules for the provision of paid medical services by medical organizations"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_136209/ (In Russian).
34. Consultant Plus. (2021) *Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on July 01, 2021)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (In Russian).
35. Legal Acts. (2019) *Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of July 15, 2019, No. 44-KG19-7*. [Online] Available from: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-15072019-n-44-kg19-7/ (In Russian).
36. Consultant Plus. (2019) *Decree of the Government of the Russian Federation of January 29, 2019, No. 56 "On approval of the Rules for the financial support of high-tech medical care not included in the basic program of compulsory medical insurance provided to citizens of the Russian Federation by medical organizations of the private healthcare system"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317338/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (In Russian).
37. Gritsenko, I. (2019) *Chastnye kliniki nachnut okazyvat' vysokotekhnologichnuyu pomoshch' besplatno* [Private clinics will begin to provide high-tech assistance for free]. [Online] Available from: https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advices/chastnye-kliniki-nachnut-okazyvat-vysokotekhnologichnuyu-pomoshch-besplatno/
38. *Vedomosti*. (2019) Post-reliz: Meditsinskiy biznes 2019 – Ezhegodnaya konferentsiya [Post-release: Medical business 2019 – Annual conference]. [Online] Available from: https://events.vedomosti.ru/events/spb_medbusiness2019/pages/spb_post%20reliz
39. Geroeva, A. (2021) "Rabotat' neprosto, a ostavit' zhal' " ["It is not easy to work, but it is a pity to leave"]. *Kommersant" – Zdravookhranenie*. Supplement No. 74. 27 April. p. 6. [Online] Available from: https://www.kommersant.ru/doc/4780837
40. Interdepartmental Medical Working Group under the Interdepartmental City Coordinating Council to Combat the Spread of the New Coronavirus Infection (COVID-19) in St. Petersburg. (2020) *Guidelines, algorithms for the actions of medical workers at various stages of care, checklists and standard documents developed for the period of presence and threat of further spread of the new coronavirus infection in St. Petersburg*. [Online] Available from: http://zdrav.spb.ru/media/filebrowser/brochure_covid-19_24.04_sokr.pdf (In Russian).

41. Kudrin, A.L. (ed.) (2021) *Ekonomika i ekonomicheskaya politika v usloviyakh pandemii* [Economy and economic policy in a pandemic]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara.
42. Federal State Statistics Service. (n.d.) *Ofitsial'naya statistika: Uroven' zhizni* [Official statistics: Standard of living]. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/folder/13397
43. Garant. (2019) *Decree of the Government of the Russian Federation of 27 December 2019 No. 1915 "On the implementation in the constituent entities of the Russian Federation of a pilot project to involve private medical organizations in the provision of medical and social services to persons aged 65 years and older who are citizens of the Russian Federation, including those living in rural areas"*. [Online] Available from: https://base.garant.ru/73364777/ (In Russian).
44. Garant. (2016) *Order of the Ministry of Health of the Russian Federation of June 27, 2016, No. 419n "On Approval of the Procedure for the Admission of Persons Who Have Not Completed Educational Programs of Higher Medical or Higher Pharmaceutical Education, as well as Persons with Higher Medical or Higher Pharmaceutical Education to Carry Out Medical Activities or Pharmaceutical Activities in Positions of Paramedical or Personnel*. [Online] Available from: https://base.garant.ru/71454164/ (In Russian).
45. St. Petersburg State University. (2017) *Perezagruzka: Praktiki dlya budushchikh vrachey: proshloe i nastoyashchee* [Reboot: Practices for future doctors: past and present]. [Online] Available from: https://spbu.ru/news-events/perezagruzka/praktiki-dlya-budushchih-vrachey-proshloe-i-nastoyashchee
46. Burbridge, C.E. (1957) The Historical Background of the Teaching Hospital in the United States. *Journal of the National Medical Association*. 49 (3). pp. 176–179. [Online] Available from: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2641043/pdf/jnma00715-0040.pdf
47. Tufte, E.R. (1983) *The Visual Display of Quantitative Information*. 2nd ed. Graphics Press.
48. Maleina, M.N. (1995) *Chelovek i meditsina v sovremennom prave: uchebnoe i prakticheskoe posobie* [Man and medicine in modern law: educational and practical guide]. Moscow: Izd-vo BEK.
49. Bolotina, M.V. (2009) *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie prav potrebiteley pri okazanii meditsinskikh uslug* [Civil law regulation of consumer rights in the provision of medical services]. Law Cand. Diss. Moscow.
50. MayyaK. (n.d.) *Dogovor publichnoy oferty na okazanie platnykh meditsinskikh uslug* [Public offer agreement for the provision of paid medical services]. [Online] Available from: https://mayak.co/assets/files/public_offer.pdf
51. MSCh Vanadiy. (n.d.) *Obrazets dogovora platnykh meditsinskikh uslug* [Sample contract for the provision of paid medical services]. https://www.msch.vanadiy.com/obr_dogovor.html
52. NIKA SPRING TsENTR. (n.d.) *Obrazets dogovora na okazanie platnykh meditsinskikh uslug* [Sample contract for the provision of paid medical services]. [Online] Available from: https://nika-nn.ru/documents/agre-ements/Dogovor-nika-spring-centr-sentyabr-2018.PDF
53. Antonius Medvizion Kaluga – Skoraya pomoshch. (n.d.) *Dogovor okazaniya platnykh meditsinskikh uslug (forma)* [Contract for the provision of paid medical services (form)]. [Online] Available from: http://www.amvk40.ru/informaciya-dlya-pacientov/dogovor-okazaniya-platnyx-medicinskix-uslug-forma/
54. MOST-FARM. (n.d.) *Dogovor na okazanie meditsinskikh uslug* [Contract for the provision of medical services]. [Online] Available from: https://med-luks.ru/page/contract
55. Consultant Plus. (2010) *Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of January 26, 2010, No. 1 "On the application by the courts of civil law of governing relations on obligations due to harm to the life or health of a citizen"*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96790/ (In Russian).
56. Tsyganova, O.A., Martynov, E.A. & Ivshin, I.V. (2009) *Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' meditsinskikh rabotnikov za prichinenie vreda zdorov'yu patsientov pri osushchestvlenii professional'noy deyatel'nosti: ucheb. posobie* [Civil liability of medical workers for causing harm to the health of patients in the course of their professional activities: textbook]. Arkhangelsk: Northern State Medical University.

Информация об авторах:
Соколова О.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры административного и финансового права Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: sokolova.olga.mgimo@inbox.ru
Абросимова Е.А. – канд. юрид. наук, ответственный секретарь Информационного Центра Гаагской конференции по международному частному праву, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: abrosimova_e_a@mgimo.ru. ORCID: 0000-0003-2801-8686

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:
O.V. Sokolova, Cand. Sci. (Law), associate professor, Moscow State University of International Relations (Moscow, Russian Federation). E-mail: sokolova.olga.mgimo@inbox.ru
E.A. Abrosimova, Cand. Sci. (Law), executive secretary of the Information Center of the Hague Conference on Private International Law, associate professor, deputy head of the Department of International Private and Civil Law named after S.N. Lebedev, Moscow State University of International Relations (Moscow, Russian Federation). E-mail: abrosimova_e_a@mgimo.ru. ORCID**:** 0000-0003-2801-8686

The authors declare no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 03.12.2021;
одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 03.12.2021;
approved after reviewing 18.04.2022; accepted for publication 30.06.2022.

Научная статья
УДК 34.096
doi: 10.17223/15617793/479/29

Администрирование и нормативное регулирование советской системой общего, среднего и высшего образования в контексте государственной политики и идеологии в СССР (историко-правовой аспект)

Дмитрий Викторович Хаминов[1, 2]

[1] *Томский государственный университет, Томск, Россия*
[2] *Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия*
[1, 2] *khaminov@mail.ru*

Аннотация. Сфера общего, среднего и высшего образования в советское время была важным не только социально-культурным, но и политико-идеологическим фактором внутренней политики советского государства. При этом многие аспекты, заложенные еще в советской системе образования, сохранились и до наших дней. Поэтому актуальность данного исследования обусловливается необходимостью изучения генезиса и анализа развития системы образования и его нормативного регулирования с целью понимания процессов, которые происходят и сегодня в системе российского образования. Также автором статьи ставится задача проанализировать генезис отрасли образовательного права в советский период и определить его характерные черты.

Ключевые слова: управление образованием, политика, идеология, власть, законы, школа, профессиональное образование, высшая школа, СССР, РСФСР

Для цитирования: Хаминов Д.В. Администрирование и нормативное регулирование советской системой общего, среднего и высшего образования в контексте государственной политики и идеологии в СССР (историко-правовой аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 273–285. doi: 10.17223/15617793/479/29

Original article
doi: 10.17223/15617793/479/29

Administration and regulation of the Soviet system of general, secondary and higher education in the context of state policy and ideology in the USSR (A historical and legal aspect)

Dmitry V. Khaminov[1, 2]

[1]*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*
[2]*Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation*
[1, 2]*Khaminov@mail.ru*

Abstract. The Soviet state-legal system built a specific model of administration and normative regulation of all spheres of life of the state and society. The sphere of general, secondary and higher education in Soviet times was an important sociocultural, political and ideological factor in the internal policy of the Soviet state. At the same time, many aspects laid down in the Soviet education system have survived to this day. Therefore, the relevance of this study is due to the need to investigate the genesis and to analyze the development of the education system and its legal regulation in order to understand the processes that are still taking place in the Russian education system today. The author also sets an objective of analyzing the genesis of the branch of educational law in the Soviet period and determining its main features. For a comprehensive description of the object of research, the author examined the legislation and by-laws of the national level , the acts of the higher, central, sectoral and other state authorities of the USSR and the RSFSR on the organization of general, secondary and higher education. Based on the structural-functional and problem-chronological approaches in characterizing educational legislation, the author found that the system of sources of educational law was qualitatively changing throughout the Soviet period. It developed towards systematization and a clear hierarchy. The system of sources of educational law developed from the diversity of types of acts in the late 1910s–1930s that regulated relations in the field of education (decrees, orders, etc.) to a clearly built hierarchy of laws and by-laws “headed” by special generalizing laws. In the course of the study, the author came to the following conclusions. The desire to subordinate education at all levels to the goals and objectives of state building, and to arrange it into an administrative-command system of management resulted in the formation of a central-

© Хаминов Д.В. , 2022

ized, vertically integrated system, on the one hand, but deprived the system of flexibility and eliminated any grassroots initiative in the organization of education. It was the relatively "mild" conditions of the 1920s and the Perestroika that softened these processes (in matters of management of educational institutions, financing, determining the nature of their work, etc.). The unconditional achievement of the Soviet period in matters of education and its management was the systematic introduction of universal school education (from primary to complete); the expansion of the network, types and levels of educational institutions; the creation of an effective system and measures to support students; and other activities. In the first decades of the Soviet period, under the influence of objective and subjective historical factors, the set of normative legal acts was formed primarily as a branch of legislation, and, subsequently, it was shaped into an independent branch of law.

Keywords: education management, politics, ideology, power, laws, school, vocational education, higher school, USSR, RSFSR

For citation: Khaminov, D.V. (2022) Administration and regulation of the Soviet system of general, secondary and higher education in the context of state policy and ideology in the USSR (A historical and legal aspect). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 479. pp. 273–285. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/479/29

На рубеже 1910–1920-х гг. на территории бывшей Российской империи произошли кардинальные изменения: распад страны на национальные государства (в том числе образование РСФСР), образование на территории самой России белых (антибольшевистских) правительств, Гражданская война и военная интервенция и т.п. Все это породило большое разнообразие организации образования в том или ином антибольшевистском правительстве или национальном государстве. Это многообразие не дает возможности в рамках данного исследования показать все особенности образовательной политики и нормативного регулирования данной сферы и требует специального изучения. Именно поэтому для периода 1910–1920-х гг. (до создания СССР) ограничимся анализом государственной политикой в РСФСР в области образования и охарактеризуем основные направления ее развития, нормативное регулирование и систему органов управления. Для последующего периода существования СССР модель организации и управления образованием в РСФСР будет взята как базовая для всего союзного государства.

Сразу же после Октябрьской революции дореволюционная система образования была кардинально трансформирована. Большевики все полностью меняли, сознательно не шли по пути правопреемства. Наблюдался процесс образования новой системы управления и правового регулирования образованием. Если в имперский период можно было говорить о формировании отрасли образовательного права, то с приходом советской власти настал новый этап формирования сначала новой отрасли законодательства, а затем и самой отрасли права.

Большевистское правительство с первых дней своего существования стало выстраивать собственную политику в области образования и просвещения, прежде всего, с учетом ожиданий большинства населения и своих программных заявлений, выдвинутых ранее.

Базовые (конституционные) начала образовательной политики и принципов выстраивания системы управления им были разработаны социал-демократами еще на своем учредительном съезде и зафиксированы в Программе РСДРП (принята на втором съезде партии в 1903 г.): «8. Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием на счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ <…>» [1. С. 4].

Основные принципы управления и нормативного регулирования образовательной политикой были выражены большевиками впоследствии как в первых декретах СНК РСФСР, так и в актах конституционного характера и, разумеется, в первой Конституции РСФСР 1918 г.

27 октября 1917 г. было сформировано Временное рабоче-крестьянское правительство – Совет народных комиссаров. Заведывание отдельными отраслями государственной жизни поручалось комиссиям, состав которых должен был обеспечивать проведение в жизнь провозглашенной II Всероссийским съездом Советов программы, «в тесном единении с массовыми организациями» рабочих, работниц, матросов, солдат, крестьян и служащих. В том числе была создана Государственная комиссия по просвещению во главе с Наркомом по просвещению [2]. Уже намного позже, 11 февраля 1921 г., был принят специальный Декрет СНК РСФСР «О Народном Комиссариате по Просвещению (Положение)», в котором была определена его новая структура, функции и состав [3], а в 1925 г. они были уточнены [4] (в связи с образованием СССР и включения РСФСР в качестве союзной республики).

В принятой в первые послереволюционные дни, 2 ноября 1917 г., «Декларации прав народов России» были провозглашены два важных принципа, которые легли в основу государственной образовательной политики в отношении народов и национальностей, проживавших на территории России: «Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений» и «Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [5]. Эти принципы заложили основы для важнейших преобразований в сфере народного просвещения (в частности, снятие национальных и вероисповеднических ограничений), организации сети национального образования и т.п.

Пока еще не была сформирована новая система управления средними школами на местах, Постановлением Наркомпроса РСФСР «О реформе средней школы» от 30 ноября 1917 г. было установлено, что школы выводились из-под управления прежних ад-

министративных органов, а решение всех вопросов школы переводилось на коллегиальную основу, при которой высшим коллегиальным органом управления школы являлся педагогический совет (комитет). В педсовет, помимо педагогов и администрации школы, входили в качестве «представителей демократии» три представителя местного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с правом решающего голоса. Кроме того, этим же постановлением, на основании декрета СНК, все учащиеся, вне зависимости от пола, достигшие 18 лет, приобретали всю полноту гражданских и политических прав, в том числе и право принимать участие во всех выборах в муниципальные и государственные учреждения [6]. Это, безусловно, стало революционным достижением, поскольку ранее политические права учащихся были ограничены.

Решив на первых порах общие вопросы, большевики принялись за выстраивание конкретной структуры управления образованием на первичных звеньях.

Следуя линии унификации всей системы образования и централизации его управления, Постановлением НКП РСФСР от 11 декабря 1917 г. все учебные заведения всех уровней из духовного ведомства передавались в ведомство НКП РСФСР [7]. Ранее эту попытку пыталось реализовать Временное правительство [8].

Серией постановлений НКП РСФСР в январе 1918 г. были упразднены все должности по управлению учебными заведениями на губернском и уездном уровнях (инспекторы, смотрители и т.д.), а также попечителей учебных округов. Все вопросы по организации делопроизводства этих учебных заведений передавались отделам народного образования при местных советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [9–11].

Весной-летом 1918 г. Постановлением НКП РСФСР от 23 февраля 1918 г. [12. С. 386] была окончательно произведена передача НКП РСФСР всех образовательных учреждений по всем уровням (начальных, средних и высших), находившихся в ведение и под управлением других народных комиссариатов и учреждений. Однако в декрете СНК РСФСР от 5 июня 1918 г. «О передаче в ведение Народного Комиссариата Просвещения учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств» была оговорка в отношении передачи учебных заведений: «кроме специальных учебных заведений для взрослых, если заведения преследуют исключительно технические цели» [13].

Уже в начале 1918 г. большевиками был решен принципиальный вопрос в отношениях школы и религиозных организаций. Декретом СНК РСФСР от 23 января 1918 г. (Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви») [14. С. 371–374] определялось, что «Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается» (п. 9). В дальнейшем Конституция РФСФР 1918 г. (ст. 13) закрепила это в качестве основы конституционного строя [15].

После череды мероприятий по слому старой структуры организации и управления образованием большевики с середины 1918 г. принялись выстраивать новую систему учебных заведений и управления ими на совершенно новых принципах.

Во всех учебных заведениях (начальных, средних и высших) было введено совместное обучение учащихся обоего пола [16].

Декретом СНК РСФСР от 26 июня 1918 г. «Об организации дела народного образования в Российской Республике (Положение)» было принято единое положение по регулированию этой сферы государственного администрирования и выстраивалась единая структура управления образовательными процессами, который обеспечивался волостными, уездными, губернскими и областными отделами народного образования. Прежде всего, общее руководство делом народного образования в РСФСР относилось к ведению Государственной комиссии по просвещению, председателем которой являлся НКП РСФСР. Управление комиссариатом возлагалось на Коллегию в составе Наркома, его заместителя и пяти членов [17. С. 621–625].

Декретом ВЦИК от 16 октября 1918 г. «Об Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» [18] упразднялось разделение школ на начальные, высшие начальные училища, гимназии, реальные училища, ремесленные, технические, коммерческие училища и все другие виды начальных и средних школ. Теперь всем школам РСФСР, состоявшим в ведении НКП РСФСР, за исключением высших учебных заведений, присваивался статус «Единой трудовой школы», а с 1 октября 1918 г. все учебные заведения всех ведомств переходили в ведение НКП РСФСР. Единая трудовая школа разделялась на две ступени: первая – для детей от 8 до 13 лет (5-летний курс) и вторая – от 13 до 17 лет (4-летний курс). Посещение школы первой и второй ступеней становилось обязательным для всех детей школьного возраста.

Положение подтверждало все ранее установленные принципы советской власти – совместное обучение, недопустимость религиозного присутствия в школах, всеобщность и доступность образования и т.п.

Национальный вопрос, являвшийся одним из краеугольных камней внутренней политики большевиков, и не решенный до конца Временным правительством, нашел свое отражение и в сфере образовательной политики советской власти. Согласно Постановлению НКП РСФСР от 31 октября 1918 г. «О школах национальных меньшинств» [19], все национальности РСФСР пользовались правом организации обучения на своем родном языке обеих ступеней Единой трудовой школы и в вузах. Управление школами национальных меньшинств сосредоточивалось в НКП РСФСР, областных или губернских отделах народного образования [20].

Особое направление в образовательной политике большевиков в первые годы советской власти составило регулирование вопросов, связанных с высшей школой, прежде всего с университетами. В дореволюционный период царское правительство видело в

университетах преимущественно рассадники свободомыслия, вольнодумства, либерально-демократических тенденций. В общем, угрозу режиму. Теперь же и большевики увидели в университетах такую же угрозу своему режиму. Среди университетских служащих и студенчества большевики не пользовались поддержкой. Наоборот, студенчество было скорее эсеро-меньшевистское, а служащие – ближе к либерально-демократическим (кадетским) взглядам. Поэтому большевики видели в университетах, с одной стороны, центры, важные с точки зрения интеллектуального воздействия на население, а с другой – угрозу политического и идеологического противоборства. Для этого новой власти необходимо было «завоевать» высшую школу. Это осуществлялось двумя путями: с одной стороны, путем демократизации режима их функционирования (для склонения учащихся и сотрудников университетов на сторону действующей власти), а с другой стороны, путем избавления от нежелательных элементов в университетской среде как посредством внедрения в университеты большевистски ориентированных сторонников (студентов и преподавателей), так и ограничений и даже террора в отношении служащих и студентов. Все прежние нормативные акты, регламентировавшие работу университетов, были отменены, прежде всего, университетский устав 1884 г.

Большевики стремились разрушить целостный социальный состав учащихся не только университетов, но и других вузов, и выбить монопольное право на поступление детей, хотя и бывших, дворян, чиновников, разночинцев и «наполнить» высшую школу представителями рабочего класса и крестьянства как своей социальной и политической опоры. Это можно было сделать лишь открыв неограниченный доступ в вузы пролетариям. И ряд таких мер был реализован. Декретом СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» были отменены ранее действовавшие ограничения. В частности, в любые вузы открывался доступ каждому, независимо от гражданства, пола, национальности и достигшему 16 лет. При этом не требовалось представлять даже дипломы, аттестаты или свидетельства об окончании средней или какой-либо иной школы. Также отменялось взимание платы за обучение в вузах РСФСР [21]. Согласно принятому на том же заседании Постановлению СНК «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства», в первоочередном порядке принимались лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым предоставлялись в широком размере стипендии и иные меры социальной поддержки [22].

Базой для подготовки пролетарского студенчества и «пропуском» их в высшую школу с 1924 г. становились открывавшиеся дневные и вечерние рабочие факультеты (рабфаки), которые имели целью подготовку к занятиям в вузах исключительно лиц из среды пролетариата и трудового крестьянства [23].

Согласно принятому Декрету СНК РСФСР от 2 сентября 1921 г. «О высших учебных заведениях Р.С.Ф.С.Р. (Положение)» [24], была определена структура управления высшей школой. Такой же порядок управления был позже продублирован Декретом СНК РСФСР от 3 июля 1922 г. «Положение о Высших Учебных Заведениях» [25]. Согласно этим декретам, вуз находился в ведении Главного комитета профессионально-технического образования НКП РСФСР. Исключительно НКП РСФСР имел право производить изменения в вузе, как в организации, так и в личном составе.

Таким образом, советская власть во главе с большевиками в первое десятилетие своего существования, также как царское и Временное правительства, считала сферу образования важнейшей частью внутренней государственной политики. В системе образования большевики видели опору своему режиму, и задача поставить систему образования всех уровней под свой контроль виделась им первоочередной. При этом доступность и широта возможностей при получении образования стали важными факторами социально-экономического развития страны, что отличало их позицию от позиции предшествовавших периодов.

В результате кардинальных преобразований первых лет советской власти произошли существенные изменения в системе общего образования и управления им. Фактически была введена монополия государства на образование (частные, церковные школы, учебные заведения, учрежденные иностранцами и прочими субъектами, оказывались вне закона, даже домашнее образование не поощрялось, ему не оставалось места в советском обществе). Система образования всех уровней призвана была служить интересам государства, происходила унификация управления и нормативного регулирования на новых началах построения советской власти. Система учебных заведений максимально стремилась к сосредоточению в системе НКП РСФСР.

При этом для расширения социальной базы на всех уровнях образования, для вовлечения в образовательный процесс как можно большего числа жителей, вводилось бесплатное обучение, совместное обучение детей обоего пола; школа отделялась от церкви; запрещалось преподавание в учебных заведениях какого бы то ни было вероучения; отменялись физические наказания детей; все национальности получали право обучения на родном языке и создавать собственные школы; вводились новые, более демократические правила приёма в вузы и обучения в них и т.д.

Конституции РСФСР 1918 г. (ст. 17) кратко формулировала важнейшую основу системы советского образования: «В целях обеспечения за трудящимися действительного доступа к знанию Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика ставит своей задачей предоставить рабочим и беднейшим крестьянам **полное, всестороннее и бесплатное образование**» (выделено мной. – *Д.Х.*).

С созданием в 1924 г. сложного союзного государства и с развитием общесоюзного и республиканского законодательства и администрирования система образования в СССР и РСФСР, государственная политика, нормативное регулирование и управление им претерпевают определенные трансформации.

Управление общим, средним и высшим образованием в СССР и РСФСР осуществлялось системой взаимосвязанных и соподчиненных друг другу центральных органов – союзных и республиканских (отдельно систему управления и нормативного регулирования в других союзных республиках рассматривать не имеет смысла ввиду ее однотипности с системой в РСФСР).

Наркомпрос РСФСР (НКП РСФСР) был создан 18 июня 1918 г., 15 марта 1946 г. он реорганизован в Министерство народного просвещения РСФСР. В 1933 г. было создано Управление университетов и научно-исследовательских учреждений НКП РСФСР, существовавшее до 21 мая 1936 г., после чего было реорганизовано и вошло в состав Всесоюзного комитета по делам высшей школы при Совете народных комиссаров СССР (ВКВШ при СНК СССР). С 15 марта 1946 г. – Всесоюзный комитет по делам высшей школы при Совете министров СССР (ВКВШ при СМ СССР). 10 апреля 1946 г. ВКВШ при СМ СССР был преобразован в Министерство высшего образования СССР. 15 марта 1953 г. Министерство высшего образования СССР было объединено с Министерством кинематографии СССР, Министерством трудовых ресурсов СССР и Комитетом по делам искусств при Совете министров СССР в одно – Министерство культуры СССР. 9 марта 1954 г. вновь было образовано Министерство высшего образования СССР на базе Главного управления высшего образования и Управления средних специальных учебных заведений Министерства культуры СССР. 22 июня 1959 г. Министерство высшего образования СССР было преобразовано в Министерство высшего и среднего специального образования СССР. 5 марта 1988 г. оно было упразднено, и на базе Министерства просвещения СССР, Министерства высшего и среднего специального образования СССР и Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию был создан Государственный комитет СССР по народному образованию. 14 ноября 1991 г. Госкомитет СССР по народному образованию был преобразован в Межгосударственный совет по образованию СССР (ликвидирован 26 декабря 1991 г. с развалом СССР).

Министерство просвещения СССР было образовано 3 августа 1966 г. (до этого времени общесоюзного Министерства просвещения не существовало, были только министерства союзных республик).

Как уже было сказано, 15 марта 1946 г. из одноименного наркомата было образовано Министерство просвещения РСФСР. 11 ноября 1988 г. оно объединено с Государственным комитетом РСФСР по профессионально-техническому образованию в Министерство народного образования РСФСР.

3 августа 1959 г. было образовано Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР. 14 июля 1990 г. Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР было объединено с Министерством просвещения РСФСР на базе действующего республиканского Министерства образования РСФСР, Государственного комитета РСФСР по молодежной политике, Государственного комитета РСФСР по делам науки и высшей школы в одно – Министерство образования РСФСР [26].

Сложилась система, при которой вопросы школьного образования относились преимущественно к ведению союзных республик, а управление высшим и средним специальным образованием находилось в пределах совместного ведения союзного центра и союзных республик.

Декретом СНК РСФСР от 7 апреля 1925 г. было утверждено положение о школах рабочих подростков [27]. Эти школы создавались с целью подготовки квалифицированных рабочих, необходимых для восполнения убыли в квалифицированной рабочей силе и для поднятия промышленности на высшую ступень. В зависимости от потребности отдельных отраслей производства школы рабочих подростков разделялись на школы фабрично-заводского ученичества (в 1925 г. положение о школах рабочих подростков было распространено на школы сельскохозяйственного и конторско-торгового ученичества всех ведомств, а также кооперации) [28], готовившие квалифицированную рабочую силу по специальности, и школы при производстве в отраслях промышленности, не требовавшие сложных производственных навыков, и в подсобных работах.

Заслугой советской власти в деле повышения уровня образованности населения, явилось введение на территории РСФСР всеобщего начального обучения (со временем и во всех союзных республиках СССР). Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 г. трудовая школа первой ступени должна была стать «действительно общедоступной и бесплатной для всех детей соответствующего школьного возраста (8–11 лет)» [29].

Со временем введение всеобщего начального обучения стало задачей для всего СССР. В совместном Постановлении ЦИК СССР и СНК СССР от 14 августа 1930 г. отмечалось, что было принято решение ввести с 1930–1931 гг. повсеместно в СССР всеобщее обязательное обучение детей (мальчиков и девочек) в возрасте 8–10 лет в объеме не менее четырехлетнего курса начальной школы. Также было введено с 1930–1931 гг. всеобщее обязательное начальное обучение (мальчиков и девочек) в объеме школы семилетки в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках [30].

Дальнейшее развитие народного хозяйства в условиях развивающейся индустриализации требовало новых подходов в деле организации подготовки профессиональных кадров с высшим и средним специальным образованием. В начале 1930-х гг. произошла реорганизация вузов, техникумов и рабфаков. «Многофакультетные» вузы (все университеты и часть институтов) и техникумы реорганизовывались в отраслевые учебные заведения (путем их разукрупнения). Технические учебные заведения передавались в ведение отраслевых хозяйственных объединений соответствующих наркоматов и других учреждений СССР и союзных республик. Сельскохозяйственные учебные заведения передавались в ведение отраслевых сельскохозяйственных объединений Наркомзема СССР и наркомземов союзных республик. Подобным образом

медицинские и физкультурные учебные заведения, а также преобразованные в институты медицинские факультеты университетов передавались в ведение наркомздравов союзных республик. В ведении наркомпросов союзных республик сохранялись педагогические и художественные учебные заведения, а также университеты в составе факультетов, не реорганизуемых к тому времени в специальные вузы [31].

Совместным постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) в 1934 г. была принята единая по всей стране структура начальной и средней школы в СССР [32], просуществовавшая долгое время и сохранившаяся в послевоенный период. Были определены единые для всего СССР типы общеобразовательной школы: начальная школа (4 класса), неполная средняя школа (7 классов) и средняя школа (10 классов). Окончившие неполную среднюю школу имели право преимущественного поступления в техникумы, а окончившие среднюю школу имели право преимущественного поступления в вузы. Такая систематизация была установлена в целях упорядочивания процесса перехода учащихся с низшего уровня на более высокий, чтобы исключить попадание в средние и высшие учебные заведения не подготовленных к обучению лиц (что было распространенно в предшествующий период 1920-х – начала 1930-х гг.). Таким образом, выстроилась и закрепилась на время всего советского периода с некоторыми модификациями единая система учебных заведений – от начальной школы до высшей.

Военные годы и период первого послевоенного десятилетия (период восстановления народного хозяйства) не были отмечены кардинальными изменениями в управлении системой общего образования и принципиальных подходах к нему. Сложившаяся при Сталине административно-командная система управления в сфере образования должным образом работала в этот период и выполняла свои мобилизационные функции для нужд военного времени и в первое десятилетие в сфере образования после войны.

В годы «оттепели», начавшейся после смерти Сталина, поворот в сторону демократизации некоторых процессов политической и социально-экономи-ческой сферы, с одной стороны, и поиск новых моделей управления отдельными отраслями жизни страны, в том числе и образовательной сферой, приводил к существенным изменениям. Это выразилось как в частных (например, в 1954 г. было отменено раздельное обучение в школах юношей и девушек, введенное в 1943 г.; в 1956 г. была отменена плата за обучение в 8–10-х классах средней школы и вузах, введенная в 1940 г. и т.п.), так и в общесистемных преобразованиях.

Системным законом, который, по замыслам его разработчиков, призван был решить важнейшие проблемы развития хозяйственной и общественной жизни страны, стал принятый в 1958 г. Верховным Советом СССР Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [33].

В Законе настойчиво проводилась мысль о том, что в социалистическом обществе постепенно ликвидировались существенные различия между трудом физическим и умственным, и утверждалось, таким образом, единение умственного и физического труда. Советское правительство главный недостаток прежней системы образования видело в отрыве обучения от жизни, в слабой подготовленности оканчивавших школы к практической деятельности. Поэтому, во исполнение общесоюзного закона, на всех уровнях общего образования в союзных республиках (в средней школе, профессионально-техническом образовании (училищах), среднем специальном образовании (техникумах)), а также в вузах был принят ряд мероприятий по изменению ситуации [34]. Так, Положение о восьмилетней школе в РСФСР устанавливало, что она является неполной средней общеобразовательной трудовой политехнической школой и осуществляет обязательное совместное обучение всех детей в возрасте от 7 до 15–16 лет. Восьмилетняя школа готовила учащихся к различным видам трудовой деятельности и к продолжению среднего образования.

Другим видом школы (более высокой ступенью) стала средняя общеобразовательная трудовая политехническая школа с производственным обучением, которая давала полное среднее общее и политехническое образование и профессиональную подготовку для работы в одной из отраслей народного хозяйства или культуры. Окончание средней общеобразовательной трудовой политехнической школы с производственным обучением давало возможность юношам и девушкам работать по избранной профессии и право на поступление в вузы.

Для максимального охвата и вовлечения в образование рабочей молодежи было предусмотрено открытие вечерней (сменной) средней общеобразовательной школы, которая призвана была давать лицам, окончившим восьмилетнюю школу и работавшим в различных отраслях народного хозяйства и культуры, полное среднее образование и повышать их профессиональную квалификацию.

Подготовка специалистов в вузах проводилась на базе полного среднего образования на основе соединения обучения с общественно полезным трудом. Конкретные формы соединения обучения с практикой с трудом определялись в зависимости от профиля вуза, состава студентов, а также от национальных и местных особенностей. При зачислении в вузы предоставлялись преимущества лицам, имевшим стаж практической работы (он составлял 2 года – служба в армии или работа на производстве). Была также сделана попытка всемерно улучшить и расширить вечернюю и заочную форму образования путем укрепления заочных и вечерних вузов, развития сети вечернего и заочного образования.

Как нам известно, многие реформаторские инициативы Н.С. Хрущева были поспешными, а порой имели и волюнтаристский характер. Примером тому служат принятие ошибочных решений в сельском хозяйстве (в частности, просчеты при освоении целины, укрупнение сел, запрет на владение личным скотом и т.п.), реформа административно-территориального деления СССР 1962–1963 гг. в рамках реформы си-

стемы управления народным хозяйством и т.п. Так и образовательная реформа не была в полной мере реализована и доведена до своего логического завершения. Согласно изначальной задумке, главной задачей образования объявлялось преодоление отрыва школы от жизни, в связи с чем единая трудовая школа становилась политехнической. Однако выполнить эту задачу удавалось не всегда, поскольку профессиональную подготовку удалось развернуть не во всех школах. Не везде оказалась достаточная материальная база и необходимая связь с предприятиями и организациями. В 1964–1966 гг. средняя школа от 11-летнего вернулась к 10-летнему сроку обучения при сохранении 8-летнего образования как обязательного. В 1966 г. реформа была свернута (в 1974 г. был отменен и сам Закон в связи с принятием нового Закона СССР «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» [35]), а политехническая подготовка оставалась только в тех учебных заведениях, которые располагали необходимой материальной базой.

На рубеже 1960–1970-х гг. начинается очередная волна реорганизации системы советского образования в духе умеренного консерватизма и решения более широкого круга задач для развития народного хозяйства и общественного устройства страны.

Новый устав средней общеобразовательной школы СССР 1970 г. предусматривал, что она является единой, трудовой, политехнической школой. Единство школы обеспечивалось едиными в своей основе учебными планами, программами и педагогическими принципами организации работы [36].

Среднее специальное образование в СССР осуществлялось бесплатно, на началах равного для всех граждан СССР права на образование, на базе техникумов, училищ, школ и других средних специальных учебных заведений. Подготовка специалистов проводилась по дневной (с отрывом от производства), вечерней и заочной (без отрыва от производства) формам обучения [37].

Согласно Постановлению Совмина СССР от 22 января 1969 г., высшее образование в СССР осуществлялось на бесплатной основе, на началах равного для всех права на образование через университеты, академии, институты, заводы-втузы и другие вузы [38].

В первой половине 1970-х гг. в стране был взят курс на кардинальные изменения в области организации и управления образованием всех уровней. Дальнейшее социально-экономическое развитие страны, интенсификация производства, усиление научно-технического прогресса требовали совершенствования в системе образования и перехода ко всеобщему среднему образованию. В принятых последовательно друг за другом документах (совместное Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 20 июня 1972 г. [39] и Постановление Совмина РСФСР от 20 июля 1972 г. [40] «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы») отмечалась необходимость перехода к такой форме организации школы. Поэтому в целях завершения перехода ко всеобщему среднему образованию министерства просвещения РСФСР и высшего и среднего специального образования РСФСР, Госкомитет Совмина РСФСР по профессионально-техническому образованию, совмины и исполкомы субъектов, входивших в РСФСР, обязывались принимать меры к более полному охвату молодежи средним образованием; развивать и совершенствовать общеобразовательную школу как трудовую и политехническую, являвшуюся основной формой получения молодежью общего среднего образования; значительно улучшать работу вечерних (сменных) и заочных общеобразовательных школ, создавать необходимые условия для завершения среднего образования работающей молодежью и т.д.

В соответствии с этим направлением в образовании в 1973 г. был принят новый Закон СССР «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» [35], который отменил действие прежнего закона 1958 г. (ст. 3) и на основании которого были приняты типовые постановления и законы в союзных республиках, продолжавших действовать весь советский период [41–43] (фактически и весь последующий период после распада СССР, вплоть до его отмены в России в 2012 г. с принятием Федерального закона «Об образовании»).

Закон устанавливал право всех граждан СССР на образование, которое строилось на следующих принципах: бесплатность всех видов образования, осуществление всеобщего среднего образования молодежи, широкое развитие профессионально-технического, среднего специального и высшего образования на основе связи обучения с жизнью, с производством; развитие заочного и вечернего образования; предоставление государственных стипендий и льгот учащимся и студентам; бесплатная выдача школьных учебников; возможность обучения в школе на родном языке; создание условий для самообразования и т.д. Организовывались также бесплатное профессиональное обучение, повышение трудовой квалификации и переподготовка кадров.

Система народного образования в СССР стала включать в себя дошкольное воспитание; общее среднее образование; профессионально-техническое образование; среднее специальное образование; высшее образование; внешкольное воспитание.

Законодательство об образовании устанавливало и четкое разграничение предметов ведения общесоюзной компетенции в вопросах образования и компетенции союзных республик.

Совместным Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР от 12 апреля 1984 г. [44] (вместе с Постановлением ВС СССР от 12 апреля 1984 г. [45]) было принято решение осуществить постепенный переход в средней общеобразовательной школе на 11-летний срок обучения, начиная обучение детей с 6-летнего возраста, а начальную 3-летнюю школу было решено преобразовать в четырехлетнюю: 1–4-е классы – начальная школа, 1–9-е классы – неполная средняя (девятилетняя) школа, 1–11-е классы – полная средняя школа. Для каждого из трех звеньев общеобразо-

вательной школы были определены цели и задачи обучения и воспитания.

Согласно Постановлению Совмина РСФСР от 31 августа 1984 г. № 386 «О реорганизации профессионально-технических учебных заведений РСФСР в единый тип – среднее профессионально-техническое училище» (во исполнение Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР 1984 г. «О дальнейшем развитии системы профессионально-технического образования и повышении ее роли в подготовке квалифицированных рабочих кадров» [46]), в целях «развития и совершенствования системы профессионально-техни-ческого образования как основной формы подготовки квалифицированных рабочих кадров, повышения ее роли в осуществлении перехода к всеобщему профессиональному обучению молодежи» было принято решение о реорганизации профессионально-технических учебных заведений РСФСР в единый тип – среднее профессионально-техническое училище.

Они создавались в установленном порядке на базе производственных объединений, предприятий, строек, организаций с численностью работников 2 тыс. человек и более, а в сельской местности, как правило, – в каждом административном районе, и входили в состав районного агропромышленного объединения. Для предприятий с меньшей численностью работников училища создавались на основе отраслевой и межведомственной кооперации.

Перестройка внесла существенный вклад в развитие системы советского образования и демократизации управления им.

ЦК КПСС и Советом министров СССР было принято совместное Постановление от 8 июля 1988 г. № 824 «О генеральной схеме управления народным хозяйством РСФСР». В Постановлении отмечалось, что были созданы необходимые условия для перехода к преимущественно экономическим методам руководства комплексным социально-экономическим развитием республики и обеспечивалось сочетание общегосударственных интересов с интересами трудовых коллективов и территорий. Поэтому в целях повышения эффективности управления народным образованием РСФСР и в соответствии с этим Постановлением было принято Постановление СМ РСФСР от 27 июля 1988 г. «О совершенствовании организации и структуры управления народным образованием РСФСР». Согласно ему на новое Министерство народного образования РСФСР было возложено выполнение следующих основных задач: обеспечение в пределах своей компетенции проведения в Республике единой государственной политики в области народного образования и создания системы непрерывного образования населения, а также высокого качества профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации рабочих и специалистов в подведомственных учебных заведениях, широкого применения эффективных форм интеграции учебных заведений с производством и наукой; реализация концепции всеобщего среднего образования молодежи как базового для последующей подготовки кадров квалифицированных рабочих и специалистов, всестороннего развития личности и т.п.

Были также учтены предложения Министерства народного образования РСФСР, согласованные с органами власти субъектов, входивших в состав РСФСР, о совершенствовании организации и структуры управления народным образованием РСФСР. В частности, образовывались в установленном порядке единые органы управления народным и профессионально-техническим образованием; создавались государственно-общественные органы управления образованием при районных и городских советах народных депутатов – советы по народному образованию, функции аппарата которых возлагались на отделы народного образования исполкомов городских и районных советов народных депутатов; в школах и профессионально-технических училищах создавались общественные органы – советы, в которые наряду с педагогическими работниками входили учащиеся, трудовые коллективы, общественные организации, родители; ряд функций Министерства передавалась подведомственным органам и учебным заведениям, проводилось четкое разграничение функций и устранялось дублирование во всех звеньях системы народного образования РСФСР.

Позже приказом Комитета гособразования СССР от 15 августа 1989 г. № 667 «Об утверждении Положения о совете средней общеобразовательной школы» были созданы и действовали органы самоуправления (конференция и совет школы) в целях содействия осуществлению самоуправленческих начал, принципу выборности директора школы; развитию инициативы в работе школьного коллектива; повышению самостоятельности школы в решении вопросов организации учебно-воспитательного процесса и финансово-хозяйственной деятельности; расширению коллегиальных, демократических форм управления.

Эти органы школьного самоуправления работали в тесном контакте с администрацией и общественными организациями школы.

Подводя итоги развитию советской системы общего, среднего и высшего образования советского периода, можно констатировать, что она внесла в систему управления образованием определенные новшества и позитивные изменения по сравнению с дореволюционным периодом. Данная сфера являлась важнейшей составной частью государственной внутренней политики.

Стремление подчинить образование всех уровней целям и задачам государственного строительства и встроить его в административно-командную систему управления приводило, с одной стороны, к выстраиванию централизованной, вертикально-интегрированной системы, а с другой – лишало ее гибкости и устраняло любую инициативу на местах в вопросах организации образования. Лишь относительно «мягкие» условия 1920-х гг. и периода перестройки вносили послабления в эти процессы (в вопросах управления учебными заведениями, определения характера их работы и т.п.).

Безусловными достижениями СССР в вопросах образования и управления им стали планомерное введение всеобщего школьного образования (от началь-

ного до полного), расширение сети, видов и уровней учебных заведений, создание эффективной системы и мер поддержки учащихся и другие мероприятия.

В целом же выстроенная еще в советскую эпоху система организации образования и управления им, с определенными модификациями, сохранилась и на современном этапе.

Не до конца еще остается разрешенным и не однозначно трактуется в современной историко-правовой и юридической науке вопрос о времени появления и месте образовательного права в системе отечественного права в историческом аспекте. В опубликованных сегодня обобщающих и теоретических работах, посвященных образовательному праву как отрасли современного российского права, однозначно фиксируется становление и развитие образовательного права как специальной сферы правового регулирования, лишь с Новейшего периода развития государства и права России – с начала 1990-х гг. При этом если не отрицается, то, по крайней мере, не берется во внимание предшествующий исторический опыт развития этой сферы. Авторы не ставят для себя задачу выявить признаки этой отрасли в предшествующий период [47. С. 242–243; 48. С. 201–206; 49. С. 11–12].

Такая позиция объясняется во многом тем, что традиционно выделение отрасли права принято связывать с появлением кодифицированного акта как высшей формы систематизации отраслевого законодательства. В советский период не было кодекса, регулировавшего образовательные отношения. Однако и сегодня отсутствует в системе российского законодательства такой кодекс, но при этом ряд исследователей выделяют все же современное образовательное право или, по крайней мере, отрасль законодательства. Одновременно можно заметить, что и создание кодекса не всегда приводит к формированию отрасли права (например, современные Таможенный кодекс РФ, Воздушный кодекс РФ).

Таким образом, современные юристы, теоретики образовательного права как отрасли, не склонны видеть наличие этой отрасли в прошлом.

В этой связи отметим, что формирование и выделение новых элементов системы права – процесс исторический и объективно определенный. Начинается он с целенаправленного формирования самостоятельной отрасли законодательства, консолидации нормативного материала и завершается созданием если не кодекса, то нормативного правового акта кодифицированного типа. Все эти этапы мы наблюдаем на протяжении всего советского периода.

На всем протяжении советского периода качественно менялась система источников образовательного права. Она двигалась в направлении систематизации и установления четкой иерархии. Система источников образовательного права прошла путь от различных актов, регулировавших отношения в области образования (декреты, постановления, распоряжения и т.п.) до четко выстроенной системы иерархии законов и подзаконных нормативно-правовых актов во главе со специальным обобщающим законом [50. С. 52–56; 51. С. 34–40].

В советский период под воздействием исторических объективных и субъективных факторов совокупность нормативных правовых актов складывается отрасль законодательства [52. С. 37], а в последующем уже в комплексную отрасль права. Таким рубежом, когда отрасль законодательства переросла в отрасль права, можно считать начало 1970-х гг., когда вступил в действие нормативный акт общего характера – Закон СССР от 19 июля 1973 г. № 4536-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании». Его можно рассматривать по аналогии с современным ФЗ «Об образовании» 2012 г., который, конечно же, не является кодексом, но есть обобщающий акт, на основе которого выстраивается отрасль современного образовательного права.

Список источников

1. РСДРП. Съезд (2; 1903; Брюссель-Лондон). Программа Российской социал-демократической рабочей партии, принятая на Втором съезде партии в 1903 г.: Чего добиваются социал-демократы в России. [Б. м. : Б. и., 1903]. 8 с.
2. Декрет об учреждении Совета Народных Комиссаров (принят II Всероссийским съездом Советов 27.10.1917) // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 28.10.1917. № 1.
3. Декрет СНК РСФСР от 11.02.1921 «О Народном Комиссариате по Просвещению (Положение)» // СУ РСФСР. 1921. № 12, ст. 78 (Известия ВЦИК. 15.02.1921. № 33).
4. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 05.10.1925 г. «Положение о Народном Комиссариате Просвещения Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1925. № 71, ст. 561; Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 21.10.1925. № 241.
5. «Декларация прав народов России» (утв. СНК РСФСР 02.11.1917) // СУ РСФСР. 1917. № 2, ст. 18.
6. Постановление Наркомпроса РСФСР от 30.11.1917 «О реформе средней школы» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 30.11.1917. № 21.
7. Постановление Наркомпроса РСФСР от 11.12.1917 «О передаче дела воспитания и образования из духовного ведомства в ведение Комиссариата по народному просвещению» // Газета Временного Рабочего и Крестьянского Правительства. 15.12.1917. № 33.
8. Постановление Временного Правительства от 20 июня 1917 г. «Об объединении, в целях введения всеобщего обучения, заведений разных ведомств в ведомстве Министерства народного просвещения» (о передаче церковно-приходских школ в ведение Министерства народного просвещения) // Собрание узаконений и распоряжений Правительства. Пг., 1917. № 182. 4 августа. Отд. 1. Ст. 1014.
9. Постановление Наркомпроса РСФСР от 20.01.1918 «Об упразднении должностей директоров, инспекторов народных училищ, и губернских дирекций и инспекций» // Газета Рабочего и Крестьянского Правительства. 20.01.1918. № 13.
10. Постановление Наркомпроса РСФСР от 21.01.1918 «Об упразднении в средних учебных заведениях должностей директоров, начальниц, инспекторов и заведывающих, должностей почетных попечителей (попечительниц), смотрителей (смотрительниц), блюстителей (блюстительниц) и об учреждении должностей председателей, товарищей председателя и секретарей педагогического совета» // Газета Рабочего и Крестьянского Правительства. 21.01.1918. № 14.

11. Постановление Наркомпроса РСФСР от 21.01.1918 «Об упразднении попечителей учебных округов и их помощников, главных и окружных инспекторов, состоящих при них секретарей и помощников секретарей, а равно попечительских советов и канцелярий при учебных округах» // Газета Рабочего и Крестьянского Правительства. 21.01.1918. № 14.
12. Постановление Наркомпроса РСФСР от 23.02.1918 «О передаче всех учебных заведений в ведение Народного Комиссариата по Просвещению» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 386.
13. Декрет СНК РСФСР от 05.06.1918 «О передаче в ведение Народного Комиссариата Просвещения учебных и образовательных учреждений и заведений всех ведомств» // Известия ВЦИК. 05.06.1918. № 113.
14. Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах // Декреты советской власти : сб. докл. М. : Политиздат, 1957–1997. Т. 1: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. / подг. С.Н. Валк и др. С. 371–374.
15. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским съездом Советов 10.07.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 51, ст. 582.
16. Постановление Наркомпроса РСФСР от 31.05.1918 «О введении обязательного совместного обучения» // Известия ВЦИК. 31.05.1918. № 109.
17. Декрет СНК РСФСР от 26.06.1918 «Об организации дела народного образования в Российской Республике (Положение)» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М. : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 621–625.
18. Декрет ВЦИК от 16.10.1918 «Об Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // Известия ВЦИК. 16.10.1918. № 225.
19. Постановление Наркомпроса РСФСР от 31.10.1918 «О школах национальных меньшинств» // СУ РСФСР. 1918. № 80, ст. 835 (Известия ВЦИК. 31.10.1918. № 238; Сборник декретов 1917–1918 гг. 1920).
20. Декрет ВЦИК от 27.05.1920 «О народном образовании в Татарской Республике (Положение)» // СУ РСФСР. 1920. № 52, ст. 225 (Известия ВЦИК. 04.06.1920. № 119).
21. Декрет СНК РСФСР от 02.08.1918 «О правилах приема в высшие учебные заведения» // СУ РСФСР. 1918. № 57, ст. 632 (Известия ВЦИК. 06.08.1918. № 166).
22. Постановление СНК РСФСР от 2.08.1918 «О преимущественном приеме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства» // Известия. 1918. № 165, 4 августа.
23. Декрет СНК РСФСР от 18.02.1924 «Положение о рабочих факультетах» // СУ РСФСР. 1924. № 19, ст. 190 (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 27.02.1924. № 48).
24. Декрет СНК РСФСР от 02.09.1921 «О высших учебных заведениях Р.С.Ф.С.Р. (Положение)» // СУ РСФСР. 1921. № 65, ст. 486.
25. Декрет СНК РСФСР от 03.07.1922 «Положение о Высших Учебных Заведениях» // СУ РСФСР. 1922. № 43, ст. 518.
26. Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923–1991 : ист.-биогр. справ. / авт., сост. В.И. Ивкин. М. : РОССПЭН, 1999. 637 с.
27. Декрет СНК РСФСР от 07.04.1925 «Положение о школах рабочих подростков» // СУ РСФСР. 1925. № 22, ст. 162 (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 23.04.1925. № 91).
28. Декрет СНК РСФСР от 31.07.1925 «О порядке организации школ ученичества (фабрично-заводского, сельско-хозяйственного и конторско-торгового) при предприятиях и учреждениях, находящихся в ведении народных комиссариатов и кооперативных центров» // СУ РСФСР. 1925. № 56, ст. 433 (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 08.08.1925. № 179).
29. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 31.08.1925 «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети» // СУ РСФСР. 1925. № 69, ст. 543.
30. Постановление ЦИК СССР № 43, СНК СССР № 308 от 14.08.1930 «О всеобщем обязательном начальном обучении» // СЗ СССР. 1930. № 39, ст. 420 (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 15.08.1930. № 824).
31. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 23.07.1930 № 237 «О реорганизации вузов, техникумов и рабфаков» // СЗ СССР. 1930. № 38, ст. 411 (За коммунистическое просвещение. 08.08.1930. № 96).
32. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 15.05.1934 «О структуре начальной и средней школы в СССР» // СЗ СССР. 1934. № 26, ст. 205 (Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 16.05.1934. № 113).
33. Закон СССР от 24.12.1958 «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1, ст. 5.
34. Постановление Совмина РСФСР от 29.12.1959 № 2027 «Об утверждении положений о восьмилетней школе, средней общеобразовательной трудовой политехнической школе с производственным обучением и вечерней (сменной) средней общеобразовательной школе» // СП РСФСР. 1959. № 21, ст. 180.
35. Закон СССР от 19.07.1973 № 4536-VIII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании» // Свод законов СССР. 1990. Т. 3. С. 200 (Ведомости ВС СССР. 1973. № 30, ст. 392).
36. Постановление Совмина СССР от 08.09.1970 № 749 «Об Уставе средней общеобразовательной школы» // Свод законов СССР. 1990. Т. 3. С. 256 (СП СССР. 1970. № 17, ст. 132; 1981. № 2, ст. 3).
37. Постановление Совмина СССР от 22.01.1969 № 65 «Об утверждении Положения о средних специальных учебных заведениях СССР» // Свод законов СССР. 1990. Т. 3. С. 368 (СП СССР. 1969. № 4, ст. 25; 1981. № 2, ст. 3).
38. Постановление Совмина СССР от 22.01.1969 № 64 «Об утверждении Положения о высших учебных заведениях СССР» // СП СССР. 1969. № 4, ст. 24.
39. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 20.06.1972 № 463 «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы» // СП СССР. 1972. № 11, ст. 60.
40. Постановление Совмина РСФСР от 20.07.1972 № 426 «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшем развитии общеобразовательной школы в РСФСР» // СП РСФСР. 1972. № 17, ст. 106.
41. Постановление ВС РСФСР от 02.08.1974 «О введении в действие Закона РСФСР о народном образовании» // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 3. С. 270–277 (Ведомости ВС РСФСР. 1974. № 32, ст. 851).
42. Постановление ВС РСФСР от 02.08.1974 «О мерах по завершению перехода ко всеобщему среднему образованию в РСФСР» // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 3. С. 270–279 (Ведомости ВС РСФСР. 1974. № 32, ст. 849).
43. Закон РСФСР от 02.08.1974 «О народном образовании» // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 3. С. 245.
44. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 12.04.1984 № 313 «О дальнейшем совершенствовании общего среднего образования молодежи и улучшении условий работы общеобразовательной школы» // СП СССР. 1984. № 18, ст. 101.
45. Постановление ВС СССР от 12.04.1984 № 13-XI «Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» // Свод законов СССР. 1990. Т. 3. С. 222 (Ведомости ВС СССР. 1984. № 16, ст. 237).
46. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12.04.1984 № 315 «О дальнейшем развитии системы профессионально-технического образования и повышении ее роли в подготовке квалифицированных рабочих кадров» // СП СССР. 1984. № 19, ст. 104.
47. Образовательное право : учеб. пособие для бакалавров / под общ. ред. Д.А. Аксеновой. М. : Книгодел, 2016. 312 с.
48. Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права. М. : Центр образовательного законодательства Минобразования России, 2002. 339 с.

49. Образовательное право России : учебник и практикум : в 2 кн. / А.Н. Козырин, Т.Н. Трошкина. М. : Изд. дом Высш. школы экономики, 2019. (Учебники Высшей школы экономики). Кн. 1 : учебник. 799 с.
50. Звонарев А.В., Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А. Развитие формальных источников образовательного права в советский период (1917–1936 гг.) // Юридическая наука. 2017. № 3. С. 52–56.
51. Звонарев А.В., Ладнушкина Н.М., Пашенцев Д.А. Динамика формальных источников образовательного права в советский период (1936–1985 гг.) // Юридическая наука. 2017. № 4. С. 34–40.
52. Кожевина М.А. Образовательное право в системе современного российского права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 3 (66). С. 36–39.

References

1. Russian Social Democratic Labor Party. (1903) *S"ezd (2; 1903; Bryussel'-London). Programma Rossiyskoy sotsial-demokraticheskoy rabochey partii, prinyataya na Vtorom s"ezde partii v 1903 g.: Chego dobivayutsya sotsial-demokraty v Rossii* [Congress (2; 1903; Brussels–London). Program of the Russian Social Democratic Labor Party, adopted at the Second Party Congress in 1903: What the Social Democrats in Russia are striving for]. [S.l.: s.n.].
2. *Gazeta Vremennogo Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva.* (1917) Dekret ob uchrezhdenii Soveta Narodnykh Komissarov (prinyat II Vserossiyskim s"ezdom Sovetov 27.10.1917) [Decree on the establishment of the Council of People's Commissars (adopted by the II All-Russian Congress of Soviets on October 27, 1917)]. 28 October. 1.
3. *SU RSFSR.* (1921) Dekret SNK RSFSR ot 11.02.1921 "O Narodnom Komissariate po Prosveshcheniyu (Polozhenie)" [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of February 11, 1921, "On the People's Commissariat for Education (Regulations)"]. 12. Art. 78 (*Izvestiya VtsIK*. (1921) 15 February. 33).
4. *SU RSFSR.* (1925) Dekret VTsIK, SNK RSFSR ot 05.10.1925 g. "Polozhenie o Narodnom Komissariate Prosveshcheniya R.S.F.S.R." [Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of 05 October 1925 "Regulations on the People's Commissariat of Education of the R.S.F.S.R."]. 71. Art. 561; *Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK*. (1925) 21 October. 241.
5. *SU RSFSR*. (1917) "Deklaratsiya prav narodov Rossii" (utv. SNK RSFSR 02.11.1917) [Declaration of the Rights of the Peoples of Russia (approved by the Council of People's Commissars of the RSFSR on 02 November 1917)]. 2. Art. 18.
6. *Gazeta Vremennogo Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva.* (1917) Postanovlenie Narkomprosa RSFSR ot 30.11.1917 "O reforme sredney shkoly" [Decree of the People's Commissariat of Education of the RSFSR of 30 November 1917 "On the reform of the secondary school"]. 30 November. 21.
7. *Gazeta Vremennogo Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva.* (1917) Postanovlenie Narkomprosa RSFSR ot 11.12.1917 "O peredache dela vospitaniya i obrazovaniya iz dukhovnogo vedomstva v vedenie Komissariata po narodnomu prosveshcheniyu" [Decree of the People's Commissariat of Education of the RSFSR of 11 December 1917 "On the transfer of upbringing and education from the spiritual department to the jurisdiction of the Commissariat for Public Education"]. 15 December. 33.
8. *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy Pravitel'stva.* (1917) Postanovlenie Vremennogo Pravitel'stva ot 20 iyunya 1917 g. "Ob ob"edinenii, v tselyakh vvedeniya vseobshchego obucheniya, zavedeniy raznykh vedomstv v vedomstve Ministerstva narodnogo prosveshcheniya" (o peredache tserkovno-prikhodskikh shkol v vedenie Ministerstva narodnogo prosveshcheniya) [Decree of the Provisional Government of June 20, 1917, "On the unification, in order to introduce universal education, institutions of various departments under the Ministry of Public Education" (on the transfer of parochial schools to the Ministry of Public Education)]. 182. 4 August. Part 1. Art. 1014.
9. *Gazeta Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva.* (1918) Postanovlenie Narkomprosa RSFSR ot 20.01.1918 "Ob uprazdnenii dolzhnostey direktorov, inspektorov narodnykh uchilishch, i gubernskikh direktsiy i inspektsiy" [Decree of the People's Commissariat for Education of the RSFSR of 20 January 1918 "On the abolition of the positions of directors, inspectors of public schools, and provincial directorates and inspections"]. 20 January. 13.
10. *Gazeta Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva.* (1918) Postanovlenie Narkomprosa RSFSR ot 21.01.1918 "Ob uprazdnenii v srednikh uchebnykh zavedeniyakh dolzhnostey direktorov, nachal'nits, inspektorov i zavedyvayushchikh, dolzhnostey pochetnykh popechiteley (popechitel'nits), smotriteley (smotritel'nits), blyustiteley (blyustitel'nits) i ob uchrezhdenii dolzhnostey predsedateley, tovarishchey predsedatelya i sekretarey pedagogicheskogo soveta" [Decree of the People's Commissariat for Education of the RSFSR of 21 January 1918 "On the abolition of the positions of directors, heads, inspectors and managers, positions of honorary trustees, caretakers, guardians in secondary educational institutions and on the establishment of the positions of chairs, deputy chairs and secretaries of the pedagogical council"]. 21 January. 14.
11. *Gazeta Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva.* (1918) Postanovlenie Narkomprosa RSFSR ot 21.01.1918 "Ob uprazdnenii popechiteley uchebnykh okrugov i ikh pomoshchnikov, glavnykh i okruzhnykh inspektorov, sostoyashchikh pri nikh sekretarey i pomoshchnikov sekretarey, a ravno popechitel'skikh sovetov i kantselyariy pri uchebnykh okrugakh" [Decree of the People's Commissariat for Education of the RSFSR of 21 January 1918 "On the abolition of trustees of educational districts and their assistants, chief and district inspectors, secretaries and assistant secretaries, as well as boards of trustees and offices at educational districts"]. 21 January. 14.
12. People's Commissariat for Education of the RSFSR. (1942) *Postanovlenie Narkomprosa RSFSR ot 23.02.1918 "O peredache vsekh uchebnykh zavedeniy v vedenie Narodnogo Komissariata po Prosveshcheniyu"* [Decree of the People's Commissariat for Education of the RSFSR of February 23, 1918, "On the transfer of all educational institutions to the jurisdiction of the People's Commissariat for Education"]. In: *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1917–1918 gg.* [Collection of laws and government orders for 1917–1918]. Moscow: Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. p. 386.
13. *Izvestiya VtsIK*. (1918) Dekret SNK RSFSR ot 05.06.1918 "O peredache v vedenie Narodnogo Komissariata Prosveshcheniya uchebnykh i obrazovatel'nykh uchrezhdeniy i zavedeniy vsekh vedomstv" [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 05 June 1918 "On the transfer to the jurisdiction of the People's Commissariat of Education of educational institutions of all departments"]. 05 June. 113.
14. Valk, S.N. et al. (eds) (1957) Dekret o svobode sovesti, tserkovnykh i religioznykh obshchestvakh [Decree on freedom of conscience, church and religious societies]. In: *Dekrety sovetskoy vlasti: sb. dokl.* [Decrees of Soviet power: Reports]. Vol. 1. Moscow: Politizdat. pp. 371–374.
15. *SU RSFSR.* (1918) Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki (prinyata V Vserossiyskim s"ezdom Sovetov 10.07.1918) [The Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets on 10 July 1918)]. 51. Art. 582.
16. *Izvestiya VtsIK*. (1918) Postanovlenie Narkomprosa RSFSR ot 31.05.1918 "O vvedenii obyazatel'nogo sovmestnogo obucheniya" [Decree of the People's Commissariat for Education of the RSFSR of 31 May 1918 "On the introduction of compulsory joint education"]. 31 May. 109.
17. Council of People's Commissars of the RSFSR. (1942) Dekret SNK RSFSR ot 26.06.1918 "Ob organizatsii dela narodnogo obrazovaniya v Rossiyskoy Respublike (Polozhenie)" [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of June 26, 1918, "On the organization of public education in the Russian Republic (Regulations)"]. In: *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy pravitel'stva za 1917–1918 gg.* [Collection of laws and government orders for 1917–1918]. Moscow: Upravlenie delami Sovnarkoma SSSR. pp. 621–625.
18. *Izvestiya VtsIK*. (1918) Dekret VTsIK ot 16.10.1918 "Ob Edinoy Trudovoy Shkole Rossiyskoy Sotsialisticheskoy Federativnoy Sovetskoy Respubliki (Polozhenie)" [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of October 16, 1918, "On the Unified Labor School of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (Regulations)"]. 16 October. 225.

19. *SU RSFSR*. (1918) Postanovlenie Narkomprosa RSFSR ot 31.10.1918 “O shkolakh natsional’nykh men’shinstv” [Decree of the People’s Commissariat for Education of the RSFSR of 31 October 1918 “On Schools of National Minorities”]. 80. Art. 835 (*Izvestiya VtsIK*. (1918) 31 October. 238; *Sbornik dekretov 1917–1918 gg.* [Collection of Decrees of 1917–1918], 1920).
20. *SU RSFSR*. (1920) Dekret VTsIK ot 27.05.1920 “O narodnom obrazovanii v Tatarskoy Respublike (Polozhenie)” [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of May 27, 1920, “On Public Education in the Tatar Republic (Regulations)”]. 52. Art. 225 (*Izvestiya VtsIK*. (1920) 04 June. 119).
21. *SU RSFSR*. (1918) Dekret SNK RSFSR ot 02.08.1918 “O pravilakh priema v vysshie uchebnye zavedeniya” [Decree of the Council of People’s Commissars of the RSFSR of 02 August 1918 “On the rules for admission to higher educational institutions”]. 57. Art. 632 (*Izvestiya VtsIK*. (1918) 06 August. 166).
22. *Izvestiya*. (1918) Postanovlenie SNK RSFSR ot 2.08.1918 “O preimushchestvennom prieme v vysshie uchebnye zavedeniya predstaviteley proletariata i bedneyshego krest’yanstva” [Decree of the Council of People’s Commissars of the RSFSR of August 2, 1918, “On the preferential admission to higher educational institutions of representatives of the proletariat and the poorest peasantry”]. 165. 4 August.
23. *SU RSFSR*. (1924) Dekret SNK RSFSR ot 18.02.1924 “Polozhenie o rabochikh fakul’tetakh” [Decree of the Council of People’s Commissars of the RSFSR of February 18, 1924, “Regulations on workers’ faculties”]. *19. Art. 190 (Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK*. (1924) 27 February. 48).
24. *SU RSFSR*. (1921) Dekret SNK RSFSR ot 02.09.1921 “O vysshikh uchebnykh zavedeniyakh R.S.F.S.R. (Polozhenie)” [Decree of the Council of People’s Commissars of the RSFSR of September 2, 1921, “On higher educational institutions of the R.S.F.S.R. (Regulations)”]. 65. Art. 486.
25. *SU RSFSR*. (1922) Dekret SNK RSFSR ot 03.07.1922 “Polozhenie o Vysshikh Uchebnykh Zavedeniyakh” [Decree of the Council of People’s Commissars of the RSFSR of 03 July 1922 “Regulations on Higher Educational Institutions”]. 43. Art. 518.
26. Ivkin, V.I. (1999) *Gosudarstvennaya vlast’ SSSR. Vysshie organy vlasti i upravleniya i ikh rukovoditeli, 1923–1991: ist.-biogr. sprav.* [State power of the USSR. The highest bodies of power and administration and their leaders, 1923–1991: A historical biographic reference book]. Moscow: ROSSPEN.
27. *SU RSFSR*. (1925) Dekret SNK RSFSR ot 07.04.1925 “Polozhenie o shkolakh rabochikh podrostkov” [Decree of the Council of People’s Commissars of the RSFSR of 07 April 1925 “Regulations on the schools of working teenagers”]. 22. Art. 162 (*Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK*. (1925) 23 April. 91).
28. *SU RSFSR*. (1925) Dekret SNK RSFSR ot 31.07.1925 “O poryadke organizatsii shkol uchenichestva (fabrichno-zavodskogo, sel’skokhozyaystvennogo i kontorsko-torgovogo) pri predpriyatiyakh i uchrezhdeniyakh, nakhodyashchikhsya v vedenii narodnykh komissariatov i kooperativnykh tsentrov” [Decree of the Council of People’s Commissars of the RSFSR of July 31, 1925, “On the procedure for organizing apprenticeship schools (factory, agricultural and office and trade) at enterprises and institutions under the jurisdiction of people’s commissariats and cooperative centers”]. 56. Art. 433 (*Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK*. (1925) 08 August. 179).
29. *SU RSFSR*. (1925) Postanovlenie VTsIK, SNK RSFSR ot 31.08.1925 “O vvedenii v RSFSR vseobshchego nachal’nogo obucheniya i postroenii shkol’noy seti” [Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People’s Commissars of the RSFSR of August 31, 1925, “On the introduction of universal primary education in the RSFSR and the construction of a school network”]. 69. Art. 543.
30. *SZ SSSR*. (1930) Postanovlenie TsIK SSSR № 43, SNK SSSR № 308 ot 14.08.1930 “O vseobshchem obyazatel’nom nachal’nom obuchenii” [Decree of the Central Executive Committee of the USSR No. 43, Council of People’s Commissars of the USSR No. 308 of 14 August 1930 “On universal compulsory primary education”]. 39. Art. 420 (*Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK*. (1930) 15 August. 824).
31. *SZ SSSR*. (1930) Postanovlenie TsIK SSSR, SNK SSSR ot 23.07.1930 № 237 “O reorganizatsii vuzov, tekhnikumov i rabfakov” [Decree of the Central Executive Committee of the USSR, Council of People’s Commissars of the USSR of July 23, 1930, No. 237 “On the reorganization of universities, technical schools and workers’ schools”]. 38. Art. 411 (*Za kommunisticheskoe prosveshchenie*. (1930) 08 August. 96).
32. *SZ SSSR*. (1934) Postanovlenie SNK SSSR, TsK VKP(b) ot 15.05.1934 “O strukture nachal’noy i sredney shkoly v SSSR” [Decree of the Council of People’s Commissars of the USSR, Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of 15 May 1934 “On the structure of primary and secondary schools in the USSR”]. 26. Art. 205 (*Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK*. (1934) 16 May. 113).
33. *Vedomosti VS SSSR*. (1959) Zakon SSSR ot 24.12.1958 “Ob ukreplenii svyazi shkoly s zhizn’yu i o dal’neyshem razvitii sistemy narodnogo obrazovaniya v SSSR” [Law of the USSR of December 24, 1958, “On strengthening the connection between school and life and on the further development of the system of public education in the USSR”]. 1. Art. 5.
34. *SP RSFSR*. (1959) Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 29.12.1959 № 2027 “Ob utverzhdenii polozheniy o vos’miletney shkole, sredney obshcheobrazovatel’noy trudovoy politekhnicheskoy shkole s proizvodstvennym obucheniem i vecherney (smennoy) sredney obshcheobrazovatel’noy shkole” [Decree of the Council of Ministers of the RSFSR dated December 29, 1959, No. 2027 “On approval of the regulations on an eight-year school, a secondary general educational labor polytechnic school with industrial training and an evening (shift) secondary general education school”]. 21. Art. 180.
35. *Svod zakonov SSSR*. (1990) Zakon SSSR ot 19.07.1973 № 4536-VIII “Ob utverzhdenii Osnov zakonodatel’stva Soyuza SSR i soyuznykh respublik o narodnom obrazovanii” [Law of the USSR of July 19, 1973, No. 4536-VIII “On Approval of the Fundamentals of the Legislation of the USSR and the Union Republics on Public Education”]. 3. p. 200 (*Vedomosti VS SSSR*. (1973) 30. Art. 392).
36. *Svod zakonov SSSR*. (1990) Postanovlenie Sovmina SSSR ot 08.09.1970 № 749 “Ob Ustave sredney obshcheobrazovatel’noy shkoly” [Decree of the Council of Ministers of the USSR of 08.09.1970 No. 749 “On the Charter of a secondary general education school”]. 3. p. 256 (*SP SSSR*. (1970) 17. Art. 132; (1981) 2. Art. 3).
37. *Svod zakonov SSSR*. (1990) Postanovlenie Sovmina SSSR ot 22.01.1969 № 65 “Ob utverzhdenii Polozheniya o srednikh spetsial’nykh uchebnykh zavedeniyakh SSSR” [Decree of the Council of Ministers of the USSR of 22.01.1969 No. 65 “On approval of the Regulations on secondary specialized educational institutions of the USSR”]. 3. p. 368 (*SP SSSR*. (1969) 4. Art. 25; (1981) 2. Art. 3).
38. *SP SSSR*. (1969) Postanovlenie Sovmina SSSR ot 22.01.1969 № 64 “Ob utverzhdenii Polozheniya o vysshikh uchebnykh zavedeniyakh SSSR” [Decree of the Council of Ministers of the USSR of January 22, 1969, No. 64 “On approval of the Regulations on higher educational institutions of the USSR”]. 4. Art. 24.
39. *SP SSSR*. (1972) Postanovlenie TsK KPSS, Sovmina SSSR ot 20.06.1972 № 463 “O zavershenii perekhoda ko vseobshchemu srednemu obrazovaniyu molodezhi i dal’neyshem razvitii obshcheobrazovatel’noy shkoly” [Decree of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR of 20 June 1972 No. 463 “On the completion of the transition to universal secondary education of youth and the further development of a comprehensive school”]. 11. Art. 60.
40. *SP RSFSR*. (1972) Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 20.07.1972 № 426 “O zavershenii perekhoda ko vseobshchemu srednemu obrazovaniyu molodezhi i dal’neyshem razvitii obshcheobrazovatel’noy shkoly v RSFSR” [Decree of the Council of Ministers of the RSFSR of July 20, 1972, No. 426 “On the completion of the transition to universal secondary education of youth and the further development of a general education school in the RSFSR”]. 17. Art. 106.
41. *Svod zakonov RSFSR*. (1988) Postanovlenie VS RSFSR ot 02.08.1974 “O vvedenii v deystvie Zakona RSFSR o narodnom obrazovanii” [Decree of the Supreme Council of the RSFSR of 02 August 1974 “On the Enactment of the Law of the RSFSR on Public Education”]. 3. pp. 270–277 (*Vedomosti VS RSFSR*. (1974) 32. Art. 851).
42. *Svod zakonov RSFSR*. (1988) Postanovlenie VS RSFSR ot 02.08.1974 “O merakh po zavershenyu perekhoda ko vseobshchemu srednemu obrazovaniyu v RSFSR” [Decree of the Supreme Council of the RSFSR of 02 August 1974 “On measures to complete the transition to universal secondary education in the RSFSR”]. 3. pp. 270–279 (*Vedomosti VS RSFSR*. (1974) 32. Art. 849).

43. *Svod zakonov RSFSR*. (1988) Zakon RSFSR ot 02.08.1974 “O narodnom obrazovanii” [Law of the RSFSR of 02 August 1974 “On Public Education”]. 3. p. 245.
44. *SP SSSR*. (1984) Postanovlenie TsK KPSS, Sovmina SSSR ot 12.04.1984 № 313 “O dal’neyshem sovershenstvovanii obshchego srednego obrazovaniya molodezhi i uluchshenii usloviy raboty obshcheobrazovatel’noy shkoly” [Decree of the Central Committee of the CPSU, Council of Ministers of the USSR of 12.04.1984 No. 313 “On the further improvement of the general secondary education of young people and the improvement of the working conditions of a comprehensive school”]. 18. Art. 101.
45. *Svod zakonov SSSR*. (1990) Postanovlenie VS SSSR ot 12.04.1984 № 13-XI “Ob osnovnykh napravleniyakh reformy obshcheobrazovatel’noy i professional’noy shkoly” [Decree of the Supreme Court of the USSR of 12.04.1984 No. 13-XI “On the main directions of the reform of general education and vocational schools”]. 3. pp. 222 (*Vedomosti VS SSSR*. (1984) 16. Art. 237).
46. *SP SSSR*. (1984) Postanovlenie TsK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 12.04.1984 № 315 “O dal’neyshem razvitii sistemy professional’no-tekhnicheskogo obrazovaniya i povyshenii ee roli v podgotovke kvalifitsirovannykh rabochikh kadrov” [Decree of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of 12.04.1984 No. 315 “On the further development of the system of vocational education and the enhancement of its role in the training of qualified workers”]. 19. Art. 104.
47. Aksenova, D.A. (ed.) (2016) *Obrazovatel’noe pravo: ucheb. posobie dlya bakalavrov* [Educational law: textbook for bachelor students]. Moscow: Knigodel.
48. Syrykh, V.M. (2002) *Vvedenie v teoriyu obrazovatel’nogo prava* [Introduction to the theory of educational law]. Moscow: Tsentr obrazovatel’nogo zakonodatel’stva Minobrazovaniya Rossii.
49. Kozyrin, A.N. & Troshkin, T.N. (eds) (2019) *Obrazovatel’noe pravo Rossii: uchebnik i praktikum: v 2 kn.* [Educational law of Russia: textbook and workbook: in 2 books]. Book 1. Moscow: HSE.
50. Zvonarev, A.V., Ladnushkina, N.M. & Pashentsev, D.A. (2017) Razvitie formal’nykh istochnikov obrazovatel’nogo prava v sovetskiy period (1917–1936 gg.) [Development of formal sources of educational law in the Soviet period (1917–1936)]. *Yuridicheskaya nauka.* 3. pp. 52–56.
51. Zvonarev, A.V., Ladnushkina, N.M. & Pashentsev, D.A. (2017) Dinamika formal’nykh istochnikov obrazovatel’nogo prava v sovetskiy period (1936–1985 gg.) [Dynamics of formal sources of educational law in the Soviet period (1936–1985)]. *Yuridicheskaya nauka*. 4. pp. 34–40.
52. Kozhevina, M.A. (2017) Obrazovatel’noe pravo v sisteme sovremennogo rossiyskogo prava [Educational law in the system of modern Russian law]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 3 (66). pp. 36–39.

Информация об авторе:
Хаминов Д.В. – д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, административного права Томского государственного университета (Томск, Россия); зав. кафедрой теории права Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: khaminov@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
D.V. Khaminov, Dr. Sci. (History), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); head of the Department of the Theory of Law, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation**).** E-mail: Khaminov@mail.ru

The author declares no conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 11.01.2022;
одобрена после рецензирования 11.03.2022; принята к публикации 30.06.2022.

The article was submitted 11.01.2022;
approved after reviewing 11.03.2022; accepted for publication 30.06.2022.

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2022. № 479. Июнь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глущенко

Адрес издателя и редакции
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 30.06.2022 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 35,6. Усл. печ. л. 33,2. Тираж 50 экз.
Заказ № 5222. Цена свободная.

Дата выхода в свет 16.11.2022 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. **Учредитель – Томский государственный университет.** «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://www.journals.tsu.ru/vestnik. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: http://www.journals.tsu.ru/vestnik

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: http://publish.tsu.ru
E-mail: rio.tsu@mail.ru